



Зал
славы
зарубежной
фантастики

КИТ ЛОМЕР ГОНКА ПЛАНЕТ

К. Ломер 7 КИТ ЛОМЕР



SPavlenko ©1993



Зал славы
зарубежной
фантастики

КИТ ЛОМЕР

K. Laumer



КИТ ЛОМЕР
ГОНКА
PLANET
.....
PLANET
RUN
K. Laumer



Зал славы зарубежной фантастики

ГОНКА

Keight Laumer

PLANET

Перевод с английского

ПЛАНЕТ

КИТ ЛОМЕР

RUN

Київ
МСП «Альтерпрес»
1993

Редакційна колегія серії:

П.Хазін

В.Каплан

М.Шпулак

К.Лисюченко

**ЭТА КНИГА ДОЛЖНА ПРОДАВАТЬСЯ
ТОЛЬКО В СУПЕР-ОБЛОЖКЕ**

В сборник произведений современного американского писателя-фантаста К.Ломера вошли романы "Гонка планет", "Берег Динозавров", "Миры Империиума", "Обратная сторона времени", а также рассказы "Чума" и "Проверка на прочность". Затерянные звездные цивилизации, загадочные параллельные миры ожидают читателей этой книги.

Ломер Кіт

Л74 Гонка планет: Пер. з англ. — К.: МСП "Альтер-прес", 1993. — 559с.:іл. — (Зал слави зарубіжної фантастики). — Рос. мовою.
ISBN 5-7707-3610-0

До збірки творів сучасного американського письменника-фантаста К.Ломера увійшли романи "Гонка планет", "Берег Динозаврів", "Світи Імперіуму", "Зворотний бік часу", а також оповідання "Чума" і "Перевірка міцності". Загублені зоряні цивілізації, загадкові паралельні світи чекають читачів цієї книги.

Л 470304100-06 без об'яв.
93

ББК 84.7 США

© Упорядкування, художнє оформлення,
емблема і назва серії. МСП "Альтер-прес", 1993

ISBN 5-7707-3610-0

© Супер-обкладинка. Б.Тарасенко, 1993

ГОНКА ПЛАНЕТ

Planet Run

Ace Books ★ New-York ★ 1971



ГЛАВА I

Солнце было теплым. Через закрытые веки он ощущал его горячее оранжевое дыхание. Оно было похоже на рас-светную дымку на планете Фламм. Как давно это было! И Дульчия, первая Дульчия шла к нему, улыбаясь, сквозь ключья тумана.

Что-то коснулось его щеки, он отмахнулся. Чертовы цветомухи. Придется возбуждать отталкивающее поле, хоть он его чертовски не любил. Кости от него гудели, как от тяжелой работы.

Свет его памяти померк. Мрачная, едва уловимая нота тревоги зазвучала во сне. Существовало что-то, что он пытался выудить из своего мозга...

Он вновь почувствовал прикосновение. Сон растаял. Глаза открылись, и, скосив их, он увидел стройную длинноногую молодую блондинку в открытом розовом купальнике с каким-то длинным лохматым стебельком в руке. Она склонилась над его креслом.

— Черт возьми, Дульчи, ты уже слишком взрослая, чтобы ходить в таком виде, — проворчал он.

— Еще нет, дедушка! Я еще только взрослею. Жаль, что ты не видел лицо сенатора Бартоломью, когда я подошла к двери...

— Этот дурак опять здесь?

Капитан Генри закрыл глаза. Внезапно возросло чувство тревоги. Толстый Бартоломью, ныне сенатор Бартоломью, был совсем не дурак. Или по крайней мере он не был дураком сорок лет назад, когда был молодым. Генри, который в то время уже входил в зрелый возраст, почти любил его временами.

Теперь, конечно, он стал сенатором и усвоил современную чопорную манеру двигаться и говорить, неотделимую

от политического имиджа. И все же... чувство тревоги стало сильным, как никогда прежде.

— Отправь его обратно, девочка моя, — ответил Генри. — Ты знаешь, что прерывать мой сон...

— Он говорит, это очень важно, дедушка.

— Важно для него, а не для меня! Я ему уже говорил, что я думаю о его политике, его методах, его мозгах и его вкусах в области выпивки...

Послышался звук притворного покашливания. Генри оглянулся. За девушкой стоял высокий с огромным животом мужчина, кожа его лица обвисла, но черные брови были так же сердито сдвинуты, как сорок лет назад.

— Я подумал, что лучше не скрывать своего присутствия, капитан, — произнес сенатор.

— Ты не услышал бы ничего такого, что я не сказал бы тебе в лицо, Бартоломью, — парировал Генри. — Что на этот раз? Ты с тем же предложением?

Сенатор хмыкнул и сел на стул, предложенный Дульчийей. На какой-то миг девушка оказалась между Генри и солнцем, и он снова окунулся в сон, в котором ее прабабушка брела сквозь светившийся туман планеты Фламм. Девушка ушла со света, и Генри опять очутился лицом к лицу с тяжелой действительностью и сэрм Бартоломью.

Капитан посмотрел на этого средних лет человека с нескрываемой неприязнью. Бартоломью вспотел в своем модном узком из блестящей зеленой ткани пиджаке с короткими рукавами, открывавшими замысловатые манжеты, на которых красовались большие запонки с драгоценными камнями. Трехдюймовый значок с лозунгом предвыборной кампании "Голосуйте за среднестатистического человека!", приколотый к нагрудному карману, сразу бросался в глаза. Агрессивно выпятив нижнюю губу, сенатор посмотрел на старика.

— Я надеялся, что ты передумал, капитан Генри. Так как ты не ответил на мой звонок...

— Если бы хотел сказать что-либо новое, я бы как-нибудь доковылял до телефона... Я пока еще не прикован к постели!

Бартоломью стянул с головы темно-бордовый берет и помахал им как веером.

— Это дело всепланетной важности, капитан! Коразон — перспективный мир. Конечно, ты не позволишь себе из-за соображений личного характера...

— Черта с два! — прорычал капитан Генри. — Я Пограничным мирам свое отдал. Сто пятьдесят лет! Всего

лишь десять лет в отставке, и тут ты начинаешь докучать мне...

— “Докучать” — неверное слово, капитан. Я предлагаю тебе замечательную возможность. У тебя будет лучшее оборудование...

— Я предпочитаю солнечный свет. Я знаю, что ты соорудил крышу над своим городом, чтобы не пускать в него свежий воздух, но мне он нравится.

— Я прошу всего лишь об одном: пройди курс омоложения еще раз, за мой счет.

Генри взглянул на толстяка.

— Ага, за твой счет. Я прошел три курса. Мне сто тридцать пять лет, и я ощущаю каждый прожитый месяц. Ты знаешь, к чему приведет четвертое омоложение.

— Но я видел последний медицинский отчет о твоём здоровье. Ты в отличной форме для своего возраста. Лечение не сделает тебя снова юношей, но оно полностью восстановит твои силы...

— Я буду казаться молодым, несколько месяцев. Через год я завяну, как вчерашняя гардения, а через три буду дряхлой развалиной. И тогда мне будет все равно, протяну я еще год или нет. — Он откинулся на спинку и закрыл глаза. — Вот так-то, сенатор. Тебе придется поискать другого мальчика для поручений.

— Ты рассматриваешь все это поверхностно, капитан! Новый мир, который будет открыт для переселенцев, — первый за шестьдесят лет! Это поручение, как ты его называешь, займет только несколько месяцев твоего времени, после чего ты не только будешь испытывать удовлетворение от того, что внес ценный вклад в развитие Пограничья, но и станешь обладателем славного состояния!

Генри открыл один глаз.

— Почему бы тебе не послать одного из средне-статистических кандидатов? Если он достаточно хорош для того, чтобы быть представителем планеты в Совете, он, наверняка, в состоянии справиться с таким ерундовым заданием, как это.

— Ты слишком легковесно говоришь об очень серьезных делах. Наш кандидат, будучи представителем средних слоев общества Альдорадо, без сомнения, подходящая кандидатура, воплощение высочайших принципов демократического правления...

— Опустим предвыборную речь, я не голосую за среднего человека.

Покрытый сеткой жил нос сенатора потемнел. Бартоломью глубоко вдохнул через раздувавшиеся ноздри.

— Что касается обсуждаемого дела... — трезво проговорил он, — высокая оценка твоих... ну... специальных знаний перевесила все другие соображения.

Бегающие глаза сенатора остановились на Генри.

Капитан отвел глаза в сторону. Некоторое время он смотрел на свое собственное лицо, отраженное в спинке стула. Оно было похоже на побитое временем изваяние из древнего дуба.

— Ну и какие специальные знания ты имеешь в виду?

Рот Бартоломью искривился в напоминавшей улыбку гримасе.

— Капитан, ты ведь старый волк, тебе известны все космические переулки, своеобразные нравы далеких миров. Ты бы не спасовал перед бандитами, которых можно встретить на Коразоне, выпутался бы из самой сложной ситуации и взял, что хотел. Думаю, ты бы знал, что делать дальше, — добавил он, разглядывая носок своего туфля.

— Ну ты-то знаешь, не так ли? — Генри изучал лицо своего собеседника. — Мне осталось двадцать лет на то, чтобы нюхать цветочки. Интересно, что могло бы заставить меня бросить это занятие и искать гибели у черта на куличках?

— Тебя интересует окись алюминия? — как бы между прочим спросил Бартоломью.

Внезапно чувство тревоги вернулось. Пожалуй даже, это была не просто тревога. Словно ледяные тиски сжали внутренности..

— В форме, известной под названием корунд, — добавил сенатор.

— К чему ты клонишь? — резко спросил Генри.

Теперь настала очередь Бартоломью помолчать. Его взгляд остановился на девушке, загоравшей у бассейна в нескольких ярдах от них.

— Дульчи, пора завтракать, — крикнул капитан.

Она подняла голову, взглянула в лицо Бартоломью, затем встала и пошла через лужайку.

— Ну? — произнес Генри ровным голосом, обращаясь к сенатору.

Тот подвинул стул вперед, вытащил наркотическую палочку, потом, как бы вспомнив о чем-то, предложил такую же Генри. Капитан махнул рукой, отказываясь.

— Со времени своего открытия более века назад Горазон был закрытой планетой, — посетитель выдохнул в сто-

рону капитана ароматный дым. — Под очень строгим карантинном. Но ты ведь был там однажды...

— Конечно. Во время независимого разведывательного полета — еще до того, как Карантинная Служба услышала об этом мире. А что?

— Ну... — глаза Бартоломью остановились на тлеющем кончике наркотической палочки. — Только то твое путешествие было возможно закончено, а, возможно, и нет... Ты провел на планете несколько месяцев.

— Ну и...

— И кое-что нашел.

— Ты рассказываешь или спрашиваешь?

— Рассказываю, капитан, — ответил Бартоломью спокойно. — Я тебе еще кое-что расскажу. Корунд имеет различное применение. Его можно использовать в производстве в качестве отличного шлифовального материала. Но он может принимать и более привлекательные формы, известные нам как рубин, изумруд, сапфир, восточный топаз, аметист и так далее, — голос Бартоломью теперь напоминал мурлыканье. — Рынок сбыта натуральных камней, таких, как я однажды видел на твоей внучке, когда мой Лэрри пригласил ее на выпускной бал, неограничен.

Он сделал паузу. Генри наблюдал за ним без какого бы то ни было выражения. В голосе Бартоломью послышались хриплые нотки.

— Я знаю о твоей карьере, капитан, фактически все. Последние несколько недель только этим и занимался, — он выпустил дым, наслаждаясь сложившейся ситуацией.

Генри молча наблюдал за ним.

Ты всегда жил скромно... — Бартоломью обвел рукой сад, бассейн, старомодную стеклянную теплицу. — Но однажды ты был богатым человеком. "Однажды" — вот главное слово.

— Неужели?

— Именно так, — подтвердил Бартоломью. — Ты жил согласно принципам, а не соображениям выгоды. Капитан, любой бизнесмен скажет тебе, что это неправильно. И теперь у тебя остались только этот дом и доход, едва достаточный для того, чтобы ты, старик, мог посидеть на солнышке, да еще кредит, предоставляемый тебе благодаря тем камням, что ты так неосторожно позволил надеть своей внучке. Я с точностью до пенни знаю, во сколько тебе оценили эти камни.

— Какое отношение имеет одно к другому? — прорычал Генри.

— Эти камни являются наследством Дульчии, — ответил Бартоломью.

— А тебе что с этого? Я их получил честным путем.

— Что ты говоришь? Согласен, что ты никому не должен ни цента, я бы знал об этом. Но ты владеешь камнями... — его глаза сузились и почти исчезли в складках жира. — Случайно я узнал, что ты был на Коразоне по крайней мере дважды уже после того, как было объявлено, что планета под карантином.

Генри не шевелился, его губы искривились в холодной улыбке.

— Это было очень давно, если вообще было. Более ста лет назад.

— Закон о давности срока не распространяется на случаи контрабанды. Речь ведь идет о последнем путешествии. Сто четыре года тому назад, если быть точным, не так ли? Ты опоздал сюда на неделю, твоя жена умерла без тебя.

Генри резко подался вперед. Его взгляд скрестился со взглядом сенатора.

— Оставь в покое мою жену, — проревел он.

— В чем дело, капитан? — Бартоломью развел в стороны свои белые толстые руки. — Ты ведь не мог не знать о том, что ты ей необходим. Или все же не знал? Конечно, жаль, что ты слишком поздно вернулся сюда с камнями, которые помогли бы оплатить спасительную для нее операцию. Опоздал всего на неделю. Но твоя совесть не должна тебя мучить... хотя, думаю, тебе тяжело, учитывая, что рядом твоя правнучка — точная копия той, кому ты позволил умереть...

Генри шевельнулся. Совсем чуть-чуть. Просто слегка перенес вес на левый локоть и правый кулак, лежавшие на подлокотниках кресла. Но Бартоломью внезапно замолчал. Его обвисшее лицо напряглось.

— Полегче, капитан, — пробормотал он.

— Никогда не говори о моей жене, — повторил Генри бесцветным голосом.

— Да-да, конечно, — Бартоломью облизал губы.

Генри медленно вернулся в прежнее положение. Сенатор глубоко вздохнул, его голос окреп.

— В принципе, это не имеет значения, — сказал он. — Я хочу вспомнить о том, что произошло после того, как ты вернулся. Речь идет о Коразоне и о твоём незаконном путешествии. Капитан, ты по-прежнему герой, по-прежнему первый и величайший из старых открывателей Пог-

раничья. Лично тебе Карантинная Служба ничего не сделает. Но камни конфискует, если вдруг кто-нибудь шепнет им на ухо, что неплохо бы сравнить их с другими образцами минералов, добытыми на Коразоне.

Он замолчал и взглянул в глаза Генри. Тот ответил на взгляд, губы его презрительно искривились.

— И этим человеком будешь ты. Ты это хочешь сказать?

Сенатор не ответил, но его молчание было красноречивее всяких слов.

— Не пойму тебя. Ты можешь нанять целую армию головорезов для похода на Коразон.

Бартоломью сухо кивнул.

— Но тебе нужен я, старый потрепанный космический волк, и только потому, что ты думаешь, будто мне кое-что известно?

— Я отлично знаю, что тебе кое-что известно! — разозлился Бартоломью. — Господи, да ведь на этом деле можно сделать состояние. Я дам все, что тебе необходимо. Если я буду поддерживать твоё вступление во владение недвижимостью, ты сможешь успешно застолбить участок и на законном основании владеть теми камнями, которые нашел более ста лет назад!

Вдруг Генри засмеялся безрадостным смехом, от которого глаза у сенатора полезли на лоб.

— Понятно, — произнес капитан. — И как ты собираешься делиться?

— Учитывая риск и большие стартовые расходы...

— Сколько?

— ... И принимая во внимание то, что мне известно твое прошлое, — девяносто процентов мне, а десять тебе. — Бартоломью улыбнулся обворожительной улыбкой и глубоко затянулся дымом наркотической палочки.

Генри схватился за подлокотники узловатыми руками и рывком встал.

— Вон! — крикнул он.

Обвисшие щеки сенатора побледнели. Уронив наркотическую палочку, он тяжело встал.

— Не смей разговаривать со мной подобным образом... — начал было он.

Генри сделал шаг вперед. Его горло жгло, словно вокруг бушевал огонь, перед глазами стал стучаться непрозрачный туман. Кровь в висках стучала, словно били там-тамы.

Бартоломью отступил назад, еще, еще... и остановился. Его расплывшееся лицо окаменело. В молодые годы он

отличался немалым ростом — хотя и тогда был на полголовы ниже высоченного Генри и на целую треть его легче.

— Ты бы убил меня, если бы счел это необходимым, не так ли, капитан? — произнес он тихо.

Стоя рядом с ним, Генри изо всех сил сдерживал себя, подавляя рвущуюся наружу ярость.

— Не дразни меня, Бартоломью, — хрипло ответил он.

— Я тебе доверяю, — сенатор громко засмеялся. — Так как мы здесь одни, я тебе кое-что скажу. Я тоже могу убить, если до этого дойдет. Я уйду! — поспешно добавил он, когда Генри сделал шаг вперед. — Но подумай над моим предложением, я все-таки знаю кое-что о тебе, камнях и Коразоне. Время, оставшееся до отправки корабля, неумолимо тает. Подумай о своей правнучке. Что ее ждет, если она останется без гроша и без надежды на то, что она с детства ждала. Ну разве что выгодный брак...

— Например, с твоим щенком Лэрри! — проревел Генри, бросаясь вперед.

Бартоломью повернулся и побежал. Генри сделал несколько шагов, вслед за ним, но остановился, тяжело дыша. Затем заковылял к бассейну, посмотрел сквозь прозрачную воду вниз на разноцветный грот, из которого бил источник минеральной воды, наполнявший бассейн.

— Драгоценные камни! — пробормотал он, затем позвал, — Дульчия!

... И даже он не мог сказать наверняка, была ли подошедшая девушка той, которая покинула его всего несколько минут назад, или его давно ушедшей из жизни любовью.

— Жаль, что ты не видел сенатора, дядя Амос, — сказала Дульчия.

Она налила кофе Генри и передала бутылку бренди маленькому с индюшиной шеей человеку, который быстро осушил стакан, шумно вздохнул и налил еще.

— Хм! Действительно жалко, что меня здесь не было! — он подмигнул девушке и потянул себя за кончик уса. — Сенатор привык получать то, чего добивается. Думаю, что впервые он получил отпор.

Капитан Генри хмыкнул, взял старинную сигару из тяжелой серебряной коробки на столе. Девушка поднесла ему зажигалку. Аромат табака смешался с запахом горящего в камине дерева.

— Этот чертов человек — настоящий дурак, — пробормотал он смущенно. — Гладит меня против шерсти,

щебечет, словно птичка во время линьки, и говорит все не то, что надо.

Девушка наполнила свою чашку и села.

— Дедушка, а почему Бартоломью хочет, чтобы ты отправился на Коразон?

Амос хихикнул.

— Потому что он отлично знает, что твой прадедушка — единственный человек в Альдорадо, который может открыто ступить на Коразон и вернуться назад с головой на плечах, не говоря уже о том, чтобы отхватить славный участок.

Генри выпустил облако дыма, откинулся назад, положив длинные ноги на стульчик, вырезанный из редкого дерева и обшитый серой шкурой какого-то зверя. Хотя поза его была расслабленной, в сужившихся глазах и в развороте плеч чувствовалось напряжение.

— С Пограничьем покончено. Коразон — последний вздох умирающего. Это суровый мир: скалы, лед и тундра. Там нет места, где бы мог жить человек.

— Но ты как-то сказал, что для человека, имеющего страсть к авантюрам, это последняя возможность.

— Конечно, если бы он был хоть немного пригоден для жизни, его давным-давно бы заселили.

— Не знаю... Я слышал, Карантинная Служба набрела там на какой-то забавный минерал, поэтому-то они и закрыли его на сто лет.

Темные птичьи глаза Амоса неожиданно впились в Генри пристальным взглядом.

Генри спокойно встретил взгляд своего друга, его собственные глаза были невыразительными, как слова казенной бумаги.

— Я припоминаю, — сухо проговорил он, — времена, когда здесь, в Секторе, были новые зеленые миры. В чем беда сегодняшнего человека — так это в среднестатистической чепухе. Нет новых границ, куда можно было бы отправиться повоевать.

— Если только, — мягко вмешался Амос, — ты не учишься Коразон.

— Это не для педерастов Партии Среднего Человека...

— Вот он, мир, который можно занять, — Амос подбросил полено в огонь, вернулся на свое место, потирая руки. — При помощи новых технологий они переделают его. Тридцать миллионов квадратных миль территории: фермы, шахты, порты, земля, на которой через несколько лет вырастут города, открытая тундра, где можно выпасать

миллионы голов северного скота, горы и водопады, речные и морские пляжи... И все это, ничье, ждет того, кто придет и приберет все это к рукам. Да ради такой ставки любой игрок, пират, охотник за удачей и мошенник на сорок парсеков вокруг продаст свою надежду на то, что ему удастся избежать ада...

— И мистер Бартоломью хочет, чтобы дедушка отправился туда?

— Конечно, я помню первый поход, в котором мы с ним были вместе, — это было на Адобе, — Амос повернулся к девушке. — Мы заявили свои права на наши законные сто квадратных миль — кусок выжженной пустыни, такой крутой с одной стороны, что ни один человек не смог бы туда взобраться. Девять дней я ставил его на кон в заведении Честного Мака на Петраке и выиграл почти полконтинента... а потом проиграл все Маку.

Глаза Дульчини загорелись.

— Это на вас похоже. А дедушка принимал участие в каких-либо еще походах?

Амос кивнул своей лысой веснушчатой головой.

— Ага, последний раз здесь, на Алдорадо. К этому времени он уже поумнел, захватил славный кусочек земли, прикрытый горами, с лесом, с видом на море и с естественной бухтой, которая может принять любой лайнер.

— Ну, дядя Амос, вы говорите об этом самом месте, бухте Тиволи и Молле.

— Именно так, — кивнул он.

Девушка повернулась к своему прадеду.

— Но в таком случае ведь город должен быть твоим.

Амос покачал головой.

— Нет. В то время Генри был молодым. Это было еще до его второго омоложения. Здесь было полно людей, которые остались ни с чем, без денег, без земли, дети кричат и все такое. Твоему деду земля была не нужна, для него все это было всего лишь забавой. И он отдал ее им. Единственное, о чем он попросил, — это маленький кусочек земли, дом и сад, чтобы было где обосноваться, когда ему захочется покоя.

— Ты хочешь сказать, что все эти люди, сенатор Бартоломью и все остальные обязаны целым городом и всем этим тебе, дедушка? И после всего они... — она замолчала.

— В основном их прадедушки, девочка моя, — сказал Генри. — Эти люди мне ничего не должны. Я получил то, что хотел.

— И все они пыхтят изо всех сил, чтобы выбрать делегатом своего глупого статистического среднего человека. Почему бы им не избрать тебя, дедушка? Ты для них сделал так много, как никто другой!

— С чего бы мне вдруг захотелось стать делегатом, Дульчи? Я хочу сидеть на солнышке и греть свои старые кости...

Он искоса взглянул на нее. Темные большие глаза... О боже, как сейчас в свете камина она была похожа на свою прабабушку!

— Ты думаешь о вечной жизни, — сказал он. — Забудь об этом...

— Почему я должна об этом забыть! Ты сможешь снова быть молодым и оставаться таким много-много лет — никто не знает сколько! Если бы только подобное лечение существовало тогда, когда ты открывал Пограничье, ты бы получил право на него. За исключительные заслуги перед расой, как сейчас получают исследователи и ученые.

— Ну, — улыбнулся Генри. — Значит, я упустил свой шанс...

— Но ты еще можешь получить его! Все делегаты получают такое лечение. А тебе достаточно пошевелить пальцем — и тебя выберут. Здешние люди помнят...

— Я не политик, Дульчи. И не хочу им быть. И не хочу жить вечно. Я прожил свою жизнь. Более чем достаточно. Я видел, как уходили мои друзья, — все, кроме Амоса. Они погибли, умерли от старости или просто исчезли. Вселенная уже не такая, какой она была в дни моей юности. Наступили дни статистически среднего...

— Перестань, дедушка!

— Нет-нет, девочка моя. Им я нужен такой, каким был, а не такой, как сейчас, старая развалина.

— Старая развалина! — воскликнула Дульчи сердито. — Ты по-прежнему любого из них за пояс заткнешь.

— Мягко говоря, дорогая, — вмешался Амос, — в молодые годы он был самым беспринципным, самым диким, самым сильным дьяволом в космической службе. Много раз я пытался обойти его. Но так и не смог. Он оказывал на меня слишком большое влияние.

— Это было давным-давно, — улыбнулся капитан Генри. — Мы жили одной жизнью и ни о чем не жалели. А сейчас у нас есть кресло у камина. Пусть все так и останется.

Амос налил себе еще, привычным жестом опрокинул стакан и уставился на огонь.

— В то время шла война. Твой прадедушка как раз заплатил за чудесный маленький пятидесятитонный грузовой катер, всегда уходивший от таможенного патруля. Ну вот, Генри подписал контракт на продолжение службы во время войны. Его назначили лейтенантом запаса, через два года он был уже капитаном действующей армии, а его суденышко — обгоревшей развалиной.

— Дедушка! Ты мне никогда не рассказывал о том, что принимал участие в войне...

— Попроси, пусть Амос как-нибудь тебе покажет свои медали. Он забыл упомянуть о том, что я находился в той самой развалине, когда ее подбили. Он меня вытащил...

— Ой, дедушка, как было бы замечательно, если бы ты прошел еще один курс омоложения и показал бы им всем...

Генри посмотрел на тлевший кончик сигары.

— Ты что, хочешь, чтобы я принял предложение Бартоломью?

— Нет, конечно, не хочу! Я хочу, чтобы ты остался здесь и жил долго-долго. Я просто хотела сказать, что...

— Ну ладно, я слегка преувеличил. Если я пройду еще один курс, может, у меня и будет добрых пять лет... — он замолчал, посмотрел на часы на стене — память о старом Марсе. — Уже поздно. Как там насчет того грандиозного бала, на который ты собиралась с молодым Бартоломью?

— Я не пойду, — коротко ответила она.

— Что? Сегодня утром ты так спешила в Молл за платьем, что даже завтрак не доела...

— Я не хочу идти.

— погоди, дорогая. Из-за того, что партия Среднего Человека, возглавляемая Бартоломью, не хочет, чтобы я был делегатом, не стоит лишать себя удовольствия...

— Дело не в этом...

— Гм... Какую часть нашего разговора с сенатором ты подслушала сегодня?

— Я слышала, как он сказал, будто ты что-то украл! Ему должно быть стыдно.

— Он назвал Генри вором и ему это сошло? Хотелось бы мне играть с ним в паре, с его-то везеньем...

— Итак, ты думаешь, что, встретившись с этим парнем, ты обидишь старика? — Генри покачал головой и улыбнулся. — Грехи стариков не распространяются на детей. Надевай свое бальное платье и отправляйся на танцы, повеселись...

— Сынок Бартоломью не годится для такой девушки, как Дульчи, — перебил его Амос. — Вечно прилизан, на руках ни царапины...

— Заткнись, Амос. Лэрри не хуже остальных молодых людей, получивших изысканное воспитание... — Генри нахмурился. — Сегодня юношей другого типа не существует...

— Лэрри и такая девушка, как Дульчи! Ты должен...

— Иди, Дульчи. Мы с Амосом хотим немного поговорить, — капитан сделал паузу, чтобы откусить кончик новой сигары и раскурить ее, вдохнул дым и строго взглянул на девушку. — Оставь драку нам, старикам. Думаю, что я смогу справиться со старшим Бартоломью.

Звук турбомобиля Дульчи растаял вдали. Капитан Генри смотрел на огонь, покуривая сигару. Неожиданно он вынул ее изо рта и швырнул в камин.

Амос искоса взглянул на него.

— Какую взятку предлагает сенатор? — спросил он.

Генри засопел.

— Десять процентов от шахты с драгоценными камнями, которую я спрятал у себя в рукаве.

Амос присвистнул.

— С кем он разговаривал?

— Мне самому интересно было бы узнать.

— Итак, сенатор считает, что тебе кое-что известно, — Амос снова присвистнул. — Слушай, а это идея, Генри...

— Ты слишком стар для идей, Амос. Наливай себе, подставь под ноги скамеечку и придвись к огню — вот и все твои заботы.

— Ты думаешь? В том, что подсовывает сенатор, что-то есть. Эти сегодняшние сосунки... В них нет того, что нужно. Посмотри на сенаторского сына: играющий в теннис желторотик, с лицом младенца. Он и недели не протянет в походе. А ты и я, Генри... — Амос подался вперед, глаза его заблестели. — Мы могли бы отправиться туда и хорошо пожить.

— Сколько тебе лет, Амос? — неожиданно спросил Генри.

— Что? Ну, я еще совсем мальчик — сто пятьдесят два.

— А сколько времени прошло после последнего омоложения?

— Сорок пять или сорок шесть, ... — глаза его по-прежнему горели. — О чем ты говоришь, Генри. Мы не из тех, кто отправляется спать, когда вечеринка еще не

кончилась. Осесть и считать дни до похорон — какая чушь! Я хочу рискнуть еще раз, капитан! Ясно, что я долго не протяну, но я хочу снова испытать чувство голода, снова целовать девушек и подраться в каком-нибудь баре...

— Забудь об этом, Амос. Ты слишком стар. Омоложение убьет тебя.

— Забыть! Как бы не так! Слишком стар! — Амос подскочил, как чертик из коробочки, швырнул сигарету через плечо. — Я достаточно молод, чтобы предпринять еще одну попытку.

— Успокойся. Если бы дело было только в силе духа, ты жил бы вечно. Но в действительности все намного сложнее. Омоложение в твоем возрасте не подействует. И этого не изменишь.

— Так ты собираешься сидеть здесь, в то время как горстка безбородых юнцов приберет к рукам Коразон?

— Будь разумным, Амос. Мне не нужно и метра на Коразоне. Я имею достаточно.

— Да, конечно. А как же девушка? Как быть ей?

— С ней все будет в порядке. Она умная девочка.

— Конечно, конечно... Она умная. Выйдет замуж за такого легковеса, как мастер Бартоломью, и проведет остаток дней, стирая его шелковые носки, в то время как он будет организовывать агитацию за статистически среднего человека. Ты этого хочешь?

— Интересно, что привело тебя сюда сегодня, Амос? — Генри взглянул на него, их глаза встретились.

Казалось, почти забытое чувство опасности разбудило сонный воздух сада.

— Я стараюсь быть в курсе дел, капитан, — голос Амоса стал другим — тверже, увереннее... — До меня доходят разные слухи. Я слышал, у сенатора появилась идея-фикс: уговорить тебя на еще одно омоложение, а потом нанять для нового похода.

— И что? — голос Генри был по-прежнему ровным и уверенным.

— А то, что у старика Бартоломью есть секретарь. Он любит выпить. Я угостил его пару раз, и он разболтался...

— А не капнул ли ты пару капель чего-нибудь розового в его стакан, Амос? — Генри не скрывал иронии.

— Мы не о том говорим, — сухо ответил Амос. — Я сказал тебе, этот педик заговорил.

— Что бы он ни сказал, — слова Генри звучали, словно удары молота, — это ничего не меняет!

Их взгляды снова встретились. Амос глубоко вздохнул.

— Генри, что там на Коразоне? — спросил он.

Капитан долго не отвечал. Затем взял еще одну сигару и яростно откусил кончик.

— Иди к черту!

— Вот что, — ответил Амос холодным и ровным голосом. — Если бы речь шла только о тебе, я бы сказал: ну и черт с твоей ненужной старой шкурой. Но этот педик сказал, что это связано с Дульчи...

Генри выдернул сигару изо рта и запустил ее в камин.

— Ты сегодня переводишь слишком много хорошего импортного курева, — заметил Амос. — Ладно, больше ничего не скажу. Только мне помнится, ты раньше умел улаживать дела и находить компромиссные решения. Хотя тебе это, кажется, не приносило пользы до тех пор, пока ты не начал подходить к решению сложных вопросов с позиции выгоды.

Генри пристально посмотрел на собеседника.

— Бартоломью не неуязвим, ты прекрасно это знаешь, — тихо продолжил Амос. — Если он забросил крючок на Дульчи, может, я смогу кое-что разнюхать о его сыночке...

Генри неожиданно выпрямился. Амос резко замолчал, его горящие глаза следили за капитаном.

— Коразон — настоящий ад, Амос, — задумчиво произнес Генри.

— Конечно, — согласился Амос, — все Пограничные миры — это ад, но мы могли бы доставить себе удовольствие, умирив его хоть чуть-чуть... — на мгновение взгляд Амоса смягчился и стал мечтательным... — Еще одна прогулка перед большой темнотой. Помнишь, капитан, что почувствуешь, когда у тебя под ногами палуба, а ты, несмотря на все преграды, мчишься вперед...

— Черт тебя бери, Амос, — тихо сказал Генри, и в его глазах появился какой-то новый свет; он встал, выпрямил спину. — Может, мне и есть что сказать старому Бартоломью.

Амос вскочил на ноги, громко расхохотался, похлопывая Генри по плечу.

— Вот это мысль, капитан! Пусть он напевает мелодию, слова к ней придумаем мы!

Генри черкнул короткую записку Дульчи, положил ее на стол. Затем приятели вышли через кухню в гараж. Капитан Генри скользнул за руль низкого черного лимузина, запустил двигатель, понесся по дороге. Ночь была ясной, высоко в небе повисла Хоуп — большая луна,

а бледный диск маленькой Дрим только показывался над верхушками тополей.

Генри выехал на прибрежную дорогу и помчался по пустому гудронированному шоссе к светящимся башням Молла.

Сенатор Бартоломью в расшитом блестками халате стоял в дверном проеме и переводил глаза с Генри на Амоса.

— Что случилось? — выдохнул он, остановив взгляд на высоком старике с огрубевшим лицом и белыми жесткими коротко подстриженными волосами. — Сейчас полночь...

— Сегодня ты приезжал ко мне, сенатор, и просил сделать для тебя какую-то работу. Я здесь, чтобы ответить на твой вызов.

— Ты... согласен? — сенатор отступил назад, приглашая пришедших войти и нервно приглаживая свои седеющие волосы. — Это просто замечательно! Здорово! Но почему, во имя порядка, ты не сказал об этом днем?..

Генри обвел взглядом слабо освещенную, роскошно обставленную гостиную.

— Я делаю это не во имя порядка. Я делаю это просто, чтобы сделать. Думаю, что я подремал на солнышке достаточно, чтобы продержаться некоторое время, а может, перспектива видеть твою постную физиономию, каждый раз, когда мне что-либо необходимо в Молле, показалось мне слишком мрачной. Какая разница? Я здесь.

— Да... — Бартоломью кивал, потирая руки. — Замечательная новость, капитан. Я был уверен, что ты одумаешься, то есть я знал, что у тебя есть чувство товарищества.

— Да, как в общественной бане! А теперь, прежде чем идти дальше, давай проясним некоторые вещи. Во-первых, все делится пятьдесят на пятьдесят.

Бартоломью подскочил, словно его чем-то кольнули.

— Послушай, разговор шел о...

— Половина моей правнучке, половина твоему сыну, — продолжал Генри.

Тяжелые брови Бартоломью полезли на лоб.

— Лэрри? — У него был ошарашенный вид.

— Мне не нравится идея работать на тебя, сенатор, а твой банковский счет и так перегружен.

Бартоломью тяжело дышал.

— Я с самого начала думал только о будущем мальчика, но почему ты проявляешь интерес... — он неожиданно замолчал, пристально посмотрел на Генри, за-

тем понимающе кивнул. — Ага, думаю, что понимаю. Твоя правнучка и Лэрри.

— Пожалуй, тебе лучше на этом остановиться, — произнес Генри ледяным голосом.

Бартоломью подергал лацканы своего халата.

— Очень хорошо, не будем болтать попусту. Но выгода будет подсчитана после всех расходов, имей в виду!

— Отлично. Значит, соглашение достигнуто.

Бартоломью подергал себя за губу.

— Ты меня удивляешь, капитан. Я и не думал, что ты неравнодушен к моему мальчику.

— Он заслуживает своей доли, сенатор, он ее зарабатывает.

— Эй, Генри! — начал было Амос.

— Заткнись, Амос, это мое дело.

У Бартоломью перехватило дыхание.

— Послушай, — пробормотал он. — Ты ведь не хочешь сказать...

Капитан Генри кивнул.

— Хочу, хочу, сенатор. Ты что думаешь, что я отправлюсь туда один?

— Это что — дурацкая шутка?

Глаза Генри блеснули под белыми бровями.

— Ты хочешь, чтобы я отправился на Коразон. Я отправлюсь, но только в том случае, если твой статистически средний сын отправится со мной.

Бартоломью вытирал лицо огромным расшитым цветочками платком. Швырнув его на пол, он повернулся к капитану.

— Нет. Я тебе уже десять раз повторил. Бери любого другого человека, но не трогай моего мальчика!

Генри повернулся к двери.

— Пошли, Амос. Я еду домой, в кровать, там мое место...

Сенатор бросился ему наперерез. Лицо его было пунцовым. Он поднял палец и помахал им перед носом капитана.

— Ты думаешь, когда на карту поставлено благосостояние планеты, можно устроить себе развлечение, выдвигая фантастические условия? Что за безумные шутки... Ты... Ты...

— Минуту назад ты называл это благородным предприятием, а сейчас говоришь о безумных шутках.

— Я не это имел в виду! Ты перекручиваешь мои слова!

— А ты не перекручивай моих, сенатор. Давай выясним раз и навсегда. Ты рискуешь своим капиталом, я — своей шеей. Я вернусь — твой мальчик тоже — с добрым куском Коразона, и это сделает нас всех слишком богатыми, чтобы общаться с кем-либо.

— Мне кажется, я понимаю. Тебе нужен заложник! Ты мне не доверяешь!

— Может, дело и в этом, если ты хочешь откровенности.

Бартоломью вытащил новый платок, промокнул лицо, вытер за ушами.

— Мой мальчик не готов к подобным делам, — сказал он. — Он слабый, он устал, работая на своей Территории...

— Знаю-знаю, политик никогда не спит, но он также не дышит свежим воздухом, не чувствует прикосновения прямых солнечных лучей к своей коже, не ест сырого мяса и не спит в носках. Он получит возможность проделать все это во время похода.

— Капитан Генри, ты ставишь под угрозу чудесную возможность из-за мстительности. В этом Секторе уже никогда не будет другого похода. Ближайшие неколонизированные миры в сотнях лет пути от нас!

Капитан посмотрел на сенатора Бартоломью. Долгое, бледное, обрюзгшее лицо, несколько подбородков, влажные пухлые руки, выпирающее брюшко.

— Твой сын, сенатор, — сказал Генри спокойно, — или я не двинусь с места.

Бартоломью не сводил глаз с капитана, желваки так и играли на его лице.

— Хорошо, — прошептал он. — Мой сын полетит с тобой.

— Ну а теперь, — деловито заговорил Генри, — мне нужен новехонький разведывательный катер — генди, класс инамората, он должен быть доставлен сюда в виде груза, независимо от расходов.

— Но это будет стоить не одну тысячу... — Бартоломью глотнул. — Согласен.

— То же касается его снаряжения. Я составлю список — и не задавать никаких вопросов.

Сенатор кивнул.

— Нечего напускать на себя вид старой девы, соглашающейся лишиться своей девственности, — сказал Генри. — Это ради успеха предприятия. Позови своих адвокатов, и мы подпишем бумаги сейчас же. И свяжись с Клиникой по омоложению, скажи, что я направляюсь туда.

— Да-да, конечно. Это первое, что я сделаю утром. Я позвоню доктору Спенглеру, как только откроется его учреждение...

— К черту завтра! Я уже готов. До завтра я могу умереть.

— Умереть? Ты ведь не болен?..

— Не волнуйся. Ночь я протяну.

— Но уже перевалило за полночь.

— Ну да, — вмешался Амос. — А в Антиподе уже четверть десятого утра. Если капитан хочет что-то сделать, он делает это немедленно!

— Хорошо... — Бартоломью подергал пурпурные лацканы своего халата. — Вы наслаждаетесь ситуацией, но нет причины грубить.

— Есть, — рявкнул Амос. — Мы должны поддерживать репутацию вспыльчивых старых задир. Это одно из немногих удовольствий, которые нам остались.

Сев в машину, Генри перешел на третий уровень и направился в сторону блестящего шпиля Медицинского центра.

— Ну скажи, Генри, — спросил Амос, — что ты затеял с этим сосунком? Для чего нам нужны эти шелковые подштанники?

— Просто мне нужен член команды.

— Что ты хочешь сказать? — голос Амоса охрип от возмущения. — Я что...

— Нет. Ты отлично знаешь, что тебе нельзя проходить еще одно омоложение. И я не уверен на сто процентов, что мне можно.

— Ну подожди хоть секундочку, Генри! Я с самого начала занимался этим...

— Извини, Амос, — более мягко произнес Генри. — Ты знаешь, что ты мне нужен — но факты есть факты... К тому же путешествие может пойти мальчику на пользу.

Какое-то время Амос сидел молча.

— Так вот почему ты вдруг так легко поддался на уговоры, — сказал он наконец. — Полагаешь, что сможешь сделать из мальчика мужчину?

— Возможно. Тщательно изготовленному образцу идеального среднего человека Алдorado не повредит оказаться за пределами города с искусственным климатом.

— Ты делаешь ошибку. Молодой Бартоломью все свое время тратит на теннис и статистику. Он станет тебе обузой при первой же трудности.

— Надеюсь, что нет. Из-за множества причин.

Образ первой Дульчи задрожал перед ним. Казалось, она взвешивает его мотивы, глядя на него своими ясными серыми глазами.

Под сине-белыми лампами Клиники омоложения капитан Генри наблюдал, как доктор нервно расставляет приборы.

— Это самое нелепое из того, что я когда-либо слышал, — бросил он.

Это был крошечный, похожий на птицу человек с громадными глазами, прикрытыми затененными контактными линзами.

— Человек вашего возраста, среди ночи... Надо пройти десяток проверок, измерений, сдать химические анализы, побыть по крайней мере недели три на специальной диете — а я всего лишь проверил ваш пульс. И вы хотите, чтобы я поместил вас в регенерационную камеру и подверг ваш метаболизм семидесятичасовому глубокому шоку...

— У меня всего три месяца, чтобы добраться до места действий, — сказал Генри. — И мне нужны все мои лошадиные силы, чтобы успеть. У меня нет трех лишних недель.

— Я знаю веские причины для отказа, — Спренглер внимательно посмотрел на Генри. — Речь идет о профессиональной этике.

— Я дал расписку. В конце концов это моя шея.

Доктор сердито схватил шприц, взял Генри за руку.

— Отлично, но, что касается ответственности, я умываю руки. Я вам не гарантирую улучшения даже на двенадцать месяцев, — он выпустил жидкость, швырнул инструмент на стол, нервно вытер руки.

— Ложитесь на стол, капитан, вы почувствуете действие укола мгновенно. Будь что будет. Обратного пути уже нет. — Казалось, его голос раздавался откуда-то издалека. — Надеюсь, вы отдадите себе отчет в том, что делаете...

ПОСЛЫШАЛИСЬ ЗВУКИ, КОТОРЫЕ ТО ПРИБЛИЖАЛИСЬ, ТО ИСЧЕЗАЛИ: ГРОХОТ ПУШКИ, КРИКИ, ГОЛОСА ИЗ ПРОШЛОГО. БЫЛИ МОМЕНТЫ ОСТРОЙ БОЛИ, И ОН БОРОЛСЯ, НАПАДАЯ НА ВРАГА, КОТОРЫЙ ВСЕГДА БЫЛ ПЕРЕД НИМ. СВЕТ ОСЛЕПИТЕЛЬНО СИЯЛ, ЗАТЕМ НАСТУПИЛА ТЕМНОТА, ЧЕРЕЗ КОТОРУЮ ОН ПЛЫЛ ОДИН БЕЗ СКАФАНДРА. ПУСТОТА КОСМОСА. А В ЕГО ТЕЛЕ УЖАСНАЯ БОЛЬ, НАКАТЫВАВШАЯСЯ НЕУМОЛИМЫМИ ВОЛНАМИ...

ПОТОМ ЕМУ ПОКАЗАЛОСЬ, ЧТО ОН ПОВИС, ОЩУЩАЯ БОЛЬ КАЖДОЙ КЛЕТОЧКОЙ, СЛОВНО

ОГРОМНЫЙ НОЮЩИЙ ЗУБ. ПОД НИМ СГУЩАЛОСЬ ЧТО-ТО ТВЕРДОЕ. НОГИ, РУКИ ПОКАЛЫВАЛО. ОН ПОПЫТАЛСЯ ВСПОМНИТЬ, ЧТО ПРОИЗОШЛО, НО НЕ БЫЛО НИЧЕГО, ТОЛЬКО ГОЛОС, РАЗДРАЖАЮЩИЙ ГОЛОС, КОТОРЫЙ ПРОБИВАЛСЯ, ВРЕЗАЛСЯ, ВЛАМЫВАЛСЯ В ЕГО СОЗНАНИЕ...

— Просыпайтесь! Просыпайтесь!

Он открыл глаза. Над ним плавали расплывчатые очертания лица. Лицо было приятным, похожим на уже виденное в жизни или во сне... Он закрыл глаза, окунувшись в благодатную темноту...

— Он выходит! — теперь голоса звучали резко, они врезались в его нервы, словно пила.

— Уходите, — пробормотал он.

Внезапно он почувствовал, что во рту у него язык. Сухость и мерзкий привкус...

— Воды, — прохрипел он.

Чьи-то руки подняли его, какие-то люди засуетились вокруг его тела. Он почувствовал, как снимают ремни, затем холодное прикосновение шприца. Он уже сидел, голова кружилась, но глаза осматривали маленькую светлую комнату.

— Вы заставили нас волноваться, капитан, — произнес высокий голос.

Капитан попытался сосредоточиться, человек был ему знаком...

— Сто восемь часов, — продолжал голос.

Теперь он вспомнил. С ним был Амос...

— Где Амос? — его вопрос прогремел в ушах.

Генри глубоко вздохнул, почувствовал резкую боль, которая быстро прошла. Он затряс головой.

— Мне нужен Амос...

— Его... его здесь нет, капитан.

— Он не дождался?

— Мистер Эйбл... не перенес.

— Не перенес чего? — У капитанаросло чувство крайнего раздражения. — Что вы за человек? Сюда его сейчас же!

— Вы не поняли, капитан. Его организм не смог выдержать нагрузки...

— Где он?... — Генри, шатаясь, поднялся на ноги. — Подержите меня!

— Он умер, капитан, — произнес худощавый человек. — Омоложение... для него это слишком... Он умер четыре часа назад. Я сделал все, что смог.

— Вы подвергли Амоса омоложению? Зачем, идиот чертов?

— Но он сказал, что вы так приказали, — Спренглер сделал жест в сторону накрытого простыней стола. — У меня даже не было времени...

Генри сделал шаг к столу, пытаясь сохранить равновесие, оттянул простынь. С воскового лица с тонким носом, ввалившимися щеками на него глядели глаза, отрешенные, как у статуи фараона.

— Амос... — капитан Генри растерянно посмотрел на врачей. — Он был моим партнером... с самого начала.

— Он оставил... это для вас.

Доктор протянул белый конверт. Генри вскрыл его.

ЕСЛИ ВСЕ ПРОЙДЕТ ХОРОШО, ТО Я БУДУ ТЕБЕ ЛУЧШИМ ПАРТНЕРОМ, ЧЕМ ШЕСТЕРО ЗЕЛЕННЫХ ЮНЦОВ ВМЕСТЕ ВЗЯТЫХ. А ЕСЛИ НЕТ — ТОГДА УДАЧНОЙ ПОСАДКИ, ГЕНРИ. ЖАЛЬ, ЧТО МЕНЯ С ТОБОЙ НЕ БУДЕТ.

АМОС ЭЙБЛ.

Генри положил руки на плечо Амоса, через кожу и простыни почувствовал кости.

— Ты не дождался. Ты ушел вперед без меня...

Через час капитан Генри стоял под ультрафиолетовыми, отфильтрованными лучами в городе Молл. С одной стороны его поддерживала Дульчия, стройная в своем облегающем светло-зеленом костюме, подчеркивающим золотистый цвет волос; с другой — нервно болтавший доктор Спренглер.

— Отличный результат, капитан. Откровенно говоря, я удивлен. Думаю, что не ошибусь, сказав, что мы достигли индекса старости примерно ноль целых четыре десятых.

— Дедушка, я так волновалась, — девушка чуть не рыдала. — Ты так слаб...

— Он быстро восстановит силы, — Спренглер уверенно закивал. — Через неделю он восстановит старую форму. То есть новую форму.

Доктор засмеялся от собственного каламбура.

К ним подкатила низкая широкая машина, сиявшая светло-серым фарфором и ослепительным хромом. Из нее выскочил высокий стройный юноша с короткими вьющимися волосами, одетый в модный спортивный костюм.

Он подошел к Генри, взял его за локоть.

— Приятно увидеть вас таким бодрым, сэр, — проговорил он. — Дульчия была сама не своя...

— Дедушка, это низко, уехать, а мне оставить только записку! — вмешалась девушка.

Юноша помог Генри сесть в машину, обошел ее и сел на переднее сиденье; когда он обернулся, на его правильном лице была вежливая улыбка.

— Я, конечно же, был рад, когда узнал, что вы согласились взять меня в это путешествие, капитан. Я уверен, что получу от него огромное удовольствие. С нетерпением жду старта.

Генри откинулся назад, чувствуя, как за ухом стекает пот. Он посмотрел на парня тяжелым взглядом.

— Чертовски сомневаюсь в том, что ты наговорил, сынок, — сказал он. — Человек, который был лучше любого из нас, умер во имя этой гонки. Возможно, еще до того, как она закончится, ты пожелаешь себе того же.

Улыбка сползла с лица молодого человека.

— Дедушка! Какие ужасные вещи ты говоришь Лэрри.

— Знаю, — ответил Генри. — Но сейчас не время для бодрящих разговоров о том, как выгодно работать бригадой. У меня не то настроение. Я еду домой и заваливаюсь спать на сорок восемь часов, а затем мы приступим к работе.

— Хорошо, капитан, — сказал молодой Бартоломью. — Я ожидаю, что...

— Боль делает с ним такие вещи, каких не ожидаешь, — оборвал его Генри. — Подтяни потуже пояс, мальчик, у нас впереди шестьдесят тяжелых дней, а потом будет еще тяжелее.

ГЛАВА II

Размахивая наркотической палочкой, сенатор Бартоломью швырнул листы на стол перед капитаном.

— Этот список фантастичен! — заорал он. — Ты тратишь тысячи, тысячи, слышишь! На что?

Он хлопнул по бумаге влажной ладонью.

— Батарея трехсантиметровых беспредельных усилителей, огромный всеволновой экран, пульт управления огнем, разработанный для боевого корабля! Ты что, спятил? Ты отправляешься в мирное путешествие, а не в десантную атаку...

— О-хо-хо... — Генри весело рассмеялся в лицо пузатому финансисту. — Сделаю все, чтобы оно было мирным,

сенатор, даже если мне придется прорваться для этого через целую армию. Между прочим, у меня для тебя есть новый список оборудования.

Он похлопал по своим карманам, подошел к столу, заглянул в ящики.

— Дульчи! — позвал он. — Где список, который мы составили сегодня утром?

В двери появилась голова девушки.

— Лэрри забрал его пару минут назад... А, доброе утро, сенатор Бартоломью.

Бартоломью фыркнул.

— Теперь мой мальчик служит у тебя обыкновенным посыльным, так? Полагаю, это твой способ отомстить мне за какую-то воображаемую обиду.

— Ну что вы, сенатор. Лэрри сам вызвался. Он все равно ехал в Молл.

— Не обращай внимания на замечания сенатора, — сказал Генри. — У него, наверное, что-то не в порядке с желудком. Давай выйдем и посмотрим на корабль, я хочу тебе кое-что показать.

— Послушай! Я притащился сюда, чтобы поговорить с тобой! — рявкнул Бартоломью.

— Приходи, когда будешь чувствовать себя получше. — Генри взял девушку за руку, повел ее к машине.

— В самом деле, дедушка. Ты не должен так выводить его из себя.

— А ну его к черту. Сегодня слишком хороший день, чтобы дышать дымом от наркотика.

Он повел машину под уклон в сторону серебристого пикообразного носа корабля.

— Он действительно красив, — сказала Дульчия. — Ты уже решил, как его назвать.

Генри остановил машину в тени пятидесятифутового судна, зависшего на четырех стройных опорах среди сложенных в кучу ящиков. Мужчины в комбинезонах прекратили работу и восхищенно смотрели на девушку. Генри пошарил на заднем сидении и извлек завернутую в шуршащую бумагу бутылку.

— В ответ на твой последний вопрос, — произнес он. — У меня есть вот что.

Он сорвал бумагу с тяжелой бутылки и поднял ее. Этикетка гласила "Пайпер Хайдсик — экстра брют". Так что, если ты согласишься оказать честь...

— Ой, дедушка... — Девушка, хихикнув, взяла шампанское. — Сейчас так странно называть тебя дедушкой, ты такой... лихой...

— Не волнуйся, девочка. Разбей ее о кормовые трубы и дай кораблю имя.

— Ты действительно хочешь, чтобы я это сделала? Сейчас? Когда нас только двое? Можно позвать Лэрри?

— Конечно. Зови.

Девушка возбужденно подошла к полемому экрану, нашла юношу в офисе. Через минуту его алый спортивный автомобиль сорвался с места у административного здания. Он со скрипом затормозил у их лимузина. Лэрри Бартоломью вышел, поздоровался с Генри, улыбнулся Дульчи.

— Какой торжественный случай, настоящее шампанское... — он слегка нахмурился.

— Не волнуйся, — сказал Генри. — Я сам за него заплатил! Ну, вперед, девочка моя, давай его окрестим.

Дульчия подошла к кормовым трубам.

— Дедушка, ты мне еще не сказал, как мы его назовем.

— “Дегвелло”.

— “Дегвелло”? — повторила Дульчия.

— Очаровательный выбор, — прокомментировал Лэрри, кивая. — Это старое испанское слово, неправда ли?

— Да, это так.

Дульчия вздохнула, взяла бутылку за горлышко.

— Я даю тебе имя “Дегвелло”, — закричала она и швырнула бутылку.

Стекло разбилось, вино запенилось, золотой ручей побежал вниз по ярким пластинам. Рабочие зашумели, к их голосам присоединился рев Генри. Лэрри заплодировал

— Ну, капитан, полагаю, мне лучше вернуться к своим... обязанностям, — сказал он, когда осколки были сметены.

— Неплохая мысль, Лэрри. Тебе пора в спортзал.

— Да, — Лэрри улыбнулся слегка натянуто.

Направляясь к автомобилю, он помахал Дульчи так, словно давал какой-то условный знак. Отвернувшись в сторону Генри показалось, что она слегка подняла руку в ответ. Но когда он повернулся к ней, она была совершенно бесстрастна.

— Лэрри выглядит намного лучше с тех пор, как ты заставил его работать над собой... и выходить под открытое солнце. Я думаю, что путешествие пойдет ему на пользу, — она посмотрела на прадеда с неожиданной серьезностью. — Ведь будет не так опасно, как говорил Амос? Правда?

— Это будет пикник, — сказал Генри весело, взяв ее за подбородок — еще пару недель, и мы не будем тебе докучать.

— Я не перестаю твердить себе... чем скорее вы отправитесь, тем скорее вернетесь назад.

— Не падай духом. Как насчет того, чтобы пообедать в Огненном Дворце, а потом поплавать у Кастл Риф?

Дульчия схватила его за руку.

— Как здорово! Я должна с тобой кое о чем поговорить.

— О чем?

Он внимательно посмотрел на нее.

Она отпустила его руку и отошла танцующей походкой. Слегка озадаченный, он последовал за ней к машине.

Обед в Огненном Дворце оказался отменным, какой и можно было ожидать. После обеда они посидели на террасе, глядя на сгущавшиеся над морем сумерки, затем переоделись и спустились на пляж.

С наступлением ночи, они поплавали, после чего Генри, пребывавший в удивительно хорошем настроении, зажег огромный костер. Сила вернулась к нему, и ему доставляло удовольствие снова схватить руками здоровенное бревно, которое два обычных человека едва бы подняли, швырнуть его в ревущий огонь и наблюдать, как во все стороны разлетаются гаснущие искры. Его опьянило возвращение бодрости, в избытке чувств он не заметил, как затихла Дульчия. И только упав на песок рядом с ней, он увидел, что она сидит молча, обхватив руками колени, спокойная и задумчивая.

Капитан пристально посмотрел на нее, девушка отвернулась, но он успел заметить, что в ее глазах блестят слезы.

— Дульчи, милая моя, — он обнял ее, но она покачала головой.

— Не надо, дедушка, со мной все в порядке. В самом деле, все в порядке... Это от того, что ты так счастлив. Дедушка... расскажи мне о ней...

— О ней? — он нахмурился.

— Ну ты знаешь... о моей прабабушке. Она действительно была похожа на меня?

— Я тебе тысячу раз говорил, что была.

— Должно быть... — она по-прежнему не смотрела на него, — она чувствовала себя ужасно, когда ты покидал ее, отправляясь к другим планетам...

Внезапно смертельный холод зашевелился в нем. Чувство вины, которое дремало все эти годы, выползло из темных глубин его мозга и набросилось на него. Но Дульчи — эта Дульчи, современная молодая девушка — продолжала говорить:

— Дедушка, я сказала тебе, что хочу тебе кое-что рассказать, — она наконец повернулась к нему. — Это касается Лэрри. Я люблю его.

Холод теперь окутал его и снаружи, словно он был заморожен в куске льда.

— Любишь?

Она кивнула.

— Теперь ты понимаешь. Существуют только два человека, которых я люблю, теперь, когда умер Амос, и оба они отправляются в этот опасный поход.

— Дульчия... — язык не слушался его. — Я сказал тебе, что волноваться не о чем. Не о чем...

— Разве? Действительно не о чем? — Она изучала лицо своими серыми глазами. — Ты мне всегда говорил правду, дедушка. Но сейчас ты мне говоришь, что волноваться не о чем, а Лэрри говоришь совсем другое. Ты знаешь, почему он отправляется с тобой, дедушка? Знаешь?

— Ну, его отец посылает его...

— Дедушка, перестань и подумай немного! — она говорила почти со злостью. — Это для тебя Лэрри просто мальчик, а для самого себя, сенатора и всех на этой планете он мужчина, причем мужчина, который может добиться высокого политического поста. Отец Лэрри не может послать его туда, куда он не захочет отправиться. Лэрри полетит с тобой, потому что он хочет этого, а ты даже не знаешь причины!

Генри напрягся.

— Какова же причина? — резко спросил он.

— А как ты думаешь? Ты! — она посмотрела на него одновременно с любовью и с отчаянием. — Ты не знаешь, никогда не знал, что о тебе думают люди. Разве ты не знаешь, что ты герой, живая легенда для людей нашего с Лэрри возраста? Для их родителей ты, может, по-прежнему простой человек, но для моего поколения ты живая, дышущая страница истории. Теперь ты понимаешь, почему Лэрри даже и не подумал сомневаться, когда отец сказал ему, что ты хочешь взять его с собой в поход на Коразон?

Генри хмыкнул.

— Но ты напугал его до полусмерти! — продолжала Дульчия. — По-твоему, он ничего не может сделать так, как надо, и тебе придется все время за ним присматривать. Он стал таким рассеянным, что наступает себе на ноги, в разговоре вдвое чаще, чем обычно, употребляет эти глупые модные слова. Но он готов отдать свою руку, чтобы тебе угодить. Дедушка, я знаю!

Генри растроганно посмотрел на нее. Где-то в глубине его мозга, там, где жила память о ее прабабушке, распахнулась маленькая дверь, и ему захотелось поверить в то, что она только что сказала.

Но тут неожиданно перед его внутренним взором возник образ сенатора. Толстый, обрюзгший человек с жестоким сердцем. Мальчик был плоть от плоти своего отца. Если в нем есть что-то стоящее, то оно проявится, когда путешествие выбьет из него изысканные манеры и всякую чепуху. До тех пор маленькая дверь в мозгу Генри будет закрыта.

— Хорошо, милая, я буду помнить об этом, — проговорил он, ласково похлопав ее по плечу.

Капитан вскочил на ноги, как отпущенная пружина.

— А теперь нам лучше домой. Завтра великий день.

Они взяли полотенца и направились к лимузину. По дороге домой Дульчия вдруг прервала молчание.

— “Дегвелло”, — сказала она неожиданно. — Когда я крестила корабль, Лэрри сказал, что это староиспанское слово. Что оно означает?

Вдруг Генри почувствовал, что она внимательно на него смотрит. В свете луны ее лицо казалось белым. И уже произнося слово, он понял, что его губы сжались, и услышал, словно эхо, мрачную ноту в голодной ярости: “Головорез”.

Через окно Генри смотрел на белую полосу пляжа, извивавшуюся вокруг утеса и расширявшуюся возле блестящего пузыря Молла и прямоугольника порта. Стоявший в порту корабль отражал яркие лучи солнца. Внизу копошились крошечные фигурки: сенатор Бартоломью и его Комитет среднего статистического, должно быть, уже начинали терять терпение.

Капитан повернулся, посмотрел в длинное зеркало. Облегающие, отделанные серебряным шнуром черные брюки были заправлены в выдавшие виды, но до блеска начищенные корабельные ботинки. Он взял с кровати короткий мундир, надел его поверх белой шелковой рубашки. Серебряные пуговицы, золотые галуны на ман-

жетах сияли на фоне королевского синего цвета. Он застегнул широкий, расшитый серебром пояс, на котором сбоку висело надеваемое на торжественные церемонии оружие, и улыбнулся.

Худошавое, бронзовое лицо с зелено-синими глазами и короткими светлыми с проседью волосами улыбалось ему в ответ. Он открыл дверь и пошел по коридору, потом вниз по лестнице в гостиную.

Дульчия повернулась, ее глаза округлились.

— Ой, дедушка!

Он усмехнулся.

— Пошли, дорогая, отправление через сорок минут.

Они сели в лимузин, помчались по извилистой дороге, вдоль пляжа, напрямик через площадку у здания портовых служб, с визгом остановились у корабля.

У красной бархатной, преграждавшей подход к кораблю веревки толпились в ожидании нарядно одетые горожане. На платформе служебной лестницы стояла кучка официальных лиц.

— Все здесь, — у Дульчии перехватило дыхание. — Посмотри, Глава Совета... и...

И у каждого в запасе речь, но боюсь, что я не смогу их всех выслушать.

Генри вышел из машины, подал руку Дульчии. Шум в толпе усилился. В их сторону стали показывать пальцами, засверкали вспышки.

— Дедушка, ты намеренно опоздал, — прошептала де-вушка. — Это нечестно, я хотела посмотреть, как все тебя приветствуют.

— Где молодой Бартоломью?

Они пересекли открытое пространство, поднялись на платформу. Невысокий узкоплечий человек вышел вперед, протянул руку, поднес ко рту микрофон.

— Мистер мэр, — начал он, его усиленный голос гре-мел, — почетные гости, граждане Алдорадо...

Капитан Генри взял микрофон у него из руки.

— Мы стартуем через двадцать одну минуту, — сказал он сухо. — Всем отойти за желтую линию. Где мистер Бартоломью?

Внизу возникло движение. Лэрри пробрался сквозь толпу, поднялся на платформу. Он был упакован в доро-гой корабельный костюм со множеством ремешков и пряжек.

— А, капитан, я как раз прощался с...

Капитан Генри прикрыл рукой микрофон.

— Поднимайся на борт, Лэрри. Начинай отсчет. Ты знаешь, как это делать...

— Конечно, я знаю, — голос юноши дрожал от напряжения. Его глаза скользнули мимо капитана к Дульчий. — Но я не вижу...

— Мистер, это приказ! — мягко сказал капитан Генри.

Бартоломью покраснел, резко повернулся и ступил во входной люк. Капитан Генри посмотрел на застывших с открытыми ртами официальных лиц.

— Хорошо, джентльмены. Всем уйти. При запуске двигателя опасная для жизни зона составляет сто ярдов в радиусе.

Он повернулся к своей правнучке, обнял ее и небрежно поцеловал в лоб.

— Девочка моя, лучше убирайся отсюда. Поезжай к утесу и смотри оттуда. Оттуда лучше видно.

Она обхватила его шею руками.

— Дедушка, будь осторожен... и возвращайся назад целым и невредимым...

— Не возражаю, — ответил он, потрепал ее по щеке и повернул к лестнице.

Затем весело помахав толпе, закричал в микрофон:

— Стартовая бригада, отведите опоры, отсоединяйте питание и прячьтесь...

Внутри корабля Генри вскарабкался по короткой лестнице, пахнувшей свежей краской, в красиво оформленный центр управления. Лэрри лежал, пристегнутый ремнями, в правой люльке, наблюдая за миганием красных, зеленых, желтых и голубых огоньков на пульте, занимавшем половину отсека.

Он бросил на Генри укоряющий взгляд.

— Капитан, у меня даже не было возможности помахать Дульчий...

Стоявший в мигающем многоцветии панели Генри снял с себя расшитый галунами мундир, бросил тяжелый пояс с декоративным оружием в стенной ящик.

— Лэрри, давай сразу же проясним некоторые вещи, — спокойно сказал он. — До сих пор мы развлекались и играли...

Капитан достал из ящика простой черный костюм, стал его надевать.

— Но игры кончились, — продолжал он. — Ты отправляешься в путешествие, и, может быть, если будем очень осторожны и нам очень повезет, мы вернемся домой. А пока давай сосредоточим каждую клеточку нашего мозга и

усилия на ждущей нас работе — и будем надеяться, что этого достаточно.

Бартоломью посмотрел на Генри с сомнением.

— Вы явно преувеличиваете, капитан. Дело только в том, чтобы выбрать подходящий участок и застолбить его...

— Все гораздо сложнее. В этом мероприятии задействованы огромные деньги. Из того, что мне удалось выяснить, я знаю, что некоторые из самых крутых ребят Сектора примут участие в гонке. На новую землю сегодня трудно набрести; нам не получить своего без драки, — он достал из ящика второй костюм, кинул его Бартоломью. — Лучше сними свой наряд Микки Мауса и надень это. У тебя есть пять минут до взлета.

Бартоломью выбрался из люльки, принялся переодеваться.

— Это очень дорогой костюм, — сказал он, аккуратно его складывая. — Подарок от Совета Сектора...

— Туфли тоже, — перебил Генри. — Прибереги свои бальные туфли для вечеринок по случаю нашего возвращения.

— Послушайте, капитан, мой отец заказал эти туфли специально для меня, они лучшие из тех, которые можно купить. Он особенно настаивал на том, чтобы я носил именно их...

— Ну ладно, в конце концов, это твои ноги, Лэрри. Но помни, они поведут тебя по некоторым очень странным местам.

— Вы так говорите, что можно подумать, будто мы сумасшедшие самоубийцы...

— Конечно, — капитан устроился в своей люлке, пристегнулся, подсоединился к системе жизнеобеспечения. — Все самоубийцы сумасшедшие. Пристегивайся и готовься к старту.

Экран засветился.

— Ноль минус одна минута, — раздался голос, — стартовая площадка пуста, обратный отсчет.

Послышались щелчки.

— Минус пятьдесят секунд...

Генри наблюдал за секундной стрелкой своих часов.

— Сорок секунд. Тридцать секунд. Двадцать секунд. Десять секунд...

Бартоломью прокашлялся.

— Капитан... — начал он.

— Теперь уже слишком поздно менять решение, Лэрри.

— ... восемь... семь... шесть, — гремел голос.

— У меня осенью важное предвыборное собрание, — сказал Бартоломью. — Я просто хотел спросить, когда мы вернемся.

В глубине корабля послышался рев. Загудели реле.

— Если повезет, через три месяца, — ответил Генри.

— ... три... два... один...

На заднем экране замигала розовая лампочка. Послышался глухой гул. Капитан Генри почувствовал давление, сначала мягкое, потом сильнее и наконец яростное, отбросившее его назад. Гул усиливался, превратился в мощный рев, который все нарастал и нарастал. На тело словно положили свинцовую плиту.

— А если нам не повезет, — прохрипел Бартоломью.

Капитан Генри натянуто улыбнулся.

— В этом случае, — с трудом произнес он, — вопрос о сроках вообще отпадает.

— Кажется, меня стошнит, — выдохнул Бартоломью.

— Наверняка, — рассеянно проговорил капитан, следя за показателями приборов. — Главное, чтобы потом ты убрал за собой.

— От этого меня тошнит еще больше...

— Сейчас твой желудок должен быть пуст. Почему ты не сделал укол Ноль-?

— Я слышал, от него потом... плохо себя чувствуют.

Генри кинул ему белую капсулу.

— Проглоти это. Через несколько минут ты будешь в порядке. А примерно через час я введу корабль в режим вращения, надо только закончить проверку последней мачты.

Он спокойно проговорил это в микрофон, делая пометки на доске.

Прошел час. Капитан Генри настроил приборы, снова послышался гул. Тела слегка прижало к люлькам, потом давление усилилось.

— Сейчас обычная сила тяготения, — весело сказал Генри. Он отстегнул ремни и выпрыгнул из люльки. — Через несколько минут тебе будет лучше.

— Давление было ужасным, — вяло сказал Бартоломью. — Казалось, прошла целая неделя...

— Всего девять часов. Я не хотел подвергать тебя перегрузке более чем двойной — и себя тоже. Он достал из ящика какие-то детали и принялся собирать у одной из стен отсека маленький прибор, затем надел простой пояс для оружия, вставил пистолет в кобуру, расставил ноги,

резко выхватил его, прицелился и нажал курок, на краю экрана загорелся яркий огонек, который медленно угас. Капитан снова спрятал пистолет в кобуру, снова резко достал его и произвел еще один беззвучный выстрел.

— Что вы делаете? — свесился Бартоломью из своей люльки.

— Практикуюсь в стрельбе. Два часа из каждых двенадцати каждый из нас будет заниматься этим до тех пор, пока мы не научимся попадать десять раз из десяти. Лучше выбирайся оттуда и привыкай передвигаться в космосе. Я увеличиваю вращение на один оборот в час. До Кора-зона двадцать девять дней пути. К тому времени, как мы доберемся туда, мы будем работать при полуторной силе тяготения.

— Для чего?

— Полезно для мышц. А теперь за дело. Когда уберешь за собой, мы спустимся к двигателю, и я объясню тебе твои обязанности.

— О Боже, капитан! Я ведь не кочегар какой-нибудь!

— Пока нет, но будешь!

— Капитан, я квалифицированный администратор. Я думал, что в этом путешествии моими исключительными обязанностями...

Генри повернулся к нему.

— Начинаяе драить палубу, мистер. А когда закончите, у вас появятся другие обязанности — и ни одна из них не является легкой или приятной!

— Такова моя роль в этой миссии? — щеки Бартоломью порозовели. — Выполнять всю грязную работу?

— Я поведу этот корабль. Я буду находиться в отсеке управления двадцать часов из двадцати четырех, оставшиеся четыре часа я буду восстанавливать свои рефлексы. Если у меня останется свободное время, я приму участие в повседневной работе. Если нет, ты будешь делать все сам.

Поднимаясь по лестнице, капитан услышал наверху голос.

Он тихо подошел к двери и увидел, что Бартоломью, высокий и худой в черном костюме, стоит в дальнем углу отсека, его пояс с оружием сполз по узким бедрам вниз.

— Отличный негодяй, — пробормотал юноша.

Он выхватил учебный пистолет, выстрелил, вспышка зеленого цвета осветила отсек управления.

Он вложил пистолет в кобуру, повернулся, затем резко развернулся назад.

— Ага! — прошептал он. — Ты думал, что сможешь подобраться ко мне незамеченным...

Он вскинул пистолет, снова выстрелил... Вспышки не последовало.

— Черт возьми! — Бартоломью поправил пояс, снова отвернувшись, затем резко выстрелил через плечо. И был награжден вспышкой.

— Ха! — произнес он.

Он дунул в ствол пистолета и спрятал его в кобуру.

— Неплохо, — сказал Генри, входя в комнату. — Из тебя еще может получиться неплохой стрелок.

Бартоломью подпрыгнул.

— Я... просто тренировался, ... — он снял пояс, бросил его в ящик. — Хотя должен признаться, что не могу вообразить себе ситуацию, в которой потребуется подобный навык.

— Она не заставит себя ждать, когда на тебя нападут какие-нибудь негодяи.

Бартоломью покраснел.

— Нужно же как-то развлекаться, чтобы убивать время.

— Если тебе нравится, называй это развлечением, только продолжай тренироваться. В ближайшем будущем от этого может зависеть твоя жизнь.

— Вы, несомненно, преувеличиваете опасность, капитан. Все эти разговоры о наемных убийцах и противниках были к месту на Алдорадо, когда вы расписывали трудности предприятия...

— Если ты вообразил, будто поход — это нечто вроде вылазки за яблоками, забудь об этом. Нам придется помериться силами с людьми, которые привыкли брать то, что хотят, а о последствиях думают позже — гораздо позже.

Лэрри нетерпеливо улыбнулся.

— Ну, может быть, в старые времена, век назад, беспринципные личности и совершали некоторые из зверств, о которых ходят слухи, но не сегодня. Сейчас другие времена. Правила, установленные Советом...

— Правила, установленные Советом, просто замечательные: разожгите костер, когда ваши дрова высохнут.

Генри устроился в люльке лицом к Бартоломью.

— Коразон — пережиток старой эры. Его держали под карантином семьдесят пять лет, по причине какого-то забавного дела с исчезающими вирусами и из-за бюрократической инертности. Дни расширения границ Сектора в

прошлом. Это последняя, единственная возможность, так что каждый отчаявшийся тип в этом конце Галактики, который сможет выпросить, одолжить или украсть корабль, ринется в этот район, стремясь оторвать себе кусок. На Коразоне каждый будет сам за себя, и черт меня возьми, если я промедлю с выстрелом...

— Но представители Совета — судьи...

— Сколько их? Сотня? И ни один из них не хочет, чтобы его убили. Конечно, они регистрируют твою заявку на участок, предоставят карту, проверят, нет ли взрывоопасных веществ в твоём кармане, сделав вид, что ничего не нашли.

— Но, капитан, несколько здравомыслящих честных претендентов могут легко объясниться, создать отряд обороны и решать организационные проблемы как разумные люди.

— Ты не найдешь здравомыслящих претендентов. Здравомыслящие люди сидят дома и покупают драгоценные камни у предпринимателей после того, как развеется дым от выстрелов.

Бартоломью надулся. За две недели, прошедшие со дня старта, его волосы отрасли и стали завиваться над ушами и на шее.

— Тогда каким образом мы собираемся захватить этот рассадник преступной деятельности и застолбить себе участки?

— Вот это разумный вопрос. Я рад, что ты проявляешь интерес к таким мелочам. Это позволяет мне надеяться, что ты успеешь проснуться до того, пока будет слишком поздно, и начнешь принимать все это всерьез.

Генри подошел к столу, щелкнул выключателем. На экране появилась карта.

— Большое дело — знать, что ты хочешь. Официальные карты дают очертания материков и отмечают некоторые горячие места, например, пустыни, действующие вулканы и так далее. Остальное — забота покупателя.

— Но это глупо! Официальные лица наверняка подробно знакомы с территорией...

— Да, но это лишает дело всякой романтичности. Смысл в том, чтобы все партии имели одно и то же препятствие: невежество. Но в результате на Коразон летают последние тридцать лет, производят воздушную съемку, промеряют бухты, добывают минералы...

— Невозможно! Карантинная Служба...

— ... Состоит из людей. Смешных, ошибающихся, подкупаемых людей. Не все одинаковы, конечно. Даже не большая часть. Но нужно подкупить только одного служащего Карантинной Службы, чтобы очутиться на планете и выбраться с нее с добычей.

— Но мы не сможем тягаться с теми, кто имеет подобную информацию...

— Конечно, не смогли бы, если бы у нас не было хорошей собственной неофициальной карты.

Бартоломью посмотрел на карту на экране. Генри pokrул ручку увеличения изображения. Детали укрупнились, горные хребты, отметки температуры, влажности, давления.

— Вы имеет в виду... — задохнулся Бартоломью, — что это незаконная карта? У нас на борту контрабанда?

— Угу, ты помнишь особую статью расходов, двадцать тысяч кредиток, которые я попросил на навигационное оборудование?

— Вы хотите сказать, что эта карта...

— Именно так. Это лучшая из существующих. Я провел у нее много часов. Я наметил нашу начальную цель — и можешь быть уверен, что это же место было выбрано другими.

— Вы заплатили двадцать тысяч отцовских денег за эту... ворованную информацию?

Генри кивнул.

— Но вы даже не знаете, точна ли она! Может, это просто подделка, фальшивка...

— Нет. Я получил ее от своего друга, старого космического волка, который слишком стар, чтобы участвовать в гонке.

— Но как он может быть уверен, что она подлинная — даже если он и верит в это?

— Абсолютно. Он ее составил. Он хотел воспользоваться ею сам, но Карантин продлился слишком долго. Так что он передал ее мне.

— Но это неслыханно! О Боже, капитан, вы отдаете себе отчет, какое наказание предусмотрено за владение подобным документом?

— Нет, но я знаю, какое наказание ждет того, у кого его нет.

— Вы говорите так, словно речь идет о военной атаке!

— Правильно! Основные правила гонки просты. Все участники сообщают о прибытии в район старта, а это де-

сятимильный радиус вокруг Панго-Ри-И, регистрируются. Затем мы ждем час “ноль” и отправляемся в путь.

Ограничений на используемое оборудование нет. У нас в грузовом отсеке есть вездеход Боло Майкор. Это лучше, чем то, что будет против нас, но ненамного. Будут и такие, кто победит на своих двух, — люди, которые потратили последние кредитки на то, чтобы добраться до Коразона. Поверь мне, когда они начнут грызться из-за добычи, добром это не кончится.

— Наверняка места всем хватит...

— Ты скажешь это человеку, который шел и день и ночь в течение недели для того, чтобы застолбить участок, сведения о котором он получил у какого-то проныры, и обнаружил на этом месте еще трех других претендентов. Все участники выступают на рассвете, это шесть часов по местному времени. Разрешается взять с собой любую еду, четыре межевых знака, переговорное устройство и легкое оружие — для охоты, как говорится в проспекте.

Бартоломью покачал головой.

— Это дело крайне глупо организовано. Было бы гораздо проще произвести съемку планеты, расставить метки на координатной сетке и распределить участки между участниками при помощи жребия.

— Посмотри на дело реально, Лэрри. Новые земли на девственных планетах нельзя разделить, как кусочки торта на церковном собрании. Галактический Совет может устанавливать какие угодно правила, но на Коразоне будет действовать только один закон, самый древний из законов природы. И выживет не статистически средний человек, а настоящий сукин сын, который окажется более крутым, чем те бандиты, которые будут на него охотиться. Может, Служба Наблюдения и не знает этого, а может, те, кто там сидит, хитрее, чем мы думаем. Чужие миры нельзя покорить при помощи отряда бюрократов.

— Но такая организация — открытое приглашение к беззаконию.

Генри кивнул.

— И можешь мне поверить, желающих принять в нем участие будет много.

— Но что можно сделать против людей такого сорта?

— Не волнуйся, — ответил Генри. — Мы будем делать то же, что и они, только сделаем это первыми.

Шел семнадцатый день пути. Капитан Генри сидел за чертежным столом. Он поднял голову, приняллся, встал, вышел на лестницу, снова приняллся. Схватившись за

перила, прыгнул вниз и нырнул в энергетический отсек. Из прикрытого решеткой корпуса валил густой дым. Кашляя, Генри пробрался к аварийному щиту и дернул за тяжелый разъединитель. Послышался резкий воющий звук. Дым за клубился, потянулся к стенным вентиляционным отверстиям. Генри выскочил в коридор, непрерывно кашляя.

— Вы в порядке, капитан? — слышался за спиной напряженный голос Бартоломью.

— Еще не знаю, у нас что-то с гироскопом.

Генри глубоко вдохнул и снова нырнул в дым. Воздух стал заметно чище. Вой затихал, пока, наконец, совсем не смолк.

— Подшипники полетели, — объяснил Генри со злобностью. — Может, нам удастся заменить их, а может, и нет. Давайте-ка, прыгайте сюда, мистер. Каждая минута против нас! Хватай ключ и попробуй снять кожух!

Генри бросился к указателю инструментов, нажал кнопки. Замигал зеленый огонек. Из-за панели слышался грохот. Он достал из окошка два тяжелых, запаянных в пластик диска, каждый восьми дюймов в диаметре и в три дюйма толщиной.

— Откуда вдруг такая тишина?! — закричал юноша.

— Я отключил воздушные насосы.

Генри надорвал пластик; на фоне серо-коричневой упаковки заблестел полированный металл.

— Мы задохнемся, — сказал Бартоломью. — В отсеке еще полно дыма.

— Чувствуешь слабое дрожание под ногами, примерно каждые пять секунд? — рявкнул Генри.

— Да; но...

— Продолжай работать! — Генри освободил от пластика второй подшипник. — Этот корабль статистически уравновешенная конструкция. Она вращается с частотой чуть больше одного оборота в секунду. Ось вращения и центр массы совпадают. Имеет значение и инерция жидкости, воздуха, и вода в резервуарах, цистерны со смазочными веществами. Я отключил насосы, чтобы свести к минимуму эксцентрические толчки — но это не сильно поможет. Раскачивание будет возрастать — и чем сильнее, тем быстрее оно будет усиливаться. Это логарифмическая кривая, через несколько минут мы пойдем по ней вниз, затем корабль начнет разваливаться. Картина ясна? А теперь снимай к черту эту проклятую крышку, и я посмотрю, проживем мы еще час или нет...

Побледневший Бартоломью набросился на зажимы. Генри подготовил второй подшипник, кинулся, чтобы помочь юноше сдвинуть крышку в сторону. Из гироскопа вновь повалил густой дым. Генри помахал рукой, чтобы хоть чуть-чуть его развеять, и стал всматриваться в почерневший вал.

— Неудивительно, что он сгорел! — резко сказал капитан. — Подшипники работали насухую.

Он повернулся к Бартоломью. Молодой человек, шумно сглатывая, смотрел на него широко открытыми глазами.

— Когда ты в последний раз делал профилактический осмотр, Лэрри?

— ... Я... ну... сегодня утром...

— Не лги мне! На этих подшипниках не было смазки по крайней мере часов тридцать шесть!

— Откуда мне было знать, что случится такое?

— Тебе было приказано снимать показания приборов каждые четыре часа и поддерживать давление масла на уровне сто двадцать фунтов. Это был приказ, а не предложение. Вчера или чуть раньше труба, по которой поступает масло, забилась, и давление упало. А где были в это время вы, мистер?

— Я подумал, что это типа учебной тревоги, — взорвался Бартоломью. — Я устал лазить вверх и вниз по этой лестнице! Я не знал...

— Отлично. Вы не знали... — Генри хлопнул ладонью по валу главного гироскопа. — Давай заменим подшипники!

Пол поднялся, съехал вправо, упал, сдвинулся влево.

— Напряги ноги, и когда я скажу, вытаскивай этот конец.

Генри схватился за ручку лебедки, подождал, пока Бартоломью покрепче ухватится.

— Вверх и выбрасывай! — крикнул капитан.

Его мышцы напряглись, мощные плечи выпрямились. Вал прошел над краем крышки, закачался и съехал в сторону. Генри опустил его на палубу.

— Положение быстро ухудшается, — сказал Бартоломью.

Один из старых подшипников, лежавший на полу, пронесся мимо них, врезался в переборку. Генри потянул за трос, сервомотор застонал от непривычной нагрузки, когда раскачивание корабля закрутило тяжелый вал. Позеленевший Бартоломью вцепился во второй конец вала.

— Держись, когда корабль качнется...

Казалось, стены кружатся в безумном танце. Подшипник снова заскользил по палубе, с грохотом ударился о тяжелую крышку.

— Надо было привязать эту заразу, — прохрипел Генри. — Не давай ему раскачиваться.

Толчок снизу отбросил Генри в сторону. Он поднялся, вытянул руки, чтобы удержать раскачивавшийся вал. Подпрыгивая, как сумасшедший, подшипник, стукнул Генри по руке, которой он держался за крышку.

Бартоломью выпрямился, шумно дыша. Его взгляд упал на руку капитана. При виде окровавленной плоти и обнажившихся костей юноша вскрикнул и бросился к Генри.

— Оставь это, — выдавил сквозь зубы капитан. — Сейчас или никогда...

Он схватился за трос, раненая рука соскользнула, он выругался, свирепо набросился на лебедку. Бартоломью повис на свободном конце вала, на какое-то мгновение ноги оторвались от палубы, и его швырнуло на крышку. Затем вал опустился немного, потом еще, еще и наконец стал на место. Генри на секунду расслабился, пытаясь отдышаться.

— Хорошо, Лэрри. Отцепись от вала и крепи крышку.

Два часа спустя, вытянувшись в люльке, капитан Генри посмеивался, любуясь своей забинтованной рукой.

— Славненько, — сказал он. — Так как у нас на борту не оказалось лаборатории для калибровки гироскопа, мне придется настраивать его вручную и наблюдать, наблюдать, в течение шести дней.

— Рука сильно болит? — лицо юноши было совершенно белым.

Генри покачал головой.

Лэрри сглотнул. Он глубоко вдохнул и замер, словно пытаясь собраться с духом. Его лицо казалось еще блее.

— Это моя вина, капитан, — произнес он с трудом. — Исключительно моя.

Генри посмотрел на него с любопытством. Исходя из понятий, по которым жил этот мальчик, для такого признания требовалось определенное мужество. На какое-то мгновение в памяти всплыли слова Дульчи о Лэрри, произнесенные на берегу в ночь перед стартом. Но он снова отогнал их от себя. Возможно, Лэрри просто хочет этим что-то показать — пока еще рано говорить.

— Ты слышал когда-либо об ответственности на борту корабля? — сердито спросил Генри. — Это вина капитана,

если он доверяет человеку, которому нельзя доверять. Только полный дурак отправился бы теперь на Коразон. Ты это знаешь, не так ли? Если и дальше так пойдет, мы нарвемся на неприятности.

— Я больше не подведу вас, капитан, — мышцы на скулах Лэрри, казалось, были связаны в узлы. На бледном лице выступили капли пота. — Вы увидите. Когда мы туда доберемся, вы увидите, что мои знания бюрократических тонкостей помогут нам. Как чиновник...

— Об этом я не могу судить, — грубо оборвал его Генри, глядя на свою забинтованную руку. — Но ты сделал хорошую повязку, это я говорю точно.

Лэрри покраснел, открыл рот, словно собирался что-то сказать, затем решительно закрыл его, отвернулся и вышел, не произнося ни слова.

“Ладно, мальчик, — подумал Генри, глядя ему вслед. — Одна ласточка весны не делает. Тебе еще многому придется научиться — даже если в конце концов окажется, что ты способный ученик.”

ГЛАВА III

Последнее бормотание насосов стихло. Сидя перед экраном, Генри изучал массивное белое здание Администрации порта Панго-Ри, которое приткнулось до стены, ограждавшей место стоянки кораблей; за ней на пыльной равнине виднелся похожий на гробницу город, с хрупкими сборными домиками, вздыбленными крышами и низкими деревянными хижинами. Еще дальше в дымчатом дневном небе Коразона прорисовывались очертания неуклюжих строений, безвкусно отделанных разноцветным пластиком.

Генри изменил поле обзора. На экране появилась цепочка космических кораблей, вытянувшихся до пурпурной линии далеких холмов.

— Все эти корабли прибыли сюда, чтобы участвовать в гонке? — глаза Лэрри широко раскрылись. — Но их здесь сотни, а то и тысячи.

— Ага! И каждая из этих железок перебросит куда угодно, может, двух человек, а может, целый взвод. Думаю, на этой дешевой распродаже у нас будет примерно четверть миллиона соперников.

— И все претендуют на эту землю? Я представлял, что мы будем бродить по безлюдным лесам, осматривать обширные пустынные территории, выбирать себе участок...

— Лучше отправимся в штаб-квартиру Гонки и зарегистрируемся, а то мы будем бродить по безлюдному порту, после того как остальные стартуют.

Бартоломью задумчиво нахмурился.

— Очевидно, здесь подойдет официальная блуза с эмблемой Парии и Статистически Среднего. Я не желаю вызывать благоговейный трепет среди персонала. — Он взглянул на капитана Генри. — Думаю, с карантинными властями иметь дело лучше мне.

— Мы оба будем иметь с ними дело, а пока — в хвост цепочки. Надевай теплую одежду, в которой тебе не жалко было бы спать, желательно с карманами: возьмем сухой паек. Нам ждать своей очереди часов двенадцать.

Бартоломью вскинул брови.

— Не думаю, что возникнет такая необходимость. Стоит мне сказать слово нужному чиновнику, и, считайте, что мы прошли все формальности.

— Попробуй только влезть без очереди, и считай, что мы получили под зад метлой. Пошли!

Генри прошел мимо юноши.

— Капитан, уж не думаете ли вы предстать перед регистрационной службой в замасленной робе? Смею предложить вам надеть мундир, в котором вы вступили на борт, вид был впечатляющий — во всяком случае для непрофессионалов.

— А это идея, Лэрри, — улыбнулся капитан. — Это помогло бы нам сократить число участников. Часть из них умерла бы со смеху.

Бартоломью пожал плечами и посмотрел на забинтованную руку Генри.

— Как ваша рука? Наверно, лучше обратиться к врачу.

Генри осторожно надел пару мягких кожаных перчаток, согнул пальцы.

— С рукой дело не так уж плохо. Главное, не увлечься и не стукнуть кулаком.

— Ее надо подвесить.

— Не будем давать соперникам ненужную информацию, Лэрри. Мои небольшие немощи останутся нашим секретом, — засмеялся Генри.

Он достал из стенного ящика маленькую коробочку и сунул Бартоломью пулевой пистолет размером с ладонь.

— Держи его там, откуда ты смог бы его легко и быстро выхватить.

Бартоломью посмотрел на оружие, пистолет был матового серого цвета и имел форму отшлифованного водой камня.

— Оружие? Для чего?

Генри сунул себе в карман точную копию первого пистолета.

— В том-то и дело, — сказал он. — Для чего...

Крупнолицый мужчина со свернутой челюстью и покрытой шрамами щекой шлепнул огромную резиновую печать на формуляр синего цвета и смахнул его в ящик. Он вскинул голову на капитана Генри.

— Ну давай, красавчик. Шевели ногами, — голос его напоминал приглушенный рев.

Генри положил перед ним кипу бумаг. Мужчина порывлся в них, вытащил один лист и взглянул на Генри.

— Где вы были, “Дегвелло”? Это старое удостоверение. Их отменили более девяти лет назад.

Генри вынул из внутреннего кармана запаянную в пластик карточку и положил ее перед служащим.

— Может, это подойдет.

Криволицый скосил глаза на карточку и быстро перевел взгляд на капитана.

— Почему ты не сказал, что принимал участие в войне? — Подался вперед он. — Добро пожаловать в сумасшедший дом, братишка.

Голос его изменился.

— Что привело тебя сюда под горячее солнце в компанию к этим отбросам? — он дернул головой в сторону людей, столпившихся в просторном зале.

— Земля, — ответил Генри.

Он взял карточку, затолкал ее обратно в карман.

Служащий кивнул.

— О'кэй, я задал глупый вопрос. Скажи... — он посмотрел мимо уха Генри. — А ты не был в Лидпайпе, с эскадрой Хейля?

— Во втором эшелоне. Мы ударили по флангу Стэппа в тот момент, когда взорвался “Белшаззар”.

— А знаешь, я был в нерегулярной армии Кулберсона, прикрывал Амори. Мы вступили в бой через десять дней, когда Стэпп, из рукава, вытащил откуда-то резервные силы. Слушай, как назывался его флагман?..

— “Аннигилятор”. Сто сорок тысяч тонн, шесть крупнокалиберных усилителей, девяносто семь человек коман-

ды, во главе с Кобленцом... — Генри тяжело оперся на стол неповрежденной рукой. — Я прошел проверку?

— Ты меня неправильно понял, братишка, — мужчина посмотрел на Генри с упреком.

Бартоломью протолкался к столу и встал рядом с Генри.

— Капитан, мне кажется, этот парень намекает на то, чтобы ему дали взятку, — проговорил он резко.

Тяжелые брови служащего опустились. На лице появилось выражение мучительного недовольства.

— Назад, в очередь, ты, блюститель закона!..

— Минутку! — сказал Лэрри строго. — Я полномочный территориальный представитель Партии Статистического Среднего, я стоял в очереди более четырнадцати часов, и не собираюсь поддаваться на какое бы то ни было вымогательство.

— Не собираешься? — перебил его глухой голос. — Интересно, знаешь ли ты, что тех, кто лезет без очереди, дисквалифицируют...

— Вы пьяны! — закричал Бартоломью. — Вы и говорить-то связно не можете!

— Угу! — кивнул служащий. — Вы правы. Я не так хорошо говорю. Но я мастерски избавляюсь от легковесов, которые договариваются до того, что их не допускают к гонке.

— Мистер Бартоломью хотел бы извиниться перед вами, регистратор, — вмешался Генри. — У него было тяжелое путешествие, к тому же ответственный не он. Я прослежу, чтобы впредь он не распускал язык.

— Этот котенок с тобой? — регистратор уставился на Генри, нацелив палец на Бартоломью.

Генри кивнул.

Регистратор зашевелился.

— Давай документы.

Бартоломью вытащил бумаги, сунул их мужчине и открыл было рот, но Генри двинул его локтем под ребро. Лэрри ухнул, схватился обеими руками за бок.

— Парню не повредит хороший тычок, — регистратор поставил печать на документы и протянул их Генри. — Но на твоём месте я бы его продал и купил пуделя.

— Спасибо, приятель, — Генри крепко схватил Бартоломью за руки и увел с собой.

Молодой человек перевел дыхание.

— Я сообщу о нем... Пьяный при исполнении обязанностей.

— Угу, — Генри покачал головой. — Боевые ранения. Видел шрамы? На челюсти и горле? Ожоги от бластера всегда имеют синеватый край.

— Да? — Бартоломью вытащил руку. — Вы хотели сказать... то, как он разговаривал...

— Ему поллица снесло! Врачи славно потрудились, восстанавливая его, но язык тяжело нарастить...

— О! Я...

— Забудем об этом. Нас зарегистрировали. Впереди целый день до того, как прогремит выстрел. Давай покушаем, затем пройдемся по палаточному городку и посмотрим, кто сюда пожаловал. Это поможет получить нам более верное представление о том, чего ждать — выстрелов или ударов ножа.

Они сидели в кабинке в низенькой, с грязным полом кижине.

Перед ними на грубом дощатом столе стояли низкие захватанные пальцами стаканы. Закурив наркотическую палочку, Генри рассматривал толпу. В баре маленький человечек в тесном спортивном костюме и замасленной белой кепке, из-под которой выбивались жесткие белые волосы, с ехидной улыбкой поднял свой бокал за здоровье капитана. Сидящий за Генри Бартоломью кивнул и замал руками. Маленький человечек поднялся, сказал что-то своему соседу и выскользнул из толпы.

— Вижу, ты приобрел друга, — сказал Генри.

— Я познакомился с ним, когда мы занимались снабжением, — ответил Лэрри.

— Что он продает?

— Продает? Ничего. Он в отставке. Его зовут мистер Колумбия. У него флот Грузовых кораблей. Здесь он для того, чтобы расслабиться. Он согласен работать с нами вместе...

Его зовут Джонни Зарагамаза. С тех пор, как я его последний раз видел, он слегка поправился, но шляпа у него та же.

Лэрри открыл было рот, затем с шумом захлопнул.

— О! Только потому, что с ним познакомился я...

Генри скосил глаза на юношу. Лэрри начал чувствовать свою силу и огрызаться, неужели?

— Раньше он перевозил наркотики, хотя, конечно, он мог бросить это занятие и купить грузовую линию.

— Только, — продолжал Лэрри сухо, — потому что это было мое предложение...

— Почему он ушел так поспешно, Лэрри?

— Откуда я знаю?

— Может, он забыл закрыть воду в одном из своих ка-теров?

— Капитан, если есть возможность заключить выгод-ный договор о партнерстве, вы не будете пренебрегать этим.

— Единственный договор, который вы можете за-ключить с Джонни, это договор о похоронах. А теперь открой глаза и посмотрим, скольких еще проходимцев мы сможем вычислить.

Они сидели в очередном притоне, десятом или одиннад-цатом. Лэрри облокотился об стол, глаза слезились от гу-стого дыма.

— Почти три утра, — констатировал он. — А мы ниче-го не сделали, ходили по имеющим сомнительную репу-тацию барам и распивали запрещенные напитки с небритыми грубиянами.

— И нас еще не застрелили, не прирезали и не отравили. Мы делаем все правильно.

Лэрри залпом осушил стакан, скривился.

— Это время можно было использовать с пользой для дела, разрабатывая способ действия с другими порядоч-ными участниками.

— Согласен, что напитки отвратительные, — продол-жал Генри. — И некоторые из ребят давно не ходили к своим брادرбоям, но, болтая с бывалыми парнями, можно разнюхать что-нибудь ценное...

— Пьяные кретины! — фыркнул Бартоломью. — Они похожи на отбросы из тюрем для неисправимых...

— Некоторые из них таковыми и являются, и я думаю, что вышедши они не через главный вход. Здесь также есть вышедшие в отставку военные, уволенные за недостойное поведение полицейские, бывшие вышибалы, телох-ранители, спортсмены, не говоря уже о налетчиках, грабителях, карманниках...

Низенький худощавый мужчина скользнул в кресло рядом с Генри.

— Двадцать лет тебя не видел, кэп! — сказал он. Его блестящие глазки перебегали с Бартоломью на Генри. — Я не ослышался, ты произнес мое имя?

У него был крючкообразный нос, густые черные воло-сы, тонкие губы скривились в нервной улыбке.

— Нет, но я собирался это сделать. Мистер Барто-ломью, это мистер Минот — некоторым он известен как Луи Забор.

— Здесь меня зовут Луи Туфель. Словно вернулись старые времена, капитан. Я слышал, как ты бывал здесь... — его глаза остановились на одетые в перчатки руки Генри. — И что на обратном пути у тебя были небольшие неприятности...

— Выпей, Луи, — Генри толкнул к нему бутылку. — Что еще ты знаешь?

Минот налил себе, выпил, вздохнул, налил еще.

— Ты пробыл здесь двенадцать часов. У тебя быстрая железка, за тобой стоят большие бабки, так что мелкие дельцы присматривают за тобой. Они полагают, что за тобой следят. Ты перевозишь зеленый груз, — Луи взглянул на Бартоломью. — Но хорошие деньги говорят о том, что есть причины.

Генри засмеялся.

— Ты не осторожен, Лу. Твое любопытство слишком явное.

Мужчина наклонился к Генри, осмотрелся по сторонам.

— Говорят, — сказал он тихо, — ты замахнулся на Большую Четверку, тебя нужно предупредить...

— Боюсь, что я потерял нить разговора, — вмешался Бартоломью. — Должен признаться, что этот профессиональный жаргон вне моего понимания.

Луи Туфель окинул Бартоломью недоуменным взглядом.

— Это твой первый выход, крошка?

— И последний!

Луи кивнул.

— Может быть, — согласился он и повернулся спиной к Генри. — Они все на борту этого крейсера, капитан: крутые ребята, бульдозеры, бронетранспортеры. Три решительных группы сейчас обрабатывают палаточный городок. Мой тебе совет: не ищи места получше; расставь свои межевые знаки и убирайся прежде, чем гробовщики снимут с тебя мерки.

Бартоломью печально покачал головой, задвинулся в свой угол и сложил руки на груди.

Луи подмигнул ему, плеснул себе в рот то, что осталось в стакане, вытер губы обрубком пальца.

— Луи просто разминается, — сказал Генри. — Он выкладывает все сплетни на случай, если меня что-то заинтересует.

— Сплетни — ерунда! — возразил Луи.

— И одновременно пытается выудить ценную информацию у нас, — Генри снова наполнил стакан Минота.

— Да? — губы Луи растянулись, обнажив дыру в ряду желтых зубов. Он придвинулся поближе. — Знай: Тяжелый Джо Саджо в городе.

Генри на секунду замер с бутылкой в руке, затем наполнил свой стакан, поднял его и отпил половину. Глаза его заблестели.

— Ты не обманываешь старого приятеля, Лу?

Лицо Лу передернулось.

— Он остановился в частной комнате в “Солнечной короне” и как раз сейчас ведет деловые переговоры с командой мошенников с Кроани.

— Не хочешь ли сказать, что ты положил руку на плечо Тяжелого Джо и слышал, как он произнес мое имя...?

Луи нервно улыбнулся.

— Может быть, капитан. Насколько я помню, между вами были стычки.

— Это было очень давно.

Луи кивнул. И осушил еще один стакан.

— Послушай, кэп, — заговорил он еще более тихим голосом и, прикрыв рот рукой, которой, казалось, просто протирал себе нос. — На этот раз за Тяжелым Джо стоит сармачный синдикат из Алдо Цериз. Говорят, это ребята, действующие по принципу — “Бей и хватай”. Это все, что мне удалось пронюхать. И держись подальше от кабака, который называется “Стелла”.

Генри сунул руку в карман костюма.

— Не надо, — сказал Лу. — Это бесплатно. Спасибо за выпивку.

Он встал. Генри вопросительно поднял бровь. Лу наклонился над столом.

— У тебя паршивая память, кэп. Я твой должник. Хочу рассчитаться. Сегодня оставь свои экраны открытыми... Он скрылся в толпе.

Бартоломью покачал головой.

— По-детски наивные усилия, — произнес он. — Полагаю, он вернется позже и будет предлагать купить еще более свежие новости.

— Может быть. Но думаю, что сейчас нам лучше выметываться отсюда и посмотреть, кто же на нас собирается прыгнуть.

Капитан Генри и Бартоломью вошли в заведение под вывеской “Стелла”, поднялись по роскошным ступенькам и оказались в широкой, набитой людьми комнате с неровным потолком, наполовину скрытым густым дымом. К ним

подошел низкорослый толстый с засаленными волосами официант в черной жилетке, сунул потрепанное меню, скверно отпечатанное на дешевой винного цвета бумаге.

— Парни, что будем заказывать? — заорал он, пытаясь перекрычить грохот магнитофонной музыки и шум хвастливых разговоров. — Что скажете насчет жареных водорослей и картофеля?

— Мы хотим жаренного мяса, — сказал Генри. — И посадите нас за столик в углу.

— Да-да, конечно, но это будет стоить вам...

Генри выудил из кармана жетон на сто кредиток, кинул его официанту.

— И чтобы было вкусно, — добавил он.

Бартоломью последовал за капитаном и официантом. Последний хлопнул по столу влажной тряпкой и удалился скользящей походкой привыкшего к невесомости человека. Из толпы вышли две одетые в серебряно-пурпурные платья девицы с накрашенными губами и веками и мелко накрученными волосами. На шеях у них болтались многочисленные нитки бус, а голые груди выпирали из корсетов. Девицы шлепнулись на пустые стулья рядом с Генри и Лэрри.

— Привет, ребята. Я Ренни, а она Ники, — весело сказала та, что повыше. — Есть закурить? Ну и денек!

— Да, — соглашалась Ники. — Ты видела того амбала, с которым я была? Дает мне какие-то гроши и хочет, чтобы я стояла рядом с ним всю ночь, пока он будет играть в кости. Сказал, что я приношу ему удачу. Мальчик...

Генри предложил им наркотические палочки.

— Леди, вы уже обедали? — спросил он. — Если нет, пожалуйста, будьте нашими гостями.

— Эй, — улыбнулась Ренни. — Вот и хороший парень, для разнообразия.

Появился официант. Генри подал ему знак. Тот улыбнулся и скрылся.

— Как тебя зовут, мечтатель? — мягко улыбнулась Ники Бартоломью.

Он прокашлялся и сказал:

— Лоуренс Х. Бартоломью.

— Оу! Слишком много имен. Я буду звать тебя Барт. А как зовут твоего друга?

— Ну, а... кэп...

— Зовите меня Генри. Девочки, вы здесь работаете?

Ренни закурила, выдохнула дым и покачала головой.

— Не совсем. Мы вольные птицы. Хотя “Стелла” — хорошее местечко. Дела идут. Танцуем?

Она встала и дернула Генри за руку. Он осмотрел толпу и пошел за девушкой. Она двигалась в его руках — сильное, стройное, молодое тело с легким запахом экзотических цветов.

— Вроде я тебя не видела раньше, красавчик, — сказала она. — Только что вошел?

— Угу.

Темп музыки изменился. Зазвучала ритмическая музыка фламенко. Девушка двигалась плавно и уверенно, послушная Генри.

— Слушай, а ты хорошо танцуешь, — она посмотрела в сторону столика. — Твой партнер очень молод, не так ли?

— Все мы когда-то начинали.

— Конечно.

Ритм снова изменился.

— Господи, как здорово встретить хорошего партнера, после всех этих грузовых операторов, которые оттоптали мне все ноги, — Ренни выполнила замысловатое па и посмотрела на Генри сияющими глазами.

Он улыбнулся в ответ, сделал неожиданно грациозное движение, закружил ее влево, затем вправо, почти опустил до самого пола, подхватил ритм ее движений. Она громко рассмеялась.

— Ой, Генри, ты лучше всех! Как насчет этого... ?

Музыка играла, толпа шумела. На фоне танцевавших людей плавно двигалось лицо девушки, оторванная от тела улыбка, глаза смотрели в глаза капитана.

Неожиданно грузный мужчина толкнул Генри. Тот удержался, повернулся и увидел покрытое шрамами лицо с широким носом и полузакрытыми глазами.

— В следующий раз дунь в свисток, и я уступлю тебе дорогу, — сказал Генри.

Он стал было поворачиваться к Генри, но быстро развернулся и отбросил в сторону руку, схватившую его за плечо.

Ренни бросилась вперед, став лицом к лицу с грубияном.

— Убирайся, обезьяна, — прошипела она. — Завянь! Подыши воздухом!

Изуродованные шрамами губы искривились и обнажили щербатые зубы, квадратная волосатая рука потянулась к девушке. Генри отодвинул ее в сторону, сделал шаг вперед, схватил толстое запястье. Через плечо человека Генри

заметил Бартоломью. Тот кивал человеку в тесной форменной блузе; это был тот, кого Лэрри называл мистером Колумбия и с кем сейчас доверительно о чем-то разговаривал. Ники исчезла. Затем толпа сомкнулась и скрыла их.

Широконосый попытался освободить руку. Генри натянуто улыбнулся, взглянул в лицо своему противнику.

— Иди поиграй в другом месте, незнакомец, — сказал он мягко. — А здесь уже занято.

Покрытое шрамами лицо побагровело.

— Не становитесь у меня на пути, мистер, — он говорил хриплым басом. — Эта куколка со мной.

— Любой может ошибиться, — сказал Генри. — Но только круглый дурак упорствует в ошибке.

Он оттолкнул широконосого, тот отступил, зарычал и двинулся вперед.

Левой рукой Генри блокировал удар, стал в стойку и провел короткий удар правой, прямо под ребра задире. Мужчина рухнул на Генри как раз в тот момент, когда появился официант. Капитан передал ему тело.

— Он отравился несвежим омаром. Выведите его на воздух.

Когда он повернулся, девушки не было. Генри протолкался к столу, за которым оставил Бартоломью. Стол был пуст.

Подошел официант с подносом, опустил его на стол, снял две тарелки.

— Леди... встретила старого приятеля, — сказал он, глядя мимо левого уха Генри.

Затем он вытащил несвежую салфетку, уронил ее перед Генри, вторую бросил перед пустым стулом Бартоломью. Посмотрев какое-то время на салфетку капитана, он взял поднос и скользнул в толпу. Генри прошупал салфетку и достал из-под нее кусочек бумаги.

НИЧЕГО НЕ ЕШЬТЕ. БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ. ИЗВИНИТЕ, ЧТО УШЛА, НО У МЕНЯ СВОИ ПРОБЛЕМЫ. РЕННИ.

Генри пошел прочь от стола. На его пути возник старший официант.

— Что-то не так? — его толстые губы искривились в недоброй улыбке.

— Я получил хорошее предложение от мистера Колумбия и спешу к нему, — ответил Генри. — Куда он направился?

Рука человека потянулась к карману.

— А как же счет?

Голос его зазвучал очень высоко. На его лице виднелся похожий на шов шрам.

— Заказ был выполнен неверно, — Генри посмотрел в маленькие серые глазки официанта, глубоко сидевшие под выпуклыми надбровными дугами. — Не тот соус.

Внезапно снаружи послышался крик. Генри повернулся, посмотрел на лестницу. Оттолкнув старшего официанта, он бросился вниз на усиливавшийся шум голосов.

Внизу на тротуаре толкалась, размахивая бутылками, ругалась плотная масса одетых в поношенные корабельные костюмы и залатанные робы мужчин со стеклянными глазами и открытыми ртами. На раскачивавшихся бедрах висели тяжелые пистолеты; ноги, обутые в тяжелые ботинки, громко топали, хриплые голоса выкрикивали приветствия, в страшных угрозах звучали имена богов сотен миров. Над всем этим вспыхивали многоцветные надписи баров, казино, домов развлечений. На противоположной стороне, за узкой полоской грязи, которая служила улицей, широкие спины образовали плотное кольцо. Протолкавшись сквозь толпу, Генри добрался до переднего ряда. В узком проходе между хижинами, сооруженными из упаковочных щитов с надписью “КАКА”, лежало лицом вниз распростертое тело.

— ... Повернулся и был таков, — грустно произнес кто-то. — Я всегда пропускаю самое интересное...

Генри подошел к телу, перевернул его. Лицо было залеплено грязью. Из-под левой ключицы торчал шестидюймовый конец тонкой стальной проволоки. Это был Луи Минот, мертвый.

Генри посмотрел на крупнолицего мужчину, который, глядя на тело, ковырял зубочисткой в квадратных зубах.

— Вы видели? — спросил он.

— Не-а, — улыбнулся тот. — Иду себе я, по своим делам, тут меня кто-то толкает. Я чуть не проглотил зубочистку. Поворачиваюсь, и вот...

— Кто вас толкнул?

— А вам что до этого?

Генри подошел поближе.

— Вы абсолютно уверены, что ничего не видели? — мягко спросил он.

Спокойное выражение исчезло с лица его собеседника.

— Слушай, ты... — резкий короткий удар чуть не обрушился на капитана, но тот быстрым движением

схватил нападавшего за запястье и заломил ему руку за спину.

Широкий рот открылся, зубочистка выпала. Генри подтянул мужчину к себе.

— Как тебя зовут?

— Пор Скэнди. А тебе какое дело? — рявкнул тот.

— Давай, Пор, — сказал Генри.

— Слушай, мне больно, — широколицый встал на цыпочки.

Толпа, наблюдавшая за ними, вдруг стихла.

— Тот человек был с усами, — прохрипел широколицый. — У него был большой живот, бородавки... да еще у него была парализована нога.

— Ты забыл про длинную красную бороду, — Генри протянул руку, вытащил из бокового кармана мужчины маленький пистолет и ткнул дулом в напрягшуюся грудь.

— Твое оружие? — спросил он.

— Кто-то мне его подсунул.

— Пистолет, стреляющий проволокой. Оружие для пыток. Надо стрельнуть тебе в колено.

— Слушай, что за скотина... — лицо толстяка искривилось.

— Где пацан, Пор? — тихо спросил Генри.

Рот широколицего обмяк.

— Отпусти меня, — прошипел он. — Я ничего не знаю.

Генри выкрутил ему руку, треснул сустав.

— Где пацан? — спросил он без какой-бы то ни было интонации.

— Слушай, моя шея, цела, пока...

Генри еще чуть-чуть крутанул ему руку.

— Не будем тратить время зря, выкладывай и побыстрее.

— Слушай, если бы я знал, я бы все выложил, но мне никто не докладывает...

Пот струился по его обвислым щекам.

— Я знаю только, что за это заплатили пятьдесят кредиток. Старому бродяге с больной рукой. Так сказал Джо...

— Джо не понравится твоя сломанная рука. Похороны дешевле докторов.

— Ладно, ладно, — хрипло прошептал толстяк. — Идите в "Солнечную Корону". Именно там была засада. Клянусь, это все, что я знаю.

Генри оттолкнул его, повернулся и нырнул в толпу, которая уже стала расходиться. Через мгновение на улице

осталось только тело Минота. Генри взглянул на еще не остывший труп.

— Мне следовало говорить тише, — сказал он мягко. — И тебе тоже.

“Солнечная Корона” пылала яркими огнями неоновых ламп. Ослепительный свет шел и из широкой двери, вырезанной в гофрированном металле фасада. Войдя в бар, капитан Генри подошел к стойке, заказал выпивку и стал осматривать толпу.

— Вы ищите кого-то конкретно или я подойду? — раздался рядом с ним тихий голос.

Капитан повернулся и увидел женское лицо, худое и измученное, покрытое неровным слоем косметики. Тонкая рука откинула назад прядь мертвых волос.

— Что за ночь, братишка, — она с трудом сфокусировала взгляд на украшенном камнями перстне-часах, надетом на костлявый палец. — Еще два часа. Я здесь уже две недели и едва оправдала расходы...

Она прислонилась к стойке, затем взобралась на табурет.

— Джонни Зарагамозу не видела? — спросил Генри небрежно.

Женщина придвинулась ближе. Генри почувствовал запах старой пудры.

— Он что, твой друг? — голос ее хрипел, как дешевое радио.

— Друг друга.

— Тогда лучше твоему другу держать руку в кармане, не то Джонни будет здесь раньше него. — Она улыбнулась, обнажив искусственные зубы, и проглотила половину содержимого стакана, который бармен поставил перед ней. Генри посмотрел на нее искоса.

— У моего друга странное чувство юмора, — произнес он. — Но иногда он заводит шутку слишком далеко.

Женщина порылась в сумочке, вытащила наркотическую палочку, закурила, выдохнув облачко фиолетового дыма.

— До самых апартаментов Тяжелого Джо Саджо в “Мертвой собаке”?

— Может быть, — ответил Генри. — Он довольно забавный парень.

Женщина повернулась к капитану, открыла сухие ярко-красные губы, чтобы что-то сказать...

Она долго и внимательно на него смотрела. Наркотическая палочка упала на стойку бара, скатилась на пол.

Женщина быстро наклонилась, подняла ее, и облокотившись о стойку, уставилась на ряд бутылок на стенке.

— У меня для вас послание от девушки по имени Ренни, — быстро проговорила она. — Ваш голубок хорошо влип. Джонни использовал розовые капельки — много. Мальчик рухнул как подкошенный. Они пытаются заставить его говорить. После того, как они выдоят его, — она заглотнула оставшееся в стакане. — Если он ваш друг... ну, лучше поспешите...

— Где находится “Мертвая собака”? — выпалил Генри.

— Это ночлежка в двух кварталах отсюда, плюс несколько комнат на задворках.

— Покажите мне.

Генри толкнул в сторону женщины жетон в сто кредиток. Худая рука накрыла его и смахнула со стола.

— Послушайте меня, — сказала женщина напряженным голосом, ее пальцы впились в руку Генри. — До Гонка осталось меньше двух часов. Брось бедняжку, ты ничего не сможешь сделать.

— Только заскочу к старому приятелю, — сказал Генри. — Я не уйду из города, не сделав ответного хода.

— Не будь идиотом! Что может сделать один человек... — Она замолчала. — Слушай, твой катер, это тот новехонкий, пятьдесят тонн.

Генри кивнул.

Она сжала его руку еще сильнее.

— Боже мой, послушай! Они хотят навесить на тебя пиратские нападения. Возвращайся на катер — быстро! Но будь осторожен. У ворот засада.

Генри пристально посмотрел на нее.

— Кто вы? Почему вы мне помогаете?

— Меня зовут Стелла. Ренни сказала, что вы свой парень, пусть будет так. — Она дернула рукав. Если ты пойдешь туда один, тебя убьют. Будь хитрым. Тебе надо спасти катер.

Генри мягко снял ее руку со своей.

— Мне придется рискнуть, Стелла, как ты думаешь?

Ее тень растаяла в слабом свете улицы.

— И ты рискнешь, не так ли? — донесся до капитана ее голос. — Пошли. Я покажу.

Капитан Генри стоял в темном дворе, осматривая едва различимый проход вдоль левой стороны полуразвалившегося двухэтажного здания. Пошел холодный дождь, левая рука Генри болела под тесной перчаткой, он сунул ее под мышку и прислушался. Тишина звенела в ушах. Вдали

послышался пьяный крик, раздались торопливые шаги, которые почти сразу же стихли. Прощмыгнула ночная ящерица. Где-то за облупившимися стенами "Мертвой собаки" приходит в себя после наркотиков Бартоломью, удивленно смотрит на грубые лица, ждет ударов тяжелых кулаков. Генри сухо улыбнулся, сжал стрелявший проволокой пистолет и, прижавшись к стене, пошел вперед. Обойдя двор, он тихо подошел к задней стене здания. Проход закончился листом перфорированного металла. Капитан взглянул вверх, увидел грубый навес, над которым зиял проем окна. Он прислушался, сунул пистолет в карман на бедре и полез вверх.

От металлической стены до окна было далеко. Генри подтянулся, протиснулся в окно, выпрямился в неосвещенной комнате. Откуда-то донеслись приглушенные голоса. В воздухе висел запах плесени. Капитан пересек комнату, отодвинул в сторону плотные портьеры, наощупь прошел по неровному полу, очутился у стены, к которой был прибит вертикальный железный трап с тяжелыми перекладами, находящимися одна над другой на расстоянии восемнадцати дюймов. Это была парадная лестница "Мертвой собаки".

Голоса были слышны по ту сторону стены. Генри двинулся вдоль стены влево, дошел до глухого угла. Двери не было. Он вернулся к лестнице, проверил прочность перекладин, затем осторожно полез вверх. Вытянутой рукой капитан коснулся потолка, толкнул, крышка приоткрылась. В лицо ему ударил холодный влажный воздух. Генри выбрался на покатую крышу. По пластиковым панелям крыши стучал дождь, через широкие прорехи пробивался свет. Генри тихо подошел к ближайшей дыре, опустился на колени и глянул вниз на пустую комнату с продавленной кроватью, грубым тюфяком и грязным одеялом. На столе стояла пустая бутылка, рядом с ней стаканы. Голоса звучали громче.

Капитан двинулся дальше по крыше вдоль несущей стены. Перед ним засветилась прозрачная панель; внизу что-то монотонно бубнил низкий голос, слов нельзя было расслышать. Генри согнулся, прижался лицом к узенькой щели.

Высокий, крепко сбитый мужчина с остатками кучерявых черных волос на голове мерил шагами комнату, размахивая желтой рукой, на которых блестели четыре перстня. За ним нервно следил низенький человечек с копной жестких волос. Лэрри Бартоломью со связанными сзади

руками сидел на стуле. За ним виднелось квадратное лицо Пора Скэнди. Справа торчали чьи-то ноги.

Генри приложил ухо к дыре в крыше.

— ... остался час. Этот гад уже трезв. Мы должны кончать с ним, сейчас же!

— Когда мне понадобится твой рот, я скажу тебе, о'кэй? — Голос Тяжелого Джо Саджо походил на рев старого раздраженного медведя.

— Может, он и прав...

Раздался звук, напоминающий шлепок мертвой рыбы о причал.

Саджо стоял, расставив ноги и сжав в руке пистолет. Лохматый тер свою щеку, на ней уже выступила красная полоса. Скэнди передернул плечами, рот его искривился, он подошел к Бартоломью, протянул руку. Саджо кинул ему пистолет. Пальцы Пора обхватили оружие.

Генри достал пистолет из кармана, снял с предохранителя, встал на колени и тщательно прицелился через щель, выбрав в качестве мишени шею Скэнди, чуть ниже линии волос. Пальцы его нажали на курок. Не успел пистолет грохнуть, как Генри перевел дуло на лохматого и снова выстрелил. Скэнди дернулся, упал на Бартоломью, свалился на пол. Лохматый выронил пистолет и, согнувшись, схватился за бок. Генри прицелился на Саджо, но тот попятился и исчез из поля зрения. Четвертый человек пересек поле обзора капитана прыжком. Свет погас.

Генри спрятал пистолет, быстро отполз и вскочил на ноги, затем разбежался и, закрыв лицо руками, прыгнул на тонкую, только что светившуюся панель. Плотная ткань костюма затрещала, зацепившись за острые края пластика. Шлепнувшись на пол вместе с градом осколков, Генри покатился, вскочил на ноги, зажав в руке пистолет. Последний кусочек пластика звякнул о пол, и последовала тишина.

В противоположной стене Генри увидел тонкую полосу света, очерчивающую контур двери. Возле нее что-то двигалось, прижавшись к полу. Это был человек на четвереньках.

Посреди комнаты кто-то зашевелился. Бартоломью издал стон.

— Еще одно движение и голубок получит свое, — прогремел низкий голос Саджо. Генри застыл, не издавая ни звука. Человек на четвереньках подполз ближе. Капитан мог разглядеть его руки, ощупывавшие пол. Это был четвертый, он пытался отыскать оброненный пистолет.

— Я прикрываю твоего голубка, — проговорил где-то в темноте Саджо. — Я знаю, где он. Сейчас я выйду и оставлю его тебе. Никто не стреляет. Договорились?

Генри дышал медленно, ртом, не шевелясь.

— Я делаю шаг, — произнес Саджо, — не двигаться.

Ползущий неожиданно повернулся, бросился через комнату, не обращая внимания на шум. Он дышал часто и неглубоко. Треснула доска, щелкнула дверная ручка, закрипели шарниры.

— Это все тебе... — Генри нажал курок в тот же момент, что и Саджо, услышал, как слова сменились воплем боли. Дверь распахнулась и ударилась о стену. Генри снова выстрелил, бросился на пол, покатился, выстрелил, услышал пронзительное “А-а-а!”, которое тут же оборвалось. Когда звук шагов нарушил наступившую тишину, он выстрелил еще раз.

Капитан поднялся на ноги, чиркнул спичкой. Возле стула, на котором сидел Лэрри, лежал мертвый Скэнди. Проволока проткнула бледную грубую кожу его шеи. Лохматый упал возле плинтуса, его ноги, обутые в аккуратные туфли, вытянулись словно у ныряющего в момент свободного падения, руки были прижаты к груди, рот открылся, рана на щеке алела на фоне бледной с зеленоватым оттенком кожи. Восьмидюймовый конец проволоки еще дрожал в деревянной раме двери.

Генри сунул спичку в трещину на стене. В ее тусклом свете, вытащив карманный нож, освободил Бартоломео, поднял его на ноги. Юноша обмяк и что-то забормотал. Из его разбитого рта струилась кровь. Генри встряхнул его, затем шлепнул по лицу ладонью. В пустых глазах мелькнул слабый огонек.

— Пошли, Лэрри, заставь свои ноги двигаться.

Лэрри застонал, сделал попытку остановиться.

— Прежде, чем вернется мистер Колумбия, — сказал Генри.

Взгляд Бартоломео стал осмысленнее, ноги напряглись, он выпрямился.

— Пошли, — Генри помог ему дойти до двери. В узком, с неровным полом коридоре было пусто и темно. Они дошли до железной лестницы. Около нее лицом вниз лежал мужчина. Увидев тело, Бартоломео остановился.

— Пусть мертвые тебя не беспокоят, — сказал Генри мягко. — Тяжелый Джо где-то внизу, он жив, хоть в нем и сидит кусок проволоки. Думаю, что настроение у него паршивое. Уйдем через черный ход. Ты можешь стоять.

Бартоломью слабо кивнул.

— Мистер Колумбия, — сказал он глухо, — вытащи что-то из своего кармана...

— Конечно, конечно. Мы обговорим это позже. А теперь поработай ногами.

На улице Генри помог Бартоломью встать на ноги. Из темноты послышался какой-то звук. Скрипнула невидимая дверь. В открытый проем неуклюже протиснулась высокая широкая фигура, одна рука ее была прижата к плечу. Человек постоял, потянулся к выключателю на стене.

— Так и замри, Джо, — тихо сказал Генри.

Саджо обнажил зубы в невеселой улыбке. У него были большие темные глаза, бесформенный нос, квадратный, черный от щетины подбородок.

— Энрико, крошка, — проревел он. — Я где-то слышал, что ты стар, уже сжег свой порох и ни на что не годишься. Мне следовало бы знать лучше...

— Слухами земля полнится, Джо, не расстраивайся. Повернись и войди в дом. Сделай это без глупостей.

Саджо отступил в тень. Толстым языком он облизал казавшиеся черными губы.

— Чего ты ждешь, Энрико? Возможно, я никогда больше не окажусь у тебя на макушке.

Он выпрямился. Чувствовалось, что немного расслабился.

— Ты не хочешь убивать меня, и, может быть, пара моих ребят тебя выследят...

Генри нажал на спусковой крючок. Проволока впилась в дерево. Голова Саджо инстинктивно дернулась, глаза расширились, но он не двинулся с места.

— Лучше иди, Саджо, — сказал Генри.

Неожиданно Саджо улыбнулся и кивнул.

— О'кэй, Энрико, крошка. — Он повернулся, остановился, оглянулся назад.

— Словно в старые времена, да, Энрико? Как-нибудь увидимся, — он быстро ушел, как уходит человек, внезапно вспомнивший о важном деле.

ГЛАВА IV

В широком холле Административного Здания Порта Генри подвел Бартоломью к стойке для проверки. Знако-

мое, изуродованное шрамами лицо нахмурилось при виде Бартоломью.

— Привет “Дегвелло”. А что случилось с Младшим?

— Он упал, — ответил Генри. — С ним все будет в порядке.

Криволицый склонился вперед, приняхался и скосил глаза на Генри.

— Розовая водичка, правда? Он все выложил?

— Они перестарались. Он спал во время допроса.

— Какие-то шустрые ребята перехитрили сами себя, — криволицый пропечатал бумаги и махнул рукой в сторону дальнего угла холла.

— Идите напрямик. Осталось тридцать минут до того, как запустят красную ракету. А вы ловко все устроили с лишним членом экипажа. Он поднялся на борт полчаса назад.

Генри внимательно посмотрел на говорившего.

— Он был один?

— Ты что хочешь затолкать в свой Боло целый взвод? Там и троим будет тесно.

— Ага. Спасибо за все.

— Удачи, на твоём месте я бы все-таки отделался от этого мечтателя.

— Не могу. Он владелец катера.

Генри прошел через турникет, провел Бартоломью через холл к высокой стеклянной стене, за которой находилась площадка для кораблей, и где стояла спущенная с “Дегвелло” массивная бронированная машина, казавшаяся карликом на фоне сияющих силуэтов переделанных грузовых кораблей, древних катеров сопровождения, помятых лайнеров. Бартоломью качало, дыхание его было тяжелым и шумным.

— Как твоя голова, Барт? — спросил Генри.

— Отвратительно. Ноги, как свинец. Я не помню...

— Забудь об этом. Попробуй продержаться на ногах, пока мы не поднимемся на борт. Там ты поспишь.

— Думаю, я вел себя, как дурак.

— У тебя было много помощников.

На востоке небо слегка окрасилось в серый цвет. Заработал энергоблок, запах озона и выхлопных газов повис над кораблями. Люди бегали взад и вперед, отбрасывая на гудроновое покрытие по три тени каждый. Рассветный воздух был наполнен ожиданием.

В поле зрения появилась тележка, она объезжала побитый космосом корабль. Генри окликнул водителя. Завизжали изношенные шины, и тележка остановилась.

— Мне нужен Декон. Поможете?

Усталого вида человек в белом комбинезоне посмотрел на Генри без особого выражения.

— Птички мои, вы всю ночь пьете, а потом вдруг вспоминаете, что у вас нет разрешения на полет. Если бы это зависело от меня, я бы сказал: "Идите к черту..."

— Конечно, — Генри сунул ему жетон в десять кредиток. — Извините, что побеспокоил. Я думал еще кое о чем.

Он показал на Боло, стоявшего в сотне футов от них.

— О'кэй. Так как это всего-навсего машина, думаю, мне хватит времени...

Водитель поставил тележку в нужное положение, приладил шланги. Генри опустил Бартоломью на землю, подошел к панели, находящейся сбоку тяжелой машины. Вокруг нее были следы от инструментов, она открылась, как только Генри к ней прикоснулся. Внутри лежали куски разбитого замка. Кнопка с надписью "Порт: "Открыто" была нажата. Генри нажал кнопку "Закрыто", услышал, как сверху щелкнул механизм.

Рабочий запустил насос. Его поначалу тихое гудение переросло в мощный рев. Прошло несколько минут. Бартоломью растянулся на спине и засопел. Генри поднял его на ноги и стал ходить с ним, пока Лэрри не смог стоять сам.

Водитель заглушил насос, отсоединил шланги, собрал их и, запустив свой двигатель, поехал прочь.

Генри помог Бартоломью взобраться на машину.

— Я заболелю, — сказал юноша.

— Давай поднимемся на борт, там ты мне все расскажешь.

Генри открыл люк, и они оба забрались внутрь. В воздухе все еще стоял слабый запах циана. Бартоломью прикрыл рот.

— Зачем... еще Декон? Мы сделали это... перед... — он замолчал, уставившись на тело человека, лежавшего вниз головой в коротком проходе. Глаза его остекленели, рот был широко открыт, так, что виднелся толстый язык. Лицо было свинцово-пурпурного цвета.

— Боже праведный! — Бартоломью зашатался. — Здесь был человек... когда...

— Да. Пошли.

Генри протасил своего обмякшего помощника мимо трупа, уложил в люльку и пристегнул ремни. Затем щелкнул переключателем обратного отсчета, поставил часы.

— Вы знали... что этот человек... на борту, — выдохнул Бартоломью.

— Спи, Лэрри, — сказал Генри. Он пристегнулся к сиденью перед панелью, принялся нажимать кнопки. На панели засветилась лампочка, указывающая на готовность к старту. Часы громко тикали, отсчитывая секунды.

— Внимание, — раздался голос. — Ноль минус две минуты...

Вдруг послышался громкий храп Бартоломью.

Генри запустил двигатель, осмотрел приборы, глянул на специальные экраны широкого обзора.

— Десять... девять... восемь... — считал голос.

Генри отпустил сцепление, ускорил мощные двигатели Боло.

— ... три... два... один... — Боло выехал из тени "Девелло".

— Она ваша, — раздалось из динамика. — Идите и возьмите.

Они неслись вперед по неровному полю, перемахивая через препятствия или сметая их, как обезумевший дьявол. Многочисленные огни других машин постепенно исчезали с экранов, разлетевшись по всем направлениям компаса. Слева в миле от Боло мчался массивный, весом в десять тонн, вездеход. Справа по курсу с расхождением в две мили неслись две машины поменьше. Взгляд Генри переместился на панель контроля работы двигателя. На ней весело горели зеленые буквы "ХОД". Капитан улыбнулся сам себе, увеличил скорость еще на пятьсот метров в минуту. Пришло время оторваться от противников.

Рядом, пристегнутый к своей мягкой люльке, спал Лэрри.

После двадцати миль десятитонник ("Генди, последняя модель", — решил Генри), не уступая Боло в скорости, по-прежнему шел в полумиле от них. Два транспортных средства поменьше остались позади и превратились в маленькие яркие крапинки на экране. Генри щелкнул переключателем: на щите замигала розовая надпись "БАТАРЕЯ НАВЕДЕНА НА ЦЕЛЬ" — сигнальное устройство со спасенного истребителя. Он увеличил скорость еще на полкилометра в секунду. Боло рванул вперед, рассекая густой кустарник пустыни.

Через сорок шесть минут после старта в сорока милях от Панго-Ри Генри настроил направление движения на юг, ввел монитор слежения за курсом программы отклонения от случайных встреч. Боло подпрыгнул и резко развернул-

ся, люлька под Генри закачалась. Генди шел за ним следом, выдерживая дистанцию. Генри присвистнул. "Хорошо идет малыш, — подумал он, — и железка у него хорошая".

Вдруг загудела аварийная сирена. Генри прочитал данные на экране. Предмет весом в сорок килограммов, приближался со скоростью тысяча футов в секунду: легкая ракета. Капитан нажал кнопку перехвата и ответного удара, почувствовал, как дернулся Боло, когда ушли ракеты. Лампочки мигнули, показывая, что новые ракеты заняли освободившееся место. На экране появились две крошечные ракеты, едва заметные желто-белые точки на черном фоне, движущиеся в сторону атакующей ракеты.

Экраны вспыхнули, когда приближающаяся ракета превратилась в пылающее облако жесткой радиации.

Бартоломью заворочался и открыл глаза.

— Что происходит? — выдавил он.

— Какая-то беспринципная личность только что в нас выстрелила, — сухо ответил Генри. — Спи дальше.

— Выстрелила? — Сон Бартоломью, как рукой сняло. — Вы сообщили об этом?

— Я слишком занят...

— Но это запрещено законом! Разве нельзя ничего сделать?

— Конечно, можно. Мы можем произвести ответный выстрел из нашей запрещенной законом батареи.

— Капитан, мой отец...

— Заткнись! Я занят...

Десять минут две боевые машины бок о бок неслись на север, их курсы неуклонно сходились.

— Чуть ближе, — пробормотал Генри. — Подойди чуть ближе, крошка.

— Что вы делаете? — спросил Лэрри.

— Я позволю ему засунуть свою голову подальше в петлю, — сказал Генри. — Если я приближусь к нему, он может испугаться, но так как он играет круто...

— Может быть, он просто хочет с нами переговорить! — выпалил Лэрри.

— Мы перехитрим его, начав переговоры первыми, — произнес Генри и нажал на кнопку "ОГОНЬ". Вокруг Боло вспыхнуло сияние, которое унеслось вверх. Экраны неуверенно замигали. Мчавшийся за ними Генди шарахнулся в сторону, слишком поздно осознав свою неосторожность. Он еще разворачивался, когда его изображение превратилось в белое пятно. Экран стал желтым, потом крас-

ным, поблек, на нем появились длинные полосы струящейся во все стороны жесткой радиации, посыпались темные мелкие точки, — обломки машины, и наконец стало разрастаться кольцо дыма с яркими языками пламени.

Затрещал экран связи с Центром Управления Гонки.

— “Дегвелло”, что там у вас происходит? Недавно я зафиксировал возле вас два взрыва, а теперь засек меньше, чем в миле позади вас яркую вспышку. И еще очень повышенную радиацию. Теперь с неделю с неба будет сыпаться раскаленное железо! С вами все в порядке?

— “Дегвелло” сообщает Центру, — Генри подбрасывало, когда несущаяся вперед машина преодолевала препятствия. — У меня все прекрасно. Наверное, кое-кто из ребят паршиво водит машину.

— Если бы я не знал, что на катере не было оружия, у меня могло бы сложиться впечатление, что вы провезли сюда контрабанду, “Дегвелло”! Вы бы не сделали ничего подобного, не так ли?

— Боже правый, это было бы незаконно.

— На этом и порешим. Может вам лучше заявить о своих проблемах, “Дегвелло”?

— Центр, я терпеть не могу законников. Я рискну.

— Смотрите, это ваше дело. Но будьте осторожны, кто-то догоняет вас в квадрате 2-7-0. Всего хорошего. До связи.

Загудела сирена. На экране появилась маленькая машина, показавшаяся из клуба пыли (все, что осталось от Генди). Она помчалась в сторону Боло.

— Похоже, у него была с собой запасная, — пробормотал Генри. Он нахмурился, ждал, палец замер на кнопке “ОГОНЬ”. Машина проскочила в какой-то сотне ярдов от Боло, настолько близко, что Генри смог прочитать надпись на борту.

В последнее мгновение она осветилась яркой вспышкой. Палец капитана нажал на кнопку. Боло накренился. Экраны обзора почернели. Генри попытался справиться с управлением. Вцепившись в свою люльку, Бартоломью смотрел на все это широко открытыми глазами.

— Ловко, — проскрежетал Генри. — Дистанционное управление. Но думаю, что мы стреляли лучше.

— Кто они, — спросил Бартоломью. — Что все это значит?

Генри изучал карту местности. К северу от Панго-Ри протянулся длинный полуостров, он исчезал за горизонтом — полторы тысячи миль гор, пустынь и льда.

— Это значит, что в настоящее время наш путь свободен. Вполне вероятно, что мы потеряли их навсегда, если, конечно, нам удастся все время быть впереди. Но держись, Лэрри, следующие несколько дней будут слегка беспокойными.

Прошло три дня и три ночи. Генри и Лэрри сменяли друг друга за рычагами управления. Боло несся на север. Теперь на экране переднего вида маячили тяжелые ледяные скалы, за ними были видны нагромождения разбившегося льда. В энергетическом отсеке Боло словно кого-то душили. Генри боролся с управлением, пытаясь притормозить мчавшуюся вперед машину.

— Мы не можем здесь остановиться, — заорал Бартоломью, пытаясь перекричать шум. — Здесь только лед и разбитые скалы!

— Левая гусеница цепляет! — крикнул Генри. — Посмотрю, что можно сделать!

— Низкие, похожие на кустарник, деревья, пронеслись мимо Боло. Вездеход заскользил, отстрелились аварийные ракеты, затем машину занесло в сторону, из-под гусениц на сто футов во все стороны полетела ледяная пыль. Боло налетел на гребень скалы, шлепнулся в глубокий снег, пролетел еще сотню ярдов и замер после сокрушительного удара среди обломков скалы и льда.

Бартоломью выполз из люльки. Разбитая голова кровоточила. Удушающий черный дым все еще струился из-под панели. Лэрри закашлялся, стал пробираться к экрану обзора.

— Где мы? — выдохнул он, вглядываясь в бесцветную белую пустыню, которая виднелась за передней частью вездехода наполовину скрытой в снегу.

— По моим оценкам, примерно в двенадцати сотнях миль к северу от Панго-Ри, — Генри оттолкнул в сторону смятую коробку с едой, поднялся на ноги, прижимая к груди левую руку. На жесткой черной перчатке выступила кровь. — Нам повезло, что мы об этом говорим. Этот последний удар должен был бы нас прикончить.

— Вы ударили руку, — сказал Бартоломью.

Под глазами у него появились темные круги, а лицо приобрело зеленоватый оттенок.

— Со мной все в порядке, — Генри взглянул на Лэрри. — Как ты себя чувствуешь?

— У меня все болит, — ответил тот. — Я рассек губу. Он облизал языком рану на губе.

Генри отбросил в сторону коробку передач, принялся осматривать панель.

— Давай поглядим, насколько плохи наши дела...

Он резко замолчал, когда его взгляд упал на прибор на все еще дымящейся панели. Капитан с чувством выругался.

— Что там?

— Справа у нас на хвосте... Выбросить сорок тысяч кредиток за антирадарное устройство и вот тебе! Тяжелый случай — пятнадцатитонная машина, примерно в пятидесяти милях от нас.

— Вы хотите сказать, что где-то неподалеку другая машина? — промямлил Бартоломью. — Слава богу. Дайте им сигнал! Попробуйте переговорное устройство!

— Успокойся, Барт. Может, это просто совпадение, но не поставлю и пару своих старых запонок, что это так.

— Но, капитан, это невероятный подарок судьбы...

— Если эта машина нанесет нам визит, это будет самый тяжелый удар судьбы. Нам надо отсюда выбираться и побыстрее. Пошли. Готовь рюкзак!

— Бросить машину? Но это наше единственное убежище!

Генри пропустил его слова мимо ушей, затолкал еду в рюкзак, проверил заряд в своем бластере.

— Мы не нуждаемся в убежище, Лэрри. Нам требуется расстояние между нами и ними.

— Но они наша единственная надежда на помощь!

— Не стоит скулить из-за такой мелочи, как тысячемильная прогулка назад в порт. У нас есть более насущные заботы. Принеси аптечку.

Генри взял набор рамок и пластиковый ящик с официальными межевскими знаками, которые они получили в Панго-Ри, затем открыл люк и выглянул наружу. В лицо ударил колющий снег, порыв ледяного ветра полоснул его, как ножом.

— Капитан, — Бартоломью вылез из машины и дрожал на холодном воздухе. — Вы в самом деле думаете, что они могут на нас напасть?

— Угу...

— Но они не могут этого сделать. Должен же существовать закон.

— А он и существует. Закон выживания наиболее приспособленных, так его называют. Возможно, он не совсем демократичен, но все еще действует.

— Но это безумие! — Лэрри трясло. — Это насилие, это беззаконие. Они же цивилизованные люди.

— Только не эти ребята. Они собираются нас убить. Но в мои планы не входит разрешить им это сделать, если,

конечно, я в состоянии этому помешать. — Генри прыгнул в мягкий снег.

Оглянувшись на теплую кабину, Бартоломью последовал за ним.

— Но оставить вездеход и, уйти в метель — как мы можем знать, удастся ли нам вообще выжить.

— А мы и не знаем, — сказал Генри. — И в этом вся прелесть.

Через час Лэрри и Генри опустились с испещренных трещинами крутых скал на галечную косу, уходящую в замерзшую реку.

Со вздохом облегчения Лэрри сбросил тяжелый рюкзак.

— Есть проблемы? — с усмешкой спросил Генри.

Лэрри поднял на него глаза.

— Ноги болят, — ответил он и посмотрел на свои ладони. — Я уже сорвал мозоли на руках, пытаюсь приподнять лямки с плеч. А как вы?

— Я в порядке. С тобой тоже все будет хорошо. Нужно только привыкнуть к мысли о том, что ты не умрешь от небольшого неудобства.

Лэрри прикусил нижнюю губу.

— Здесь вы командуете, — проговорил он. — Но думаю, будет честным сказать вам: я не уверен в том, что было необходимо покидать машину и все находящееся в ней дорогое оборудование. И моим долгом, когда мы вернемся, будет сообщить об этом факте отцу, который финансировал это дело.

— Не стоит волноваться, он не оценит такой юмор, — Генри замер на полуслове, оглянувшись назад, в ту сторону, откуда они пришли. Послышалось тихое урчание, на фоне свинцово-серого неба мигнул слабый свет.

— О! Компания уже здесь, — он вскочил на ноги. — Надеюсь, это развеет последние затянувшиеся сомнения относительно того, что мы являемся предметом чьего-то внимания.

— Но если они действительно гонятся за нами, почему же не пошли по нашему следу? Мы прошли всего две или три мили.

— Может быть, они немного перестраховываются. Я сделал все, что мог, чтобы отбить у них охоту связываться с нами еще в Панго-Ри.

— А что все-таки там произошло? Там что имело место... насилие? — Лэрри поплелся вслед за Генри, когда тот направился вверх по склону навстречу сбивающему с ног ветру.

— Думаю, ты выбрал правильное слово.

— Кого-то ранили?

— Ну, тебе разбили губу.

— Я имею в виду серьезно.

— Не думаю. Пара ребят осталась лежать в проходе, с приступом головной боли, а у Тяжелого Джо застряла в руке проволока из пистолета Пора Скэнди, но они очухаются...

— Но почему тогда вы так уверены...

— Конечно, я убил четверых из них.

Бартоломью остановился как вкопанный.

— Вы убили четырех человек?

— Помнишь парня, которого мы нашли, когда поднялись на борт. Он получил излишнюю дозу крысиного яда...

— Кажется, помню, лицо, ... вниз головой...

— Да, это он. Ты к тому времени стал приходить в себя.

— Но вас осудят за убийство...

— Кто?

Бартоломью следовал за ним, все еще натягивая на плечи лямки рюкзака.

— Правоохранительные агентства планеты...

— Только не здесь. Здесь нет законов, нет полицейских, нет судов...

— Тогда Карантинная Служба...

— Она занята организацией Гонки. Их не особенно интересуют неудачливые участники.

— Но когда мы вернемся к цивилизации...

— Мы вне юрисдикции Алдорадо. Единственный закон здесь — это то, что ты делаешь, продвигаясь вперед. Тяжелый Джо послал за мной своих парней, я их перебил, а могло бы быть наоборот.

— Но, капитан, как вы могли это сделать? Убить человека, такого же, как вы?

— Возможно, ты будешь знать ответ на этот вопрос еще до того, как вернешься домой.

Они шагали дальше молча почти час. Пронизывающий ветер врывается в открытую кожу их лиц и рук, крупинки сухого снега секли, словно песчинки.

— Что мы будем делать, когда наступит ночь? — нарушил молчание Бартоломью. — Уже сейчас много ниже нуля, но температура упадет еще.

Яркая вспышка на мгновение осветила снег перед идущими. Под их ногами задрожала земля. Послышался глухой грохот, откликнулся эхом и затих.

— Прощай, Боло, — сказал Генри.

Он оглянулся на оставленные ими следы. Видневшиеся на покрытой льдом скале отпечатки быстро заполнял коричневого цвета снег.

— Он заслуживал лучшей участи...

— Они взорвали нашу машину? — В ослабевающем свете пожара лицо Бартоломью выглядело совершенно измученным.

— Ты по-прежнему думаешь, что это бригада технической помощи?

Бартоломью обвел глазами серые, изрезанные льдом скалы.

— А если они поедут за нами и нападут на нас здесь?

— Ну тогда мы покойники. Нужно добраться до гор, может быть, там мы найдем место, где можно спрятаться.

— А что потом? Батарей, обогревающих наши костюмы, надолго не хватит, мы замерзнем — даже если они нас не убьют...

— Мы еще живы. Давай подождем, пока преследователи совершат ошибку.

— Послушайте, — Лэрри насторожился. — Это не звук моторов?

— Может быть. Думаю, мальчики собираются отыскать нас.

— Скольких... скольких, — выдохнул Лэрри, прижимаясь к скале, — вы убили?

Генри мрачно улыбнулся.

— Тебе нравится месть в качестве мотива? — он покачал головой. — Тут совсем другое. Они тратят слишком много денег, охотясь на нас. Чувства здесь ни при чем.

— Капитан, вы ничего не замечаете? — Лэрри замер, поднял голову, принялся. — Я чувствую... какой-то свежий, зеленый запах — очень слабый...

Он кивнул вперед, в сторону следующей полосы гор.

— Оттуда...

— Правда? — Генри повернулся и странно посмотрел на юношу. — Ну, неожиданное всегда требует объяснения. Давай поспешим вперед и посмотрим.

Через десять минут они стояли на вершине холма и смотрели вниз на закрытую со всех сторон горами долину, за которой виднелась в прозрачной дымке гряда высоких белых скал. В четверти мили от них раскинулось море темной листвы.

— Боже мой, капитан, — Бартоломью не мог оторвать глаз от увиденного. — Там внизу деревья.

— Точно. Теперь у нас есть убежище, но они среди этого гладкого снега, как мухи на свадебном торте.

Лэрри и капитан побрели вниз через снежное поле. Впереди стала вырисовываться группа деревьев. Густой, с бледной корой древовидный папоротник, пятьдесят футов высотой. Мужчины осторожно осмотрелись и подошли поближе. Казалось, тенистая роща дышит теплом. Они ступили под деревья. Мягкий ветерок шевелил лохматыми листьями на низких ветвях.

— Капитан, смотрите, под ногами трава! И этот ветер! Он теплый. Он идет оттуда... — Бартоломью направился к холму рыхлой земли в центре рощицы, который был почти скрыт разросшимся плющом. Генри наблюдал за юношей, не двигаясь с места. Лэрри остановился, сорвал крошечный, бледножелтый цветок замысловатой формы.

— Невероятно! Этот оазис...

Он не договорил. Послышался какой-то звук. Крошечное крылатое существо выскользнуло из земли, пронеслось мимо шарахнувшегося в сторону Лэрри. Оно полетело дальше и упало на снег за деревьями. Какое-то время лежало, хлопая прозрачными крыльями, но скоро затихло.

— Капитан, — Лэрри оторвал взгляд от заросшего плющом холма. — Оттуда идет сияние.

Генри подошел и стал с ним рядом. Из-под ажурного покрывала дрожащих листьев пробивался зеленоватый свет.

— Там внизу что-то вроде трещины — какая-то щель, — возбужденно воскликнул Лэрри. — Воздух идет оттуда.

Генри сделал шаг вперед, отгреб в сторону густой плющ, скрывавший гладкую, похожую на скалу, поверхность. Она была абсолютно ровной, матового серо-черного цвета с отверстием шириной в пять футов и высотой в три дюйма.

— Да это же сделано человеком, — пробормотал Лэрри.

Генри кивнул. Он почти непроизвольно вытащил свой пистолет. Было тихо и спокойно, чувствовалось только легкое колебание воздуха, поднимавшегося из отверстия.

— Плита кажется старой, — прошептал Бартоломью. — Но свет... Вы полагаете?

— Никого нет дома — теперь надолго, — Генри спрятал пистолет, стал продираться через заросли плюща. Его ноги провалились в рыхлый перегной. — Давай уберем все это и заглянем внутрь.

Полчаса спустя нож Генри перерезал последнюю из сплетенных в сплошную сеть ветвей. Плющ упал, открыв

отверстие. Струя теплого воздуха вырвалась наружу, сдувая опавшие листья и раскачивая свисающие усики растений. Генри заглянул в лежащую под ними прямоугольную комнату со стенами в пятьдесят футов, голую, без каких бы то ни было украшений. Пол ее был покрыт толстым слоем нанесенной пыли и засохших листьев, из-под которых во многих местах пробивались крошечные зеленые ростки и белые кнопки грибов. На дальней стене виднелась тяжелая из сплошной металлической плиты дверь. Она была слегка приоткрыта.

— Если мы еще чуть-чуть расчистим эти заросли, мы сможем пролезть сюда, — сказал Генри. — Затем, если нам удастся выключить свет, то считай, что мы заняли классную оборонительную позицию.

— Разумно ли поступать таким образом, капитан? — На лице Бартоломью играли зеленые тени. — Может, это своего рода ловушка.

Генри покачал головой. Его глаза блеснули в призрачном желтом свете.

— Мальчишки-ловкачи, ничего не скажешь, они отыскали нас в сотне миль от наезженного пути. Но я абсолютно уверен, что они не стали бы мчаться вперед и готовить нам ловушку. Никто не смог бы этого сделать.

Он разгреб рыхлую землю и освободил проход, затем повернулся и съехал по уклону на пол захороненной комнаты. Свет шел из раскрытой двери. Дальше просматривалась еще одна комната, очень похожая на первую, но длиннее. Она была ярко освещена сиянием, исходящим из еще одного дверного проема. В центре комнаты на полу мужчины увидели орнамент из мелких предметов, напоминавших разбросанные палочки.

Бартоломью спустился вниз, подошел к Генри.

— Что это такое, как вы думаете?

Генри наклонился, поднял причудливой формы предмет из красноватого металла. К нему прицепился клочок серой ткани. Капитан разворошил палочки пальцем.

— Это скелет, — сказал он.

— Скелет? Но чей?

— Чего-то такого, что носит одежду.

— Одежду...? Но это не имеет ничего общего с человеком.

— А кто сказал, что это был человек? — хрипло и тяжело, словно слова резали ему горло, проговорил Генри.

Он повернулся и пошел в сторону ярко освещенной двери. До нее было примерно двадцать футов. В прямоу-

гольном проеме дрожала слабая дымка, словно горячий воздух, поднимающийся над местом взрыва. За ним простирались невысокие зеленые холмы, с рощицами тонкоствольных деревьев, кроны которых были похожи на сельдерей. Вдали под небом, глубиной и чистотой своей напоминавшим зеленое стекло, проступали очертания покрытых лесом гор.

— Что... — Лэрри запнулся. — Что это? Как?

Но Генри его уже не слышал. Он шел к похожему на мираж пейзажу. Нестихающий теплый ветер дул ему в лицо, неся с собой запах весны.

На какое-то мгновение, когда он проходил через дверь, давление усилилось, как бывает, когда рассекаешь, ныряя, воду на поверхности пруда, и Генри очутился среди качающихся головками диких цветов. Он наполнил свои легкие теплым воздухом, словно человек, который наконец добрался домой и внутри него освободилось что-то закрытое там давным-давно. и о чем он совсем забыл.

Затем Генри вернулся к действительности. Заставил себя повернуться и сделать шаг назад в комнату. Лэрри смотрел на него широко открытыми глазами.

— О Господи! — мягко сказал юноша. Лицо его было совсем бледным. — Что это такое, капитан? Что все это значит? Почему вы не бросили что-нибудь, прежде чем самому туда ступить? С вами могло случиться все, что угодно, когда вы прошли через эту... эту дыру в мире...

— Давай вернемся наверх и замаскируем отверстие, — оборвал его Генри. — Затем снова спустимся сюда, и ты сам посмотришь на это.

Вдали послышался и затих рокот турбодвигателя.

— Они быстро нас догоняют, — сказал Генри. — Последнюю полумиллю или что-то вроде этого мы оставляли за собой очень хороший след. Когда они на него наткнутся, счет пойдет на минуты.

— Мы сделали все, что смогли, — проговорил Лэрри, задыхаясь. — Когда мы съедем вниз, я заткну отверстие плющом, а затем, если мы закроем внутреннюю дверь, света не будет видно.

— Да, — сказал Генри. Только часть его мозга думала о тех оборонительных приготовлениях, которыми они занимались. И добавил рассеянно: — ... А если они нас найдут, им все равно проходить через дверь по одному.

Двое мужчин снова спустились в комнату, пристроили клубок сплетенных растений над отверстием. Войдя во вторую комнату, капитан и Лэрри толкнули дверь, через ко-

торую вошли. Она плавно захлопнулась. Генри повернулся ко входу.

— Капитан, этот скелет, — заговорил следовавший за ним Лэрри. — Он принадлежит какому-то негуманоидному существу — но во всех мирах, открытых нами, не было ничего, превосходящего интеллектом насекомых.

— Марсианские пирамиды, — бросил Генри.

— Но они оказались природным образованием.

— Может быть, — Генри был почти у входа. — А с другой стороны, может быть, тот, кто построил это убежище, посещал и некоторые другие места.

Лэрри схватил его за рукав, пытаясь остановить.

— Капитан! Вы ведь не собираетесь вот так просто пройти через этот проход снова, не проверив... — Генри страхнул руку юноши.

— Оставайся в комнате, если хочешь, — проревел он и пошел на свет к солнцу, цветам и траве. Проходя через дверь, он ощутил на лице легкое покалывание и в следующий момент его ноги ступили на мягкую податливую почву. Теплый влажный запах чистой земли окутал его. За стеной он услышал обрывок фразы.

— ... воздух!

Он повернулся: за аккуратно вырезанным в камне дверным проемом, глядя на него во все глаза, скрытый теньями стоял Лэрри.

— Иди сюда, Лэрри, — позвал Генри. — Нам надо установить межевые знаки.

— Капитан, — Лэрри смотрел на него очень странно, — у меня впечатление, что вы знаете это место; что вы бывали здесь раньше.

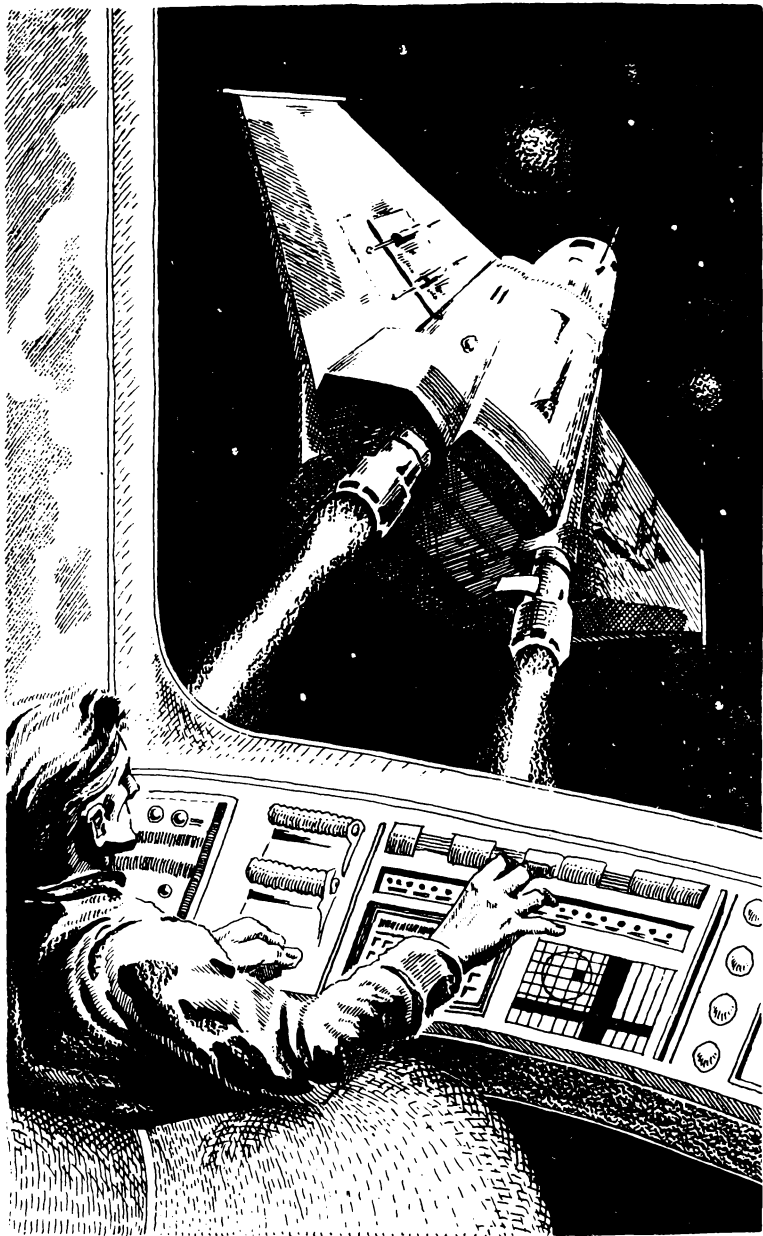
— Правда? — произнес Генри, отвернулся и пошел вперед, по мягкому, как губка, торфу.

ГЛАВА V

На берегу ручья, в полумиле от низкого, с каменным порталом здания, Генри опустил ящик с вехами.

— Ладно, — произнес он. — Давай устанавливать указатель.

Лэрри открыл легкий футляр, вытащил из него шестидюймовый цилиндр, заостренный с одного конца, и передал его капитану.



— Эти указатели, — сказал Генри, — пробивают в твердой породе себе дорогу на сорок футов вниз, затем запаивают за собой дыру и даже через тысячу лет они будут издавать непрерывный сигнал.

— Это, конечно, очень интересно, — пробормотал Бартоломью. Лицо его побледнело, и Лэрри казался больным. Каждые пять секунд он бросал взгляд в сторону дома, словно ждал, что оттуда вот-вот появится враг и раздадутся выстрелы. Генри не обращал на его волнение ни малейшего внимания. Он вставил цилиндр в отверстие в легкой рамке, лежащей на земле, защелкнул зажимы.

— Давай спрячемся: через несколько секунд гранит начнет превращаться в пар... — Он отошел на тридцать футов и укрылся за бревном. Бартоломью поковылял за ним, прихрамывая на обе ноги.

Генри нажал на детонатор. Из рамки брызнул белый огонь и раздалось низкое “Бумп!”. Несколько минут над залитым солнцем лугом сиял белый свет, обрисовывая контуры деревьев. Земля под ногами задрожала, мимо них поплыл запах горячего камня. Во все стороны полетела грязь.

Генри вручил Бартоломью ярко-красный пластиковый диск, который он снял с указателя перед тем, как установить его.

— Он уже сидит в земле, но это нам ничего не даст, если мы не сможем предъявить бирку, когда потребуют, — поэтому береги ее.

— Почему я?

— В случае, если противники меня поймают. Я не могу отдать им то, чего у меня нет.

— А если они поймают меня?

— Ты ни во что не вмешивайся и не пытайся помочь мне, если меня схватят. Спрячься, замри, до тех пор, пока не сможешь открыто выйти, затем попытайся вернуться в Панго-Ри.

— Послушайте, капитан. Я думал... насчет той второй машины. Центр контроля в Панго-Ри, должно быть, узнал, что с нами не все в порядке и выслал...

— Слишком все быстро. Они оказались там через несколько минут. Да и как насчет взрыва, который мы слышали?

— Сигнал.

— Какой сигнал? Скорее они зажгли бы костер.

— Но того, о чем вы говорите, не бывает. Мой отец...

— Посмотри по сторонам, Лэрри... — медленно сказал Генри, — ... и скажи еще раз “такого не бывает”...

Лэрри посмотрел на траву, далекие деревья и зеленое небо и слегка задрожал.

— Я... не зна...

— Это славная страна, Лэрри. Признай это.

— Да... в этом я с вами согласен... — спина юноши выпрямилась, в его голосе зазвучала слабая нота энтузиазма, которую Генри до этого никогда не слышал. Затем он резко повернулся к капитану.

— Но мы не можем сидеть здесь бесконечно, когда за нами охотятся там, наверху и когда приближается зима. Мы могли бы задержаться здесь, может быть, мы смогли бы прийти к соглашению с теми, кто преследует нас...

— У тебя всепрощающая и забывчивая душа. Расслабься. Нам еще надо установить остальные указатели, затем подождем двадцать четыре часа и попробуем выглянуть наружу.

Сияние звезд осветило широкий летний луг, словно полная луна.

— Это Йота Ориона, все правильно, — сказал Генри. Лежа на спине он ел ложкой омлет из банки. — Но черт меня дери, если я смогу найти хоть одну из остальных звезд Ориона.

— Невероятно, — сказал Лэрри. — Учитывая такое смещение созвездия, мы должны находиться более чем в тысяче световых лет от Зеленого Сектора — но это невозможно.

— Мы здесь, — сказал Генри. — Лучше делай вид, что веришь в это...

Он наблюдал за юношей. При свете костра лицо Лэрри было удивительным и взволнованным, ЖИВЫМ, каким оно ДО ЭТОГО никогда не было. “Я НЕ ХОТЕЛ ПРИВОДИТЬ ЕГО СЮДА, Дульчия... — мысленно сказал Генри своей давно умершей жене... — Я и сам не думал приходить сюда снова или мне казалось, что я не думал...”

Затем вдруг он подумал о долге, который так и остался невыполненным более ста лет назад. Генри тихо встал и ушел. Когда через некоторое время он вернулся, Лэрри вопросительно посмотрел на него.

— Что случилось, капитан?

Генри покачал головой и, стряхивая с ладоней пыль, снова присел к костру.

— Похоронные мелочи, — ответил он кратко. — Вот и все те кости, которые мы увидели, когда вошли.

— Вы похоронили тот чужеродный скелет. Но... — Лэрри замолчал на полуслове, его брови задумчиво

сдвинулись, когда он посмотрел сквозь пламя на Генри. — ... Конечно, капитан, Вам лучше знать...

Он снова обратил лицо к звездному небу.

— Я наблюдал, как движутся звезды, — продолжал он странно спокойным голосом. — Я наблюдал, как движется весь небосвод с вращением этой планеты. И я думал. Вы знаете, что значит то, капитан, что мы здесь нашли. Нам придется исследовать всю Вселенную заново. Мы сто лет находились в застое: без гиперсветовых путешествий, никогда не было бы нового Пограничья, где человек мог бы испытать себя в неблагоприятных ситуациях; мы бы успокоились, создав мир Статистически Среднего, — я-то думал, что наступит золотой век. Но теперь я вижу, что все будет по-другому! Теперь мы будем изучать эту штуку, разбираться в том, как она работает... А когда мы все поймем, капитан, тогда нам откроется вся Галактика!

Он резко повернулся и посмотрел через огонь на Генри.

— Вы понимаете, что я имею в виду?

Капитан молча смотрел в огонь. Выражение его лица заставило Лэрри замолчать.

А глядевший на тлеющие огни Генри почувствовал, как в его голове пробудились старые слова. Он думал, что забыл их давно сто лет назад, но сейчас они вернулись и звенели также отчетливо, как тогда, когда он впервые бродил по чужой земле, смотрел на чужое небо, — звенели до тех пор, пока он не опьянел от них и от новой вселенной, открывшейся ему, до тех пор, пока он не забыл свой дом, свой народ, даже первую Дульчию, ждавшую его на планете Фламм, одинокую с ребенком под сердцем, не имевшую никого, к кому можно было обратиться в трудную минуту.

О, Дульчия. Если бы я только вернулся к тебе, как пообещал. Но передо мной лежал целый новый мир — целая новая вселенная. Я должен был посмотреть. Ты понимаешь, что я чувствовал, не так ли, девочка моя?

Первые слова, слетевшие с его языка, прозвучали странно и хрипло, но он продолжал говорить и голос его постепенно зазвенел и обрел силу...

Мне все твердили: "Дальше нет пути.
Здесь твой предел. Здесь край цивилизаций.
Построй амбар и дом, зерно расти.
Здесь сытый рай ты можешь обрести.
Лишь укрепи границу у акаций".
Но глас в ночи рождался, как порыв:

“Неведомое скрыто за пределом...”
Как совесть, слаб, но властен был призыв:
“Отправься в путь, раба в себе изжив.
Преодоленью быть твоим уделом”.
Так дней лихих открылась череда...
Коня и груз я потерял в дороге,
Не раз еще ждала меня беда,
И удалялась горная гряда,
Но, изнуренный, встал я на пороге.
И марш за маршем брал я высоту,
Глотку воды, пучку травы был рад я —
Но все ж презрел запретную черту.
Я вызнал тайну, я догнал мечту,
И горный воздух стал моей наградой.
Вот ваши крики: “Дальше нет пути!”
Для отрицанья пут я избран ныне.
Я пересек ухабы и хребты.
Мне ветер шепчет: “Это сделал ты!”
И Бог один простит мою гордыню.¹

Он продолжал читать, огонь старой поэмы наполнял его вены своим светом, унося вверх к незнакомым звездам. Он забыл прошлое, столетие раскаяния и грусти, забыл даже о присутствии Лэрри, который не произносил ни звука, во все глаза смотрел на него сквозь скачущие языки пламени. Древний призыв, манивший его к мирам, на которые не ступала нога человека, с того момента, как он впервые обрел свою силу, сейчас звучал в нем подобно музыке. Последняя строфа поэмы слетела с его языка как гимн...

Вот ваши крики: “Дальше нет пути!”
Для отрицанья пут я избран ныне.
Я пересек ухабы и хребты.
Мне ветер шепчет: “Это сделал ты!”
И Бог простит мою гордыню.

Генри медленно приходил в себя после водопада чувств и воспоминаний, вызванных древними словами, и сейчас он ясно видел себя: впервые за сто лет он стоял лицом к лицу с самим собой и видел, что пламя никогда не покида-

1 Перевод Н.А.Маковец

ло его. Оно оставалось в нем, все это время, это пламя освещало ему путь вперед, только вперед, всегда вперед к новым мирам. Благородный огонь, так он всегда думал, — но во имя него совершались преступления.

— Дульчи, — пробормотал он вслух. — О, Дульчи.

Он покачал головой, как человек, стряхивающий остатки сна, и посмотрел на костер.

На противоположной стороне сидел ошеломленный Лэрри, по-прежнему не сводя с него глаз. Худощавое молодое лицо его было настолько неподвижным, что, казалось, юноша окаменел.

— Это стихотворение, — сказал Генри, — называется “Первопроходец”. Старый землянин по имени Редьярд Киплинг написал его еще в 1800 году нашей эры или примерно в то время.

— Думаю, я почти понимаю, капитан, — сказал Лэрри. Генри резко засмеялся.

— Мальчик, кто из нас что-либо понимает? — проворчал он, и чары, которые связывали двух мужчин на мгновение, рассеялись... Но не совсем, так как Лэрри по-прежнему смотрел на Генри глазами человека, увидевшего, как ожила и обрела плоть легенда.

— Капитан... — прошептал Лэрри. — Вы никогда не умрете.

— Ложись и поспи, — пробормотал Генри, укладываюсь. — На рассвете мы уходим.

На рассвете они выбрались через заблокированный проход на холод, под серым ледяным небом.

— Ночь была длинной, — сказал Лэрри. — Похоже, что здесь сейчас уже за полдень.

Генри дошел до конца долины и посмотрел на снег.

— Отпечатки ног и следы гусениц, но сейчас нет никаких следов жизни. Похоже, что они сдались и убралась отсюда.

— Что мы теперь будем делать?

— Сначала проведем разведку местности, может, где-нибудь поблизости валяются какие-то полезные куски от Боло. Затем отправимся в путь.

— Пешком? — посмотрел на него Лэрри. В Панго-Ри? Двенадцать сотен миль.

— У тебя есть другие идеи?

— Нет, я ... — юноша заколебался. — Я подумал, может, нам дать сигнал о помощи. Соберем что-то вроде коммуникатора. Не обязательно экран, любой передатчик сгодится.

— Мы ничего не будем делать, — ответил Генри. — Нас могут перехватить не те люди и явиться сюда. Нет, — он покачал головой. — Это исключено. Мы пойдем пешком. Давай осмотрим остатки машины, пока совсем не стемнело, и будем искать след. Ночью мы будем не так заметны.

Они прошли по почерневшему снегу, добрались до линии холмов, ступили в район скал и льда.

Генри остановился, прислушиваясь и вглядываясь прищуренными глазами в сгущающиеся сумерки.

— Возможно, я был слишком оптимистичен, — сказал он.

— Оптимистичен? — Худое лицо Лэрри напряглось.

— Турбодвигатели! — рявкнул Генри. — Ты слышишь? Здесь мы должны разойтись. Пользуйся компасом, иди на юг, я присоединюсь к тебе, как только собью этих гончих со следа.

— Вы хотите сказать, я должен идти один, — в голосе юноши зазвучали панические нотки.

Генри кивнул.

— Сейчас я жалею, что втравил тебя в это дело, Лэрри. Но ты здесь. Возьми бластер... — он протянул ему оружие. — И помни, я сказал тебе, что сам буду решать свои проблемы. Удачи тебе.

— Подождите! Я не могу...

— Лучше иди, Лэрри. Расходимся! — он повернулся и быстрым шагом пошел в сторону возвышенности. Сжав бластер в руке, Бартоломью стоял и смотрел ему вслед.

Со стороны нависшей карнизом над хребтом плиты послышался шум. На фоне красного вечернего неба возник силуэт крепкого с лохматой головой мужчины. Генри упал на живот. В поле зрения показались контуры низкого гусеничного вездехода. Послышался треск, затем усиленный громкоговорителем голос произнес:

— Успокойтесь и будьте умницами, и никто ничего не потеряет. Я вас честно предупреждаю. У меня двадцать человек. А вас всего двое. Так что давайте договоримся: вы по-хорошему сдаетесь, мы с вами по-хорошему обращаемся. Бросьте оружие и вставайте так, чтобы были видны обе руки.

Генри сунул руку в накладной карман, достал из него зеленую капсулу. Он проглотил ее, затем вынул из кармана пистолет, отполз немного, прячась за большими каменными глыбами. Раздались грубые голоса. Слева от Генри замигал свет, матовый бело-голубой кинжал, рассе-

кающий густеющие сумерки. Луч изменил направление, поиграл на покрытой скальными обломками земле, метнулся вверх по склону, отбрасывая на лед красно-черные тени. Когда свет чуть не коснулся его головы, Генри вжался в камень, попятился назад. Снова послышались крики. Вспыхнул второй луч. Из вездехода вниз по склону посыпались люди, растягиваясь цепью, чтобы окружить свою жертву. Луч задвигался, его ноги отбросили плотную тень.

Лежа плашмя среди нагромождений валунов, скатившихся к подножию возвышающейся над деревьями скалы, Генри прислушивался к крикам своих преследователей. Если бы ему удалось добраться до вершины, может быть он и ушел бы от них...

Капитан двинулся вперед, стараясь пригнуться как можно ниже. Перед ним в каменной стене зияла расщелина. Генри скатился в нее, напряг спину, схватился за выступ вверху, стал подтягиваться. Раненую руку пронзила острая боль, по запястью потекла кровь, горячая, как расплавленный свинец. Генри выругался, сделал еще одну попытку; мокрая от крови ладонь соскользнула. Капитан бросился вперед, промахнулся и с грохотом упал на камни. Рядом кто-то закричал. Затопали ноги, и в поле зрения показался человек.

— Не двигаться! — голос его был похож на нож, врезающийся прямо в кость. Раздался пронзительный свист. Со всех сторон Генри обступили люди, заблестели стволы пистолетов. Окружавшая его картина стала словно отдаляться. Начала действовать проглоченная им капсула. Послышался рев турбодвигателей. Вездеход подъехал ближе, ему в лицо ударил свет. Машина остановилась. С нее прыгнул человек, подошел к нему. На фоне ослепляющего света он казался просто черным силуэтом.

— Это он, Таскер? — спросил кто-то.

— Конечно, он, ты что надеялся увидеть здесь какую-нибудь толстуху из цирка? — ответил силуэт низким голосом и ткнул Генри рукой.

— Эй, деревенщина, где твой сосунок? Вы заставили меня поволноваться, пропали, как сквозь землю провалились. Где вы были?

Генри ничего не отвечал; молча он произносил слова самовнушения, которые будут усилены гипнотическим наркотиком: “Я не могу говорить, я не могу говорить...”.

— Я с тобой разговариваю, скотина! — рявкнул здоровяк и сделал шаг вперед. — Я тебя спросил, где твой щенок.

Генри смотрел, как тяжелый кулак сжался, качнулся назад...

Капитан ловко увернулся и изо всех сил двинул противника прямо под ребро. Тот согнулся пополам, и Генри нанес ему удар прямо в голову. Плоть под его кулаком показалась ему такой же нематериальной, как дым. Кто-то завопил. Тяжелый удар по шее заставил его упасть на колени. Он увидел замахнувшуюся для удара ногу и успел отвернуть лицо. Острые обломки скалы впились ему в колени, но капитан уже начинал чувствовать пока еще слабое действие наркотика.

Грубые руки подняли его. Здоровяк стоял перед ним, прижав одну руку к животу и вытирая рот другой.

— Как я пропустил твой удар, — сказал он сквозь сжатые зубы. — А теперь к делу. У тебя есть бирки от межевых знаков, давай их мне.

Генри молча покачал головой. Несколько мужчин держали его сзади за руки. Здоровяк размахнулся и ударил его тыльной стороной ладони. Голова капитана качнулась.

— Обыскать его, — заорал Таскер.

Грубые руки обшарили Генри, вывернули его карманы. Голова капитана гудела от наркотика и полученных ударов. Из раны на лбу стекала кровь.

— При нем ничего нет, Таскер...

— Давай по-хорошему, скотина! — сказал Таскер. — Ты думаешь, мы с тобой всю ночь будем возиться?

— Что с ним такое? — произнес тонкий голос. — Он слова не проронил.

— Да. Они называют это психологией. Ребята, считающие себя крутыми, думают, что так легче: если не начинать говорить, не нужно будет следить за тем, где остановиться. — Он ударил Генри еще раз. — Конечно, этот умник знает, что все не так просто. Он знает, что у нас есть кое-что, что заставит произнести речь даже железную обезьяну. Он просто изображает из себя этакого непробиваемого...

Еще один удар обрушился на капитана.

— Мне это нравится, — добавил Таскер, — это помогает мне отвлечься от боли в желудке.

— Слушай, Таскер, мы теряем время. Где пацан? — заорал кто-то.

— Наверное, прячет где-то свою задницу. В темноте он далеко не уйдет. Когда мы обработаем этого умника, у нас будет достаточно времени, чтобы отыскать щенка. А пока почему бы нам немного не развлечься?

— Да, этот гад пробуравил Пору из его же собственного пистолета...

— К черту Скэнди, этого вонючего скунса. Эта сволочь свалила меня... — Таскер расставил ноги и нанес капитану удар сначала левой, потом правой в желудок.

Боль от ударов казалась Генри такой же размытой, как звук на плохом чувствительной ленте. Его язык был огромным, тяжелым, послушным аутогипнотическому воздействию. Что-то мягкое подняло его руки над головой. Пульсация в голове и груди казалась не более чем далекими ударами барабана. Капитан заморгал, увидев перед глазами тяжелую челюсть Таскера.

— Этот сукин сын ведет себя как-то не так, Гас, — заревел он.

Невысокий человечек с темными губами и белыми волосами подошел ближе, внимательно посмотрел на Генри. Затем оттянул ему веки, наклонился и понюхал.

— Ага! Ну и хитрец! Босс, он по уши накачан наркотиками. Думаю, что-то угнетающее центральную нервную систему и оказывающее гипнотическое действие, — он перевел глаза на Генри. — Это так, крошка?

Генри посмотрел на коротышку. Его зрение пока еще не сильно ухудшилось. Он шевелил пальцами и мог контролировать свои движения. Если представится случай, будет приятно двинуть Таскера еще раз.

Его ударили по лицу подушкой.

— Не имеет смысла его бить, он ничего не чувствует, — сказал коротышка.

— Влей в него немного своих капелек, Гас! — рявкнул Таскер. — Он запечатался. Ладно. Я знаю, как срывать печати.

— У меня нет ничего, что могло бы нейтрализовать этот наркотик. Придется ждать, пока он не перестанет действовать.

— Ждать! Черт возьми! — прорычал Таскер. — Я должен действовать. Сейчас!

— Конечно, он слышит все, что мы говорим, — глаза коротышки изучали лицо Генри. — Скажи ему, что ты переломашь ему ноги, разрежешь его на кусочки. Конечно, он не почувствует этого — но будет знать, что вы делаете и, если очень постарается, то сможет сбросить гипнотическое внушение молчать.

Лицо Таскера приблизилось.

— Ты все слышал, не так ли, умник? Как тебе нравится идея насчет того, чтобы немного поработать над

тобой ножом? Или сломать тебе парочку костей? Вот так, например... — Он оскалил зубы, поднял руку вверх и рубанул ею с ужасной силой. Генри услышал, как хрустнула ключица и несмотря на наркотик, почувствовал боль.

— Будь осторожен. Так можешь свалить его... — коротышка схватил Генри за запястье.

— Пульс нормальный, — прокомментировал он. — У него очень крепкое телосложение, но можно попробовать легкое принуждение.

— Принуждение... Ну ладно, — проговорил он. — У тебя вроде есть скальпель, правда, Гас?

— Гм... Хорошая идея, — коротышка ушел.

Глаза Таскера сузились до щелочек и были похожи на ножевые раны в трупе.

— К черту щенка, — сказал он мягко. — Где шахта? — Он ждал, раскрыв рот, дыша на Генри перегаром. — Я ползал по этой земле, как муравей, говорю тебе откровенно, умник. Но не видел ни одной шахты, и в мои планы не входит ждать...

“Если бы он подошел ближе”, — подумал Генри.

— Так что, родной, лучше выкладывай. Это твой последний шанс...

Генри дернул ногой. Таскер отскочил назад. Вошел Гас и сунул ему в руку короткий нож с блестящим, острым, как бритва, лезвием. Таскер отвел руку так, что на него упал свет. Блеск металла отразился в глазах капитана.

— Ну ладно, умник, — произнес он мурлыкающим голосом...

Генри повис на веревках, сеть боли опутала его тело, словно раскаленные добела провода. Сердце стучало о ребра, как будто работала какая-то сломанная машина.

— Придется тебе остановиться, — сказал Гас. — Действие наркотика кончается. Он потерял очень много крови.

— Светает, — прокричал кто-то. — Послушай, Таскер, нам надо разыскать щенка.

— Ты что, думаешь, я забыл об этом? — проревел верзила. — Что это за человек? Я делал все, разве что кишки не выпускал, а он не издал ни звука. Где эти чертовы бирки, ты, сын одноногой проститутки? — Перед глазами Генри появился окровавленный кулак, сжимающий скальпель. — Слушай меня! У меня есть обезболивающее средство. Оно действует быстро. Как только ты скажешь, где бирки, я тебе его дам.

Голос, доносившийся до Генри, вызывал всего лишь легкое раздражение. Его мысли были далеко, они бродили по залитому солнцем берегу пруда с драгоценными камнями.

— Хорошо, умник, — Таскер был совсем близко, глаза его были безумными. — У меня в запасе есть кое-что.

Он поднес скальпель к лицу капитана.

— Я устал от этих игр. Говори сейчас же, или я выну твой глаз, как ложку с кашей из тарелки.

— Лучше дай мне заклеить некоторые из его ран, — сказал Гас. — Кроме того, мне нужен доктор, тип О, плюс, альфа три. Иначе он умрет.

— Хорошо, только поторапливайся, — Таскер повернулся к мужчинам, расположившимся на поляне.

— Эй, ребята, рассыпьтесь и отыщите пацана. Слим, возьми машину и отправляйся на восток. А ты, Гриз, — на запад. Остальные — на юг...

Генри почувствовал прикосновение пальцев, провода натянулись. Казалось, его зубы — это электроцепь, которая замыкалась каждый раз, когда вздымалась его грудь.

Заревели турбодвигатели, вездеходы на высоких колесах двинулись в разные стороны. На небе появились розовые пятна. Генри вздохнул, почувствовал, как в бок впились стальные крючья: это двигались сломанные ребра.

Коротышка насвистывал какую-то однообразную мелодию, накладывая скобки при помощи блестящего инструмента, напоминающего щипцы дантиста. Его острые концы пронзали кожу Генри с резкой болью, сопровождавшейся странным ощущением, похожим на прикосновение птичьего пера. Рядом, ворча себе что-то под нос, стоял мужчина. Его кровь стекала в банку, висевшую на низкой ветке. Гас закончил накладывать скобки, повернулся к донору, вытащил длинную иглу, всадил ее в руку Генри, обнажив в улыбке почерневшие зубы.

— Он все чувствует, Таскер. Он почти готов...

На площадке было тихо. Бормотала спросонок ранняя говорящая ящерица. На фоне жемчужно-серого неба проступали темные очертания деревьев. Вдруг стало очень холодно. Генри задрожал. Словно тупая стальная спица пробивала себе путь вдоль его позвоночника к основанию черепа, подгоняемая ударами сердца.

— Где ты спрятал бирки? — Таскер поднял скальпель.

Генри почувствовал, как металл прикоснулся к его веку. Давление усилилось.

— Последний шанс, умник, — лицо Таскера почти коснулось лица капитана. — Где твой щенок?

Генри попытался отстраниться, но его голова была словно впаяна в свинец. Таскер зарычал. В левом глазу Генри вспыхнул свет, фонтан огня, который жег, жег...

— Смотри, он теряет сознание, — голоса стали затихать, удаляться, смешались с ревом, в котором Генри поплыл, словно корабль в штормовое море, кружась, погружаясь все ниже и ниже в черноту.

Перед левой стороной лица Генри повисло красно-черное покрывало. В жемчужном тумане двигались неясные тени. Резкие голоса смолкали, прогоняя окутывающий, как вата, сон.

— ... Я нашел его, — говорил Гас. Его голос звучал настойчиво. — ... Вон там... Спрятался за твоим вездеходом...

Ему что-то ответили, но слишком тихо, чтобы можно было разобрать слова.

— Тебе незачем волноваться. Мы твои друзья, — продолжал Гас.

— Мои ребята бегают по всей округе, разыскивая тебя, — проговорил Таскер сердечно, — думаю, ты все это время прятался где-то здесь, правда?

— Где капитан? — голос Бартоломью напоминал писк.

— Не надо о нем волноваться. Скажи, бирки случайно не у тебя?

— Где он, черт возьми? — взорвался Бартоломью.

Генри безжизненно висел на веревках, которыми его запыстья были привязаны к борту вездехода. Двигая здоровым глазом, он смог разглядеть фигуру Таскера, который стоял к нему спиной, широко расставив ноги, и положив руки на бедра. Бартоломью видно не было. Слева от Таскера капитан увидел Гаса.

— Эй, юноша, проследите за своим языком, — заревел Таскер. — Мы здесь, чтобы тебе помочь, тебе, как я уже говорил... — он двинулся вперед и исчез из поля зрения.

— Оставьте меня в покое, — приказал Бартоломью. Голос его слегка дрожал.

— Послушай-ка меня, храбрец. Мне кажется, ты не совсем понимаешь, что к чему, — проговорил Таскер. — Мы здесь, чтобы помочь тебе. Мы отвезем тебя в Панго-Ри, где ты зарегистрируешь свою заявку...

— Я хочу видеть капитана Генри. Что вы с ним сделали?

— Конечно... — проговорил Таскер послушно. — Он здесь...

По покрытому жестким снегом хребту закрипели шаги. Появился Бартоломью, высокая фигура, рассекающая стелющийся под нависшими скалами туман. Увидев Генри, он резко остановился. Его рот открылся. Он прикрыл его ладонью.

— Эй, не принимай все так близко к сердцу, — доброжелательно сказал Таскер. — Ты что, раньше никогда не видел крови?

— Вы... вы... невероятное чудовище... — выпалил Бартоломью.

— Слушай, я тебя уже однажды просил не разговаривать со мной таким образом. Интересно, как ты думаешь, зачем мы здесь, от нечего делать? Этот парень упрямится, не хочет сотрудничать. Я сделал то, что вынужден был сделать. Ты можешь сказать своему предку, что мы перепробовали все способы. А теперь отдавай бирки и будем убираться отсюда.

— Боже мой... — Бартоломью не сводил глаз с Генри: большие глаза на бледном лице.

— Что, животик слабоват? Тогда не смотри на него, я позову ребят и...

— Пес вонючий... — спотыкаясь, Бартоломью отошел.

— Эй ты, ничтожная прилизанная комнатная собаченка! — Голос Таскера превратился в рев. — У меня приказ доставить тебя целым и невредимым к твоему папочке — но это не значит, что я не могу выпороть тебя, как следует...

В поле зрения появился Гас, который сзади быстро приближался к Бартоломью. Грохнул выстрел. Коротышка споткнулся, упал лицом вниз, дернулся разок и замер.

На мгновение повисла мертвая тишина. Затем раздался рев Таскера.

— Ну ты, безмозглый маменькин сынок, явился и пристрелил лучшего из когда-либо продававших наркотики врачей. Ты что спятил или...?

— Освободите его, — услышал Генри голос Бартоломью. — Я хочу отнести его в вашу машину. Там будет палата...

— Слушай, ты, негодяй, — закрипел Таскер. — Тот факт, что эта птичка жива, меня как раз не устраивает, ты понял? Ты, наверно, совсем сдурел. Твой старик...

— Перестань упоминать моего отца в своей вонючей болтовне... О такого мерзавца, как ты, он и ноги не стал бы вытирать...

— Не стал бы, ага... Слушай, ты, придурковатый сосунок, как ты думаешь, кто нас сюда послал?

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что с нашим мальчиком немного круто обошлись из-за его же доброты. Он твоего папашу раскрутил на половинную дележку и хорошо прижал его, заставив послать сюда своего щенка, подстраховываясь. Но старик не привык быть добреньким с теми, кто выкручива-

ет ему руки. Он приказал нашему умнику застолбить участок, а после этого мы должны были отнять у него бирки и привезти их ему, а заодно и тебя прихватить вместе с ними. И я должен сказать, крошка, тебе чертовски повезло, что твой старик тот, кто он есть, иначе я привязал бы тебя рядышком с этим типом!

— Вы говорите, вас послал сюда мой отец?

— Именно так, юноша. Твой старик хороший деляга.

— Вы лжете! Он не мог сказать вам, куда идти, я сам не знал...

— Ты многого не знаешь, сынок. Например, о маячке, который поместили в те замечательные ботинки, которые на тебе. Умник обыграл ребят в Панго-Ри. Ладно, это ничего не изменило. Твой левый каблук стал посылать сигнал, едва ты продырявил атмосферу, — он хихикнул. — Что ты на это скажешь, мальчик?

— Я тебе покажу, — проговорил Бартоломью. Он появился в поле зрения Генри, высокая, стройная фигура с пистолетом в руке.

— Эй, стой... — начал Таскер.

Бартоломью поднял пистолет и выстрелил Таскеру в лицо.

Генри лежал на земле, глядя вверх на бледный свет, посеребренный небо на востоке. Заработали турбодвигатели, завывли, набирая обороты. Бартоломью спрыгнул с машины, наклонился над ним.

— Капитан, вы меня слышите?

Генри сделал глубокий вдох и попытался пошевелить языком. Во рту у него находилось пять фунтов мертвого мяса. По всему телу ползли огненные муравьи, впиваясь в его плоть. Глубоко внутри разбухала, разрастаясь, боль. Он попробовал еще раз, раздалось что-то похожее на хрюканье.

— Вы серьезно ранены, капитан. Я сейчас попытаюсь втащить вас в машину.

Генри почувствовал под собой руки Бартоломью. Раскаленные ножи пронзили тело. Затем он понял, что его ноги волочатся по земле. Тяжелое дыхание Бартоломью резало ему слух.

— Я должен попытаться поднять вас на борт, капитан.

Он почувствовал под своей грудью плечо юноши, его поднимали. Боль разбухала, взорвалась, превратилась в облако мелкой пыли, заполнившей Вселенную...

Он снова лежал на спине, чувствуя под собой люльку вездехода. Она подпрыгивала, подпрыгивала. Небо было водянисто-серое, тяжелое от снега.

— Мы скоро будем там, капитан, — говорил Бартоломью. — Уже недалеко. Мы скоро будем там...

Машина неслась на высокой скорости, турбодвигатели ревели, меняя тон, когда земля резко уходила вверх.

— Еще чуть-чуть, капитан, — сказал Бартоломью, — и с вами все будет в порядке.

Теперь машина ползла, увязая в глубоком снегу. Вдруг тряска, которая наполняла Вселенную с начала времен, прекратилась, словно беззвучно разбился огромный кристалл. Во внезапную тишину хлынула боль. Генри чувствовал, что в лицо ему бьет снег.

Голос проткнул его, как нож.

— Я вернусь через минуту, надо расчистить вход.

Холод обжигал ему лицо, словно замерзшее лезвие топора. Какие глубокие удары наносил падающий топор! Но удары становились слабее, стихали, словно останавливался маятник на древних часах...

Генри заморгал. Его левый глаз склеился. Казалось, на мозг давит тяжелый груз. Вдали послышался тихий гул, переросший в непрекращающийся рев. Он напомнил Генри о водопаде, который он видел однажды на планете с низкой силой тяжести. Галатея, так она называлась. Широкая река извивалась по равнине и падала в узкое ущелье, рассыпаясь в окрашенный всеми цветами радуги занавес, вас окутывали мельчайшие капельки, мягкие и теплые.

Но сейчас капли были холодными, и они секли его, словно град...

Бартоломью стоял над ним. К его щекам прилипли хлопья снега, они таяли, стекали струйками с подбородка. Его корабельный костюм намок, плечи замерзли.

— Я снова буду вас поднимать, капитан...

Движение, боль, запах какого-то растения.

— Будете в порядке, капитан... — говорил Бартоломью, — в порядке...

ГЛАВА VI

Сон звал в свои объятия, но сначала нужно было что-то сделать. Он пытался вспомнить, что. Казалось, сознание легко ускользает от него, возвращается в мягкий далекий сон...

Генри снова напрягся, заставляя себя думать о чрезвычайно важном.



ВЕЗДЕХОД ИХ ВЫДАСТ. ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НЕГО... К ВОСТОКУ, ПРИМЕРНО В ТРЕХ МИЛЯХ ОТСЮДА, ЕСТЬ ВЫСОКИЕ МОРСКИЕ УТЕСЫ...

А ЕЩЕ ТАМ БУДУТ ЛЕТАТЬ ПТИЦЫ, ПАРЯ, РАСКИНУВ ШИРОКИЕ КРЫЛЬЯ, БЕЛЫЕ И МОЛЧАЛИВЫЕ ПОД ВЫСОКИМ СОЛНЦЕМ.

— ... отрезаю питание передатчика... — говорит Бартоломью. — Они последуют за нами и найдут наше убежище...

Генри видел лицо Бартоломью, бесцветное, небритое, щеки ввалились, губы казались черными. Бедный мальчик. Он так и не понял, против чего пошел...

— Капитан, мне придется избавиться от вездехода. Поеду на восток. На карте показано побережье — всего в нескольких милях. Может, мне удастся спихнуть его в воду...

Генри почувствовал, как на лице дернулись мышцы.

— Умница, — сказал он четко, но потом во внезапном приступе отчаяния понял, что его губы не шевелились. Он пытался вдохнуть...

Какая-то голодная хищная птица схватила его, унесла в пронизанную красными пятнами темноту. Гнилое бревно, внутри которого бушевал огонь, взорвалось, и искрящиеся личинки, извиваясь, глубоко впивались в его плоть, а время текло медленно, как застывающий воск...

— Капитан... Он перевернулся. Падая вниз, ударился о выступ, отскочил... Затем упал в воду и утонул. Не думаю, что он будет подавать какой-либо сигнал. Но они могут пойти по следу... Снег...

Голос звучал и звучал, как эхо в огромном зале. Лекция была скучной. Генри пытался устроиться поуютнее и заснуть. Но стул был твердым. Он врезался в тело. И кто-то его тряс. И холодно. Ему совсем не хотелось завтракать, он был болен. Скажите им... слишком болен...

— Я спас винтовку и немного провода, аптечку, небольшой ящик с продуктами... и брезент. Мне придется оставить вас здесь на несколько минут, попытаться отыскать место...

... Что-то двигалось в темноте среди звезд. Это был странный, со стрелообразным носом, корабль. Последовала вспышка — и его собственный корабль подпрыгнул и задрожал. Противник улетел. Но траектория его полета была в следящем устройстве.

Корабль мчался домой к пустынной планете, обозначенной на картах как, Коразон. Он бросился вслед. Тонкий луч света ударил в сторону его корабля. Металл вспыхнул и сгорел.

Генри продвигался через темноту пешком, паля из пистолета в странную длинноногую фигуру, одетую в блестящий черный костюм. Он заставил ее отступить к своему кораблю, затем к portalу, строительство которого и было целью посадки. Дверь была забаррикадирована и заперта, но капитан вышиб ее выстрелом из ластера. Войдя внутрь, он столкнулся с существом лицом к лицу.

Оно было крупнее, но он был сильнее. Наконец, оно упало замертво. Капитан посмотрел вниз на странно мирное лицо в металлической комнате. Лицо и тело, скрывавшее кости, которые он похоронил... Когда? Вчера? Но когда же они сражались?

Но злобы не было. Они оба были чужеземцами, посланцами своего народа, открывателями новых земель, претендующими на новые миры. Оно нанесло ему поражение в космосе, когда столкнулись их корабли, но когда на земле столкнулись их тела, он победил и убил его. Развязке суждено было быть такой.

... Оно закончило строительство портала, когда Генри его нашел. Ему стало интересно, и он сначала просунул руку, а затем и сам прошел через дверь в новый мир с зеленым небом...

И почти забыл вернуться назад...

Музыка была веселой, юная Дульчия танцевала с ним в Огненном Дворце... Дульчи, девочка моя, нет причины волноваться, говорил он ей...

Нет причины... Он бы не оставил ее, беззащитную, этим волкам, это уж в его силах. Если молодого Бартоломью можно было спасти... Если в нем есть то, благодаря чему можно было сделать из него мужчину... Гонка покажет это, и Генри возвратится с ним домой. Если нет, и он окажется неспособным заботиться о Дульчии, когда Генри не станет, тогда он не вернется. Генри об этом позаботится. А она не узнает. Бог ему судья, но Дульчия никогда не узнает.

Мальчик был плоть от плоти своего отца. Если он настроен идти таким образом, каким пошел его отец, то он никогда больше не увидит Алдорадо. Время покажет. Время... И гонка...

Музыка была веселой. Дульчия улыбалась ему, хрупкая, золотоволосая, тоненькая в серебряном платье с длинной юбкой, сшитом в стиле давно минувших дней. Ткань шуршала, что-то нашептывая. Она была холодной на ощупь. Лицо Дульчии тоже было холодным. На мертвых губах не было улыбки. Как неподвижно она лежала под ослепляющими лампами!

— Мы пытались связаться с вами, капитан. Я не знал, дадите ли вы согласие на операцию, пятьдесят тысяч кредиток, в конце концов, здесь не благотворительный...

Из бледного жирного лица текла кровь. Ладони на его плечах были похожи на бумагу. Он крошил камни руками, пока между пальцами не заструилась кровь, и на мгновение ему показалось, что сами рубины исходят кровью...

Он швырнул их на белоснежный стерильный пол, они запрыгали, бросая красные, зеленые, синие блики. Камни...

— Вот ваши проклятые пятьдесят тысяч кредиток! Почему вы не спасли ей жизнь!?

Под ярким светом мерцали на фоне мертвой плитки драгоценные камни. Каким холодным было ее лицо... Они попытались увести его, он кого-то ударил, но ему связали руки, сломали кости, и боль заполнила его, ревушего от ярости.

Прошла вечность. Горы поднимались из морей, по их склонам стекала грязь, унося бесчисленные трупы микроскопических мертвых существ. Штормы разбивались о вершины, реки искрились, пробивая себе путь. Прибой накатывался на низкие пляжи, купающиеся в белом солнечном свете. Образовавшийся лед разбивался с грохотом, напоминая отдаленный пушечный выстрел.

Он лежал в ледяном прибое, раскачиваемый волнами, которые тащили, тащили его за собой, не переставая.

— ... Надо проснуться, капитан. Не умирайте.

ЕГО ГЛАЗ БЫЛ ОТКРЫТ. ГЕНРИ ДОВОЛЬНО ЯСНО УВИДЕЛ ЛИЦО БАРТОЛОМЬЮ. ЕСЛИ БЫ МОЖНО БЫЛО ОБЪЯСНИТЬ, ЧТО ОН ЗАМОРОЖЕН ВО ЛЬДУ, МАЛЬЧИК БЫ ПОНЯЛ, ЧТО ЛЕД НЕЛЬЗЯ РАЗБИВАТЬ, ИНАЧЕ СНОВА НАХЛЫНЕТ БОЛЬ...

Генри моргнул. Увидел, как посветлело лицо Бартоломью. Мальчику досталось. Генри вздохнул, он хотел сказать ему... Но голоса не было.

Его язык — о Боже, неужели Таскер отрезал ему язык? Судорожными усилиями Генри толкал, кусал...

Появилось пятно боли, словно пламя свечи на фоне обгоревшего дерева. Грудь его задвигалась от того, что можно было назвать призраком смеха. Какая разница, есть ли у трупа язык!

Что-то коснулось его руки.

— У меня здесь аптечка. Этот препарат должен снимать боль. Надеюсь он поможет, капитан.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ, ЛЭРРИ. Я НИЧЕГОШЕНЬКИ НЕ ЧУВСТВУЮ, ЕСЛИ ЛЕЖУ, НЕ ДВИГАЯСЬ. ПОНИМА-

ЕШЬ, ЛЭРРИ, Я НАХОЖУСЬ ВНУТРИ ЭТОГО ПИРОГА ИЗ ТЕПЛОГО ЛЬДА...

НЕТ, ЧЕРТ ТЕБЯ ДЕРИ. НЕ ДАВАЙ МЫСЛЯМ ПУТАТЬСЯ. ЭТО ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЯСНЕНИЕ ТВОЕГО СОЗНАНИЯ ПЕРЕД КОНЦОМ... НЕ ПОГАНЬ ЕГО ФАНТАЗИЯМИ. БЕДНЫЙ МАЛЫШ! КАК, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ОН ВЕРНЕТСЯ НАЗАД? ИДТИ ДАЛЕКО, ДВАДЦАТЬ СОТЕН МИЛЬ, ГОРЫ, ПУСТЫНИ, ТРЯСИНЫ... И ПРИБЛИЖАЮЩАЯСЯ ЗИМА. У НЕГО ЕСТЬ ОДИН ГОД — КОРОТКИЙ ГОД КОРАЗОНА — ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЗАРЕГИСТРИРОВАТЬ ЗАЯВКУ.

Лицо Бартоломью напряглось.

— Я попробую зафиксировать кости, капитан. Я смогу сделать это, мне так кажется. Я прошел курс в Государственном Институте.

НЕ ТРАТЬ НА МЕНЯ ВРЕМЯ, ЛЭРРИ. ЛЮДИ ТАСКЕРА МОГУТ ПОЯВИТЬСЯ ТАМ, НАВЕРХУ, В ЛЮБОЙ МОМЕНТ. ОНИ УВИДЯТ СЛЕДЫ. МОЖЕТ БЫТЬ, ОНИ ВОЙДУТ, КАК МЫ, МОЖЕТ, НЕТ. УЖАСНО, ЕСЛИ ЭТИ МЕРЗАВЦЫ ПРИБЕРУТ К РУКАМ ЭТО...

ЗДЕСЬ ТЫ В БЕЗОПАСНОСТИ, ЕСЛИ СПРЯЧЕШЬСЯ В ЛЕСУ. НО ЧЕМ ТЫ БУДЕШЬ ПИТАТЬСЯ? МОЖЕТ БЫТЬ, ЕСЛИ ТЫ ОТПРАВИШЬСЯ НАЗАД СЕЙЧАС ЖЕ, ПОКА СНЕГ НЕ ЗАПОЛНИЛ КОЛЕИ... НО ТАМ, СНАРУЖИ, ХОЛОДНО. НАЧИНАЕТСЯ БУРЯ. ОНА МОЖЕТ ПРОДЛИТЬСЯ НЕДЕЛЮ — ИЛИ ДВЕ. ЗДЕСЬ НЕЧЕГО ЕСТЬ, НО ЕСЛИ ТЫ УЙДЕШЬ, ВЕТЕР И СНЕГ ДОБЕРУТСЯ ДО ТЕБЯ. НЕ БЕСПОКОЙСЯ О БИРКАХ, ОНИ БОЛЬШЕ НЕ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЯ. СЛИШКОМ ПЛОХО. С ДУЛЬЧИЕЙ ВСЕ БУДЕТ В ПОРЯДКЕ. ОНА УМНИЦА...

НО СТАРИК БАРТОЛОМЬЮ... Я ДОЛЖЕН БЫЛ ПРЕДВИДЕТЬ ПОДОБНЫЙ ПОВОРОТ... СТАРЫЙ ПИРАТ... ОДУРАЧИЛ МЕНЯ...

— Ладно, капитан. Я начинаю.

И появилась настоящая боль. Она продолжалась и продолжалась. Через какое-то время Генри забыл о ней. И забыл о сломанных костях и новом мире, найденном и снова потерянном, о буре, ревавшей за порталом, о людях наверху, охотившихся за ними, и о безграничной пустыне, отделявшей их от Панго-Ри. Он забыл обо всем этом и о многом другом, словно ничего никогда не было, только он один в темноте среди звезд.

Потом он начал вспоминать. Сначала, конечно, боль, затем причину боли...

Второе было немного труднее. Он получил приказ выйти из боя и отступить к Лидпэйту. Его катер подбили... Грубая посадка. Огонь... Амос...

Амос был не такой. Его лицо все в морщинах, его рожье волосы исчезли...

Амос был мертв. Что-то, связанное с садом, драгоценными камнями и девушкой Дульчи, но не Дульчийей. Только что-то в ее улыбке, в линии щеки, когда она сидела у огня...

Старик Бартоломью. Не доверяй ему. Он хочет...

Гонка. Молодой Бартоломью с ним; дым и сгоревшие подшипники...

Нет, с этим все в порядке. Только рука. Но, может быть, они забрались...

Он открыл глаза.

Только один раз. Это сделал нож. Но это был сон. Боже мой, какой сон! Пусть он уйдет, потеряется в ночных тенях... Как хорошо снова оказаться в своей кровати, вот только матрац слишком твердый. Где Дульчия?

— Капитан...

Генри различил размытую фигуру, наклонившуюся над ним. Это был мальчик Лэрри. Имя пришло к нему непонятно откуда. Что он здесь делает?

— Я приготовил вам немного супа, — голос Лэрри дрожал. Фигура исчезла. Свет стал ярче. Лэрри вернулся. Его лицо было похоже на обтянутый кожей череп. И у него была накладная борода, в полдюйма длиной. Это было нелепо. Генри захотелось рассмеяться. Не настоящее лицо на какое-то мгновение обмануло его.

Его губ коснулось что-то теплое: неопишимо восхитительная жидкость заполнила его рот. Он почувствовал, как болезненно сжалось горло. Еще немного теплой жидкости. Она огнем стекала в желудок.

Генри ел с жадностью, забывшись в экстазе утоляемого голода...

Потом Бартоломью вернулся.

— Я соорудил что-то вроде койки из брезента, чтобы поднять вас с земли. Капитан, я ужасно волновался. Почти неделя. Я боялся, что вы умрете с голоду. Я оставил консервы вам...

Лэрри говорил и говорил. Это была длинная история. Генри удивился, почему он так много говорит. И о чем...?

— ... Я поднимался наверх трижды. И не обнаружил никаких признаков того, что они там были. Я видел следы животных. Я собираюсь отправиться на охоту...

Иногда он задумывался над тем, кто такой Лэрри, и каждый раз всплывал, чтобы спросить, но это было

слишком трудно, и он погружался снова, а Лэрри наклонялся над ним, глядя на него полными тревоги глазами. Потом комната растворялась, и он снова брел по огромным пустынным долинам, продуваемым не затихающими ни на минуту ледяными ветрами, взбирался на одинокие утесы, вершины которых терялись в тумане, идя на зов заблудившихся голосов, всегда раздававшихся из-за следующей гряды скал.

Он смотрел на руку — сломанная клешня, перекрученная, вся в пурпурных шрамах, резко бросающихся в глаза на фоне белой кожи.

Серый свет едва пробивался через узкую трещину в каменной стене.

Снежные хлопья залетали внутрь, кружились, оседали, таяли, образуя длинную лужу. На полу были разбросаны лохматые шкуры животных. Струйка дыма поднималась над кучей углей, белая на фоне почерневшей стены. А еще он увидел связку темных поленьев, две грубых глиняных тарелки, огромный горшок, горку нарубленной зелени и кусок пурпурно-черного мяса. Это был странный сон — почти явь.

Генри шевельнулся, пытаясь сесть. Груз давил ему на грудь, не давая оторвать спину. Капитан сцепил зубы, приподнялся на один локоть. В воздухе висел запах древесного дыма, от невыделанных шкур шла густая дурманящая вонь. На его бедрах лежал мех с грубой шерстью. Генри потянулся, чтобы сбросить его. Голова зазвенела от удара, когда он упал. Черт возьми, что с ним такое? Может, наркотики?

Его взгляд упал на пистолет Марк IX, рядом с ним стояла пара ботинок, покрытых засохшей грязью и какими-то более темными пятнами.

Его ботинки. Внезапно он вспомнил.

Таскер и коротышка Гас. Он принес скальпель. Они подвесили его на веревках и разрезали на куски. Он умер и попал в ад.

А теперь он здесь, живой.

Странно.

Кровь застучала в висках Генри, как молот о наковальню. Лэрри Бартоломью убил Таскера и Гаса. Вот так пацан! Да, жизнь полна неожиданностей. Он же притащил его сюда — каким-то образом — и не дал ему умереть.

Генри зашевелился, перевернулся лицом вниз, подсунил под себя руки, оттолкнулся и сел. Левая рука — совсем бесполезная, замерший узел сломанных пальцев. Но правая — она удержит пистолет.

Неизвестно, сколько времени потратил мальчик, возвращая его к призрачной полужизни. Кормя супом изломанное тело, которое должно было бы умереть.

Он мог дотянуться до бластера, один выстрел — и агония закончится. И Лэрри сможет отправиться в Панго-Ри. Генри пополз, чувствуя под собой холод грубого влажного пола. Отдыхал, прижимаясь лицом к камню. Он заметил, что у него отросла борода. Он коснулся ее левой рукой — более полудюйма; прошел, по крайней мере, месяц. Черт! Потерянный месяц, и вот-вот наступит зима. Если бы мальчик пустился в путь, как только он убил Таскера...

Он дотянулся до пластмассового футляра, вытащил из него бластер. Поставил на узкий луч, подтягивая вверх, пока холодное дуло не надавило на пульсирующую жилку над ухом — и нажал на курок.

Ничего не произошло. Бластер с грохотом упал. Генри лежал обмякший, коротко, отрывисто дыша.

Он никогда раньше не совершал самоубийства. Это было тяжелое испытание. Даже когда оно не удавалось.

Лэрри пользовался бластером для охоты и израсходовал весь заряд. Вот и нет у него легкого выхода. Теперь ему придется вылезти наружу — как только пройдет слабость. Бартоломью присел на корточки рядом с ним.

— Успокойтесь, капитан. Успокойтесь. Вам лучше! Вы проползли все это расстояние — но ради всего святого, зачем вы это сделали? Здесь наверху холодно...

Генри смотрел на склонившегося над ним Бартоломью, укутанного в лохматую шкуру какого-то животного. Лицо его повзрослело, кожа огрубела, обветрилась, покрылась сетью красных жилок. У него была густая черная борода, скрывавшая рот и сраставшаяся возле ушей с копной отросших волос. На щеках обозначились морщины. Он держал в руках два грязных существа: полукроликов, полу-птиц.

— Я сварю их, капитан. Они должны быть вкусными. Вам, наверное, уже можно есть что-нибудь более существенное.

Бартоломью засуетился возле горшков.

— Капитан, после еды вы почувствуете себя еще лучше. У меня есть несколько кочанчиков какого-то растения — я называю его ледяной куст — они неплохие. Я здесь уже все попробовал. Кроме мяса вам нужны какие-нибудь свежие овощи. Наверху охотиться все труднее и труднее. А здесь, кажется нет никакой дичи... — он кивнул в сторону блестящей стены.

Он говорил, подбрасывая в огонь поленья, устанавливая горшки, потроша маленькие тушки карманным ножом. Он зажарил животных целиком, затем отрезал лучшие куски и стал кормить Генри. Рот Генри заглатывал их, словно автоматический мусоросборщик, как будто его аппетит жил отдельно от его тела.

— Капитан, скоро вы окрепнете и сможете говорить, нам надо многое обсудить — составить множество планов.

С огромным усилием Генри оттолкнул пищу, покачал головой. Бартоломью уставился сначала на него, потом на кусок мяса в руке.

— Но вы должны есть, капитан...

Генри снова покачал головой, откинулся назад, тяжело дыша, глядя прямо в глаза Бартоломью.

— Что случилось, капитан? — Бартоломью отставил в сторону горшок с мясом, склонился над Генри.

— Что-то не так?

Его выражение резко изменилось.

— Капитан, вы меня СЛЫШИТЕ?

Генри заставил себя кивнуть головой.

— И вы достаточно сильны, вы ели довольно легко. Капитан, почему вы не говорите?

Генри почувствовал, как кровь застучала у него в висках. Он вдохнул и сконцентрировал всю до капельки энергию на том, чтобы выговорить слово...

Хрип...

— Вы ЗНАЕТЕ меня, правда, капитан? Я — Лэрри...

Генри кивнул.

— Тогда почему вы не говорите?

Грудь Генри поднималась, опускалась, поднималась, опускалась. Струйка пота потекла вниз по щеке.

Лицо Бартоломью окаменело. Рука упала с плеча Генри.

— О Боже, капитан... — он осекся. — Вы не говорили, потому что не можете. У вас пропал голос. Вы немой!..

— Ничего страшного, — проговорил Лэрри. — Это, должно быть, шок. Я слышал о подобных вещах. Со временем голос к вам вернется. А пока я буду задавать вам вопросы, а вы кивайте и качайте головой. Хорошо?

Генри кивнул. Бартоломью устроился, обернул плечи шкурой, поправил издающее дурной запах покрывало Генри.

— Вам удобно? Не холодно?

Генри нетерпеливо кивнул, наблюдая за лицом Бартоломью. К ЧЕРТУ ВСЕ ЭТО! СПРОСИ МЕНЯ О ПОГОДЕ, О ГОРАХ, О ЗИМЕ...

— Вы помните... что случилось? — заволновался Бартоломью.

Генри кивнул. Бартоломью глотнул.

— Вы... конечно, вы были правы, капитан. Я... никогда не представлял, что такие люди действительно существуют...

Генри поднял голову. ПОЧЕМУ БЫ ТЕБЕ НЕ ПОКОНЧИТЬ С ЭТОЙ ЁРУНДОЙ И НЕ ПЕРЕЙТИ К ВАЖНЫМ ДЕЛАМ?

— Я занялся охотой и сбором дерева для костра. Вечером я снимал с животных шкуры, пытался их очистить и сшить вместе... — он потянул свою накидку; зеленая шкура затрещала. — Боюсь, я не слишком хорошо сделал это. А еще я делал горшки из глины — брал ее возле реки... — он замолчал.

— Но это, конечно, неважно, капитан. Как вы думаете, они пойдут на поиски спасательные группы?

Капитан покачал головой.

— Они не станут нас искать... — тихо проговорил Бартоломью.

Генри открыл глаз. ТЕПЕРЬ ОНИ ПЕРЕЙДУТ К ДЕЛУ...

— В общем-то я это знал... Целый мир, в котором можно потеряться. Но у нас кончается еда. Охота все реже бывает удачной — думаю из-за холодов. Я не отважился попробовать что-нибудь... оттуда... — Бартоломью поднялся на ноги.

— Вы устали, капитан. Вам лучше поспать. Мы поговорим завтра...

Генри попытался сесть, качая головой и глядя в лицо Лэрри.

— Но я принесу вам поесть и буду поддерживать огонь. Вот увидите! С нами все будет в порядке, капитан. И вы скоро поправитесь, скоро...

По лицу Бартоломью потекли слезы. Он вытер глаза тыльной стороной руки — Вы должны поправиться, капитан.

ДА. ИНАЧЕ МАЛЫШ ЛЭРРИ БАРТОЛОМЬЮ ОСТАНЕТСЯ ОДИН. ТАК ВОТ ЧТО БЕСПОКОИЛО ЕГО...

— Думаю, что понимаю, капитан. Вы думаете, что задерживаете меня, что вы бремя, обуза. Чепуха! Мы подождем здесь, пока не кончатся самые сильные холода, а к тому времени вы будете...

Генри покачал головой.

— Вы думаете о заявке? О сроке...

Генри покачал головой.

— Тогда вы думаете, что зимой мы не сможем пробиться...

Генри кивнул, ожидая следующего вопроса.

Генри пожевал губу.

— Тогда вам придется поспешить и выздороавливать, капитан...

Генри устало покачал головой.

— Да-да, вы обязательно поправитесь, капитан. Я не уйду без вас.

Генри сердито кивнул.

— Вы чувствуете, что нам скоро придется уходить — пока погода не стала еще хуже. Очень хорошо, я понимаю. Мы выйдем, как только вы будете готовы — и не надо качать головой — без вас я не уйду. Так что, если хотите, чтобы я вернулся в Панго-Ри и оформил заявку, придется вам, капитан, очень постараться и поправиться. Вы понимаете меня, не так ли?

Генри посмотрел на Бартоломью. Под глазами у юноши были черные круги: недели без сна, переутомление и холод оставили свой след. Его глаза пристально смотрели в глаза Генри.

Генри открыл рот. Лэрри сунул ему зажаренный кусочек. Капитан вздохнул и лег, закрыв глаза и жуя вонючее, жесткое мясо.

ГЛАВА VII

— Вы уже очень хорошо сидите, капитан, — улыбнулся Бартоломью. — Может быть, завтра вы попробуете встать.

Генри покачал головой. Он отставил в сторону миску, попытался найти руками выступ в стене, возле которой сидел.

— Не думаю, что вы должны делать это сегодня... — Бартоломью взял Генри за руку. — Но мне кажется, вы настроены решительно...

Генри ухватился за плечо Лэрри и почувствовал, какое оно крепкое. Охота, рубка дров, лазание по веревке наполняли хрупкого от природы Лэрри силой. Капитан отпустил Бартоломью, прислонился к стене.

То, что он стоял, или почти стоял, вызывало странное чувство — сколько... времени прошло? Уже шесть недель? Ноги его были, словно гнилые деревяшки.

— Капитан, это просто замечательно, а теперь вам лучше снова лечь...

Генри продолжал стоять, собрав все силы, чтобы передвинуть левую ногу: она висела вялая, мертвая. Он сцепил зубы, напрягся, нога дернулась. Ладно, по крайней мере, нога не парализована. А теперь правая...

— В самом деле, капитан...

Генри боролся, сосредоточившись на ноге. Перебитое колено неудачно вывернуто. С правой ногой дело было совсем плохо. Он перебросил вес на левую ногу, пальцы скрюченной правой едва касались пола. Голова у него кружилась — а ведь ему удалось всего лишь только встать на ноги и прислониться к стене.

Бартоломью хотел помочь ему.

— Осторожно, капитан, вы не можете позволить себе упасть...

Генри покачал головой, оттолкнулся локтями от стены, зашатался. О ГОСПОДИ, КАК ДЕТИ ВООБЩЕ УЧАТСЯ СОБЛЮДАТЬ РАВНОВЕСИЕ! Он выставил короткую ногу вперед и подпрыгнул. Нога его словно была сделана из мягкой глины. Бартоломью стоял, кусая губу, готовый ринуться ему на помощь...

Снова правая нога, еще один прыжок. СМОТРИ-КА, НА ЭТОТ РАЗ ПОЧТИ НОРМАЛЬНО.

— Замечательно, капитан. Пока довольно. Давайте я помогу вам вернуться назад, — он подошел, потянулся к его руке. Генри отодвинул его назад.

СНАЧАЛА ЕЩЕ ОДИН ШАГ. Он сделал вдох, почувствовал, как глухо стучит сердце. К ЧЕРТУ БОЛЬ! ЭТО ЕРУНДА. ПЕРЕСЕЧЬ КОМНАТУ — ЭТО ВСЕГО ЕЩЕ ОДИН ШАГ. И ЕЩЕ ОДИН, И ЕЩЕ...

— Капитан, мне не нравится этот ветер. Вам не следовало пытаться делать это сегодня. Завтра он, наверное, стихнет. Прошло два месяца, какую роль играет еще один день, — в глазах Лэрри было беспокойство.

Укутанный в жесткое меховое одеяние, Генри натянул капюшон покалеченной левой рукой, схватился за палку правой. Удивительно, сколько всего можно сделать рукой, если сухожилия не перерезаны, хотя три пальца сломаны и неподвижны.

Он двинулся ко входу своей подпрыгивающей походкой, прижав левый локоть к боку. Плохо сросставшиеся ребра болели под тугой повязкой. Шрамы на лице ныли под двухдюймовой бородой — сбившийся узел седых и белых волос. Капитан зашатался, когда через дыру ворвался ледяной ветер. Бартоломью вылез и вытащил его наверх, в секущий туман летящего снега. Генри прищурился от хо-

лода, который резал на части, словно огромный нож, капюшон слетел и хлопал по спине. Казалось, дыхание застревает в горле. Он сделал шаг, Бартоломью был рядом, поддерживая его под руку.

— Будьте осторожны, капитан. Ветер довольно сильный.

Бартоломью подтянул лямки рюкзака Генри. Тот пошевелил пальцами, почувствовал, как от левой стороны идет тупая боль. Плащ, который сшил ему Лэрри, сейчас казался намного удобнее, ботинки лучше сидели на ногах: меховые отвороты затолкали внутрь.

— Капитан, вы действительно считаете, что не стоит ждать до завтра?

Генри покачал головой, неуверенно пошел через долину к опушке леса. Лохматые самодельные башмаки Лэрри сметали снежную пудру с черных скал, которые вели вверх по крутому склону среди нагромождения валунов. Генри пробивался вверх, отталкиваясь одной рукой и локтем, нащупывая дорогу ногами, похожими на старые ботинки, заполненные ледяной водой.

Перед ним было лицо Лэрри, рука его протянулась, чтобы помочь, голос Лэрри произнес: "Начало положено. Мы в пути".

УГУ. МЫ ПРОШЛИ ПЯТЬДЕСЯТ ФУТОВ. А ПРОЙТИ НАДО ВСЕГО ДВЕНАДЦАТЬ СОТЕН МИЛЬ.

Генри наклонил голову, пряча лицо от ветра, и отправился вниз по заматаемому снегом склону. ЗАБУДЬ О БОЛИ. ИДИ, БУДТО ТЫ ЗНАЕШЬ, КАК ИДТИ. В КОНЦЕ КОНЦОВ, ЧТО ТАКОЕ БОЛЬ. НЕБОЛЬШОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРИРОДЫ. ЛАДНО. МЕНЯ ПРЕДУПРЕДИЛИ. ЗАСТАВЛЯЙ НОГИ РАБОТАТЬ И НЕ ДУМАЙ НИ О ЧЕМ ДРУГОМ, ВОТ И ВСЕ.

Считать шаги было тяжело. Десять, затем пятнадцать. Затем двадцать. Пять раз по столько и будет сто. ЕЩЕ ДЕВЯТЬ СОТЕН И БУДЕТ ТЫСЯЧА. ЕЩЕ ПАРА ТЫСЯЧ — И Я ПРОЙДУ МИЛЮ.

О ЧЕМ Я ДУМАЛ? ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ. ЧЕТЫРЕЖДЫ ПО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ БУДЕТ СТО...

К ЧЕРТУ ЭТО. ПОКА ВСЕ В ПОРЯДКЕ. ТРИДЦАТЬ ШАГОВ ОТ КОМНАТЫ. ТРИДЦАТЬ ДВА КРАБЬИХ ШАГА ОТ КОСТРА. ГОСПОДИ, КАК ЖЕ ВСЕ БОЛИТ!

Рука Бартоломью поддерживала его.

— Вы прекрасно идете, капитан, — ему пришлось кричать, чтобы его слова можно было расслышать сквозь свист ветра и окутывающий уши мех. Мальчик проделал неплохую работу. Он убивал животных, снимал с них шкуры. Неплохо для того, кто никогда в жизни не гонял

ни за чем более живым, чем статистика. Лэрри смог бы сделать это, случаются и более странные вещи. Если бы он не паниковал. Если бы ему везло на охоте. Если бы он не заблудился. Если...

Если бы он имел ковер-самолет, он мог бы полететь назад в Панго-Ри. Если бы, да кабы...

Черт возьми! Он опять сбился со счета. ПУСТЬ БУДЕТ ПЯТЬДЕСЯТ. А Я ВСЕ ЕЩЕ НА НОГАХ. ПРАВДА, ОНИ НЕМНОГО НЕМЕЮТ, НО ВСЕ РАВНО ХОРОШО. Я УЖЕ НЕ ЧУВСТВУЮ ВЕТЕР. А МОРОЗ МЕНЬШЕ ВСЕГО МЕНЯ ВОЛНУЕТ. ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ. СЛАВА БОГУ, ЗЕМЛЯ ЗДЕСЬ РОВНАЯ, НЕ НАДО ПЕРЕБИРАТЬСЯ ЧЕРЕЗ ОВРАГИ. ПРОСТО СТАВЬ ОДНУ НОГУ И ПРЫГАЙ, СТАВЬ НОГУ И ПРЫГАЙ. ЛЕГКО. ПРОСТО ПРОДЕЛАЙ ЭТО ДОСТАТОЧНОЕ КОЛИЧЕСТВО РАЗ И ТЫ СМОЖЕШЬ ОТДОХНУТЬ. ЛЕЧЬ В ЭТО ПРЕКРАСНОЕ, БЕЛОЕ, ЧИСТОЕ ВЕЩЕСТВО, И СОН УНЕСЕТ ТЕБЯ ТУДА, КУДА УХОДЯТ ЗАБЫТЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ. А ЛЭРРИ ПУСТЬ ЗАНИМАЕТСЯ ВЫЖИВАНИЕМ...

Он почувствовал руку Бартоломью на своем плече.

— Полмили, капитан. Боюсь, дальше идти будет немного труднее. Растрескавшаяся земля и куски скал...

Нога Генри натолкнулась на выступ, он споткнулся, попытался напрячь ноги, они согнулись. Капитан осел, повиснув на руках Бартоломью.

— Извините, капитан! Мне уже давно следовало остановиться для отдыха, но вы двигались вперед так хорошо...

Генри повалился в снег. Грудь его горела, правое колено пульсировало, как огромный кипящий котел, вот-вот готовый взорваться. Его бок — проклятые ребра, они будто бы и не начали зарастать, острые концы терлись друг о друга...

— Несколько минут отдыха... Вы будете себя чувствовать лучше... — Бартоломью порывлся в своем чудовищных размеров мешке, что-то достал, повозился немного...

В нос Генри ударил запах горячей говящей тушенки, его слюнные железы принялись за работу и словно горячая игла пронзила кусок плоти, лежащей за зубами.

— Капитан, я сохранил это для перехода...

Затем он жевал и глотал. Еда. Лучше, чем отдых, лучше, чем тепло, лучше, чем самые изысканные удовольствия, изобретенные в гаремах султанов. Генри закончил еду, сел, подобрал под себя ноги. Лэрри помог ему встать. Он стоял, все еще ощущая вкус удивительного тушеного мяса.

— Теперь смотрите под ноги, капитан, — Бартоломью подхватил его под руку. Генри оперся о него, попытался

сделать шаг. Получилось. Впереди, полускрытый в тумане летящего снега, простирался серый пейзаж. Он был немного похож на жизнь — туманная аллея, по которой вы торопились вперед и вперед, а когда прошли, сколько смогли и упали, и снег покрыл вас — неизвестная цель была также далека, также недостижима, как всегда...

С коленом было хуже всего. Лицо отлично обезболивало холод, а бок в конце концов, стал походить на глухой взрыв, который пульсировал попеременно с огнем в легких, а чередование подтяни — подпрыгни, подтяни — подпрыгни стало привычным, как дыхание, и казалось, происходит само по себе. Но колено... Наверняка в нем застряли осколки кости, которые теперь кромсали плоть на мелкие кусочки. Боль поднялась к бедрам и опустилась к ступне.

Они остановились. Генри оглянулся, но не увидел ничего, кроме бескрайнего снега.

— Мы преодолели полторы мили, капитан. Остановимся, чтобы чуть-чуть отдохнуть? — В голосе Бартоломью раздражение смешалось с равными частями агонии и терпеливости. Генри покачал головой: он сделал шаг, на мгновение закачался, затем снова вошел в ритм.

Он сделал глубокий вдох. Это была ошибка — огонь взвился вверх, чуть не удушил его, медленно вернулся назад, в уютную постель из раскаленных углей. Это было неплохо. Это согревало его. Но колено... Как долго может идти человек на сломанной ноге? Существовал только один способ найти ответ.

Потом он сидел, повернувшись спиной к метели, подперев больное колено. Боль стучала далекими глухими ударами, словно резиновый молоточек врача по деревянному протезу. Бартоломью что-то делал с его ногой. Капитан почувствовал острую боль от укола.

Красный снег рассекал черные тени высоких деревьев.

— Мы сделали здесь привал, здесь можно хоть как-то укрыться, — сказал Бартоломью. Он поджаривал на крошечном костре покрытое чешуей причудливое существо с клювом и мясистым хвостом.

— Это какой-то родственник тех кроликоподобных животных, которых я застрелил еще возле портала. Я уверен, оно окажется съедобным. Жаль, что оно пахнет, как горящий бутадиион.

Генри, не отрываясь, смотрел на маленькие голубоватые язычки пламени. Это был запоминающийся день. Он шел, падал, поднимался, шел...

— По-моему, готово, капитан, — Бартоломью снял тушу с вертела, отрезал кусок, передал его Генри. — Думаю, с охотой теперь все будет в порядке, этих ребят здесь будет полно. Я убил трех, хочу их заморозить про запас.

Умница. Продолжай заниматься пропитанием. Двадцать тысяч футов — это четыре мили, если напрямик. Учтем, что угол подъема в среднем составляет тридцать градусов... а в квадрате плюс в квадрате, назовем это девятимильным переходом к перевалу. Ну что ж, это, может быть, и получится. Все будет зависеть от глубины снега, ветра, незамеченных расщелин, лавин, снежной слепоты и маленьких неприступных скал, всего на несколько дюймов выше того, что может перепрыгнуть человек...

Лучше сказать ему, что надо сделать несколько кошек — из чего? И как ему сказать? Вытаптывать буквы на снегу?

Мясо было хорошим — немногим похожим на черепаху, только нежнее. Соли не было, не было сливочного масла, серебра, салфеток, тонкого стекла и фарфора, не было свечей и вина...

— Еще, капитан? Довольно вкусно, правда? Интересно, легко было бы разводить этих животных с целью продажи? Просто загадка, чем они живут. Здесь ничего нет, кроме скал и льда...

Бартоломью болтал и болтал. Генри слушал его вполуха, мысли его разбрелись в разные стороны. Старик Бартоломью, соблюдет ли он соглашение, если Лэрри все-таки вернется с заявкой на участок? Как плохо, что там нет Амоса, он бы отстаивал интересы Дульчин. Он так сильно хотел отправиться сюда. Бедный Амос. А может быть, ему в этом повезло. Его смерть не была легкой. Но несколько последних недель оставили Генри такие воспоминания, без которых можно было бы обойтись.

— Сейчас нам пора укладываться спать. У нас длинный день впереди.

Генри кивнул, сумел сдвинуться с места, проползти три фута к крошечной палатке. Бартоломью помог ему забраться внутрь. Господи, как она воняла! Но палатка ослабляла силу ветра и преграждала дорогу снегу. Капитан натянул свое меховое одеяло, улегся. **ТАК ВОТ КАКОВ КОНЕЦ! ТЫ ОБЕДАЕШЬ И ЛОЖИШЬСЯ СПАТЬ...** Генри закрыл глаза. **ТАК ОНО И БЫЛО...**

Пахло женой резиной, и на мгновение Генри снова оказался в городе на маленькой окраинной планете, которая называлась Нортроян... Он стоял в тенистом дворе кабачка и смотрел, как рабочий наваривает новые покрышки

на изношенные колеса маленького, двухместного красного автомобиля, на котором он и Дульчия приехали из порта...

— Капитан, завтрак почти готов, — силуэт Бартоломью проступал на фоне бледного света, проникавшего через прорез в палатке. Холод вцепился в нос Генри, как щипцы. Он шевельнулся, острая боль пронзила каждую мышцу.

ДОКТОР ПРОПИСЫВАЕТ ПАЦИЕНТУ ДЛИТЕЛЬНЫЕ, УКРЕПЛЯЮЩИЕ ПРОГУЛКИ ПЕШКОМ, НА ОТКРЫТОМ ВОЗДУХЕ; БЛАГОДАРЯ ИМ ОН ПОЙМЕТ, КАК ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ МУМИЯ, КОТОРУЮ РАЗВЕРНУЛИ В МОРОЗИЛЬНОЙ КАМЕРЕ.

Он лежал, прислушиваясь к ударам своего сердца, своему хриплому дыханию. Итак, все еще жив. Генри сделал пробное движение ногой. Свежая, отчетливая боль взметнулась вверх. О да, он действительно жив. Это шло вразрез с программой. Когда человек почти мертвый и у него больше полузалеченных ран, чем в среднем бывает из-за несчастных случаев за год по городу, недоедающий и плохо одетый, проводит целый день, перенапрягаясь при минусовой температуре, а затем ложится в снег спать, предполагается, что он, по крайней мере, замерзнет.

А вместо этого он жив, проснулся, и по-прежнему мертвым грузом висит на шее Бартоломью, тогда как время, которого едва достаточно для того, чтобы здоровый человек успел пройти такой путь, иссякает.

Генри сделал глубокий вдох, грудь послушно откликнулась острой мучительной болью. Он подsunул под себя руки, сел. На мгновение голова пошла кругом; огонь в груди вспыхнул с новой силой. Капитан покотился, выбрался из палатки, и сразу же ледяные пальцы порывистого утреннего ветра вцепились в него. Еда пахла получше; он начал привыкать к зловонному запаху. Помогало то, что Генри знал, какова она на вкус; как в случае с сыром. Капитан набрал полный рот снега, подождал пока он растает, стечет по горлу вниз. Бартоломью протянул ему кусок мяса. Генри впился в него зубами. Мясо было подгоревшим и застывшим внутри. Он жадно съел его.

— Я спал на ломтях, приготовленных для завтрака, — весело сказал Бартоломью. — Не хотел, чтобы они замерзли. Мы рано выступаем. Солнце взойдет только через полчаса.

Жизнь чертовски извращенная штука. Если бы сразу же за следующим подъемом его ждала награда: хорошенькая девушка, банковский счет, отпуск, оплата всех расходов...

Он бы рухнул замертво в сотне ярдов от пещеры.

Но единственное, что было впереди, это двенадцать сотен миль пустыни, ну, может быть, сейчас только одиннадцать сотен и девяносто пять. А он сможет продержаться еще час или два, или три, растягивая угасающую жизнь.

— Ветер дует нам в спину, — сказал Бартоломью. — Конечно, это немного поможет, но мне кажется, что он принесет более холодную погоду. По-моему, уже сейчас около тридцати градусов мороза. Думаю, что еще пара градусов не имеет большого значения.

ДА, БОЛЬШОГО НЕ ИМЕЕТ. ТОЛЬКО ЗАМОРОЗИТ ТЕБЯ НА ХОДУ МЕЖДУ ДВУМЯ ШАГАМИ; УБЬЕТ ОБНАЖЕННУЮ КОЖУ БЫСТРЕЕ, ЧЕМ ДЮЖИНА НЕОСЛАБЛЕННЫХ МЕГАКЮРИ. НО, ВОЗМОЖНО, ЭТО УПРОСТИТ ДЕЛО; БЫСТРАЯ СМЕРТЬ ВСЕГДА БЫЛА ВЕСЕЛЕЕ, ЧЕМ ЭТО ПОДДРАЗНИВАНИЕ.

Бартоломью сложил палатку, надел на плечи свой мешок и подошел к Генри.

Этот чертов дурак еще скалится.

— Сегодня у нас будет хороший денек, капитан. У меня предчувствие.

Он взял Генри под руку, тот оттолкнул его и сам встал на ноги. Какого черта мальчик должен тратить силы, поддерживая его, сохраняя ему остатки убывающей жизненной энергии? Как будто он вовсе не хочет умирать...

Позже он понял, что так и было. И не то, чтобы появилась какая-то надежда: количество миль было бесконечным; с холодом состоялось лишь поверхностное знакомство. И если бы сейчас им встретился какой-нибудь водонепроницаемый Св.Бернард с ожерельем из чудес вокруг шеи...

Он все равно остался бы немым, одноглазым калекой, безжалостно изувеченным, с ужасными шрамами, потерявшим много необходимых органов. Человек в таком состоянии не захотел бы жить, даже если бы он и не зависел ни от кого. Это достаточно ясно. Почему же тогда он шел и шел вперед, опустив голову и надвинув на лицо вонючий капюшон, сцепив от боли зубы, почему мысли о еде, теплой постели и блаженном отдыхе мучали его, как насмешливые бесята?

Время утратило свое значение. Существует бесконечность бесконечностей внутри бесконечности; и бесконечность вечностей внутри вечности. Вечность прошла, пока он выздоравливал; потом он лежал в снегу, одурев от усталости, затем краткое, острое ощущение пищи, затем снова вечность.

Солнце стояло высоко, бледный диск в сияющем небе; потом оно висело на западе, разбрасывая холодный свет без малейшего намека на тепло, и было меньше, чем ему следовало бы и слегка не того цвета. Бартоломью суетился, разводил костер, болтал.

— ... по моим оценкам добрых двенадцать миль. А горы ближе, чем мы думали. Воздух непрозрачный. Из-за этого кажется, что все дальше, чем на самом деле. Мы почти добрались до подножия, последний час мы уже шли немного в гору.

Голос включался и выключался.

— ... вы согласны, капитан?

Мальчик все еще задавал вопросы оракулу — хрому, изувеченному, полуслепому оракулу, умирающему у него на глазах.

КОНЕЧНО. ВСЕ, ЧТО БЫ ТЫ НИ ГОВОРИЛ, НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ. ПОШЛИ.

Генри глотнул, поднялся на ноги, сердито вырвался, когда Бартоломью попытался помочь ему надеть рюкзак. Юноша двинулся вперед, проваливаясь в глубоком снегу. Генри последовал за ним.

Вершина маячила над ними, закрывая небо. Ветер снова изменился и теперь дул с запада, поперек склона, неся с собой острые градины. Сугробы здесь были глубже, сухие, как из пудры, расплывавшиеся под ногами, как пыль в пустыне; каждый шаг отправлял вниз маленькую лавину.

Впереди шагал Бартоломью, длинноногий, высокий, он взбирался на склон, как олень, и ждал, пока Генри дотащится до него.

— Капитан, мне не нравятся тучи, — крикнул он. — У них какой-то желтоватый оттенок. Боюсь, что это к сильному снегу... И очень быстро темнеет...

Генри поравнялся с ним и пошел вверх, не оставиваясь. Перед ним лежал длинный склон, белый, гладкий, в пятнах голубых теней, стрелой поднимавшийся к вершине перевала. К чему тратить время на пустые разговоры о погоде? Просто иди вверх, вверх, в холод, в разреженный воздух, не думая ни о чем, кроме того, что, либо ты дойдешь до вершины, либо умрешь здесь.

Он упал, Бартоломью стал тянуть его за руку. Генри встал на четвереньки, с трудом поднялся на ноги. Нельзя допускать, чтобы мальчик тратил силы попусту. Он должен идти вперед... Так долго, как только сможет, ... идти, пока не разорвется выскакивающее из груди сердце. Мо-

жет быть, в один прекрасный день их тела найдут, глубоко вмерзшими в голубой лед, отлично сохранившиеся, молчаливое воспоминание о старых днях, давних временах, когда люди голыми руками пытались укротить чужой мир...

Он снова упал. Руки Бартоломью потянулись к нему. Ветер выл, унося слова юноши. Генри покачал головой, тяжелый, мокрый снег залепил ему рот, зрячий глаз. Он оттолкнулся ногами от выступа, прополз еще фут. Так было легче. Уклон был крутым. Он вытянул руку и искалеченную клешню, подобрал под себя ноги. Еще фут. Где теперь Лэрри? Умница. Больше не тратит силы попусту. Ушел вперед... Теперь можно отдохнуть...

Бартоломью вернулся, потянул его за руку. Опять за свое... По-прежнему намерен тащить мертвеца через гору. Нельзя допускать, чтобы мальчик изматывался из-за него... Умирай, тело... Умирай и дай нам обоим отдохнуть.

Он не мог вспомнить, зачем была необходима операция. Она длилась уже так долго. Действие обезболивающего средства заканчивалось и он чувствовал, как врезается в него скальпель, врезается в глаз...

Нет, в колено. Они вырезали его, а теперь на его место наварили стальной сустав. Идиоты. Нельзя наваривать сталь на плоть. И газ, которым он дышал: от электрода вспыхнул огонь; газ горел и он вдыхал бледное пламя, голубой огонь, который выжигал ему грудь...

Черт знает что, а не похороны. Его несли вниз головой, даже без гроба. Человеку необходим гроб. Когда ты мертв, без ящика, сдерживающего ледяной ветер, холодно. К тому же они раздели тело. И кто-то отрезал ему ступни и кисти...

Обрубки болели, но не так ужасно, как колено. Они и его хотели отрезать, но было слишком трудно. Потому что оно сделано из стали...

Взрыв вернул Генри к жизни. Конец мира. Через мгновение другие тела, которые подняло в воздух на кладбище, обрушатся вниз...

— ... сожалею, капитан...

Вот и одно из них. Хотя это не тело. Но говорит.

А что этот человек сказал? "Сожалею".

О да, как жалеют, когда все закончено. Жалеют обо всех утраченных возможностях, обо всех жестоких словах, обо всех неиспробованных радостях, обо всех обманутых ожиданиях.

— ... но нельзя... дальше... — услышал Генри.

ДАЛЬШЕ... ДАЛЬШЕ...

— ... минута... попробуем снова...

Попробовать снова. Если бы только человек мог. Самое ужасное в смерти — это барьер, который встает перед тобой и всеми теми делами, которые тебе следовало бы сделать когда-то, давным-давно, когда ты был еще жив.

Но если бы тебе удалось прорваться через барьер...

Может быть, если бы ты попробовал...

Существовало нечто такое, чего кто-то хотел. Это была какая-то совсем простая вещь, если бы только он мог вспомнить...

— Пожалуйста, капитан. Просыпайтесь! Просыпайтесь!

Он вспомнил. Он должен проснуться. А это значило открыть глаз...

Нет, это было слишком трудно. Легче было притвориться, что он жив — кто заметит разницу? Это была разумная мысль. Генри хотелось засмеяться вслух. Он притворился, что он проснулся. Он пошевелил ногами — это важно, откуда-то он это знал, и руками...

Одной руки не было. Да, кто-то ее когда-то отрезал. Но другая была при нем. Она оканчивалась стальным крюком, и он вытянет ее, ухватится за что-то, подтянется, затем вытянет снова...

Зазвенели голоса, громко, ясно — и быстро оборвались. Генри подождал, прислушиваясь. Он слышал вой ветра, стук крови в висках и больше ничего.

Он был на горе — он помнил это. И он ясно помнил похороны.

Но кто-то кричал. Он был один здесь, на горе, куда взбираются мертвецы, и все же крик прозвучал где-то впереди.

Его рука — железный крюк. Он выбросил ее, зацепился за что-то, подтянулся. Это был нелегкий способ передвигаться, но он почему-то казался правильным. Генри подтянулся, снова выбросил руку, но ничего не коснулся. Странно. Он оттолкнулся ногами, распрямился...

Мир перед ним закачался. Повиснув в воздухе, он какое-то время удерживал равновесие, затем стал падать — затем шок, мгновение разрывающей на части боли — и бесконечная мягкость, окутавшая его в тишине, сквозь которую, издавек, позвал его голос.

Пахло дымом и горячей едой. Генри приоткрыл один глаз. Он полусидел — полулежал, прислонившись спиной к покрытой мехом каменной стене. Над ним висел карниз, заканчивающийся занавесом из звериных шкур. Рядом с ним у маленького костра, подкладывая дрова в огонь, сидел на корточках Бартоломью.

— Как раз время обедать, — прокаркал он. На огрубевшем лице, над черной, покрытой инеем, бородой блестя глубоко запавшие глаза.

— Я выкопал вас из сугроба, он прервал ваше падение.

Руки Генри болели. Он поднял одну, посмотрел на горячие, темно-красные пальцы.

— Ваши руки сильно замерзли, но я отмассировал их у костра; думаю, с ними все будет в порядке. Я тоже немного обморозил ноги.

Генри перевел на него взгляд, увидел окровавленные куски меха, обернутые вокруг ступней Бартоломью. Капитан откинулся назад и закрыл глаза.

— Вы поняли, капитан, не так ли? — прохрипел Бартоломью. — Мы прошли через горы, преодолели перевал. Еще пара сотен футов вниз по южному склону. Мы дойдем, капитан! Мы дойдем...

ГЛАВА VIII

Капитан Генри стоял на проталине. Он прижал онемевшие пальцы правой руки к бедру, боль прострелила его до локтя. Он нажал сильнее. Суставы неохотно поддались — пальцы согнулись на четверть дюйма.

Со стороны леска послышался звук шагов. Появился Бартоломью, бородатый, широкоплечий, на его поясе болтались полдюжины тощих, с выпуклыми глазами, зверьков. Он бросил их на пол, снял лук и колчан, присел у огня, достав нож с коротким лезвием, которым всегда потрошил животных.

— Паучьи крысы, — сказал он, — ничего другого нет.

Генри неуклюже поднял лук, критически осмотрел его, затем показал на добычу и кивнул.

— Я становлюсь довольно метким, — продолжал Лэрри. — Последнего я подстрелил более, чем с тридцати ярдов.

Генри неуклюже вытащил из кобуры бластер, сомкнул вокруг него большой палец и мизинец и попробовал положить указательный палец на курок. Оружие упало на землю. Генри сердито покачал головой, с трудом наклонился, поднял его, сунул в кобуру и снова принялся разрабатывать пальцы.

— Я видел следы от другого костра, — сказал Бартоломью. — Прошло не более недели.

Генри поднял палку, разгладил грязь ботинком, нацарапал слова. Бартоломью склонил голову и прочитал:

СЕГОДНЯ МЫ БУДЕМ ДЕЖУРИТЬ

Бартоломью кивнул. Он вытянул руку вверх, ухватился за трехдюймовой толщины ветку, потянул, она с треском упала. Лэрри оборвал засохшие листья и сломал ее о колено. Его кожаная куртка треснула на боку несколько дней назад, через дыру Генри увидел, как играют под рубашкой крепкие мышцы. Лицо юноши почернело от солнца, мощная линия шеи поднималась над широкими, сильными плечами. Его мускулистые, сильные руки загорели. За эти последние месяцы похода он изменился.

Под деревьями что-то шевельнулось, Бартоломью вскопил, натянул лук и одним движением приладил стрелу. Генри вытащил из кобуры бластер. Пальцы неуклюже сжались. Из рощицы выскочило длинноногое, длиннее существо, стало карабкаться вверх по склону, выбивая копытами перегнившую траву. Генри поднял бластер, нащупал курок. В стволы ближайших деревьев ударила короткая вспышка.

Тетива лука зазвенела. Раздался свист стрелы. Животное споткнулось, упало, покатилося, брыкаясь, и затихло. Его причудливо сочлененные ноги спутались.

Мужчины пошли вверх. Стрела, пущенная Бартоломью, торчала из-под лопатки животного; очищенная от коры ветка белела на фоне гладкой серой шкуры.

Над стволом дерева, развороченного неудачным выстрелом Генри, поднималась струйка дыма.

Бартоломью вытащил нож и принялся за работу. Генри взял в более здоровую руку пустую бутылку для воды и пошел вниз. Пройдя сотню футов, он резко остановился и замер, вглядываясь через подлесок в хижину под деревьями.

Она представляла собой кособокое сооружение, собранное из пластиковых панелей. Вокруг нее было тихо. В стене, обращенной к нему, виднелись два маленьких окна; темные, пустые квадраты из прозрачного пластика. Сбоку лежала куча сухих листьев, принесенных ветром; дикие весенние цветы пробивались из груды полусгнившего мусора.

Генри бесшумно вернулся назад к прогалине, где Бартоломью поджаривал над огнем ломти мяса. Юноша поднял глаза и Генри махнул головой в сторону хижины. Лук мгновенно очутился у него в руке.

Генри повернулся, пошел по глубокому слою перегноя. Мужчины обошли хижину, подкрались поближе. Через четверть часа они стояли у двери покинутого сооружения. На сморщенной пластиковой панели виднелся след от бластера. Дверь была распахнута, замок сломан. Генри шагнул внутрь. В нос ему ударил запах плесени и разложения. В углу лежал скрюченный, сильно разложившийся труп. Стоя за спиной Генри, Бартоломью смотрел на уродливое лицо. Генри подошел к покрытому пятнами комоду, выдвинул ящик: из него выпрыгнул двенадцатиногий паук и заспешил прочь.

— Они намеренно уничтожили все, прежде чем покинуть это место... — Бартоломью открыл стенной шкафчик. На крючках висела покрытая пылью одежда. Он сдернул покрытый плесенью корабельный костюм, проверил контроль; ткань потеплела.

— Вот капитан, теперь вы будете спать в тепле.

Покрытое шрамами лицо Генри исказила кривая улыбка. Он принялся срывать с себя гниющий мех.

Бартоломью взял с полки коробку, открыл ее.

— Они оставили нам кое-какие полезные вещицы! Господи, разве это не чудо — вымыться и избавиться от этих ужасных бакенбард?

Генри посмотрел в зеркало: из-под седых бровей на него смотрел один яркий глаз, вправленный в лицо из древней, покрытой шрамами, кожи. Прямые белые волосы падали на плечи. Сзади щелкал ножницами Бартоломью. Он поймал в зеркале взгляд капитана.

— Капитан, я не знаю — шрамы... Я хочу сказать, ваша борода, на мой взгляд, очень примечательная!

Губы Генри удивительно изогнулись. Он кивнул.

— Я только подстригу ее немного... — Бартоломью осторожно обрезал косматую гриву Генри, затем придал форму трехдюймовой бороде и принялся за собственные черные кудри.

Он коротко подстриг волосы, срезал бороду, затем намылил лицо и побрился старым лезвием.

— Так намного лучше, — он взглянул на себя в потрескавшееся зеркало. — Я изменился, капитан. Не знаю, узнал бы я себя...

Генри наблюдал, как Лэрри натягивает корабельный костюм, застегивает змейку; он как влитой сидел на его массивной груди и крепких плечах.

— Одежда многое меняет, — сказал Лэрри. — Я вдруг вспомнил об удобствах, без которых мы обходились сто девяносто дней.

Он бросил резкий взгляд в сторону капитана Генри.

— По моим подсчетам, мы прошли более одиннадцати сотен миль. Нам осталось немного.

Генри сухо кивнул. Он вышел из хижины, выбрал место, где землю устилал мягкий папоротник, и растянулся на нем. Бартоломью последовал его примеру.

— А это мысль, капитан. Отдохнуть немного, — он пододвинулся к Генри. — Прошло более шести стандартных месяцев с тех пор, как мы покинули Панго-Ри, — сказал он задумчиво. — Они уже совершенно забыли про нас. Когда мы доберемся до порта, думаю, вы пойдете готовить наш отлет, а я зарегистрирую бирки.

Генри поднял на него глаза.

— Конечно, на оба наших имени, — добавил Лэрри. — Любой из нас может подать заявку, если одного убьют. Выживший получит все.

Глаза Генри прищурились. Он не сводил глаз с лица Лэрри. Луч солнца упал на него, подчеркнув волевой подбородок, грубость черт. Генри нахмурился. Лэрри нахмурился в ответ.

— В чем дело? Вы думаете, будут какие-то проблемы?

Генри слабо улыбнулся. Сейчас глаза юноши были настороженными и недоверчивыми. Под взглядом Генри их выражение стало жестким и суровым. Впервые Генри заметил, что черные брови над этими глазами стали гуще и начали напоминать темные и сердитые брови старшего Бартоломью.

Гонка делает человека жестким, но такой человек может стать как на сторону добра, так и на сторону зла. Лэрри еще предстоит показать, в какую сторону события, произошедшие здесь, на Коразоне, повернут его — станет ли он тем, кто подойдет Дульчии, или окажется “достойным” сыном своего отца. Если последнее, то сейчас его мысли заняты ценностью их участка...

— Ладно, сейчас не будем об этом говорить, — сказал Лэрри резко. — Давайте хорошо выспимся. Поговорим утром.

Солнце светило Генри прямо в глаза, и он проснулся. Рядом с ним ржавым кухонным ножом, найденным в хижине, был прижат к земле кусочек бумаги. Капитан развернул его.

Я ОТПРАВЛЯЮСЬ ВПЕРЕД В ПАНГО-РИ. ОДИН Я СМОГУ ДОБРАТЬСЯ ТУДА БЫСТРЕЕ. ЕСЛИ БУДУТ КАКИЕ-ТО ПРОБЛЕМЫ, ТО МНЕ ЛЕГЧЕ ИХ УЛАДИТЬ, ЧЕМ ВАМ. К ТОМУ ВРЕМЕНИ, КАК ВЫ ДОЙ-

ДЕТЕ ДО ПАНГО-РИ, ЗАЯВКА БУДЕТ ЗАРЕГИСТРИРОВАНА. И МОЙ ВАМ СОВЕТ — БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ ПРИ ВХОДЕ В ГОРОД.

ЛЭРРИ.

Генри яростно скомкал бумагу, отшвырнул ее в сторону. Затем схватил свой рюкзак, быстро затолкал в него еду, оставленную Лэрри, натянул его на спину и, взглянув на солнце, направился на юг.

Два дня спустя он ступил на раскисшую немощеную дорогу, всю в ямах и бороздах, рассекающую густой лес, как ножевая рана.

Через час в поле зрения появился грузовик, двигавшийся с севера. Из-под его воздушных подушек во все стороны летели широкие струи грязи. Он затормозил, шлепнулся в грязь. Из кабины высунулся краснолицый мужчина.

— У тебя впереди долгая дорога, парень, если ты направляешься в Панго; до него сто тридцать миль. Лучше запрыгивай на борт, — он посмотрел на Генри и проговорил более тихим голосом. — Что с тобой случилось, братишка?

Генри забрался на борт, одарил водителя быстрой улыбкой.

— Осторожничаешь? Ну ладно. Не могу сказать, что я на тебя обижаюсь.

Он отпустил сцепление, — грузовик рванул вперед, сопровождаемый воем изношенных турбодвигателей.

Через пять часов Генри соскочил с грузовика на окраине разрастающегося нового города, который возник вокруг гудящего порта Панго-Ри. Водитель помахал ему рукой.

— Удачи тебе, парень. Хотя ты и не ахти какая компания, но я все равно тебе это скажу — от разговора с тобой ухо не отвалится...

Грузовик помчался вперед. Генри подождал, пока он скроется из виду, затем быстро, как только позволяло изувеченное колено, пошел в сторону убогих башен, выросших на том месте, где прежде был Палаточный Городок.

Толпа из “Солнечной Короны” была другой. Торопящиеся женщины улетели, горластые оптимисты исчезли; пьяные искатели приключений нашли более веселое окружение для своих развлечений.

Сейчас возле ободранной стойки бара, за которой неопрятного вида барменша с крашенными волосами напол-

няла стаканы из захватанной пальцами бутылки, сидело с каменными лицами несколько водителей грузовиков. За дальним столиком угрюмого вида мужчины потягивали напитки из больших стаканов. Шум, доносившийся с вечерней улицы, казался очень далеким. Генри занял место в кабинке посреди комнаты и дал официанту знак принести закупоренную бутылку, налил в стакан на дюйм жидкого желтоватого напитка и стал ждать. Один из мужчин поднялся из-да столика, прошел мимо Генри, бросил на него резкий взгляд и вышел через боковую дверь.

Генри допил налитое, плеснул еще. Вышедший мужчина вернулся, снова посмотрел на Генри. Капитан внимательно рассматривал содержимое стакана. Прошли три медленных часа. Вдруг резко распахнулась входная дверь и в нее проскользнул узкоплечий седоволосый мужчина с близкопосаженными глазами и сжатыми губами. Он быстро прошел к столику в конце зала, наклонился к рыжему, с грубой шеей, громиле, и что-то прошептал. Рыжий прошептал что-то в ответ. Генри уловил кусочек фразы "... он похож..."

Под столом Генри нащупал бластер, вытащил его из кобуры, неуклюже обхватил непослушными пальцами, положив указательный на курок.

Коротышка отошел от стола; рыжий встал и направился к двери, остальные трое последовали за ним. Тяжелые бластеры покачивались на их бедрах. Когда они поравнялись со столиком Генри, он поднял пистолет и навел его на квадратную пряжку на поясе, перетянувшем внушительный живот рыжего. Громила замер, его веснушчатая рука потянулась к бедру, остановилась, упала вниз. Шедший за ним третий присел, схватился за бластер...

Генри сдвинул свой пистолет на дюйм в сторону, пристально посмотрел в глаза присевшему. Тот медленно выпрямился, опустил руки.

Генри повернулся к столу, бросив беглый взгляд на мужчин у стойки. Они согнулись над своими стаканами, не замечая происходящего.

— Что это за игра, дедушка? — проскрипел рыжий.

Генри едва повернулся, не сводя глаз с лица громилы. Бесцветные глаза того прищурились под густыми рыжими бровями.

— Тебе что, жизнь надоела? — начал было он, но выражение его лица быстро изменилось.

— Хоуд! — рявкнул он. Стоящий за ним человек осторожно вышел вперед, впился взглядом в лицо Генри.

— Ты его видел раньше?

— Нет, я ... — Хоуд осекся, рот его открылся... — Господи Иисусе...

— Угу... — сказал рыжий. — Ладно, папаша. Кто знает, может ты и не выстрелишь...

Он медленно отступил, его люди за ним. Медленно они сели на свои места. Генри наблюдал за ними, положив бластер на стол и нацелив его на грудь рыжего.

Сидя за своим столиком, Генри отлично видел и входную дверь, и четверых в конце комнаты. Медленно тянулись минуты. Мужчины о чем-то шептались. Хоуд встал, осторожно подошел к Генри, посмотрел на бластер. Его язык вывалился изо рта, облизал верхнюю губу.

— Слушай, — начал он. У него был слабый, хриплый голос, как у человека, которого когда-то слишком сильно придушили. — Расти сказал... Он хочет заключить сделку...

Генри взглянул на него одним глазом.

— Сделка эта — что-то купли-продажи. У тебя есть, что нужно нам, понимаешь? А у нас есть то, что нужно тебе.

Генри сидел в темной кабинке, не убирая пальца с курка бластера, нацеленного на грудь Хоуда, и молча ждал.

— Ты отдаешь Расти бирки и получаешь ее назад — в целости и сохранности.

Глаза Генри сверкнули из-под седых, косматых бровей.

— Она у нас, вот так-то, — сказал Хоуд. Он попятился к своему столу, не сводя глаз с Генри. — Слушай, я только передаю послание. Я не тот, кто...

Он порывлся в кармане, извлек из него маленький предмет, завернутый в клочок грязной бумаги. Через мгновение Генри увидел в его руке золотую цепочку, на которой висел большой фиолетовый камень в оправе из золотой проволоки.

— Расти сказал, что когда ты это увидишь, то поймешь...

От качающегося камня разлетались цветные блики. Это был превосходный аметист, сорок карат, который отполировали, сохранив при этом его природную форму. В последний раз Генри видел его на шее Дульчи...

Он встал, порывисто вышел из кабины. Хоуд снова облизал губу.

— Так что, ты не будешь ничего делать, или...

Генри изо всех сил ударил Хоуда по ключице стволом бластера, тот с пронзительным воплем отшатнулся, упал

на спину. Капитан размахнулся и двинул его ногой под ребра. Хоуд встал на четвереньки, заполз под стол. Мужчины, сидевшие у бара, стали поворачиваться, их рты раскрылись от изумления. Генри подошел к столу, где его ждали Расти и двое его людей. Рыжий громила поднялся, шагнул в сторону капитана, остановился и стал ждать, засунув пальцы под ремень. Оставшиеся двое отодвинулись назад, не спуская глаз с бластера.

— Успокойся, папаша, — тихо проскрежетал Расти. Когда дуло было в пяти футах от него, он сделал шаг назад. — Девочка у нас, ты это знаешь. Так что лучше давай сотрудничать.

Генри обошел вокруг и встал так, чтобы держать в поле зрения дверь и мужчин у стойки.

— Опусть бластер, — сказал Расти. — Теперь тебе не придется им воспользоваться. Положи его вот сюда на стол и пошли со мной. Я отведу тебя к девчонке.

Прищурившись, он наблюдал за Генри. Капитан стоял, не двигаясь, нацелив оружие на рыжего.

— Ради всего святого, скажи хоть что-нибудь, — рявкнул Расти. — Ты ведь не хочешь, чтобы малышку убили из-за каких-то вшивых бирок...

Генри сделал резкое движение. Расти вздрогнул, руки его дернулись вверх.

— Ну давай, черт тебя дерит...

Генри швырнул бластер на пол, повернулся и пошел к двери. За его спиной быстро зашептались. Расти, оттолкнув его, прошел к выходу, рука его сжимала бластер. Он с ухмылкой распахнул дверь и сделал приглашающий жест пистолетом.

— Дедуля, я уж было подумал, что у тебя крыша поехала. А теперь пошли, поведемся с человеком, у которого есть, что тебе сказать...

Взгляд Расти переметнулся на мужчин у стойки, которые, открыв рты, наблюдали за происходящим.

— А вы, придурки, ничего не видели, — рявкнул он. — В таком случае считайте, что вам повезло, поняли!

Генри пошел вслед за рыжим на улицу, влез на пыльный, старый турбокад. Мотор заревел и машина поехала к огням громадных башен, возвышавшихся за портом. Когда они поворачивали за угол, взгляд Генри упал на высокую фигуру Бартоломью. Он стоял на обочине и смотрел им вслед.

Они приехали в грязный отель, комнаты которого были нанизаны на кособокий каркас здания, словно картонные

бусины. Войдя внутрь через заднюю дверь, они прошли мимо переполненных мусорных корзин, поднялись на скрипучем лифте на десятый этаж, прошли по наклонному полу к двери, перед которой расположились, сосредоточив все внимание на зубочистках, два неприятных типа в дешевой и яркой одежде. Их глаза впились в Генри. Расти прошел между ними, толкнул плечом дверь, не отнимая руки от бедра.

— Я с тебя глаз не спускаю, папаша, — сказал он мягко. — Так что никаких выдумок!

Убранство комнаты было кричащим. Поляризованные панели испускали пурпурный свет, падавший на сплетенные из ослепительно блестящего полиэтилена ковры. Стены были увешаны подлинными картинами, изображавшими сцены из ночной жизни на экзотических планетах. В каждом углу горела затененная лампа. На обитом желтым плюшем с высокой спинкой кресле восседал сенатор Бартоломью, на нем был тесный деловой костюм строгого покроя, застегнутый на все пуговицы.

Он бросил быстрый взгляд на Генри, глаза его округлились от изумления, рот непроизвольно открылся. Стоявший за спиной капитана Расти хмыкнул.

— Я вам говорил, что Таскер не предал вас, его вывели из игры, — сказал он. — Как-нибудь я попрошу папашу рассказать мне, как ему удалось завершить свой поход.

— Где... — глаза Бартоломью смотрели мимо Генри. Он закрыл рот, впился пальцами в подлокотники. Лицо его побледнело. — Где мой мальчик? — хрипло проговорил он.

— Папаша был один, — сказал Расти.

Бартоломью неохотно посмотрел на Генри.

— Где он? — Казалось, его голос вот-вот сорвется.

— Папаша на особенно разговорчивый, — сказал Расти. — Может, ему надо помочь...

Он направился к Генри.

— Нет! — поднял руку Бартоломью. — Он заговорит, — сенатор уже не сводил глаз с лица Генри. — Где Лэрри? Он не причинил тебе зла. Отдай мне моего мальчика и...

Он глотнул.

— Я прослежу, чтобы тебя вознаградили за твои усилия.

— Я сказал ему, что девчонка у нас, — перебил Расти. На лице Бартоломью появилось выражение безвольного отчаяния, которое тут же сменилось дикой яростью.

— Ты... бестолковый идиот!

Расти не спеша подошел к креслу, посмотрел вниз, на красное лицо сенатора.

— Возможно, у себя на Элдерберри или где-нибудь еще вы и Мистер Большая Шишка, но здесь команду я. Да, я упомянул о девчонке. Я был вынужден это сделать, — он хрипло хохотнул. — Старик направил на меня бластер. Бартоломью вылез из кресла.

— Где мой мальчик? — требовательно спросил он. Вытащив из кармана надушенный платок, он промокнул лоб. Потом перевел глаза на рыжего. — Я должен знать! Где он?

— Остыньте, сенатор. Я могу это выяснить, только леденцы я раздавать не собираюсь.

— Хорошо. Делайте то, что нужно сделать. — Бартоломью снова погрузился в кресло и посмотрел на Генри.

— Ты слышал это, дедушка... — Расти прищурился. — Я не люблю обижать калек, но дело есть дело...

— Если хочешь увидеть девчонку живой — лучше говори, — перебил его Бартоломью.

— Заткнитесь, сенатор, — проревел Расти. — Иногда из-за вас у меня возникает чувство, что я занимаюсь гнусным шантажом. Сенатор знает все о корундовой шахте. Каждый год вы подбрасывали на рынок парочку славных камней для того, чтобы безбедно жить. Он тебя вычислил, узнал, где ты бывал, и пришел к выводу, что шахта — на Коразоне. Затем уговорил тебя принять участие в гонке. Он потратил на это время и деньги, и хочет, чтобы с ним рассчитались. Тебе это понятно, папаша? Так что давай. Где бирки?

— Не в бирках сейчас дело, — вмешался Бартоломью. — Мой мальчик...

— Ты послал парня в Отдел Регистрации, — продолжал рыжий. — Но он не дошел...

— Он послал человека? Может, это Лэрри...

— Нет, этот парень драчун. Он уложил двоих моих ребят и смысла, но никаких бирок не зарегистрировал. Наверное, это какой-нибудь бродяга, с которым папаша здесь познакомился и пообещал с ним поделиться.

— Поделиться... Я ему поделю... — Бартоломью рванулся к Генри. — Теперь я понимаю, почему ты потребовал, чтобы доходы были разделены между тобой и Лэрри. Ты убил его — а теперь думаешь, что тебе удастся прибрать к рукам все...

Расти оттолкнул Бартоломью в сторону.

— Вы сильно разволновались, сенатор. Идите присядьте. Это мое дело, — он взглянул на Генри и вздохнул. —

Лучше отдавай, старик. Где ты познакомился со своим напарником? Где расположена шахта? И, между прочим, где сенаторское дитятко?

— Почему он молчит? — завизжал Бартоломью. — Почему он ничего не говорит?

— Наверное, вы действуете ему на нервы... — гавкнул Расти.

— Я убью девчонку! — заорал Бартоломью. — Клянусь, я убью ее...

— Не уроните свой парик, сенатор! Может, этот парень и не убивал вашего сынулю. Может быть, он просто испытывает естественную страсть к камешкам. В конце концов, он их нашел...

— Если Лэрри мертв, я убью ее! — Бартоломью ткнул пальцем в тощего мужчину, спокойно стоявшего у стены. — Приведи ее, я покажу ему, что я не просто болтаю...

Тоший открыл дверь в смежный номер и через полминуты втолкнул в комнату Дульчию. Ее руки были связаны широким ремнем, изо рта торчал кляп. Она посмотрела на Бартоломью, потом на Генри. По ее щекам потекли слезы.

За входной дверью послышался шум. Затем короткие “бух” — “бух”, затем упало что-то тяжелое. Рука Расти дернулась, он выхватил двухмиллиметровый нидлер и ринулся к двери.

Генри быстро шагнул в сторону, выставил ногу, зацепил рыжего за лодыжку, и когда тот стал падать, сильно ударил его сзади по шее. В противоположном углу комнаты завопил тоший, отскочил от Дульчии, потянул руку к...

Она наступила ему на ногу каблуком, бросилась на него, они упали вместе на пол. Когда Генри повернулся, Бартоломью нырнул под стол, пытаясь выхватить пистолет...

Дверь распахнулась настежь. В проеме стоял Лэрри Бартоломью с бластером в руке. Тоший оттолкнул Дульчию, вскинул пистолет...

Лэрри выстрелил, тоший, раскинув руки, рухнул на пол. Лэрри повернулся к сенатору и оцепенел, увидев своего отца.

Пистолет сенатора дернулся, глухой выстрел эхом отозвался в углах комнаты. Лэрри отбросило в сторону к стене, из спины его брызнула кровь. Потом он упал лицом вниз, испустив долгий выдох.

— Стойте на месте, — сказал сенатор высоким, почти визгливым голосом. — Вы видели, что я застрелил этого

человека. Я убью вас обоих, если потребуется. А теперь отвечайте, или...

За дверью щелкнуло ружье. Бартоломью вздрогнул и швырнул пистолет в сторону. Выражение его лица изменилось, стало отрешенным. Он наклонился вперед, упал на желтое кресло, затем свалился с него на пол.

Тяжелый Джо Саджо пропихнул свою тушу в дверь и остановился, с улыбкой оглядывая комнату. Увидев Генри, он нахмурился. Улыбка исчезла с его лица. Толстый язык вывалился изо рта, стал облизывать губы.

— Энрико, крошка. Я слышал, что тебе досталось.

Из-за его спины вышел маленький человечек в тесной куртке и спортивной кепке, осмотрелся по сторонам.

— Вот такие гостинцы я люблю, — сказал он гнусаво. — Никто не сует в твои дела свой нос, только из-за того, что палат пистолеты.

Генри прошел мимо него, наклонился к Лэрри, перевернул его на спину. Сбоку в груди юноши зияла рваная рана. Его дыхание было поверхностным и шумным. Генри незаметно сунул руку в нагрудный карман Лэрри и вытащил красные бирки.

— Что, малышу плохо? — Саджо стоял за спиной Генри, глядя вниз на молодого Бартоломью...

Капитан встал, покачал головой, подошел к Дульчии, помог ей подняться, вытащил изо рта кляп.

— Ой, дедушка, — она улыбнулась сквозь слезы. Он порывлся в кармане, непослушными пальцами вытащил нож, разрезал ремень. Она обхватила его руками за шею.

— Мы... думали ты умер... Прошло столько времени... Затем мистер Бартоломью пригласил меня поехать с ним... попытаться тебя найти...

На полу заворочался тощий, он сел и завыл. Саджо дернул головой в сторону человека в кепке.

— Позабосьте об этих болванах, Джонни, и приведите врача для мальчика.

— Послушайте, — захрипел тощий. — Я много знаю, понятно. Приведите мне врача, и обращайтесь со мной, как следует. Этот старик нашел шахту, сенатор знает о ней...

Саджо подошел к Генри.

— Я ничего не имею общего с этим, Энрико, ты знаешь, я в их игры не играю...

— Послушайте! — тощий продолжал болтать, отбиваясь от человека в кепке, пытавшегося его оттащить. — Это корундовая шахта, вы должны выслушать! Камни с голубиное яйцо! Он знает, где она, клянусь...

— О чем это он говорит? — Саджо подошел к тощему, нанес ему удар в висок. Тощий упал.

— Выброси его на улицу. Он сумасшедший. Затем быстро давай сюда врача, — Саджо взглянул на Дульчию, обнажив в улыбке золотые зубы, поклонился.

— Я слышал о твоей юной леди, Энрико, но я не знал, что она твоя правнучка. Иначе я бы давным давно расправился с этим ничтожеством.

— Дедушка, Лэрри... он... умер ТАМ?

Генри мотнул головой в сторону высокого, широкоплечего человека, лежащего на полу. Взгляд Дульчии переместился на него. Она вскрикнула, бросилась к юноше.

— Лэрри! О, Лэрри... Дедушка, с ним все будет хорошо?

Генри кивнул. Саджо поймал его взгляд.

— Маленькая леди теперь в порядке, Энрико. Через минуту здесь будет врач — для мальчика. Так что, думаю, пора перейти к делу, — он посмотрел на пустую кобуру на бедре капитана. Затем наклонился, поднял пистолет Лэрри, сунул его в руку Генри.

— Может, тебе нужно вот это?

Генри сунул пистолет в кобуру. Дульчия подняла на него глаза.

— Дедушка, куда ты идешь?

— Все в порядке. Твой дедушка и я должны уладить одно дело, — Саджо кивнул Генри. — Я присмотрю за ней.

Генри кивнул. Саджо улыбнулся, но глаза его были холодными.

— Скоро увидимся, Энрико-крошка...

Генри вышел из гостиницы. Смеркалось. Он бросил взгляд на улицу, заметил светящуюся панель бара. Войдя внутрь, Генри знаком попросил подать бутылку, взял ее и стакан, и сел за столик.

Он налил себе, выпил, затем посмотрел на скрюченные пальцы правой руки. Капитан попробовал их согнуть; они были словно из ржавого металла. Он схватился за рукоять бластера, пытаясь сомкнуть пальцы как можно плотнее.

— Все равно, что пытаться поднять кусок льда бумажными щипцами, — подумал он.

Генри сунул оружие в кобуру, снова выпил. Затем встал, вышел на залитую электрическим светом улицу и медленно побрел по пластиковому тротуару на запад, к площади.

Широкая площадь была пуста, зловеще зияли темные рты пустынных улиц. Резкие квадраты света — окна Отдела регистрации — превращались в бледные прямоугольники на залитом маслом тротуаре. В соседнем квартале визжала и грохотала музыка, звенели голоса, здесь же, на безлюдной площади, было тихо. Генри отошел от стены. На противоположной стороне шевельнулась тень. Появился Тяжелый Джо Саджо, подпоясанный широким ремнем, на котором болтался тяжелый бластер.

— Думаю, теперь мы в расчете, Энрико, — мягко проговорил он. — Однажды ты дал мне уйти, я же только что помог тебе... А здорово вот так: только ты и я, как в старые времена...

Генри уверенно шел к светящейся двери, находившейся где-то посреди одной из сторон площади.

— Этот мальчик, твой напарник, с ним все в порядке. Когда я уходил, он мило беседовал с маленькой леди. Они славная пара, Энрико, ты должен гордиться.

До двери было сто футов. Генри шел медленно, жалея колено.

— Да, Энрико; твоё появление здесь прошлой осенью было настоящим ударом. Я на старости лет совсем поглупел и не думал, что ты имеешь здесь интерес. Корунды, да, Энрико? Эти драгоценные камни хороши. Я их по-настоящему полюбил. На них приятно смотреть, правда. Не то, что грязные деньги...

Тяжело ступая, Саджо двинулся в его сторону: здоровенный, плотный, волевой человек, уже стареющий, но не ставший слабее...

Он остановился в пятидесяти футах, глядя в лицо Генри. Капитан увидел, как его язык коснулся верхней губы, как блеснул золотой зуб.

— А ты храбро сражался, Энрико. Я слышал, ты обыграл Таскера. Это хорошо. Он мне никогда не нравился. И ты проделал большой поход назад. Эту историю я буду рассказывать своим внукам, только я как-то забыл их завести.

Генри шел дальше, где-то вдалеке монотонно кричала ночная ящерица.

— Послушай, Энрико, — ты поделишься сейчас, понял? Я слышал, там всем хватит. У тебя есть право, а как же я? По очкам я выиграл, так ведь?

Теперь их разделяли только тридцать футов. Саджо прищурился. Его плечи напряглись.

— Пора решать, Энрико, — прорычал он. — Ты не очень-то много говоришь, крошка, ладно. Но сначала ты

дашь мне ответ, а потом войдешь в эту дверь. И предупреждаю тебя, Энрико, следующее мое слово будет очень важным. И последним... — рука Саджо потянулась к кобуре.

Генри остановился, широко расставив ноги, готовый напасть.

— Капитан!

Генри резко повернулся. Сзади, с противоположного конца площади, шел Лэрри Бартоломью. Свежая бинтовая повязка белела под открытой курткой, руки были расставлены в стороны. От пистолета, болтавшегося на бедре, отражался тусклый свет.

— Назад, капитан, — крикнул он Генри. — Назад, туда, откуда вы пришли...

Генри взглянул через плечо на Саджо. Рука его коснулась бластера. Генри был зажат между ними. Он протянул негнущуюся руку к своему оружию, снова посмотрел на Лэрри. На бегу, доставая бластер, Лэрри обходил его справа. Пистолет Саджо выстрелил далеко от Генри в сторону Лэрри. Бартоломью остановился в семидесяти ярдах от них, держа пистолет перед собой, и положив левую руку на бедро. Пистолет Саджо снова выстрелил. Бластер Лэрри дернулся, выстрелил в ответ. Саджо отпрыгнул и повалился назад. Его оружие отлетело, он согнулся, зарывся лицом вниз, тело его обмякло.

ГЛАВА IX

Солнце было теплым. Генри сидел, подставив лицо под его лучи. Рядом с ним на бортике бассейна сидела Дульчия и расчесывала свои длинные светло-золотистые волосы. За ее спиной искрились всеми цветами радуги брызги фонтана.

— Я так рада за твою руку, дедушка, — проговорила она. — Доктор Спенглер сказал, что она почти здорова. Пожалуйста, позволь ему заняться твоим коленом...

Генри покачал головой. Дульчия засмеялась.

— Дедушка, нет необходимости разговаривать знаками. Твой голос совсем как новенький.

— Пустая трата денег, — хрипло сказал Генри. — Хотя мне пересадить глаз. Зачем? Я и одним могу видеть всю глупость, какую мне захочется увидеть.

— Пожалуйста, не надо, дедушка. Ты должен так гордиться! Никто другой не смог бы сделать то, что сделал ты — открыта целая новая вселенная. Адмирал Хейл в своем письме назвал его величайшим открытием тысячелетия. Ты теперь Коммандор.

— Посмертное повышение, — проворчал Генри. — Да и не я это сделал. Лэрри...

— Лучше не будем говорить о Лэрри, — оборвала его Дульчия. Она отшвырнула щетку, взяла в руку яркий камешек и уставилась на него.

— А куда, черт возьми, подевался этот мальчик? Почти не видел его с тех пор, как мы вернулись.

— Думаю, заключает новые сделки. Жаль, что ты не видел его, когда мы приземлились. Там были некоторые из тех ужасных людей, которые работали на его отца — член Совета Хоггер подошел и начал говорить о том, что они лучшие друзья сенатора. Я хотела ему сказать, что он должен стыдиться этого. Я думала, Лэрри скажет, чтобы они отстали от него, что он не хочет иметь ничего общего со всеми этими бесчестными политическими делами, а он, знаешь, что сделал? — Дульчия возмущенно посмотрела на Генри. — Он принялся пожимать им руки и говорить, как он рад вернуться к началу большой кампании и что у него есть идеи относительно кандидата в Галактический Совет.

— Мальчика нельзя винить, политика — единственное, что он знает...

— Теперь он должен знать намного больше! Дедушка, Лэрри провел с тобой на Коразоне почти год. И он видел, что на самом деле представляет собой его отец...

— Дульчи, девочка моя, нельзя требовать, чтобы человек отвернулся от своего отца — что бы ни произошло.

В доме раздался звонок. Дульчия подняла глаза. В двери стоял Лэрри Бартоломью, высокий, плечистый, с аккуратно подстриженными волосами. Легкая улыбка играла на его губах, подчеркивая правильные черты лица. Крошечные, лопнувшие от мороза, кровеносные сосуды под кожей щек придавали ему вид пышущего здоровьем человека. Он был одет по последней моде, а в руке держал ящик.

Юноша пересек лужайку, пожал руку Генри, повернулся к девушке.

— Дульчия, я хочу извиниться за свое невнимание в течение последних нескольких недель. Я был связан...

— Знаю. Политика, — резко сказала Дульчи.

Лэрри вытащил ножки маленького переносного экрана, установил его перед Генри.

— Будут передавать результаты выборов, — сказал он. — Я хотел убедиться, что вы...

Дульчия подскочила.

— Ты знаешь, что дедушка думает о твоём Статистическом Среднем? Нет, Лэрри! Я скрываю все это от него! Я не хочу, чтобы он расстраивался!

— Но сейчас идет окончательный опрос делегатов, Дульчия! Это важный момент; первый делегат Алдorado в Галактический Совет.

— Меня это не интересует! Здесь так мирно...

— Все в порядке, — мягко вмешался Генри, — мы не можем всю жизнь быть отрезаны от мира. Включай, Лэрри.

— Спасибо, капитан, — Бартоломью покрутил ручку настройки.

— ... кандидат от новой партии Статистически Превосходного, которую возглавляет Лоуренс Бартоломью, сын покойного сенатора... — загудел голос.

Лэрри убавил голос.

— Капитан, последние семь недель были просто лихорадочными, — сказал Лэрри. — Я прибыл в критический момент. Организация моего отца, ожидая моего возвращения, не прибегала к своему главному козырю. Я принялся тратить деньги там, где они помогли бы сделать то, что надо, быстрее всего.

Дульчия пристально посмотрела на Бартоломью.

— Тебе должно быть стыдно признаваться в том, что ты использовал свои деньги, чтобы повлиять на результаты голосования?

— Почему? В конце концов, такова система. Я узнал от твоего прадедушки, что нет смысла размахивать флагами; если ты во что-то веришь, добивайся этого — любым способом, каким бы не пришлось.

Дульчия отшвырнула яркий камень и пошла прочь.

— Дульчия... — бросился за нею Лэрри.

— Пусть идет, — сказал Генри. — Давай послушаем, что там происходит.

Бартоломью прибавил звук. С маленького экрана продолжал орать человек с огромным ртом и искусственными волосами.

— ... список избранных делегатов от их сектора. А теперь влияние всей Северной группы будет направлено в поддержку кандидата от партии Статистически Превосходного! Появление этой партии буквально в последнюю минуту кампании имело потрясающий эффект — резуль-

тат организационных способностей и напористости молодого Бартоломью! Голосует делегат от Сиорда, и... да! Демократы склоняются в сторону новой партии! Теперь делегаты торопятся отдать свои голоса, все хотят закрепить успех победителей...

Громкая музыка поглотила крик диктора. Бартоломью переключил канал.

— ... и теперь журналисты считают, что голосование за кандидата от партии Статистически Превосходного идет по нарастающей, делегация за делегацией закрепляют ошеломляющую победу “темной лошадки”...

И вот, наконец! Провинциальный Президент Кродфоллер проиграл Лоуренсу Бартоломью, кандидату от партии Статистически Превосходного. Толпа в штаб-квартире выборов сходит с ума от восторга. Теперь Алдorado имеет своего делегата в Галактическом Совете! Вот и все, ребята!

Послышался какой-то шум у микрофона.

— Слушайте все! — снова зазвучал голос диктора, заикавшегося от волнения. — Краткое сообщение...

— Марк Хенфорт, Председатель Галактического Совета, который сейчас заседает на Земле, только что оказал Алдorado новую честь. Выступая перед Советом всего час назад, он, в частности, сказал: ... “Сейчас, когда в Совет входит новая планета, подходящий случай отдать дань жителю этой планеты, у которого давно в долгу вся человеческая раса. Уважаемые члены Совета, я имею в виду Коммандора Генри с Алдorado, который, по моему мнению, заслужил титул и привилегии Гражданина Расы несколько поколений назад, но посчитал необходимым открывать еще новые миры, которые будет осваивать человеческая раса, прежде чем нам, медлительным людям, напомнили о необходимости воздать ему должное.

... Я предлагаю, следовательно, чтобы без промедления, в то же время, когда новый делегат с Алдorado приступит к исполнению своих обязанностей и пройдет процедуру обретения Вечной Жизни, обязательную для делегата, право на ту же процедуру было предоставлено Коммандору Генри, так как он давно заслужил эту награду, посвятив свою жизнь будущему человеческой расы...”

Диктор продолжал бубнить. Но дверь дома распахнулась, из нее выбежала Дульчия с горящим от радости лицом и слезами на глазах. Она бросилась к старику.

— Дедушка! Ты слышал? Теперь ты обрешь Вечную Жизнь и... и... — она посмотрела на Лэрри. — Лэрри! Почему ты ничего не сказал? Ты, наверняка, знал, что

произойдет нечто подобное! Президент Совета — сторонник расширения границ, как и твоя новая партия...

— Он знал! — проворчал Генри, глядя поверх ее головы на Лэрри. — Он все это и устроил, правда, мальчик мой? Хенфорт никогда бы не сделал подобный жест, да еще в такой момент, если бы не было какой-то причины.

Дульчия повернулась и пристально посмотрела на Лэрри, который слегка смущенно рассмеялся.

— Политика, Дульчи, — согласился он. — Экспансионистская и Консервативная стороны Совета были уравновешены. Новый делегат с Алдорадо неизбежно должен был нарушить это равновесие. Я только упомянул о капитане...

— Значит, это награда от твоей партийной группировки! — рявкнул Генри. — Очень мило. А тебе не пришлось в голову просить меня, хочу ли я быть Гражданином Расы?

Лэрри посмотрел ему в глаза.

— Капитан, — сказал он, — мне наплевать, хотите вы или нет. Я был ни на что не годен до тех пор, пока вы не взяли меня с собой. Именно Гонка сделала из меня мужчину. Но пребывание с вами на Коразоне имело более важное значение. Оно встряхнуло меня и научило правильно смотреть на вещи, и не только те, что касаются меня, но и вас...

— Меня? — заревел Генри, поднимаясь с кресла.

— Сядьте, — спокойно сказал Лэрри. — И лучше послушайте меня. Вы можете огранить грубый белесый камень, превратив его в бриллиант, который ослепит вас — но с самого начала этот камень должен быть алмазом. Да, меня надо было огранить, чтобы я засверкал так, как нужно, но я никогда не был алмазом, капитан. Может быть, так себе, средненький изумруд, но не больше. Я — политик, и если повезет, то с помощью Дульчи когда-нибудь стану великим политиком, но я никогда не был капитаном Генри!

— Почему ты думаешь... — перебил его капитан.

— Я сказал, закройте рот и слушайте, — продолжал Лэрри, не повышая голоса. — Когда я закончу, скажете все, что хотите. Я говорю вам, существует только один капитан Генри. И я добился Вечной Жизни не для вас. Я сделал это для себя, для Дульчи, для всех нас. Вы помните стихотворение Киплинга о первопроходце? То, что вы цитировали той ночью, когда мы прошли через портал на Коразоне? Так вот, помните одну из строф, ту, в которой говорится:

Мне все твердили: "Дальше нет пути.
Здесь твой предел. Здесь край цивилизаций.
Построй амбар и дом, зерно расти.
Здесь сытый рай ты можешь обрести.
Лишь укрепи границу у акаций".
Но глас в ночи рождался, как порыв:
"Неведомое скрыто за пределом..."
Как совесть, слаб, но властен был призыв:
"Отправься в путь, раба в себе изжив.
Преодоленью быть твоим уделом."

— ... Так вот, это вы, капитан! — сказал Лэрри. — Сотни и тысячи хороших людей, которые придут "к раю цивилизаций" и последуют по продолженному вами пути. Это вы, и Господь свидетель, человеческая раса нуждается в вас!

Лэрри сделал глубокий вдох.

— Капитан, я как-то сказал вам, что вы никогда не умрете, — продолжал он. — Так оно и будет, если это хоть как-то зависит от меня. И если вы добровольно не согласитесь пройти процедуру Обретения Вечной Жизни, я сам буду держать вас, пока врач не воткнет в ваше тело первую иглу. Так что, пока от меня хоть что-то зависит, я вам говорю, мы не собираемся вас терять, — и это мое последнее слово!

Он резко повернулся к девушке.

— Пошли, Дульчи... Пусть он побудет один, может, хоть немного здравого смысла просочится в эту непробиваемую, как алмаз, голову.

Лэрри развернулся на каблуках и ушел. Дульчия подпрыгнула и побежала за ним.

— Дульчи! — заревел Генри, в ярости от того, что она покинула его по команде этого дерзкого молодого человека. Продолжая реветь, он с трудом поднялся на ноги, но они уже входили в дом. Генри остался один у бассейна.

Сердито фыркнув, он упал назад в кресло.

— Держать меня! — зарычал капитан, побелевший от злости. — Почему...

Он замолчал и как бы увидел себя со стороны: вот он ревет и хрипит, как разъяренный морж. Постепенно до Генри дошла юмористическая сторона этой истории, он отбросил голову назад и рассмеялся.

Смех очистил его. Наконец-то он протрезвел. Конечно, этот молодой нахал прав. И нужно быть самым последним идиотом, чтобы отказаться от возможности обрести беско-

нечную жизнь и принять участие во всех открытиях, о которых только может мечтать человек. Генри снова засмеялся, на этот раз тихо.

Хейл сделал его Коммандором. Ладно, этим он его и возьмет. У него будет, созданный для полетов в глубоком космосе, разведывательный катер, который протащат через портал кусочек за кусочком и снова соберут; он увидит, что лежит там, за далекими звездами.

Генри наклонился, поднял яркий камешек, который отбросила в сторону Дульчия. Это был бледно-фиолетовый, без единого изъяна, аметист в двенадцать карат. Он бросил его в бассейн, посмотрел, как камень уютно лег рядом со своими сверкающими собратьями, покачиваясь и искрясь от движения струи воды из природного ключа, которая и вынесла их наверх из залежи, находящейся далеко внизу.

Цветные камни. Из-за них тоже лишались жизни люди. И кто знает, какие неведомые сокровища могут ждать на далеких планетах...

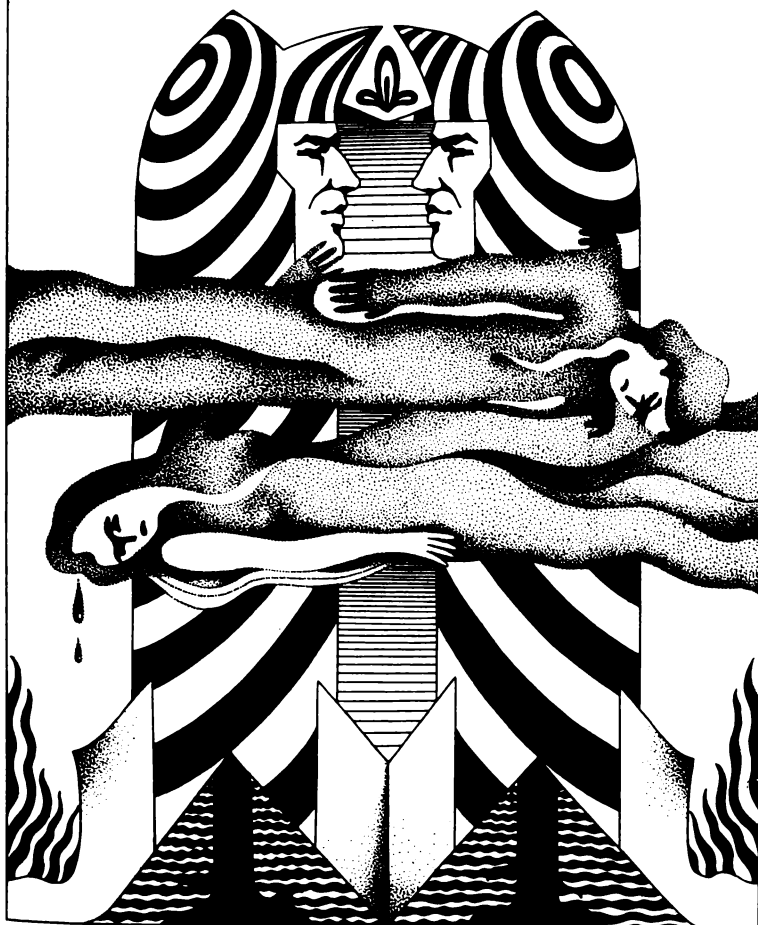
Если бы только Дульчия была здесь. Но человек не может иметь все сразу. Жизнь состоит из равных частей радости и печали: весь фокус в том, чтобы наслаждаться той, которую переживаешь в данный момент — и не позволять другой заставить тебя забыть, что раз жизнь уже была прекрасной, она может быть прекрасной снова.

Генри стоял, глядя в воду, а заходящее солнце окрашивало небо в цвета драгоценных камней.

МИРЫ ИМПЕРИУМА

Worlds of Imperium

Ace Books ★ New-York ★ 1962



ГЛАВА I

Я остановился перед лавкой с небольшой деревянной вывеской, болтавшейся на кованом кронштейне. На вывеске почерневшая готическая вязь надписи: “Антиквариат”; от ночного ветра она раскачивалась, скрипя, из стороны в сторону. Чуть ниже стальная решетка венчала пыльную витрину с пожелтевшими гравюрами, офортами и литографиями.

Дома, изображенные на них, казались знакомыми, но все они были нарисованы одиноко стоящими в чистом поле, на высоком холме, на пустынном берегу бухты. Дамы на картинах носили большие юбки колоколом и шляпы с лентами. Они держали в руках изящные зонтики; тут же красовались экипажи, запряженные стройными скакунами.

Но меня интересовали не эти картины, не расположенное сбоку потускневшее зеркало в массивной золоченой раме. Мое внимание привлек мужчина, отражение которого я видел в пожелтевшем стекле — смуглый, в туго перепоясанном реглане, длина которого была на добрых шесть дюймов больше, чем нужно. Он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел в затемненное окно в пятнадцати метрах от меня.

Он не отставал от меня весь день.

Сперва я думал, что это совпадение; я видел его в автобусе, когда ехал из Броммы, затем в вестибюле гостиницы, где я остановился, читающего афиши, и, наконец, часом позже, в ресторане, где я обедал. Он в это время попивал кофе.

Вскоре мне пришлось отказаться от мысли о случайном стечении обстоятельств.

Прошло пять часов, а он все находился неподалеку от меня, когда я шел по Старому городу Стокгольма, до сих

пор сохраняемому на одном из островов в самом центре шведской столицы.

Я шел мимо обшарпанных витрин с медными подсвечниками, замысловатой серебряной посудой, дуэльными пистолетами и ржавыми кавалерийскими саблями. Все это было очень привлекательным сейчас, в свете полуденного солнца, после же полуночи это было печальным напоминанием о днях насилия.

Мои шаги на узких затихших улицах сливались с эхом шагов человека позади меня. Они становились чаще, когда я шел быстрее, и совсем исчезали, когда я останавливался. Теперь же этот человек глядел в темное окно и чего-то ждал. Следующий ход должен был быть за мной.

Я заблудился. Двадцать лег — достаточный срок, чтобы забыть извилины улиц Старого Города. Я вынул из кармана путеводитель и стал разворачивать карту. Руки плохо слушались меня.

Я вытянул шею, чтобы прочесть надпись на гранитной табличке на углу дома; она была едва различима — “Самуэлгатен”.

Я нашел эту улицу на карте и обнаружил, что она тянется три коротких квартала, заканчиваясь тупиком на Гемма Стртгатен. В тусклом свете трудно было разобрать подробности. Повертев книгу, я нашел на карте еще одну улицу, отмеченную пунктиром. Название ее было “Гульдсменстраппен”.

Я напряг память: “траппен” означает по-шведски “лестница”. Лестница ювелиров, ведущая от Самуэлгатен на Хундгатен — другую такую же узкую улочку. Похоже, что она вела к освещенной площади: вероятно, это был единственный выход для меня. Я сунул книжку в карман и небрежно двинулся к лестнице в надежде, что передо мной не окажется закрытых ворот.

Моя тень мгновение выжидала, а затем последовала за мной. Поскольку походка у меня очень быстрая, я понемногу стал отрываться от своего преследователя.

Он же, казалось, вообще не спешил. Я прошел мимо нескольких лавочек с обитыми железом дверьми и стертыми каменными порогами. А дальше была открытая арка с выщербленными гранитными ступенями, круто поднимающимися вверх.

Я приостановился, а затем нырнул под арку и ринулся вверх по лестнице.

Семь-восемь прыжков — и вот я на самом верху. Стремглав бросаюсь в высокий проем. Не исключено, что

я достиг верхней площадки раньше, чем мой преследователь — подножья лестницы. Я остановился, прислушиваясь.

Сначала мне был слышен скрип ботинок, затем учащенное дыхание в нескольких метрах от меня. Я ждал, затаившись.

Шаги стихли. Очевидно, мой неслышимый противник оценивал ситуацию — куда я мог бы спрятаться, ведь он понимал, что далеко убежать я не мог! Скоро он вернется к этому месту.

Я снял туфли, в три прыжка оказался на лестнице, и, прежде чем он остановился и оглянулся назад, я, перемахивая сразу через три ступеньки, ринулся вниз. Я был уже на полпути к спасению, когда моя левая нога соскользнула, и я, потеряв равновесие, рухнул вниз.

Я ударился о булыжники мостовой плечом, головой, перекувырнулся и вскочил на ноги. В голове звенело. Я уцепился за стену у подножья лестницы, и в это время меня затопила боль. Боль, от которой я обезумел.

На лестнице послышались шаги, и я весь напрягся, собираясь прыгнуть на незнакомца, как только он появится. Перед самой аркой шаги стали нерешительными, затем из-за стены высунулась круглая голова с длинными волосами. Я размахнулся и ударил, но — промахнулся.

Он метнулся в сторону, повернувшись ко мне, неуклюже роясь в кармане пальто. Я понял, что он пытается вынуть пистолет, и ударил его в грудь. На этот раз мне повезло больше — рука моя наткнулась на что-то твердое, и я с удовольствием услышал, как он отчаянно хватается за грудь.

Я надеялся, что теперь ему не лучше, чем мне. Однако ему все же удалось выдернуть руку из кармана, и отпрянуть назад, держа возле рта какой-то предмет.

— Где это ты, черт побери? — крикнул он хрипло, глядя прямо на меня.

У него был какой-то странный акцент. Я понял, что штукавина, которую он вынул из кармана, была микрофоном.

— ...выходи, надоело все это... — продолжал говорить в микрофон незнакомец, отступая, но не сводя с меня глаз.

Я прислонился к стене, боль резко уменьшила мою агрессивность. Вокруг никого не было. Ботинки незнакомца мягко ступали по булыжникам, мои же валялись посреди улицы: я уронил их во время падения.

Сзади послышался странный звук. Я обернулся и увидел, что узкая улочка почти полностью перегорожена огромным фургоном. Я облегченно вздохнул: пришла помощь.

Двое мужчин выпрыгнули из машины, не колеблясь подскочили ко мне, схватили за руки и потащили к задней двери фургона. На них была одинаковая белая форма, и оба не проронили ни слова.

— У меня все в порядке, парни,— начал я.— Заберите-ка побыстрее вон того человека.

И только теперь я понял, что он идет рядом, возбужденно переговариваясь с человеком в белом, и что меня взяли за руки не для того, чтобы помочь, а для того, чтобы задержать. Я уперся ногами и попытался вырваться. И вдруг мне пришло на ум, что цвет формы стокгольмских полицейских отнюдь не белый.

Но теперь все это уже не имело значения. Один из моих похитителей поднял что-то вроде баллончика с аэрозолем и направил струю мне в лицо.

Что-то брызнуло мне в глаза, и я почувствовал, как ноги подо мной подкосились.

ГЛАВА II

Что меня раздражало, так это скрип. Я несколько раз безуспешно пытался уснуть, прежде чем мое сознание отступило перед реальностью.

Я лежал на спине с закрытыми глазами, не представляя себе, где нахожусь, и вспоминал страшный сон, в котором меня преследовали, затем я стал осознавать боль в плече и голове. Я открыл глаза и увидел, что лежу на койке у стены небольшой комнаты.

Скрип шел от письменного стола, за которым что-то писал подвижный человек в белой форме. Откуда-то слышалось слабое гудение, создававшее ощущение движения.

Я привстал. Тотчас же человек за столом поднялся и подошел ко мне. Он подтащил к койке стул и уселся.

— Пожалуйста, не тревожьтесь, сказал он с характерным акцентом.— Я шеф-капитан Винтер. От вас просто требуется помощь в передаче мне некоторых сведений. После чего вас переведут в комфортабельное помещение.

Говорил он без интонаций, словно повторял эти слова в тысячный раз. Он взглянул мне в лицо.

— Я должен извиниться перед вами за грубость моих подчиненных. Это не входило в мои намерения, поверьте. Однако,— тон его изменился,— вы должны извинить оперативника: он не был осведомлен.

Шеф-капитан Винтер открыл записную книжку и откинулся на спинку стула с карандашом в руке.

— Где вы родились, мистер Байард?

Они, должно быть, рылись в моих карманах, если уже знают мое имя.

— Кто вы такой, черт вас побери? — зло выпалил я.

Шеф-капитан поднял бровь. Его форма была безукоризненной, на груди сверкали украшенные бриллиантами ордена.

— Я понимаю, что вы еще не вполне оправились от потрясения, полученного при вашем задержании, мистер Байард. Но вам все объяснят в надлежащее время. Я — имперское должностное лицо, наделенное полномочиями допрашивать интернированных лиц,— он ободряюще улыбнулся.— Пожалуйста, назовите место вашего рождения.

Я ничего не сказал. У меня не было желания отвечать на его вопросы. У меня самого их было слишком много.

Я никак не мог понять, что за акцент у этого типа. Определенно, он был англичанином, но я никак не мог определить, из какой части Британии.

Я взглянул на ордена. Большинство из них были мне незнакомы, но я различил яркую ленту Креста Виктории с тремя пальмами, украшенными самоцветами. Что-то в этом шеф-капитане было в высшей степени фальшивым.

— Не упрямытесь, старина,— резко сказал Винтер. Я вам советую согласиться сотрудничать с нами. Это поможет вам избежать неприятностей.

— Меня преследуют, хватают, травят газом, держат в каком-то неизвестном помещении, да еще, вдобавок, роются в личной жизни — все это уже само по себе чертовски неприятно. Так что не утруждайте себя, Винтер, высокими материями. Я не буду отвечать на ваши вопросы.

Я сунул руку в карман и не обнаружил там паспорта.

— Так как вы забрали у меня паспорт, то, наверное, уже знаете, что я — американский дипломат, а это означает, что моя личность обладает дипломатической неприкосновенностью в отношении любой формы ареста, задержания, допроса и тому подобное, что вы нарушили. Поэтому я немедленно покину вас, как только вы вернете мне все вещи, в том числе и ботинки.

Лицо Винтера стало жестким. Но я увидел, что мое заявление не произвело на капитана никакого впечатления. Он подал знак, и двое, которых я раньше не видел, оказались передо мной. Они были покрупнее Винтера.

— Мистер Байард, вы обязаны ответить на мои вопросы. Не забудьте, если будет необходимо, вас принудят к этому. Итак, начнем с установления места вашего рождения.

— Вы найдете его в моем паспорте,— сказал я, взглянув на двух помощников капитана.

Игнорировать их можно было столь же успешно, как и пару бульдозеров в спальне. Похоже, нужно менять тактику. Буду играть в их игру в надежде, что они слегка расслабятся. Вот тогда-то я попытаюсь вырваться.

Один из них по сигналу Винтера подал капитану мой паспорт, который тот внимательно просмотрел, сделал несколько пометок в записной книжке и отдал мне.

— Благодарю вас, мистер Байард,— сказал он приятным голосом. — Теперь давайте займемся частностями. Где вы учились?

Теперь я хотел, чтобы у него сложилось впечатление, что меня очень ободряет этот учтивый тон. Я должен показать, что раскаиваюсь в своей прежней резкости. Правда, такая перемена настроения несколько уменьшит правдоподобность моей нынешней готовности к сотрудничеству. Хотя, в общем-то, Винтер, наверное, привык к своей работе.

Он махнул рукой своим вышибалам, и они молча вышли из комнаты.

Винтер перешел к теме международных отношений и геополитике, и, казалось, был очарован моими банальными ответами.

Я попытался пару раз спросить его, зачем он так детально расспрашивает меня о вещах широко известных, но каждый раз меня твердо направляли только к ответам на предложенные вопросы.

Шеф-капитан основательно проэкзаменовал меня по географии и новой истории, особенно интересуясь периодом 1879-1910 годами, а затем перешел к списку исторических лиц.

Я должен был по очереди рассказывать все, что знаю о каждом из них. О большинстве я никогда не слышал, некоторые не играли сколько-нибудь значительной роли в истории. Капитан попросил рассказать о двух итальянцах: Копини и Максони, и был неописуемо удивлен, что я

ничего не знаю о них. Многие из моих ответов приводили его просто в восторг.

— Нивен — актер? — спросил он недоверчиво. — А вы ничего не слыхали о Крэйне Тальботе?

Когда я описал ему роль Черчилля в недавних событиях, он хохотал до упаду.

Через сорок минут такой одной-сторонней беседы раздался звонок, и еще один человек в форме вошел в комнату, поставил большую коробку на угол стола и вышел. Винтер не обратил на это никакого внимания.

Прошло еще двадцать минут.

— Кто в настоящее время является монархом Англо-Германии?

— Из кого состоит королевская семья, возраст детей?

— Каков статус вице-королевства Индии?

— Объясните государственное устройство доминионов Австралии, Северной Америки, Земли Кэбота?

Вопросы повергли меня в ужас. Их автор должен быть безумным!

Было почти невозможно увязать искаженные упоминания о политических несуществующих единицах и институтах с реальностями нашего мира. Я старался отвечать как можно ближе к фактам. Винтера, казалось, тем не менее, нисколько не тревожила моя ревизия его искаженных версий событий международной жизни.

Наконец он встал, подошел к столу и жестом предложил мне сесть рядом с собой. Пододвигая стул, я взглянул на содержимое коробки на столе.

Я увидел журналы, какую-то свернутую ткань, монеты и рукоятку пистолета, торчащую из-под номера журнала "Всемирный Альманах".

Винтер, повернувшись, открыл небольшой сейф позади стола. Я выбросил руку вперед, выхватил из коробки пистолет и сунул его в карман. Одновременно с этим сел на стул.

Винтер повернулся ко мне, держа в руках голубую бутылку.

— Теперь пропустим по маленькой, и я попытаюсь рассеять некоторые ваши вполне оправданные сомнения, мистер Байард, — сказал он добродушно. — Что вы хотели бы узнать?

Я не обратил ни малейшего внимания на бутылку.

— Где я?

— В городе Стокгольме, Швеция.

— Мы, кажется, движемся. Это что, автофургон с кабинетом внутри?

— Это аппарат для перемещения, а вовсе не автофургон.

— Почему меня схватили?

— Извините, но я могу сказать вам только то, что вы были препровождены сюда по особому приказу высокопоставленного лица Имперской Службы Безопасности.

Капитан задумчиво взглянул на меня.

— Для меня это был очень необычный приказ,— добавил он.

— Похищение безвредного лица само по себе является необычным делом,— усмехнулся я.

Винтер нахмурился.

— Вы являетесь субъектом официальной операции Имперской Разведки. Никаких гонений на вас не последует!

— Что это за штука — Имперская Разведка?

— Мистер Брайад,— сказал Винтер, наклонившись вперед. — Вам предстоит многое понять. Первое — это то, что правительства, которые мы привыкли расценивать как высшую суверенную власть, должны рассматриваться фактически подчиненными Империиума, Верховного Правительства, на чьей службе я и состою!

— Вы — мошенник, Винтер,— без эмоций констатировал я.

Винтер ошетинился.

— Я не мошенник, а шеф-капитан Имперской Разведки!

— Как вы называете аппарат, в котором мы сейчас находимся?

— Это... вооруженный разведчик, мы называем его шаттлом. База его находится в Стокгольме 0-0.

— Мне это ни о чем не говорит, Винтер. Что это — корабль, автомобиль, самолет?..

— Ничего общего, мистер Байард.

— Хорошо. Я подойду с другой стороны. В какой среде мы перемещаемся — в воде, в воздухе?..

Винтер смутился.

— Честно говоря, я не знаю.

Теперь я увидел, что необходимо еще раз изменить угол атаки.

— Куда мы направляемся?

— В настоящее время мы действуем вдоль координат 000, 00-6 и 00-2.

— Какова ваша цель? Какова конечная цель этого путешествия?

— Стокгольм 00. После чего вас, очевидно, переведут в Лондон 00 для дальнейшей обработки.

— Что это за нули? Вы имеете в виду Лондон в Англии?

— Лондон, на который вы ссылаетесь, это Лондон В-1-три.

— В чем разница?

— Лондон 00 — столица Имперума, охватывающего основную часть цивилизованного мира — Ю Северную Европу, Западное полушарие и Австралию.

Я изменил тему:

— Почему вы меня похитили?

— Насколько я знаю, это обычный арест с целью допроса.

— Вы намерены после этого допроса освободить меня?

— Да.

— Я попаду домой?

— Нет.

— А куда?

— Не могу сейчас ответить. Думаю, это будет один из нескольких пунктов сосредоточения.

— Еще один вопрос, — сказал я, вытаскивая пистолет и целясь в третий орден на груди капитана. — Вы знаете, что это такое? Ну-ка, держите руки на виду. Пожалуй, будет лучше, если вы подниметесь и станете вот здесь.

Винтер поспешно встал и направился к указанному месту. Никогда прежде мне не приходилось целиться в безоружного, но сейчас я не колебался.

— Расскажи-ка мне обо всем этом, — приказал я.

— Но ведь я ответил на все ваши вопросы. — Винтер нервно покусывал губы.

— И ничего не сказали.

Винтер недоуменно посмотрел на меня.

Я щелкнул предохранителем.

— Даю вам пять секунд, Раз... два...

— Хорошо, — поспешно откликнулся шеф-капитан. — Я попытаюсь рассказать вам обо всем более понятно.

Он заколебался.

— Вы были отобраны нашим представительством. А чтобы добыть вас, нам пришлось изрядно попотеть. Как я уже объяснял, — Винтеру, казалось, нравилось разглагольствовать на эту тему, — отбор образцов в этом регионе чрезвычайно ограничен. Ваш континуум занимает небольшое пространство, одну из очень небольших изолированных линий в обширном пораженном регионе. Конфигу-

рация этого района ненормальна, что создает большую опасность при маневрировании. Здесь мы потеряли немало хороших людей, прежде чем научились справляться с возникающими проблемами.

— Я полагаю, что все, только что сказанное вами, правда. Но это звучит для меня как бессмыслица. Что вы, например, подразумеваете под словами “отбор образцов”?

— Не возражаете, если я закурю? — спросил Винтер.

Я вынул из коробки на столе длинную коричневую сигарету, прикурил ее и протянул офицеру.

— Отбором образцов называется сбор отдельных лиц или предметов, характерных для линии В-1, — сказал он, выпуская изо рта клубы дыма. — Сейчас наша разведка занята составлением карты вашего района. Это захватывающая работа, старина. Добывать находки с теоретической проработкой, разрабатывать точные калибровочные устройства, инструменты и тому подобное. Мы только начали открывать потенциальные возможности разработки Сети. Чтобы собрать максимум информации за минимальное время, мы пришли к выводу, что целесообразно отбирать определенных лиц для допроса. Таким способом мы получаем относительно быстро общую картину конфигурации Сети в различных направлениях. В вашем случае, мистер Байард, мне надлежало войти в Зону Блайта (кстати, мы называем ее еще Зоной Трущоб или Зоной Поражения), проследовать в замкнутый пункт Три и взять под стражу человека по имени Брайан. Дипломата, представляющего в данных обстоятельствах американскую республику.

Винтер говорил это с определенным энтузиазмом. Расслабившись, он стал выглядеть гораздо моложе.

— Я горжусь, старина, что именно меня избрали провести подобную операцию в Зоне Блайта. Поверьте, это было захватывающее зрелище. Конечно, действовать в Сети для меня не в новинку. И раньше я действовал на таком удалении от Империиума, где почти не существовало никаких аналогий. Но В-1-три! Это ведь практически Империиум, но с достаточным количеством отклонений, которые просто поражают воображение. И хотя Империиум и В-1-три очень близки, пустыня Зоны Поражения вокруг вашего мира показывает, как ужасающе близко к краю пропасти мы находились в недалеком прошлом.

— Хорошо. С меня достаточно, — прервал я его. — Возможно, вы просто безвредный чужак. А сейчас я должен вас покинуть.

— Это совершенно невозможно,— спокойно заметил Винтер.— Мы сейчас находимся в самом центре Зоны Блайта.

— Что это за Зона? Вы, кажется, называете ее еще Зоной Поражения? — спросил я, продолжая разговор только для того, чтобы выиграть время, осмотреться и выбрать для побега нужную дверь.

Их было три. Я остановил свой выбор на той, через которую еще никто не выходил, и стал медленно про двигаться к ней.

— Поражение — это регион полнейшего разрушения, зона радиации и хаоса,— начал объяснять Винтер.— Здесь полный набор А-линий, где автоматические камеры ничего не фиксируют, кроме обширного кольца из обломков на орбите, и -линий, где Земля представляет собой мир, состоящий из шлака, с разбросанными вкраплениями чахлах джунглей, населенных пораженными радиацией мутантными формами. Поверьте мне, старина, это ужасно. Вы можете всю ночь размахивать передо мной пистолетом, но ничего больше не добьетесь. Через несколько часов мы прибудем в 00. А до тех пор я порекомендовал бы вам хорошенько отдохнуть.

Я толкнул дверь, но она оказалась запертой.

— Где ключ?

— Ключа нет. На базе дверь откроется автоматически.

Я подошел к одной из двух других дверей, к той, откуда вышел человек с коробкой, открыл ее и выглянул наружу. Гудение здесь было громче, и в конце короткого, узкого коридора я увидел, как мне показалось, отделение водителя. Во всяком случае, я увидел спину еще одного мужчины.

— Винтер, подойдите-ка сюда и встаньте впереди меня,— приказал я капитану.

— Да не будьте же вы полнейшим ослом, дружище,— раздраженно воскликнул Винтер. Он демонстративно отвернулся от меня. Я поднял пистолет. Гроыхнул выстрел, и Винтер отпрыгнул от стола, держась за простреленную руку. Он бросился на меня, впервые по-настоящему выказав страх.

— Вы безумец, сэр,— зарычал он.— Я же сказал вам, что вокруг нас Зона Поражения.

Я следил за ним и в то же время наблюдал за человеком, который, сидя за пультом управления, ежесекундно оглядывался на меня через плечо, не переставая что-то лихорадочно крутить одной рукой.



— Остановите эту машину, или следующим выстрелом я убью вас,— приказал я капитану.

Винтер побледнел, судорожно сглатывая слюну.

— Я клянусь вам, мистер Байард, что это совершенно невозможно. Вы не имеете ни малейшего представления о том, что предлагаете. Можете убить меня, но я не смогу дать приказ об остановке шаттла.

Теперь я понял, что нахожусь в руках опасного маньяка. Я поверил Винтеру, когда он сказал, что скорее умрет, чем остановит этот автобус, или черт знает что еще. И все же, несмотря на угрозу, я не смог бы хладнокровно пристрелить его. Я обернулся и сделал несколько шагов по коридору. Наставив пистолет на человека, сидящего перед пультом, я сказал:

— Отключите машину.

Человек оторвался от пульта и обернулся. Это был один из тех двоих, что стояли возле меня, когда я пришел в сознание в кабинете Винтера. Ничего не сказав, он отвернулся и продолжал крутить какую-то рукоятку прибора перед собой. Я поднял пистолет и спокойно выстрелил в приборную панель. Человек подпрыгнул в кресле от неожиданности, но затем, вскочив, бросился закрывать пульт управления своим телом.

— Прекратите сейчас же, болван вы паршивый! — закричал он.— Мы можем погибнуть. Я вам сейчас попытаюсь объяснить.

— Уже пробовали,— засмеялся я,— но не сработало. Убирайтесь лучше с дороги, приятель. Так или иначе, но я остановлю этот фургон.

Я встал так, чтобы видеть одновременно обоих похитителей. При звуке моего выстрела, в дверях появился Винтер с побелевшим лицом.

— Дойль, у вас все в порядке? — спросил он, не обращая внимания на мою решительную речь.

Дойль, отодвинувшись от пульта, повернулся ко мне спиной и начал проверять приборы. Он щелкнул каким-то тумблером, выругался и сказал Винтеру:

— Коммуникатор вышел из строя. Но процесс продолжается.

Теперь заколебался я. Эти двое были по-настоящему напуганы мыслью об остановке.

На меня и мое грохочущее оружие они обращали внимание не больше, чем на ребенка с водяным пистолетом. В сравнении с остановкой пуля, по-видимому, была для них легким укусом.

Теперь стало ясно также, что это не автофургон. В отделении водителя приборов было больше, чем на пульте авиалайнера. Окон не было. Одна за другой мысли проносились в моем мозгу. Космический корабль? Машина времени?

Куда же это меня занесло?

— Ну что ж, Винтер, — наконец смог произнести я, — давайте заключим перемирие. Я даю вам пять минут на удовлетворительное объяснение — докажете, что вы не беглецы из сумасшедшего дома, и скажите мне, как вы собираетесь высадить меня там же, где схватили? Если вы не сможете или не захотите сотрудничать со мной, я сейчас же изрешечу пулями эту панель и любого, кто будет стоять перед нею.

— Хорошо, — кивнул головой Винтер. — Клянусь, что сделаю все, что смогу, только об одном прошу — уходите из кабины управления!

— Я останусь именно здесь и не пушу в ход пистолет, если только вы не дадите повода для этого, ну, хотя бы нелепыми рассказами.

Винтер вытер пот со лба.

— Вы, мистер Байард, находитесь сейчас в кабине шаттла, машины-разведчика, который действует в Сети. Под Сетью мы имеем в виду комплекс альтернативных линий, которые составляют матрицу всей одновременной реальности. Иными словами, это матрица параллельных миров. Наш привод — генератор Максони-Копини, который создает силу, действующую на то, что можно было бы назвать перпендикуляром к нормальной энтропии. Извините, я плохо разбираюсь в физических принципах этого механизма — я не техник.

Я посмотрел на часы. Винтер понял мою мысль.

— Империиум — это правительство линии А-00, где было сделано это открытие. Генератор чрезвычайно сложен в конструкции и всегда есть тысяча способов причинить вред тем, кто работает с ним, если допустить ошибку. Исходя из факта, что каждая А-линия из тысяч параметров системы 00 является полем самой ужасной бойни, мы предположили, что наша линия — единственная, которой удалось овладеть контролем над силой, вырабатываемой генератором Максони-Копини. Мы проводим наши операции по всему сектору А-пространства, лежащего вне Зоны Блайта, как мы называем этот сектор разрушения. Саму Зону Блайта или Зону Поражения мы до этого избегали.

Винтер осмотрел носовой платок вокруг кровоточащей руки и продолжил свое повествование.

— Ваша линия, или мир, мистер Байард, известна под названием В-1-три — одно из двух известных нам исключений, находящихся в Зоне Поражения. Эти линии, ваша и еще одна, лежат на некотором удалении от линии 00. Ваша чуть ближе, чем В-1-два. Ваш мир был открыт всего около месяца назад и совсем недавно пришло подтверждение его безопасности. Вся исследовательская работа в Зоне Поражения была выполнена управляемыми автоматическими разведчиками. Почему меня выбрали, чтобы арестовать вас, я не знаю. Но поверьте мне, если вам удастся серьезно повредить этот шаттл, вы низвергнете нас в тождество с А-линией, которая может быть не более, чем кольцом радиоактивной пыли вокруг Солнца, или же мы сольемся с гигантской мутировавшей массой лишайника. Мы не можем сейчас останавливаться ни по какой причине, пока не достигнем безопасной области.

Я снова взглянул на часы.

— Четыре минуты уже прошло, — сказал я. — То, что вы только что рассказали мне, может быть простой болтовней, а поэтому давайте доказательства.

Винтер облизал пересохшие губы.

— Дойль, — обратился он к своему напарнику. — Достаньте разведснимки этого района. Мы сделали их во время пути, — обратился он уже ко мне.

Дойль открыл отделение под панелью и вынул большой красный конверт. Он передал его мне, а я — Винтеру.

— Откройте конверт, — сказал я. — Посмотрим, что там у вас.

Винтер высыпал на стол кучу глянцевых фотографий. Взяв одну из них, он передал ее мне.

— Все эти фото были сделаны из тех же пространственно-временных координат, что и те, которые занимал разведчик. Единственное, что отличается, — это координаты Сети.

На фотографии были изображены многочисленные скальные обломки, висящие на фоне туманной мглы, с несколькими яркими точками, пробивающимися через это облако пыли. Я не понимал, что это должно было означать.

Винтер передал мне еще одну фотографию. Здесь было то же самое, что и на первой. Аналогичное изображение красовалось и на третьем фото, с той только добавочной деталью, что один осколок скалы имел гладкую поверхность с узкими линиями на ней.

Винтер постарался развеять мое недоумение.

— Масштаб здесь не такой, как кажется. Этот страшный ломоть — не что иное, как часть земной коры на расстоянии тридцати километров. Линии, их там, кажется, две, это — дороги.

Я смотрел, не веря своим глазам. Мое сознание всколыхнулось от мысли, что, возможно, Винтер говориткую правду.

Капитан протянул мне еще один снимок. На нем было снято темное пространство, покрытое буграми, видимое только благодаря сумрачному мерцанию света, отраженного неровностями поверхности.

Следующий снимок был наполовину затемнен какой-то массой, попавшей слишком близко в объектив, и поэтому нерезкий. Сзади лежало огромное распростертое тело, бесформенное, необъятное, наполовину погребенное в зарослях стелющихся растений. Я с ужасом смотрел на крохотную головку, напоминающую коровью, которая бесполезно свисала с этого горообразного создания. На некотором удалении от головы из туши выступал, напоминающий ногу, придаток со свисающим копытом.

— Да,— сказал Винтер.— Это корова. Вернее, корова-мутант, у которой больше нет никаких ограничений в росте. Сейчас это обширная культура клеток, абсорбирующая питание прямо из зарослей. У всех этих мутантов растет гора плоти. Рудиментарная головка и вырастающие иногда конечности для этой туши совершенно бесполезны.

Я вернул снимки. Мне было не по себе.

— Достаточно,— выдавил я.— Ваша взяла. Давайте выпутываться из этого.

Засовывая пистолет в карман, я подумал о пулевом отверстии в панели управления и вздрогнул.

Вернувшись в кабинет, я присел у стола, меня просто не держали ноги. Винтер похлопал меня по плечу.

— Да, приятель... Не очень-то приятно узнать это все так сразу...

Он что-то еще говорил, а я попытался собрать фрагментарные сведения в одну связную картину. Необъятная паутина линий, каждая из которых представляет собой вполне законченную вселенную, и каждая чуть-чуть отличная от другой. Где-то вдоль одной из линий, в каком-то из миров, было изобретено устройство, позволяющее пересекать эти линии. Что ж, может быть, так оно и есть. При таком количестве параллельных миров может случиться что угодно.

— А как же насчет других А-линий? — спросил я, поразмыслив. — Если миров так много, ведь должно же быть такое место, где это самое открытие было тоже сделано и где имеется только одно, маловажное отличие. Я имею в виду отличие от вашего мира. Почему вся вселенная не кишит такими устройствами, постоянно сталкивающимися друг с другом?

— Наши ученые серьезно занимаются этим вопросом, дружище, и пока они не могут дать определенного ответа. Тем не менее, кое-что установлено. Во-первых, конструкция генератора Максони-Копини фантастически сложна в исполнении, это я уже объяснял. Малейший промах в первоначальных экспериментах — и мы бы закончили свой путь так же, как те миры, фотографии которых вы уже лицезрели. По-видимому, вероятность изобретения этого привода ничтожно мала — но, тем не менее, мы его сделали, а теперь мы умеем и управлять им.

Что же касается очень близких линий, то теория как будто показывает, что не существует физического давления между линиями. Те из них, которые микроскопически близки друг к другу, по существу, сливаются и смешиваются между собой. Это трудно объяснить непосвященному человеку. Один мир фактически переходит в другой совершенно случайно. По существу, природа бесконечности такова, что, кажется, должно существовать бесконечное число близких линий, по которым мы беспрестанно перемещаемся. Обычно здесь нет видимых отличий. Мы не замечаем их примерно так же, как не замечаем того, что движемся из одной временной точки в процессе нормального возрастания энтропии.

Увидев, что я озадаченно нахмурился, Винтер добавил:

— Линии движутся обоими способами, вы должны это знать, в бесконечном количестве направлений. Если бы мы могли переместиться точно назад вдоль какой-либо А-линии, мы могли бы путешествовать в прошлое. Но этого не получается, так как два тела не могут занимать одно и то же пространство, и все такое... Принцип Максони позволяет перемещаться таким путем, который, по мнению наших ученых, расположен под прямым углом к нормальному течению событий. С его помощью мы могли действовать на всех 360 градусах, но всегда на том же самом уровне энтропии, с которого начали. Таким образом, мы прибудем в Стокгольм 00 в тот же самый момент, когда отправились из мира В-1-три. — Он рассмеялся. — Эта

деталь стала причиной непонимания и взаимных обвинений при производстве первых испытаний.

— Значит, мы непрерывно слоняемся по различным вселенным, даже не сознавая этого?

— Не обязательно любой из нас, и не все время, — усмехнулся Винтер. — Но эмоциональные потрясения, возможно, сопровождаются эффектом перемещения. Конечно, нам очень трудно заметить разницу между двумя смежными линиями, если она заключается во взаимном расположении двух песчинок или даже двух атомов внутри песчинок. Но иногда люди замечают некоторые несоответствия. Вероятно, вы сами замечали некоторые крохотные несоответствия в какой-то определенный промежуток времени. Исчезновение каких-то предметов, какие-то незапланированные изменения в характере людей, хорошо вам знакомых, ложные воспоминания прошлых событий. Вселенная не такая уж жесткая в раз и навсегда установленных рамках, как мы думали раньше.

— Вы ужасно правдоподобны, капитан, — сказал я. — Считайте, что я поверил вашему рассказу. А сейчас я хотел бы послушать об этом фургоне, или как вы его там называете.

— Вы находитесь в небольшой передвижной машине, шаттле, которая смонтирована на самодвижущемся шасси. Шаттл может перемещаться по ровным участкам земли или мостовой, а также по спокойной водной поверхности. Это дает нам возможность маневрировать в пространстве на собственной земле, так сказать, избегая опасности проводить наземные операции в незнакомом районе.

— А где остальные люди вашей группы? Их должно быть не меньше трех.

— Они все на своих местах, — кивнул Винтер. — Здесь есть еще одно небольшое помещение, в котором находятся механизмы привода. Оно расположено перед кабиной управления.

— А для чего это? — я указал на коробку на столе, из которой я взял пистолет.

Винтер, быстро взглянув на нее, с сожалением произнес:

— Так вот откуда у вас оружие. Я терялся в догадках, так как сам вас обыскивал, когда изымал документы. Проклятая небрежность Дойля — вот чертов охотник за сувенирами! Я велел давать мне все на рассмотрение, прежде чем привозить это в наш мир. Так что, полагаю, тут и моя вина.

Он осторожно прикоснулся к своей раненой руке.

— Не надо слишком сокрушаться. Я достаточно умный парень, — сказал я, — но не очень храбрый. По сути дела, я до смерти боюсь того, что мне уготовано по прибытии на место назначения.

— С вами будут хорошо обращаться, — заверил меня Винтер.

Я не стал спорить. Может быть, когда мы прибудем, я смогу сделать еще одну попытку к бегству, используя пистолет. Однако эта мысль меня не очень утешала. А что мне делать потом? В этом Имперуме Винтера?

Что мне нужно, так это обратный билет домой! Я подумал о родной земле, как о мире В-1-три, и понял, что начинаю принимать теорию Винтера.

Подойдя к столу, я сделал большой глоток из голубой бутылки.

— Почему мы не взрываемся, когда пересекаем какую-нибудь из этих опустошенных линий, или не сгораем, пересекая горячие миры? — спросил я капитана. — Предположим, что мы вздумали бы выглянуть наружу, туда, где вы фотографировали обломки скал.

— Мы не засиживаемся ни в одном из этих миров слишком долго, приятель, — пояснил Винтер. — На каждой из этих линий мы находимся бесконечно малый промежуток времени. Следовательно, у нас нет возможности вступить в физический контакт с окружающей средой.

— А как же вы тогда фотографируете и используете свои коммуникаторы?

— Камеры остаются внутри поля. Снимок по существу является смещением экспозиций на всех линиях, которые мы пересекаем в момент съемки. Эти линии едва отличаются друг от друга, конечно, и поэтому снимки совершенно отчетливы. Наши же коммуникаторы используют что-то вроде генератора волн, распространяющего передачу.

— Винтер, — сказал я, — все это чрезвычайно интересно, но у меня складывается впечатление, что вы невысоко цените людей, как таковых. Я думаю, что вы, возможно, планируете использовать меня в каком-то нужном нам эксперименте, а затем выбросить; зашвырнете и одну из этих груд космического лома, которые показывали на снимках. И эта бурда в голубой бутылке утешает меня совсем не настолько, чтобы вышибить мысли из моей головы.

— Боже упаси, приятель, — Винтер резко выпрямился. — Ничего подобного! Мы далеко не проклятые

варвары. Я заверяю вас в этом! Поскольку вы являетесь объектом государственных интересов Империи, вы можете быть уверены, что с вами будут обращаться гуманно и с должным почтением.

— Мне не понравились ваши слова о пункте сосредоточения. Это звучит для меня как заключение в тюрьму.

— Совсем нет,— замотал головой Винтер.— Имеется большое количество весьма приятных А-линий вне пределов зоны Поражения, которые либо полностью необитаемы, либо заселены народами с недостаточным уровнем технического развития. Любой может избрать наиболее близкий для себя технологический или культурный уровень, где бы ему понравилось жить. Все лица, задержанные для допроса, самым тщательным образом обеспечены: их снабжают всем необходимым для проживания с комфортом всю оставшуюся жизнь.

— Высаживают на необитаемом острове или оставляют в деревне дикарей? Знаете ли, это не слишком веселая перспектива для меня. А, капитан? Вы знаете, что я думаю? Нет? Так вот, я хотел бы попасть домой!

Винтер интригуяще улыбнулся.

— Что бы вы сказали, если бы вас снабдили состоянием в твердой валюте, ну, хотя бы, в золоте, и поместили в общество, очень сильно напоминающем, например, английское семнадцатого века с тем дополнительным преимуществом, что у вас было бы электричество, множество современных книг, запас необходимых вещей, в общем, все по вашему усмотрению, для того, чтобы с удовольствием прожить всю оставшуюся жизнь? Вы должны помнить, что в вашем распоряжении все ресурсы вселенной!

— Мне бы хотелось, чтобы я имел чуть больше выбора,— вставил я.— Предположим, что мы продолжим путь, раз мы вышли из Зоны Поражения. Вы могли бы привести эту машину назад, в тот мир, откуда меня выдернули? Помните, что я могу заставить вас силой.

— Послушайте, Байард,— нетерпеливо сказал Винтер.— У вас есть пистолет. Очень хорошо. Застрелите меня. Застрелите всех нас. Чего вы этим добьетесь? Управлять этой машиной вы все равно не сможете, для этого необходимо иметь навыки и технические знания. Органы управления сейчас настроены на автоматическое возвращение в исходный пункт. Запомните, что политика Империи запрещает возвращать какое-либо лицо в тот мир, откуда оно было взято. Единственное, что вам остается,

это сотрудничать с нами, и примите мои заверения, как офицера Имперума, что с вами будут обращаться с подобающим уважением.

Я посмотрел на пистолет.

— В кинокартинах,— сказал я,— парень с дубиной всегда добивался своего! Но вас, кажется, не очень-то тревожит, пристрелю я вас или нет?

Офицер улыбнулся.

— Если отбросить в сторону то, что вы сделали несколько глотков коньяка из моей бутылки, и, вероятно, не прострелили обшивку шаттла вашим идиотским выстрелом из этого пистолета, который вы до сих пор держите в руке, заверяю вас...

— Ну что ж, поверю,— сказал я и швырнул пистолет на стул. Потом сел и откинулся на спинку.— Разбудите меня, когда будем у цели, старина. Я хотел бы привести свое лицо в порядок.

Винтер захохотал.

— Вот теперь вы поступаете разумно, приятель. Мне было бы чертовски неприятно предупреждать персонал базы о том; что вы размахиваете в машине заряженным пистолетом.

ГЛАВА III

Я проснулся от толчка. Шея ужасно болела, не лучше было и с телом, стоило только пошевелиться. Со стоном я опустил ноги со стула и сел ровно. Что-то было не так. В комнате никого не было, машина не гудела. Я подпрыгнул.

— Винтер! — закричал я. Перед глазами возникла картина: меня высаживают в одном из похожих на ад миров. В этот момент я понял, что раньше не столько боялся попасть в загадочный 00, сколько боялся того, что не попаду туда.

Винтер открыл дверь и заглянул в комнату.

— Я сию минуту буду с вами, мистер Байард,— успокоил он меня.— Мы прибыли по расписанию.

Я занервничал. Бросился за пистолетом, но нигде не смог его отыскать. Он исчез. Я сказал себе, что это не страшнее, чем идти на прием к послу.

Вошли двое вышибал, за ними Винтер. Один из них открыл дверь и встал наготове рядом. За дверью я

различил отблески солнца на ровной мощеной поверхности и группу людей в белой форме, глядящих на нас.

Я переступил порог и осмотрелся.

Мы были в большом помещении, напоминавшем крытый вокзал. Группа людей в белом стояла невдалеке и чего-то ждала.

Наконец один из них вышел вперед.

— Слава богу, Винтер,— громко сказал он.— Вы совершили это. Мы поздравляем вас, старина.

Другие из ожидавших тоже подошли к нам и собрались вокруг Винтера, задавая вопросы, поминутно оглядываясь в мою сторону. Никто из них не сказал мне ни единого слова.

“Ну и черт с ними”,— подумал я.

Я стал прогуливаться возле машины, стараясь определить, где тут выход. Но здесь была только одна дверь, возле которой стоял часовой. Я взглянул на него и прошел мимо.

На обратном пути я остановился возле него и медленно произнес:

— Тебе следует лучше запомнить меня, парень. Ты теперь будешь видеть меня довольно часто. Я твой новый командир... — Внимательно осмотрев часового, я добавил: — Нужно лучше следить за своей формой.

Я собрался уже покинуть изумленного часового, но в этот момент к нам подошел Винтер, тем самым поломав мой план побега. Но куда бы я отсюда убежал?

— Сюда, старина,— сказал капитан, обращаясь ко мне.— Нечего тут бродить. Я уполномочен отвезти вас прямо в Королевскую Разведку, где вы, без сомнения, сможете узнать гораздо больше о причинах вашего... — Винтер прочистил горло,— ... визита.

— А я подумал, что это и есть Имперская Разведка,— сказал я.— И что для высокого уровня операции прием весьма скромен. Я думал, что будет оркестр или хотя бы пара фараонов с ручниками.

— Королевская Шведская Разведка.— объяснил Винтер.— Мы сейчас отправимся туда. Швеция подчинена Империи. Там вы и встретите парней из Имперской Разведки. Что же касается приема, то мы не работаем с большой помпой, да будет вам это известно!

Винтер жестом пригласил меня в громоздкий штабной автомобиль, ожидавший нас возле ворот этого огромного зала. Автомобиль рванулся вперед, ворота стремительно распахнулись, и мы оказались на широком проспекте, ведущем, очевидно, к месту назначения.

— Я думал, что ваш шаттл движется только поперек, — заметил я, — и остается в том же месте на карте. Это место ничем не напоминает то, откуда я был взят в плен!

— Что заставило вас сделать такой вывод?

— Эта местность совсем не похожа на холмистый Старый Город.

— У вас поразительное мышление и зоркий глаз, не пропускающий кажущихся малозначительными деталей, — сказал Винтер. — Мы проводим шаттл к положению перед стартом по улицам, прежде чем включаем привод. Сейчас мы в северной части города.

Наш гигантский автомобиль с ревом пронесся по улицам и запетлял по длинному спуску, ведущему к кованой решетке перед массивным серым зданием из гранита. Люди, которых я видел из окна машины, выглядели совсем буднично, за исключением некоторых странностей в их одежде и необычно большого числа ярких мундиров военных.

Часовой у железных ворот был облачен в вишневый мундир с белыми штанами. На голове у него был черный стальной шлем, увенчанный позолоченной пикой и пурпурным плюмажем. Он отсалютовал нам своим оружием — коротким безобразным никелированным автоматом. Ворота открылись, мы проехали мимо него и остановились перед широкими дверьми из полированного, обитого железом дуба.

Медная табличка перед входом гласила:

“ИМПЕРСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ”

Я молчал, пока мы шли через великолепный белокаменный зал, пока мы ехали в просторном лифте. Мы прошли еще через один зал, пол которого был из розового гранита, и остановились перед массивной дверью. Вокруг никого не было.

— Не волнуйтесь, мистер Байард, отвечайте искренне на все заданные вам вопросы, пользуясь теми же формами обращения, что и я. — напутствовал меня напоследок Винтер.

— Не собираюсь разваливаться на части, — заметил я, отметив про себя, что Винтер кажется очень взволнованным, открывая дверь.

Мы вошли в огромный, богато обставленный зал или, скорее всего, кабинет. Пол был покрыт серым ковром, немного поодаль, вокруг широкого стола, сидели трое, и четвертый — в стороне от них.

Винтер закрыл дверь, пересек кабинет (я плелся за ним), стал по стойке “смирно” в трех шагах от стола и отдал честь.

— Сэр, шеф-капитан Винтер приказание выполнил, — отпартировал он сдержанно.

— Очень хорошо, Винтер, — сказал человек, сидящий в общей группе.

Винтер опустил руку и повернулся к человеку, сидящему отдельно.

Тот наклонил голову вниз и прикрыл глаза.

Винтер радостно улыбнулся и повернулся к остальным.

— Ваше превосходительство, — сказал он, низко склонившись перед одним из сидевших.

— Главный инспектор, приветствую вас, — поздоровался он со вторым, а третьего, весьма тучного мужчину со смешным лицом назвал просто “сэр”.

Человек за столом внимательно рассматривал меня во время этого обмена приветствиями.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Байард, — сказал он приятным голосом, указывая на пустой стул прямо перед столом. Винтер продолжал стоять по стойке “смирно”.

Человек посмотрел на него.

— Вольно, шеф-капитан, — произнес он и снова повернулся ко мне: — Я надеюсь, ваш визит сюда не вызовет у вас чрезмерного предубеждения против нас, мистер Брайад, — сказал он. У него было длинное, мрачное лицо с тяжелым подбородком.

— Меня зовут генерал Бернадотт, — продолжал он. — Эти джентельмены — Манфред фон Рихтгофен, главный инспектор Бейл и мистер Беринг.

Я кивнул им.

Бейл был худым широкоплечим мужчиной с маленькой лысой головкой. На лице его застыло неодобрительное выражение.

Бернадотт продолжал:

— Прежде всего, мне хочется заверить вас, что наше решение привезти вас сюда было отнюдь нелегким. Я знаю, что у вас много вопросов. Заверяю вас, на все будет дан исчерпывающий ответ. Скажу вам честно: мы вызвали вас сюда для того, чтобы воспользоваться вашей помощью.

Вот к этому я не был готов. То, что столько высокопоставленных лиц просит у меня помощи, лишило меня дара речи.

— Замечательно, — прокомментировал тучный господин, которого звали мистер Беринг. Я вспомнил портрет гитлеровского главнокомандующего военно-воздушными силами.

Теперь я твердо был уверен, что Винтер говорил мне сушную правду. И это подтвердилось увиденным — в этом

мире были настоящие двойники или аналоги людей моего собственного мира.

— Многофазная реальность, конечно, при внезапной встрече с ней может кого угодно привести в замешательство, — заметил генерал. — Особенно человека, всю жизнь прожившего в своем собственном тесном мире. Для тех же из нас, кто вырос с этим зрением, она кажется единственно естественной и соответствующей принципам множественности и пространственного континуума. Мысль об однолинейной причинно-следственной последовательности является концепцией искусственного ограничения, свехупрощения действительности. И причиной тому — человеческий эгоцентризм.

Остальные четверо слушали столь же внимательно, как и я. Хотя старик говорил очень тихо, слышно его было отлично — в кабинет почти не проникал уличный шум.

— Наши успехи в изучении мира В-I-три, откуда вы родом, позволили нам выяснить, что линии развития наших миров имеют общую историю почти до 1709 года. Еще одно столетие они оставались тождественными в большинстве деталей. И только после этого началось резкое развитие разграничений.

Здесь, в нашем мире, два итальянских ученых, Джулио Максони и Карло Копини, в 1893 году сделали основополагающее открытие, которое после нескольких лет исследований реализовали в устройстве, давшем возможность перемещаться по собственному желанию в широком диапазоне того, что мы называем Альтернативными линиями, или А-линиями. Копини погиб в самом начале испытаний, и Максони решил, что настало время предложить их изобретение правительству Италии. Но он получил резкий отказ.

После нескольких лет травли со стороны итальянской прессы, безжалостно высмеивающей его, Максони уехал в Англию и предложил свое изобретение британскому правительству. После длительного и очень осторожного периода переговоров сделка все-таки состоялась. Максони получил титул, поместья и миллион фунтов золотом. С этих пор британское правительство стало единственным обладателем важнейшего в истории человечества изобретения после открытия колеса. Колесо дало человеку господство над поверхностью своего мира, принцип Максони передал в его распоряжение всю Вселенную!

В глубокой тишине было слышно только слабое поскрипывание кожи моего кресла, так как я не мог слушать все это спокойно, не шевелясь.

Наконец генерал откинулся на спинку кресла и, глубоко вздохнув, улыбнулся.

— Надеюсь, что не слишком ошеломил вас, мистер Байард, избытком исторических подробностей.

— Нет, нет,— поспешно сказал я.— Все это было очень интересно.

Генерал кивнул головой и продолжал;

— Как раз в это время британское правительство вело переговоры с Германским Имперским Правительством о заключении взаимовыгодных торговых соглашений с целью избежать братоубийственной войны, которая тогда была бы неизбежной, не будь произведен раздел соответствующих сфер влияния.

Приобретение бумаг Максони придало весьма заманчивый аспект сложившейся ситуации. Совершенно правомочно чувствуя, что теперь у них более благоприятная исходная позиция, британцы предложили объединение двух империй в нынешний Англо-Германский Империум с Ганноверско-Виндзорской династией на троне. Вскоре после объединения договор о согласии вступить в Империум подписала Швеция, и по разрешении ряда технических деталей, 1 января 1900 года возник нынешний Империум.

У меня было такое чувство, что генерал Бернадотт сильно упрощает события. Ведь как много людей было убито в ходе разрешения гораздо более мелких проблем! Однако я не стал делиться с ним этими мыслями.

— С самого начала своего существования,— продолжал генерал,— Империум провел программу исследований, составления карт и изучения А-континиума. Довольно долго исследования приносили непонятные результаты — на обширном пространстве во всех направлениях от исходной точки существует полный хаос. Снаружи этого региона, однако, существует бесконечное число линий. Эти линии, лежащие вне зоны Поражения, все как одна представляют собой миры, в которых расхождение в общей дате истории началось лет 400 назад. Другими словами, эти миры имеют одинаковую с нашим миром историю до 1550 года. При дальнейшем перемещении дата расхождения уходит в более древние времена. В настоящее время предел наших исследований уходит примерно к одному миллионному году до новой эры.

Я не понял последнюю фразу генерала, но не решился перебить его. Такое поведение, по-видимому, вполне устраивало Бернадотта.

— Но вот в 1947 году изучение фотографий, произведенных автоматическим шаттлом, показало странную аномалию: внешне нормальный, обитаемый мир, лежащий в Зоне Блайта, иными словами, в Зоне Поражения! Несколько недель мы искали эту линию. В первый раз мы посетили мир, почти не отличающийся от нашего. Мир, в котором многие установки нашего мира должны быть продублированными. Мы были преисполнены надежд на плодотворное сотрудничество между нашими мирами, но нас ждало такое горькое разочарование!

Генерал повернулся к лысому человеку, которого он представил как Главного инспектора Бейла.

— Главный инспектор,— сказал он.— Соболаговолите продолжить мой доклад.

Бейл выпрямился в кресле, сложил руки и начал:

— В сентябре 1948 года два старших агента Службы Безопасности были направлены в этот мир. Они были временно возведены в ранг министров по особым поручениям и наделены полными дипломатическими полномочиями на ведение переговоров с руководителями Национал-Демократического Союза. Эта политическая единица, по сути, включала в себя большую часть обитаемого мира В-I-два. Серия ужасных войн с применением радиоактивных взрывчатых веществ уничтожила наиболее цивилизованные районы этой линии.

Европа вся лежала в развалинах. Мы установили, что штаб-квартира НДС размещается в Северной Африке, имея в руководстве прежнюю французскую колониальную администрацию. Руководит всем бывший солдат, который утвердил себя пожизненным диктатором уцелевшей части мира. Его армия состоит из подразделений всех прежних воюющих сторон и держится только на мародерстве и надеждах на высокие посты в новом обществе, основанном на грубой силе.

Наши агенты вошли в контакт с одним из высших военных, назвавшим себя генерал-полковником Янгом. Он командовал толпой оборванных головорезов в пестрых гимнастерках. Наши агенты попросили его препроводить их в резиденцию диктатора. Янг приказал своим молодчикам взять их в плен и бросить в тюрьму, где они были избиты до бесчувствия, несмотря на наличие дипломатических паспортов и верительных грамот. Тем не менее, после этой ужасной экзекуции, Янг отправил их на допрос к диктатору. Во время допроса тот вытаскил пистолет и прострелил одному из моих парней голову,

убив его на месте. Когда же не удалось заставить и второго агента добровольно сотрудничать с диктатором, без предварительного признания его аккредитованным посланником Имперского Правительства, требующим наказания и соответствующего обращения в духе международных соглашений, его вернули в руки опытных палачей.

Под пыткой агент рассказал много чего, убедив следователей в своем безумстве. Его освободили, но только для того, чтобы дать ему умереть от голода и нанесенных ран.

Нам удалось отыскать его и вырвать из того мира, но он все же умер, успев только рассказать о случившемся.

Я пока что воздерживался от комментариев. Все это звучало гадко, но у меня не было никакого восхищения и перед методами, применявшимися Империумом по отношению ко мне.

Генерал наконец подвел итог:

— Мы решили не предпринимать карательных акций и просто оставили этот несчастный мир в изоляции. Однако около года назад произошло событие, которое показало, что такая политика непригодна далее. Манфред, я прошу вас взять на себя следующую часть изложения.

— Подразделения нашей Службы Надзора Сети, — начал Рихтгофен, — внезапно обнаружили активность в одном из пунктов линии на некотором удалении от 00. Все это происходило в секторе 92. На случай такого обстоятельства мы были начеку с самого начала, когда только начали разрабатывать Сеть. Тяжеловооруженный объект неизвестного происхождения материализовался в одном из наиболее ценных промышленных миров, входящих в группу миров, с которыми мы ведем торговлю с оборотом во много миллионов фунтов. Материализация произошла в густонаселенном районе. Из объекта был выпущен сильнодействующий газ, и сотни людей погибли. После этого появились неизвестные в масках, их было один-два взвода, и начался грабёж и разгром магазинов — оргия безответственного разрушения. Наш разведчик в СНС появился через несколько часов после ухода агрессора. Шаттл подвергся массированному нападению со стороны справедливо восставших жителей, пока не удалось доказать, что это аппарат Империума.

Рихтгофен нахмурился.

— Спасательную операцию проводил я лично. Неизвестными было убито более четырех сотен невинных людей, пожар разрушил дорогостоящие производственные мощности, вывел из строя исследовательские центры, насе-

ление было полностью деморализовано. Это было для всех нас очень печальным зрелищем.

— Как видите, мистер Байард,— сказал Бернадотт,— мы почти беспомощны в деле защиты наших друзей от набегов. И хотя нами разработаны чрезвычайные приборы обнаружения, МК (Максони-Копини) поля, трудность состоит в невозможности своевременно попасть в атакованное место. Само перемещение не требует времени, но точное определение необходимой линии среди множества других — чрезвычайно тонкая задача. Наши устройства позволяют это сделать, но только в режиме ручного управления.

— После этого, с очень небольшими перерывами,— продолжал опять Рихтгофен,— наши дружественные миры подвергались еще семи подобным нападениям. Затем обстановка изменилась. Рейдеры незнакомцев стали появляться в большом количестве, причем это были аппараты с большой грузоподъемностью. Кроме того, участились облавы на молодых девушек. Стало очевидно, что возникла серьезная угроза миру среди А-линий. В конце концов нам посчастливилось обнаружить поле рейдера в непосредственной близости от одного из наших вооруженных шаттлов. Он быстро настроился на сходящийся курс и материализовался через двадцать минут после начала нападения. Командир шаттла огнем из крупнокалиберного орудия разнес на куски аппарат пиратов. Несмотря на то, что команда была деморализована потерей своего корабля, сопротивлялась она, тем не менее, отчаянно. Нам удалось захватить в плен для допроса всего лишь двоих.

Интересно, подумал я, насколько отличаются методы допроса Империиума от соответствующих методов диктатора мира В-1-два, но спросить об этом не решился. Да и зачем, ведь это станет понятным весьма скоро.

— От пленников мы узнали гораздо больше, чем ожидали. Эффективность пиратских набегов зависела от неожиданности нападения и быстроты бегства. Было установлено, что в набегах участвуют не более четырех аппаратов. На каждом из них может находиться около полусотни пиратов. Пленники хвастливо заявили нам, что у них есть сокрушительное оружие и оно будет применено для возмездия! Из слов пленников можно было сделать вывод, что МК-привод появился у них совсем недавно и что им совершенно неизвестна ни конфигурация Сети, ни бесконечное разветвление одновременной реальности.

Казалось, пленники верят, что их друзья отыщут нашу базу и без затруднений уничтожат ее. Кроме того, они

весьма смутно представляли размеры и характер поражения. Они упомянули об исчезновении нескольких своих аппаратов в этом районе. Оказалось, также к счастью для нас, что у них есть лишь самые элементарные средства обнаружения и что управление их аппаратами в высшей степени ненадежно. Но наиболее важной информацией было установление происхождения захватчиков.

Рихтгофен сделал паузу для создания драматического эффекта.

— Это был все тот же несчастный наш близнец, мир В-I-два.

— Каким-то образом,— снова заговорил Бернадотт,— несмотря на хаотическое состояние общества и последствия разрушительных войн, они преуспели в создании устройств, более примитивных, чем те, с которых мы начинали почти шестьдесят лет назад.

Следующий ход неприятеля оказался ошеломляюще неожиданным. То ли благодаря удивительно быстрому развитию науки, то ли благодаря чудовищному упорству и слепой удаче, одному из разведчиков удалось обнаружить линию 00 самого Империума. Аппарат материализовался в нашем континиуме в окрестностях города Берлина, одной из королевских столиц.

Команда, видимо, готовилась именно к этому посещению. Она установила какое-то необычное устройство на самом верху ажурной мачты посреди пустыря, и сейчас же отчалила. Минуты через три устройство взорвалось с невообразимой силой. Площадь абсолютного опустошения составила более квадратной мили, число погибших исчислялось тысячами. До сих пор эта местность остается отравленной какой-то радиацией, исходящей из сожженного грунта. Жизнь в этом районе больше невозможна.

Я кивнул.

— Догадываюсь, что это такое.

— Да,— кивнул генерал.— Нечто подобное есть в вашем мире, не так ли?

Я сделал вид, что вопрос этот чисто риторический, и промолчал.

Бернадотт продолжил:

— Какими бы грубыми не были их методы и аппаратура, им удалось все-таки щегольнуть своей силой перед Империумом. Сейчас это только вопрос времени — мы знаем, что им удастся разработать адекватные средства управления шаттлами и надежные устройства обнаружения. Вот тогда-то и возникнет для нас проблема: столкнуться

лицом к лицу с полчищами оборванных, но хорошо обученных солдат, вооруженных наводящими ужас радиевыми бомбами, посредством которых они уничтожили свою собственную культуру. Вот тогда-то они и набросятся на нас!

С этой возможностью нельзя было не считаться, и поэтому мы занялись тщательной подготовкой. По всей вероятности, имеется два возможных варианта, но каждый в равной степени нежелателен. Либо мы ждем последующих атак и тем временем укрепляем нашу оборону, кстати говоря, весьма сомнительного качества по сравнению с фантастическим оружием врагов, либо мы сами организуем нападение и отправляем огромную армию вторжения в мир В-I-два. Проблемы снабжения, перевозки, организации тыла и в том, и в другом случае будут очень сложными.

Итак, я узнал кое-что об Империиуме. Во-первых, у них не было атомной бомбы. И нет научной концепции энергии атома. Их рассуждения о характере войны против организованной армии, вооруженной ядерным оружием, — наглядное свидетельство этому. Кроме того, у них не было жестоких уроков наших тотальных войн, и поэтому отсутствует всякий военный опыт. Они наивны, даже отстали в некоторых вопросах военной теории. Их образ мышления более характерен для европейцев XIX века, чем для представителей современного цивилизованного мира.

— Около месяца назад, мистер Байард,— Бейл снова принял эстафету,— появился еще один новый фактор, предоставляющий нам третью возможность встречи с противником. В самом сердце Зоны Поражения, на совсем близком расстоянии от В-I-два и даже более близком к нам, чем этот мир, мы обнаружили еще один уцелевший. Это был ваш мир, мистер Байард, который мы назвали В-I-три.

В течение семидесяти двух часов сотни тщательно обученных агентов были размещены в определенно подобранных пунктах мира В-I-три. Мы были преисполнены решимости избежать грубых ошибок, как это было с миром В-I-два. Слишком велика была ставка. По мере поступления информации выяснилось, что все агенты сумели благополучно внедриться в различные области политической и общественной жизни различных государств вновь открытого мира. Сведения от агентов немедленно поступали в Генеральный Штаб и Чрезвычайный Имперский Комитет. Главной задачей последнего было с как можно большей точностью установить календарные соответствия между мирами В-I-два, В-I-три и Империиумом. Необычай-

ная трудность этой задачи усугублялась большим количеством параллельных аналогичных событий и лиц и некоторыми фантастическими расхождениями.

Неделю назад было объявлено, что с вероятностью 98% можно считать, что ваш мир, мистер Байард, В-1-три, имеет одинаковую историю с миром В-1-два до 1911 года. Как раз в это время мой коллега из германской разведки, мистер Беринг, сделал великолепное предложение. Меры, предложенные им, были одобрены. Всем агентам предложили немедленно прекратить исследования и сосредоточить усилия на отыскивание следов... — Бейл взглянул на меня, — на отыскивании следов мистера Байарда!

Они чувствовали, что я просто-таки лопаюсь от распиравшего меня любопытства, и поэтому внимательно следили за мной. Я постарался ничем не выдать себя, выжидательно глядя на Бейла. Тот поджал губы. Видно, я чертовски ему не нравился.

— Мы напали на след в записях выпускников университета... — Бейл хмуро посмотрел на меня, — название которого напоминает мне чем-то алюминиевый сплав.

Должно быть, этот генеральный инспектор кончал в свое время Оксфорд, подумал я. А вслух сказал:

— Вы, наверное, имеете в виду Иллинойс?

— Во всяком случае, — продолжал Бейл, — проследить ваш дальнейший жизненный путь было сравнительно просто — военная служба, дипломатический корпус. Наш человек упустил только ваше участие в Миссии во Вьетнаме.

— Не в Миссии, а в Генеральном консульстве, — поправил я его.

Бейла, кажется, несколько раздосадовало мое замечание. И я был рад этому. Он тоже совсем не нравился мне!

— Позавчера вы получили новую работу в Стокгольме. Там вас уже ждал наш человек. Он не упускал вас из виду, пока не прибыл аппарат. Остальное вы уже знаете.

Наступила тишина. Я заерзал в кресле, переводя взгляд с одного невозмутимого лица на другое.

— Хорошо, — сказал я. — Предполагается, что сейчас я должен кое-что у вас спросить. Постараюсь оправдать ваши надежды. Почему искали именно меня?

Поколебавшись, генерал Бернадотт выдвинул ящик стола и вынул оттуда плоский предмет, завернутый в плотную бумагу. Он заговорил, снимая бумагу с предмета:

— У меня здесь портрет диктатора мира В-1-два в парадной форме. Один из двух предметов, которые нам удалось получить из этого несчастного мира. Копии этого портрета развешены повсюду.

Он протянул портрет мне. Это была цветная литография весьма низкого качества, на ней был изображен человек в мундире, грудь которого до самого края фотографии была покрыта орденами. Над портретом красовалась надпись:

“Его Превосходительство Герцог Алжира, Верховный Главнокомандующий, Генерал-Маршал Брайан Первый, Байард, Диктатор”.

Лицо на портрете было МОИМ!

ГЛАВА IV

Я долго смотрел на этот парадный портрет. Вряд ли это была подделка. Я чувствовал себя сбитым с толку. Непостижимо!

— Теперь вы понимаете, мистер Байард, почему вас доставили сюда,— сказал генерал, когда я вернул фото.— Вы наш козырный туз. Но только в том случае, если вы согласитесь помочь нам добровольно.

И снова он обратился к Рихтгофену.

— Манфред, будьте добры, обрисуйте мистеру Байарду наш план.

Рихтгофен кашлянул.

— Весьма возможно,— сказал он,— что мы могли бы избавиться от диктатора Байарда, разбомбив его резиденцию. Но это, однако, создало бы только временную передышку. Появился бы новый лидер и... Кстати, передышка была бы очень короткой, поверьте мне, организация врагов сильна. А, возможно, она и не наступила бы — атаки вполне могли бы продолжаться, как и ранее. Кроме того, мы еще не готовы производить массированные нападения.

Нет! Для достижения наших целей было бы намного лучше, если бы Байард продолжал оставаться руководителем Национал-Демократического Союза, но — под нашим контролем.

Здесь он многозначительно взглянул на меня.

— Специально оборудованный шаттл, управляемый наиболее опытными техниками, мог бы посадить одного

человека в пределах жилого помещения, занимающего верхний этаж дворца диктатора в Алжире. Мы уверены, что решительный человек, проникший во дворец, вооруженный лучшим стрелковым оружием — из того, чем мы располагаем в настоящее время, — сумел бы определить местонахождение спальни диктатора, проникнуть в нее, убить негодяя и каким-то, пока не продуманным образом, избавиться от его тела.

Будь этот человек вами, мистер Байард, после десятидневной усиленной подготовки и с небольшим сетевым коммуникатором, мы уверены, он смог бы, не вызывая подозрений, заменить мертвеца и править, как абсолютный диктатор, двадцатью миллионами бойцов Брайана Первого.

— Но неужели у вас нет моего двойника? Я имею в виду, в вашем мире в Империуме?

Бернадотт покачал головой.

— Ваш двойник в нашем мире умер во младенчестве. Из вашей семьи здесь остался только троюродный брат, ближе никого нет.

Присутствующие смотрели на меня. Мне показалось, что они ждут от меня торжественного и скромного согласия в ответ на предложенную честь стать грудью за отечество и даже умереть за него. Но они забыли, что моя Родина не здесь. Меня похитили и силой препроводили сюда. Да к тому же я никак не мог представить себя в роли убийцы, и в особенности — какая абсурдная мысль! — убийцы самого себя. Мне стало не по себе от мысли, что меня оставят одного в банде висельников.

Я был готов высказать все это в совершенно определенных и недвусмысленных выражениях, когда взгляд мой упал на Бейла. На лице его играла надменная, презрительная полуухмылка, и мне стало ясно, что именно этого он и ожидает от меня. Его презрение ко мне было очевидным. Я чувствовал, что он думает обо мне, как о болтуне, за душой у которого нет ничего. И тут случилось нечто неожиданное для меня самого: насмешливое выражение на лице инспектора заставило меня сказать совсем другое. Я произнес слова, лишь давшие мне возможность оттянуть окончательное решение:

— А что после того, как я стану во главе мира В-I-два, что тогда? — спросил я.

— Через коммуникатор вы будете находиться в постоянном контакте с Имперской Разведкой, — живо отозвался Рихтгофен, — вы будете получать подробнейшие

инструкции. Нам хотелось бы разоружить В-1-два за полгода. После этого вас возвратят сюда.

— Разве меня нельзя вернуть домой?

— Мистер Байард,— серьезно сказал Бернадотт,— вы уже никогда не сможете вернуться в ваш мир. Империиум предлагает вам любое вознаграждение, какое вы только пожелаете, но только не это. Последствия раскрытия существования Империиума в вашем мире настолько серьезны, что абсолютно исключают малейшие рассмотрения такой возможности. Однако...

Взгляды присутствующих обратились к генералу. Он выглядел так, как будто собирался сейчас сказать нечто чрезвычайно важное.

— Чрезвычайный Комитет уполномочил меня,— сказал он торжественно,— предложить вам офицерский чин в ранге генерал-майора, мистер Байард. Если вы примете наше предложение, первым поручителем в этом будет дело, о котором мы сейчас ведем речь.

Бернадотт протянул мне через стол большой лист пергамента.

— Вам следует знать, мистер Байард, что Империиум не присваивает званий, особенно таких, как генерал-майор, без чрезвычайных на то оснований.

— Это будет очень необычное звание,— сказал, улыбаясь Беринг.— Такого звания нет в войсках Империиума. Так же, как и званий генерал-лейтенанта, генерал-полковника; вы будете единственным в своем роде среди людей Империиума.

— Мы взяли это звание из вооруженных сил вашего мира в знак нашего особого уважения к вам, мистер Байард,— сказал Бернадотт.— Но от того, что оно необычно, оно не становится менее значимым.

Я слушал и смотрел на причудливый лист бумаги. Империиум приготовился хорошо заплатить за выполнение столь необходимой для него работы. ВСЕ, ЧТО Я ЗАХОЧУ! И несомненно, они думают, что странное выражение моего лица объясняется жадностью. Что ж, пусть так и думают: я не намерен больше ничего сообщать им такого, что могло бы быть использовано против меня.

— Я обдумую ваше предложение,— сказал я.

Вот теперь Бейл выглядел смущенным. Сначала он ожидал, что я наотрез откажусь, теперь же он считал, что я буду приведен в замешательство тем, что мне предложили. Ну и пусть остается со своими заботами. Бейл уже надоел мне.

Бернадотт несколько замешкался.

— Я собираюсь совершить беспрецедентный поступок, мистер Байард,— сказал он.— Пока что, на данный момент, по своей личной инициативе, я, как глава государства, присваиваю вам звание полковника королевской армии Швеции безо всяких предварительных условий. Я делаю это в знак моей уверенности в вас.

Он сочувственно улыбнулся, поднимаясь, как будто не был уверен в моей реакции на его предложение.

— Поздравляю вас, полковник,— сказал он, протягивая руку.

Я тоже поднялся. Все остальные уже стояли.

— В вашем распоряжении двадцать четыре часа на принятие решения, полковник,— сказал Бернадотт.— Я препоручаю опеку над вами с этого момента графу фон Рихтгофену и мистеру Берингу.

Рихтгофен обернулся к Винтеру, который все еще молча стоял рядом.

— Не присоединитесь ли вы к нам, шеф-капитан? — спросил он.

— С удовольствием,— ответил Винтер, щелкнув каблуками, и поклонился.

Едва мы вышли за дверь, Винтер повернулся ко мне и дружески хлопнул по плечу.

— Поздравляю вас, старина. Вы здорово вели себя перед генералом.

Бойкость снова вернулась к нему.

Я внимательно осмотрел своего похитителя.

— Вы имеете в виду короля Густава? — спросил я.

Винтер даже замер от удивления.

— Но откуда вы знаете? — наконец спросил он.— Откуда вы, черт возьми, это знаете?

— Но, должно быть,— сказал Беринг с воодушевлением,— в его мире Бернадотт также известен, не так ли, мистер Байард?

— Совершенно верно, мистер Беринг.

— О, мистер Байард. Я буду вам признателен, если вы будете меня называть просто Германом.

Он дружески пожал мне руку.

— Только вы должны как можно больше рассказать нам о вашем замечательном мире.

В разговор вмешался Рихтгофен:

— Я предлагаю, господа, поехать в мою летнюю резиденцию в Дроттингхольме, отужинать там и послу-

шать рассказ о вашем мире, мистер Байард, за парой хороших бутылок. А мы вам расскажем о своем.

ГЛАВА V

Я стоял перед зеркалом и не без одобрения рассматривал себя. Добрых полчаса двое портных, как пчелы, жужжали вокруг меня, накладывая последние штрихи на творение своих рук. Должен отметить, что поработали они на славу.

На мне были узкие бриджи из отличного серого сукна, высокие черные сапоги из тщательно выделанной кожи, белая полотняная рубашка без воротника и манжет под голубым кителем, застегнутым под самую шею. Отороченная золотом синяя полоса шла до самого низа брюк, и массивные петли золотого шнура были нашиты вдоль рукавов от запястья до локтя. Черный кожаный пояс с большой квадратной пряжкой со шведским королевским крестом поддерживал украшенные драгоценными камнями ножны с тонкой рапирой.

Слева на груди, к моему удивлению, размещались с предельной тщательностью все мои награды за вторую мировую войну. На погонах блестели яркие серебряные орлы полковника вооруженных сил США. Я был одет в полный мундир, соответствующий моему новому положению в обществе Империиума...

Хорошо, что я не позволил себе выродиться в мягкотелого слабака, столь характерного для Департамента иностранных дел США. Размякшего и бледного от долгого пребывания в кабинетах и поздних крепких выпивок на бесконечных официальных и неофициальных дипломатических встречах. У меня сносная ширина плеч, вполне приличная осанка, небольшой живот отнюдь не портит линии моего нового наряда. Хорошая форма позволяет мужчине выглядеть мужчиной. Какого же черта мы обзавелись привычкой заворачиваться в бесформенные двубортные костюмы невзрачной расцветки и соответствующего покроя?

Беринг восседал в парчовом кресле в роскошных покоях, отведенных мне Рихтгофеном в своей резиденции.

— Вы будто рождены для военного мундира, — заметил он. — Совершенно очевидно, что в вас есть склонность к вашему новому занятию.

— Я бы не очень рассчитывал на это, Герман,— сказал я. Его замечание напомнило мне об обратной стороне медали. Относительно меня у Империиума были зловещие планы. Что ж, это как-нибудь потом. А сейчас я намерен наслаждаться жизнью.

Ужин был подан на террасе, залитой светом долгого шведского летнего заката. По мере того, как мы расправлялись с фазаном, Рихтгофен объяснил мне, что в шведском обществе быть без какого-нибудь титула или звания — в высшей степени труднопреодолимое препятствие. И не потому, что у каждого должно быть какое-либо высокое положение, уверял он меня. Просто должно быть что-нибудь, чем называли бы друг друга при обращении люди: доктор, профессор, инженер, редактор... Мой воинский статус облегчит мне задачу вступления в мир Империиума.

Вошел Винтер, неся в руках нечто, напоминающее хрустальный шар.

— Ваш головной убор, сэр,— сказал он, сияя. То, что было у него в руках, оказалось стальным хромированным шлемом с гребнем и позолоченным плюмажем.

— Боже праведный,— изумился я,— уж не переборщили ли вы здесь?

Я взял шлем, он был легок, как перышко. Подошел портной, водрузил шлем на мою голову и вручил пару кожаных перчаток.

— Вы должны их иметь, старина,— сказал Винтер, заметив мое удивление. — Вы же драгун!

— Вот теперь вы само совершенство,— удовлетворенно сказал Беринг. На нем был темно-синий мундир с черной оторочкой и белыми знаками различия. У него был представительный, но отнюдь не чрезмерный набор орденов и медалей.

Мы спустились в рабочий кабинет на первом этаже. Я обратил внимание, что Винтер сменил свою белую форму на бледно-желтый мундир, богато украшенный серебряными позументами.

Через несколько минут сюда спустился и Рихтгофен, его одеяние представляло собой нечто вроде фракной пары с длинными фалдами приблизительно конца девятнадцатого века. На голове у него красовался белый берет.

Я чувствовал себя превосходно и с удовольствием взглянул еще раз на свое отражение в зеркале.

Дворецкий в ливрее распахнул перед нами стеклянную дверь, и мы вышли к поданному нам автомобилю. На этот

раз это был просторный желтый фазтон с опущенным верхом. Мягкие кожаные желтые сиденья полностью гасили тряску.

Вечер был великолепный. В небе светила яркая луна, изредка заслоняемая высокими облаками. В отделении мерцали огни города. У автомобиля был очень мягкий ход, а двигатель работал так тихо, что был отчетливо слышен шелест ветра в ветвях деревьев, растущих вдоль дороги.

Беринг догадался взять с собой небольшую флягу, и пока нас подвезли к железным воротам летнего дворца, мы успели несколько раз приложиться к ней. Цветные прожектора освещали сад и толпы людей, заполнявших террасы. Мы вышли из автомобиля и прошли в зал для приемов через гигантский холл, мимо множества гостей.

Свет массивных хрустальных бра отражался на вечерних платьях и мундирах, шелках и парче. Осанистый мужчина в малиновом костюме склонился перед прелестной блондинкой в белом. Стройный, затянутый в черное, юноша с бело-золотым поясом сопровождал леди в золотисто-зеленом платье в танцевальный зал. Смех и разговоры тонули в звуках вальса, струящихся неизвестно откуда.

— Все отлично, — рассмеялся я, — но только где же чаша с пуншем?

Я нечасто позволяю себе надраться, но когда уж решусь, то не признаю полумер. Я чувствовал себя великим и хотел, чтобы это чувство как можно дольше не покидало меня. В этот момент я не чувствовал ни ссадин после падения, ни негодования из-за моей бесцеремонной задержки. А завтрашний день меня несколько не волновал. Чего мне не хотелось, так это увидеть кислую физиономию Бейла.

Вокруг меня все говорили, о чем-то спрашивали меня, знакомились. Я обнаружил, что один из гостей, с которым я разговаривался, не кто иной, как Дуглас Фербенкстарший. Я увидел графов, герцогов, военных, нескольких принцев и, наконец, невысокого широкоплечего мужчину с загорелым лицом и усталой улыбкой, как будто ему хотелось послать всех к чертям. В этом мужчине я, в конце концов, узнал сына Императора.

Я важно прошелся возле него несколько раз, словно у меня в кармане было не меньше миллиона. Кроме того, легкое опьянение лишило меня обычной тактичности, и я заговорил с ним.

— Принц Вильям,— начал я.— Мне сказали, что династия Ганновер-Виндзор правит в этом мире. Там, откуда я родом, все мужчины Ганноверского и Виндзорского домов — высокие, очень худые и хмурые.

Принц улыбнулся.

— А здесь, полковник, эта ситуация изменена. Конституция требует, чтобы наследники-мужчины женились на женщинах из народа. Это делает жизнь наследника не только намного более приятной — ведь выбор красавиц из народа очень большой, — но и поддерживает жизнеспособность династии. А время от времени при этом случайно появляются счастливые коротышки, такие, как я.

Толпа влекла меня все дальше, я шутил, ел бутерброды, пил все подряд, начиная с водки и кончая пивом. И, конечно же, танцевал со всеми обворожительными девушками. Впервые в жизни многие года посольской толкотни оказались полезными. Печальный опыт, добытый в ночных бдениях, когда я стоял с рюмкой в руке от захода солнца до полуночи, накачивая представителей других дипломатических миссий, которые в свою очередь думали, что накачивают меня, позволил мне пить, не напиваясь.

Но все же я решил выйти на свежий воздух, в темную галерею, выходящую в сад. Я облокотился на каменный парапет, взглянул на звезды, ожидая, пока не уляжется звон у меня в голове.

Я снял белые перчатки и расстегнул верхнюю пуговицу тугого кителя.

Ночной бриз легко струился над темными газонами, донося запах цветов. Позади меня оркестр играл нечто, напоминающее вальсы Штрауса.

Старею,— подумал я,— а, возможно, просто устал.

— Неужели у вас есть причины для усталости, полковник? — раздался за спиной у меня спокойный женский голос, словно прочитавший мои мысли.

Я повернулся.

— А, это вы, — сказал я.— Очень рад. Лучше уж быть виновным в том, что думаешь вслух, чем в том, что слышишь воображаемые голоса.

Я попытался сфокусировать взгляд. У нее были рыжие волосы и бледно-розовое платье.

— Да, да, я очень рад,— добавил я.— Мне нравятся золотоволосые красавицы, которые возникают ниоткуда.

— Совсем не из ниоткуда, полковник,— засмеялась девушка.— Я пришла оттуда, где жарко илюдно.

Она негромко говорила по-английски, и ее явный шведский акцент делал банальные фразы очаровательными.

— Что да, то да,— согласился я.— Эти люди заставили меня выпить чуть больше, чем следовало, и поэтому я вышел сюда освежиться.

Мне доставляло удовольствие мое красноречие и эта восхитительная молодая дама.

— Отец сказал мне, что вы родились не в Империи, полковник, — сказала она.— И что вы из мира, который точно такой же, как наш, и в то же время совсем другой. Было бы интересно побольше узнать о вашем мире.

— Боюсь, вам там бы не понравилось. Мы очень серьезно относимся к себе и придумываем искуснейшие извинения, делая друг другу всевозможные пакости...

Я мотнул головой. Мне совсем не нравился такой поворот беседы.

— Смотрите,— сказал я,— ведь я без перчаток. А без них я начинаю вести подобный разговор.

Я снова натянул перчатки.

— А теперь — добавил я высокопарно,— могу ли я позволить себе пригласить вас на танец?

Прошло добрых полчаса, прежде чем мы прекратили это прелестное занятие, чтобы заглянуть в зал со спиртным.

Оркестр как раз снова заиграл вальс, когда сокрушительный взрыв потряс пол и высокие стеклянные двери в восточной части танцевального зала снесло с петель. Сквозь тучу пыли, последовавшей за взрывом, в помещение ворвалась толпа в разношерстной солдатской форме. Вожак, чернобородый гигант в линялой гимнастерке образца армии США и мешковатых бриджах вермахта, пистил длинную очередь в самую гущу толпы. Под этим убийственным огнем падали и мужчины, и женщины, но те из мужчин, кто оставался на ногах, без всякого колебания бросались на атаковавших. Среди камней, вырванных взрывом, небритый рыжий бандит в короткой куртке британского солдата восемью выстрелами с бедра свалил восемь приближавшихся к нему офицеров Империи. Когда он отступил, чтобы сменить обойму в своем автомате, девятый проткнул ему горло усыпанной бриллиантами шпагой.

Я оцепенело стоял, держа девушку за руку. Очнувшись, я крикнул, чтобы она бежала, но спокойствие в ее глазах заставило меня замолчать. Она скорее с до-

стоинством приняла бы смерть, чем побежала через груды обломков.

Рывком я вытащил свою шпагу из ножен, метнулся к стене, пытаясь пробраться вдоль нее к пролому. Когда из клубов дыма и пыли вынырнул человек, сжимавший в руках дробовик, я воткнул острие шпаги ему в шею и рывком выдернул ее, прежде чем она вылетела из моих рук. Человек споткнулся, широко раскрыл рот, задыхаясь, и выпустил ружье из ослабевших рук. Я бросился к ружью, подхватил его, но в этот момент появился еще один нападающий с кольцом 45 калибра. Наши взгляды встретились. Он изготовился к выстрелу, но я успел шпагой полоснуть его по руке. Выстрел пришелся в пол, и пистолет выпал из висящей, как плеть, руки. Вторым выпадом я заколол его.

Еще один ввалился в комнату. Этот бандит держал наперевес крупнокалиберную винтовку. Двигался он медленно и неуклюже, и я заметил, что из его левой руки течет кровь. Выстрелом из ружья я изрешетил его лицо.

С момента взрыва прошло всего около двух минут, но через пролом больше никто не появлялся.

Я увидел жилистого головореза с длинными соломенными волосами, упавшего на пол, чтобы сменить магазин в автоматическом браунинге. В два прыжка я оказался рядом с ним и двумя руками с силой вогнал острие шпаги как раз в то место, где должна быть почка. Прощай, элегантный стиль,— подумал я,— но я ведь новичок.

Затем я увидел Беринга, боровшегося с высоким парнем за исковерканный ручной пулемет. Вдруг раздался грохот и что-то обожгло мне затылок. Это, очевидно, все-таки выстрелил пулемет. Я обежал эту пару борцов и воткнул лезвие в худые ребра негодяя. Оно сломалось, но нападающий обмяк, и Беринг облегченно выругался. Я не такой уж спортсмен, подумал я, но полагаю, что винтовка против хлыста, с которым пасут свиней, кого угодно сделает ловким.

Герман отступил, презрительно сплюнул и бросился на ближайшего бандита. Моя шпага была сломана, и поэтому я нагнулся и поднял с пола автомат. Какой-то головорез как раз защелкивал обойму в свой пистолет, когда я выпустил ему очередь прямо в живот. Я видел, как пыль выбивалась из его потрепанной шинели, когда пули пронзали его навывлет.

Я осмотрелся вокруг. Теперь уже несколько людей Имперiums стреляли из захваченного оружия, и остатки бан-

ды налетчиков были прижаты к разрушенной стене. Пули пронзили каждого, кто пытался встать, но бандиты продолжали отстреливаться экономными очередями и совсем не помышляли о бегстве.

Я бросился вперед, чувствуя: здесь что-то неладно. Выстрелом из подхваченной винтовки я сразил наповал бандита с окровавленным лицом, который стрелял одновременно из двух автоматических мелкокалиберных винтовок. Последним выстрелом я прихватил здорового карабинера. Больше патронов не было. Я поднял с полу другую винтовку, но к этому времени в живых остался лишь один бандит, пытавшийся ударами ладони освободить заклинивший затвор своего оружия.

— Возьмите его живым! — закричал кто-то. Стрельба прекратилась, и дюжина человек схватила отчаянно сопротивлявшегося налетчика.

Толпа хлынула в зал, женщины склонились над убитыми и ранеными. Мужчины переговаривались между собой. Я подбежал к вздымающимся от сквозняка портьерам.

— Сюда, — закричал я, — снаружи...

У меня не было больше времени ни на слова, ни на то, чтобы взглянуть, бросился ли кто-нибудь за мной. Я перескочил через груды камней, выскочил на взорванную террасу, перепрыгнул через перила и упал в сад. Но тут же вскочил, не чувствуя боли. Освещенный цветными прожекторами, на газоне стоял огромный серый фургон. Неподалеку трое оборванных членов его экипажа тащили что-то громоздкое. На клумбе стояла в ожидании того, что на нее взгромоздят эти трое, совсем небольшая тренога. В моей голове промелькнула картинка — вид этого дворца и его посетителей после взрыва атомной бомбы. Я с криком бросился вперед, стреляя из винтовки. Я старался нажимать на курок как можно чаще, не заботясь о том, точно ли летят мои пули.

Трое зашатались и уткнулись друг в друга, упав на землю. Но тут со стороны фургона раздалась длинная пулеметная очередь, и я вынужден был залечь. Этим воспользовались те, кто тащил бомбу. Вместе со своей "игрушкой" они стали отползать в сторону открытой двери фургона. Но тут один из них коротко вскрикнул и замер, и я понял, что кто-то позади меня стреляет поточнее. Еще один из них пронзительно вскрикнул, приподнялся и рухнул на траву. Третий прыгнул в открытую дверь и через мгновение фургон исчез, обдав

меня дымом. Звук при этом был похож на хлопок при возгорании бензина.

Громоздкий предмет зловеще лежал на траве. Я был уверен, что в нем нет взрывателя, а поэтому встал и обратился к остальным:

— Не трогайте эту штуку, господа. Я уверен, что это нечто вроде атомной бомбы.

— Хорошая работа, старина,— услышал я знакомый голос. Это был Винтер. Кровь перепачкала его светло-желтый сюртук.— Жаль, что мы не догадались, ведь эти парни устроили пальбу как отвлекающий маневр. У вас все в порядке, полковник?

— Кажется,— сказал я, едва дыша.— Давайте вернемся во дворец. Необходимо оказать помощь раненым.

Мы шли по битому стеклу, по кускам штукатурки, по упавшим портьерам. И наконец вошли в ярко освещенный и ужасно разгромленный танцевальный зал.

Мертвые и раненые лежали полукругом под разрушенной стеной. В одной из женщин, лежащих на полу с восковым лицом, я узнал прелестную брюнетку, с которой танцевал. Все вокруг было забрызгано кровью. Я кинулся разыскивать свою рыжеволосую приятельницу и увидел ее на коленях возле раненого, поддерживающую его голову.

Вдруг кто-то закричал. Винтер и я всполошились. Один из раненых налетчиков шевельнулся, что-то крикнул и навсегда затих под выстрелами. Я услышал звук падения и, словно загипнотизированный, смотрел, как граната, кружась и тарахтя об пол, остановилась метрах в трех от меня. Я замер. “Все”,— подумал я. А я так и не узнал ее имени.

Позади себя я услышал глубокий вздох. Мимо меня пронесся Винтер и бросился вперед. Он упал, распростершись над гранатой. Раздался приглушенный взрыв, и тело Винтера подскочило на полметра вверх.

Я был потрясен. Бедный, несчастный Винтер.

Я почувствовал, как колени подогнулись подо мной. Пол опрокинулся.

Надо мной склонилась она, лицо ее было бледным, но спокойным.

Я протянул руку и коснулся ее плеча.

— Как вас зовут?

— Меня? Барбро Люнден. Я думала, что мое имя вам известно.

Казалось, она глубоко изумлена. Я привстал.

— Лучше окажите помощь кому-нибудь, кто в худшем положении, — сказал я.

— Нет, — отказалась она. — У вас сильное кровотечение.

Появился Рихтгофен. Он помог мне встать. Моя шея и голова гудели от боли.

— Слава богу, что вы не пострадали, — сказал он.

— Скажите спасибо Винтеру, — ответил я. — Не думаю, что есть шанс...

— Да. Убит наповал, — склонил голову Рихтгофен. — Он выполнил свой долг.

— Несчастный! На его месте должен был быть я.

— Это счастье, что вы остались живы, — сказал Рихтгофен. — Но все же вы потеряли в этой свалке достаточно крови. И поэтому вам сейчас необходим...

— Я хочу остаться здесь. Возможно, я смогу чем-нибудь помочь.

Откуда-то появился Беринг и, положив мне руку на плечо, увел с собой.

— Спокойно, мой друг, — приговаривал он, крепко сжимая мое плечо, — не нужно проявлять столь сильных чувств. Винтер умер при исполнении служебных обязанностей. Не забудьте, он был офицером!

Герман знал, что беспокоило меня. Я мог бы накрыть своим телом эту гранату так же, как и Винтер, но эта мысль даже не пришла мне в голову. Не будь я так парализован страхом в тот момент, первое, что я сделал бы — это пустился в бегство.

Я не сопротивлялся. Я чувствовал себя опустошенным, как с похмелья. Манфред присоединился к нам в машине, и мы молча поехали домой.

Единственное, о чем спросил я, так это о бомбе, и Беринг сказал, что ее забрали люди Бейла.

— Скажите его людям, чтобы ее утопили в море, — посоветовал я.

Кто-то встречал нас на лестнице. Я узнал массивную фигуру Бейла. Я не обратил на него ни малейшего внимания.

Зайдя в гостиную, я подошел к буфету, вытащил бутылку виски и налил себе полный стакан.

Остальные присоединились ко мне. Меня заинтересовало, где это Бейл был весь этот вечер.

Он сел, глядя на меня. Он хотел услышать подробности налета. Казалось, он воспринимает новости спокойно, но как-то уныло.

Он глянул на меня, поджав губы.

— Мистер Беринг сказал мне, что вы вели себя очень достойно, мистер Байард, во время схватки. Вероятно, мое суждение о вас было несколько опрометчивым.

— Меня нисколько не заботит ваше суждение обо мне, Бейл.— сказал я.— Кстати, где вы были сами во время нападения? Под ковром?

Бейл, побледнев, резко встал и выскочил из комнаты. Беринг откашлялся, а Манфред бросил на меня странный взгляд, вставая, чтобы выполнить свою обязанность хозяина — проводить гостя до двери.

— Инспектор Бейл не из тех людей, с которыми приятно иметь дело,— заметил Беринг.— И я понимаю ваши чувства, полковник.

Он поднялся и обошел вокруг стола.

— Видимо, вам следует узнать,— продолжал он,— что Бейл относится к наиболее искусным фехтовальщикам нашего мира. И поэтому я вам советую не делать поспешных выводов...

— Каких выводов?

— Вы и так уже имеете болезненную рану. И мы не можем допустить, чтобы нас убили в столь критическую для нас минуту. Кстати, вы уверены в своем искусстве владения пистолетом?

— О какой ране идет речь? — изумился я.— Вы имеете ввиду мою шею?

Я прикоснулся к ней рукой и поморщился. Там была глубокая царапина, покрытая запекшейся кровью. Вдруг я почувствовал, что спина моего куртка мокрая. Этот почти промах был гораздо ближе к цели, чем мне показалось.

— Я надеюсь, что вы окажете честь Манфреду и мне быть вашими секундантами,— продолжал Беринг,— и, возможно, советчиками...

— О чем это вы, Герман? — спросил я.— Какими еще секундантами?

— Г-м,— толстяк казался смущенным.— Мы хотим стоять с вами на вашем поединке с Бейлом.

— Поединке с Бейлом? — изумился я, только теперь начиная понимать, как плохо я себя чувствую.

Беринг остановился и посмотрел на меня.

— Инспектор Бейл — человек очень щепетильный в вопросах чести,— сказал он.— Вы позволили себе неподобающие выражения о его качествах, притом при свидетелях. Вопрос другой — заслуживает ли он их. Поэтому я

думаю, что Бейл потребует от вас, полковник, удовлетворения. Другими словами, мистер Байард, Бейл вызовет вас на дуэль, и вам придется драться с ним.

ГЛАВА VI

Мне было холодно, все еще полусонный, я клевал носом, безуспешно пытаясь поднять голову, чтобы рана на затылке не так сильно болела.

Рихтгофен, Беринг и я стояли вместе под развесистыми липами королевского парка. Мы ждали восхода, а я размышлял, что чувствует человек, получивший пулю в коленную чашечку.

Послышался слабый рокот приближающейся машины, и на дороге появилось неясное очертание длинного автомобиля, фары которого едва пробивали предрассветную мглу.

Глухо, едва слышно хлопнули дверцы, и на пологом склоне вырисовались три темных силуэта, постепенно приближающихся к нам.

Одна из фигур отделялась от остальных. Это, вероятно, был Бейл.

Вскоре прибыл еще один автомобиль. Врач, подумал я. В тусклом свете подфарников второго автомобиля появилась еще одна фигура. Мне показалось, что это женщина.

Я слышал приглашенные голоса, сдержанный смех. Какие долгие приготовления, подумал я.

Я вспоминал слова Беринга.

Бейл вызвал меня на дуэль в соответствии с конвенцией Тосса. Это означало, что участники дуэли не должны стремиться убить противника.

Целью поединка было причинение болезненных и унижительных ранений.

Однако в пылу схватки нелегко нанести раны, которые унизили бы соперника и при этом не были бы смертельными.

Рихтгофен заставил меня надеть черные брюки и белую рубашку, положенные по ритуалу, и легкий плащ для защиты от утренней прохлады. Я бы предпочел толстый свитер и куртку. Единственной теплой одеждой на мне был бинт на шее.

Наконец наступило время действовать. Подошли два моих секунданта, ободряюще улыбаясь, и тихо пригласили следовать за ними. Беринг взял мой плащ. Мне стало его очень не доставать.

Бейл и его люди шли к прогалине, где света было немного больше. Мы подошли к ним поближе.

— Думаю, что света вполне достаточно, не так ли, господа?— произнес один из секундантов инспектора Бейла, барон Холлендорф. Я имел счастье познакомиться с ним на том злополучном банкете в летнем дворце.

Здесь действительно было лучше видно. Да и время шло к рассвету. На востоке показались первые багровые полосы. На их фоне силуэты деревьев казались еще более черными.

Холлендорф подошел ко мне и предложил коробку с пистолетами. Я выбрал оружие, не глядя. Бейл взял второй пистолет, методично проверил его, щелкнув курком и осмотрев ствол. Рихтгофен вручил каждому из нас по обойме.

— Три раунда.— сказал он.

У меня не было возражений.

Бейл проследовал к месту, указанному Холлендорфом. Сейчас, на фоне светлеющего неба, автомобили были видны гораздо лучше. Большой, по-моему, напоминал “паккард” тридцатых годов. По жесту Беринга я встал на свое место и повернулся спиной к Бейлю.

— По сигналу, господа,— сказал Холлендорф,— делаете вперед десять шагов и останавливаетесь. По команде оборачиваетесь и стреляете. Господа, во имя чести и нашего императора, начинайте.

Белый платок выпорхнул из его рук. Я зашагал. Один, два, три...

Возле маленького автомобиля кто-то стоял. Интересно, кто... восемь, девять, десять. Я остановился, выжидая. Голос Холлендорфа был невозмутим:

— Поворачивайтесь и стреляйте!

Я обернулся.

Бейл стоял боком ко мне. Он загнал патрон в патронник. Заложив левую руку за спину, поднял пистолет. Нас разделяло чуть больше двадцати метров.

Я шагнул к нему. Никто не говорил, что я не должен сходить с места. Бейл опустил пистолет, и я увидел его бледное лицо, пристальный взгляд. Пистолет снова поднялся и в тот же миг дернулся с резким сухим треском. Стреляная гильза перелетела через голову Бейла и, сверкнув в лучах восходящего солнца, упала на траву. Промах!

Я продолжал идти. У меня не было намерения попусту стрелять в едва видимую цель. Я не собирался случайно в темноте убить человека, даже если такая мысль и была у моего противника. Я не намеревался дать себя втянуть в столь серьезно разыгрываемое Бейлом представление. Я не желал играть в его игру.

Бейл, держа пистолет в вытянутой руке, следил за моим продвижением. Он легко мог убить меня, но это было бы нарушением кодекса. Пистолет дрожал: он никак не мог решиться, куда стрелять. Его сбивало с толку мое поведение.

Пистолет замер и вновь дернулся. В туманном воздухе прозвучал негромкий выстрел. Я понял, что Бейл целится в ноги, я был достаточно близко, чтобы видеть это.

Он отступил на шаг и поднял пистолет. Я понял, что он собирается нарушить правила. Неверный выстрел, промахнулся — мало ли как можно объяснить ошибку. Поняв это, я весь напрягся.

Следующего выстрела я не услышал. Мне показалось, будто меня треснули бейсбольной битой по боку. Я споткнулся. Воздух с силой вышибло из легких, но я устоял на ногах. Сильная жгучая боль разлилась по бедру.

Оставалось всего метров шесть... Я решил передохнуть.

Мне было видно выражение лица Бейла: замешательство, искривленные, стиснутые губы. Он прицелился мне в ноги и дважды выстрелил. Одна пуля зацепила носок моего правого ботинка, другая попала в землю. Теперь уже я подошел почти вплотную к своему противнику. Мне хотелось кое-что сказать Бейлу, но я не смог. Неожиданно он отступил еще на шаг, поднял оружие на уровень моей груди и нажал на курок. Раздался слабый щелчок. Бейл недоуменно посмотрел на свой пистолет.

Я швырнул свой к его ногам. Сжал ладонь в кулак и сильно ударил его в челюсть. Он покачнулся, а я повернулся и зашагал навстречу Герману, Рихтгофену и спешащему ко мне врачу.

— Боже праведный, — Герман, задыхаясь, схватил мою руку и стал ее жать. — Никто никогда не поверит в это.

— Если вашей целью было выставить инспектора Бейла полнейшим дураком, — сказал Рихтгофен, сверкая глазами, — то вы добились непревзойденного успеха. Я думаю, что вы заставили его уважать вас!

Ко мне подошел врач.

— Господа, я должен осмотреть рану.

Возле меня поставили табурет, и я благодарно опустился на него, вытянув ногу.

Врач ворчал, разрезая одежду. Он наслаждался каждой минутой этого врачевания По-моему, док был романтиком.

В моем мозгу закопошилась одна мысль. Я открыл глаза. По траве ко мне приближалась Барбро. Лучи зари играли на ее золотых волосах. Я осознал, что я хотел сказать.

— Герман,— обратился я к Берингу,— мне необходимо немного поспать, но прежде, я думаю, мне следует сказать, что я согласен выполнить ваше поручение. Думаю, что я неплохо позабавился в вашем мире и должен заплатить за полученное удовольствие.

— Спокойно, Брайан.— сказал Рихтгофен, улаживающий что-то с секундантами Бейла.— Сейчас нет нужды думать об этом.

— И все же я хочу, чтобы вы знали — я согласен!

Барбро склонилась надо мной.

— Брайан,— спросила она,— вы не сильно ранены?

Она была встревожена.

Я улыбнулся ей и взял за руку.

— Могу поспорить, вы сейчас думаете, что ранен я случайно. На самом же деле у меня бывают дни, когда я как следует расшибаюсь. По-моему, эти дни как раз наступили...

Она, опустившись на колени, сжала мою руку.

— Вам, должно быть, очень больно, если вы говорите так дурашливо, — сказала она с горечью.— Я было подумала, что Бейл совсем потерял голову.— Она обратилась к врачу: — Помогите ему, доктор Блюм.

— Вы счастливчик, полковник,— пробурчал врач, тыча пальцем в рану на боку.— Ребро не треснуло. Через несколько дней у вас будет лишь небольшой шрам и синяк на память.

Я сжал руку Барбро.

— Помогите мне, дорогая.

Беринг подставил мне свое плечо.

— Вам сейчас нужен долгий сон,— сказал он.

Я был готов ко всему.

ГЛАВА VII

Я попробовал расслабиться, но в тесной кабине шаттла это было сложно. Передо мной сидел оператор, склонившийся над освещенным пультом. Он внимательно всматривался в показания приборов и щелкал тумблерами

на панели, напоминающей миниатюрный компьютер. Беззвучная вибрация наполняла воздух.

Я заерзал, пытаюсь найти удобное положение. Мои полуисцеленные шея и бок снова заныли. Разрозненные фрагменты бесконечного инструктажа последних десяти дней пронеслись в памяти. Имперской Разведке не удалось раздобыть материалы о маршале Байарде в необходимом количестве. Однако их было больше, чем мог воспринять мой мозг. Я надеялся, что сеансы гипноза, которым я подвергался каждую ночь в течение недели, введут в мой мозг нужные знания на таком уровне, что они сами выскочат в случае необходимости.

Байард был человеком, окруженным тайной даже для своих приближенных. Его редко видели, часто он появлялся только на телеэкранах, которые недоумевающие имперские разведчики считали чем-то вроде рисовальных аппаратов. Я попытался объяснить им, что телевидение широко распространено в моем мире, но они так и не уразумели этого.

Последние три ночи мне дали хорошо выспаться, но каждый день я занимался физической подготовкой. Раны мои заживали хорошо, так что я был физически готов к рискованному предприятию; морально, однако, я чувствовал себя усталым, стремился наконец-то взяться за дело и столкнуться с тем, что мне уготовано судьбой. Достаточно слов, теперь я хотел действовать.

Я проверил свою экипировку. На мне был военный китель — точь-в-точь китель с портрета Байарда. Поскольку не было сведений, как он одевается ниже пояса, я предложил тускло-коричневые брюки, такого же цвета, как и френч французской офицерской формы.

По моему совету мы не нацепили ордена и ленты, изображенные на снимке. Я не думал, что он носит их в своих апартаментах в обычной обстановке. По этой же причине воротник был расстегнут и галстук ослаблен.

Меня держали на диете из тощих бифштексов, заставляя похудеть. Специалист по волосам делал мне дважды в день интенсивный массаж кожи головы и настаивал, чтобы я не мыл голову. Это должно было стимулировать рост волос, ибо диктатор носил длинные волосы.

К моему поясу был пристегнут сетчатый подсумок, в который поместили передатчик. Мы решили, что лучше пусть он будет на виду, чем безуспешно пытаться запрятать его куда-нибудь. Микрофон был вплетен в широкие

позументы на отворотах. В бумажнике лежала толстая пачка ассигнаций ИД государства.

Я осторожно подвигал правой рукой, чувствуя сжатую пружину, которая может забросить в мою руку пистолет размером со спичечную головку, хотя это могло произойти только при определенном положении руки.

Это маленькое оружие было чудом миниатюрной смертоносности. По форме оно напоминало морской камень из моря, такое же серое и гладкое. На земле оно было бы совершенно незаметно — это свойство могло иметь очень важное значение для меня.

Внутри оружия вглубь рукоятки уходил спиральный канал не толще волоса. Сжатый газ, заполняющий узкую камеру, служил и источником энергии, и аналогом пули. При нажатии на определенное место крохотный шарик сжатого газа выстреливался с огромной скоростью. Освобождаясь от сдерживающих стенок дула, кстати, изготовленного из очень прочного сплава, бусинка мгновенно расширялась до размеров кубического фута. Результатом был почти бесшумный взрыв, способный ударной волной пробить броню в сантиметр толщиной и убить человека мгновенно на расстоянии до трех метров.

Именно такое оружие и нужно мне — не вызывающее подозрений, бесшумное и эффективное на небольшом расстоянии. Расположение пружин в рукаве делало его почти частью руки, теперь только рука должна оказаться достаточно умелой.

Я практиковался в обращении с пистолетом в течение многих часов, одновременно слушая лекции, обедая и даже лежа в постели. Я очень серьезно относился к этой части тренинга. С этим было связано выполнение моего задания. Я старался не думать еще об одном средстве подстраховки, установленном в полости протеза на месте одного из коренных зубов.

Каждый вечер, после упорных занятий я отдыхал со своими новыми друзьями, навещаясь в Императорский балет, театры, оперу и веселые варьете. Я обедал с Барбро в полудюжине шикарных ресторанов, после этого мы бродили по паркам, освещенным лунным светом, пили кофе на открытых террасах загородных кафе. К моменту отправления у меня было более, чем сильное, желание вернуться. И чем раньше я справлюсь, тем быстрее вернусь!

Оператор повернулся ко мне.

— Полковник,— сказал он.— Поздравьте себя. Здесь что-то такое, чего я никак не могу понять.

Я напрягся, но промолчал, решив подождать подробностей. Я шевельнул рукой, пробуя свой пистолет. Это уже стало моей привычкой.

— Я обнаружил в Сети движущееся тело, — доложил оператор, — оно, кажется, движется по тому же курсу, что и мы. Мой пространственный индикатор показывает, что оно очень близко.

Империиум на десятки лет отставал от нашего мира в области ядерной физики, телевидения, аэродинамики и многого другого. Что касается приборов в этих аппаратах Максони, то здесь их успехи были фантастическими. Ведь, в конце концов, их лучшие ученые посвятили разработке этой проблемы почти шестьдесят лет.

Оператор, как органист, склонился над пультом.

— Масса этого тела около полутонны, — сказал он. — Это должно соответствовать весу легкого шаттла, но это не может быть ни одним из наших...

Несколько минут царила напряженная тишина.

— Он следует за нами по пятам, полковник. Или у них есть более точные приборы, чем у нас, или этому парню сопутствует слепая удача.

Мы оба решили, что этот незнакомец может быть только аппаратом из мира В-1-два.

Внезапно оператор напрягся, руки его замерли.

— Он приближается к нам, сэр. Похоже, что они решились на таран. Если он пересечет наш путь, то разнесет нас на куски.

Мои мысли перескакивали с пистолета на пустой зуб. Но я как-то совсем не ожидал, что конец может наступить уже здесь.

Невероятная напряженность длилась еще несколько секунд. Оператор расслабился.

— Мимо, — облегченно произнес он. — Вероятно, его маневренность в пространстве не так хороша, как скорость продвижения в Сети. Но он вернется. Он жаждет крови.

— Наш максимальный уровень контролируется энергией обычной энтропии, не так ли? — поинтересовался я.

Оператор кивнул.

— Что, если затормозить? — спросил я. — Может, он проскочит?

Оператор покачал головой.

— В Зоне Поражения это весьма рискованно. Но, думаю, у нас нет другого выбора — придется пойти на это. И да поможет нам Бог!

Я понимал, как трудно оператору решаться на это. У этого молодого парня было шесть лет напряженных тренировок, и не проходило дня без предупреждений о недопустимости любых отклонений от нормы в Зоне Блайта.

Звук генераторов изменился, частота его, уменьшаясь, стала слышимой.

— Он все еще с нами, сэр!

Я не знал, где критическая точка, в которой мы потеряем искусственную ориентацию и попадем в область обычной энтропии. Звук генераторов еще понизился. Оператор непрерывно щелкал переключателями, не отрывая взгляда от приборов.

Шум привода гремел по шаттлу, дальше мы уже не могли снижаться. Но этого не мог сделать и противник.

— Он все еще с нами, полковник, только...— и вдруг оператор закричал — Полковник, я не вижу его! Похоже, что его управление не столь совершенно, как наше. Ну что ж, счастья ему, в том числе там, где он материализовался.

Я откинулся в кресло, а наши генераторы возобновили работу в обычном режиме. Ладони мои были влажными. Интересно, в каком из адов Поражения он возник? Но через несколько минут я забыл о нашем недавнем противнике. Появилась новая проблема, и сейчас совсем не было времени для расшатанных нервов.

— Хорошая работа, техник,— сказал я наконец.— Сколько еще нам осталось?

— Что-то около десяти минут, сэр. Это маленькое дельце отняло у нас больше времени, чем я предполагал.

Я начал последнюю проверку. Во рту у меня было сухо. Все оказалось на своих местах. Я нажал кнопку на коммуникаторе.

— Алло, “Талисман”,— проговорил я в микрофон.— Это “Гончая”. Как меня слышите? Прием.

— “Гончая”, это “Талисман”. У нас все как по маслу. Прием.

Слабый голос говорил почти мне в ухо из крохотного динамика, вмонтированного в пуговицу на моем погоне.

Мне понравился столь незамедлительный ответ. Я почувствовал себя не таким одиноким.

Я осмотрел механизм выходной двери. Мне следовало ждать команды оператора “на выход” и только потом ударить по рукоятке. После этого у меня было в запасе всего лишь две секунды на то, чтобы убрать руку и загнать себе в ладонь пистолет, прежде чем сиденье автоматически

опрокинет меня уже по другую сторону двери. Шаттл исчезнет, прежде чем мои ноги коснутся пола.

Я настолько был поглощен текущими делами в последние десять дней, что по существу не думал о моменте своего прибытия в мир В-1-два. Искусное профессиональное руководство моим кратковременным тренингом создало атмосферу практичности и реальности.

Теперь же, когда меня вышвырнули в самое сердце сосредоточения противника, я стал понимать самоубийственность своей миссии. Но теперь было слишком поздно размышлять — и в некотором роде я был даже рад этому. Сейчас я уже был полностью вовлечен в мир Имперiums, и риск стал частицей моей жизни.

Я стал козырной картой Имперiums, и вот пришла очередь ходить с меня. Я был ценной собственностью, но моя ценность могла быть реализована только таким появлением на арене, и чем быстрее это произойдет, тем лучше! Я не был уверен, что сейчас диктатор находится во дворце. Возможно, мне придется спрятаться где-нибудь в его резиденции и дожидаться его возвращения, один Бог знает, как долго. Возможно, для осуществления этого нужна будет и добытая у пленника информация, и удача. В противном случае я, может быть, при выходе из шаттла окажусь в воздухе, на высоте сорока метров.

Послышался щелчок переключателя, оператор повернулся ко мне:

— На выход, “Гончая”! — закричал он. — И удачной охоты!

Протягиваю руку и ударяю ею по рычагу двери. И через секунду уже сжимаю в ладони пистолет. С лязгом отскакивает дверь, и гигантская рука вышвыривает меня в неизвестность. Ужасающий момент потери ориентации, тьма... И вот мои ноги ударяются о покрытый ковром пол.

Воздух бьет в лицо, и эхо убывающего шаттла гулко разносится по коридору.

Я вспоминаю инструкцию. Стоя неподвижно, необходимо осторожно осмотреться. Вокруг никого. Зал совершенно пуст. С потолка льется слабый свет.

Я ПРИБЫЛ!

Я засунул пистолет обратно под защелку в моем рукаве. Просто так стоять больше нет смысла, я начинаю осторожно двигаться вдоль коридора.

Все двери, выходящие сюда, одинаковы и ничем не помечены. Я остановился и попробовал одну. Заперта.

Другая тоже. Третья была открыта, и я осторожно заглянул в комнату. Похоже, что это был зал для заседаний. Я двинулся дальше. Мне нужна была только спальня диктатора. Будь он в ней, я знал бы, что делать. Если его там не будет, то рано или поздно он вернется туда — мне бы только дожидаться. Кроме того, я очень не хотел повстречаться с кем-нибудь еще.

Раздался звук открываемого лифта, совсем близко, за углом. Я остановился, а затем, пятась, осторожно вернулся к двери, ближайшей ко мне. К счастью, она не была заперта. Я вошел внутрь, но дверь только прикрыл, оставив щелку. Сердце мое болезненно стучало, отвага покинула меня, я чувствовал себя трусливым воришкой.

Совсем рядом послышались легкие шаги.

Я тихо закрыл дверь, стараясь не щелкнуть замком, решив на всякий случай спрятаться. Огляделся. В темноте возле стены виднелось что-то высокое — гардероб, подумал я. Я пересек комнату, открыл дверцу и встал среди висящей одежды.

Я стоял, чувствуя себя ужасно глупо, затем дверь в комнату открылась и снова тихо затворилась. Шагов не было слышно, но через щелку я увидел человека, стоящего возле выключателя спиной ко мне. Раздался тихий звук пододвигаемого стула и легкое позвякивание ключей. Послышались слабые металлические звуки, потом пауза, и снова слабые металлические звуки. Вошедший, видимо, пробовал открыть ящик стола.

Я стоял, едва дыша, стараясь не думать о внезапно зачесавшейся щеке.

Теперь я различил китель, висящий слева от меня. Я осмотрел его, он был почти таким же, как и тот, что на мне. Его лацканы были богато украшены. Я почувствовал некоторое облегчение. Наконец-то я нашел нужную мне комнату. Однако моей жертвой должен был быть человек в комнате, но никогда в жизни мне еще не приходилось убивать в такой обстановке.

Снова послышались тихие звуки. Я различил в них тяжелое дыхание человека. Интересно, как он выглядит, этот мой двойник? Действительно ли он похож на меня? Или просто есть небольшое сходство? Тогда достаточно ли я похож на него, чтобы занять его место?

Меня мучило любопытство: почему этот человек так долго ищет ключ? Затем другая мысль озадачила меня. А ведь, похоже, этот человек открывает отнюдь не свой стол. Я чуть-чуть повернул голову. Одежда в шкафу тихо сдвинулась,

и теперь я увидел его. Человек был мал ростом, лысоват, и нисколько не походил на меня. Это был не диктатор.

Это новое обстоятельство нужно обмозговать как можно быстрее. Диктатора, видимо, не было во дворце, иначе бы этот парень не возился с замком в его кабинете. И вряд ли диктатор держит возле себя людей, излишне любопытных. Этот человек может быть мне полезен.

Он искал ключ почти пять минут. Мускулы мои уже ныли от неудобной позы, я старался не думать о ворсе на одежде, чтобы не чихнуть. Наконец я услышал шелест бумаг и невнятное бормотание человека, просматривавшего свои находки. Затем послышался звук задвигаемого ящика и щелчок замка. Человек поднялся, придвинул стул, и наступила тишина. Потом раздались шаги, очень скоро они приблизились к моему укрытию. Я застыл, рука моя напугалась, готовясь принять пистолет и выстрелить в тот момент, когда незнакомец откроет дверцу шкафа. Я еще был не готов стать подменой.

Но человек прошел мимо шкафа. Раздались звуки еще каких-то открываемых ящиков.

Внезапно входная дверь комнаты отворилась снова, и другие шаги раздались в помещении. Я услышал, как замер первый вошедший. Но, похоже, он быстро пришел в себя, потому что послышался его голос:

— А, это ты, Морис!

Наступила пауза.

— Мне показалось, что в кабинете шефа горит свеча и я подумал, что это несколько странно,— подал голос Морис.

Первый вошедший двинулся к нему.

— Мне захотелось заглянуть сюда, чтобы проверить, все ли здесь о'кей,— объяснил он.

Морис хихикнул:

— Ах, Джорджес, я знаю, почему ты пришел сюда, ведь я сам здесь по той же причине.

— О чем ты? — прошептал первый.— Чего ты хочешь?

— Сядь, Флик. Нет, нет, не волнуйся. Неужели ты не знаешь, что тебя все так называют? — Мориса, казалось, забавляла ситуация.

Почти полчаса я слушал, как он то подтрунивает, то льстит собеседнику, стараясь загнать его в угол. Вошедший в комнату первым, как я понял, был Джорджесом Пине, главой сил безопасности диктатора. Второй был военно-гражданским советником бюро Пропанды и Образования. Пине, видимо, был не таким умным, как сам себе казался,

планируя переворот с целью смещения Байарда. Морису было об этом все известно, и он только ждал благоприятного случая. Сейчас он брал верх.

Пине это не понравилось, но он смирился после того, как Морис упомянул о вещах, которые не полагалось знать никому — о спрятанном аэроплане и тайнике с золотом в нескольких километрах от города.

Я внимательно слушал, стараясь не шевелиться. Пине согласился дать список имен: он намеревался заручиться поддержкой ряда лиц, показав, что их имена занесены диктатором в перечень подлежащих чистке. Но он, конечно, не собирался упоминать, что он сам предложил маршалу внести этих людей в перечень.

Похоже, что я был слишком самонадеян. Внезапно разговор двух “хищников” резко оборвался и наступила тишина. Я не знал, чем привлек их внимание, но догадался, что сейчас произойдет. Дверцы шкафа резко распахнулись. Надеюсь, что моя маскировка не подведет, я вышел, бросив холодный взгляд на Пине.

— Ну, Джорджес,— сказал я.— Как хорошо знать, что у тебя за душой.— Я говорил на том же французском диалекте, что и они.

— Дьявол! — завопил Морис. Он недоуменно тарачился на меня. В какой-то момент мне показалось, что я очень легко смогу покинуть комнату. Я повернулся, сделал шаг в сторону, пистолет оказался у меня в ладони.

— Посторонись! — гаркнул я.

Пине не обратил никакого внимания на мой оклик и бросился на меня. Я сдал свое крохотное оружие. Раздался тяжелый удар, и Пине отбросило назад, он опрокинулся на спину, раскинув руки. В этот момент Морис бросился на меня сбоку. Я отлетел к противоположной стене, упал, и он оказался на мне. У меня в руке все еще был пистолет, и я попытался было применить его. Но в голове гудело, а Морис был стремителен и силен, как бык. Он слегка перевернул меня, держа в помощь захвата одной рукой, а другой скрутил мне руки за спиной. Тяжело дыша, он сел на меня верхом.

— Кто ты? — прошипел он.

Я думаю, что ты узнал меня. Морис,— сказал я, пытаясь осторожно спрятать пистолет за манжет рубашки, и это мне удалось. Но сколько это стоило мне усилий, не могу передать. Когда я услышал слабый щелчок и понял, что пистолет уже в кобуре, позволил себе расслабиться.

Значит, ты так думаешь, да? — засмеялся Морис. Лицо его было багровым и потным. Он вытащил из кармана тяжелую дубинку, слезая с меня.

— Вставай,—приказал он.— Боже мой! Фантастика, да и только, — прошептал он, оглядев меня.— Кто послал тебя?

Я не ответил. Было ясно, что мне не удалось одурачить его ни на один миг. Я страстно хотел узнать, что было во мне не так. Но все же, казалось, Морис находил мою внешность довольно интересной. Он подошел поближе и рассчитанным движением резко ударил меня по шее. Он мог бы сломать мне шею этим ударом, но то, что он сделал, было больнее. Я почувствовал, как кровь брызнула из моей полузажившей раны. Это, казалось, на миг ошеломило его. Но затем его лицо прояснилось.

— Прости меня,—процедил он, скаля зубы.— В другой раз я попробую ударить в другое место. И отвечай, когда тебя спрашивают.

В этом голосе была слышна злоба, выражение его лица живо напомнило мне тех, кто нападал на летний дворец в Империиуме. Те уже повидали ад на земле и больше не подходили к людям.

Морис смотрел на меня оценивающе, похлопывая дубинкой по ладони.

— Я думаю,—сказал он,— нам нужно немного поговорить кое о чем в другом месте. И держи руки на виду!

Глаза его бегали из стороны в сторону, по-видимому, отыскивая мой пистолет. Он был очень уверен в себе. Его нисколько не беспокоило, что он не заметил оружия, очевидно, он решил основательно обыскать меня позже.

— Держись поближе, бэби,—сказал он.— Вот так. Иди рядом, спокойно и легко.

Я, держа руки впереди себя, последовал за ним к телефону. Он не был таким уж умелым, как считал: я мог бы в любой момент убить его. Но что-то подсказывало мне, что лучше еще некоторое время побыть с ним.

Морис поднял трубку и что-то тихо сказал в микрофон, не отрывая от меня взгляда.

— Когда они будут здесь? — спросил я.

Морис прищурился, не отвечая. Трубку он уже опустил на рычажки.

Наконец он не выдержал и со смехом произнес:

— А зачем тебе знать, мальчик, через сколько времени мои друзья придут сюда?

— Может быть, нам тогда хватит времени заключить сделку,— ответил я.

— Да,— кивнул головой Морис,— мы можем заключить прелестную сделку. Ты будешь петь громко и внятно, и тогда, возможно, я скажу своим ребятам, чтобы они прикончили тебя побыстрее.

— Морис! Неужели ты настолько глуп? Ведь сейчас у тебя в руках козырной туз. Не трать же попусту его на толпу.

Советник снова похлопал дубинкой по ладони.

— Что у тебя на уме, бэби?

— Я думаю о тебе,— сказал я. Соображать приходилось быстро.— Держу пари, что ты никогда не знал, что у Брайана есть брат-близнец. Он, правда, порвал со мной, хотя я думаю, что сейчас...

Глаза Мориса заблестели.

— Дьявол,— прошептал он.— Но ты, видно, уже давно не видел своего любимого братца, как я посмотрю?

Он осклабился. Мне очень захотелось узнать, что именно так рассмешило его.

— Давай уйдем отсюда,— предложил я.— Нам надо поговорить с глазу на глаз. Здесь это невозможно, ибо скоро сюда придут твои друзья.

Морис взглянул на мертвого Пине.

— Забудь о нем,— сказал я.— Он уже ничего не значит.

— Тебе бы хотелось, чтобы и я был мертв, не так ли, бэби?

Внезапно его злобно-насмешливый тон сменился рычанием:

— Ей-богу,— закричал он,— ты, ты хотел убить меня, мелюзга соломенная...

Он склонился ко мне, сжав кулаки. Я понял, что он безумен и может запросто убить меня в приступе ярости.

— Сейчас ты увидишь, кто из нас убийца,— крикнул Морис. Глаза его сверкали, он взмахнул своей дубинкой.

Больше ждать я уже не мог. Пистолет снова оказался в моей ладони. Я прицелился в Мориса. В этот момент мне почудилось, что я начинаю перенимать от него необузданную жажду крови. Я ненавидел все, что он собой символизировал.

— Ты глупец, Морис,— тихо сказал я сквозь зубы.— Тупой и неуклюжий, и, считай, уже мертвый. Но сперва ты мне скажи, как ты узнал, что я не Байард.

Эта попытка оказалась тщетной.

Морис прыгнул ко мне, но пуля отбросила его. Он упал навзничь. Моей руке стало больно от отдачи. Обращение с этим крошечным оружием требовало особой сноровки. Однако, если я и дальше стану пускать его в ход столь же часто, то едва ли продержусь дольше одного дня. Пистолет был рассчитан на пятьдесят выстрелов.

Теперь мне нужно было поскорее убраться отсюда. Я схватил со стола настольную лампу и запустил ее в люстру. Это на несколько секунд должно было задержать преследователей.

Выскользнув в коридор, я двинулся вперед, туда, куда шел с самого начала. Проходя мимо подъемной шахты, я услышал шум поднимающейся кабины и постарался как можно быстрее скрыться за ближайшим поворотом коридора. Они уже были здесь! И тут я увидел лестничную клетку. Осторожно открыв застекленную дверь, я стал тихо спускаться по ступенькам. Я решил не задерживаться, чтобы насладиться зрелищем их физиономий при виде мертвых Мориса и Пине.

Я вспомнил о своем коммуникаторе, но решил пока им не пользоваться. Пока сообщать мне было нечего.

Я проследовал три марша лестницы, прежде чем очутился в каком-то зале. Пока я оглядывался, из комнаты в противоположном конце зала вышел человек и посмотрел в мою сторону. Мое сходство теперь не столько помогало, сколько служило помехой. Человек что-то сказал и исчез за дверью комнаты.

В нише я заметил небольшую дверь и попробовал открыть ее.

Она была заперта, но я приналег на нее и с силой толкнул. Хрустнула филенка и я оказался на лестнице, ведущей вниз.

Мне практически уже ничего не оставалось, как только покинуть дворец. Было совершенно очевидно, что мое перевоплощение закончилось провалом. Единственное, что я мог сейчас сделать, это забраться в безопасное место и запросить дальнейших инструкций.

Я уже спустился на два пролета по лестнице, когда услышал сигнал тревоги. Первое, что необходимо было сделать, это освободиться от причудливого мундира. Я стащил с себя китель и принялся срывать погоны и галуны. Лацканы я не мог трогать, так как в них был вплетен микрофон.

Эта не часто используемая лестница, вероятно, вела к какому-нибудь выходу. Я продолжал спускаться, проверяя

по дороге каждую дверь. Все они были заперты. Я подумал, что это хороший знак. Лестница оказалась тупиком, заполненным бочонками и заплесневелыми картонными коробками. Я поднялся на один пролет выше и прислушался. За дверью были слышны громкие голоса и топот. Я вспомнил, что, согласно планам дворца, этот выход на лестницу был рядом с главным входом в старый дворец. Было похоже, что я попал в ловушку.

Я снова спустился вниз, отодвинул один из бочонков и взглянул на стенку за ним. Виднелся край дверной панели. Я отодвинул другой бочонок и обнаружил ручку, но она не поддавалась.

Я подумал: насколько сильно можно шуметь, чтобы меня не услышали? И решил, что на многое рассчитывать не приходится. Единственная возможность спасения могла заключаться в коробках. Я отодвинул верх одной из них и заглянул внутрь. Она была заполнена заплесневелыми бухгалтерскими книгами. Пользы от них не было никакой.

Следующая коробка была получше. Старая кухонная посуда, сосуды, миски. Я нашел большой нож для разделки мяса и просунул его в щелку двери. Но она была прочна, как будто должна была защищать ни больше ни меньше, как вход в банк. Я попробовал еще раз, дверь не могла быть очень крепкой, но на мое несчастье...

Пришлось отступить. Может быть, единственное, что оставалось сделать — это отбросить всякую осторожность и попытаться взломать филенку. Я оперся плечом, отыскивая наиболее подходящее для этого место — и отпрянул к стене, держа в руке пистолет.

Медленно, очень осторожно, дверная ручка поворачивалась...

ГЛАВА VIII

Я был на грани паники, так сильно на меня подействовала ловушка, в которой я оказался. Я не знал, что делать. У меня была тьма инструкций, как действовать после устранения диктатора, но не было никаких, как прикрыть свое отступление в случае неудачи.

Раздался скрип, и с двери посыпалась пыль. Я отошел как можно дальше и ждал. Возникшее было желание выстрелить я, правда, тут же подавил. Сейчас было важно только одно — ждать и смотреть.

Дверь слегка приоткрылась. Мне это совсем не понравилось — меня осматривали, а я сам ничего не мог разглядеть. Хорошо, что у меня был вид безоружного человека — крохотный пистолет надежно спрятан в моей руке. Но было ли это преимуществом? Я не знал.

Неопределенность не правилась мне.

— Нехорошо,— сказал я,— Вы устроили сквозняк. Идите сюда!

Я говорил с гортанным парижским акцентом, который слышал наверху.

Дверь открылась шире, и за ней появился парень с испачканным сажей лицом. Он шурился и глядел навверх, на лестницу. Мотнув головой назад, он произнес:

— Сюда, пожалуйста,— голос у него был довольно хриплый.

В данных обстоятельствах я не видел причин отказываться. Я прошел мимо бочонков и, наклонившись, нырнул в низкий дверной проем. Как только человек закрыл дверь, я вернул пистолет на прежнее место в рукаве.

Мы стояли в сыром мощеном туннеле, освещаемом электрическим фонарем.

Я не хотел, чтобы он видел мое лицо, поэтому повернулся спиной к свету.

— Кто вы? — поинтересовался я.

Парень протиснулся вперед и подхватил фонарь, едва взглянув на меня.

— Я — человек немногословный,— сказал он.— Я не люблю задавать вопросы и не люблю отвечать на них. Идемте.

Я не мог позволить себе спорить по этому поводу и последовал за ним. Мы прошли по проходу, затем спустились вниз и очутились в темном помещении без окон.

За поломанным столом, на котором потрескивала горящая свеча, сидели двое мужчин и темноволосая девушка.

— Все в порядке, Миче, — сказал мой проводник.— Вот этот голубок.

Миче развалился на стуле и дал знак, чтобы я подошел к нему. Он взял что-то со стола, похожее на нож для разрезания бумаг, и стал ковыряться в зубах, косясь на меня.

Я решил не подходить слишком близко к столу.

— Судя по форме, один из этой псарни,— сказал он.— В чем дело, ты укусил кормившую тебя руку? — Человек весело засмеялся.

Я промолчал, думая, что надо дать ему возможность высказаться, если уж ему так хочется этого.

— Судя по шнуркам,— унтер-офицер,— продолжал он.— Что ж, там, наверху, будет очень интересно узнать, куда ты делся? — Тон его изменился.— Выкладывай, почему ты в бегах?

— Пусть этот мундир не беспокоит вас,— начал я.— Давайте считать, что я одолжил его. Тем, наверху, мой вид не очень-то понравился.

В этот момент в разговор вступил второй из сидевших:

— А ну, парень, подойди поближе к свету.

Я не решился упираться, и вышел вперед, прямо к столу, и чтобы быть уверенным, что они поймут мой замысел, поднял свечу и осветил ею лицо.

Миче так и застыл с ножом в руке. Девушка стремительно вскочила и перекрестилась. Другой мужчина, как замороженный, уставился на меня. Все получилось весьма внушительно. Я поставил свечу назад на стол и небрежно сел на пустой стул.

— Возможно, вы можете сказать мне,— я говорил громко, но твердо,— почему мне не удалось обмануть их?

Заговорил другой мужчина:

— Вот в таком виде вы и показались перед ними?

Я кивнул.

Он и Миче переглянулись.

— Друг мой, неужели вы не поняли, что здесь вы представляете большую ценность,— сказал через мгновение незнакомец.

— Но вам нужна некоторая помощь. Чика, принеси нашему новому товарищу вина.

Девушка, все еще с широко раскрытыми глазами торопливо бросилась к закопченному буфету и стала наощупь искать бутылку, поглядывая на меня через плечо.

— Так что же случилось наверху? — спросил Миче.— Сколько времени вы были во дворце? Сколько человек вас видело?

Я кратко рассказал о случившемся, опустив только способ моего проникновения во дворец. Казалось, это вполне их удовлетворило.

— Похоже, что только двое видели его лицо, Грос,— заключил Миче.— И оба они покинули сцену.

Он повернулся ко мне.

— Хорошенькое дельце — пристукнуть Соувета. И вряд ли кто будет жалеть о Пине. Между прочем, где же твой пистолет? Может быть, ты отдашь его мне? А?

Он протянул руку.

— Понимаете, в темноте я обо что-то споткнулся, выронил его, а искать не было времени.

Миче недовольно хмыкнул.

— Боссу будет очень интересно с вами побеседовать, — сказал Грос. — И чем скорее, тем лучше.

Кто-то, тяжело дыша, вбежал в комнату.

— Скажи, шеф, — начал он, — мы наделали шуму в башне...

Он остановился, как вкопанный, и весь напрягся. Лицо его выразило безмерное удивление. Рука шарила по бедру в поисках пистолета, взгляд метался от одного лица к другому.

— Что... что...

Грос и Миче расхохотались.

— Успокойся, Паук, — Миче первым прекратил смеяться. — Байард перешел к нам!

Тут даже Чика хихикнула.

Паук продолжал стоять, недоумевая,

— Ничего не пойму, — еле выдавил он.

С его побледневшего лица не сходила гримаса сильного испуга. Миче вытер лицо платком, откашлялся и сплюнул на пол.

— О'кей, Паук. Не волнуйся. Это просто точная копия. А теперь води сюда ребят.

Паук стремительно выскочил из комнаты. Я ничего не понимал. Почему некоторым из них было достаточно внимательного взгляда, чтобы раскусить меня, а вот этот парень был абсолютно уверен, что я — диктатор?

Я должен был понять причину! Было что-то, что я делал неправильно.

— Не могли бы вы объяснить, — попросил я, — что не так в моей одежде?

Миче и Грос переглянулись.

— Что ж, дружище, — сказал Грос, — смотри на вещи проще, и мы доставим тебя куда надо. Ты хотел, проникнув во дворец, шлепнуть старика, не так ли? Что ж, при поддержке Организации ты сможешь это сделать.

— Какой Организации? — изумился я.

Миче, покачивая головой, вмешался в наш разговор.

— Не забывай, дружище, что сейчас вопросы задаем мы! Как твоё имя? Чем занимаешься?

Я взглянул на Гроса. Мне очень хотелось знать, кто из них старший.

— Мое имя Байард, — ответил я.

Миче, щурясь, прохаживался вдоль стола. Он был крупным парнем с большой головой и маленькими глазами.

— Я спросил, как тебя зовут,— рявкнул он.— Обычно я дважды не спрашиваю, заруби себе на носу.

— Пусть будет так, Миче,— вмешался Грос.— Он прав. Он должен оставаться в своей роли, если он намерен хорошо ее сыграть. Я уверен, что он вполне способен на это. Пусть так и останется. Мы тоже будем звать его Байардом.

Миче взглянул на меня.

— Да, в этом есть определенный смысл,— согласился он.— Мне кажется, что с этим человеком мне будет очень трудно поладить.

— Кто тебя поддерживает, э... Байард? — спросил Грос.

— Я — одиночка. Во всяком случае, до сего момента. Но, кажется, я кое-что упустил. Если ваша организация меня примет, я полажу с вами.

— Порядок, дружище. Мы принимаем тебя,— кивнул головой Миче.

Мне не нравился вид этой пары головорезов, но не мог же я встретить здесь великосветскую компанию. Насколько я догадывался, Организация была подпольной антибайардовской партией. Я огляделся. Комната эта, казалось, была выдолблена в стенах дворца. По-видимому, они развернули шпионскую деятельность по всему зданию, используя потайные ходы.

Комната быстро наполнялась людьми, одни попадали сюда по лестнице, другие — через дверь в дальнем углу. По всей вероятности, они получили какой-то приказ. Все с любопытством разглядывали меня, переговариваясь между собой, но не удивляясь.

— Вот и ребята,— сказал Грос, глядя на них.— Стенные крысы.

Я пробежал взглядом по дюжине головорезов пиратской наружности. Грос дал им точное определение. Я снова взглянул на него.

— Хорошо,— сказал я,— С чего ж начнем?

Они, конечно, не были товарищами того рода, каких я хотел бы иметь в этом мире, но они смогут восполнить пробелы в моем внешнем виде и помогут стать на место Байарда. Я мог бы только благодарить судьбу за такую удачу.

— Не спеши, милый,— засмеялся Миче.— Подготовка требует довольно много времени. Нам важно потренироваться на макете дворца, который будет построен за городом. Не забудь, что перед тем, как ты снова попытаешься проникнуть сюда, тебя ждет бездна работы.

— Но я же уже здесь,— сказал я, обращаясь к Гросу.— Почему бы не попробовать сегодня? Зачем уходить отсюда?

— Над твоей внешностью необходимо поработать,— сказал Грос. — Кроме того, операция должна быть тщательно спланирована. Надо обдумать, как получить воспользоваться подменой и подстраховаться от измены.

— И никакого плутовства, милый,— добавил Миче.

Заросший массивный человек из толпы вступил в разговор:

— Мне не по душе этот парень, Миче. Лучше отдай его мне, чтоб я уколошил его и похоронил под полом.

К его поясу был пристегнут большой кинжал парашютиста. У меня не было сомнений, что он просто жаждет пустить его в ход.

Миче взглянул на него.

— Не сейчас, Гастон,— покачал он головой.

Грос потер подбородком.

— Пусть вас, ребята, не беспокоит Байард,— сказал он.— Мы с него не будем спускать глаз.

Он посмотрел на Гастона.

— Ты, конечно, специалист своего дела, парень, но мой тебе совет — не торопись. Если с ним что-нибудь случится, тебе не поздоровится.

Меня успокаивала мысль о пружине под запястьем. Я чувствовал, что Гастон далеко не единственный в этой толпе, кто терпеть не может чужаков.

— Для нас важно время,— сказал я.— Пора действовать.

Миче подошел совсем близко ко мне. Он похлопал меня по плечу и произнес;

— У тебя рот, как хлопушка. Здесь отдают приказы Грос и я.

— Да,— усмехнулся Грос.— Нашему другу еще многому предстоит научиться. Но вот насчет одного он прав: время — деньги. Байард должен вернуться сюда завтра. А это значит, что сегодня мы уходим, если не хотим, чтобы эти герцоги верховодили кадровыми военными. Миче, пусть ребята собираются. Я хочу, чтобы все было уложено быстро и тихо. Не забудьте выделить надежных людей в резерв.

Он повернулся ко мне. Миче в это время начал отдавать распоряжения своим людям.

— Наверное, тебе стоит немного перекусить сейчас,— заметил Грос.— Нам предстоит долгий путь.

Я был озадачен. Я полагал, что сейчас ночь. Посмотрев на часы, я отметил, что прошел всего час и десять минут с тех пор, как я очутился во дворце. Да, приходится еще раз констатировать, что время движется чертовски медленно.

Чика вынула буханку хлеба и брусок сыра из буфета и поставила еду на стол. Нож лежал рядом. Я настожил.

— Можно взять нож? — спроси я.

— Конечно, — сказал Грос. — Ешь.

Он запустил руку под стол и вытащил короткоствольный пистолет, который положил перед собой.

Миче вернулся к столу, когда я дожевывал ломоть хлеба. Хлеб был отличным. Я попробовал вино. Оно тоже было неплохим. Хорош был также и сыр.

— У вас хорошая еда, — отметил я. — Это неплохо.

Чика с благодарностью посмотрела на меня.

— Мы все делаем хорошо, — согласился Грос.

— Пусть лучше этот нахал снимет свой шутовский наряд, — сказал Миче, кивнув в мою сторону. — Кто-нибудь, не задумываясь, может пристрелить его. наших ребят очень будоражат мундиры подобного рода.

Грос посмотрел на меня.

— Правильно, — сказал он. — Миче даст тебе другую одежду. Этот мундир не пользуется здесь популярностью.

Такое развитие событий мне не совсем нравилось. В лацканы кителя был вплетен мой коммуникатор. Поэтому я наотрез отказался и не поддался не только на уговоры, но и на всевозможные угрозы.

В конце концов мы сошлись с Гросом на том, что поверх моего мундира я надену какой-нибудь плащ.

Но Миче, пожалуй, был с этим не согласен. Он пнул ногой мой стул. Я вовремя заметил это и вскочил на ноги прежде, чем стул опрокинулся. Миче посмотрел мне в лицо.

— Раздевайся, парень, — сквозь зубы процедил он. — Ты слышал, что я сказал?

Все, кто находился в это время в комнате, притихли. Я смотрел на Миче, надеясь, что Грос вступится за меня.

Воцарилась тишина. Взглянув на Гроса, я заметил, что он с любопытством наблюдает за нами.

— А почему это я должен исполнять твои приказы? — с усмешкой спросил я.

Миче двинулся вперед, вытаскивая нож.

— Я изрежу твой мундир, молокосос, — прохрипел он.

— Убери нож, Миче,— спокойно сказал Грос.— Ты же знаешь, что это наше секретное оружие. А мы хотим, чтобы этот мундир остался целым.

— Что же,— ворчливо согласился Миче.— В этом есть какой-то смысл.

Он швырнул нож на стол и двинулся на меня. По его легкой походке и наклоненному корпусу я понял, что имею дело с профессионалом.

Я решил не ждать, пока он начнет первым. Развернувшись, я вложил весь вес своего тела в прямой удар в скулу. Миче был застигнут врасплох, подбородок его подпрыгнул, и сам он полетел назад. Я последовал за ним, пока он снова не восстановил равновесие, и опять ударил его. Но это был ветеран, закаленный в драках. Он собрался с силами, мотнул головой и затем резко ударил меня прямо в висок. Я пошатнулся, почти потеряв сознание. Он ударил меня еще, на этот раз в переносицу. Закапала кровь.

Я не смог бы долго продержаться против этого громилы. Толпа собралась в дальнем конце комнаты, наблюдая с восторгом за дракой. Слышались ободряющие возгласы. Грос продолжал сидеть. Чика смотрела на меня, прижавшись к стене.

Увертываясь от ударов, я отступил назад. Я был ошеломлен. У меня был только один шанс, и для этого мне был нужен темный угол. Миче не отпускал меня. Он обезумел. Удар в челюсть прямо на глазах громила лишил его рассудка. Это было мне на руку. Он забыл правила ведения боя и размахивал руками, стараясь прикончить меня как можно быстрее. Я же продолжал отступать, увертываясь от ударов.

Я двигался к темному углу, стараясь попасть туда, пока наблюдавшая за нами толпа не стала преградой на моем пути.

Миче размахнулся вовсю. Я слышал свист его кулаков совсем рядом. Я отступил еще на шаг и был почти у цели. Теперь нужно было очутиться между нападавшим и остальными. Я прыгнул назад, стараясь спастись от яростного удара, и резко двинул Миче правой в ухо. Затем я повернулся, поймал свой пистолет и, когда Миче делал вдох, выстрелил ему в живот, одновременно дико вскрикнув и бросившись на него. Он ударился о стену и упал у моих ног. Я успел спрятать пистолет назад, за манжету.

— Ничего не видно,— закричал кто-то.— Дайте туда свет.

Толпа двинулась вперед, образовав широкий круг и замерла, увидев, что на ногах остался только я.

— Миче на полу,— крикнул кто-то.— Этот новичок справился-таки с ним.

Грос протиснулся вперед, немного поколебался, потом подошел к распростертому телу Миче, присел на корточки и попросил свечу.

Перевернув Миче на спину, он внимательно осмотрел тело и попробовал пульс. Затем резко поднялся во весь рост.

— Он мертв! Миче мертв.

Грос как-то странно посмотрел на меня.

— Ну и удар у тебя, парень,— сказал он.

— Я стараюсь не прибегать к нему,— сказал я.— Но если будет нужно, то, без сомнения, воспользуюсь им снова, если меня вынудят.

— Общайте его ребята,— приказал Грос.

Они прощупали меня всего, но вот запястья не приняли в расчет.

— У него ничего нет, Грос,— сказал кто-то.

Грос решительно осмотрел тело, надеясь отыскать следы раны. Люди столпились вокруг него.

— Нет, никаких следов,— наконец сказал он.— Ребра сломаны и внутренности словно перемешаны.

Он взглянул на меня и добавил:

— И это он сделал голыми руками?

Я надеялся, что они поверят, а это стало бы лучшей гарантией от повторения подобных инцидентов. Я хотел, чтобы они боялись меня, и здесь были совершенно ни при чем вопросы этики.

— Довольно,— Грос обратился к своим людям.— Возвращайтесь к своим делам. Миче сам напросился. Он обозвал новичка нахалом. Я даю ему имя Молот!

Я решил, что сейчас самое время взять чуть повыше.

— Лучше бы ты, Грос, сказал им, что я займу здесь место Миче. Думаю, нам обоим будет полезно работать рука об руку!

Грос скосил взгляд на меня.

— Подходит,— сказал он, немного поразмыслив.

Я почувствовал, что он что-то задумал.

— И, между прочим,— добавил я.— Я оставлю на себе мундир. Ведь мы договорились с тобой об этом, пока не вмешался Миче. Почему ты не сказал об этом?

Грос пожал плечами и, внимательно посмотрев на меня, усмехнулся.

— Он останется в мундире, — сказал вожак, обращаясь к своим людям. — Через тридцать минут нас не должно быть в этом месте. Идемте!

В конце темного туннеля показалась неровная полоска света. Грос дал команду остановиться. Люди сгрудились, заполнив тесный проход.

— Большинство из вас прежде не ходило этим путем, — начал Грос. — Отсюда можно выйти на Оливковую аллею. (Это маленькая боковая улочка под стеной дворца, пояснил он мне). Снаружи выход прикрывает небольшая лавочка, в которой торгует древняя старуха. Не обращайтесь к ней. Выходить будем по одному. Как только выйдете из лавки, поворачивайте направо. Не забудьте, что документы у вас всех в порядке. Если кто-нибудь на воротах спросит — покажите. Держитесь спокойно. Если сзади вас возникнет какой-нибудь шум, продолжайте идти. Место встречи — на воровском рынке.

Он показал первому на выход, занавешенный рваным брезентом. Через полминуты туда последовал второй. Я подошел ближе к Гросу.

— Зачем было приводить сюда столько людей? — спросил я тихо. — Если бы нас было всего несколько, нам было бы намного легче.

Грос покачал головой.

— Я должен присматривать за этими слюнтяями. Всякие мысли могут забрести в их головы, когда их оставишь без присмотра на пару дней. А я не могу позволить, чтобы все было испорчено. Они ничего не умеют делать сами. Только по подсказке.

Мне эти аргументы показались весьма сомнительными, но я не подал виду. Все уже прошло мимо нас и исчезло за брезентовым пологом. Тревоги не было.

— Порядок! — сказал удовлетворенно Грос. — Давай за мной, парень.

Он проскользнул под заплесневелые тряпки, я — за ним, мимо колченогого стола, заваленного горшками. Старая карга, восседавшая на табуретке, не обратила на меня никакого внимания. Грос выглянул на узкую пыльную улицу и быстро нырнул в толпу прохожих. Я, не отставая, следовал за ним. Мы шли мимо покупателей и мелких торговцев, прислонившихся к облепленным мухами лоткам с пищей. Мимо обшарпанных магазинчиков, ковыляющих нищих, чумазных мальчишек. На улице было полно мусора и отходов; голодные собаки сновали в толпе. Никто не

обращал на нас ни малейшего внимания — мы выбрались без всякого затруднения.

Я вспотел под тяжелым плащом, который дал мне Грос. Мухи жужжали у моего распухшего лица. Какой-то нищий, скуля, протянул ко мне изможденную руку. Грос нырнул между двумя толстяками, занятыми оживленным спором. В тот момент, когда я хотел последовать примеру своего напарника, толстяки двинулись в путь, и я был вынужден обойти их и тотчас потерял Гроса из виду.

Внезапно я увидел военную форму — парня в желтоватом хаки с суровым лицом, который грубо пробирался сквозь толпу. Прямо передо мной прошмыгнула собака, я инстинктивно отпрянул назад. Раздался крик, люди начали рассыпаться во все стороны, толкая меня. Тут я увидел Гроса. Побледнев, он глядел на солдата. Внезапно он побежал. В два прыжка человек в форме догнал его, схватил за плечо и с криком повернул к себе. Завыл щенок, попав мне под ноги. Рука солдата подымалась и опускалась, нанося удары Гросу тяжелой дубинкой.

Далеко впереди себя я услышал выстрел и почти тотчас же еще один, уже ближе. Грос мчался сквозь толпу с окровавленной головой, а солдат лежал в пыли, на спине, конвульсивно дергая ногами.

Я бросился вдоль стены, стараясь перехватить Гроса или, во всяком случае, не потерять его из виду. Толпа расступилась перед ним, бегущим с пистолетом в руке.

Внезапно передо мной вырос солдат с дубинкой. Я бросился в сторону, взмахнув рукой. Солдат отпрыгнул и отдал честь. Я разобрал слова "Извините, сэр", пробегая мимо него. Он, должно быть, мельком разглядел мою форму сквозь развевающийся плащ.

Впереди Грос упал на колени в пыль, голова его повисла. Из боковой улицы выбежал солдат, прицелился и выстрелил ему в голову. Грос наклонился, свалился на спину и затих. Пыль смешалась с кровью на его лице. Толпа сомкнулась. С того момента, как его опознали, у Гроса уже не было никаких шансов.

Я остановился, пытаюсь вспомнить, что говорил Грос своим людям. Я совершил непростительную ошибку, всецело полагаясь на то, что Грос поведет меня. Он говорил о каких-то воротах, о каких-то документах... Но я же не знал никаких ворот, и у меня нет никаких документов. Погоди... теперь понятно, почему эти оппозиционеры вынуждены были покинуть свое подземелье до захода солнца.

Очевидно, с наступлением ночи ворота закрывались, и город покинуть уже было невозможно.

Я продолжал идти, не желая привлекать к себе внимания, и старался придерживать плащ, чтобы не был виден мундир. Я не хотел, чтобы еще кто-нибудь заметил его. Следующий, возможно, не будет торопиться.

Грос назначил своим людям место сбора на воровском рынке. Я пытался вспомнить Алжир, где я провел несколько дней пару лет назад, но все, что я мог вспомнить, это Казбах и ярко освещенные улицы в европейской части города.

Я прошел мимо места, где народ столпился возле тела убитого солдата, не замедляя шага. Другое кольцо окружило то место, где лежал Грос. Теперь здесь повсюду были солдаты, небрежно размахивающие дубинками.

Я нагнулся, протискиваясь через толпу. Улица поворачивала, круто устремляясь вверх. Здесь уже была мостовая, магазинчиков и лотков стало меньше. С перил балконов на улицу свисало белье.

Впереди я увидел ворота. Люди сгрудились перед ними, пока солдат проверял документы. Еще трое в форме стояли рядом, наблюдая за происходящим.

Я продолжал идти к воротам. Сейчас я уже не мог повернуть назад. К древней кирпичной стене примыкала новая деревянная сторожевая вышка. Под ней текла сточная канава. На вышке стоял прожектор с дуговой лампой и часовой с ружьем на плече. Мне показалось, что я увидел в толпе перед воротами одного из Организации.

Я бросился вперед, но тут же взял себя в руки. Один из солдат заметил мое движение и посмотрел на меня. Он выпрямился и толкнул в бок соседа. Второй солдат тоже заметил меня. Я решил, что единственное, что остается мне сейчас — это смело идти им навстречу. Я кивнул им, на мгновение распахнув плащ. Солдат двинулся ко мне. Сомнения, видимо, не оставили его. Я надеялся, что мое опухшее лицо не покажется ему слишком знакомым.

— Не спеши, солдат,— сказал я, стараясь подражать интонациям выпускников Эколь Милитари. Он остановился передо мной и отдал честь. Я не дал ему возможности перехватить инициативу.

— Лучшая часть добычи уйдет через ворота прежде, чем вы, дурачье, затынете сетку.— Я щелкнул пальцами.— Пропустите меня побыстрее и не привлекайте ко мне внимания. Я не ради забавы затеял этот блошинный цирк.— И снова прикрыл плащом мундир.

Он направился к воротам. Там что-то сказал другому солдату, указывая на меня. Этот второй, с нашивками сержанта, взглянул в мою сторону.

Я сделал большие глаза, приближаясь к нему, и прошипел:

— Не обращай на меня внимания, солдат. Ты все испортишь, и потом тебе придется стрелять.

Я быстро прошел мимо него, миновал ворота, которые открыл один из них, и вышел из города. Пот градом катил по моему лицу, ноги были ватными, сердце бешено стучало в груди. Впереди я заметил дерево с черной тенью под ним. В этот момент я даже засомневался, смогу ли дойти до спасительного места.

Только оказавшись в тени, я позволил себе перевести дух.

У меня еще оставались проблемы, много проблем. Сейчас я должен был отыскать воровский рынок. У меня было смутное воспоминание, что такой рынок существует, но я не имел понятия, где именно. Я шел по дороге мимо облупившегося кирпичного здания с харчевней внизу и перекошенными окнами наверху, с одним из углов, пострадавшим от бомбы. Теперь уже ворот не было видно.

Впереди были разбомбленные многоквартирные дома, развалины и дальше... открытое поле. Сперва виднелась река. Людей здесь было немного. Казалось, они не обращают никакого внимания на гам, доносящийся из огражденной части города. Я не мог рисковать, спрашивая дорогу. Я не знал, кто из них полицейский осведомитель или же сыщик. Вот взять хотя бы Гроса. Похоже, что он не был особенно умелым конспиратором. Вероятно, полиция могла прихлопнуть его группу в любое время. Я подозревал, что они терпели его до поры до времени. Засада была организована четко. Вряд ли кому из ребят Гроса удалось пройти через ворота.

Вероятно, распоряжений следить за человеком, переодетым в офицерскую форму, не поступало. Я не знал, что успел сказать Морис по телефону, когда звонил своим людям, но инцидент у ворот указывал на то, что предупреждения обо мне не было.

Я приостановился. Может быть, лучше все-таки зайти в харчевню, заказать выпить и послушать, о чем говорят? Ничего угрожающего вокруг не было заметно.

Я вернулся на пятьдесят шагов назад и быстро вошел в бистро, едва различая в полумраке расположение

столиков и стульев. Окна были занавешены. Я прищурился, отыскивая стойку.

У стойки маячил какой-то парень.

— Красного вина,— сказал я.

Бармен поставил стакан, который он как раз протирал, на стойку и наполнил его из жестяного кувшина. Я попробовал вино. Вкус его был ужасным. Догадываясь, что хорошие манеры здесь не в чести, я выплюнул вино на пол.

Оттолкнув от себя стакан, я сказал:

— Я просил вина, а не выжимок из этого ковра, парень.— Положив на стойку тысячефранковую ассигнацию, я ждал.

Бармен, поворчав, куда-то вышел и вскоре вернулся с запечатанной бутылкой и бокалом. Вынув пробку и до половины наполнив бокал, он протянул его мне. Тысячефранковую бумажку он положил в карман, и не думая давать сдачу.

Я попробовал вино — оно было не очень плохим. Я стоял, потягивая вино, и ждал, пока мое зрение окончательно адаптируется к царящему здесь полумраку. Бармен отошел и, чертыхаясь, стал орудовать возле груды поставленных друг на друга ящиков.

У меня не было четкого плана дальнейших действий. Даже если мне и удастся отыскать уцелевших после облавы членов Организации... Самое главное — это узнать, что было неверным в моей одежде. А вот потом можно было бы и воспользоваться помощью Организации для повторного проникновения во дворец.

Правда, я всегда мог бы обратиться за помощью через коммуникатор. Но это было не по мне. Пока оставалась хоть толика надежды, отступить было нельзя!

В дверях появился человек, закрыв собой свет. Он подошел к стойке бара. Бармен не обратил на него внимания.

Через дверь вошли еще двое, прошли мимо меня и облокотились о стойку рядом. Бармен продолжал возиться с ящиками, игнорируя новых клиентов. Меня начало это удивлять.

Человек, который вошел первым, пододвинулся ко мне поближе.

— Эй, ты! — сказал он, кивнув в сторону городских ворот. — Слышал ли ты там стрельбу?

Это был странный вопрос. Я бы удивился, если бы звук выстрелов был слышен снаружи городской стены. Я пробормотал что-то невразумительное.



— За кем это гнались? Ты случайно не знаешь?

Я захотел рассмотреть лицо говорящего, но оно было в тени.

Он был худым, костлявым мужчиной и стоял, опираясь на стойку.

— Почему это я должен знать, по кому там стреляли? — пожал я плечами.

— Не слишком ли тебе жарко в этом бурнусе, парень? — спросил незнакомец и потянулся к моему плащу. Я сделал шаг назад, и две пары рук обвили меня сзади двойным захватом.

Человек приоткрыл мой плащ.

— Вшивый герцогский прихвостень! — крикнул он и ударил меня по губам тыльной стороной ладони. Во рту сразу же появился привкус крови.

— Ищи у него оружие, ребята, — сказал другой, обходя меня сзади.

Этого я еще здесь не видел. Теперь я уже не знал, сколько человек было в комнате.

Человек сорвал с меня плащ и закричал:

— Смотрите на него. Мы захватили паршивого генерала.

Он засунул палец под верхнюю часть расшитого ворота и с силой дернул за лацкан. Тот оборвался, но не до конца. Тогда я начал вырываться — ради золотой тесьмы они могли оборвать мой коммуникатор. Я не очень-то надеялся на то, что мне удастся освободиться, но, может быть, несколько хороших пинков отвлекут их? Я размахнулся и ударил костлявого незнакомца в колено. Он завопил от боли и отскочил, замахнувшись. Я отпрянул, и удар едва коснулся моей головы. Я изо всех сил рванулся назад, стараясь повалить тех, кто сзади.

— Держите его, — закричал костлявый. Он подбежал ближе и ударил кулаком в живот. Я почувствовал страшную боль.

Меня подтащили к стене и прижали к ней, разведя руки в стороны. Один из парней подступил ко мне с ножом в руке. Я пытался отдышаться, извиваясь под весом мучителей. Парень схватил меня за волосы, и на мгновение мне показалось, что он перережет мне горло. Но вместо этого он стал отрезать лацкан, ругаясь, когда лезвие царапнуло провод.

— Обрежь пуговицы тоже, Красавчик Джо, — предложил чей-то сиплый голос.

Боль немного утихла, и я осел, показывая, что совсем ослаб, хотя на самом деле чувствовал себя лучше. Ком-

муникатор исчез, во всяком случае передатчик. Единственное, что я теперь пытался спасти — это свою жизнь.

Мгновение — и я остался без единой пуговицы. Человек с ножом отошел от меня, засовывая нож в чехол, висящий на бедре. Сейчас я мог различить его лицо. Похоже, он вполне подходил к своему прозвищу “Красавчик”.

— Порядок! Пусть катится, — сказал он.

Я тяжело опустился на пол. Потому что наконец мои руки оказались свободны. Теперь, возможно, у меня появился шанс: пистолет все еще был при мне. Опираясь руками о пол, я привстал на колени, не спуская с Красавчика Джо взгляда. Он намеревался ударить меня ногой по ребрам.

— Вставай, генерал, — спокойно сказал он. — Я научу тебя не лягать благодетелей.

Остальные смеялись, выкрикивая советы. Стоял запах пыли и кислого вина. Кто-то сказал:

— Этот генерал — настоящий боец. Он даже сидя будет бороться.

Раздался дружный хохот.

Я вцепился в направленную в меня ногу и, с силой выкручивая ее, швырнул нападающего на пол. Он громко выrugался и бросился ко мне.

Но я уже к этому времени встал. Круг разомкнулся, и кто-то толкнул меня. Я притворился, что потерял равновесие и сделал несколько шагов к темному углу. Теперь мое зрение привыкло к полутьме, и я видел пистолеты и кинжалы у каждого бандита. Если бы им пришлось в голову, что я вооружен, они пустили бы их в ход, не раздумывая. Поэтому я не торопился.

Красавчик Джо вновь напал на меня, нанеся удар слева. Увернувшись я пропустил пару тычков, отступил еще на два шага, наблюдая за зрителями. Все они далеко от меня. Наступило время моей игры. Прикрываясь от зрителей Красавчиком, я направил в ладонь свой пистолет, но в этот момент Джо яростно ударил меня. Я попытался увернуться, это мне частично удалось, но мой крохотный пистолетик полетел, вертясь, в угол. Теперь я уже больше не притворялся.

Я встретил Джо тяжелым ударом в лицо с левой руки, затем правой в живот, выпрямил его еще одним левой в челюсть. Боксером он был неважным.

Остальным это не понравилось. Они окружили и схватили меня. Я получил несколько ударов в челюсть и

в спину, меня толкнули к стене. В голове звенело — я был оглушен. Я упал, и меня оставили в покое. Это было очень кстати, потому что мне нужна была передышка.

К черту всю эту секретность,— подумал я. Я поднялся на колени и пополз в угол. Зрители смеялись и кричали.

— Ползи, генерал!— кричал один.— Ползи, ползи, паршивый шпик!

— Раз, два, три, солдатик, — командовал другой.

Шутка понравилась. Все хохотали, радостно хлопая друг друга по плечу. Красавчик Джо пришел в себя и кинулся за мной.

Куда подевался мой пистолет?

Красавчик Джо схватил меня за мундир и приподнял, у меня кружилась голова, похоже, что я заработал небольшое сотрясение мозга. Джо снова толкнул меня, но я повис на нем, и он не мог как следует размахнуться. Его неуклюжесть вызвала новый взрыв смеха, толпа получала массу удовольствия от этого фарса.

— Следи за ним хорошенько, Красавчик! — крикнул кто-то.— Если и дальше будешь его так бить, то гляди, чего доброго, и разбудишь. А уж тогда держись, парень!

Красавчик Джо сделал шаг назад, собираясь ударить меня в челюсть, но я сел на пол и снова пополз в угол. Именно туда полетел мой пистолет. Джо еще раз ударил меня ногой, я уклонился, и моя рука нащупала оружие.

Я перевернулся, Красавчик рванул меня за плечо, повернув лицом к себе, и отступил. Привстав, я прислонился к стене и следил за ним. Он наслаждался моим положением, и, хотя лицо его было в крови, он скалился от удовольствия. Он собирался в этом углу забить меня насмерть. Когда он спокойно подошел ко мне, я поднял пистолет и выстрелил ему в лицо.

И тут же пожалел об этом. Джо рухнул на пол. Мелькнуло совершенно разбитое лицо. Джо уже больше не был Красавчиком.

Я держал свое оружие у бедра, ожидая следующего нападения. Тот парень, который тащил меня к стенке, вскочил вперед и, подпрыгнув, хотел одним ударом раздробить мне череп. Я чуть-чуть поднял свой пистолет, и как только он прыгнул, выстрелил ему в живот. Выстрел отозвался хлопком в комнате, когда ноги парня оторвались от пола.

Еще трое бросились на меня. В комнате было очень плохое освещение, и они не осознавали того, что происходит. Они думали, что я кулаками уложил этих

двоих. Сейчас же они намеревались одновременно наброситься на меня и наконец-то прикончить.

— А ну-ка, кролики, замрите! — внезапно раздался голос у дверей. Все оглянулись туда. В дверях стоял здоровенный бандит, в руках его отчетливо был виден пистолет.

— И не шевелитесь вы, крысы! Учтите, что я очень хорошо вас вижу, даже в темноте. Не двигаться!

Он пропустил одного человека перед собой. Один из парней, стоящих возле меня, засмеялся и шевельнулся. Раздался треск выстрела, и сноп огня осветил глушитель. Парень дернулся и распластался на полу.

— Выходи, Молот,— сказал здоровяк.— Нужно побыстрее убираться отсюда.

Он сплюнул на пол.

И тут я узнал голос Гастона, человека, который хотел схоронить меня под полом. Оказывается, Грос отдал ему приказ быть моим телохранителем. Но он немного опоздал...

Неуклюже спрятав пистолет, я наклонился вперед.

— Держись, Молот,— крикнул Гастон, бросаясь поддерживать меня.— Я не думал, что кролики примутся за тебя. И к тому же, я было подумал, что ты сможешь легко их приструнить.

Он приостановился и посмотрел на тело Красавчика.

— Ты превратил его в кашу,— восхищенно присвистнул он.— Эй, Уше, прикрой Молота, и двинулись.

Он еще раз оглядел комнату.

— До скорого свидания, кролики,— по-волчьи усмехнулся Гастон.

Двое уже не могли ему ответить.

ГЛАВА IX

Я почти не помню, как мы добрались до одного из убежищ Организации далеко за городом. Я только помню, что сначала мы бесконечно долго шли, а потом Гастон бесконечно долго нес меня на плечах.

Я помню ужасную жару и мучительную боль опухшего лица, полузажившей раны на шее и бесчисленных синяков.

Последнее, что я помню — прохладную комнату и мягкую постель.

Просыпался я медленно, сновидения перемешивались с воспоминаниями, и среди них не было ни одного приятного.

Я лежал на спине, опираясь на огромные пуховые подушки. Послеполуденное солнце пробивалось через темные шторы. Некоторое время я мучительно вспоминал, где нахожусь. Постепенно ко мне вернулась память.

Гастон очень серьезно отнесся к поручению Гроса, несмотря на свое желание избавиться от меня и на то, что и Миче, и Грос были уже мертвы.

Я пошевелился, и от боли у меня перехватило дыхание. Грудь, ребра, живот были одним огромным очагом боли. Я откинул стеганое одеяло и ощупал свои повреждения. Из-под краев широкой повязки были видны багровые кровоподтеки.

Я совершил ошибку, пошевелив шеей: пулевая рана на затылке, по которой Морис попал своей дубинкой, начала сильно пульсировать. Сердце просто останавливалось от боли. Я не рисковал даже шевелить мышцами лица — я знал, что оно из себя представляет.

Полностью обанкротился, парень, подумал я, как тайный агент ты больше из себя ничего не представляешь.

Моя тщательно подготовленная маскировка не смогла одурачить никого, кроме, пожалуй, Паука. В течение нескольких часов, находясь в диктаторском наряде, я вынес столько пинков, ударов и угроз, сколько не получал за предыдущие сорок два года жизни. И в конечном итоге я так ничего и не добился. Я остался без коммуникатора, а теперь и без пистолета. Хотя он, конечно, ничем уже не мог бы мне помочь. Любая попытка пошевелиться затуманивала сознание.

А может быть, я все-таки чего-то достиг, пусть даже в отрицательном смысле. Я узнал, что запросто войти во дворец диктатора Байарда мне не удастся, несмотря на наше сходство. И я узнал также, что существует оппозиция диктаторскому режиму, ибо он породил множество недоброжелателей. Возможно, в дальнейшем мы сможем это использовать в своих целях.

Если бы можно было вернуться в Имперium с такой информацией! Я должен обдумать способ возвращения. У меня нет связи, это главная проблема. И поэтому сейчас все зависит от меня самого.

Раньше я знал, что, в конце концов, смогу послать вызов и ждать спасения. Рихтгофен организовал круглосуточное дежурство на волне моего коммуникатора. Теперь же о помощи не могло быть и речи. Чтобы вернуться в Имперium, я должен украсть один из неуклюжих шаттлов этого мира или, что еще лучше, пользуясь диктаторскими

правами, реквизируют один из них. Поэтому нужно вернуться во дворец, соответственно изменив одежду, либо закончить свои дни в этом кошмарном мире.

За дверью слышались приглушенные голоса. Когда дверь приоткрылась, я закрыл глаза.

Голоса стали тише, я почувствовал, как несколько человек остановились у моей кровати.

— Сколько он спит? — спросил чей-то голос. Он показался мне знакомым.

— Док сделал ему несколько уколов, — ответил другой. Мы привели его сюда вчера вечером.

Наступила пауза. Затем раздался знакомый голос:

— Мне не хотелось бы, чтобы он остался жив. И все-таки, может быть, мы сможем извлечь из него пользу.

— Грос хотел, чтобы он остался жив, — вмешался в разговор еще один голос. Это был Гастон. Его голос казался сердитым. — У Гроса были большие планы относительно Молота.

Собеседник что-то проворчал.

— Нам не будет от него никакого проку, пока не заживет его лицо, Гастон. Держите его здесь, пока я не пришлю дальнейших инструкций.

Мне не очень понравилось то, что я услышал. Но при данных обстоятельствах выбирать не приходилось. Я должен был отлежаться и набраться сил. Во всяком случае, я должен быть благодарен этим людям — меня уложили в удобную постель...

Когда я проснулся, рядом со мной сидел Гастон и курил. Как только я открыл глаза, он выпрямился, потушил сигарету в пепельнице на столе и наклонился ко мне.

— Как ты себя чувствуешь, Молот? — спросил он.

— Отдохнувшим, — ответил я слабым шепотом. Меня очень удивила слабость моего голоса.

— Да, эти голубки задали тебе хорошую трепку, Молот. Не знаю, почему ты раньше не воспользовался своим смертельным ударом. Впрочем, об этом позже... Я принес тебе кое-что пожевать...

С этими словами он взял поднос со столика у кровати и предложил мне ложку бульона.

Я был чертовски голоден и с готовностью открыл рот. Никогда не думал, что сиделкой у меня будет такая горилла.

Тем не менее Гастон хорошо справлялся со своим делом. Три дня он регулярно кормил меня, менял простыни и выполнял все обязанности вышколенной сиделки. Силы

быстро возвращались ко мне, но я старался скрыть скорость моего выздоровления от окружающих. Я не знал, что может еще случиться, и хотел иметь кое-что в резерве.

В течение следующих нескольких дней Гастон рассказал мне довольно много об Организации. Я узнал, что группа, руководимая Гросом и Миче, была одной из многочисленных ячеек этой разветвленной оппозиции. В Организации было несколько сотен членов, которые проживали по всей территории Алжира. Конечной целью оппозиции было свержение правления Байарда, что дало бы ей возможность получить свою долю в грабежах.

Каждая группа имела двух руководителей, которые, в свою очередь, подчинялись Большому Боссу, чужеземцу, о котором Гастон знал крайне мало. Он появлялся неожиданно, и никто не знал ни его имени, ни места его обитания. Я почувствовал, что этот таинственный незнакомец не пользуется любовью Гастона.

На третий день я попросил свою "сиделку", чтобы он помог мне приподняться и немного размять ноги. Я изображал крайнюю степень слабости, но с удовольствием обнаружил, что чувствую себя гораздо лучше, чем предполагал. После того, как Гастон помог мне снова лечь в кровать и вышел из комнаты, я встал и продолжил свои упражнения в ходьбе. Кружилась голова и поташнивало, но я опирался на спинку кровати и пережидал, пока успокоится желудок, а потом продолжал ходить. Я находился на ногах минут пятнадцать, а потом лег в кровать и крепко уснул. Впоследствии, когда бы я ни просыпался, днем или ночью, я поднимался и ходил, и прыгал в кровать, как только слышал приближающиеся шаги.

Если Гастон настаивал, чтобы я поднимался, я симулировал тошноту и головокружение. Однажды они вызвали врача, но он, посмотрев меня, сказал, что мне придется пролежать по меньшей мере еще неделю. Это вполне меня устраивало. Мне необходимо было время, чтобы досконально разобраться в обстановке.

Я осторожно пробовал вытянуть из Гастона его мнение о моей внешности. Мне не хотелось настораживать его или возбуждать в нем подозрения, я действовал осторожно, но Гастон избегал этой темы.

Я пробовал искать свою одежду, но шкаф был заперт, а я не отважился взломать дверь.

Через неделю после моего прибытия сюда я позволил себе совершить прогулку по дому и прелестному саду возле него. Дом был просторный, в саду не было видно

никаких признаков часовых. Казалось, я мог бы свободно уйти из него в любое время, но...

К исходу десяти дней моего пребывания в этом доме я начал ощущать беспокойство. Больше уже невозможно было притворяться, не вызывая подозрений. Бездеятельность нервировала меня. Я проводил ночные часы, лежа без сна, обдумывал ситуацию, и лишь изредка вставал пройтись по комнате. К утру мне удавалось утомить себя, но все равно сна не было.

Я должен что-то предпринять!

Однажды утром, после того, как Гастон унес поднос с остатками завтрака, я принял решение еще раз обойти дом. Из верхних окон хорошо были видны окрестности. Фасад дома выходил на мощное, довольно хорошее шоссе. Я решил, что это главная дорога в Алжире. Позади дома простиралась на четверть мили вспаханная земля. Дальше виднелись деревья. Возможно, там была река. Вблизи не было никаких других домов.

Я подумал об уходе. Мне казалось, что лучше всего перелезть через стену после наступления темноты и двинуться в направлении деревьев. У меня сложилось впечатление, что линия деревьев и дорога сходятся где-то на западе, и поэтому таким путем я смогу выйти на дорогу довольно далеко от дома. А уж потом по ней смогу попасть в город.

Я вернулся в свою комнату.

Было уже почти обеденное время, когда я услышал, что кто-то приближается к моей двери. Я лег на кровать и ждал. Вошли Гастон и доктор. Врач был бледным и потным, он старательно избегал моего взгляда. Взяв стул, он уселся и начал осмотр. Он молчал, не обращая внимания на мои вопросы. Осмотрев меня, он резко встал, собрал свои инструменты и вышел.

— Что это с доком, Гастон?

— Он что-то затевает, — хмуро ответил мой телохранитель.

Даже Гастон казался сегодня покорным. Что-то должно было произойти, что-то, что здорово начинало меня беспокоить.

— Что случилось? — спросил я.

Гастон пожал плечами. Я не отступал:

— Что все это значит? — Я было решил, что Гастон ничего мне не скажет, но поколебавшись, он произнес:

— Они собираются совершить то, к чему ты стремился. Они уже готовы поставить тебя на место Байарда.

— Но это же отлично! — воскликнул я. — Как раз этого я и добивался. Но почему такая секретность? — Похоже, это были еще не все новости. — И почему вы скрываете это от меня? Почему Большой Босс не встречается со мной? Я бы хотел поговорить с ним.

Гостон замаялся. Я чувствовал, что он собирается сказать мне нечто важное, но не решается.

— Нужно уладить кое-какие мелочи, — наконец выдал он, не глядя на меня.

Я больше не настаивал.

Гастон ушел, я тоже вышел в коридор. Через открытое окно доносились голоса, я приблизился послушать.

По саду шли трое. Я видел только их спины. Один из них был врач. Остальных двух я не знал.

— Я учился не для того, — говорил врач, возбужденно размахивая руками, — чтобы совершать то, что вы задумали. Поймите, я не мясник, чтобы отрезать для вас куски баранины.

Ответа я не разобрал.

Я сошел вниз, прислушиваясь. Все было тихо. Прошел по коридору первого этажа. Где-то тикали часы.

Я вошел в гостиную. Стол был накрыт на двоих, но еды не было. Я вернулся и приоткрыл дверь в приемную: пусто.

Дойдя до двери, которая всегда раньше была заперта, вдруг заметил свет, пробивающийся из-под нее. Я осторожно приоткрыл ее. Должно быть, это какая-нибудь кладовка.

Но то, что предстало перед моим взором, заставило меня насторожиться. Посреди комнаты стоял обитый белой тканью стол. В одном углу комнаты на штативах стояли два светильника. На маленьком столике были разложены сверкающие инструменты. На стеллаже лежали скальпели, большие изогнутые иглы и еще что-то. Там же была отличного качества пила и большие ножницы. На полу под столом была большая лоханка из нержавеющей стали.

Не понимая в чем дело, я решил уйти, но услышал шаги.

Увидев дверь в глубине, я спрятался за ней, а в комнату вошли двое.

Вспыхнули яркие лампы и погасли, послышался скрежет металла о металл.

— Положи на место, — раздался гнусавый голос. — Здесь полный набор. Я все проверил сам.

— Какие-то подкнутые, — продолжал гнусавый. — Почему бы им не подождать до утра, когда будет много сол-

нечного света? Нет, они хотят, чтобы работали при фонарях.

— Я не могу уразуметь смысла этого,— сказал другой, тонкий голос.— Не могу понять, что у этого парня с ногами, если они хотят их оттяпать. Как это можно, если он...

— Ты не в курсе дела, Мак,— хрипло произнес гнусавый.— Это большое дело. Они собираются использовать этого простака и подменить Старика.

— Э... вот что ты имеешь в виду. Так зачем же отрезать ноги?

Да ты многого не знаешь, молокосос,— засмеялся гнусавый.— Тогда послушай: это будет для тебя сногшибательной новостью. У Байарда нет ног, от самых колен.— очень тихо произнес гнусавый.— Ты не знал об этом, не так ли, малыш? Вот почему никогда по телеку не показывают, как он ходит. Ты ведь всегда его видел за письменным столом, а? Об этом знают совсем немногие. Так что сильно не распространяйся.

— Вот так штука,— удивился второй.— Нет обеих ног?

— Точно! Я был с ним за год до высадки. Потом наши пути разошлись. А позднее от друзей, которые были в его отряде, я узнал, как это случилось. Пулеметная очередь через оба колена. А теперь забудь об этом. Надеюсь, тебе все ясно?

— Да... И где только они раздобыли болвана, который согласился на это?

— Откуда я знаю? — ответил гнусавый. Казалось, он сожалеет о том, что выболтал тайну.— Эти революционеры все не в своем уме, только каждый по-своему.

Мне стало плохо, ноги подкосились. Теперь я знал, почему никто не признавал во мне диктатора, ни во дворце, ни у подпольщиков, и почему Паук попался на удочку, увидев меня за столом в компании Гроса и Миче.

Надо уходить. Не завтра, не ночью, а сейчас. У меня не было ни оружия, ни документов, ни карты, ни даже плана действий, но я не мог больше ждать.

Было уже почти темно, когда я вышел на заднее крыльцо. В саду бродили те же люди, что и днем. Я нащупал дверь и рассмотрел ее в полутьме. Это была дверь, состоящая из двух секций. Верхняя была заперта, нижняя часть тихо открылась — те трое в саду этого не заметили. Я нагнулся и пролез наружу. Дальше пришлось ползти через цветник ко вспаханному полю. Вдруг черная тень человека накрыла меня. Я вскочил и ринулся к деревьям

впереди меня. Моя кисть автоматически сделала привычный жест, но пистолета не было. Я был слаб и безоружен. Очертания человека передо мной приняли угрожающие размеры.

— Уходим, Молот,— прошептала тень. Это был Гастон.

— Я и ухожу,— запинаясь произнес я потрясенно.— Только не пробуй остановить меня.

В мозгу пронеслась смутная мысль о ловушке, не зря же он назвал меня Молотом.

Я повернулся и тихо пошел вперед. Я пока не знал, куда иду, главное сейчас было идти, не показывая, как я напуган.

Гастон шел за мной.

— Я пойду с тобой,— прошептал он.— Интересно, и куда это ты думаешь податься? Последние несколько дней ты не давал себе отдыха.

У меня не было никаких шансов.

— Ты еще больше нервничаешь, чем я, Молот,— сказал Гастон. — На твоём месте я ушел бы еще неделю назад. Должно быть, ты сильно хотел взглянуть на Большого Босса, иначе зачем торчал здесь?

— По-моему, я достаточно насмотрелся сегодня,— хмуро ответил я.— Не хочу больше никого видеть.

— Ты видел его? — заинтересовался Гастон.

— Нет,— сказал я.— Я не видел его лица. Но я перестал быть любопытным.

Гастон тихо рассмеялся.

— О'кей, шеф,— сказал он и протянул мне какую-то карточку, на которой было что-то нацарапано.— Может быть, это принесет тебе хоть какую-то пользу. Это адрес Большого Босса. Я украл его. Это все, что я смог сделать. А теперь давай побыстрее сматываться отсюда.

Я сунул карточку в карман. Мне было немного не по себе.

— Минутку, Гастон. Ты собираешься помочь мне бежать?

— Грос велел, чтобы я не спускал с тебя глаз. Он очень хотел, чтобы с тобой не случилось ничего. А я всегда выполняю приказы моего брата, пусть даже его уже нет в живых.

— Твой брат? — я в изумлении остановился.

— Грос был моим братом,— повторил Гастон.— Мне, конечно, далеко до него, но он всегда заботился обо мне. А я всегда выполнял его приказы. Он сказал, чтобы я присматривал за тобой, Молот.

— А как же они? — спросил я, указывая в сторону дома. — Им может здорово не понравиться наше отсутствие.

Гастон сплюнул.

— К черту этих обезьян, — со злобой сказал он. — Я дрожу от ярости, когда вижу их.

У меня вдруг стало радостно на душе.

— Послушай, Гастон, не можешь ли ты вернуться в дом и принести сюда мой мундир?

Гастон показал мне какой-то мешок.

— Я подумал, что тебе может пригодиться этот мундир, Молот, — сказал он. — С Миче ты поступил очень необычным способом.

Он протянул мне узел.

— Гастон, — сказал я. — Ты чудо! А не принес ли ты вместе с мундиром и такую маленькую штуковину, которую я прятал за запястьем?

— По-моему, я кинул ее в мешок, — кивнул Гастон. — Кто-то украл диговинные перчатки, которые ты держал у себя за поясом. Поверь, мне их очень жаль.

Я склонился над мундиром и нащупал что-то плотное в кармане. С пистолетом в руке я был готов покорить весь мир.

— Можешь не вздыхать об этих перчатках, — сказал я, пристегивая к предплечью пистолет.

Я сбросил больничную пижаму и натянул мундир, посмотрел на дом — все было спокойно. Уже стемнело. Настало время уходить!

Через пятьдесят шагов дом был уже не виден. Стена и высокие кусты не пропускали света из окон первого этажа, а верхняя часть дома была неосвещена. Я выбрал в качестве ориентира яркую звезду и, спотыкаясь, побрел по полю. Я раньше никогда не предполагал, как тяжело идти в темноте по пахоте.

Через пятнадцать минут впереди показалась густая тень деревьев — я все еще предполагал, что там должна быть река.

Подойдя к деревьям, мы замедлили шаги. Земля резко пошла вниз и через мгновение я соскользнул с грязного берега в мелководье.

— О! — обрадованно зашептал я Гастону, — река что надо!

Я выбрался на берег. Если бы мы шли между деревьями, то до зари вряд ли прошли бы более двух-трех километров.

— В какую сторону течет эта река, Гастон? — спросил я.

— Туда, — он показал рукой. — К Алжиру, к городу.

— Ты умеешь плавать?

— Конечно, — кивнул головой Гастон: он четко выделялся на светлом фоне реки. — И даже очень неплохо.

— Отлично. Раздевайся и сделай узел из своей одежды. Сложи то, что ты не хочешь намочить, в середину. И прикрепи узел ремнем к плечам.

Мы склонились в темноте над своими пожитками.

Закончив приготовления, я вошел в воду. Погода стояла теплая, и вода приятно охлаждала тело. Пистолет я не тронул — он продолжал висеть у меня на запястье. Теперь я хотел, чтобы он был как можно ближе ко мне.

Вокруг была чернильная тьма — пустоту над нами заполняли только алмазные звезды.

— Все в порядке? — спросил я у своего попутчика, услышав легкий всплеск воды за спиной.

— Конечно, шеф!

— Давай побыстрее отплывем отсюда, а уж потом не будем сильно торопиться, — прошептал я. — Пусть река поработает на нас.

ГЛАВА X

Течение реки было спокойным. Вдалеке мерцал крохотный огонек. Мы медленно проплыли мимо него.

Я работал руками только для того, чтобы держаться на воде. Все было тихо. От нервного напряжения сладко зевалось, но похоже, теперь я уже нескоро доберусь до постели.

Я заметил еще огоньки и оглянулся. На втором этаже дома, который мы недавно оставили, зажгли свет.

Я окликнул Гастона, указывая на огни. — Эге, — сказал он, — я тоже заметил. Похоже, что тихая жизнь у нас закончилась.

Они могли легко найти наши следы. Для этого им нужен был только простой карманный фонарик. И, как бы в ответ на мои мысли, между деревьями появился, покачиваясь, узкий луч света. Он двигался по направлению к реке. Я следил за ним, пока он не показался из-за зарослей. Я видел желтый сноп света, танцующий на

поверхности воды в том месте, откуда мы отправились в путь. Затем появились еще огни — второй, третий...

Видимо, все, кто был в доме, присоединялись к погоне. Они, должно быть, думали, что я спрячусь на берегу, выбившись из сил после прогулки по пахоте, готовый лечь без всяких условий на операционный стол.

Огоньки развернулись веером, двигаясь вдоль берега. Я отметил, что мы были на значительном расстоянии от них.

— Гастон,— позвал я,— У них есть лодка?

— Нет,— ответил он.— За нами все чисто.

Огоньки становились все меньше и меньше, и по одному стали пропадать из виду.

В полной тишине мы проплыли добрый час или даже больше. Вокруг было тихо, слышался только легкий плеск воды.

Вдруг впереди показалось несколько огней, скользящих по воде.

— Тьфу, черт,— прошептал Гастон.— Я совсем забыл о мосте Салан. Ведь они могут ждать нас там.

Теперь я уже тоже различил очертания моста. Он был в сотне метров от нас.

— Плыви к противоположному берегу, Гастон,— сказал я.— Только быстро и тихо.

Я боялся шума и поэтому поплыл брассом.

Они бы легко перехватили нас, если бы не затаили кутерму на мосту,— подумал я. Они делают все, что в их силах. Они, видимо, прикинули скорость течения и вычислили место, где мы можем оказаться через час. Они не намного ошиблись. Фактически, вообще не ошиблись.

И тут колени мои зацепили дно, и стебли камыша царапнули мне лицо. Я перевернулся и сел, тяжело дыша. Гастон барахтался в нескольких метрах от меня.

— Сюда,— шепнул я.— Давай ко мне, и старайся потише.

Огни на мосту внезапно погасли. Интересно, что они предпримут на этот раз. Если они пойдут вдоль берега, нам придется снова отплыть. И если один из них останется на мосту и в нужный момент посветит своим фонарем...

— Давай уходить,— сказал я.

Я поднялся и, пригибаясь и стараясь не шуметь, пошел к берегу по мелководью. Но тут под мостом замелькали огоньки. Я повернулся к Гастону. Он стоял возле меня, стараясь не дышать.

Огоньки на нашем берегу стали удаляться. Было слышно шлепанье ног по грязи и чей-то гортанный голос.

— Хорошо, — отметил я, — из-за этого не будет слышно нас.

Мои мокрые башмаки болтались у меня на груди.

Короткими перебежками мы добрались до берега. Земля здесь была тверже.

Я снова остановился. Гастон стал рядом со мной. Оглянувшись, я понял, что они быстро обнаружат наши следы на болотистом берегу, если сообразят вернуться. Нам нельзя было терять времени.

Узел с одеждой был помехой, но у нас не было времени одеваться.

— Скорее, — прошептал я и побежал.

За пятьдесят шагов до конца обрыва мы упали на землю и поползли. Я не хотел, чтобы наши силуэты были видны на фоне неба.

Пыхтя и ругаясь, мы продвигались вперед. Ползать — тяжелый труд для взрослого. И только на самом верху мы остановились и осмотрелись. Дорога, ведущая на мост, делала поворот к отдаленному отблеску на небе.

— Там армейский склад, — сказал Гастон. — А не город.

Я приподнялся, чтобы бросить взгляд на реку. Два огонька покачались вместе, а затем начали медленно удаляться от края воды. Я услышал негромкий крик.

— Они напали на наш след, — сказал я и побежал вниз вдоль дороги, стараясь глубоко дышать. Через четыре шага — вдох, через четыре — выдох. Если так дышать все время, то можно бежать очень долго. Камни впились в мои голые ступни.

Я решил выйти на шоссе в надежде, что по асфальту бежать будет легче. Но Гастон схватил меня за руку.

— Нельзя, — проговорил он, тяжело отдуваясь. — У них здесь есть машина.

Сначала я не понял, о чем это он. Затем вдруг послышался шум приближающегося двигателя, и тьму пронзили лучи горящих фар, направленные на отдаленные верхушки деревьев: это автомобиль поднимался на мост с противоположной стороны реки. У нас было всего несколько секунд до того, как автомобиль пересечет мост и окажется на нашей стороне.

Впереди показалась изгородь. Всему конец. Мы остановились.

Затем я обнаружил, что изгородь огибает поперечную дорогу, соединяющуюся с нашей, метрах в семи. Может быть, на развязке будет дренажная труба.

Проржавевшая стальная труба диаметром около полуметра шла вдоль основной дороги, как раз на развилке. Я упал на землю и, цепляясь за траву, забрался в это укрытие. Звуки, производимые мною, гулко отдавались в трубе. Я продолжал двигаться к ее дальнему концу. Гастон пробирался позади меня. Я остановился и глянул через плечо. Гастон лежал внутри трубы на спине, забравшись в это укрытие всего на метр. Я увидел в его руке крупнокалиберный пистолет.

— Дружище, — шепнул я, — не стреляй без крайней нужды.

Фары автомобиля рыскали по верхушкам деревьев.

Автомобиль медленно пересек мост и поехал дальше по дороге. Я с облегчением вздохнул. И только собрался повернуться к Гастону и немного успокоить его, как вдруг недалеке от меня в канаву скатился камешек. Я замер. Слабое шарканье ног по гравию, другой камешек покотился, и затем луч — карманного фонарика, скользящий по траве вдоль кювета. Луч остановился возле дренажной трубы. Я затаил дыхание. Затем шаги стали ближе, и луч осветил мое плечо. Наступил напряженный момент тишины. Затем в моей руке совершенно непроизвольно оказался пистолет. В полусотне метров от меня на дороге виднелся автомобиль. Через мгновение я услышал вдох человека, собирающегося крикнуть. Я направил пистолет чуть правее фонарика и отдача едва не сломала мне руку. Фонарик упал и погас. Тело человека рухнуло. Я схватил его за ноги и потащил к трубе.

— Гастон, — прошептал я, — Где твоя рука?

Я помог ему вылезти из трубы, и мы вдвоем запихали туда труп.

— К автомобилю, — сказал я. Эта мысль казалась мне очень заманчивой. Я устал от погони. Мне очень хотелось, чтобы жертва превратилась в охотника!

Пригнув голову, я бежал по кювету. Гастон не отставал от меня.

Автомобиль стоял метрах в тридцати. На краю поля я насчитал три фонарика.

— Еще чуть ближе, — прошептал я. — Теперь — в разные стороны. Я пересеку дорогу и зайду с той стороны. Ты же подойди как можно ближе к автомобилю. Следи за мной и не вешай носа.

Я опрометью рванулся через дорогу — гротескная обнаженная фигура с грузом, болтающимся на плечах. Фары автомобиля были включены. Нас нельзя было заметить вне по-

лосы света, особенно, если глаза не привыкли к темноте. Я залег в канаве, морщась от боли: в темноте наступил на колючку. Человек возле меня описывал фонариком широкие круги, просматривая обочину дороги и поля. Не обращая на него внимания, без умолку трещали кузнечики.

Автомобиль немного сдал назад, развернулся и двинулся вперед.

Они, похоже, решили отрезать нас от шоссе и вернуться к реке, обыскивая берег метр за метром; пока никто не заметил отсутствие человека, лежащего неподвижно в стальной трубе. Автомобиль медленно ехал по мосту, заливая светом дорогу.

Я замер на дне кювета, когда свет прошел надо мной. Машина подъехала и остановилась как раз возле меня. Мне было отлично видно водителя, выглядывающего из-за ветрового стекла. Похоже, он искал человека, имевшего неосторожность осматривать кювет. Водитель открыл дверцу и вышел. Автомобиль был длинным, с тяжелым верхом. В свете мощных фар клубилась пыль и роилась мошкара.

Я поднял тяжелый камень, тихо сел на корточки и выполз из канавы. Водитель продолжал стоять, держась за дверцу и глядя поверх нее. Я подкрался к нему сзади и изо всех сил ударил камнем по черепу. Он тихо вскрикнул и упал на сиденье. Я толкнул его вглубь, прыгнул в кабину и закрыл дверцу. В темноте было очень трудно снять с убитого пиджак, но мне удалось это сделать. Я натянул его на себя и сел. Все было тихо. Три луча света продолжали рыскать по окрестностям. Двигатель машины тихо работал.

Я осмотрел управление. Нулевое колесо было посередине, на полу — три педали. Я легонько нажал на центральную — машина медленно двинулась вперед. Подрулив к правой стороне дороги, я медленно поехал вдоль нее. Гастон должен быть где-то здесь, подумал я. Я напряженно всматривался в темноту, но ничего не различал.

Мне пришлось остановиться. Ближайший фонарик раскачивался взад и вперед, двигаясь к мосту. Я погасил фары.

Теперь я видел уже несколько лучше. Фонарики справа от меня перестали двигаться, видимо, люди повернулись ко мне. Я приветственно помахал руками, решив, что они вряд ли смогут разглядеть мое лицо. Один из преследователей, казалось, был удовлетворен увиденным и возоб-

новил поиски. Другой принялся шарить лучом по автомобилю.

Раздался крик, и я увидел, что ко мне бежит Гастон. Все лучи скрестились на нем, когда он выскочил из шоссе.

— Быстрей, Гастон! — закричал я, забыв о маскировке.

Гастон махнул мне рукой, на берегу оглянулся на преследователей и прицелился из пистолета. Раздался выстрел, и один огонек резко упал на землю. Неплохой выстрел для “5-го калибра” — отметил я и рывком распахнул дверцу. Гастон вскочил на сиденье.

Позади раздался негромкий крик оставшегося в живых преследователя и сухой хлопок выстрела. Пуля с силой ударилась о толстый стальной кузов и с визгом срикошетила в сторону. Я нажал на левую и центральную педали. Автомобиль рванулся, но резко остановился. Еще одна пуля попала в боковое стекло, осыпав осколками мои волосы. Я снял ноги с педалей и еще раз попробовал завести машину.

Автомобиль рванулся вперед. Я включил фары и переключил регулятор скорости. Взвигнули шины. Впереди, спотыкаясь, бежал человек, который только что перемахнул через канаву, направляясь в нашу сторону. Всего лишь на мгновение в свете фар я увидел открытый от изумления рот на холеном белом лице, прежде чем оно исчезло из поля зрения. От удара нас сильно потрянуло.

Впереди вырисовывался высокий и узкий мост. Мы с ходу вылетели на самую высокую его часть и, не сбавляя скорости, устремились вниз. Сразу же за мостом дорога поворачивала влево.

На повороте вззвигнули шины.

— Да, Молот, это великолепно, — закричал от восторга Гастон. — Я никогда не ездил прежде на таких машинах!

— Я тоже! — крикнул я в ответ.

ГЛАВА XI

Ночь еще продолжалась. Главной нашей задачей было попасть в город за крепостной стеной. Дорога шла вдоль берега реки в самый его центр, как сказал мне Гастон. Вернее, это был даже не город. Диктатор обнес стеной часть города и считал ее своей крепостью. Это напоминало

средневековой город. Район за стеной было очень легко патрулировать и в случае необходимости перекрывать все ходы и выходы. Это, конечно, нисколько не защищало от нападения регулярной армии, но зато защищало от бунтовщиков.

— То есть, от нас. — сказал я громко. — Убийц и бунтовщиков.

— Это точно, шеф, — засмеялся Гастон.

На небе занималось зарево. Там был город, невидимый с дороги.

Окрестности казались необитаемыми.

Через двадцать минут мы очутились на разрушенной бомбардировщиками окраине города. Вокруг были одни развалины, лишь изредка то там, то здесь попадались бараки, построенные на скорую руку. Справа вырисовывалась громада замка, слабо освещенная огнями. Что творилось за стеной — известно только старинному массивному зданию. Байард пристроил флигели и подземную башню.

Я выключил фары. Мы с Гастоном молча смотрели в тишину. Как нам прорваться за стену? Гастон взглянул на нее.

— Слушай, Молот, — начал он. — Я пойду на разведку, а ты подожди здесь. У меня хорошая память, особенно на расположение домов и тому подобное, и я знаю эту часть города. Если есть такое место, где можно туда пробраться, я обязательно его найду. Будь внимателен и остерегайся уличных банд.

Я поднял стекло и запер дверцы на защелку. В развалинах, окружавших меня, не было заметно никаких признаков жизни. Только где-то мяукал кот.

Я тщательно проверил свою одежду. Исчезли оба лацкана.

Крохотная рация все еще была прикреплена к поясу, но без микрофона и репродуктора она была бесполезна. Я потрогал зуб с упрятым в него цианистым калием. Он все еще мог мне понадобиться.

Я задремал, но вскоре, как мне показалось, проснулся от легкого стука в лобовое стекло. К стеклу прижалось лицо Гастона. Я открыл дверцу и он плюхнулся на сиденье рядом со мной.

— Порядок, Молот, — устало сказал он. — Кажется, я нашел подходящее место. Мы пойдем по краю водосточной канавы туда, где она уходит под стену. Нам придется протиснуться в нее и, если все будет хорошо, выйдем уже по другую сторону стены.

Мы вышли из машины, и я последовал за Гастоном по выщербленным булыжникам к канаве. Запах от нее шел ужасный.

Гастон вел меня вдоль этого зловонного потока, пока над нами не нависла стена. Сюда не попадал свет из сторожевой башни. На верхней площадке башни стоял парень с винтовкой, наблюдавший за улицей по ту сторону стены, и освещенный двумя прожекторами.

Гастон наклонился к моему уху:

— Немного вони, Молот, но стена здесь довольно шершавая, так что, думаю, мы сможем пройти по краю.

Он соскользнул в канаву, нашел опору для ноги и исчез. Я скользнул за ним, стараясь зацепиться ногой за какой-нибудь уступ. Стенная кладка была грубой, с большим числом трещин и торчащих камней, но очень скользкая. Я продолжал двигаться наощупь. Мы прошли мимо места, где свет блеснул на поверхности темной воды, стараясь оставаться в тени. Затем мы снова оказались под стеной, нависшей над нами темной аркой. Журчание воды здесь было громче.

Я попробовал взглянуть, что делается впереди. Гастон осторожно спускался, его силуэт был едва различим. Я подошел поближе и вдруг увидел решетку из железных прутьев, полностью перекрывающую проход.

Я полез вверх к решетке, опираясь на ржавое железо. В системе обороны не было ни одной дыры, на что мы так надеялись.

Гастон отправился вниз и нырнул в канаву, пытаясь найти нижний край решетки. Может быть, мы сможем поднырнуть под нее?

Внезапно я почувствовал, что скольжу вниз.

Но я держался крепко — это скользила сама решетка! Она со скрежетом опустилась на четверть метра и с приглушенным лязгом остановилась. Ржавый металл не выдержал нашего веса. На левой стороне прутья были сломаны и хотя свободное пространство было слишком узким, родилась надежда его расширить.

Гастон уперся руками в стену и налег. Я занял место рядом с ним и добавил свой вес. Рама слегка повернулась, но недостаточно.

— Гастон,— предложил я,— может быть, попробовать подлезть под нее и налечь с другой стороны?

Гастон отступил, и я опустился в вонючую жижу. Я просунул руку под решетку, затем опустился до пояса... до груди, толкая решетку вверх. Грубый металл царапал лицо

и рвал одежду, но я не сдавался. И пролез-таки под решеткой.

Я выполз наверх, весь истекая дерьмом и источая соответственный аромат. Из тьмы позади Гастона раздался какой-то металлический лязг, и вдруг наше убежище наполнилось грохотом автоматных очередей. В проблемах выстрелов я увидел, как Гастон замер перед решеткой и... Он завис на одной руке, схватившись за перекладины. Выстрелы не прекращались, на каменный гребень стены выскочило несколько человек. Гастон дернулся и выхватил пистолет.

— Гастон, — позвал я, — Скорее под прутья...

Но это не имело смысла. Он был слишком велик, чтобы проползти.

Один из стражников, держась за гребень стены одной рукой, стал осторожно опускаться к проему, закрытому решеткой. Он осветил нас фонариком, и Гастон, продолжая висеть на одной руке, выстрелил в него. Стрелок упал в поток, подняв тучу брызг. Гастон, задыхаясь, крикнул:

— Это... все...

Пистолет выпал из его руки и тут же исчез в мутном потоке.

Я старался как можно быстрее лезть, скользя и цепляясь. Я не свалился камнем вниз только каким-то чудом. Две солдата тащили изо всех сил заклинившее в проеме тело. Даже в своей смерти Гастон прикрывал мой отход.

Я, прислонившись к стене, стоял с пистолетом в руке.

Улица была пустынной. Должно быть, охранники решили, что поймали нас в западню, и поэтому с этой стороны стены никого не было. Я отошел на несколько шагов и выглянул за угол. По площадке башни двигалась тень. Там до сих пор дежурил только один часовой. Это он, должно быть, услышал шум опускающейся решетки и поднял тревогу.

Я выглянул на улицу и узнал Оливковую аллею — ту улицу, по которой я уже имел счастье пройтись десятью днями ранее.

Она спускалась вниз, поворачивая направо. Именно туда я должен пройти — через открытую улицу, под огнем пулемета. Так хотелось немного побыть в тени башни, но этого нельзя было делать!

Я рванулся вперед, только бег мог спасти мою жизнь. Прожектор зашевелился, качнулся из стороны в сторону, обнаружил меня и отбросил мою тень на пыльные стены и булыжники. Инстинктивно я рванулся в сторону. И тут же затрещал пулемет, и пули засвистели по камням слева

от меня. Сейчас я был в тени и мчался под защиту стен, маячивших впереди. Круг света все еще искал меня, когда я нырнул за поворот. Я бежал в полной тишине.

Обитатели этих покрытых шрамами домов научились сидеть тихо за закрытыми ставнями, когда шла стрельба на узких улочках.

Далеко позади снова и снова слышался свисток часового.

Случайный выстрел взбил пыль впереди. Я продолжал мчаться.

Вдруг до меня донесся стук бегущих ног. Я быстро пробежал взглядом по темным лавчонкам, пустым и жалким, пытаюсь отыскать ту, к которой мы воспользовались в день ухода из дворца, и в которой восседала древняя старуха. Эта лавчонка, насколько я помнил, была крохотной, с обшарпанным серым навесом и черенками разбитых горшков, разбросанными перед дверью.

Я почти пробежал мимо, но вовремя спохватился, притормозил и нырнул под навес, едва справившись с жестким брезентом, с трудом нашел проем и протиснулся в него.

Теперь я тяжело дышал в крошечной мгле. Снаружи были слышны крики, топот ног. На некоторое время я получил передышку.

Им был неизвестен этот ход.

Я взглянул на часы. В этом мире войны все происходило слишком быстро — еще не было даже половины девятого. А ушел я из дому в половине седьмого. За эти два часа я убил двоих, и один отдал жизнь за меня. Я подумал, насколько легко человек может возвратиться к своему древнему ремеслу смертоносного охотника!

Внезапно в этой темноте на меня навалилась смертельная усталость. Я зевнул и сел на пол. Меня охватило неутолимое желание лечь и уснуть, но вместо этого я встал и наощупь двинулся по проходу. Я еще не завершил своего дела, хотя и достиг уже многого — я во дворце, не раненый и вооруженный. У меня было все, на что я имел право надеяться — шанс сразиться.

Я уже не был нетерпеливым новобранцем, я шел теперь как закаленный боец, ожесточенный необходимостью, как настоящий убийца. Я был вооружен, и мне нечего было терять. Я был весь в боевых шрамах. И я намеревался победить.

Через полчаса я приоткрыл дверь и выглянул в тот же самый коридор, куда меня высадили так опрометчиво две недели назад из шаттла Имперiums. Коридор не

изменился. Я вышел, осторожно закрыл за собой дверь и двинулся по коридору, прислушиваясь, чтобы не попасть в ловушку. Помня, в какой стороне лифт, я направился в противоположную сторону.

Увидев первую дверь, я осторожно нажал на ручку и, к своему удивлению, обнаружил, что она не заперта. Я осторожно заглянул внутрь и увидел, что это спальня. Войдя туда, я заметил при слабом свете светильников широкую кровать, большой письменный стол у дальней стены, встроенный шкаф, небольшое кресло и через слегка приоткрытую дверь — просторную ванную комнату. Я закрыл за собой дверь и пересек комнату, встав возле окон. На них были стальные ставни, упрятанные за шторами. Ставни, шторы и стены были зеленого цвета. Я закрыл ставни, подошел к столу и включил настольную лампу. В этот вечер мне уже чертовски надоело ходить впотьмах и наощупь.

Комната была красиво отделана, просторна, с пушистым серо-зеленым ковром на полу и несколькими акварелями на стенах. Внезапно я ощутил исходящий от меня запах. Я вывалился в грязи, нырнул в сточную канаву, полз по вековой пыли. Не задумываясь о последствиях, я швырнул одежду возле двери в ванную и отправился мыться.

Мылся я более получаса, а потом решил простирнуть мундир, ведь больше мне нечего было одеть. А потом напялил отличный купальный халат и вернулся в спальню.

Мое притупленное сознание подсказывало, что я поступаю опрометчиво. Я попробовал было встряхнуться, но не смог. Почему-то я чувствовал себя в полной безопасности, а так дело не пойдет, подумал я. Но ведь даже если я встану, что помешает мне заснуть стоя? В подтверждение этому я снова широко зевнул.

Я уселся на стул напротив двери и приготовился ждать. Последнее, что я помнил, это то, что я встал и выключил свет. Как я снова сел в кресло, я уже не помню.

ГЛАВА XII

Мне приснилось, что я лежу на берегу моря, и солнце весело играет на волнах. Оно слепит мне глаза, и я отворачиваюсь.

Наконец, мне это надоело, я заерзал в кресле, открыл глаза.

Голова у меня отчаянно гудела.

Я взглянул на бледно-зеленые стены комнаты, на серо-зеленый ковер. В комнате было тихо, и я не рисковал шевелиться, чтобы не разбудить боль, дремавшую в моем теле.

Дверь была открыта!

Я помнил, что выключил свет — и ничего больше. Кто-то включил его, кто-то открыл дверь. Я пробрался сюда, как убийца, и кто-то нашел меня спящим, когда силы покинули меня.

Я осторожно выпрямился и понял, что в комнате я не один.

Повернув голову, я увидел перед собой человека, который спокойно сидел в кресле слева от меня, руками сжимая подлокотники из красного дерева. Он улыбался. Мне показалось, что я смотрю в зеркало.

Я не шевелился, уставившись на него.

Его лицо было более худым, чем мое, и более морщинистым, кожа лица загорелая, а волосы — пожелтевшие под африканским солнцем. Но все-таки я смотрел на себя. Не на близнеца, не на двойника, не на прекрасного актера — это я сам сидел в кресле.

— Вы крепко спали, — сказал он. Мне показалось, что я слышу магнитофонную запись своего собственного голоса, но этот голос по-французски говорил безупречно.

Я шевельнул рукой. Мой пистолет все еще при мне. А человек, которого я пришел убить, сидит всего в трех метрах от меня — одинокий и беззащитный. Но я пока не готов стрелять. Возможно, вообще не буду готов...

— Вы достаточно отдохнули, — продолжал мой двойник, — или же еще немного поспите, прежде чем мы с вами побеседуем?

— Я отдохнул, — твердо ответил я.

— Я не знаю, как вы сюда попали, — сказал он. — Но достаточно того, что вы здесь. Я не знаю, что мне принесет этот поворот судьбы, но что может быть лучше, чем найти брата.

Не знаю точно, каким я ожидал встретить диктатора Байарда — мрачным негодяем, хитрым интриганом, маньяком с выпученными глазами.

Но я никак не ожидал встретить во плоти образ самого себя с добродушной улыбкой и изысканной манерой речи — человека, назвавшего меня братом.

Он посмотрел на меня с выражением крайнего интереса.

— Вы отлично говорите по-французски, но маленький английский акцент все же слышится,— усмехнулся он.— Или, возможно, американский? А? Простите мое любопытство. Лингвистика, акценты — все это мое хобби, а в данном случае я заинтригован вдвойне.

— Я — американец.

— Забавно. Я мог бы и сам родиться в Америке — но эту длинную скучную историю я расскажу вам как-нибудь в другой раз.

В этом нет никакой необходимости, подумал я, когда я был мальчиком, мой отец часто рассказывал мне эту историю.

Он продолжал. Голос его был сильным, но дружелюбным.

— Мне сказали, когда я вернулся в Алжир десять дней назад, что здесь видели человека, очень похожего на меня. В моем кабинете были найдены два трупа. Все это вызвало большой переполох, и, как это часто бывает, поползли разные слухи, но я был поражен разговорами о своем двойнике. Я хотел встретиться с ним и побеседовать, я столько времени здесь совершенно один. Эти толки расшевелили мое воображение. Конечно, я не знал, что привело этого человека сюда,— Байард развел руками.— Но когда я вошел в эту комнату и обнаружил, что вы здесь уснули, я сразу же понял, что вы пришли сюда только с дружбой. Я был тронут, увидев, что вы пришли сюда по доброй воле, вверив себя в мои руки.

Я ничего не мог сказать в ответ, да по правде говоря, и не пытался.

— Когда я зажег лампу и увидел ваше лицо, я сразу же понял, что здесь больше, чем внешнее сходство. Я увидел свое собственное лицо. Не столь ожесточенное войной, как мое, не столь морщинистое, но ясно ощущалось кровное родство, и я понял, что вы — мой брат!

Я облизал пересохшие губы, сглотнул слюну. Байард наклонился ко мне, положил свою руку на мою и, крепко сжав ее, посмотрел в глаза. Затем со вздохом откинулся на спинку кресла.

— Простите меня, брат. Я в последнее время стал вспыльчивым, красноречивым и даже напыщенным. От этой привычки очень тяжело отвыкнуть. Думаю, у нас будет еще время, чтобы обсудить все планы на будущее. Лучше расскажите, пожалуйста, о себе. Я уверен, что в вас течет кровь Байардов.

— Да. Это моя фамилия.

— Вы, должно быть, очень стремились попасть сюда, раз вам это удалось сделать одному и без оружия. Никто прежде не переходил за стену без сопровождения и множества документов.

Я не мог дальше молчать, но и о цели моего визита рассказать тоже не мог. Я напомнил себе о том приеме, каким он удостоил имперских послов, обо всем том, что рассказывал Вейл в первое утро на встрече у Бернадотта.

Однако сейчас я обнаружил не того безжалостного тирана, которого ожидал увидеть. Совсем наоборот, я понял, что его неожиданное дружелюбие находит отклик в моей душе.

Я должен был что-то сказать. И на помощь пришел мой дипломатический опыт — и вот я уже вру без запинки.

— Вы правы, думая, что я могу помочь вам, Брайан,— сказал я и сам удивился той легкости, с какой назвал его по имени.— Однако, с другой стороны, вы заблуждаетесь в том, что ваше государство является единственным уцелевшим очагом цивилизации в этом мире. Есть еще другая, сильная, динамичная и дружественная держава, которая хотела бы установить с вами дружественные отношения. Я и являюсь эмиссаром правительства этой державы.

— Но почему же вы не пришли ко мне в открытую? Способ, который вы избрали, хотя и смелый, но чрезвычайно опасный. Видимо, вы узнали, что меня окружают вероломные предатели, и боялись, что враги мои не допустят вас ко мне.

Ему так нетерпелось понять меня, что он сам отвечал на поставленные им же вопросы. Наступил удобный момент рассказать о тех двух агентах Бейла, у которых были дипломатические удостоверения и которых подвергли избиению, пыткам и, в конечном итоге, убили.

— Я помню, что двум нашим людям, посланным к вам год назад, был оказан не очень теплый прием,— вслух сказал я.— У меня не было уверенности, что примут меня дружелюбно. И поэтому мне пришлось повидаться с вами лично, без свидетелей, лицом к лицу.

Лицо Байарда вытянулось.

— Два человека? — протянул он.— Я ничего не слышал ни о каких послых.

— Их сначала встретил генерал-полковник Янг,— сказал я,— а впоследствии с ними имел беседу лично диктатор.

Байард покраснел.

— То есть, один пес из разжалованных офицеров, возглавляющий банду головорезов, совершавших налеты на жалкую торговлю, которую я в состоянии поддерживать. Вот его-то имя — Янг. Если это он сорвал дипломатическую миссию, посланную из вашей страны, я приложу все усилия для его поимки и подарю вам его голову.

— Говорят, что вы собственноручно застрелили одного из них.

Байард вцепился в поручни кресла, смело глядя мне в лицо.

— Я клянусь тебе, брат, честью семьи Байардов, что до этого момента я ничего не слышал о ваших посланниках и что никакими действиями я не причинял им вреда.

Я верил ему. Теперь многое стало интересовать меня. Он, казалось, был искренним, приветствуя союз с цивилизованной державой. И все же я сам видел кровавую бойню, учиненную его налетчиками, и атомную бомбу, которую они пытались взорвать.

— Очень хорошо, — сказал я. — От имени моего правительства я принимаю к сведению это заявление, но если мы договоримся с вами, какие гарантии будут нам даны, что налеты и бомбардировки больше не повторятся?

— Налеты? Бомбардировки? — он в недоумении смотрел на меня.

Поняв, что я не лгу, он произнес:

— Слава богу, что вы пришли ко мне ночью. Теперь ясно, что контроль за происходящим выскользнул из моих рук.

— Было семь налетов, четыре из них сопровождалось атомной бомбардировкой, и это только за последний год, — кивнул я головой. — Самый последний был менее месяца назад.

Его голос стал страшным:

— По моему приказу каждый грамм расщепленных материалов, о существовании которых мне известно, был захоронен в море в тот же день, когда я основал это государство. Я знал, что у меня на службе немало предателей, но что есть безумцы, которые снова начинают творить этот ужас, даже представить себе не мог!

Он обернулся и уставился на висевшую на противоположной стене картину с изображением солнца, играющего в листья деревьев.

— Я боролся с ними, когда они сжигали библиотеки, плавили статуэтки работы Челлини, топтали Монну Лизу в руинах Лувра. Я спасал один фрагмент там, другой оско-

лок здесь, говоря себе при этом, что еще не слишком поздно. Но годы проходили и не приносили перемен.

Наступил крах промышленности, сельского хозяйства, семьи. Даже среди изобилия людей заботили только три вещи: золото, спиртное и женщины.

Я должен признаться, что уже почти потерял всякую надежду. Я пытался возродить дух восстановления, чтобы избежать того дня, когда грабежи опустошат склады, но это все было тщетно. Только мое жестокое военное правление удерживает этот мир от полной анархии. Повсюду вокруг меня — разложение. В моем собственном доме, среди ближайших советников, я только и слышу разговоры о гонке вооружения, карательных экспедициях, подавлении, возобновлении войны с остатками человечества. Напрасная война, бессмысленное сверхгосподство. Они надеялись потратить наши скудные ресурсы на дальнейшее уничтожение любых следов, оставшихся от достижений человечества, только для того, чтобы склонить его перед нашей верховной властью.

Когда он посмотрел на меня, я вспомнил выражение “лучезарный взгляд”.

— Теперь мои надежды возрождаются, — сказал он. — Вместе с братом мы сможем одержать победу.

Я обдумывал это. Имериум дал мне полномочия. И я мог воспользоваться ими по своему усмотрению.

— Могу заверить вас, — начал я, — что самое худшее уже позади. У моего правительства неистощимые ресурсы, вы можете просить все, что вам нужно — людей, снаряжение, оборудование. Мы же просим у вас только одного — дружбы.

Он откинулся назад, закрыв глаза.

— Долгая ночь кончается. — тихо прошептал он.

Еще многое предстояло обсудить. Я был уверен, что Байарда оклеветали перед Империиумом. Меня ошеломило, что Имперская Разведка была введена в такое заблуждение. Ведь Бейл говорил, что имеет здесь усиленную группу лучших агентов. Существовала также проблема переброски меня назад в мир 0-0, мир Империиума. Байард совсем не упомянул об аппаратах Максони-Копини.

Размышляя над его словами, я пришел к выводу, что он говорил так, будто они вовсе не существовали. Может быть, он все-таки утаивал их от меня, несмотря на внешнюю искренность?

Он открыл глаза.

— Мы, кажется, уже достаточно времени уделили государственным делам,— засмеялся он.— Думаю, неплохо было бы отпраздновать нашу встречу. Не знаю, разделяете ли вы моё желание попировать, пользуясь таким случаем?

— Я очень люблю есть ночью,— засмеялся я,— особенно, когда днем не успеваю пообедать.

— Вы — истинный Байард,— в тон мне отозвался Брайан и, протянув руку к стоящему возле меня столику, нажал кнопку. После этого он откинулся на спинку кресла, соединив кончики пальцев перед грудью.

— И поэтому мы должны теперь подумать о меню,— задумчиво проговорил он, поджав губы.— Надеюсь, вы не будете против, если я возьму на себя выбор блюд. Посмотрим, похожи ли наши вкусы так же, как мы сами.

— Отлично! — кивнул я.

Раздался слабый стук. Как только Брайан отозвался, дверь открылась и вошел человек лет пятидесяти, невысокий, с печальным лицом. Увидев меня, он пришел в замешательство, затем лицо его стало бесстрастным. Он подошел к креслу диктатора, выпрямился и произнес:

— Я постарался прийти как можно быстрее, майор.

— Чудесно, чудесно, Люк,— поднял успокаивающим жестом руку Байард.— Вольно. Мой брат и я голодны, и я хочу чтобы ты, Люк, постарался представить нашу кухню в лучшем виде перед таким гостем.

Краешком глаза Люк взглянул в мою сторону.

— Я уже отметил, что господин чем-то похож на майора,— сказал он.— Вернее, поразительное сходство. Что ж,— он перевел глаза на потолок.— Я полагаю, что можно начать с очень сухой мадеры 1875 года. Затем мы возбудим ваш аппетит устрицами под винным соусом “Шабли Нудезар”. Думаю, что осталось немного из урожая 29 года.

Я подался вперед. Все это звучало весьма заманчиво. Раньше мне уже доводилось пробовать устрицы, но вина здесь были настолько изысканными, что я о таких только слышал.

— ...Двойной бульон из печени. К первому блюду подадим красное бургундское, “Конти” 1904 года.

Брайан внимательно выслушал все меню и дал свое добро. Люк тихо удалился. Если он сможет ничего не забыть из всего этого, то он именно тот официант, о котором можно только мечтать.

— Люк при мне находится очень давно,— заметил Брайан,— перехватив мой взгляд, направленный вслед удаляющемуся слуге.— Он преданный друг. Вы заметили,

что он называет меня майором? Это было мое последнее официальное звание во французской армии перед крушением. Позднее меня выбрали командиром полка уцелевших после Гибралтарской битвы вояк, когда мы поняли, что брошены на произвол судьбы. Когда я взял на себя бремя командующего, мои последователи присваивали мне все более высокие титулы. Признаюсь, что некоторые из них я и сам себе присвоил. Поверьте, что это было необходимой психологической мерой. Но для Люка я всегда оставался майором. Сам же он был старшим поваром нашего полка.

— Мне почти неизвестно, что происходило в последние годы в Европе, — сказал я. — Не могли бы вы меня проинформировать?

Он задумался.

— Это были годы непрерывного скольжения под уклон. И все это началось с самого первого дня несчастного Мюнхенского мира, в 1939 году. Америка едва противостояла Срединным державам, и поэтому пала после массированного нападения. Казалось, что мечта кайзеров о господстве Германии над миром близка к осуществлению. Но вскоре в покоренных странах вспыхнули восстания. Я получил звание старшего лейтенанта французской армии, когда Франция начала партизанскую войну. Мы были передовым отрядом организованного сопротивления в Европе, и нашему примеру последовали во многих странах. Люди больше не желали быть рабами. В те дни мы были полны радужных надежд.

Но проходили годы и безысходность изматывала нас. Наконец, во время какого-то дворцового переворота кайзер был свергнут, и мы решили использовать предоставившуюся возможность для последнего штурма. Я вел свой батальон на Гибралтар, когда получил пулеметную очередь возле самого берега.

Я никогда не забуду те часы агонии, когда я лежал в полном сознании в палатке хирурга. Морфий уже давно закончился, врачи старались поскорее вернуть бойцов на поле боя, занимаясь лишь легкими ранениями. Я же уже не мог воевать и мною занялись лишь после всех. Это было логично, но тогда я не хотел этого понимать.

Я восхищенно слушал его.

— Когда вас ранило? — поинтересовался я.

— Этот день я никогда не забуду, — сказал он. — 15 апреля 1945 года.

Я был ошарашен. Я сам был ранен пулей из немецкого пулемета под Веной и долго дожидался, пока врачи мне

помогут — и это тоже было 15 апреля 1945 года. Пожалуй, это было больше, чем простое сходство. Это было страшное родство, соединившее жизнь этого Байарда с моей даже через невообразимую пропасть Сети.

Мы покончили с бренди 1855 года, но продолжали сидеть и беседовать. Мы излагали друг другу честолюбивые планы возрождения цивилизации. Мы наслаждались общением друг друга, и напряженность между нами давно спала. Мне кажется, я задремал. Что-то вскоре разбудило меня.

Заря уже осветила небо. Брайан молча сидел, сердито нахмутив брови. Он был весь, как на пружинах.

— Слышите?

Я прислушался. Мне почудился отдаленный крик и глухой взрыв.

— Все не так уж хорошо, — ответил он на мой немой вопрос.

Я встал и принялся ходить по комнате. От выпитого у меня кружилась голова. Раздался громкий крик в коридоре, странно знакомый хлопок.

Через мгновение дверь затряслась, затрещала и распахнулась.

В проеме стоял главный инспектор Бейл. Худой, в туго затянутом черном мундире, с бледным от возбуждения лицом. В правой руке он держал длинноствольный маузер. Взглянув на меня, он сделал шаг назад, поднял пистолет и выстрелил. Но еще за мгновение до выстрела я уловил стремительное движение справа от себя. Полузакрыв меня своим телом, Брайан рухнул, сраженный пулей. Я посмотрел на него, ничего не соображая, лишь бессознательно отметив, как несовершенны были его протезы, видневшиеся из-под задранных штанин. Я наклонился и подхватил его за плечи. Из-под воротника расплывалось кровавое пятно. Слишком много крови. Вместе с кровью его покидала и жизнь. Он смотрел мне прямо в лицо до тех пор, пока не угас свет разума в его глазах.

ГЛАВА XIII

— Убирайся, — прорычал Бейл. — Тыфу, черт, не везет. Мне нужна была эта свинья живой, для виселицы.

Я медленно встал. Инспектор смотрел на меня, кусая губы.

— Я хотел убить именно тебя, а этот дурак поменялся с тобой жизнями.

Казалось, он разговаривает сам с собой. Теперь я узнал этот голос, но, пожалуй, слишком поздно: Большим Боссом был Бейл! И ввело меня в заблуждение то, что он говорил по-французски.

— Хорошо,— вдруг сказал Бейл решительно.— Думаю, он сможет обменяться с тобой и смертями тоже. Ты будешь повышен вместо него. Я все-таки устрою цирковое представление. Мне помнится, ты собирался занять его место, так вот, эта возможность тебе представится.

Бейл прошел в комнату, жестом позвав за собой остальных. В дверь ввалились отъявленные головорезы, они рыскали глазами по комнате, ожидая приказов своего шефа.

— Отведите его в камеру,— приказал Бейл, указав на меня рукой.— И предупреждаю тебя, Кассу, держи свои гнусные руки подальше от него. Мне он нужен для хирурга! Понял?

Кассу что-то хрюкнул, схватил меня за руку так, что затрещали суставы, и потащил мимо тела мертвого человека, о котором я начал думать, как о брате, всего несколько часов назад.

Меня провели по коридору, впихнули в лифт, протащили через толпу беснующихся вооруженных бандитов, спустили вниз по каменным ступеням, провели через сырой туннель в стене и в конце этого путешествия швырнули в темную камеру.

Мой потрясенный разум работал вовсю, стараясь постичь случившееся. Бейл? И не двойник! Ему известно, кто я. Это объясняло недавнее точное нападение на дворец и отсутствие среди его защитников Бейла. Он надеялся, конечно, что я буду убит. Это значительно упростило бы дело. И дуэль! Прежде я никак не мог понять, почему глава разведки так жаждет убить меня, когда я столь необходим для осуществления замыслов правительства в отношении диктатора. И вся эта ложь о чудовищности Байарда из мира В-1-два была сфабрикована Бейлом с целью не дать установиться дружеским отношениям между Империеумом и этим несчастным миром.

Но зачем? — Неужели Бейл замышлял стать правителем этого ада, сделав его своей личной вотчиной? Что ж, возможно...

И я понял, что Бейл совсем не намеревался удовлетвориться одним этим миром. Это была только база для

расширения его замыслов. Здесь он находил бойцов, оружие, даже атомные бомбы. Бейл сам был организатором налета на Империиум. Ему удалось, похоже, выкрасть аппараты или их комплектующие части и переправить сюда, в мир В-1-два, чтобы сначала заняться пиратством. А потом наверняка должен был последовать штурм самого Империиума — широкомасштабное нападение, несущее атомную смерть. Люди Империиума шли бы в бой против атомных пушек в красочных мундирах с кортиками и саблями в руках.

Как же я не понял всего этого раньше? Фантастически малая вероятность разработки МК-аппаратов без внешней помощи в этом превращенном в руины мире В-Т-два сейчас уже казалась очевидной. В то время, когда мы заседали на совещаниях, планируя ответные действия против налетчиков, их главный вдохновитель сидел вместе с нами! Неудивительно, что вражеский шаттл подстерегал меня в засаде, ожидая, когда я начну свою миссию.

Обнаружив меня в доме, где я встречал Гастона, он сразу же понял, как лучше всего меня использовать. Но я сбежал, спутав его планы.

Я мог только гадать, все ли государство в его руках, и зачем ему понадобилась показательная казнь диктатора?

Теперь мне висеть вместо Байярда на веревке. Я вспомнил слова Бейла: он мне нужен для хирурга! Значит, лоханка все-таки пригодится. Здесь очень многие знали секрет диктатора, и висящее тело с ногами могло бы возбудить нежелательные сомнения.

Они накачают меня наркотиками, сделают операцию, забинтуют обрубки ног, пристегнут протезы, оденут в мундир диктатора и повесят. Просто труп здесь не пройдет. Публика должна воочию увидеть диктатора живым до того, как ему на шею набросят петлю.

Я услышал шаги и увидел мерцающий свет сквозь решетку на окошке в двери. Возможно, уже несут пилы и большие ножницы.

Двое остановились у двери камеры, открыли ее и вошли внутрь. Один из них бросил что-то на пол.

— Надень это,— сказал он.— Босс сказал, чтобы ты надел это до того, как пойдешь на виселицу.

Я увидел свой старый мундир, тот, который я стирал. Теперь он, во всяком случае, чистый, подумал я. Странно, что такие пустяки все еще имеют для меня значение.

Меня подтолкнули ногой.

— Надевай, я тебе говорю!

— Хорошо,— согласился я. Я снял халат и натянул легкий шерстяной китель и брюки, пристегнул пояс. Башмаков не было. Я понял, что Бейл считает, что они мне уже не понадобятся.

— О'кей,— сказал один из них. Они ушли.

Снова щелкнул замок. Свет в коридоре постепенно угасал.

Наступила полная тьма.

Я расправил оборванные лацканы. Коммуникатор не сможет помочь мне. Мои пальцы нащупали оборванные провода — крохотные волоски торчали из рваных краев материи. Как ругался Красавчик Джо, когда отрезал лацканы!

Руки у меня затряслись от пробудившейся надежды. Я вертел в руках провода, прикладывая их друг к другу. Искра. Еще одна. Я попытался сосредоточиться. Сам коммуникатор все еще был прикреплен к поясу, динамик и микрофон пропали, но источник питания был на месте. Была ли возможность, соприкасая проводки друг с другом, дать сигнал? Я этого не знал. Я мог только попытаться. Я не знал ни азбуки Морзе, ни любого другого кода, но я знал сигналы SOS. Три точки, три тире, три точки. Снова и снова повторял я сигнал.

Прошло много времени. Я соединил проводки и ждал. Я почти свалился с койки, заснув на мгновение. Я не мог остановиться — я должен пробовать, пытаться, пока у меня еще есть время.

Я услышал их далекую поступь, слабый скрип кожи по пыльным камням, звон металла. Во рту у меня пересохло, ноги задрожали. Я подумал о полом зубе и провел по нему языком. Вот и наступило его время. Интересно, каков вкус яда? И будет ли при этом больно? Неужели Бейл забыл об этом? Или он не знал?

Раздались еще какие-то звуки в коридоре: громкие голоса, шаги, лязг чего-то тяжелого, тягучий скрежет. Должно быть, они замышляют поставить операционный стол прямо здесь, в камере, подумал я. Я подошел к узкому окошку в двери и выглянул, но ничего не увидел. Абсолютная тьма.

И вдруг ярко зажегся свет, я даже подскочил от неожиданности.

Поднялся шум, затем кто-то завопил. Им, видимо, пришлось чертовски долго тащить его по узкому проходу, подумал я. У меня разболелись глаза, дрожали ноги, резко схватило желудок.

Я начал икать. Лишь бы не развалиться на части. Вот теперь, похоже, настал черед зуба. Я подумал, как будет разочарован Бейл, когда обнаружит в камере мой труп. От этой мысли мне стало немного легче, но я все еще колебался. Я не хотел умирать. Мне все еще хотелось жить.

Затем совсем рядом со мной, там за дверью, в коридоре, кто-то громко крикнул:

— Фончай!

Моя голова дернулась. Мое кодовое имя! Я попробовал закричать, но захлебнулся.

— Да,— прохрипел я, метнувшись к решетке.

— Фончай! Куда это тебя черти...

— Сюда! — завопил я.— Сюда!!!

— Внимание, человек! — сказал кто-то там, за дверью.— Отойдите в дальний угол и прижмитесь к стене.

Я повернулся и прилип к стене, прикрыв голову руками. Раздался резкий свистящий звук, и мощный взрыв потряс пол подо мной. Меня обсыпало колючей штукатуркой и пылью, песок заскрипел на зубах. Дверь с грохотом рухнула внутрь камеры,

Чьи-то руки сгребли меня и поволокли через клубящуюся пыль наружу, на свет. Ноги меня едва несли, я спотыкался об обломки стены, валявшиеся на полу.

Вокруг какой-то массы, перегородившей проход, сновали люди. Под углом к стене возвышался огромный ящик с широко распахнутой дверью. Оттуда струился яркий свет. Чьи-то руки помогли мне пролезть в дверь, и я увидел провода, катушки, соединительные коробки, прикрепленные скобами к некрашенному светлому дереву. Люди в белой форме сгрудились на узком пространстве, помогая мне побыстрее забраться внутрь.

— Все по счету, — закричал кто-то. — Ищите кнопку, да побыстрее!

Прозвучал выстрел, и пуля отколола от дерева несколько щепок. Дверь со звоном закрылась, и ящик задрожал. Грохот превратился в оглушительный вой, делающий все пронзительней и пронзительней, пока не пересек пределов слышимости.

Кто-то схватил меня за руку.

— Бог мой, Брайан, какие кошмары вы, должно быть, перенесли в этом ужасном мире!

Это был Рихтгофен.

— Теперь все позади,— засмеялся я.— Вы прибыли удивительно точно, сэр.

— Мы круглосуточно прослушивали вашу волну, надеясь поймать какой-нибудь сигнал от вас,— кивнув головой Манфред.— Мы не теряли надежды. Четыре часа назад наш оператор принял на вашей волне какое-то попискивание. Мы проследили за его направлением и обнаружили, что оно исходит из винных подвалов.

Патрульный шаттл не смог бы поместиться здесь — он довольно громоздкий. Поэтому мы сколотили вот этот ящик и прибыли сюда.

— Быстрая работа.— сказал я, подумав об опасностях путешествия через убийственную Зону Поражения в этом, наспех сколоченном из сосновых досок, ящике. Я почувствовал гордость за людей Империиума.

— Дайте место полковнику Байарду, друзья,— сказал кто-то. Мне освободили место на полу, подстелив для удобства чей-то китель. Я улегся на этот импровизированный матрац и сейчас же отключился. Сквозь сон я слышал голос Рихтгофена, но смысла слов не понимал.

Что-то меня беспокоило во сне, что-то я хотел сказать. О чем-то предупредить Рихтгофена, но никак не мог вспомнить.

ГЛАВА XIV

Я лежал на чистой постели, комнату заливал солнечный свет. Эта комната была немного похожа на другую, где не так давно я тоже приходил в себя, с той только разницей, что сейчас у моей кровати сидела Барбро и вязала лыжную шапочку из красной шерсти. Она сделала высокую прическу, и солнце, медно-красное солнце, просвечивало через это удивительное сооружение. У нее был нежный взгляд, безукоризненные черты лица, и мне нравилось лежать и смотреть на нее. Она приходила ко мне каждый день и читала мне, беседовала, кормила меня бульоном и взбивала мои подушки. Мое выздоровление шло быстро.

— Если бы ты был умницей, Брайан,— сказала она как-то,— и съел бы весь бульон, то, наверное, к завтрашнему вечеру у тебя было бы достаточно сил, чтобы принять приглашение короля.

— Ну что ж,— засмеялся я.— Договорились.

— Императорский бал,— пояснила Барбро,— наиболее выдающееся событие года. Все три короля и император вместе со своими женами придут на праздник.

Я не ответил. Существовало нечто, что я никак не мог осознать. Я оставил все проблемы, связанные с миром В-И-два, людям из Разведки Империиума, но относительно Бейла я знал несравненно больше, чем они! Я думал о последнем крупном событии — императорском празднике и возможном нападении. Полагаю, что на этот раз у каждого мужчины будет крохотный пистолет, такой, как у меня под расшитыми рукавами. Но тогда сражение в зале было просто отвлекающим маневром, организованным для того, чтобы команда головорезов могла установить в саду атомную бомбу.

Я резко выпрямился. И бомбу передали Бейлу! Поскольку сейчас Империиум наблюдал за неопознанными аппаратами Максони, возможность для неожиданного нападения полностью исключалась. Но теперь ведь не нужно было привозить сюда бомбу! Бейл располагал ею здесь!

— Что с тобой, Брайан? — спросила Барбро, наклоняясь ко мне.

— Что сделал Бейл с той бомбой, — спросил я, — которую пытались установить в летнем дворце? Где она сейчас?

— Не знаю. Ее передали инспектору Бейлу.

— Когда прибывают королевские семьи для участия в императорском бале? — перебил я ее.

— Они уже в городе. Во дворце Дроттинхольм.

Я почувствовал, как мое сердце забилось чаще. Бейл не упустит такой возможности. Раз три короля здесь, в городе, и где-то неподалеку упрятана атомная бомба, то он должен действовать. Одним ударом он может уничтожить все руководство Империиума, а уж затем идти на штурм. Против его атомного оружия сопротивление бессмысленно.

— Позови Манфреда, Барбро, — попросил я. — Скажи ему, что необходимо найти бомбу. Короли должны покинуть Стокгольм, и бал нужно отменить. Иначе...

Барбро кивнула и бросилась к телефону.

— Его нет на месте, Брайан, — сказала она через мгновение. Может быть, позвонить Берингу?

— Давай!

Я начал было говорить, чтобы она поторопилась, но она уже быстро разговаривала с кем-то из конторы Беринга. Барбро все понимала с полуслова.

— Его тоже нет, — печально сказала она. — Кому же еще можно позвонить?

Я был взбешен. Манфред или Беринг поверили бы мне. С их приближенными дело могло быть улажено не столь быстро. Отменить празднество, побеспокоить королевские

семьи, взбудоражить весь город — все это было достаточно рискованным. Вряд ли кто-нибудь решится на это только на основании смутных подозрений.

Я должен, обязан был как можно скорее разыскать своих друзей — или найти Бейла.

Я знал, что Имперская Разведка уже начала поиски этого ренегата, но пока безуспешно. Квартира его была пуста, так же, как и маленькая дача в живописном пригороде Стокгольма. С другой стороны, дежурные наблюдатели не засекли ни одного из принадлежащего Империиу шаттла, двигавшегося по Сети.

Было несколько возможностей. Во-первых, Бейл мог вернуться почти одновременно со мной, проскользнув прежде, чем прояснилось положение, тогда, когда на станции слежки еще работали его люди. А во-вторых, он мог спланировать свое прибытие так, чтобы задержать атакующих, пока он не взорвет бомбу. Или, возможно, за него это мог сделать сообщник?

Почему-то мне больше нравилось первое. Это больше соответствовало Бейлу — хитро, но не так опасно. Если я прав, то, значит, Бейл сейчас здесь, в Стокгольме, ожидая часа, когда бы взорвать город.

Что же касается этого часа, то ему необходимо дожидаться императора. Вот когда в город прибудет император...

— Барбро,— крикнул я.— Когда прибывает император?

— Я точно не знаю, Брайан,— ответила она.— Возможно, сегодня вечером, но скорее всего, даже днем.

Значит времени у нас совсем мало. Я вскочил с кровати и пошатнулся.

— Я пойду, несмотря ни на что,— сказал я твердо, предугадав возможный протест Барбро.— Я не могу просто так лежать здесь и ждать, пока город взлетит на воздух! Ты на автомобиле?

— Да, моя машина внизу. Сядь и позволь тебя одеть. — Она пошла к шкафу. Мне казалось, что я всегда спохватываюсь слишком поздно. Всего несколько дней назад у меня так же дрожали ноги, как сейчас! Барбро вернулась, держа в руках коричневый костюм.

— Это все, что здесь есть. Это мундир диктатора, в нем тебя доставили в госпиталь.

— Отлично. Подойдет!

Барбро помогла мне одеться, и мы быстро покинули комнату.

Проходящая мимо сестра мельком взглянула на нас и пошла дальше. У меня страшно кружилась голова, и я беспрестанно вытирал со лба пот.

В лифте мне стало немного лучше. Я опустился на скамью, тряся головой. В нагрудном кармане я почувствовал что-то жесткое и вдруг отчетливо вспомнил, как Гастон дал мне карточку, когда мы в сумерках убежали из того страшного дома в окрестностях Алжира. Он сказал, помнится, что на ней записан адрес загородной резиденции Большого Босса. Я схватил кусочек картона и в тусклом свете лампочки, прикрепленной к потолку кабины лифта, прочел: Остермальмегатен, 73.

Адрес был нацарапан плохо заточенным карандашом. Тогда это было несущественно, зато сейчас...

— Что это, Брайан? — прервала мои размышления Барбро.— Ты что-то нашел?

— Не знаю,— задумчиво сказал я.— Может, это тупик, а может быть, и нет!

Я передал ей записку.

— Ты знаешь, где это?

Она прочла адрес.

— Думаю, что смогу найти эту улицу,— кивнула она.— Это недалеко от порта, в районе складов.

— Поехали туда,— нетерпеливо сказал я, пламенно желая верить, что еще не поздно.

Автомобиль с визгом обогнул угол и поехал по улице, с обеих сторон которой на нас угрюмо смотрели слепые окна фасадов складов с метровыми буквами названий владевших ими судоходных компаний.

— Вот эта улица,— сказала Барбро.— В записке номер 73!

— Точно,— кивнул я головой.— Это — 73. Остановка здесь.

Мы вышли на посыпанный песком тротуар. Вокруг было тихо.

Солоноватый воздух пах смолой и пенькой.

Я взглянул на дом перед собой. Это был склад какой-то компании, длинное название которой я не собирался изучать сейчас.

Перед погрузочной платформой была небольшая дверь. Я подошел к ней и нажал ручку. Заперто.

— Барбро,— позвал я девушку,— принеси мне ручку домкрата или монтировку из машины.

Мне не хотелось впутывать Барбро в эти дела, но другого выбора не было. В одиночку мне ничего не сделать.

Она вернулась со стальной полосой длиной в полметра. Я просунул ее в щель и нажал. Что-то щелкнуло, и дверь рывком распахнулась.

В полумраке была видна лестница, ведущая наверх. Барбро взяла меня за руку, и мы двинулись вперед. Физическое напряжение отвлекло меня от мысли, что в любую секунду над Стокгольмом может вспыхнуть второе солнце.

Мы достигли площадки. Перед нами была красная дверь, очень добротная, с новым замком. Я взглянул на петли. У них вид был похуже.

Возня с дверью отняла минут пятнадцать.

— Подожди здесь, — сказал я, входя в коридор.

— Я пойду с тобой, Брайан, — заявила Барбро. У меня не было сил спорить с ней.

Мы очутились в просторной комнате, обставленной слишком роскошно. Персидские ковры устилали пол, солнце, пробиваясь через ставни, сверкало на полированной мебели тикового дерева. На темных полках под японскими миниатюрами стояли тщательно отполированные статуэтки из слоновой кости. Посреди комнаты располагалась богато украшенная ширма. Я обошел вокруг обитого парчей дивана и заглянул за ширму. На легкой подставке из алюминиевых стержней покоилась бомба.

Две тяжелые литые детали, соединенные болтами с центральным фланцем, несколько проводов, идущих к небольшому металлическому ящику сбоку. По центру одной из выпуклостей виднелись четыре небольших отверстия, образующие квадрат. Вот и все. Но эта вещь вполне могла бы сотворить гигантский кратер на месте города. У меня не было способа определить, есть ли внутри заряд, или нет. Я наклонился к бомбе, прислушиваясь. Тиканья часового механизма не было слышно. Я решил было перерезать провода, которые могли быть своего рода предохранительными устройствами, но это могло включить пусковое устройство.

— Она здесь! Но когда настанет ее время? — вслух подумал я.

У меня возникло чувство нереальности, как будто я уже стал дымком раскаленного газа.

— Барбро, обыщи помещение, — сказал я. — Может быть, тебе удастся найти какой-нибудь намек. А я позвоню в учреждение Манфреда и подниму по тревоге специалистов, пусть они скажут, можем ли мы трогать эту штуковину, не рискуя взорвать ее.

Я позвонил в Имперскую Разведку. Манфреда все еще не было, и парень у телефона не знал, как ему поступить.

— Пошлите по адресу группу спецов,— вопил я.— Кого-нибудь, кто знает, как обращаться с этой конструкцией.

Дежурный мямлил, что он должен посоветоваться с генералом Черт-Знает-Кем.

— Когда прибывает император? — поинтересовался я.

Он извинился и сказал, что не имеет права обсуждать перемещение императорской семьи с неизвестным лицом. Я в отчаянии швырнул трубку на рычаг.

— Брайан,— позвала меня Барбро,— а ну-ка, подойди сюда.

Я подошел к двери, ведущей в соседнюю комнату. Все ее пространство заполнял двухместный МК-аппарат.

Я заглянул внутрь.

Он утонул в роскоши. Бейл не мог отказать себе в этом даже при коротких перемещениях в Сети. Именно в этом шаттле он, по-видимому, перемещался в мир В-Т-два. То, что этот аппарат был сейчас здесь, давало основание считать, что Бейл в городе, и что этот аппарат предназначен для бегства.

Но может быть и так, что сейчас отсчитываются секунды, наши последние секунды, а сам Бейл находится далеко отсюда, в безопасном месте. Если это так, то я уже ничего не смогу предпринять.

Но если он рассчитывает вернуться сюда, активировать бомбу, включить отсчет времени и покинуть город с помощью шаттла — тогда, возможно, я смогу остановить его.

— Барбро,— позвал я девушку,— ты должна найти Манфреда или Германа. Я собираюсь остаться здесь и дожидаться возвращения Бейла. Если ты их разыщешь, то скажи, чтобы послали сюда как можно больше людей, которые могли бы обезвредить эту пакость. Я не отваживаюсь двигать ее, а для того, чтобы перенести ее, нужно не менее двух человек. Если мы сможем перенести ее, то запихнем в аппарат и отправим отсюда в какой-нибудь из миров Зоны Поражения. Я буду продолжать звонить Манфреду или Берингу, может быть, и повезет. Не знаю, куда тебе следует ехать, но, надеюсь, что ты знаешь это лучше меня.

Барбро взглянула на меня.

— Я бы лучше осталась здесь, с тобой, Брайан. Но я понимаю, что на это просто не имею права.

Похоже, что таких девушек я еще не встречал, подумал я с восхищением.

ГЛАВА XV

Теперь я был один, если не считать зловещего предмета за ширмой. Я с нетерпением ждал посетителя. Подошел к двери, которая валялась на лестничной площадке, поставил ее на петли, закрыл и шелкнул замком.

Затем вернулся в роскошную комнату, заглянул за портьеры, порылся в бумагах на столе. Я надеялся наткнуться на что-нибудь, что могло бы навести на след Бейла. Я ничего не обнаружил, но зато нашел длинноствольный пистолет 2-го калибра. Он был заряжен. Это успокоило меня, ибо до сих пор я не задумывался, что мне делать, когда появится Бейл. Я был не в состоянии бороться с ним — теперь же у меня появилась вполне приемлемая возможность!

Я нашел кладовку, куда решил спрятаться, как только послышатся его шаги. Подойдя к бару, я налил себе полрюмки ликера и сел в одно из этих роскошных кресел.

Я, пожалуй, потратил слишком много энергии. Желудок мой превратился в тугую комок. С того места, где я сидел, был виден краешек бомбы. Интересно, будет ли какое-нибудь предупреждение перед тем, как она бабахнет? Хотя я знал, что бомба безмолвна, но все же сейчас, сидя в удобном кресле, я непроизвольно напрягал слух, стараясь услышать хоть какой-нибудь звук из этого серого убийцы.

Но звук, который я услышал, исходил не из бомбы. Это было скрипение половиц за дверью. На мгновение меня парализовало, затем я вскочил на ноги, вошел в кладовку и притаился за дверью. Я сжал в кармане пистолет.

Теперь шаги стали ближе и были хорошо слышны в мертвой тишине дома.

Ключ повернулся в замке, и через мгновение на пороге появилась высокая, худая фигура предателя — главного инспектора Бейла.

Он шел, глубоко втянув в плечи свою маленькую лысую головку, оглядывая комнату. Он снял пиджак, и на

мгновение мне пришло в голову, что он сейчас подойдет к моему убежищу, чтобы повесить его туда. Но этого не произошло — он просто швырнул его на спинку стула. Я вздохнув с облегчением, сел.

Вдруг Бейл вскочил, и, подойдя к ширме, посмотрел на бомбу. Я мог бы запросто пристрелить его, но это ничего не давало. Необходимо, чтобы Бейл помог мне определить, заряжена ли бомба и можно ли ее перемещать... Он был единственным человеком в Имперiums, кто знал, как обращаться с этим адским устройством.

Бейл склонился над бомбой, вынул из кармана небольшую коробку и, посмотрев на часы, подошел к телефону. Я едва слышал его бормотание, когда он обменивался с кем-то несколькими словами. Затем он прошел в следующую комнату, но только я приготовился помешать ему воспользоваться шаттлом, как он вышел из него.

Бейл снова посмотрел на часы, сел в кресло и открыл ящик с инструментами, стоявшим на столе. Он начал что-то делать небольшой отверткой в металлическом ящике на полу. Похоже, это и было зарядное устройство. Я старался дышать как можно тише и не думать о боли в ногах.

Тишину нарушил телефонный звонок. Бейл удивленно посмотрел на аппарат, положил отвертку в ящик и подошел к телефону. Он долго стоял перед трезвонившим аппаратом, покусывая губы. После пяти звонков телефон замолк, и Бейл, вернувшись к столу, возобновил прерванную работу.

Интересно, кто бы это мог быть?

Теперь Бейл, нахмурившись, снимал крышку с ящика. Сделав это, он встал, подошел к бомбе и, облизывая губы, склонился над ней. Похоже, что сейчас он переведет бомбу в боевое положение. Я больше не мог ждать.

— Стой на месте, Бейл,— спокойно сказал я, выходя из своего убежища.— А не то пристрелю тебя, как бешеную собаку.

Глаза Бейла чуть не выскочили из орбит, голова его откинулась назад, он открывал и закрывал рот, силясь что-то сказать.

— Похоже, что ты не ожидал меня здесь увидеть, а, Бейл? — усмехнулся я.— Сядь! Вон туда!

Я показал пистолетом, куда он должен сесть.

— Брайан? — только и смог прохрипеть Бейл. — Ты?

Почему мы должны беспокоиться о том, что случится с этими попугаями? Мы можем править, как абсолютные монархи!

Бейл продолжал что-то бубнить, но я не слушал его, а сосредоточился на том, чтобы не потерять сознание, ожидая прибывающей помощи.

— ...воспользуемся случаем и заключим соглашение. Как тебе мое предложение?

Бейл смотрел на меня, во взоре его была нескрываемая жадность. Я не мог с ним разговаривать. И он расценил это как колебание. Бейл снова встал и направился ко мне. В комнате стало темнее. Я протер глаза. Сейчас я чувствовал себя особенно плохо, силы совершенно оставили меня. Сердце стучало прямо в горле, желудок содрогался. Больше я уже был не в состоянии держать ситуацию под контролем.

Бейл остановился. Я увидел, что он внезапно пригнулся, и, рыча, набросился на меня. По-видимому, он понял, что я теряю сознание. Я должен был убить его. Дважды грохнул выстрел, и Бейл отпрянул назад, ошеломленный, но все еще живой.

— Не надо, Брайан, ради всего святого, — завизжал он.

Во мне еще оставалось немного жизни, чтобы убить его. Я поднял револьвер и выстрелил. Я увидел, как на стене запрыгала картина. Бейл отскочил в сторону. Я не знал, попал ли я в него хоть раз. Моя хватка ослабла, но я не мог допустить, чтобы он ушел.

Я выстрелил еще раз, затем еще, и внезапно понял, что это темнеет не в комнате, а свет меркнет в моих глазах.

Раздался вопль Бейла. Я понял, что он не решается пересечь комнату в направлении двери, за которой его ждал шаттл. Съежившись за креслом, он не переставал увещевать меня. Я приподнялся, стараясь придать трясущимся рукам твердость хоть на миг.

Бейл закричал и метнулся к входной двери. Несколько раз, нажав курок, я услышал как звенит эхо в моем отключенном сознании. Я лежал без сознания всего несколько минут. Очнувшись, я обнаружил, что ширма упала и лежит прямо на бомбе. Я в панике выпрямился. Может, Бейл успел ее активировать? Но где же он сам? Я вспомнил, как он рванулся к входной двери. Я встал и снова бухнулся в кресло. Но опять поднялся и с трудом двинулся к выходу.

Внезапно за спиной я услышал какой-то странный звук, как будто там притаился кот, попавший в неприятную историю. Я повернулся и заковылял к распахнутой двери второй комнаты. Я заглянул туда, ожидая увидеть лежащего на полу Бейла.

Но здесь было пусто. Свет струился через открытое окно, и хлопала портьера.

Должно быть, Бейл выпрыгнул вниз, обезумев от страха, подумал я и подошел к окну. В этот момент вновь раздался пронзительный крик.

Бейл висел на руках на карнизе противоположного здания, в четырех с половиной метрах отсюда. Это он издавал такой странный звук. На левой его штанине расплывалось большое темно-красное пятно: с высоты пяти этажей на кирпичную мостовую капала кровь.

— Боже праведный, Бейл! Бейл! — закричал я. — Зачем ты это сделал?

Я был потрясен. Несколько минут назад я был готов его застрелить, но видеть висающим — это нечто другое.

— Брайан! — давился криком Бейл. — Я больше не могу держаться! Ради Бога...

Я не знал, что делать. Для героических поступков, пожалуй, у меня уже не было сил.

Я быстро осмотрел содержимое комнаты. Мне нужна была доска или кусок веревки. Но здесь ничего этого не было. Я вытащил из постели простыню — она была слишком коротка. Даже две или три простыни не могли помочь делу. Я не мог бы удержать их.

Подойдя к телефону, я набрал единственный известный мне номер — Манфреда.

— Дежурный, — закричал я. — Здесь человек вот-вот свалится с крыши. Пришлите сюда пожарных с лестницей, да побыстрее!

Адрес? Остермальмегатен, 73, пятый этаж.

Я опустил трубку и побежал к окну...

— Держись, Бейл! — крикнул я. — Помощь уже в пути.

Похоже, он пытался перепрыгнуть на ближайшую крышу, думая, что я преследую его по пятам. Но с дыркой в ноге это ему не удалось.

Я подумал о Бейле, который послал меня с самоубийственным поручением, зная, что мой обман безнадежен — пока я стою на своих собственных ногах. Я подумал об аппарате, который ждал в засаде в районе Зоны Поражения, об операционной комнате, где Бейл предполагал придать мне более достоверную для его целей форму. Я вспомнил, как Бейл застрелил моего новообращенного брата, и ту ночь, когда я валялся в холодном подвале, ожидая его мясников... И все же я не хотел видеть такую смерть Бейла.

Вдруг он начал кричать, отчаянно дрыгая ногами. Он даже умудрился дотянуться одной рукой до карниза, хватаясь за него побелевшими от напряжения пальцами, но нога соскользнула.

Я уже стоял возле окна целых пять минут. Интересно, сколько же времени я был без сознания? Никогда бы не мог предположить, что этот слабак Бейл может так долго держаться, вися на карнизе.

— Держись, Бейл,— подбодрил я его.— Еще чуть-чуть. Только не брыкайся.

Он висел молча. Кровь продолжала течь из его башмака. Я взглянул вниз и содрогнулся.

Послышался отчаянный вопль сирены. Я бросился к двери, открыл ее и прислушался. Внизу зазвучали тяжелые шаги.

— Сюда, сюда,— закричал я.— На самый верх.

Я повернулся и побежал назад, к окну. Бейл был в том же положении. Затем одна рука его соскользнула, и он висел, слегка раскачиваясь, всего на одной.

— Вот они, Бейл. Еще пару секунд...

Он уже не пытался уцепиться снова и не издавал никаких звуков. Шаги раздались возле входной двери, и я инстинктивно повернулся к входящим.

Когда я снова взглянув в окно, я увидел, как Бейл медленно, словно в замедленной киносъемке, молча скользит вниз...

Я закрыл глаза, но уши не закрыл, и поэтому услышал, как он дважды ударился о кирпичи мостовой.

Я отшатнулся от окна. Вокруг в комнате сновали пожарные, выглядывали из окна, что-то кричали. Повернувшись к креслу, я плюхнулся в него. Похоже, во мне не осталось больше никаких чувств. Вокруг стоял сплошной гам. Какие-то люди входили и выходили, что-то делали, оживленно переговариваясь друг с другом. Я едва соображал, что происходит.

Прошло довольно много времени, прежде чем я увидел Германа и Барбро. Я попытался было встать, но силы оставили меня. Барбро склонилась надо мной, и я с радостью схватился за ее руку.

— Отвези меня домой, Барбро! Герман, я тебя прошу... И тут я заметил Манфреда.

— Бомба, — прошептал я.— Она не опасна. Затолкайте ее в шаттл и вышвырните вон.

— Мои люди как раз этим занимаются, Брайан,— кивнул Рихтгофен.

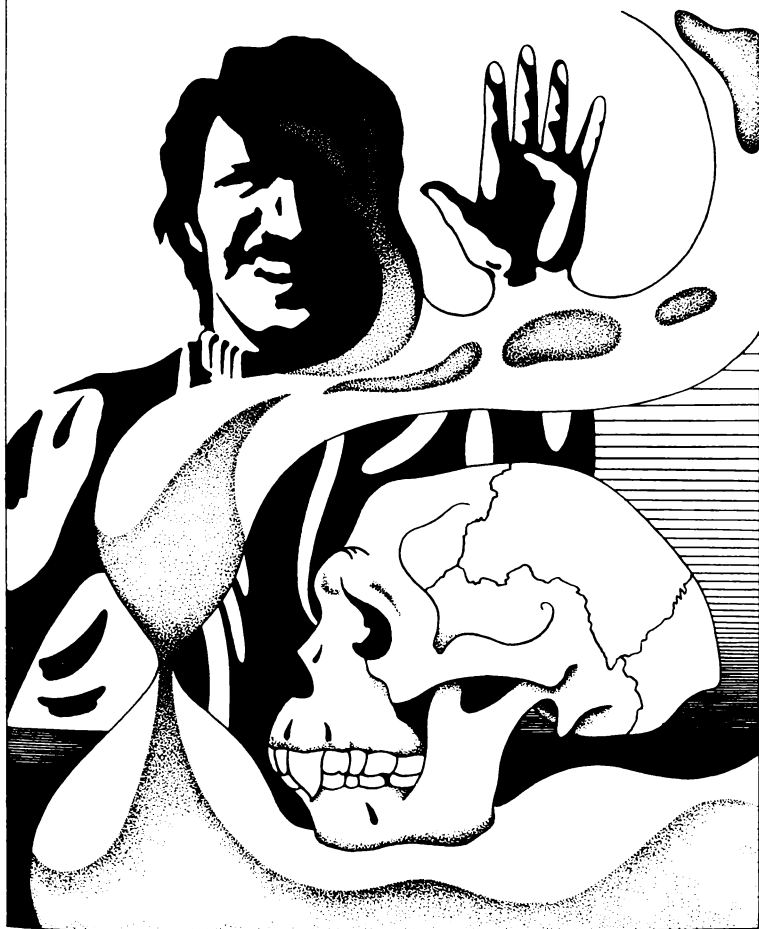
— Только что ты сказал о доме,— подал голос Герман.— Думаю, Манфред меня поддержит, если мы самым решительным образом будем требовать, чтобы ввиду твоих заслуг перед Империем тебя доставили в твой родной мир! Как только твое здоровье позволит нам совершить небольшое путешествие по Сети, и если, конечно, таковым будет твое желание... Я, правда, хотел бы надеяться, что ты останешься с нами... но это решать тебе.

— Мне не нужно решать,— твердо — или так мне только показалось — сказал я.— Я сделал свой выбор. Мне нравится здесь. По двум причинам. Во-первых, я могу использовать избитые фразы и шутки моего мира, и здесь они окажутся совсем новыми. А во-вторых, что касается дома... — Я взглянул на Барбро.— Дом там, где сердце!

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ВРЕМЕНИ

The other side of time

Ace Books ★ New-York ★ 1965



ГЛАВА I

Это был один из тех тихих летних вечеров, когда краски заката горели на небе дольше, чем это обычно бывает в Стокгольме в конце июня. Я стоял у окна, любуясь оттенками бледно-розового, коричневато-золотистого и синего, а на душе у меня было так тяжело, как бывает, когда надвигается беда, большая беда.

Резко прозвенел телефонный звонок. Я стремительно подскочил к телефону и схватил трубку.

— Алло.

— Полковник Брайан? — произнес голос на другом конце провода. — С вами будет говорить Манфред фон Рихтгофен; одну минуту, пожалуйста.

Через открытую дверь столовой мне был виден темный блеск рыжих волос Барбро, выбиравшей с Люком вино к обеду. Свечи на люстре лили мягкий свет на белоснежную скатерть, искрящийся хрусталь, старинный фарфор, сверкающее серебро. Люк был таким мажордомом, который каждый обед превращает в королевский прием. Но сейчас аппетита у меня не было. Сам не знаю почему. Рихтгофен был моим старым и дорогим другом, а также руководителем Имперской Разведки...

— Брайан? — донесся из трубки голос Рихтгофена. — Я рад, что застал тебя.

— Что случилось, Манфред?

— М-м-м..., — он казался слегка смущенным. — Брайан, ты весь вечер был дома?

— Мы вернулись час назад. Ты что, уже звонил мне?

— О, нет. Понимаешь, возникла небольшая проблема.

Пауза.

— Брайан, не мог бы ты найти время, чтобы заглянуть в управление Имперской Разведки?

— Конечно! Когда?

— Сейчас... Сегодня вечером...

Снова пауза. Определенно, Рихтгофена что-то сильно беспокоило, а это уже само по себе было странно. Мне очень жаль, Брайан,— продолжал он,— что я побеспокоил тебя, но... — Я буду через полчаса,— прервал я его.— Люк, конечно, расстроится, но я думаю, что это он переживет. Может быть, ты, наконец, скажешь мне, в чем дело?

— Нет, нет, Брайан. Это не телефонный разговор. Пожалуйста, извинись за меня перед Барбро... и перед Люком тоже.

Барбро подошла ко мне:

— Брайан, кто это звонил? — она увидела выражение моего лица. — Что случилось?

— Не знаю. Я постараюсь вернуться поскорее. Должно быть, это что-то важное, иначе Манфред не стал бы звонить.

Я прошел в свою спальню, переоделся и вышел в холл. Люк уже был там с пружинным пистолетом в руках.

— Мне это вряд ли понадобится, Люк,— сказал я.— Это просто обычная поездка в Управление.

— Все-таки возьмите его, сэр.— На лице слуги было обычное выражение мрачного неодобрения. Выражение, скрывающее, как я знал, исключительную преданность.

Я улыбнулся и взял оружие. Завернув рукав рубашки, я прикрепил кобуру на предплечье. Широкий рукав пиджака позволил мне проверить действие пистолета. При резком движении кисти этот крошечный пистолет (по форме и цвету напоминавший обточенный водой камень) соскользнул мне в ладонь. Я вновь закрепил его на прежнее место.

— Только для тебя, Люк. Я вернусь через час, а может быть, и раньше.

Спустившись по широким ступеням к машине, я сел за руль и включил двигатель. Я выехал по тополиной алее через ворота на городскую улицу. Я заметил, что одна из машин с потушенными фарами тронулась с места. Вторая машина выехала из-за угла и пристроилась за мной. На бампере блеснула эмблема Имперской Разведки. Похоже было, что Манфред послал за мной эскорт, желая удостовериться, что я направляюсь именно в Управление.

Десятиминутная поездка по широким, залитым мягким светом улицам старой столицы напомнила мне Стокгольм моей единственной материальной среды. Но здесь, в С-О,

мире Империаума, центре широкой сети параллельных миров, краски были ярче, вечерний бриз — нежнее, а магия жизни — привлекательнее.

Следуя за передним автомобилем, я пересек мост, повернул вправо и выехал на широкую аллею, проехав массивные ворота с часовыми. Наконец я подъехал к широким дверям с вывеской: "ИМПЕРСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ".

Машина позади меня резко затормозила, просигналила, и дверь распахнулась. Я вышел из машины, а четыре человека образовали вокруг меня якобы случайный полукруг. Я узнал одного из моих охранников — оперативника Сети, который когда-то возил меня в Йонж-Ноелжфрин. Это было несколько лет назад... Он увидел, что я его узнал и кивнул.

— Они ждут вас, полковник, в аппаратах генерала, барона фон Рихтгофена, — сказал он и отвернулся.

Я машинально кивнул ему и поднялся по лестнице, чувствуя, что меня сопровождает не почетный эскорт, а конвой.

Манфред поднялся, едва я вошел в кабинет. Взгляд его был странным — как будто он был не совсем уверен в том, что перед ним именно я.

— Брайан, я прошу тебя быть снисходительным, — сказал он. — Пожалуйста, садись. Создалось несколько затруднительное положение.

Он озабоченно посмотрел на меня. Это был не тот обходительный, уравновешенный барон фон Рихтгофен, каким я привык видеть его ежедневно, выполняя обязанности начальника одного из отделов Имперской Разведки.

Я сел, отметив про себя продуманное расположение четырех вооруженных агентов в комнате и стоявших молча в стороне еще четырех человек, приведших меня сюда.

— Продолжайте, сэр, — сказал я официально, что соответствовало происходящему. — Я понимаю, дело есть дело. Полагаю, что в свое время вы скажете мне, что произошло.

— Я должен задать тебе ряд вопросов, Брайан, — расстроенно произнес Рихтгофен. Он сел (морщины на его лице вдруг показали, что ему уже почти 60), провел рукой по гладким седым волосам, потом резко выпрямился и решительно откинулся на спинку стула.

— Какова девичья фамилия твоей жены? — выпалил он, словно прыгнул в холодную воду.

— Люнден, — ровным голосом ответил я.

В чем бы ни заключалась эта игра, я решил участвовать в ней. Манфред знал Барбро дольше, чем я. Ее отец служил с Рихтгофеном агентом Империи тридцать лет.

— Когда ты встретил ее?

— Примерно пять лет тому назад — на королевском летнем балу. В тот вечер, когда я приехал сюда...

— Кто еще был там, в тот вечер?

— Вы, Герман Беринг, капитан Винтер... — я назвал с десяток гостей, присутствовавших на этом веселом балу, закончившемся так трагически из-за нападения бандитов из кошмарного мира В-1-два. Винтер погиб от ручной гранаты, которая предназначалась для меня, — добавил я.

— Какова была твоя профессия... раньше?

— Я был дипломатом США, до тех пор, пока ваши парни не похитили меня и не доставили сюда. — Последнее было ненавязчивым напоминанием о том, что, каковы бы ни были причины, заставлявшие моего старого друга в этом другом Стокгольме допрашивать меня как чужого, мое присутствие здесь, в мире Империи, было прежде всего его идеей. Было ясно, что Рихтгофен почувствовал эту шпильку, ибо он некоторое время перебирал на столе бумаги, прежде чем задать следующий вопрос:

— В чем заключается твоя работа здесь, в Стокгольме О-О?

— Вы предоставили мне прекрасную работу в разведке в качестве офицера надзора Сети.

— Что такое Сеть?

— Это континуумы параллельных миров, матрица одновременной действительности...

— Что такое Империя?

Это был один из тех скоропалительных допросов, которые проводятся, чтобы сбить человека с толку и заставить изменить линию поведения. Не самый удачный способ беседы для двух друзей.

— Правительство всех вероятных миров линии А, находящееся в мире О-О, в котором был создан генератор МК.

— Что сокращено буквами МК?

— Максони-Копини — имена ребят, которые изобрели эту штуку еще в 1893 году.

— Каким образом используется эффект МК?

— Создан привод, при помощи которого приводятся в движение шаттлы Сети.

— Где осуществляются операции?

— Во всех мирах линии А, кроме Зоны Блайта, или, как говорим мы, оперативники, везде, кроме Зоны Поражения.

— Что такое Зона Блайта?

— Каждая линия А в пределах тысяч параметров линии О-О представляет собой адский мир Чацциачии или...

— Что вызвало появление Зоны Блайта?

— Неправильное обращение с эффектом МК. Ваши парни, сэр, здесь, на линии О-О, были единственными, кто научился правильно управлять...

— Что такое линия О-О?

Я обвел рукой вокруг:

— Этот мир, в котором мы сейчас находимся. Мир, где поле МК...

— Есть ли у тебя шрам на правой ступне?

Я улыбнулся.

— Угу. В том месте, куда попал главный инспектор Бейл, между большим пальцем и...

— Почему тебя доставили в мир Империиума?

— Я нужен был вам, сэр, чтобы выдать меня за диктатора района, известного под названием Киаита.

— Имеются ли другие жизнеспособные линии А в пределах Блайта?

Я кивнул.

— Две. Одна — это опустошенное войной место с датой Общей Истории около 1910 года, другое — это мой родной мир, известный под шифром В-1-три.

— У тебя шрам от пули на правом боку?

— Нет, на левом. У меня также есть...

— Что такое дата Общей Истории?

— Это дата, когда истории двух различных линий А разошлись, образуя параллельные миры.

— В чем заключается твое первое задание в качестве полковника разведки?

Я ответил на этот вопрос и на множество других. В течение следующих полутора часов он задавал мне вопросы интимные и служебные, спрашивая о вещах, известных только мне и ему. И все это время восемь вооруженных мужчин молча стояли за моей спиной.

Мое терпение уже иссякало, когда генерал, вздохнув, положил обе руки на стол. Мне показалось, будто он только что опустил в ящик стола пистолет и посмотрел на меня с улыбкой.

— Пойми, Брайан, что в этой любопытной профессии, которой мы оба занимаемся, порой сталкиваешься с необходимостью выполнять много неприятных вещей. Позвать тебя сюда вот так... — он кивнул на вооруженных людей, которые молча покидали комнату, — и допрашивать, слов-

но опасного преступника — это одно из самых неприятных дел, выпавших на мою долю. Но это необходимо, и, поверь мне, я очень рад, что все закончилось благополучно.

Он поднялся и протянул мне руку. Я пожал ее, чувствуя, как подавляемый гнев кипит у меня в горле, вероятно, мое настроение было заметно.

— Позже, Брайан, может, даже завтра, я смогу объяснить тебе этот фарс. А сегодня я прошу принять мои извинения за неудобства и неловкость, которые я вынужденно причинил тебе. Поверь, что это было только в интересах Империи.

Я без энтузиазма что-то пробормотал и вышел. Что бы ни затевалось, я был уверен, что у Рихтгофена была веская причина это сделать. Правда, это не улучшало моего самочувствия и не уменьшало моего любопытства. Но будь я проклят, если стану сейчас задавать какие-то вопросы.

Никто не встретил меня, когда я шел к эскалатору. Я спустился вниз и оказался в холле первого этажа. Где-то послышался звук быстро удаляющихся шагов, хлопнула дверь. Стало удивительно тихо. Здание Управления, казалось, окуталось атмосферой таинственности.

И тут я стал принюхиваться. До меня внезапно донесся запах горящего дерева, асфальта и дыма. Я направился в сторону предполагаемого источника этого запаха, двигаясь быстро, но тихо. Я прошел мимо широкой парадной лестницы, которая вела в приемный зал, и вдруг застыл на месте: мой взор упал на темное пятно, четко выделяющееся на белом мраморе пола. В двух ярдах от него виднелось второе. Форма обоих не вызывала сомнений: это были отпечатки ног. В шести футах дальше по коридору был еще один след — казалось, кто-то случайно вступил в горячую смолу и теперь оставляет за собой этот странный отпечаток. Следы поворачивали налево по коридору. Я осмотрелся — было тихо и спокойно, как в море.

Я прошел через холл и остановился на площадке. Запах усилился и теперь напоминал запах горячей краски. Идя по следам, я повернул за угол. В двадцати футах от меня на полу коридора виднелась глубокая выжженная полоса. А вокруг нее — множество отпечатков ног. Там были еще и брызги крови, а на стенах отпечаталась кровавая пятёрня, по размерам значительно превосходящая мою.

Над табличкой с надписью "Службная лестница" был еще один отпечаток руки. На этот раз очерченный контуром вздувшейся и почерневшей краски. Мое запястье конвульсивно дернулось — рефлексное напоминание о пистолете, который я взял по настоянию Люка.

До двери было два шага. Я взялся за блестящую латунную ручку и... резко отпрянул назад, ибо она была расколена. Тогда я обернул руку носовым платком и открыл дверь. Узкие ступеньки вели куда-то вниз, в темноту. Запах горящего дерева усиливался с каждым моим шагом. В темноте я достиг подвала, на мгновение остановился и осторожно высунул из-за угла голову. То, что я увидел, поразило меня.

На противоположной стене плясали неясные тени, очерченные красноватым светом. Я вышел из-за угла, подошел к повороту, намереваясь выглянуть. В пятидесяти футах от меня двигалась какая-то фигура, которая светилась во мраке, как нагретая докрасна железная статуя. Она метнулась вдруг в сторону, сделала какое-то движение, проскочила через узкий проход и исчезла в открытой двери.

Мое запястье снова дернулось, и на этот раз я взял пистолет в руку (он сразу придал мне чувство уверенности). Запах дыма стал сильнее. На полу я увидел обуглившиеся отпечатки ног. Я подумал, что надо было бы вернуться, поднять тревогу... Но я уже шел к двери. Все происходящее мне очень не нравилось, но я шел по следу...

Запах теперь стал густым. Это был запах, смешанный с запахом горячего металла кузницы и осенним запахом костров.

Я подкрался к двери, прижался к стене и рискнул заглянуть внутрь. Свечение, исходившее от призрачной фигуры, отбрасывало красноватые отблески на стены заброшенной кладовой — пыльной, темной, захлавленной мусором, который, как видно, собирались убрать, но так и не закончили этого дела.

В центре помещения огненный человек склонился над распростертым на полу телом в бесформенном комбинезоне. Руки огненного человека — странные светящиеся руки в неудобных на вид перчатках — дергали, трясли жертву с нечеловеческой силой. Наконец он выпрямился. У меня не было времени глядеть на этот спектакль, который разыгрывал здесь пятисотградусный убийца. Был шанс, что его жертва еще жива, — и если я достаточно быстро ударю его... Я вернулся вновь, совсем забыв, что у меня с собой пистолет и бросился к фигуре, от которой исходил жар, как от доменной печи. На бегу я увидел, как она быстро повернулась, вскинула руки со светящимися пальцами, отступила на шаг...

Красноватые искры посыпались на меня с ее вытянутой руки.



Подобно ныряльщику, повисшему над водой в воздухе, я уже не мог остановиться. Я увидел резкое электрическое свечение, услышал хлопок разряда, крошечные молнии начали зажигаться на мне...

Беззвучный взрыв превратил мир в слепящий белый свет, свергнувший меня в небытие.

Долгое время я лежал, цепляясь за сон, ставший моим убежищем от воспоминаний о дымящихся следах, заброшенной кладовой и фантастическом светящемся человеке, припавшем к своей жертве.

Я застонал и почувствовал твердый и холодный бетон, которого касалось мое лицо, ощутил тошноту и привкус меди во рту. Я собрался с силами, приподнялся на руках и огляделся.

В комнате было темно, тихо и пусто, как в ограбленной гробнице. Языком, который напоминал мне старую теннисную туфлю, я провел по своим сухим губам, сделал нечеловеческое усилие и сел.

В голове раздавался звон.

С трудом я поднялся. Запах гари исчез. И тот, кого я преследовал, тоже исчез, забрав труп с собой.

Свет в комнате был слишком слаб, чтобы можно было разглядеть детали. Я пошарил в карманах, вынул зажигалку и при ее свете попытался разглядеть обугленные следы на полу, чтобы определить, куда ушел огненный человек.

СЛЕДОВ НЕ БЫЛО!

Я дошел до двери, осмотрел все вокруг — не было никаких следов, кроме моих. Пыль лежала толстым слоем. Не было никаких следов лежавшего тела — вообще не было ничего, что указывало бы на трагедию, разыгравшуюся в этой комнате. Я ущипнул себя, чтобы убедиться, что не сплю... Правда, я всегда считал, что это довольно глупый способ убеждаться в реальности окружающего мира. Но сейчас я сделал это — и едва не вскрикнул от боли. Но это опять ничего не доказывало!

Я дошел до двери и вошел в коридор. Свет был выключен. Только тусклое, фосфоресцирующее свечение исходило от стен и пола. Вид деревянного пола безо всяких следов ничуть меня не успокоил. Раньше на нем были четкие, темные, обуглившиеся следы, сейчас на полу ничего не было.

Когда я поднялся в холл первого этажа, у меня в голове шумело уже не так сильно.

В застоявшемся воздухе коридора, казалось, повисла темная дымка, придававшая оттенок траура знакомым очертаниям.

Позади меня с металлическим щелчком закрылась дверь подвала. Я принюхался, пытаюсь уловить запах дыма — но ничего не почувствовал.

Я прошел через зал в один из кабинетов.

В пустой комнате на столе стоял небольшой глиняный горшок с затвердевшей землей, выглядевшей так, словно ее подвергли термообработке. Сухой листок лежал на столе возле горшка. Настольные часы остановились на 12.05. Я подошел к телефону, снял трубку. Тишина была глухой, как бетонная стена. Я вышел на крыльцо — моя машина одиноко стояла там, где я ее оставил. Я заметил, что в будке часового у ворот темно. Ночное освещение тоже было выключено. Но ведь прекращение подачи электроэнергии не могло повлиять на карбидные лампы, освещающие посты внутреннего караула. Однако они тоже не горели! Даже звезд на небе не было...

Я сел в машину, повернул ключ зажигания, но ничего не произошло. Сигнал тоже не работал, как и выключатель освещения.

Выйдя из машины, я постоял в нерешительности, а потом направился к гаражам во дворе. Чем ближе я к ним подходил, тем медленнее становились мои шаги — в гаражах свет тоже не горел, а на воротах висели тяжелые замки.

Я вздохнул, пытаюсь унять волнение и тут только почувствовал тяжелый, мертвенный запах воздуха.

Пройдя мимо покинутой будки часового, я вышел на улицу. Там было пусто, темно и тихо. Несколько машин стояло у перекрестка.

Я пошел к мосту и на его середине заметил какую-то темную массу — это была машина, брошенная посреди дороги. Непонятно почему ее вид неприятно поразил меня. Я заглянул в окно машины — там никого не было. В замке торчал ключ зажигания. По его положению я понял, что мотор должен работать.

На улице Густава Адальфангорта было еще много брошенных машин.

Складывалось впечатление, что в городе началась эпидемия поломок машин, вкупе с поломкой электростанции — это совпадение ничуть не улучшило моего настроения.

Я обошел несколько улиц и площадей — нигде никого. Город вымер! Ни ветерка, ни шума моторов, ни шороха шагов, ни отзвука голосов. Мое чувство неловкости и растерянности быстро перерастало в панику, от которой тело покрылось холодным потом.

Я пересек парк и только позднее понял ненормальность окружающего меня ландшафта: парк был абсолютно голым — ни травинки, ни цветка, ни листочка, ни деревца — н и ч е г о ! Моя ходьба перешла в панический бег. Я спешил домой!

Я вбежал в ворота своего дома, задыхаясь от бега. Взглянув на пустые и темные окна, я ощутил непередаваемое чувство одиночества — полной пустоты...

Я шел по аллее, видя голую землю там, где еще несколько часов назад все было покрыто зеленью. Там, где росли тополя, зияли страшные ямы. Только кучи сухих листьев напоминали о том, что здесь когда-то росли деревья.

Поднимаясь по ступенькам дома, я оглянулся — только цепочка моих следов на превратившейся в пыль почве. Открыв дверь, я вошел и остановился, чувствуя, как сильно колотится в моей груди сердце.

— Барбро! — крикнул я. Мой голос в этой неестественной тишине, царящей вокруг, был похож на карканье попугая.

Пробежав через неосвещенную прихожую, я влетел в гостиную, потом в спальню. Всюду было безмолвие, нарушаемое только звуком моих шагов.

С трудом передвигая ноги, я вышел опять в прихожую и окликнул Люка. Я уже не ожидал ответа, мне было страшно, и я хотел хоть немного нарушить эту ужасную тишину.

НО НИГДЕ НИКОГО НЕ БЫЛО!

В комнате был полный порядок, мебель стояла на своих местах, лишь часы на каминной полке остановились. И еще — в цветочных горшках только сухая мертвая земля. Я стоял, пытаюсь осознать страшную истину: Барбро исчезла, так же, как и все живое в столице Империиума.

ГЛАВА II

Сначала я не услышал этого звука. Я сидел в пустом холле, глядел в окно на пустую улицу, прислушиваясь к биению моего опустошенного сердца. Затем до меня донесся звук — непрерывный шум, пока очень слабый, но явственный в безмолвном, пустынном городе. Я вскочил, подошел к двери и был уже на ступеньках, когда мысль

об осторожности пришла мне в голову. Теперь шум стал яснее, он походил на ритмичный топот, поступь марширующего отряда, и он приближался!

Через мгновение я их увидел. Я бросился в дом, наблюдая из темноты, как они проходят мимо, по четверо в ряд, крупные парни в однообразных, бесформенных балахонах. Я попытался подсчитать их количество: около двухсот. Некоторые из них несли какие-то тяжелые свертки, другие — оружие. Одного или двух поддерживали товарищи, вероятно, этот отряд недавно участвовал в каком-то сражении. Когда последние из них прошли мимо, я бесшумно двинулся за ними, стараясь не подходить слишком близко и держаться в тени домов.

Теперь, когда первое ужасное потрясение прошло, я испытывал странное чувство отрешенности, чувство человека, который один выжил после страшного катаклизма.

Отряд впереди меня двигался вдоль улицы Мигавитем. Эти здоровяки были на голову выше меня, а мой рост — 6 футов. Они не пели, не разговаривали, а просто шли квартал за кварталом, мимо пустых машин, пустых зданий, пустых парков. Затем они повернули на улицу Ансадевегем, и теперь я понял, куда они направляются. Они шли к станции. Я наблюдал за ними, пока хвост колонны не завернул в массивные ворота и не исчез за порталом. Один из них вышел из колонны и занял пост на воротах.

Я осторожно пересек улицу и вошел в боковой вход. Спотыкаясь о комья на заброшенных клумбах, я шел вдоль стены, освещенной странным светом, который, казалось исходил из земли. Каменная стена преградила мне путь. Я подпрыгнул, ухватился за ее край, подтянулся и спрыгнул на мощеный двор станции.

Около полудюжины шаттлов стояли здесь. Это были машины специального типа, которые использовались только для работы на ближайших А-линиях, т.е. в мирах, дата общей истории которых различалась всего несколькими столетиями, там, где существовали другие Стокгольмы-спутники, где замаскированный шаттл не привлекал бы внимания.

Одна из машин стояла около стены. Я забрался на ее колесо и попытался поднять тяжелое двойное стекло в металлической раме в стене дома. Оно не поддавалось.

Я спустился вниз, порывлся в багажнике шаттла, нашел молоток и выбил стекло. Оно с грохотом разлетелось. Я замер, прислушиваясь, ожидая окрика часовых. Но единственным звуком здесь было мое собственное дыхание

и скрип амортизаторов шаттла, просевших под тяжестью моего тела.

Помещение, в которое я проник, оказалось ремонтной мастерской. Вдоль стен стояли верстаки с разбросанными в беспорядке различными деталями шаттлов. На стенах висели инструменты.

Через дверь в дальнем конце мастерской я вышел в коридор, ведущий к дверям гаражей. Изнутри доносились какие-то негромкие звуки. Я приоткрыл дверь и скользнул внутрь под высокий сводчатый потолок ангара. Двойной ряд шаттлов Сети виднелся в полумраке.

Здесь стояли тяжелые машины, рассчитанные на десять человек, стояли машины-разведчики — поменьше. А в дальнем конце разместились две одноместные машины новой модели. Они казались мешками на фоне темных больших машин странной конструкции, массивных и уродливых, как баки для мусора или кучи металлолома среди элегантных установок Имперской Службы Безопасности. Темные фигуры двигались между ними, собираясь в группы, подчиняясь раздававшимся то и дело командам.

Я прошел между шаттлами Империиума и спрятался так, чтобы можно было наблюдать за всем происходящим. Дверцы первых пяти устройств были открыты, я увидел, как человек в форме забрался внутрь, за ним последовал другой. Кем бы ни были эти солдаты они явно собирались перебазироваться. Это были неуклюжие и тяжеловесные существа, с головы до ног одетые в мешковатые, темно-серые балахоны. На головах у них были шлемы с забралами из резного зеркального стекла.

Одна из имперских машин загромождала путь небольшому отряду незнакомцев. Двое подошли к ней и одним махом перевернули на бок. Мне захотелось сжаться в комок и спрятаться как можно дальше. Ведь шаттл весил без малого две тонны.

Первый транспорт был, очевидно, уже загружен, ибо группа солдат пошла к следующей установке и начала работу возле нее.

Время шло.

Скоро пришельцы закончат свою работу здесь и отправятся обратно в тот мир, откуда прибыли. Мне было уже ясно, что это пришельцы из Сети. Раса людей, неизвестная Империиуму, которая владела своим собственным приводом МК. Эти люди стали единственным связующим звеном между мною и прежними "исчезнувшими" обитателями Стокгольма О-О.

Ждать было нечего. Я решил последовать за ними и выяснить, что произошло с обитателями Стокгольма О-О, что случилось с Барбро.

Я глубоко вздохнул и вышел из своего укрытия, чувствуя себя незащищенным, как крыса, которую вытащили из норы. Меня отделяла стена плюща от пришельцев. Моей целью было попасть один из шаттлов-разведчиков, быструю маневренную машину с соответствующим вооружением и новейшим оборудованием. Я добрался до нее, открыл двери. При этом задвижка скрипнула, заставив мой желудок прилипнуть к ребрам. Но никто не услышал.

Внутри было достаточно светло и я осмотрелся. Пробравшись в отсек управления, я уселся на сидение оператора и попробовал включить главный привод. Но ничего не произошло. Я попробовал нажать другие кнопки — безрезультатно. Привод МК был так же мертв, как и машины, брошенные на улицах города. Пришлось оставить эту затею.

Послышался шум от работы пришельцев в нескольких футах от меня. У меня в голове начала вызревать идея, на первый взгляд совершенно сумасшедшая. Но ничего другого я не мог придумать.

Первое, что необходимо было сделать для ее воплощения, — это пробраться на противоположную сторону ангара. Я обернулся...

Он стоял в пяти футах от меня, возле заднего крыла шаттла. Вблизи он выглядел еще выше. Широкоплечий, с руками, которые были облачены в перчатки размером с небольшой чемодан. Он сделал шаг по направлению ко мне, я отступил. Он лениво сделал еще шаг. Еще пара шагов, и я стану виден всем. Я остановился. Пришелец продолжал двигаться ко мне, протянув руку с растопыренными пальцами, очевидно, собирался схватить меня.

Мое запястье дернулось, сработала силовая кобура, и пистолет оказался в моей руке. Я прицелился в место чуть пониже центра его груди и нажал курок. Раздался выстрел, человек словно сломался пополам и рухнул на пол со звуком, похожим на звук упавшей на полном скаку лошади. Я перешагнул через труп и укрылся за следующим шаттлом. Казалось невероятным, что никто не услышал выстрела и падения жертвы, но звуки, доносившиеся из дальнего конца ангара, подтверждали это: пришельцы ни на секунду не прерывались. Я затаил дыхание, мое сердце билось, как у пойманного зайца.

Все еще сжимая пистолет в руке, я подошел к убитому пришельцу. Он лежал на животе, словно огромная мед-

вежья шкура. Я перевернул его на спину. Через разбитое стекло шлема было видно широкое грубое лицо с пористой кожей и широким безгубым полуоткрытым ртом. Маленькие глазки, бледно-голубые, как небо, безжизненно смотрели из-под кустистых сросшихся бровей. Жирная прядь волнистых белокурых волос пробивалась у виска.

Рассмотрев его, я вновь спрятался в тень машины. В качестве новой цели я наметил последнюю машину пришельцев. Чтобы добраться до нее, мне необходимо было преодолеть открытое пространство примерно футов сто, освещенное тусклым светом, лившимся из окон ангара. Я пошел, стараясь не шуметь, и замирая каждый раз, когда кто-либо из пришельцев поворачивался в мою сторону. Я уже почти достиг цели, когда один из незнакомцев, очевидно, командир, направился туда, где лежал труп. Может быть, заметил, что одного из солдат не хватает.

У меня было в запасе полминуты, прежде чем он поднимет тревогу. Я спрятался в тени шаттла-заправщика, быстро добежал до последней машины в линии, огляделся и забрался внутрь.

Здесь стоял тошнотворный животный запах. Предметы были непропорционально большими для человека. Я быстро осмотрел пульт управления, экраны и кресло оператора. Все это мне было знакомым, но сильно отличалось от привычных шаттлов Империи.

Я взгромоздился на высокое твердое сидение и устался на квадраты и круги пластика, светящиеся различными оттенками коричневого и фиолетового. Странные символы покрывали рычаги пульта управления. Пара педалей, выступавших из пола под пультом, была натерта до блеска ногами операторов. Я смотрел на пульт и чувствовал, как покрываюсь холодным потом. Сейчас поднимется тревога, и если мое решение будет неверным, я погиб.

Рубильник в центре пульта привлек мое внимание. Он был самым потертым. Это свидетельствовало о его частом применении. Я попробовал нажать на него.

Снаружи донеслись громкие крики. Офицер поднял тревогу, и сейчас... Я резко нагнулся и ударился коленом об острый угол пульта. Боль придавала мне решимости. Я сжал зубы, схватился за рубильник и нажал на него. В это мгновение огни стали меркнуть. Дверца с тихим шелчком захлопнулась, машина завибрировала, задребезжали плохо закрепленные предметы. На пульте замигали какие-то лампочки, на осветившихся экранах затанцевали импуль-

сы. Я почувствовал едва ощутимый удар по корпусу шаттла. Видимо, один из пришельцев рвался внутрь машины, но немного опоздал.

Спустя мгновение экраны внешнего обзора прояснились. Я увидел безжизненный пейзаж под беззвездным небом — обычное запустение Зоны Блайта. Поле МК начало действовать! Похищенный шаттл нес меня через Сеть параллельных миров, нес с огромной скоростью, судя по быстрой смене пейзажа снаружи.

Мне все-таки удалось сбежать. Теперь необходимо было разобраться, как управлять этой чужой машиной.

Получасовое изучение пульта дало мне общее представление о назначении кнопок. Теперь я был готов попытаться управлять шаттлом.

Я взялся за рычаг управления, потянул его, но он не сдвинулся с места. Тогда я снова дернул его. Мне удалось только немного сдвинуть рычаг. Я навалился всем телом. С резким звуком рычаг обломился. Я сел в кресло и уныло уставился на мерцание огоньков пульта. Очевидно, управление машиной было заблокировано. Владельцы шаттла приняли меры предосторожности против потенциальных угонщиков. Путь моей машины был предопределен. Я был бессилен что-либо изменить.

ГЛАВА III

Прошло два часа, а шаттл все еще двигался в малоисследованные и ненанесенные на карту участки Сети. Я сидел, наблюдая фантастическую смену пейзажей на экранах, которую капитан Винтер называл А-энтропией. Скорость, с которой я двигался, была гораздо выше когда-либо достигаемой техниками Империи. При такой скорости живые существа на экранах обзора было невозможно различить: человек исчезал из поля зрения за доли секунды. Но улицы, здания, леса и горы проносились, меняясь на глазах. Отдаленно знакомые здания пересекались друг с другом, сужаясь или раздвигаясь вширь. Я видел, как дверные проемы изменялись, как гранит рассыпался в прах. Буквы на вывесках и рекламах изменялись, теряли форму и постепенно превращались в нечто не значащие символы. Я видел хижины и лачуги, текущие вокруг огромных зданий, видел, как эти колоссы постепенно раз-

рушались и сравнивались с землей. Балконы на знаниях превращались в террасы, увеличиваясь или исчезая совсем.

Темные, мрачные, ребристые колонны прорезали небеса. Я видел, как они разрушались, обращаясь в пыль.

По мере того, как мой шаттл мчался сквозь линии вероятности, целые цивилизации расцветали и умирали у меня на глазах.

Я видел, в оцепенении наблюдая, как вокруг меня меняется вселенная. Вскоре я почувствовал, что моя голова начинает клониться, а глаза болеть, словно присыпанные песком. И вспомнил, что не ел и не спал. Сколько же прошло часов?

Обшарив отсек, нашел грубошерстяное одеяло, отвратительно воняющее стойлом. Но я был слишком усталым, чтобы перебирать. Расстелив одеяло на полу между креслом оператора и силовым отсеком, я растянулся на нем, и непреодолимая усталость овладела мной.

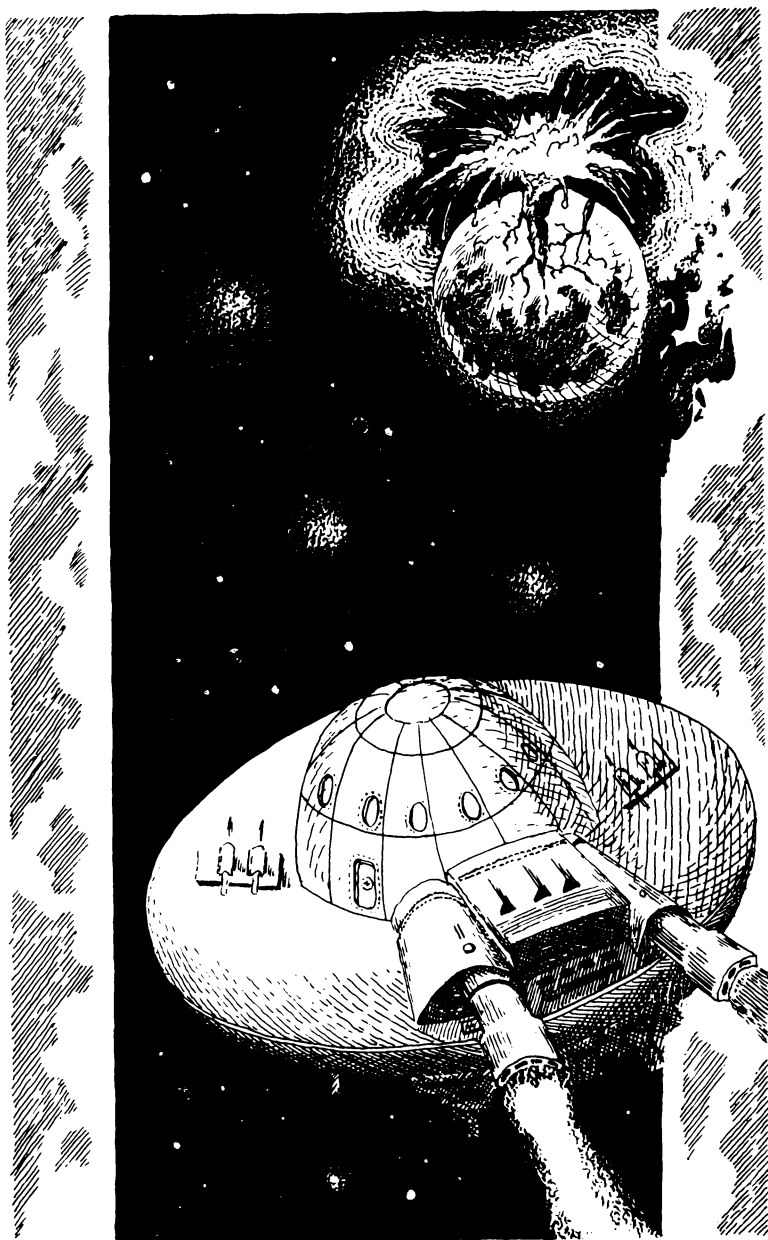
Вдруг я проснулся... Равномерное гудение шаттла изменилось и превратилось в прерывистое жужжание. Судя по моим часам, я находился здесь уже около трех часов. Хотя по меркам Империи путешествие было недолгим, фантастически быстрая машина пришельцев проникла за это время в такие районы Сети, которых имперские разведчики никогда не достигали.

Я с трудом поднялся и взглянул на экраны.

Это напоминало кошмарный сон — странные кривые башни возвышались в темных пустых каньонах, узкие дорожки извивались среди куч мусора, арок без дверей, разрушенных зданий. На широких дорогах я успел заметить повозки на высоких колесах, груженные металлом, деревом и кожей.

С высеченных из камня пилястров на меня смотрели гротескные существа, напоминающие божества ацтекских племен. Пока я рассматривал все это, шум шаттла превратился в шорох, а через мгновение и вовсе смолк. Постоянно меняющаяся картинка на экранах внешнего обзора превратилась в неподвижную реальность. Я куда-то прибыл. На улице, если можно было так назвать замусоренную дорогу, никого не было. Тот же странный свет, который я видел на улицах Стокгольма О-О, исходил от каждой поверхности, лежавшей под чистым и чужим небом над моей головой.

Затем совершенно неожиданно на меня накатилась волна темноты. Меня согнуло пополам. Мне казалось, что шаттл подо мной ходит ходуном, то поднимаясь, то опускаясь. Какие-то необъяснимые силы скрутили меня, как медную проволоку и протащили через игольное ушко, а потом бросили в беспамятство...



Придя в себя, я обнаружил, что бессильно лежу на спине. Странная сила, которая недавно владела мной, исчезла. Я мог дышать грудью, мог шевелить руками и ногами, отчетливо видел мигание огоньков на пульте управления. Колено болело, взглянув на него, я увидел кровь, проступающую на брюках.

Я встал и первым делом глянул на экраны внешнего обзора. Улица, еще недавно совсем пустая, сейчас была наводнена толпой приземистых, неуклюжих длинноруких созданий, которые толкались, шумели, волновались в бликах света.

Позади послышался грохот металла. Обернувшись, я увидел, как дверная защелка отошла в сторону и дверь шаттла распахнулась. Огромное тело ввалилось в машину. Это было клыкастое чудовище с бугристой лысой головой, с широким безгубым ртом, огромными замысловатыми ушами, массивным зубчатым задом, затянутым ремнями и обвешанным звенящими браслетами, явно не вяжущимися с волосатым телом великой гориллы.

Мышцы на моем запястье напряглись, готовые “отдать приказ” силовой кобуре пистолета, но в ту же секунду я расслабился и опустил руку. Убив это чудовище, разве смогу я бороться со всем этим миром? На карту было поставлено значительно больше, чем моя жизнь. Минуту назад я видел, как тихое пустынное место превратилось в заполненную толпой улицу, залитую солнцем и наполненную движением. Если эти светловолосые обезьяны знали секрет такого превращения, то, может быть, другое место — Стокгольм О-О сможет вернуться к жизни... Если только я разгадаю этот секрет...

— Хорошо, хорошо, парень — успокоительно проговорил я. — Я буду вести себя спокойно...

Существо схватило меня за плечо рукой, похожей на механическую лопату, оторвало от пола и швырнуло в открытую дверь. Я ударился о косяк, отскочил и вылетел наружу, окунувшись в запах гнили.

В косматой толпе, окружившей меня, раздалось невнятное рычание. Передние отскочили назад, возбужденно переговариваясь.

Я поднялся на ноги, отряхивая отвратительный мусор, прилипший к моей одежде, но сзади уже подошел мой незнакомец. Он резко толкнул меня вперед, не говоря ни слова. Я поскользнулся на корке и снова упал. Что-то ударило меня по плечам, когда я попытался подняться. Я упал лицом в вонючие отбросы, пропахав в них широкую борозду. В мозгу вспыхнули звезды, похожие на салют, ко-

торый я видел много лет назад в другом мире. В мире, который был моей родиной, в котором жили мои родные и близкие...

Очнувшись, я почувствовал, что ноги мои волочатся по земле, а сам я зажат в стальных тисках рук двух белокурых горилл. Так я и шел — то сам, то меня тащили эти мерзкие чудовища, прокладывая мною, словно тараном, путь в шумящей, смердящей толпе. Глаза этих существ, похожие на голубые осколки мрамора, смотрели на меня, как на заразного больного.

Незнакомцы тащили меня довольно долго. Я старался привыкнуть к мысли о том, что меня захватили в плен существа, напоминающие сказки о великанах и людоедах, но это была не фантазия, а реальная жизнь, жизнь вонючая и грязная. Существа беспрестанно чесали волосатые тела пальцами, похожими на стволы молодых деревьев, слюни капали из открытых зловонных ротов с большими желтыми клыками.

Меня выволокли на улицу пошире и почище, с расположенными на ней странными многоярусными лавками, в которых продавцы, присев на корточки, опускали свои товары вниз покупателям и поднимали вверх плату — толстые квадратные монеты странного металла. Здесь были свалены в кучу фрукты, глиняные горшки всевозможных размеров, мотки пряжи, листы металла, полосы кожи, упряжь и многое другое. На этом фантастическом базаре толпились существа, почти похожие на людей. Высокие и низкие, с разного цвета кожей, с большими клоками густых волос, свисающих над ярко-красными лицами. Высокие и худые создания с блестящим темным мехом, удивительно короткими ногами и плоскими ступнями, широкие приземистые фигуры с круглыми плечами и длинными носами.

Одни из них носили большие медные кольца на длинных цепочках из полированной меди. У других безделушки были приколоты к кожаным полосам, составляющим их одежду, а у третьих, наиболее жалких на вид, с мозолистыми руками, не было вообще никаких украшений. Над всей этой пестрой толпой, как живой навес, летали, громко жужжа, сине-зеленые мухи.

Мы дошли до конца улицы и после короткой потасовки, оттеснив наиболее любопытных зевак, очутились перед широкой, засыпанной мусором, лестницей из необработанного камня. Меня протащили по ступенькам, втокнули в дверной проем и передали двум неуклюжим низкорослым существам, лишь отдаленно напоминающим людей. Следом за ними из сумрака этого здания, воняющего конюшней, последовали другие, подошедшие ближе,

трогавшие мою одежду длинными, негнушимися, уродливыми пальцами. Я отшатнулся, прислонился к стене, но стражники опять подхватили меня под руки и потащили по проходу, похожему на туннель. Я пытался запоминать все эти повороты, в надежде на то, что мне удастся бежать, но вскоре прекратил это бессмысленное занятие. Здесь было почти темно, только маленькие желтоватые лампочки давали немного света. В их неверном свете был виден грязный пол и грубо сработанные стены.

Приблизительно через две сотни ярдов туннель расширился, и мы оказались в небольшом мрачном зале. Один из сопровождающих, порывшись в грудe мусора, извлек широкую полосу толстой темной кожи, прикрепленной узким кольцом к стене. Он обмотал ее вокруг моего правого запястья и, хлопнув по плечу, отошел, усевшись на корточки у стены. Его напарник что-то проорчал, потом кивнул головой и ушел. Через мгновение его уже не было видно в темноте.

Я разгреб влажный мусор на полу пещеры, чтобы освободить себе место, и принялся ждать. Рано или поздно кто-то из властей этого мира захочет увидеть меня и допросить...

Едва я удобно устроился на этом грязном полу; подумав, насколько странно мягким кажется пол для такого грубого на вид камня, как чья-то нога "легонько" коснулась моего бока. Я с криком открыл глаза, попытавшись встать. Но меня уже подняли на ноги, дернув за полосу кожи, закрученной вокруг руки. И снова мой путь лежал по этому мрачному туннелю. Ноги у меня были ватными, в животе начались рези. Я мысленно подсчитывал, сколько времени не ел и не пил, но сбился со счета. Мой мозг работал медленно, как часы, погруженные в вязкое масло.

И вот наконец мы достигли цели. Поскольку мы все время поднимались вверх, очевидно, это помещение находилось в верхних этажах здания. Зал имел форму неправильного круга о дугообразным потолком. Вдоль грубо обработанных стен виднелись темные ниши. Стоял ужасный запах навоза. Это помещение больше напоминало стойло, чем человеческое жилище.

В некоторых нишах возле входа в туннель лежали кучи ветоши. Вдруг одна из них зашевелилась, и я понял, что это живое существо, невероятно старое, являющееся представителем расы, захватившей меня в плен. Мои охранники подтолкнули меня к этому ожившему трупу. Сейчас они вели себя гораздо скромнее, как будто в присутствии очень уважаемых людей.

В скудном свете, пробивавшемся из отверстий в потолке, я увидел, как рука, похожая на клешню в серой перчатке, поднялась в конвульсивном движении и зачесала скудную растительность на груди. Теперь я разглядел глаза старца: тускло-голубые, они были прикрыты опущенными веками. Не мигая, они в упор рассматривали меня. Из больших ноздрей торчали пучки седых волос. Рот был тонкий, с поджатыми губами. Остальная часть лица была покрыта шапкой сальных волос, из которой выпирали невероятно большие уши, розовые и голые. Вздохнув, я едва не потерял сознание от запаха гниющего мяса.

Старец издал каркающий звук. Я подождал реакции своих телохранителей, и она не замедлила проявиться. Один из них основательно потряхнул меня.

— Простите, ребята, но я ничего не понимаю, — умоляющим тоном проговорил я.

Старец подскочил, как будто его ткнули раскаленным железным прутом. Он что-то заверещал, указывая на меня. Потом начал прыгать, с невероятной для его возраста энергией, продолжая пронзительно кричать что-то на своем языке. Внезапно он остановился и махнул рукой, мой охранник почти вплотную подтолкнул меня к нему. Я смотрел в его голубые глаза, столь же человеческие, как и мои, глубоко посаженные на этом карикатурном лице. Видел поры на носу величиной со спичечную головку. Видел струйку слюны, стекающую из полукрытого рта...

Вдруг старец отвернулся и бросил несколько фраз. Когда он закончил, откуда-то снова раздался тонкий голосок. Я оглянулся и увидел, как еще одна куча тряпья зашевелилась в нише. Мои стражники подтолкнули меня к этому старцу, еще более уродливому, чем первый, и держали так до тех пор, пока тому не надоело меня разглядывать. Пока этот долгожитель меня рассматривал, мой взгляд упал на нишу, расположенную немного выше остальных. В сумраке я с трудом разглядел торчащие ноги скелета, пустые глазницы черепа, массивные челюсти и тонкую кожаную полосу, все еще охватывавшую шейные позвонки. Видимо, высшие посты в этом храме были пожизненными.

Резкий рывок за руку вернул меня к действительности. Старец рядом со мной заверещал. Он раскрыл рот, обнажив стертые десны; язык, похожий на розовый носок, набитый песком, задергался, извергая оглушительный визг. Это разбудило еще двух старейшин. Со всех сторон послышались оглушительные вопли и карканье. Мои охранники подвели меня к следующему старику — древнему толстяку

с большим волосатым животом, где огромные черные паразиты прокладывали себе путь, словно гончие, потерявшие след. У этого даже остался один зуб, кривой и желтый клык длиной в дюйм. Он показал мне его и издал какие-то хлюпающие звуки. Затем, отклонившись назад, он сделал резкий выпад и ударил меня рукой, длинной, как порталный кран. Мои телохранители вовремя подхватили меня, не дав упасть на пол. Я мысленно поблагодарил их за такую заботу. Несмотря на свой солидный возраст, старик вполне мог бы свернуть мне шею, если бы удачно попал.

Услышав ворчливый звук, идущий из ниши, расположенной высоко в темном углу, мы направились к ней. Оттуда сначала показалась рука, на которой недоставало двух пальцев, а затем я увидел половину лица, уставившегося на меня. Были видны шрамы и голые кости в том месте, где должна была бы быть правая щека.

Глазница правого глаза была на месте, но она была пуста. Рот, у которого не хватало правой половинки, плотно не закрывался, что создавало впечатление вековой улыбки, которая была столь же ужасна на этом лице, как стрижка пуделя на гиене.

Некоторое время я стоял посреди зала, а совет старцев решал, очевидно, что со мной делать. Один из них до такой степени разозлился, что плюнул в лицо толстяку, который тут же ответил обидчику, бросив пригоршню грязи. Вероятно, это послужило сигналом к окончанию обсуждения. Мои стражи попятились, волоча меня за собой, и потащили в туннель, а оттуда началось мое новое путешествие по его извилистым проходам.

Через некоторое время я оказался в каком-то длинном коридоре. Здесь стояла каменная скамья, грубые полки висели на стенах, на которых я с содроганием заметил предметы, похожие на гробы. Все это освещалось тусклой лампочкой, в свете которой я заметил на полу огромные кучи мусора, издававшие булькающие звуки.

Меня привязали за лодыжку, позволив сесть на пол. Плошка с какой-то бурдой была предоставлена в мое распоряжение. Я понюхал ее и отставил в сторону, не до такой степени я был голоден, чтобы хлебать это пойло.

Прошел еще час. Мне казалось, будто я чего-то жду. Моя охрана сидела в противоположном углу, пожирая скудные припасы.

С удивлением я обнаружил, что отвратительный запах в этом помещении не так уж беспокоит меня, видимо, я просто адаптировался к нему.

Вскоре из угла коридора появилось еще одно существо и что-то властно прокричало. Мои охранники снова двинулись в путь.

На этот раз мы шли вниз, сворачивая то вправо, то влево. Мы прошли через какие-то залы и вдруг оказались на улице, возле лестницы. Но спускаться нам не пришлось, так как мои стражи затолкали меня в другую дверь, и опять началось кружение по темным коридорам. Через некоторое время я с удивлением обнаружил, что мы уперлись в тупик. Страж слева, схватив меня за руку, подтолкнул к круглому отверстию в стене, которое я заметил, только уткнувшись в него носом. Отверстие находилось примерно в дюймах восемнадцати от пола и имело около двух футов в диаметре.

Человек с огромным трудом мог протиснуться в него.

Я уже понял, чего от меня хотят, и на мгновение заколебался. Это было похоже на ловушку. Как знать, смогу ли я оттуда выбраться? Возможность побега совсем уменьшалась, хотя я не был уверен, была ли она раньше.

Удар по голове отбросил меня к стене. Я упал на спину. Тот, кто ударил меня, стоял надо мной, собираясь ударить еще, и тут уже я не выдержал. Не думая о последствиях, я ударил его ногой.

Он согнулся пополам и завизжал. Я вскочил, и мой второй удар пришелся ему прямо в челюсть. Противник упал на пол и покатился по туннелю, вопя от боли. Я торжествовал, но тут вторая горилла схватила меня и буквально затолкала в отверстие в стене. Не дожидаясь продолжения драки, я быстро вполз внутрь и сразу ощутил сырой холод и очень острый запах, напоминающий запах выдержанного сыра. Я встал на колени, держа в руке пистолет, решив, что если кто-то из этих обезьян сунется сюда, то он непременно получит пулю в лоб. Но они, очевидно, решили оставить меня в покое, потому что через секунду я увидел их тени, исчезающие в конце коридора. Видимо, приказ старейшин запрещал, во всяком случае пока, наносить пленнику увечья.

ГЛАВА IV

Обычно первое, что приходит в голову человеку, запертому в темной пещере,— это желание обследовать поме-

щение. Конечно, я мог выбраться в коридор, но вспомнил удары стражей, и кроме того, дороги к свету мне все равно не найти. Поэтому пока (заметьте, пока) я решил остаться здесь.

Я начал от входа. Сделал шаг фута три длиной и сразу же наткнулся на каменную стену. Вернувшись к исходной точке, я сделал шаг в другую сторону, и вдруг из темноты услышал какой-то звук. Я остановился, застыв с поднятой ногой, затаив дыхание и прислушиваясь.

— Мен за па,— мелодичный тенор из темноты произносил бессмысленные фразы. — Стам зи?

Я сделал шаг назад. Пистолет все еще был у меня в руке.

Тот, кто издавал эти звуки, имел преимущество. Он видел меня, ибо стоял против входа, откуда падал слабый свет.

При этой мысли я буквально упал на пол.

— Бонжур, ами,— опять произнес голос. — Э ву...

Кем бы ни был незнакомец, похоже, он тоже пленник. Язык, на котором он говорил, не был похож на язык горилл, но тем не менее, я не испытывал горячего желания броситься в его объятия. Снова раздался голос, и на этот раз я почти понял смысл. Акцент был ужасным, но это был почти настоящий шведский!

— Может быть, ты англик? — спросил голос.

— Может быть,— ответил я.— А кто вы?

— О, хорошо! — акцент у незнакомца был похож на венгерский. — Почему поймать тебя они? Откуда приходил ты?

Я отполз в сторону, чтобы на меня не падал свет. Я хотел посветить себе зажигалкой, но тут же понял, что это превратило бы меня в отличную мишень. Кто знает, что у этого парня в голове! В этом мире всего нужно опасаться.

— Не надо бояться меня,— произнес голос.— Я друг.

— Я спрашиваю вас, кто вы? — повторил я. Мои нервы были на пределе. Я был усталым, голодным и избитым немолодым человеком. И разговоры с каким-то неизвестным голосом из темноты не могли успокоить мои нервы.

— Сэр, я имею честь представить себя,— опять раздался голос,— вы говорите с полевым агентом Дзоком!

— Что? Полевой агент?

— Для того, чтобы мы доверяли друг другу, я предлагаю поближе познакомиться,— сказал неизвестный Дзок.— Пожалуйста, говорите еще. Я смогу точнее идентифицировать вашу речь.

— Я говорю по-английски,— сообщил я.

— Английский? Ага. Теперь я постараюсь говорить лучше. Это не очень хорошо знакомый мне язык, но я на-

деюсь, что мои лингвистические познания не подведут. Они у меня — из самых полных, которых только могут достичь агенты класса А. Вы меня понимаете? — Сейчас голос звучал гораздо уверенней.

— У вас получается прекрасно,— заверил я незнакомца и опять изменил свое местонахождение, перекатившись по полу. Но, не зная размеров помещения, я перестарался и ударился о каменную стену головой. Очнулся я внезапно, почувствовав, как чья-то рука коснулась моей груди.

— Простите, старина,— голос звучал совсем рядом,— мне надо было бы вас предупредить. В первые дни моего пребывания в этом склепе я сам несколько раз проверял крепость этих стен ударами своего тела.

Я сел и отправил пистолет назад в кобуру. Вряд ли в этом каменном мешке несколько дней подряд мог находиться враг. Я потрогал ссадину на локте и взвыл от резкой боли.

— Я вижу, вы повредили локоть.— сказал мой товарищ по камере.— Позвольте мне смазать его мазью.

Я услышал шуршание, шелчок застежки. Вытащив свою зажигалку, я зажег ее и поднял вверх. И тут от удивления мой рот широко разинулся.

Агент Дзок сидел, нахохлившись, в ярде от меня. Он отвернулся от яркого света, держа в руках сумку. Его покрывала короткая шелковистая красновато-коричневая шерсть. На нем была надета не очень свежая белая униформа. Я увидел толстые руки, маленькую круглую голову, темную кожу, длинный нос. Дзок повернулся ко мне, моргая желтоватыми глазами, широкий рот раскрылся в улыбке, обнажая квадратные ровные зубы.

— Свет чересчур яркий,— сказал он своим мелодичным голосом,— Я нахожусь так долго в темноте...

Я погасил зажигалку.

— Извините меня,— промямлил я — Все же, кто вы?

— Похоже, вы немного испуганы,— сказал Дзок удивленно.— Вы, видимо, никогда не встречались с представителями моей расы гуманоидов?

— Знаете, у меня была довольно странная теория, что мы, гомо сапиенс, являемся единственной разумной ветвью нашего семейства, — сказал я,— То, что я встретил этих ребят снаружи, было для меня потрясением. А теперь вы!

— Понятно. Я думаю, что наши две ветви гуманоидов разошлись в своем развитии на уровне начала плейстоцена. Хегруны несколько позже отделились, примерно... в конце этого периода, скажем, полмиллиона лет назад.— Дзок засмеялся.— Так что видите, они являются более

близкими вашими родственниками, чем мы. Хотя, я думаю, эта новость вас не очень обрадовала.

Рука Дзoka коснулась моего локтя, запахло чем-то нежным. Прохладная масса мгновенно сняла боль.

— Как им удалось поймать вас? — поинтересовался Дзок.— Я уверен, что вы из группы, которую они захватили во время рейда.

— Насколько я знаю, — я поморщился, хотя боли не чувствовал, — в этом мире я единственный человек.

Дзок показался мне довольно дружелюбным созданием, но уж больно он был волосат. А тут я еще узнал, что он отстоит от гомо сапиенс еще дальше, чем хегруны. Хотя, если разобраться толком, Дзок больше походил на мар-тышку, чем на гориллу.

— Любопытно,— проговорил Дзок.— Обычно они берут в плен не менее пятидесяти человек. Думаю, что такой размер группы является оптимальным для необходимого анализа культуры, языка, науки и социального строя.

— Необходимого для чего?

— Для того, чтобы полнее использовать пленников. Хегруны являются ловцами рабов.

— Ловцами рабов?

— Я думал вы догадались, ведь вас тоже поймали,— Дзок сделал паузу.— Но, может быть, вы относитесь к другой категории? Вы говорите, что были единственным, кого они взяли в плен?

— А вы? — Я сделал вид, что не расслышал его вопроса.— Как вы попали сюда?

Полевой агент вздохнул.

— Боюсь, что я был несколько неосторожным. Я наивно предполагал, что в этом скоплении народов мне удастся остаться незамеченным. Я ошибся — меня мгновенно обнаружили. Я был избит, препровожден сюда, представ сначала перед трибуналом старцев. Но я сделал вид, что ничего не понимаю. — Вы что, знаете язык этих созданий? — перебил я его.

— Естественно, мой дорогой друг. А как же иначе? Агент класса 4 вряд ли чего-нибудь стоит без знания туземного языка.

Я пропустил эту похвалу мимо ушей.

— Какие вопросы они задавали вам?

— А, всякую ерунду! Некосмополитическим расам очень трудно общаться на уровне общих знаний. Основные культурные позиции наших цивилизаций сильно отличаются друг от друга.

— Но, по-моему, мы с вами прекрасно понимаем друг друга,— заметил я.

— Да, не забывайте, что я все-таки агент 4 класса Власти! И нас специально готовят для коммуникабельности.

— Может быть, вы начнете с самого начала? — не вытерпел я.— О каких властях вы говорите? Как вы попали сюда? Откуда? Где вы научились английскому?

К этому времени Дзок уже закончил врачевать мою рану. В ответ на мои вопросы он добродушно рассмеялся. Казалось, его ничуть не волнует то, что он находится в столь плачевном положении.

— Можно, я буду отвечать на ваши вопросы по порядку? Подвигайтесь ближе. Я нашел здесь сухое местечко и натащил тряпья. Кроме этого, я думаю, вы захотите перекусить после той бурды, которую вам предлагали.

— У вас есть пища? — изумился я.

— Да. Это своего рода НЗ. Я использую его очень экономно. Пищи немного, но она весьма калорийна.

Я перебрался к нему и растянулся на спине, приняв из рук Дзoka капсулу величиной с наперсток.

— Проглотите это,— сказал Дзок.— Это сбалансированный рацион на 2 часа. Конечно, это концентрат, и будет он перевариваться не менее 10 часов. А вот вода,— с этими словами он протянул мне глиняную чашку.

Я сунул капсулу в рот и с трудом проглотил ее.

— Ваше горло, наверное, немного шире, чем мое,— сказал я.— Ну, а теперь, когда мы насытились, может быть, перейдем к моим вопросам?

— Ах да! Власть! В общем, согласно нашим понятиям, Власть — это великое правительство Сети, которое осуществляет правление над всеми параллельными мирами этого района,— Дзок замаялся.

Я слушал и представлял себе, как воспримут эти новости власти Империи, если я вернусь, вернее, если будет куда возвращаться.

Оказывается, существует даже не одна раса, путешествующая по Сети! По крайней мере, теперь мне известны еще две расы! Каждая столь же чуждая другой, как обе чужды мне. И они, включая и нашу, пытаются расширить свои территории.

Дзок продолжил свой рассказ:

— Естественно, работа в секторе англиков ограничена по совершенно понятным причинам.

— Каким же?

— Наши ребята вряд ли могли бы долго быть незамеченными среди вас,— сухо ответил Дзок.— Поэтому мы очень мало внимания уделяем этому сектору.

— Но вы были у нас?

— Да. Но это только обычный обзор, и, естественно, только в нулевое время.

— Вы слишком часто повторяете слово “естественно”,— заметил я.— Но продолжайте, продолжайте, я слушаю.

— Карты этого района весьма схематичны. Мы знаем, что там существует довольно обширная пустынная область,— Зона, как мы ее обычно называем, внутри которой не существует никаких миров. Зона окружена довольно широким спектром соотнесенных линий вероятности. И все они имеют один общий источник культуры, так называемое Северно-Европейское Техническое Ядро. Прямо скажем, довольно примитивная технология, но все-таки первые проблески просвещения начинают там возникать.

Он продолжал описывать широкие просторы А-линий, которые составляли сферу деятельности Власти. Я не стал обращать его внимание на неправильное представление о полном отсутствии жизни в Зоне и на то, что существует еще и третья раса, имеющая возможность путешествовать по Сети. Это все я решил держать пока при себе.

— Сфера деятельности Властей постоянно расширяется, а последние пятнадцать столетий,— говорил агент,— довольно значительно. Конечно, наши уникальные возможности перемещений по Сети накладывают на нас определенную ответственность. Теперь мы уже преодолели первоначальную тенденцию вмешиваться во все дела миров. Власти в настоящее время осуществляют только политику поддержания мира и надзор за преступностью. Плюс к этому получают также сырье и готовую продукцию.

— Понятно,— кивнул я. Когда-то мне уже приходилось слышать нечто подобное из уст Винтера, Рихтгофена и других — тогда я только прибыл в Стокгольм О-О.

— Моя миссия,— продолжал Дзок,— заключалась в том, чтобы выяснить, кто стоит за этими рейдами хегрунов. Знали бы вы, сколько хлопот доставляет Власти эта охота за рабами! Ведь они частенько заходят на нашу территорию! Я должен был на основании обследования выдать рекомендации по устранению этих рейдов. Но похоже, что я недооценил хегрунов. Меня арестовали через четверть часа после прибытия.

— А английский вы изучали во время визита в наш сектор? — поинтересовался я.

— Я лично никогда не был в Зоне, но языковые библиотеки нашего Центра имеют записи всех диалектов.

— Ваши друзья знают, где вы находитесь?

Дзок вздохнул.

— Боюсь, что нет. Я хотел выслужиться. Теперь я понимаю, что был неправ, но уже поздно. Я представлял, как вернусь в штаб и представлю готовое решение. А вместо этого... Ну что ж, через некоторое время они, конечно, заметят мое отсутствие и займутся поисками. А тем временем...

— Что тем временем? — забеспокоился я.

— Я могу только надеяться, что мои друзья окажутся здесь раньше, чем придет моя очередь.

— Ваша очередь для чего?

— А вы разве не знаете, старина? Да, конечно, не знаете. Ведь вы раньше никогда не слыхали о хегрунах. И не знаете их языка. Все объясняется недостатком продуктов в их мире. Хегруны — каннибалы! Пленники, которым не удастся доказать свою полезность, подлежат уничтожению, а их тела идут в пищу.

— И сколько же времени нам отпущено? — спросил я.

— Я нахожусь здесь около... по вашим меркам, трех недель... Когда я впервые попал в эту камеру, здесь уже находилось двое бедняг. Парочка рабов с низким уровнем интеллекта. Насколько я смог определить, они сидели уже две недели. И вот только позавчера их увели. Думаю, давали обед в честь высокого начальства. Так что, мой друг, недели две мне отпущено.

Я, кажется, начал понимать агента Дзока. За его беззаботным тоном скрывался страх, что он может раньше времени оказаться в глотке хегрунов.

— В таком случае, я предлагаю немного поразмыслить над проблемой дальнейшего пребывания здесь, — заметил я.

— У меня есть кое-какие идеи относительно этого, — кивнул головой Дзок. — но это потребует усилий двух человек.

— В чем же заключается ваш план?

— Нас охраняют двое хегрунов, которые находятся в коридоре. Нам необходимо будет заманить одного из них сюда и расправиться с ним. Думаю, это будет не слишком трудно.

— А как же второй?

— Это несколько сложнее, но тоже вполне выполнимо. Я здесь припрятал кое-что из моего снаряжения. Кроме того, по памяти я нарисовал схематический план этого храма. Нам важно преодолеть около двух сотен ярдов, прежде чем мы попадем в боковой проход, который я наметил для

побега. Будем надеяться, что не встретим на протяжении этих длинных ярдов ни одного хегруна, так как ваша маскировка не выдержит близкого рассмотрения.

— Маскировка? — Мне казалось, я вижу кошмарный сон алкоголика. — А под кого я буду маскироваться? Дракулу или Человека-Волка?

Голова у меня кружилась, глаза слипались. Я свернулся калачиком на куче тряпья. Голос Дзюка доносился как бы издалека.

— Отдохните как следует, а я все приготовлю. Только после этого мы осуществим свой план.

Я проснулся от звука голосов — визгливых и сердитых. Я сел, протирая глаза. Дзюк сказал что-то миролюбивым тоном, и в ответ раздался писклявый голос, больше похожий на крик рассерженной крысы, чем на голос разумного существа. Я почувствовал запах хегруна. Даже в затхлом воздухе камеры вонь рассерженного гориллообразного человека не давала дышать. Туземец влез внутрь нашей камеры, что меня поразило.

— Лежите тихо и не издавайте ни звука, англик,— сказал Дзюк тем же спокойным и тихим голосом, которым он обращался к хегруну.— Это пришли за мной, похоже, что мое время истекло.

Дзюк сказал что-то визгливо. Хегрун заворчал и сплюнул. Я увидел, как протянулась его рука. Увидел, как Дзюк нагнулся и сильно ударил охранника. Тот заворчал, пошатнулся, но руки не отнял. Я вскочил на ноги, пистолет выскочил из кобуры и лег на ладонь. Не медля ни секунды, я выстрелил. Хегрун покачнулся и повалился на пол. С полминуты он судорожно корчился, издавал странные завывания, но вскоре затих. Я вытер лицо и почувствовал запах крови. Повернувшись к Дзюку, я увидел, что он лежит, распластавшись на полу и держась за руку.

— Вы обманули меня, англик,— прошептал он.— Но это было чертовски хорошее представление. Оказывается, у вас есть оружие.

— Не надо лишних слов,— потребовал я.— Может быть, мы попробуем осуществить наш план?

— Этот зверь сломал мне руку,— покачал головой Дзюк.— Чертовски не повезло. Наверное, вам придется попытаться счастья самому.

— Не выдумывайте. Я помогу вам. Что нужно сделать?

Дзюк издал приглушенный звук, похожий на смешок.

— А вы сильнее, чем казались ранее. Это хорошо, что у нас есть оружие, англик. Вот что нужно сделать...

Двадцать минут я потел над фантастической маской, которую можно увидеть только в кошмарном сне. Дзок напялил на меня упряжь из тряпичных полос, на которых до этого мы спали. К концам этих полос были привязаны пучки волос, которые, свисая, прикрывали мое тело. Как объяснил мне Дзок, он давал часть своей пищи сокамерникам, которые за это отдавали ему волосы со своего тела. Используя клей из НЗ, он собрал этот гротескный костюм, который сейчас висел на мне, прикрывая колени и полностью скрадывая фигуру.

— И вы надеетесь, что эта маскировка введет в заблуждение хегрунов? — засмеялся я. — Да она не обманет даже идиота на расстоянии ста ярдов, даже при плохом освещении.

Но агент Дзок не слушал меня. Он засовывал остатки своего НЗ под то, что осталось от его униформы.

— Вы выглядите достаточно мощным и волосатым, — проговорил он. — Это самое лучшее, что можно предпринять в наших условиях.

Я надеюсь, что никто не будет к вам присматриваться слишком пристально. А теперь пошли.

Дзок двигался впереди, прижимая поврежденную руку к груди, но не издавая ни звука.

Высунув голову из нашей норы, Дзок повернулся ко мне и прошептал:

— Никого нет. Должно быть, наш второй часовой совершает небольшую променаду.

Я вылез и с удовольствием вдохнул всей грудью воздух, который был здесь не таким жарким и вонючим, как в нашей камере.

Свет в коридоре был выключен, и только слабое мерцание стен и потолка позволили нам хоть немного ориентироваться в лабиринте туннелей. Через сто футов дорога, по которой мы шли, свернула влево и вверх. Часовой был, вероятно, где-то впереди.

Дзок медленно шел первым. Неожиданно он остановился и прислушался.

— Черт побери, оказывается, их двое, — прошептал он.

Я попытался что-то услышать, но тщетно. Мне оставалось только ждать и чувствовать, как пот вытекает из всех пор моего тела, спрятанного под нарядом из дурно пахнущих волос и кожи.

— О, — прошептал через некоторое мгновение Дзок, — один из них, кажется, уходит. Должно быть, это смена караула.

Я кивнул. Дзок подмигнул мне. Затем громким хриплым голосом, подражая интонациям хегрунов, он что-

то прокричал. Подождав немного и приказав мне считать до десяти, он быстро пошел вперед по туннелю. Я стоял и считал. Исчезая за поворотом, Дзок обернулся, прокричал еще что-то на языке хегрунов и пропал. Я все еще продолжал считать. Через мгновение я услышал, как часовой-хегрун что-то громко спросил у подходящего к нему Дзoka и как тот что-то ответил.

— Пять, шесть, семь... — продолжал я счет. Хегрун снова что-то спросил, и голос его на этот раз звучал злее.

— ... девять, десять...

Я набрал полные легкие воздуха, попытался изобразить нечто похожее на походку хегрунов и шагнул за угол. Футах в десяти от меня под лампочкой стоял Дзок, размахивая здоровой рукой и указывая на меня часовому, который, услышав шум шагов, повернулся в мою сторону. Дзок продолжал что-то говорить, он подскочил к часовому, но хегрун, сделав шаг назад, поднял для удара руку. В последний миг Дзок успел увернуться. Я же продолжал двигаться вперед, подходя все ближе и ближе к ним. Дзок проскользнул за спину часового. Я напряг мускулы руки, и пистолет скользнул в нее. И тут часовой, видимо, разглядел, кто к нему приближается. Он бросился на меня, размахивая каким-то оружием. Я нажал спуск, и пуля ударила в широкую грудь хегруна, вырвав клоч шерсти. Он остановился, как будто наткнувшись на невидимую ограду, покачнулся и рухнул на пол с шумом сраженного напавал слона. Я бросился к часовому и убедился, что он мертв.

— Ну, что ж, пока все идет хорошо, — усмехнулся Дзок, когда я поднялся. — У вас неплохое оружие. Вы, люди, весьма искусны в изготовлении всякого оружия. Думаю, что это является результатом вашей физической хрупкости...

— Полагаю, мы проанализируем мои физические качества немного позднее, — перебил я его. — Что делать дальше?

— Ну, теперь нам ничто не преграждает путь к мусорному люку. Это отсюда недалеко.

— Пошли!

Мы пошли по боковому ответвлению туннеля, затем поднялись по крутому пандусу и свернули в более широкий проход, наполненный запахом гниющего мусора.

— Здесь рядом кухня, — прошептал Дзок. — Осталось совсем немного.

Я услышал громкие голоса. Похоже, что хегруны не умеют разговаривать тихо. Прижавшись к шероховатым стенам, мы ждали. Две неясные фигуры с покатыми плечами показались из-за двери кухни и двинулись туда, откуда мы только что пришли.

Дзок потянул меня вперед. Еще через два прохода мы, наконец, подошли к мусорной камере. Я усмехнулся про себя, когда подумал, что мог бы сейчас свободно получить степень бакалавра по специальности определения различных вонючих веществ.

Потолок снизился.

— Похоже, что над нами крыша,— пробурчал я.— Должно быть, эти хегруны натащили сюда сначала кучи камней, а потом уже возвели стены под крышей.

— Именно так оно и было,— заметил Дзок.— Может быть, это не совсем правильно, но не забывайте, что это общество, где рабочая сила в изобилии, а изящество архитектуры не играет никакой роли.

— Ну что, в какую сторону теперь, вверх или вниз?

Дзок оглядел меня, как тренер по боксу, отбирающий бойца в свою команду.

— Вверх,— наконец выпалил он.— Ты что, думаешь, что сможешь одолеть эту стену?

— Ничего я не думаю,— отрезал я.— Мне придется это просто сделать. Ясно? А вот как ты со своей рукой? — На фамильярность я отвечаю фамильярностью!

— Я? О, это ничего. Буду только немного неуклюж, но это не помешает делу. Ну что, пошли?

И он протиснулся вперед. Скоро он исчез из виду, и я почувствовал себя очень одиноким. Вдруг послышался шум шагов и голоса — кто-то шел в нашу сторону. Я боком протиснулся в проем, в котором исчез Дзок. Подтянувшись на руках, я выглянул наружу.

Моя голова окунулась в ночную прохладу, в черном небе блеснули звезды, во тьме угадывались смутные очертания зданий.

— Что вас задержало? — спросил Дзок.

— Я бросил прощальный взгляд на нашу тюрьму. А теперь помогите мне избавиться от этого костюма.

Вдвоем мы быстро сбросили мой камуфляж, который к этому времени, похоже, собрал на себя весь мусор и грязь храма. Дзок же не мог сбросить свою униформу — поэтому он выглядел еще хуже, чем я. Его волосистой покров стал липким, волосы свалились и пахли кислятиной.

— Когда я попаду домой,— сказал он,— я приму самую долгую ванну, которую только можно принять в моем городе Дзай.

— Присоединяюсь к вам,— буркнул я.— Только бы нам удалось отсюда выбраться!

— Чем скорее мы начнем осуществлять свои план, тем быстрее мы это сделаем,— заметил Дзок и направился к мостку, переброшенному на соседнюю крышу.

Спустя три четверти часа, получив несколько синяков и царапин, претерпев падение с высоты пятнадцати футов и несколько других неприятных моментов, мы оказались, наконец, на сумеречной аллее.

— Это место было бы раем для археологов,— пробормотал я.— Здесь можно найти все, начиная от циновок, сплетенных, очевидно, еще первыми обитателями этого города, и кончая шкурками вчера очищенных фруктов, валяющимися повсюду.

Дзок в это время открывал какой-то пакет, который он нес под одеждой. Я помог прикрепить ему полоски кожи и побрякушки, которые принадлежали хегруну, убитому в камере. Похоже, опять нам понадобилась маскировка.

— Мы распределим роли так,— сказал наконец Дзок,— я буду стражником, и если кто-нибудь остановит нас, то я всегда могу объяснить. Вы же возьмете на себя роль пленника и проводника одновременно. Вы еще не забыли, где находится... где остался шаттл? (Он использовал другое слово, но я понял). Вы говорили, что он не более, чем в полумиле отсюда?

— Да, примерно так. Если он все еще там.

Мы пошли вдоль аллеи, параллельной главной улице, ведущей к храму. Дорога петляла то вправо, то влево. Через полчаса ходьбы я попросил передышки.

— Эта аллея петляет,— заметил я,— и у меня возникает опасение, что мы можем потерять ориентацию. Думаю, нам необходимо рискнуть выйти на главную улицу. По крайней мере, там бы я смог сориентироваться.

Дзок кивнул, и по боковому переулку мы вышли на главную улицу города. Оглядевшись, я понял, что мы находимся почти у цели и сказал об этом Дзоку. Он же предложил пройти к станции боковыми переулками.

В конце концов, нам удалось добраться до шаттла, пережив по дороге к нему немало злоключений. Это и погоня, которую организовали хегруны, и стычка с ними, в которой одного из них пришлось прихлопнуть. Уже когда

мы забрались в машину, нас ждала еще одна неприятность, о которой я забыл: рычаг управления был сломан, и Дзoku пришлось его спешно ремонтировать.

Но вот шаттл ожил, загудел, и мы, вконец измученные, стартовали в неведомое.

ГЛАВА V

Дзок лежал на том же месте, куда я его оттащил — в густой траве под высоким деревом. Он дышал часто и неглубоко.

Шаттл стоял футах в пятидесяти от нас, у обломка скалы, из-за которого выглядывала, задумчиво почесываясь, серая обезьяна размером с шимпанзе. Свою одежду и одежду Дзoka я расстелил на траве, предварительно прополоскав ее в ближайшем ручье. Затем я осмотрел свои раны, которые, к счастью, оказались ссадинами, царапинами и синяками.

Агент зашевелился, повернулся на бок и застонал, навалившись на забинтованную руку. Глаза его открылись.

— Поздравляю с освобождением,— сказал я.

Он снова застонал и облизал бледным языком тонкие почерневшие губы.

— Как только вернусь домой, тут же подам в отставку,— прохрипел он и, устроившись поудобнее, стал баюкать свою раненую руку.— Такое впечатление, что это не моя рука,— попытался усмехнуться Дзок.

— Может быть, я могу чем-нибудь вам помочь?

Он отрицательно покачал головой.

— Где мы находимся, англик?

— Между прочим, меня зовут Байард,— сказал я.— Что же касается того, где мы, то вы должны знать это лучше меня. Я обшарил окрестности, пока вы были без сознания, и ничего не нашел. В течение пяти часов я вел шаттл, но потом в нем что-то сломалось, и мы вынырнули здесь. От вас не было никакой помощи, похоже, что вы были в гораздо худшей форме, чем я думал.

Дзок кивнул и произнес:

— Да. Все правильно. Физически и духовно я был истощен.

Во-первых, меня трижды почти до потери сознания избивали, во-вторых, мои питательные таблетки были на исходе, и мне пришлось всю последнюю неделю сидеть на ограниченном рационе.

— Но послушайте, как же вам удавалось все это проделывать — бежать, драться, ползти — со сломанной рукой?

— В этом почти нет моей заслуги, старина. Все дело в неиспользованных резервах моего организма. А потом еще немного самогипноза.

Он огляделся вокруг:

— Симпатичное местечко. Вы не обнаружили во время разведки наших бывших хозяев?

— Пока нет. Прошло более четырех часов со времени приземления. Думаю, нам не стоит опасаться погони. Судя по тому, что мы о них знаем, их владение техникой перемещения по Сети очень слабое, и поэтому вряд ли они нас найдут.

Дзок посмотрел на изломанную скалами линию горизонта и спросил:

— Как же вам удалось сориентировать шаттл? Или же... постойте... Похоже, что мы оказались где-то в дебрях.

Я покачал головой.

— Эти скалы, — я показал на возвышавшиеся вдали вершины, — производят вблизи довольно неприятное впечатление. Мне показалось, что они чем-то похожи на развалины человеческого жилья. Хотя ничего определенного сказать нельзя. Может быть, это игра природы.

— Да, — кивнул Дзок. — Каким бы путем ни двигаться по перемещающимся мирам, изменения прогрессивны. Лужа всегда становится прудом, пруд — озером, озеро — болотом, с живущими в нем двадцатифутовыми змеями. Деревья всегда растут вверх и вширь. Расцветают и плодоносят. Старятся и погибают. В энтропической цепи нет разрыва, исключая, конечно, такие, вызванные человеком, аномалии, как Зона Поражения.

— Вы догадываетесь, куда нас занесло?

Серая обезьяна на верхушке скалы подозрительно поглядывала на меня.

— Позвольте мне немного собраться с силами.

Дзок закрыл глаза и сделал несколько сильных вдохов:

— Я должен ввести свое сознание в мнемоническое состояние, иначе нельзя будет определиться во времени и пространстве.

Я ждал. Его дыхание восстановилось. Глаза открылись.

— Порядок, — наконец произнес он. — Все не так уж и плохо. Насколько я понимаю, мы находимся в шести часах езды от административного центра Зай.

Он сел, потом с трудом встал на ноги.

— Надо двигаться. Предстоит большая работа, нужно привести в порядок приборы. Не очень-то приятно двигаться с поломанными приборами.

Он задумчиво уставился на меня.

— Я хотел бы задать вам один вопрос, англик. Послушайте, как вам удалось управлять шаттлом?

— Я открою вам небольшую тайну, Дзок. Дело в том, что я тоже кое-что понимаю в управлении шаттлом.

Он выжидающе смотрел на меня. В его взгляде чувствовалась осторожность.

— Дело в том, — продолжал я, — что ваша администрация — не единственная сила, обладающая контролем над Сетью. Я представляю Верховное Правительство Имперума.

Дзок кивнул.

— Хорошо, что вы сами сказали мне об этом, Байард. Это будет способствовать установлению взаимного доверия.

— Вы что, об этом догадывались?

— Да. Я установил это еще там, в камере, во время нашего совместного пребывания в плену. Небольшой гипноз, и все стало ясно. Кроме этого, я влиял на выбор ваших поступков. Нет, нет, ничего вредного. Просто некоторое смягчение вашей тревоги плюс, конечно, команда следовать моим указаниям.

Мы обменялись пристальными взглядами. На моем лице появилась сардоническая усмешка.

— Для меня большое облегчение слышать подобные речи от вас, Дзок. Теперь я не буду чувствовать перед вами вину, особенно после того, как немного поработал над вами, пока вы были без сознания.

На мгновение он испугался, но уже через секунду сумел взять себя в руки.

— Мне очень жаль огорчать вас, старина, но я хорошо защищен от такого рода вещей, — выпалил он, однако вид у него был озабоченный.

Я кивнул:

— Я тоже!

Неожиданно он рассмеялся. Его похожая на пушечное ядро голова, казалось, раскололась в улыбке, открывшей, по меньшей мере, тридцать шесть зубов. Он согнулся в приступе хохота, сделав шаг ко мне.

Я отступил.

— У вас очень заразительный смех, Дзок. Но он не настолько хорош, чтобы я позабыл обо всем и позволил подойти ко мне на расстояние ближе вытянутой грабли!

Он выпрямился, усмехнулся на этот раз совсем невесело.

— Я уверен, что мы могли бы договориться,— продолжал я. — Только не надо впредь испытывать на мне эти трюки для начинающих. Я их достаточно хорошо изучил.

Он поджал свои тонкие губы:

— Я все думаю, почему вы остановились здесь? Почему вы не двинулись дальше по Сети и не оказались под защитой своей собственной базы, пока я был без сознания?

— Я уже вам говорил об этом. Дело в том, что я не смог сориентироваться. Эта территория мне незнакома, а на борту этой машины нет никаких карт Сети.

— Ага. И теперь вы ждете, что я доставлю вас домой, а себя поставлю в положение, когда мне...

— Просто вы должны помочь привести шаттл в порядок,— перебил я его.— А уж домой я сам постараюсь добраться.

Он покачал головой.

— Я по-прежнему сильнее вас, англик. И это несмотря на мою сломанную руку и физическое истощение. Не вижу, как вам удастся заставить меня сделать это.

— Не забывайте, что у меня есть оружие,— улыбнулся я,— и владею я им весьма недурно.

— Да. Но думаю, это вряд ли вам поможет. Моя смерть поставит точку и на вашей жизни! — он широко улыбнулся. Складывалось впечатление, что он получает удовлетворение от всего происходящего.

— Давайте я лучше доставлю вас к нам в центр, а уж там позаботятся, чтобы вы немедленно получили необходимую помощь,— предложил он.

— Я уже имел счастье изведать “волосатое” гостеприимство,— покачал я головой,— и больше к нему не стремлюсь.

Дзок обиженно скривился:

— Надеюсь, вы не станете смешивать нас, австралопитеков, с какими-то хегрунами, лишь потому, что тела у нас покрыты волосами.

— А вы можете гарантировать мне функционирующий шаттл и координаты моего мира?

— Ну, — он развел руками.— Я не уполномочен,— от боли в поломанной руке он охнул.

— Подумайте о том, в каком положении вы оказались бы, оставь я вас здесь!

— Я активно сопротивлялся бы такой попытке.

— И потерпели бы поражение!

— Возможно. Но, с другой стороны, я был бы слишком ценным пленником для вашего Имперiums, поэтому уж лучше умереть, сопротивляясь.

Он напрягся, как будто был уже готов оказать мне сопротивление. А этого я совсем не хотел.

— Я готов сделать вам еще одно предложение,— быстро сказал я.— Вы даете мне слово офицера Администрации, что мне будет дана возможность связаться с соответствующими высокопоставленными чиновниками в Зай, а я даю свое согласие сопровождать вас.

— В этом я могу вас заверить. Гарантирую вам также самый теплый прием.

— Значит, договорились.— Я сделал шаг вперед, протянул руку, стараясь выглядеть не очень озабоченным.

Дзок сначала не понял моего жеста, но затем пожал руку.

Его ладонь была горячей, сухой и жесткой, словно собачья лапа.

— Пустая рука,— пробормотал он,— без оружия. Замечательный символ!

Он снова широко улыбнулся:

— Я рад, что мы договорились. Похоже, вы достойный парень, Байард, хотя,— его улыбка несколько поблекла,— у меня такое чувство, что вы каким-то образом обвели меня вокруг пальца. Не знаю, каким образом, но чувствую это.

— Я ломал голову, как уговорить вас отправить меня в Зай,— сказал я, улыбаясь в ответ.— Спасибо, что помогли решить эту задачу.

— Хм-м. Должно быть, что-то случилось дома, а?

— Это еще мягко сказано.

Он нахмурился.

— Ладно, мне нужно работать. А вы пока расскажите-ка мне все поподробнее.

Через час, ободрав костяшки пальцев и получив удар током, Дзок наладил шаттл. Он сел за пульт управления и, повернувшись ко мне, спросил:

— Скажите, Байард, тот странный свет, о котором вы говорили, появляется даже в тех местах, куда не могли попасть лучи обычных источников света?

— Именно так, какое-то призрачное голубоватое свечение.

— В вашем рассказе есть целый ряд моментов, которые я никак не могу объяснить,— заметил, наконец, Дзок.— Но что касается эффекта света, то мне совершенно ясно, что вы были мгновенно перемещены на нулевой уровень времени. Хегруны обожают действовать на этом уровне. Видимый свет возникает при определенных эманациях, вызванных вследствие осцилляции элементарных частиц при сильно пониженном энергетическом уровне. Частично

такую реакцию вызывает деятельность глазного нерва. Замечали ли вы, что этот свет, в основном, исходит только от металлических поверхностей?

— Я бы не сказал.

Дзок, нахмурившись, покачал головой.

— Для того, чтобы перенести тело через энтропийный порог, требуется фантастическая энергия. Гораздо большая, чем для перемещения через А-линии, например. Вы говорите, что оказались там без всякой механической помощи?

Я кивнул.

— А что это за нулевое время?

— О, это очень сложное понятие,— Дзок внимательно следил за работой приборов, снимая их показания и занося данные в записную книжку. Как эксплуатационник шаттла он был на голову выше меня.

— При нормальных условиях мы движемся в направлении, которое можно для удобства назвать перемещением вперед. Перемещаясь по Сети, мы движемся перпендикулярно этому вектору, то есть, иными словами, в сторону. А нулевое время... Ну, представьте себе, что оно расположено под прямым углом к обоим векторам.

Это безжизненный континуум, в котором энергия течет странным образом.

— Тогда, выходит, это не город преобразился, а я сам? Выходит, что я вышел из своего нормального континуума и попал в состояние нулевого времени?

— Именно так,— сочувственно поморгал Дзок.— Я могу себе представить, в каком состоянии вы находились, думая иначе.

— Теперь я начинаю понимать случившееся,— сказал я.— Хегруны изучают Империум из нулевого времени, готовясь к вторжению. И их техника гораздо сильнее, чем та, что имеется у нас.

Поэтому нам понадобится помощь. Как вы думаете, Дзок, окажет нам ее ваша администрация?

— Я не знаю, Байард,— почти по-человечески пожал плечами Дзок.— Но будьте уверены, я сделаю все, что будет зависеть от меня.

Я спал беспокойным сном прямо на полу возле пульта управления, но Дзок разбудил меня. Встав за его спиной, я уставился на экран. Мы находились теперь среди витых башен и минаретов — розовых, желтых, светло-зеленых, устремленных в ясное утреннее небо.

— Боже, как прекрасно! — только и мог вымолвить я. Но тут же рассудок взял верх, и я задал сокровенный вопрос:

— А где ваш дом, Дзок? Уже близко?

— О, башни Зая! — почти пропел Дзок. — Ничто не может с ними сравниться!

— Хочется надеяться, что и прием будет соответствующим, — буркнул я.

— Послушайте, Байард, — нерешительно начал Дзок, — я должен вам что-то сказать. Э-э... откровенно говоря, у наших чиновников существует предубеждение против представителей гомо сапиенс. Предубеждение, возможно, безосновательное, но с ним всё же придется считаться.

— Что? Предубеждение? — это меня сильно задело. — И что лежит в основе этого недоброжелательного отношения?

— Определенные расовые черты. У вас репутация жестоких, любящих насилие, существ.

— Понимаю. Мы не столь нежны и мягки, как хегруны, например. Но мне хотелось бы задать вам один вопрос, Дзок. Не могли бы вы припомнить, кто это ввязался в драку с хегрунами и овладел шаттлом, на котором мы сюда прибыли? А?

— Да, да, и у нас есть некоторая воинственность. Но вы, наверное заметили, что даже хегруны стремятся скорее захватить в плен, чем убить, и хотя они жестоки, это жестокость равнодушия, а не ненависти. Я видел, как вы пнули одного из них, когда вас бросили в камеру. Запустили ли вы, что он даже не попытался дать вам сдачи?

— Любой начнет мстить, если с ним обращаться жестоко.

— Но только вы, сапиенсы, систематически истребляли все другие формы гуманоидной жизни в своих естественных континиумах. — Дзок теперь слегка разволновался. — Вы, лишённые волосяного покрова, в каждой линии, где вы существуете — обитаете в одиночестве! Давным-давно, при первом столкновении “лысого” человека с нормальными волосатыми антропоидами, движимые чувством стыда за свою наготу, вы начали уничтожать ваших “волосатых” братьев. И даже сегодня, после стольких лет, вы окутаны древним комплексом вины и стыда, связанным с этим истреблением ни в чем неповинных существ.

— Так что? Вы считаете нас, наше нынешнее поколение ответственным за то, что случилось или могло случиться тысячи лет назад?

— В моей части мира, — пожал плечами Дзок, — мирно сосуществуют три человеческие расы. Мы, австралопитеки, если использовать наш термин, родезианцы, отличные работники, сильные и трудолюбивые, хотя и не слишком умные, и пекинезы — производные, вы, наверное, знаете — синелицы ребята. Мы живем вместе в полной гармонии.

Каждая группа живет в своем социальном секторе и каждая вносит свой вклад в нашу общую культуру. Тогда как вы, сапиенсы, живете одни, а остальных уничтожаете.

— А как же я, Дзок? Я тоже кажусь вам маньяком-насильником? Я что, отнесся к вам с отвращением?

— Ко мне? — Дзок пораженно уставился на меня, но через мгновение расхохотался: — Кто? — он снова зашелся в смехе.

— Что вас так рассмешило, Дзок?

— Вам с вашим бедным голым лицом, вашими хилыми конечностями и дегенеративным телосложением, еще нужно преодолевать ваше естественное отвращение ко мне? — Он чуть не падал с кресла.

— Ну, если я и чувствовал отвращение, то у меня хватало тактичности не показывать этого, — обиженно проговорил я. — Не забывайте, что с моей точки зрения вы выглядите довольно... необычно.

Дзок умолк и взглянул на меня примирительно.

— Да, это так, — признался он. — И ты перевязал мне руку и выстирал мне форму.

— И умыл твою старую несчастную рожу, не так ли?

Дзок улыбнулся теперь почти пристыженно.

— Прости, старина, меня, похоже, немного занесло в сторону.

Я махнул рукой.

— Все эти разговоры, — продолжал он, — просто чушь. Забудь о них, Байард. Надо судить о человеке по его поступкам, не так ли? Но сколько же еще у нас чиновников, которые не могут избавиться от своих расовых предрассудков!

Он нерешительно протянул мне руку.

— Пустая рука, без оружия, а? — Он улыбнулся и пожал руку. — Ты хороший парень, Байард, — проговорил Дзок. — Если бы не ты, я все еще гнил бы в этой страшной камере. Я всегда буду помнить об этом и поэтому постараюсь, насколько это будет в моих силах, помочь тебе.

Он нажал на рычаг управления, переключил реле перехода в нерабочее состояние, и шум генераторов поля стих. Дзок обернулся ко мне:

— Вот мы и прибыли. Этот день может оказаться знаменательным для наших рас.

Мы вышли на широкий простор площади, окруженной деревьями, с яркими геометрическими клумбами и фонтанами, искрящимися в лучах солнца. По площади бродили тысячи австралопитеков, прогуливающих и спешащих куда-то с важным видом, который был отличительной чер-

той чиновников не только у нас, но и, как видно, здесь. Не странно ли?

Одни были одеты в струящиеся балахоны, похожие на арабские джеллабы, на других были только разноцветные панталоны и куртки. То там, то тут в толпе мелькала белая форма агентов. Наше неожиданное появление в самой гуще толпы вызвало небольшое замешательство, но мой вид вызвал у них ропот негодования. Я заметил, как морщатся носы у одних, как враждебно поглядывают на меня другие. Кто-то что-то крикнул Дзоку. Он ответил и крепко взял меня за руку.

— Извини, Байард, — пробормотал он.

Дзок помахал рукой небольшому самолетику, кружившему над нами. Я подумал, что это вертолет, но потом заметил, что у него нет несущих винтов. Аппарат начал снижаться, выпустив большой прозрачный парашют. Похожий на Дзока пилот, блеснув рядом прекрасных зубов, посмотрел на меня. Челюсть у него прямо-таки отвисла.

Он что-то пробормотал Дзоку, который ответил ему и, взяв меня за руку, направился вперед.

— Не обращай на него внимания, Байард. Что взять с простого человека?

— О, не беспокойся, старина. Я ведь не понимаю, что он говорит, — постарался рассмеяться я, но плохие предчувствия уже начали донимать меня.

Пилот остановил нас, что-то горячо доказывая Дзоку. Тот молча выслушал, кивнул головой и снова повел меня к самолетику.

Я взобрался на сидение, обтянутое кожей. Дзок уселся рядом и, похлопав летчика по спине, что-то сказал, очевидно, давая адрес.

— Похоже, что наше приключение не так уж и плохо закончилось, — удовлетворенно сказал он, откидываясь на спинку кресла. — Возвращаюсь целым и невредимым — более или менее — с захваченной машиной и самым удивительным... гостем. Разве это не удача?

— Я рад, что ты не сказал “пленником”, — с горечью констатировал я, глядя на великолепную панораму парков и площадей, быстро проплывавшую под нами. — Куда мы направляемся, Дзок?

— Мы едем в штаб Администрации. Мой отчет требует незамедлительного доклада. Да и ты тоже спешишь, не так ли?

Говорить, похоже, больше было не о чем. Я разглядывал проплывающий внизу город, наблюдал, как растет, приближаясь, высокая белая башня. Мы направлялись, очевидно, прямо к ней. Сделав круг, пилот сказал что-то

в микрофон, и вот мы уже мягко опустились на небольшую площадку, расположенную на крыше в саду из высоких пальм, больших клумб с желтыми и голубыми цветами. В центре сада блестел пруд, заполненный ослепительно-голубой водой. Птицы и зверьки придавали этому саду сходство с джунглями.

— А сейчас, Байард, позволь мне вести разговор,— сказал Дзок, призывая меня поскорее покинуть самолетик.

— Поверь,— продолжал он,— что я представлю твое дело в самом лучшем виде. Поверь, все будет хорошо. Через несколько часов ты будешь на пути домой.

— Надеюсь, что ваш Совет менее расистски настроен, чем люди там, внизу,— начал было говорить я, но тут же замолчал, уставившись на клетку, откуда двуногое существо без хвоста и шерсти, ростом около двух футов, с низким лбом и редкой бородой смотрело на меня. Смотрело очень тоскливыми глазами.

— Боже мой! — воскликнул я.— Но ведь это же обыкновенный карлик! Это человек!

Дзок резко обернулся:

— А! Что? — Он махнул рукой и усмехнулся.— О, Байард, это ведь просто животное. Забавное маленькое создание, но, тем не менее, дикое и очень далекое от человека.

Маленькое существо забеспокоилось и издало жалобный звук. Я прошел мимо, подавив в себе бурю чувств, ни одно из которых не добавило мне веры в счастливое возвращение.

Мы вошли в большую комнату под открытым небом, посреди которой находился бассейн, цвели цветы на клумбах, стояли столы и кресла.

Дзок подошел к настенному экрану, страстно заговорил в микрофон и через несколько мгновений повернулся ко мне:

— Все устроено,— сказал он.— Совет сейчас заседает и рассматривает наше дело. — Быстро! — удивился я.— Честно говоря, я боялся, что мне придется около недели болтаться здесь, заполняя различные формы и анкеты.

— Только не здесь! — заносчиво воскликнул Дзок.— Дело чести местных властей своевременно решать все дела.

— Местные власти? Я полагал, что нас встретит высшее начальство.

— Это и есть высшее начальство. Не бойся, Байард. Они могут прекрасно оценить ситуацию и вынести разумное решение, отдав соответствующие приказы.

Он посмотрел на настенный циферблат, в котором я хотел бы признать местные часы:

— У нас есть еще немного времени. Думаю, его хватит на то, чтобы освежиться и переодеться. Боюсь, что от нас все еще пахнет хегрунской тюрьмой.

В комнате было еще несколько посетителей, прогуливающих возле бассейна и сидящих в креслах. Они с любопытством смотрели на нас. Дзок поздоровался с некоторыми, но не остановился.

Он подошел к окну в стене, нажал на кнопки, обмерил меня сантиметром, прикрепленным тут же, и повернул рычаг. Из окошка вылетел плоский пакет.

— Чистая одежда, Байард,— сказал он.— Правда, не совсем то, к чему ты привык, но, думаю, тебе будет в ней удобно. И потом, знакомая одежда, возможно, поможет преодолеть любую первоначальную... э-э... неприязнь членов Совета.

— Жаль, что я выбросил свой обезьяний наряд,— сказал я.— Тогда бы я и здесь мог бы сойти за хегруна.

Дзок внимательно посмотрел на меня, но промолчал.

Он повернулся к стене и еще раз проманипулировал кнопками и рычагом. Выбрав и для себя одежду, он повел меня в душевую, где струи теплой воды с ароматическими добавками били из отверстий в потолке.

Войдя в гардероб, мы высохли в струях сухого воздуха. Моя новая одежда — костюм из синего серебристого атласа, туфли из мягкого кожезаменителя и белая шелковистая рубашка — сидела на мне более или менее прилично. Дзок хмыкнул, увидев, что я причесываю волосы. Он, наверное, считал, что на это не стоит тратить усилий. Он еще раз взглянул на себя в зеркало, поправил свою новую белую фуражку с золотым кантом.

— Не часто агент возвращается с задания, выполнив свои обязанности в ситуации 4П класса 2,— произнес он удовлетворенным тоном.

— Что это за 4П? Это хегруны или я?

Дзок засмеялся, пожалуй, несколько натянуто:

— Ну, ну, не волнуйся, Байард, я уверен, что советники признают необычность твоего дела...

Я вышел вслед за ним в коридор, обдумывая сказанное.

— Предположим, что я "обычный" случай. Что тогда?

— Тогда, конечно, будет действовать политика Администрации.

— И что же в таком случае диктует политика Администрации? — продолжал настаивать я.

— Давай просто будем ждать и действовать по обстоятельствам, Байард. Хорошо?

Дзок поспешил вперед, а во мне росло чувство опасения, что его уверенность в благополучном завершении моего дела испаряется по мере приближения к дверям.

Двое часовых в белой форме, отделанной серебристым кантом, отдали честь, когда мы подошли. Дзок обменялся с ними несколькими словами, и один из них, повернувшись, нажал на кнопку. Дверь открылась. Дзок глубоко вздохнул, жестом приказал мне следовать за собой.

Впереди я увидел длинный стол, за которым сидело много "человек" — в основном австралопитеков, но среди них были и представители по меньшей мере еще трех разумных рас, причем у всех были седые или седеющие волосы.

— Встань слева от меня, на шаг сзади, — прошептал Дзок. — И делай все, что я скажу.

Затем он сделал шаг вперед навстречу старейшинам. Я напустил на лицо скромное, смиренное выражение и последовал за ним.

Двенадцать пар желтых глаз следили за мной из-за черного полированного стола — и ни в одном не было и тени доброжелательности.

Узколицый седобородый старец проскрипел что-то соведу слева.

Дзок остановился, сделал полупоклон и, проговорив что-то, указал на меня.

Затем, переходя на английский, он сказал:

— Я представляю вам некоего Байарда, аборигена английского сектора. Как вы видите, досточтимые, это сапиенс.

— Где вы его поймали? — завопил узколицый советник высоким раздраженным голосом.

— Байард не совсем пленник, господа, — начал Дзок.

— Вы хотите сказать, что это создание по собственному желанию прибыло сюда? — задал кто-то вопрос.

— Можете не отвечать на этот вопрос, агент, — раздался справа голос круглолицего советника. — Советник Сфонджил просто упражняется в риторике. Но ваше утверждение, что это не пленник, нуждается в пояснении.

— Ознакомлены ли вы, агент, с политикой Администрации в отношении безволосых антропоидов? — вставил другой.

— Обстоятельства, при которых я встретил англика, довольно необычны, — сказал Дзок. — И только благодаря

его помощи мне удалось избежать длительного тюремного заключения. Мой доклад...

— Заключение? Агента Администрации?

— Я думаю, что нам лучше всего сразу же заслушать полный отчет агента,— сказал советник, прервавший Сфонджила, и добавил что-то на своем языке.

Дзок довольно долго что-то говорил, жестикулируя своими длинными руками. Я молча стоял позади него, чувствуя себя товаром, на который не находится покупатель.

Члены Совета засыпали Дзока вопросами, на которые он, потев, с трудом отвечал.

Выражение лица Сфонджила не изменилось. В конце концов, круглолицый советник махнул седоватой рукой с длинными пальцами, и устремил свой взгляд на меня.

— Только что, англик, наш агент Дзок рассказал нам об обстоятельствах, при которых вы отдали себя в его распоряжение...

— Очень сомневаюсь, что Дзок говорил вам что-то подобное,— резко оборвал я его.— Я уверен, что он непременно упомянул в своем докладе о том, что мне необходимо отправиться в свою временную линию!

— Ваши нужды мало интересуют Совет! — выпалил Сфонджил.— Мы прекрасно знаем, как обращаться с такими, как вы.

— Вы ничего не знаете о таких, как я! — мой голос был резок. — Между нашими народами еще не было контакта.

— Существует только одно правительство, сапиенс,— прервал меня Сфонджил. Он поджал тонкие губы, открывая поразительно розовые десны и множество зубов в усмешке,— ... мы хорошо знакомы с перечнем ваших деяний относительно других разумных рас.

— Подождите, Сфонджил,— вмешался еще один советник.— Давайте сначала послушаем рассказ этого парня о его злоключениях. Похоже, что действия хегрунов заслуживают внимания.

— А я говорю, пусть хегруны делают, что хотят, пока нас это не касается! — возразил Сфонджил.

Теперь я понял, какую позицию он занимал. Не дать мне высказаться! Поэтому наступил момент вмешаться и мне.

— Нравится вам или нет, Сфонджил, но Империиум — это первоклассная держава, обладающая возможностью передвижения по Сети. И поэтому, рано или поздно две наши культуры должны обязательно встретиться. И мне очень хотелось бы, чтобы наши отношения начались мирно.

— Передвижение по Сети? — оживился толстый советник. — Вы ничего не сказали об этом, агент, — сказал он, посмотрев на Дзока.

— Я как раз собирался говорить об этом, ваше превосходительство, — спокойно ответил Дзок. — Байард заявил мне, что хотя он и был перенесен в линию хегрунов на их шаттле, его народ обладает своим собственным средством перемещения по Сети. И действительно, впоследствии оказалось, что он немало знаком с техникой управления машиной.

— Это меняет дело, — произнес один из членов Совета. — Поэтому я предлагаю, господа, не предпринимать поспешных действий, которые могли бы повлиять на отношения с этой расой сапиенсов.

— Почему вы думаете, что мы будем иметь с ними дело? — заверещал Сфонджил, вскакивая на ноги. — Наша политика...

— Оставьте в покое нашу политику, Сфонджил, — закричал толстяк, подсакивая к узолищему советнику. — Сядьте! Я прекрасно знаю, какая политика должна проводиться в подобной ситуации. И я хотел бы, чтобы вы пока воздержались от объявления ее миру.

— Какой бы ни была ваша политика в прошлом, — вмешался я, — она должна быть пересмотрена в свете нынешней ситуации и новых данных! Империиум — это держава Сети, но это вовсе не значит, что должны непременно возникнуть конфликтные ситуации.

— Существо лжет! — завопил Сфонджил, уставившись на меня. — Мы провели обширные исследования всего квадрата IV-4, включая так называемый английский сектор, и мы не обнаружили никаких признаков наличия перемещения по Сети, кроме нашего, конечно.

— Линия О-О Империиума лежит в пределах района, который вы называете Зоной Опустошения, а мы Зоной Поражения, — проговорил я.

Сфонджил зашелся в приступе смеха:

— Вы имеете наглость упоминать об этом жутком памятнике страсти вашего племени к разрушению? Одно только это является достаточным основанием для вашего исключения из общества достойных гуманоидов.

— Возможно ли это? — удивился неизвестный советник. — Ведь мы знаем, что в пределах Зоны никто не живет!

— Это еще одна ложь сапиенса! Что взять с его расы! — расправив плечи, уже спокойно произнес Сфонджил. — Я требую, чтобы Совет сразу же исключил этого дегенерата из жизни и занес замечания второго класса в карточку агента!

— Тем не менее,— почти прокричал я,— ряд обычных мировых линий существует в Зоне. И в одной из них находится правительство Сети. Как официальный представитель Империума, я прошу оказать мне помощь для возвращения домой.

— Это кажется довольно скромным требованием,— удивился толстый советник.— Сядьте, Байард, и расскажите вашу историю.

Сфонджил оскалил зубы, но ничего не сказал. Через мгновение он поднял руку и щелкнул пальцами.

Молодой австралопитек в белой форме выступил вперед со своего поста у двери, выслушал шепотом произнесенные инструкции старца и удалился. Сфонджил сложил руки у пояса и фыркнул:

— Я протестую, но подчиняюсь.

Через полчаса я окончил свое повествование. Потом были заданы многочисленные вопросы. Одни исходили от здравомыслящих членов Совета, таких, например, как советник по имени Никадо, другие были просто издевками типа: “вы все еще избиваете своих жен?”

И на все я старался отвечать как можно яснее.

В конце один из советников подвел черту:

— Таким образом, согласно вашему рассказу, вы оказались в нулевом времени собственного континуума, прибыв туда неизвестным способом. Затем вы увидели людей, предположительно хегрунов, грузившихся на транспорт, приготовленные к отправке. Вы убили одного из них, украли их примитивный аппарат для перемещения по Сети и оказались в ловушке. По прибытии в линию мира хегрунов вы попали в плен. Оттуда вы вырвались, убив опять-таки разумное существо. И теперь вы стоите перед нами и требуете, чтобы вам предоставили ценное имущество Администрации и отпустили для продолжения вашей деятельности.

— Это не совсем верно сформулировано, ваше превосходительство, — начал было Дзок, но его тут же прервали.

— Этот человек сам признался, с какой легкостью лишил жизни двух разумных существ! — закричал Сфонджил.— Я полагаю...

— Пусть сапиенс скажет,— перебил его Никадо.

— Хегруны что-то замышляют. Похоже, что это будет нападение на Империум из нулевого времени. Если вы не хотите нам помочь, то хоть одолжите мне шаттл, чтобы я смог вовремя попасть на родину и сделать своевременное предупреждение.

Молодой австралопитек в белой форме опять незаметно вошел в комнату, подошел к Сфонджику и передал ему лист бумаги. Тот внимательно прочитал его, потом взглянул на меня, и в его желтых глазах запылал злобный блеск.

— Так я и предполагал! — закричал он. — Сапиенс лжет! Весь его рассказ — это обман. Так ты говоришь, Империи, англик? Да? И вдобавок держава Сети? — Сфонджик пододвинул полученную бумагу соседу.

Тот внимательно изучил ее и передал следующему. Когда послание прочел Никадо, он нахмурился, озадаченно посмотрел на меня и еще раз перечитал написанное на бумаге.

— Боюсь, что я никак не могу понять этого, Байард. — Его взгляд сверлил меня. Темное лицо становилось пунцово-серым. — Чего вы хотите добиться, обманывая наш Совет?

— Я бы мог пролить кое-какой свет на все это недоумение, но я никак не могу понять, откуда вдруг взялись такие обвинения? — пожал я плечами.

Мне молча передали листок бумаги. Я посмотрел на многочисленные кривые линии и покачал головой:

— К сожалению, я не владею вашим письмом, ваши превосходительства.

— Это уже само по себе можно считать доказательством, — проговорил Сфонджик. — Заявлять о своей способности перемещаться по Сети и не иметь языковой базы.

— Советник Сфонджик проверил ваше заявление, сапиенс, — холодно произнес Никадо. — Вы утверждали, что ваша линия О-О расположена примерно на координатах 857-259 в районе Зоны. Наши сканирующие устройства нашли три нормальных мира в пределах этой пустыни — и до этого момента ваш рассказ содержит долю истины. Но что касается координат, сообщенных вами...

— Ну и...? — Я с трудом сдержал себя, чтобы не выдать своего волнения.

— Такой линии не существует. Непрерывная пелена уничтоженных миров покрывает весь этот район Сети!

— Нужно посмотреть еще раз!

— Убедитесь сами, — Сфонджик протянул через стол мне вторую бумагу — черную блестящую фотографию, гораздо более точную, чем те неуклюжие изделия, которыми пользовались картографы Империи. Я сразу узнал знакомую овальную форму Зоны — и внутри ее светящиеся точки, представляющие собой миры, известные мне под номерами II и III. Кроме того, здесь же я обнаружил и

доселе мне неизвестную линию А. Но там, где должна была быть линия О-О Имперума, ничего не было.

— Я полагаю, что Совет и так уже потратил достаточно времени на этого шарлатана,— услышал я чей-то голос.— Уведите его.

Дзок пристально посмотрел на меня:

— Почему? — спросил он.— Почему ты солгал, Байард?

— Цель этого существа вполне понятна, агент,— торжествующе провозгласил Сфонджил.— Приписывая свои собственные побуждения другим, он предположил, что, выдав себя за представителя высокоразвитой технической цивилизации, избежит пристального рассмотрения его дела. И тем самым внушит нам благоговение перед великой державой Сети! Ну чем не замаскированная угроза возмездия!? Жалкая уловка! Но чего можно ожидать от такого ничтожества!

— Ваши приборы, возможно, ошиблись, господа,— забеспокоился я.

— Молчите! Вы — преступник! — вновь вскочил на ноги Сфонджил. Он не хотел терять своего преимущества.

— Сфонджил занимается чем-то, что хочет скрыть — закричал я.— Он подделал фотографию...

— Он не мог этого сделать,— покачал головой Никадо.— Нелепые обвинения ничего вам не дадут, сапиенс.

— Все, что я просил у вас, это дать мне возможность вернуться домой! — я бросил фотографию на стол.— Доставка меня туда, и вы довольно скоро убедитесь, лгу я или нет.

— Этот самоубийца хочет, чтобы мы пожертвовали техникой и экипажем для выполнения его прихоти,— заметил кто-то.

— Вы много говорите о кровожадных инстинктах моих соплеменников, — рявкнул я.— А где содержатся представители сапиенсов в вашем уютном мире? В концентрационных лагерях, ежедневно слушая лекции о братской любви?

— Разумных безволосых форм, родственных нам, в этом мире нет! — отрезал Никадо.

— Как это нет? — удивился я.— Может быть, скажете еще, что они вымерли?

— Видите ли, сапиенс, их вид был... э-э... слабым,— начал говорить Никадо.— Маленькие, плохо приспособленные к трудностям. Никто из них не дожил до настоящего времени.

— Значит, вы их истребили! В моем мире это, вероятно, происходит наоборот а, может быть, в обоих случаях

здесь были замешаны силы природы? Древнюю историю можно ведь по разному толковать, не так ли? Я предлагаю вам еще раз проверить правдивость моего рассказа.

— Я требую прекратить этот фарс! — застучал по столу Сфонджил, привлекая к себе внимание. — Я призываю Совет к формальному голосованию. Немедленно!

Никадо подождал пока утихнет поднявшийся шум.

— Советник Сфонджил воспользовался своим правом, — медленно проговорил он. — Сейчас мы проведем голосование по этому вопросу в том порядке, в котором предложит советник.

Сфонджил встал.

— Вопрос ставится следующим образом, — официально сказал он. — Удовлетворить требования этого сапиенса, — он оглядел сидевших за столом коллег, как бы оценивая их настроение.

— Он рискует своим положением после голосования, — прошептал мне на ухо Дзок. — Он или все потеряет, или займет главенствующее положение.

— ...или наоборот, — глаза Сфонджила были устремлены теперь на меня, — приказать, чтобы его переместили в дотехническую линию мира, в котором он и проживет в изоляции отпущенный ему срок жизни.

Дзон тихо охнул. Вдох раздался за столом. Никадо пробормотал:

— Если бы вы, сапиенс, были честны с нами...

— Голосование! — вскричал Сфонджил. — Выведите преступника из зала, агент!

Дзок взял меня за руку и вывел в коридор. Тяжелые двери захлопнулись за нами.

— Я ничего не понимаю, — недоуменно проговорил Дзок, пристально глядя на меня. — Рассказывать им всю эту чушь о державе Сети. Этим ты только настроил против себя весь Совет, а зачем?

— Я думаю, что смогу объяснить тебе, Дзок, — сказал я. — Не думаю, что ваш Совет нуждается в помощи. Они уже и так имели представление о гомо сапиенс.

— Ну, не скажи, Байард, — покачал головой Дзок. — Никадо явно стремился тебе помочь. И он очень влиятельный член Совета. Но эта твоя бессмысленная ложь...

— Послушай, Дзок, — я схватил его за руку. — Я не лгал! Попытайся вбить это в свою твердолобую голову! Меня не интересует, что там показали ваши приборы. Империи существует, пойми это!

— Но наши приборы не могут лгать, сапиенс! — холодно произнес агент. — Тебе лучше признать свою ошибку и попросить снисхождения.

— Что? Снисхождения? — я не очень весело рассмеялся. — От добрейшего советника Сфонджила? Вы очень много мните о своей счастливой философии родства, но когда дело касается практической политики — вы столь же безжалостны, как и все обезьяноподобные.

— О смерти речи не было, — скривился Дзок. — Переселение даст тебе возможность прожить жизнь в достаточном комфорте.

— Не о своей жизни я толкую, Дзок! Три миллиарда человек живут в том мире, который, как вы утверждаете, не существует! Неожиданная атака хегрунов будет резней.

— Твой рассказ лишен смысла. Линии Имперiums, о которой ты говоришь с таким пылом, не существует!

— Ваши приборы нуждаются в проверке, да, да! Еще сорок часов назад этот мир существовал!

Внезапно двери зала открылись. Вышел молодой австралопитек и подозвал Дзока. Агент встревоженно взглянул на меня и пошел вперед. Двое вооруженных часовых встали по обе стороны от меня.

— Что они решили? — спросил я, кивнув в сторону зала.

Никто мне не ответил. Прошла минута, вторая, третья...

Потом двери снова открылись, и вышел Дзок. Позади него стояли два члена Совета.

— Решение принято, Байард, — сдавленно произнес Дзок. — Сейчас тебя проводят в помещение, где ты проведешь эту ночь. А завтра...

Сфонджил выступил вперед из-за его спины:

— Вы что, колеблетесь в выполнении своего долга, агент? — завопил он. — Скажите этому существу, что все его интриги оказались напрасными! Совет проголосовал за переселение!

Этого я и ожидал. Я отступил назад, почувствовав в своей руке пистолет, и тут-то длинная рука Дзока нанесла, словно топором, удар по предплечью. Пистолет упал на пол. Я попытался выхватить оружие у ближайшего часового, но как только я дотронулся до него, стальные наручники защелкнулись на моих запястьях. У моего лица волосатая рука раздавила какую-то ампулу. Острый запах ударил в ноздри. Я закашлялся и попытался не дышать.

Но ноги мои стали ватными, и я тяжело опустился на пол. Я лежал на полу, а Дзок склонился надо мной, что-то говоря.

— ...сожалею... не моя вина, старина...

Я сделал огромное усилие, шевельнул языком и выдал одно слово: "Правда!"

Кто-то оттолкнул Дзока в сторону. Близко поставленные желтые глаза смотрели на меня.

Послышались голоса:

— ...глубокая мнемоника...

— заканчивайте работу...

— ...слово чести офицера...

— ...англик есть англик...

А потом я начал падать, легкий, как воздушный шарик, видя, как все вокруг меня начинает плыть, кружиться, мелькать и меркнуть.

ГЛАВА VI

Я долго наблюдал за игрой света на тонких гардинах открытого окна, прежде чем задумался о том, где нахожусь. Память с трудом возвращалась ко мне, словно когда-то выученный, но потом основательно подзабытый урок. Похоже, что во время деликатной миссии в Луизиану у меня произошел нервный срыв (подробностей этой миссии я никак не мог вспомнить), и теперь я отдыхал в пансионе добрейшей миссис Роджерс в Харроу.

Я сел, чувствуя легкое головокружение, напомнившее мне о недавнем времени, когда я провел почти неделю в засаде, выполняя одно довольно трудное разведывательное задание в... в... На мгновение в моей памяти возникло мимолетное воспоминание о каком-то городе, каких-то людях, будто бы мне знакомых, и...

Но тут же все исчезло. Я снова лег. Я нахожусь здесь для того, чтобы отдохнуть, а потом, получив пенсию (в моей голове возникла неожиданная картина моей чековой книжки с 10000 золотых наполеондоров) я мог бы осесть где-нибудь и спокойно заняться садоводством, о чем всегда мечтал.

В этой картине чего-то не доставало, но думать сейчас об этом было слишком тяжело. Я осмотрелся. Комната была небольшая, заполненная солнцем и ярко раскрашенной мебелью, с коврами на полу и покрывалом на кровати,

изображающим сцену охоты. Ручка двери повернулась, и в комнату вошла женщина с седыми волосами, щеками, похожими на печеные яблочки, в маленьком смешном чепце из кружев, в разноцветной юбке до пола.

Увидев, что я пришел в себя, она от неожиданности вздрогнула и так засияла, словно я похвалил ее пирог.

— Мистер Байард! Вы проснулись! — голос у нее был писклявый, и говорила она с акцентом, который я не смог сразу определить. — Вы голодны? Вы, наверное, не прочь съесть сейчас тарелочку супа, да, сэр? И потом немного пудинга, а?

— Хороший бифштекс под грибным соусом звучит лучше, — сказал я. — И еще... — я хотел было спросить у нее, кто она такая, но потом внезапно вспомнил — ведь это добрейшая миссис Роджер, конечно же! — ... я хотел бы выпить стакан вина, если можно, — закончил я.

— Конечно, конечно, сэр, — засуетилась она, — но сначала горячую ванну. Это будет замечательно, мистер Байард. Я сейчас позову Хильду.

Послышались женские голоса. Меня касались чьи-то руки. Я сделал усилие и открыл глаза. Надо мной склонилась симпатичная девушка, держа в руках пижаму. Позади нее пожилая женщина руководила двумя мужчинами, переносившими что-то тяжелое вне поля моего зрения. Девушка выпрямилась, и я успел заметить тонкую талию, приятно округлую грудь, свежее лицо, обрамленное волосами медового цвета. Мужчины закончили свою работу и ушли, а вместе с ними и пожилая женщина. Девушка задержалась еще на мгновение, затем последовала за ними, оставив открытой дверь. Я приподнялся на локте и увидел небольшую ванну, наполовину наполненную водой. Она стояла на овальном коврике, а на табуретке рядом лежало махровое полотенце и кусок белого мыла. Все это выглядело довольно заманчиво. Я сел, спустил ноги с постели, несколько раз глубоко вздохнул, чтобы отогнать головокружение, потом натянул пижаму и, пошатываясь, встал.

— О, вам еще нельзя вставать, сэр! — глубокое контраalto раздалось из-за двери. Медовые волосы были уже откинуты со лба, открывая прекрасные черты лица. Я подхватил свои брюки, чуть было не упал и тяжело сел на кровать. Девушка подошла ко мне и взяла за руку.

— Ганвор и я очень волнуемся за вас, сэр. Я испугался. Одно дело — проснуться в незнакомой комнате и с трудом сориентироваться, и совсем другое — осознать, что ты —

среди совершенно незнакомых людей и, кроме того, абсолютно не помнишь, как сюда попал...

С ее помощью я приподнялся и дошел до ванны. Остановившись, я с недоумением посмотрел на незнакомку.

— Просто встаньте в нее ногами, и все, — сказала она и улыбнулась.

Я последовал ее совету. Девушка уселась на табурет рядом и коснулась моей руки.

— Я Хильда, — проговорила она. — Мой дом у дороги. Было так интересно, когда миссис Ганвор сказала, что вы приехали. Мы не часто видим у себя луизианца, и к тому же дипломата. Вы, должно быть, ведете такую волнующую жизнь! Я думаю, вы поездили по свету! О, как бы я хотела побывать хотя бы в Египте, Австрии или Испании.

Она болтала и мыла меня так же спокойно, как бабушка, купающая своего пятилетнего внука. Если у меня и было слабое желание воспротивиться ее помощи, то оно быстро улетучилось. Я был столь же слаб, как и пятилетний ребенок, и было очень приятно, что это очаровательное создание массирует мне спину мочалкой, а в открытое окно заглядывает солнце и мягко колышет занавески теплый ветерок.

— ...ваш несчастный случай, сэр? — я успел уловить последние слова и понял, что Хильда задала вопрос. Мне стало неловко. Было неприятно думать, что у меня было что-то вроде легкой потери памяти. Естественно, я забыл не все, но вот подробности последних дней я никак не мог вспомнить.

— Хильда, — обратился я к девушке, — человек, который доставил меня сюда, говорил ли он что-нибудь обо мне? Что-то о несчастном случае?

— Письмо! — Хильда вскочила, подошла к столу и вернулась с твердым квадратным конвертом.

— Доктор оставил это для вас, сэр. Я так разволновалась, что чуть не забыла о нем.

Я узнал письмо, открыл конверт, вытащил листок белой бумаги с отпечатанным на машинке текстом.

“Мистер Байард!

С чувством глубокого сожаления и выражением глубочайшего личного участия я подтверждаю этим Вашу отставку из Дипломатического Корпуса Его Величества Императора Наполеона V по состоянию здоровья...”

Там было еще что-то — о моей верной службе и преданности долгу, сожаления о невозможности устроить мне пышные проводы из-за того, что я еще не окончательно

поправился, а также надежды на скорейшее выздоровление. Упоминалось также имя моего поверенного в Париже, который может ответить на все мои вопросы. Подпись в конце письма была мне абсолютно незнакома, но потом я, конечно, вспомнил — кто же не знает графа де Манина, заместителя министра иностранных дел в вопросах безопасности. Старина Риджи...

Я прочел письмо дважды, затем снова вложил его в конверт. Мои руки заметно дрожали.

— Кто вам его дал? — мой голос звучал хрипло.

— Это был доктор, сэр. Они привезли вас две ночи назад в карете, и господин доктор был очень заботлив в отношении вас, сэр. К сожалению, ваши друзья, сэр, очень спешили, им надо было еще успеть на пароход, идущий в Кале.

— Как он выглядел?

— Доктор? — Хильда снова принялась меня тереть. — Это довольно высокий джентльмен, сэр, хорошо одетый, с приятным голосом. Брюнет. Я видела его всего две-три минуты и в темноте не смогла как следует рассмотреть. — Она засмеялась. — Но я все же успела заметить, что глаза у него очень близко посажены.

— Он был один?

— Был еще кучер и второй джентльмен, не выходявший из кареты, но...

— А миссис Роджерс их видела?

— Всего несколько мгновений, сэр. Они ужасно спешили.

Хильда закончила купать меня, вытерла насухо, помогла надеть пижаму и лечь в постель. Мне хотелось еще о многом ее расспросить, но сон поборол меня.

В свое следующее пробуждение я почувствовал себя уже более нормально. Я встал с постели, добрался до шкафа, где обнаружил странный наряд, состоящий из узких брюк, рубашки с рюшами у горла и на манжетах и туфель с маленькими блестящими пряжками.

Но, конечно же, ничего странного в этом нет, уговаривал я себя. Просто очень модная и новая одежда — ярлык портного еще торчит из нагрудного кармана.

Я закрыл шкаф и подошел к окну. Оно было открыто, и послеполуденное солнце освещало горшки с геранью, стоящие на подоконнике. Внизу я увидел ухоженный садик, выложенную кирпичом дорожку, белый забор и вдалеке — купол церкви. В воздухе стоял запах свежескошенного сена. Я увидел Хильду, выходящую из-за угла с корзиной в руках. На ней была плотная юбка до щиколо-

ток и деревянные красно-синие сабо. Она заметила меня и широко улыбнулась.

— Хелло, сэр! Вы уже выпались?

Она подошла ближе и подняла корзину, чтобы показать мне темно-красные помидоры.

— Правда хороши? Я несколько штук порежу вам на обед.

— Это будет замечательно! — постарался я воскликнуть как можно восторженнее. — А кстати, как долго я спал?

— В этот последний раз?

— Нет. Вообще.

— Ну, вы прибыли около полуночи. После того, как мы вас уложили, вы проспали весь следующий день и всю ночь и проснулись сегодня около полудня. После ванны вы снова уснули и спали до сих пор.

— А сколько сейчас времени?

— Около пяти вечера, — она засмеялась. — Вы спали так, как будто вам дали снотворное, сэр.

Я почувствовал, словно тяжелый груз свалился с моих плеч, как подтаявший снег с крутой крыши. Снотворное? Вот оно что! Меня опоили до предела!

— Я хотел поговорить с миссис Ганвор, — сказал я. — Где она?

— В кухне, сэр. Она готовит вам к обеду гуся. Мне сказать ей?

— Нет. Не надо. Я сейчас оденусь и отыщу ее.

— Сэр, вы уверены, что в состоянии?

— Я чувствую себя прекрасно, милая Хильда, — заверил я ее.

С этими словами я отошел от окна, раскрыл шкаф, все еще борясь с дремотой, которая наплывала на меня, словно туман. Одевшись, я пошел по коридору на звон посуды и оказался в кухне, где девочка-подросток мыла посуду, а миссис Ганвор разделывала гуся.

— О, да ведь это мистер Байард, — воскликнула она, увидев меня в дверях.

Я прошел вперед, оперся на стол, чтобы не упасть, и постарался не думать о шуме в голове.

— Миссис Ганвор, доктор не оставлял вам для меня никаких лекарств?

— Да. Конечно же, сэр, капли, которые, как он сказал, надо добавлять в суп, и белые порошки, которые надо добавлять в другие блюда.

— Дайте-ка мне их, миссис Ганвор! — приказал я. — Больше мне не давать никаких порошков и капель! Понятно?

Внезапно в голове у меня помутилось. Но усилием воли я все же попытался отогнать головокружение.

— Мистер Байард, вы еще недостаточно окрепли. Вам еще трудно ходить,— мягко заметила миссис Ганвор.

— Мне нельзя лежать! Нельзя! Надо... ходить. Выведите меня наружу, пожалуйста.

Я почувствовал, как миссис Ганвор подхватила меня под руку, и услышал ее взволнованный голос. Я неясно ощущал, что передвигаю ноги, потом — прохладу вечернего воздуха. Я снова сделал пару глубоких вдохов, отгоняя туман в голове.

— Мне стало лучше,— прошептал я.— Походите со мной, пожалуйста, миссис.

— Может быть, вам лучше лечь в постель, сэр? — настаивала миссис Ганвор.

Но я, не обращая внимания на ее уговоры, продолжал передвигать ноги.

Это был хороший сад, с дорожками, кружившими вокруг овощных грядок, кустов роз, возле фруктовых деревьев, мимо соблазнительной скамьи под раскидистым дубом.

— Давайте еще раз обойдем все вокруг,— предложил я.— В этот раз я постараюсь не опираться на вашу руку, миссис Ганвор.

Я чувствовал себя уже лучше и даже почувствовал легкий голод.

Солнце быстро садилось, отбрасывая длинные тени на траву. После третьего круга я остановился у дверей кухни и подождал, пока миссис Ганвор принесет мне стакан холодного сидра.

— А теперь вы должны сесть и ждать обеда, сэр,— взволнованно сказала старая женщина.

— Мне уже хорошо,— я похлопал ее по руке.

Она с тревогой наблюдала за мной, но я все-таки поднялся. Я глубоко дышал, пытаюсь собраться с мыслями. Кто-то доставил меня сюда, опоил наркотиками и приказал давать их мне еще какое-то время (как долго, я не знал, не мог установить это, не оценив запас лекарств у миссис Ганвор). Кто-то так же пошутил с моей памятью. Вопрос: кто и почему? И этот вопрос требовал немедленного ответа!

Я силен прорваться сквозь туман и хоть что-то вспомнить. Судя по молодой листве и бутонам роз, сейчас был июнь. Где же я был в мае или, скажем, прошлой зимой?

Холодные улицы, высокие здания в ночи, теплые внутри, радость, смеющиеся лица друзей и улыбка красивой рыжеволосой женщины...

— Матушка Гудвил?

— Я ничего не имею против нее, сэр, но есть люди, которые поговаривают о колдовстве. Я как раз читала вчера в “Пари матч”, что можно вызвать у себя серьезный невроз, если позволять неквалифицированным людям заниматься своей психикой.

— Пожалуй, вы правы, миссис Ганвор,— согласился я.— Но на психику я не жалуюсь. Меня просто иногда подводит память.

— Вас тоже это беспокоит? — Лицо женщины засияло.— Я сама такая забывчивая. Иногда даже и не помню, что хотела сделать...

— Так что же матушка Гудвил? — перебил я ее.— Далеко отсюда она живет?

— На другом конце деревни, сэр. Но я бы вам не советовала иметь с ней дело. Это не для такого культурного джентльмена, как вы. У этой женщины весьма убогий домик, да и сама эта старуха не делает чести нашей деревне. А что касается ее одежды, то тут...

— Я не буду слишком критичным, миссис Ганвор.— Я пожал плечами.— Мне хотелось бы, чтобы вы отвели меня к ней.

— Лучше я позову ее сюда, к вам, сэр. Если вы уж так настаиваете, то тут, в часе езды, в Илимге, есть дипломированный специалист.

— Матушка Гудвил меня вполне устраивает. Позовите ее сюда поскорее.

— С вашего разрешения, сэр, я сделаю это после обеда, а то сейчас я ставлю жариться гуся, да и пироги начинают подумываться.

— Хорошо. А пока я погуляю по саду. Надо нагулять аппетит, достойный вашей стряпни, уважаемая миссис Ганвор.

После второго куска пирога с черникой, финальной чашки кофе и глотка брэнди с ароматом столетий я закурил новоорлеанскую сигару, наблюдая, как Хильда и миссис Ганвор зажигают масляные лампы в гостиной.

Внезапно раздался негромкий стук в дверь, и Ингалиль, кухонная прислуга, заглянула в дверь.

— Старая ведьма пришла по вашему приглашению, — пропищала она. — Она курит трубку!

— Тише ты, услышит, — прошептала Хильда. — Попроси ее подождать, пока не позовут.

Тут Ингалиль взвизгнула и отскочила в сторону, а в комнату вошла, опираясь на палку, скрюченная старуха. Живые черные глаза обежали комнату и остановились на мне. Я тоже осмотрел гостью, отметив про себя крючкова-тый нос, беззубые десны, торчащий подбородок и прядь седых волос, нависшую над щекой.

Трубки я не увидел, но заметил, как она выпустила последнее кольцо дыма из ноздрей.

— Кто здесь нуждается в целительном прикосновении матушки Гудвил? — прошамкала она. — Ну конечно же, это вы, сэр. Вы, проделавший такой странный и долгий путь вместе со странником, которому предстоит еще более долгий путь.

— Я не говорила тебе, что это новый джентльмен, — сказала из угла Ингалиль. Она, осмелев, подошла к старухе и, протянув руку к корзине, спросила:

— А что у тебя там?

Но старуха стукнула ее палкой по пальцам, и служанка, взвизгнув, шмыгнула в свой угол.

— Следи за своими манерами, дорогуша, — почти ласково прошамкала матушка Гудвил.

Она, шаркая, подошла к столу, уселась и поставила свою ношу у ног.

— Так вот, матушка Гудвил, — начала миссис Ганвор, — нашему гостю, вот этому джентльмену, нужно немного помочь в...

— Он хочет отодвинуть завесу прошлого, чтобы яснее прочесть будущее, — старая карга вроде бы улыбнулась. — О, он хорошо сделал, что позвал старую матушку Гудвил. А теперь...

Она повысила голос:

— Ты нальешь мне рюмочку, чтобы я подкрепила свои силы, а потом вы все удалитесь, кроме милорда, нового джентльмена.

Старуха взглянула на меня взглядом хищной птицы.

— Меня не интересует будущее, — начал было я.

— Неужели, сэр? — старуха закивала, будто бы соглашаясь. — Тогда вы очень странный смертный.

— Но есть некоторые вещи, которые мне нужно вспомнить, — продолжал я, игнорируя слова старухи. — Может быть, под влиянием гипноза я мог бы...

— Так, тогда, значит, вы хотите заглянуть в прошлое. Впрочем, я так и думала, — невозмутимо прокомментировала она.

Миссис Ганвор позвякала посудой у стола, затем пода-ла старухе стакан и вместе с Ингалиль и Хильдой собрала тарелки.

Матушка Гудвил, причмокивая, выпила брэнди, замахала своей большой, в коричневых пятнах, рукой:

— А теперь прочь отсюда, мои цыпляточки,— прошамкала она. — Я чувствую, что на меня нисходит дух. Я вижу что-то удивительное. О, что это? Что это? Духи шепчут мне...

— Оставь эти сказки о духах,— воскликнула Хильда, смеясь. — Все, что хочет от тебя мистер Байард...

— Прочь отсюда, девушка,— повысила голос старуха.— Или я пошлю на тебя силу, которая сомкнет твои колени так, что ничто не сможет их разомкнуть. Уйди прочь!

Все ушли. Тогда старуха повернулась ко мне.

— А теперь к делу, сэр. Что вы дадите старухе за горсть утраченных воспоминаний? Что вы забыли — свою любимую, порывы юности, ключ к счастью, казалось, уже достигнутому?

Я усмехнулся:

— Вам хорошо заплатят, матушка Гудвил. Только давайте отбросим все ненужное в сторону. Никакой мистики! И давайте перейдем прямо к делу. У меня есть основания полагать, что я страдаю от насильственной потери памяти, возможно, в результате гипнотического воздействия. И поэтому я хотел бы, чтобы вы ввели меня в состояние гипноза и посмотрели, нельзя ли что-нибудь предпринять, чтобы вернуть мне память.

Старуха наклонилась ко мне:

— В вас есть какая-то странность, сэр,— прошептала она.— Что-то, чего я не могу до конца понять. Как будто ваши глаза устремились к горизонту, который другие люди видеть не в силах.

— Пусть я странный тип, но не настолько, чтобы вы не смогли меня загипнотизировать, надеюсь?

— Вы говорите, что у вас отняли память, да? Кто же мог это сделать? Да и зачем?

— Вот это я и надеюсь узнать с вашей помощью!

Она понимающе кивнула:

— Я слышала о таких вещах, сэр. Бездны мрака, осененные светом кроваво-красной луны...

— Матушка Гудвил,— не выдержав, перебил я старуху,— мы же с вами, по-моему, условились. Как только речь пойдет о бездне, магии, темных силах и так далее, я буду снижать вам плату. Меня интересует только строго научный механизм. О'кей?

— Что, сэр? Вы собираетесь учить Хозяйку Тьмы ее ремеслу?

Это начинало мне уже надоедать.

— Наверное, нам обоим лучше забыть об этом разговоре.— Я полез в карман за монеткой.— Это была моя ошибка.

— Вы хотите сказать, что матушка Гудвил — шарлатанка, да? — голос старухи стал подозрительно ласковым.

Я посмотрел на нее и уловил сверкающий взгляд ее черных и живых глаз.

— Вы думаете, что старуха пришла сюда, чтобы подучиться с вами, сэр? Вы думаете, что я пришла сюда, чтобы обмануть вас? — ее голос стал затухать. Слова слышались, словно издалека. В комнате вдруг возник какой-то шум, напоминавший шум прибоя в морском гроте ...десять!

Мои глаза открылись. За мной наблюдала женщина с бледным симпатичным лицом, задумчиво опираясь на локоть и дымя сигаретой.

Ее темные волосы были закручены на затылке в тугой узел. Воротничок белой блузки расстегнулся, открывая сильную изящную шею. На лоб падал темный локон.

Я внимательно осмотрел комнату. Снаружи было уже темно, где-то громко тикали часы.

Женщина улыбнулась, взмахнула рукой с красными ногтями и указала на черный ворох какого-то тряпья, лежавшего рядом со мной на стуле и на палку, прислоненную к нему.

— В этом доме довольно жарко работать,— произнесла женщина низким приятным голосом.— Как вы себя чувствуете?

Я на секунду задумался.

— Прекрасно!

Но тут я заметил клок седых волос, выглядывающий из-под черной одежды. Я поднял ворох грязного тряпья. Под ним лежала резиновая маска и пара перчаток с когтями.

— И зачем весь этот маскарад?

— Это очень помогает в моем... бизнесе!

— Вы меня здорово надули. Как я понимаю, Ганвор и все другие тоже обмануты?

Она кивнула головой:

— Меня никто никогда не видел в настоящем облике, мистер Байард. Никто никогда не заглядывает ко мне, разве что по делу. Здесь живут очень простые люди. По их мнению, морщины и мудрость неотделимы друг от друга — так что я соответствую их представлению о деревенском месмеристе. Иначе бы ко мне никто не обращался. Вы — единственный, кто знает мой секрет.

— Но почему?

Она изучающе посмотрела на меня.

— Вы необычный человек, мистер Байард. Можно сказать, таинственный человек. Вы рассказали мне довольно

много странных вещей. Вы говорили о других мирах, о людях, похожих на животных, покрытых шерстью...

— Дзок! — воскликнул я. Мои руки потянулись к голове, словно пытаюсь выжать воспоминания из мозга, как зубную пасту из тюбика. — Хегруны и...

— Спокойно, спокойно, мистер Байард, — произнесла женщина. — Ваши воспоминания, если это только воспоминания, а не игра больного воображения, есть, они целы, и их можно вызвать к жизни. А сейчас отдыхайте. Это далось нелегко — и вам, и мне. Поверьте, очень нелегко было снимать пелену с вашего мозга. Тот, кто пытался уничтожить ваши видения и образы чудесного рая и немыслимого ада, несомненно, искусный месмерист. Но теперь ложь изобличена. Я и сама не дилетант, — проговорила она. — Но сегодня мне потребовалось все мое мастерство.

Она поднялась, подошла к зеркалу на стене и грациозным движением поправила прядь волос.

Я смотрел на нее, не видя ничего. Мысли о Барбро, светящейся фигуре в темноте склада, бегство с Дзоком от хегрунов — теснили друг друга, требуя размышлений и оценки.

Матушка Гудвил подняла со стула одежду, набросила ее на плечи, превратившись в старуху. Белые руки натянули на лицо маску. За этим последовали перчатки и парик. И вот уже со сморщенного годами лица на меня смотрели живые черные глаза.

— Отдыхайте, сэр, — прохрипел старческий голос. — Отдыхайте, спите, мечтайте, и пусть эти беспокойные мысли найдут свои привычные места. Я приду к вам завтра: есть еще много такого, что должна узнать матушка Гудвил. Узнать о вселенных, которые, как вы сказали, существуют за пределами этого мира. Спите и просыпайтесь освеженным, сильным, с чувствами обостренными, словно бритва, потому что вам понадобится все ваше мужество, чтобы выдержать то, что ожидает вас в будущем.

Сказав это, она вышла. Я вернулся в свою комнату, сбросил одежду, лег на кровать с пуховой периной и погрузился в тревожный сон.

ГЛАВА VII

Прошло три дня, прежде чем я достаточно окреп для ответного визита к матушке Гудвил.

Она жила в лачуге под соломенной крышей, скрытой от посторонних глаз зарослями алых роз.

Я проскользнул в ржавую калитку, прошел по дорожке, окаймленной неухоженными рододендронами и постучал в темную дубовую дверь.

Сквозь маленькое окошко был виден угол стола, вазочка с незабудками и толстая книга в кожаном переплете. В воздухе раздавалось жужжание пчел, чувствовался запах цветов и свежесваренного кофе. Достаточно необычный фон для встречи с ведьмой, подумал я.

Дверь открылась. Матушка Гудвил, чисто и опрятно выглядевшая в белой блузке и черной юбке, жестом предложила мне войти..

— Сегодня вы без маскарада,— отметил я.

— Вы, очевидно, чувствуете себя лучше,— заметила она сухо. — Не хотите ли чашечку кофе? Или это не принято в ваших краях?

Я пристально взглянул на нее:

— Вы враждебно настроены по отношению ко мне. Почему?

Она пожала плечами:

— Я просто привыкла доверять своим ощущениям. Правда, иногда они противоречат друг другу.

Я сел на стул и оглядел маленькую, тщательно убранную комнату.

Матушка Гудвил принесла кофе, разлила его в чашки и только потом села напротив меня.

— Ну, мистер Байард, ваша голова сегодня ясна. И поэтому я хотела бы задать вам очень важный вопрос. Ваша память восстановилась?

Я попробовал кофе и кивнул. Кофе в самом деле был хорош, как я, впрочем, и ожидал.

— Нет ли у вас какого-нибудь другого имени, которым я мог бы вас называть? — спросил я хозяйку. — Мне кажется, что имя “матушка Гудвил” больше подходит к морщинам и сединам.

— Можете называть меня Оливией.

У нее были изящные белые руки и на одном из пальцев мерцал красивый зеленый камень. Она прихлебывала кофе и смотрела на меня, словно решая, сказать мне что-то или нет.

— Вы хотели задать мне какой-то вопрос? — подсказал я. — Когда я на него отвечу, может быть, вы мне кое-что объясните?

— О многих чудесах поведали вы мне в своем полусне,— проговорила она.

Я услышал тихое позвякивание и, поглядев на ее чашку, заметил, что это дрожат ее руки, заставляя звенеть чашку. Она быстро поставила ее на стол, заметив мой взгляд, и убрала руки.

— Я часто думала: существует ли что-то еще, кроме всего этого, — она руками обвела вокруг себя. — В снах я часто видела прекрасные холмы, леса, города, мое сердце стремилось к ним, и я просыпалась с чувством утраты чего-то прекрасного. Мне кажется, в вашем бреде была какая-то надежда — давно забытая вместе с другими надеждами юности. Скажи мне, чужеземец, эти рассказы о других мирах, похожих друг на друга, как две новенькие монеты, но все же имеющие крошечные отличия, эти твои рассказы об экипажах, которые могут перелетать из одного мира в другой — все это было только игрой твоего воображения, да?

— Нет, Оливия, это правда, — покачал я головой. — Я знал, что это трудно сразу осознать. Всем. Мы привыкли думать, что знаем все на свете. Мы склонны не верить в то, что не соответствует нашим представлениям.

— Вы говорили о какой-то беде, Брайан, — она произносила мое имя с легкостью, как будто оно было ей хорошо знакомо. — Думаю, что знание чужих сокровенных мыслей снимает формальности.

Да я и не имел ничего против. Оливия без маскарада была очаровательной женщиной, несмотря на излишне вычурную прическу и тюремную бледность. Ей бы немного солнца и чуточку косметики...

Я заставил себя вернуться к действительности.

Она внимательно выслушала мой рассказ, от странного допроса Рихтгофена и до приговора ксонджилианцев.

Она покачала головой.

— Все это так странно, Брайан. В это невозможно поверить. Все настолько невероятно и фантастически неправдоподобно! Но, тем не менее, я не могу не верить вам.

— Судя по тому немногому, что я узнал об этой линии мира, она весьма отсталая в техническом отношении.

— Ну почему же. Мы очень современные люди, — запротестовала Оливия. — У нас есть паровая энергия, пароходы пересекают Атлантику за девять дней, воздушные шары, телеграф и телефон, современные автомобили на угле, которые начинают вытеснять повозки, запряженные лошадьми.

— Конечно, конечно, Оливия. Поверьте, что я не хотел вас обидеть. Давайте просто считать, что в некоторых

отраслях мы вас немного обогнали. Не забывайте, что Империя владеет МК-приводом. В моих краях есть также атомная энергия, реактивные самолеты, радар и простейшие программы исследования космоса. Вы же здесь движетесь немного в другом направлении. Здесь я связан по рукам и ногам. Они выслали меня в континиум, из которого я уже не смогу сбежать.

— Но разве это так плохо? — спросила она. — Здесь перед вами целый мир — и теперь, когда искусственные барьеры сняты с вашего мозга, вы легко вспомните все, вспомните все чудеса, которые оставили в своем мире.

Она говорила, взволнованная перспективой:

— Вы говорили о самолете! Так постройте его! Как прекрасно лететь по небу, словно птица! Ваше прибытие сюда может означать начало нового Века Славы нашей империи!

— Нет, — я покачал головой. — Все, что вы хотели бы иметь здесь — это увлекательно. Ну а что будет с моим миром? Хегруны, возможно, уже начали боевые действия и, может быть, моя жена в это время носит цепи вместо жемчуга! — Я встал, подошел к окну и выглянул наружу. — А в это время я гнию в этом убогом мире!

— Брайан, — тихо произнесла женщина за моей спиной, — вы чувствуете тревогу. И не из-за угрозы вашим любимым друзьям, вас больше беспокоит то, что вы остались в стороне.

Я повернулся к ней.

— Неужели вы не хотите понять, Оливия, что мои друзья, моя жена, все, что мне дорого, сейчас может находиться в руках обезьяно-людей.

— Тот, кто поработал над вашим мозгом, Брайан, стремился стереть все это из вашей памяти, — усмехнулась Оливия. — Правда, мое искусство смогло снять заклятие. Но нет ничего удивительного в том, что это кажется теперь вам старыми воспоминаниями, воспоминаниями тысячелетней давности. Да, я сама дала вам команду, чтобы боль ослабла.

— Будь проклята эта боль утраты! — вскричал я. — Если бы я не был таким дураком, не доверился бы Дзоку!

— Бедный Брайан. Вы еще не знаете, что именно он поработал над вами, когда вы спали, и что именно он внушил вам желание отправиться с ним в Ксонджил. Но, тем не менее, он сделал для вас все, что мог, по крайней мере, так говорят ваши воспоминания.

— Я мог бы украсть у них шаттл,— сказал я.— Я был бы дома и помогал бы отбить атаку этих негодяев!

— Но ведь старейшины из Ксонджила сказали вам, что ваш мир О-О больше не существует!

— Они сошли с ума! — я зашагал по комнате.— Слишком многого я не понимаю, Оливия! Я похож на человека, блуждающего во тьме и натыкающегося на предметы, неузнаваемые во мраке. А теперь...

Я поднял руки и вновь бессильно опустил их.

— У вас еще впереди вся жизнь, Брайан. Вы найдете себе место и здесь. Смиритесь, ничего уже нельзя изменить.

Я пожал плечами и снова сел.

— Оливия, я не стал задавать Ганвор и другим вопросы. Я не хотел возбуждать их любопытство. Сведения, которыми меня снабдил Дзок и его парни, не слишком обширны. Наверное, они полагали, что я отправлюсь в библиотеку и там найду ответы на свои вопросы. Но сейчас я просил бы вас рассказать мне хоть немного об этом мире. Для начала просветите меня в отношении вашей истории.

Она весело засмеялась.

— Как это замечательно, Брайан, рассказывать о старом и прозаическом мире, как будто это вымысел мечтателя, а не надоевшая реальность.

Мне удалось кисло улыбнуться:

— Действительность всегда несколько скучновата для того, кто в ней живет.

— С чего же начать? С Древнего Рима? Со Средневековья?

— Первое, что я хотел бы сделать, это установить дату Общей Истории, то есть момент, когда истории наших континентов стали различаться. Вы упомянули слово "империя". Что это за империя? Когда она была основана?

— Ну, как же! Я имею в виду, конечно же, Французскую Империю! — Оливия растерянно заморгала, покачав головой. — А впрочем, никаких "конечно", — сказала она. — Французская Империя была основана императором Наполеоном в 1799 году.

— Понятно, — протянул я. — У нас тоже был свой император Наполеон. Но его империя просуществовала недолго. Его сместили и выслали на Эльбу в 1814 году...

— Да! — воскликнула Оливия. — Но он сбежал оттуда, вернулся во Францию и привел свою армию к славной победе!

Я покачал головой.

— Он был на свободе всего около ста дней, пока британцы не разбили его при Ватерлоо. Он был снова выслан, на этот раз на остров Святой Елены и несколько лет спустя там же умер.

Оливия уставилась на меня.

— Как странно... Как неправильно и как странно. Император Наполеон правил в Париже еще двадцать три года после своей великой победы под Брюсселем и умер в 1837 году в Ницце. На престоле его сменил сын, Луи...

— Герцог Рейхштадский?

— Нет. Герцог умер в юности. А Луи был шестнадцатилетним юношей, сыном Императора и принцессы Дании.

— И его Империя все еще существует? — удивился я.

— После свержения английского тирана Георга было разрешено включить британские острова в состав Империи. После объявления Европы свет просвещения был послан в Африку и Азию. Сейчас эти континенты являются полуавтономными провинциями, управляемыми из Парижа, но имеющими свои собственные палаты депутатов, которые уполномочены решать их внутренние дела. Что касается Новой Франции — или, иначе, Луизианы — эти разговоры о восстании скоро утихнут. Королевская комиссия послана, чтобы разобраться в жалобах местных жителей на вице-короля.

— Ну, что ж, полагаю, что дату Общей Истории мы определили достаточно точно, — сказал я. — Это 1837 год. И похоже, что с той поры в нашем мире не наблюдается особого научно-технического прогресса.

Эти слова повлекли за собой массу вопросов, на которые я долго отвечал. Оливия была умной и образованной женщиной. Она была в восторге от той картины мира без Бонапарта, которую я ей нарисовал.

Когда я закончил, утро уже превратилось в день. Оливия предложила мне пообедать, и я согласился. Пока она готовила, я сидел у окна и разглядывал этот любопытный анахроничный пейзаж из полей, дорог и фермерских домиков.

Царила атмосфера умиротворенности и изобилия, которая превращала мои отдаленные воспоминания об угрозе Империи в (как говорила Оливия) полузабытую, давно прочитанную историю — подобно книге, лежащей на столе.

Я взял ее в руки и посмотрел на заглавие:

“КОЛДУНЬЯ ИЗ ОЗА”!

Автор — Лилиана ф.Баум!

“Забавно”, — подумал я.

Оливия, посмотрев на книгу, которую я держал в руках, улыбнулась почти застенчиво:

— Странное чтиво для колдуньи, не так ли? — спросила она.

— Но мои сны и мечты часто похожи на этот вымысел. Как я вам уже говорила, этот мир кажется мне таким маленьким, мне его недостаточно...

— Я не об этом, Оливия! Мы с вами довольно четко установили дату Общей Истории — это произошло в начале девятнадцатого века, верно? Баум не было тогда еще на свете. Она — или, может быть, он, отметил я про себя, — родилась только... в 1855 году. По крайней мере, человек с таким именем родился в моем мире именно в этом году. И вот, здесь тоже есть такой человек.

Я раскрыл толстую книгу в красном кожаном переплете и посмотрел на выходные данные “Жилли и Катон. Нью-Йорк и Париж, 1896 год”.

— В вашем мире известна эта книга, Брайан? — спросила Оливия.

— В моем мире писатель по имени Франк Баум написал книгу “Волшебник страны Оз” — пояснил я. — Однако я слышал, что у него были замыслы написать продолжение этой книги и как раз под таким названием.

Я с удовольствием разглядывал обложку с изображенной на ней фигуркой, похожей на Белоснежку.

— В детстве это была моя любимая книга, — сказала Оливия. — И как чудесно было бы прочесть вашего “Волшебника из страны Оз”.

— Да. Это единственное, что он написал в нашем мире, — сказал я. — Он умер в 1896 году.

1896! Туман, окутывающий мой мозг в течение долгих дней после моего пробуждения, стал быстро рассеиваться. Рассеиваться ветром неожиданного понимания. Дзок и его приятели переместили меня в линию мира, очень близкой моей собственной!

Они были очень гуманны, но не так умны, как им хотелось бы. Они были не столь добросовестны в своих исследованиях, как следовало бы быть.

Я вспомнил фотодиаграмму, которую мне показали на Совете, и светящуюся точку мира, неизвестную картографам Сети Империиума, точку, означавшую четвертый неоткрытый мир, лежащий в пределах Зоны Опустошения. Тогда я решил, что это ошибка, как и то, что на этой фотодиаграмме отсутствовала линия О-О. Но, значит, ошибки не было! Линия В-Т существовала — мир, дата Общей Истории которого лежала в начале девятнадцатого века! А если есть один человек, известный в двух наших

мирах, то почему бы не быть и другому? Или двум другим, Максони и Копини, изобретателям привода МК?!

— О чем вы задумались? — голос Оливии вернул меня с небес на землю.

— Так, ничего. — Я положил книгу на стол. — Думаю, прошло после Общей даты больше пятидесяти лет, все же измещения небольшие, и некоторые люди могли бы недавно родиться.

— Брайан, — начала Оливия, — я не стану просить вас довериться мне, но позвольте помочь вам.

— Помочь мне в чем? — я попытался спросить невозмутимо, но почувствовал, что мне это удастся весьма плохо.

— Я чувствую, что у вас возник какой-то план. Но в одиночку вы можете с ним не справиться. Очень многое для вас здесь непонятно. Очень много ловушек поджидает на каждом шагу. Позвольте помочь вам.

— А почему вы должны мне помогать?

Она мгновение помолчала, глядя на меня темными глазами.

— Всю жизнь я ищу ключ к какому-то древнему миру, порогу грез. И я чувствую, что вы, Брайан, как-то связаны с ним. Даже если мне нельзя будет попасть туда, мне будет приятно осознавать, что я помогла кому-то добраться до недостижимого.

— Все эти миры точно такие же, Оливия. Одни лучше, другие — хуже. Везде есть люди, дома и земли, законы и естественная человеческая природа. Нельзя достичь мира грез, просто собрав вещи и переехав, его надо строить там, где ты живешь!

— И все же, я ненавижу невежество, коррупцию, социальный и моральный упадок, ложь и обман тех, кому верят миллионы.

— Это, конечно, очень плохо, но до тех пор, пока мы живем в обществе, соответствующем человеческому разуму, это всегда будет существовать. Но дайте срок, Оливия, мы ведь экспериментируем с культурой только несколько тысяч лет. Еще несколько тысячелетий — и будет совсем другое дело. Поверьте мне!

Она рассмеялась.

— Вы говорите так, словно вечность — это лишь мгновение!

— По сравнению со временем, которое потребовалось, чтобы люди превратились из амёб в обезьяны это и есть мгновение. Но зачем отказываться от многих грез — это

та сила, которая движет нас вперед, какова бы ни была наша конечная цель.

— Тогда позвольте мне превратить эту мечту в реальность. Позвольте мне помочь вам, Брайан. История, рассказанная мне: будто вы заболели от переутомления, когда работали чиновником Колониального Управления, и поэтому нуждались в отдыхе, — довольно прозрачная ложь. И еще, Брайан, — она понизила голос, — за вами следят.

— Следят? Кто же, карлик с бородой и в черных очках?

— Это не шутка, Брайан, Вчера вечером я видела человека, прятавшегося у ворот дома миссис Ганвор, а через полчаса человек с шарфом на шее прошел по дороге поблизости.

— Это ничего не доказывает, Оливия.

Она нетерпеливо покачала головой: — Вы собираетесь бежать отсюда, верно? Бежать из этой тюрьмы!

— Тюрьмы? Я свободен, как птица!

— Вы зря теряете время, — Оливия рассмеялась. — Что вы совершили такое, что вас заточили в наш мир, я не знаю, но в борьбе между ними и вами я буду на вашей стороне. Знайте это. А теперь быстро, Брайан! Куда вы собираетесь отправиться? Каким образом вы это осуществите?

— Подождите, Оливия. Вы спешите с выводами.

— И вам надо спешить, Брайан. Спешить, чтобы избежать погони. Я чувствую опасность, которая обвивается вокруг вас, словно змея.

— Я уже говорил вам, Оливия, я был выслан сюда ксонджилианским Советом. Они не поверили моему рассказу или сделали вид, что не поверили. Забросив меня сюда, они думают, что избавились от меня, ведь они считают себя очень гуманными. Если бы они хотели меня убить, то у них для этого были все возможности.

— Они постарались под гипнозом уничтожить вашу память о прошлом, а теперь они наблюдают за вами, оценивая результаты этого вмешательства в психику. И когда они узнают, что вы познакомились с колдуньей, то... не думайте, что они настолько глупы, чтобы совершить еще одну ошибку, Брайан!

— Но вы не колдунья!

— Здесь меня считают именно колдуньей. Вы неправильно сделали, что пришли сюда днем, Брайан.

— Если бы я прокрался сюда ночью, они все равно меня увидели бы — если они действительно следят за мной, как вы утверждаете. И они прекрасно знают, что меня не удовлетворит нарисованная ими картина моего прошлого.

— В любом случае им это не понравится. Они снова придут и заберут вас, снова попытаются уничтожить ваши знания о родном мире.

Я обдумал то, что она сказала.

— Да, они могут это сделать,— согласился я.— Не думаю, что целью моего перемещения в этот мир было распространение технических знаний среди слабо развитых сапиенсов.

— Куда вы собираетесь отправиться, Брайан?

Я заколебался, но, черт возьми, Оливия была права. Мне придется искать помощи. И если она собирается предать меня, то пусть это случится раньше, чем позже.

— Куда я отправлюсь? Конечно же, в Рим! — сказал я.

ГЛАВА VIII

Она кивнула:

— Очень хорошо. А в каком состоянии ваш бумажник?

— У меня есть счет в банке.

— Оставьте это. Вам не придется им воспользоваться. Как только вы потребуете деньги, вас тут же накроют. К счастью, у меня есть некоторый запас золотых наполеондоров, зарытый в саду.

— Я не возьму ваши деньги.

— Ерунда, там хватит нам обоим! Разве вы забыли, что я еду с вами.

— Но вы не сможете...

— Могу и поеду, — отрезала она. — Приготовьтесь, Брайан, мы едем сегодня ночью!

— Это безумие,— прошептал я темной фигуре в плаще с капюшоном, стоящей рядом со мной в темной аллее.— Вам незачем вмешиваться во все это.

— Т-с-с-с,— тихо произнесла Оливия.— Он начинает беспокоиться. Видите, вон там? Я думаю, что он сейчас перейдет дорогу, чтобы быть поближе к нам.

Я пристально вгляделся в густую темноту и различил мужскую фигуру. Он пересек дорогу в сотне ярдов от коттеджа и исчез среди деревьев на нашей стороне. Я переступил с ноги на ногу, мое лицо чесалось под жутким гримом, который сотворила Оливия: морщинистое лицо, седые брови, волосы и так далее. Я выглядел, как старший

брат матушки Гудвил. Оливия же загримировала себя под вульгарную красотку — три слоя краски, рыжий парик, фиолетовое пальто, обтягивающее ее стройную фигуру и множество побрякушек.

— Так, он уже подходит к коттеджу, — прошептал мой конспиратор. В доме засветились окна. Я указал Оливии на одно из них: на занавесках четко вырисовывалась голова человека.

Тут раздался шорох гравия, вспыхнул фонарь, луч скользнул по мне и остановился на Оливии:

— Эй, женщина, — произнес низкий голос. — Что ты делаешь тут после наступления темноты?

Оливия подобралась, уперла руки в бока, тряхнула головой и вызывающе улыбнулась:

— О, капитан, — завопила она, — разве вы не видите, что я просто-напросто провожаю своего лучшего друга на поезд?

— Друга? — Луч на мгновение задержался на мне, а потом осветил пышную грудь Оливии. — Что-то я вас раньше не видел в деревне, — произнес незнакомец.

Я набрал полную грудь воздуха и единым махом ответил:

— Потому что я просто путешественник, турист, иными словами.

— Иными словами, путешествуете среди ночи, приятель, ха-ха! Странное представление о развлечениях, не так ли? Покажите-ка мне ваши документы. И вы тоже, мадам.

— О, — запричитала Оливия, — знаете, как это бывает, мсье, я так спешила, что, наверное, забыла их дома.

— А куда это вы спешили? Может быть, вы так спешили, чтобы подальше унести наворованное?

— Ничего подобного, капитан. Я честная проститутка и занимаюсь делом, да еще немного помогаю вот этому старому приятелю, для которого я — единственная опора в жизни.

— Ну, ну, крошка. Не волнуйся так, я не стану забирать тебя в участок. Дай только отведать твоих прелестей, и я забуду, что когда-то видел тебя.

Он подошел поближе, и его большая рука протянулась к груди Оливии. Она вскрикнула и отскочила назад. Полицейский двинулся за ней. Я, не долго думая, ударил его ребром ладони по основанию шеи. Мужчина, охнул, уронил фонарик и упал на колени. Стоячий воротничок его форменной тужурки смягчил силу моего удара. Он

попытался было подняться на ноги, но я опять нанес ему удар по затылку. Он упал навзничь и потерял сознание.

— Он сильно пострадал? — спросила Оливия, когда я, подняв фонарик, направил луч света на полицейского. Из уголка его рта медленно текла струйка крови.

— Пару недель ему придется обойтись без взятки, которые все они так привыкли вымогать, — усмехнулся я.

Вскоре мы добрались до окраины городка и подошли к станции как раз в тот момент, когда пыхтящий паровоз остановился возле платформы. Проводник указал нам наше купе, и мы поехали. В вагоне мы были единственными пассажирами.

— Ну вот и все, с облегчением вздохнула Оливия.

— Мы едем всего лишь в Рим, а не в страну чудес, — засмеялся я. — Кто знает, куда ведет дорога будущего.

ГЛАВА IX

В римской гостинице мы поселились в смежных номерах. Окна их выходили на городскую площадь, где днем и ночью звучали голоса итальянцев, пение и музыка.

Мы сидели в моей комнате и ели на завтрак пиццу, запивая ее красным вином, таким дешевым, что даже местные нищие могли покупать его ежедневно.

— Те два человека, которые меня очень интересуют, родились где-то в Северной Италии около 1850 года, — сказал я Оливии. — В молодости они приехали в Рим, изучили инженерное дело и в 1893 году сделали свое главное открытие, которое дало Империи средство перемещения по Сети. Надеюсь, если Баум (не все ли равно, мужчина это или женщина) смог здесь родиться и в девятых годах написать в этом мире нечто подобное тому, что было написано в моем, то, может быть, Максони и Копини тоже существуют здесь, — закончил я.

Оливия слушала молча.

— Они, конечно, не могли усовершенствовать привод МК так, чтобы можно было посредством него осуществлять полеты по Сети. А если да, то этот секрет умер с ними. Но, возможно, они подошли вплотную к решению этого вопроса. Может быть, они оставили что-нибудь, что я смогу использовать для своего возвращения.

— Брайан, разве вы не говорили мне, что все миры, расположенные вокруг линии О-О, опустошены и превращены в руины этими же силами? Не опасно ли экспериментировать с такими ужасными инструментами?

— Я неплохой техник и достаточно разбираюсь в наших аппаратах, посредством которых мы путешествуем по мирам. Я знаю все их уязвимые места. Максони и Копини не знали, с чем они играют.

Они наткнулись на это силовое поле совершенно случайно.

— И, насколько я поняла, почти 99% всех вероятностных миров погибли именно из-за того, что не умели управлять вызванными силами, не так ли?

— Да.

— Но если вы достаточно разбираетесь в этих аппаратах, то зачем тогда Максони и Копини?

— Дело в том, Оливия, что я не могу построить аппарат перемещения по Сети, ибо не знаю конструкции основного генератора поля. Это особым образом намотанная катушка, являющаяся сердцем генератора поля. Я никогда не разобрался в ее устройстве.

Может быть, если здесь окажутся Максони и Копини, и если они сделали те же случайные открытия, и если они вели записи, и если записи еще существуют, и если я могу найти их...

Оливия рассмеялась.

— Если боги сделают так, что все эти “если” окажутся в вашу пользу, тогда все просто. Давайте рискнем. Видение Изумрудного города все еще влечет меня.

— Давайте сначала попытаемся найти хотя бы этих людей. Потом у нас будет наверняка немного времени, чтобы разобраться в их биографиях.

Час спустя в городском архиве усталый служащий принес мне толстый том, в котором были записаны старомодным почерком тысячи имен с указанием дат рождения, адресов, а иногда и дат смерти.

— Предупреждаю вас, сеньор,— сказал клерк,— что, хотя муниципалитет и предоставляет вам эти записи, то разбирать их вам придется самому.

— Вы только объясните мне, что здесь такое,— тихо проговорил я.— Меня интересуют данные о Джулио Максони или о Карло Копини.

— Да, да, я помню. Так вот, перед вами находится регистрационная книга, в которую занесены имена всех людей, прибывших в город на жительство в период с 1870

по 1880 год. А теперь извините, мне надо заниматься своими прямыми обязанностями.

Я вздохнул и принялся за работу. Оливия помогала мне.

Прошло минут двадцать. За это время мы просмотрели все записи за 1870 год. Настала очередь 1874 года. Оливия читала быстрее меня и вскоре раздался ее взволнованный голос:

— Брайан, посмотрите! Джулио Максони, родился в 1847 году в Палермо.

Я страшно разволновался, вчитываясь в эти строки, хотя понимал, что это может быть другой Максони. Людей с такой фамилией мы уже встретили около сотни, почему бы одному из них не носить имя Джулио?

Я, похвалив Оливию, записал адрес этого Максони в записную книжку. Мои поиски Карло Копини пока не увенчались успехом.

Максони жил на улице Карлотти в доме номер 12, на четвертом этаже. С помощью карты города мы нашли эту улицу, а потом поехали туда. Она была узкая и грязная. Видимо, Максони начинал свою карьеру, если это только был тот, кого мы искали, мягко говоря, в скромных условиях. Даже сто лет назад этот район был районом, где жили одни нищие.

Я открыл дверь дома N 12, и мы сразу же ощутили резкий запах жареного лука, сыра и постного масла.

Одна из дверей в коридор открылась и заплывшее жиром женское лицо показалось в проеме.

— Простите, мадам, — начал я почтительно, — мы иностранцы, которые впервые приехали в Вечный город, чтобы найти квартиру, где жил наш покойный родственник, когда был осчастливлен возможностью дышать воздухом солнечной Италии.

У нее отвисла челюсть, затем широкая любезная улыбка расплылась по лицу.

— Добрый день, сеньор и сеньора, — выпалила она и поинтересовалась, чем она может помочь столь любезным гостям Италии.

Я назвал ей номер комнаты, где около ста лет назад жил Максони. Она, пыхтя и переваливаясь с ноги на ногу, пошла показывать нам дорогу. На лестнице так давно не убрали, что я готов был поверить, что записи Максони вполне могли сохраниться здесь. Когда мы остановились у комнаты N 16, хозяйка сказала:

— Теперь эта комната занята, но сейчас жилец на работе.

— Так, может быть, мы подождем его,— начал я, но квартирная хозяйка перебила меня, пренебрежительно махнув рукой. Она пустилась в рассуждения о неблагодарности жильцов, но я прервал ее излияния, вытащив из кармана банкноту в сто лир.

Она впустила нас в комнату:

— Вот!

Мы увидели убогую и грязную каморку с кроватью, застеленной грязным одеялом, с разбитым зеркалом, сломанным стулом, столом и батареей пустых винных бутылок на окне и полу.

— Мы хотели бы войти и побыть здесь некоторое время, чтобы пообщаться с духом нашего умершего предка,— сказал я.

Брови мадам поползли вверх:

— Но ведь в комнате живут!

— Мы не будем ничего трогать, только посмотрим. Неужели вы не понимаете наших чувств? — всхлипнула Оливия.

— Ну, хорошо, хорошо,— мадам выжидающе посмотрела на меня.

Я вытащил деньги — сто лир, и мадам просияла:

— Я понимаю, сеньор, вы и ваша сестра, вы хотите побыть наедине с духом вашего родственника. Еще сто лир, и вы можете общаться с каким угодно духом.

Я молча протянул деньги, и она, взяв их, ушла.

Мы молчали, и хозяйка, дойдя до лестницы, обернулась:

— Мне бы не хотелось вас торопить, но постарайтесь окончить ваше общение, скажем, через два часа. Мой жилец может прийти домой обедать, и, думаю, не очень обрадуется, увидев в своей комнате чужих людей.

Через полчаса безуспешных поисков Оливия, устало опустившись на колченогий табурет, произнесла:

— С самого начала мне было ясно, что это бесполезно. Давайте уйдем отсюда.

— Мы обыскали все вероятные места,— кивнул я, стряхивая пыль с рук,— но ведь могут быть еще и тайники.

— Это пустая трата времени, Брайан. Этот человек был простым бедным студентом, а не конспиратором. Зачем ему было устраивать в своей комнате какие-то тайники?

— Не знаю... А может быть, есть такие мелочи, которые он мог просто уронить, потерять... Допустим, лист бумаги вполне мог застрять в углу ящика стола, например.

— Где? Мы перерыли все ящики и... — она вдруг остановилась на полуслове.

Мы одновременно посмотрели на радиатор под окном. Отодвинув батарею бутылок и груды окурков и, открутив ржавые болты ограждения радиатора, мы увидели использованные билеты, бечевки, шпильки для волос, окурки и какие-то листочки бумаги.

Оливия, став на колени, выгребла смятое меню какого-то ресторанчика, обрывок пожелтевшего листка с цифрами, конверт с маркой, адресованный некому Марио Пинотти, две открытки с видами города и листок, совершенно чистый с обеих сторон.

— Это была хорошая идея, — пожал я плечами, — но, к сожалению, и она не дала нам нужных результатов. Вы были правы, Оливия, идемте отсюда.

— Брайан! Посмотрите, — Оливия стояла у окна, разглядывая чистый листок бумаги на свету. — Чернила выцвели, но кое-что можно еще разобрать.

Я взял бумагу из ее рук.

Да, едва заметные знаки были различимыми. Я с великим трудом смог разобрать следующее:

Институт Галилея. Среда. 7 июня...

— Г-м-м-м... Это интересно, — отметил я. — Какой же это год?

— Я знаю простую формулу, как определить дату, — произнесла Оливия. — Минуточку...

Она задумалась.

— Да! Это было седьмое июня тысяча восемьсот первого года, среда. Но это может быть так же и 1890 год, а также 1911...

— О, это уже лучше, чем ничего! — воскликнул я. — Давайте быстрее проверим! Институт Галилея? Будем надеяться, он еще существует.

В институте Галилея нас встретил пожилой мужчина с желтоватыми усами.

— 1871 год? Это было довольно давно, сеньоры, — удивился он нашим поискам. — С тех пор в институте обучалось довольно много студентов. Многие выдающиеся ученые проходили под его арками.

— Пожалуйста, сеньор, — прервал я его, — мы пришли не просить вас о принятии нас в институт. Все, что нам нужно, это взглянуть на данные о Джулио Максони. Конечно, если ваш архив в таком состоянии, что их нельзя отыскать, то вы так и скажите, и я использую этот факт в своей статье, которую сейчас пишу.

— Так сеньор — журналист? — заинтересовался он, поправляя галстук и быстро что-то пряча в ящик стола. “Что-то” издало при этом легкий звон.

Потом он быстро вышел и вскоре опять появился с объемистым томом, похожим на регистрационную книгу муниципалитета. Он водрузил ее на стол и сказал:

— Вы говорите, Максони? Какой год? Ага. 1872-й... Так какой Максони вам нужен? Джулио Максони? Тот самый Джулио Максони? — он подозрительно посмотрел на нас.

Я на всякий случай кивнул.

— Так вам нужен Джулио Максони, выдающийся изобретатель? Изобретатель телеграфного ключа, маслбойки и гальванического элемента?

Я улыбнулся, как ревизор, которому не удалось найти ошибку в проверяемых отчетах.

— Очень хорошо, — кивнул я. — Вижу, что у вас здесь, в институте, порядок. Позвольте взглянуть.

— Вот, пожалуйста. Он был первоначально зачислен в электромеханический колледж. Тогда он был простым писарем из бедной семьи. Здесь он начинал.

Я не слушал его болтовни, перелистывая записи. Здесь тоже был его адрес на улице Карлотти. Здесь же было указано, что во время поступления в институт ему было двадцать четыре года, сообщалось, что он был католиком и холостяком. Да, я вынужден был признать, что этого очень мало.

— Известно ли сеньору, где он жил, когда сделал свой гигантский вклад в науку? — обратился я к служителю.

— Как? Вы шутите, сеньор? Местонахождение Музея известно, по-моему, даже туристам! — Архивариус как-то странно посмотрел на нас.

— Музей? Какой музей?

— Тот самый Музей, который находится в бывшем доме и лаборатории Джулио Максони. Там, где находятся свидетельства его замечательной карьеры!

— А у вас случайно нет под рукой адреса этого Музея?

Он улыбнулся нам с выражением превосходства:

— Улица Алланцио, номер двадцать восемь. Любой ребенок покажет вам дорогу.

Мы поблагодарили служителя и повернулись, чтобы уйти.

— Кажется, нам повезло, — сказала Оливия.

— А... Как называется газета, которую вы представляете, сеньор? — клерк догонял нас. — Не мог бы сеньор сказать это?

Мы остановились, и служитель, запыхавшись, подбежал к нам. Оливия хихикнула. Надо было быстро отвечать.

— Видите ли, приятель, мы представляем лигу умеренности,— симпровизировал я.— Вопрос о Максони был просто уловкой. На самом деле мы пишем статью под названием “Распитие спиртных напитков на работе и во что это обходится налогоплательщику”. Вам все понятно?

Клерк обалдело кивнул головой.

В дверях я оглянулся: он все еще стоял, хлопая глазами.

Музей Максони был солидным зданием с латунной табличкой, извещавшей, что дом-музей-лаборатория изобретателя Джулио Максони открыт с 10 до 16.00, а по воскресеньям — с 13.00 и до 18.00.

Я позвонил.

Через несколько секунд дверь открылась, и оттуда выглянула заспанная женщина.

— Вы что не видите? Закрыто! Сейчас же убирайтесь!

Я успел вставить ногу в пространство между дверью и косяком.

— Но на табличке написано... — начал я.

— Мало ли что там может быть написано. Приходите завтра.

Я засмеялся и налег плечом на дверь. Женщина попыталась воспрепятствовать мне и уже было открыла рот, чтобы сказать что-нибудь нелицеприятное.

— О, не говорите этого! — остановил я ее.— Графиня не привыкла к выразительности здешней речи. Представьте себе женщину, которая очень долго прожила на берегу озера Констанс.— При этом я многозначительно показал глазами на стоявшую за моей спиной Оливию.

— Графиня? — выражение лица у женщины изменилось.— О, если бы я знала, что ее милость окажет нам честь своим посещением...

— Вход, охраняемый драконом! — усмехнулась Оливия.— Но вот является добрый рыцарь, который уничтожает этого огромного дракона одним словом.

— Я воспользовался маленькой ложью. Теперь вы — графиня. Смотрите немного свысока и улыбайтесь.

Мы прошли по коридору и вошли в зал с высокими потолками и окнами, застекленными матовыми стеклами. Вдоль стен тянулись стеллажи, гнувшиеся под тяжестью огромного количества книг. “Интересно, где находится лаборатория?” — шепнул я Оливии.

Она пожала плечами, и я продолжал свой обзор комнаты.

Взглянув на корешки книг, я заметил одну с названием “Эксперименты с перемещением токами высокой частоты”. Автор Никколо Тесла. Очень интересно! Я взял книгу в руки. Сплошная бредятина — одни, вернее, почти одни, математические знаки.

Я посмотрел остальные книги. Вряд ли здесь можно было найти то, что нам нужно.

“Дракон” вернулся, успев переодеться и нанести слой косметики на лицо. Она подобострастно посмотрела на Оливию, которая довольно холодно ей улыбнулась. Я подмигнул своей спутнице и обратился к смотрительнице:

— Ее милость хотела бы осмотреть лабораторию великого ученого. Она хотела бы видеть то место, где Максони совершал свои открытия.

Служащая, стараясь держаться поближе к “графине”, провела нас через сад к дверям лаборатории.

— Мастерские еще не полностью отреставрированы,— предупредила она, открывая замок.

Зажегся свет, и мы различили какие-то запыленные, бесформенные предметы, закрытые брезентом, немые окна и пыль. Всюду пыль.

— Он здесь работал?

— Конечно, в те времена лаборатория была не так захламлена. Но, видите ли, ваша милость, нам решительно не хватает средств и мы не можем составить описание всех предметов, которые были у него в лаборатории, избавиться от хлама и восстановить лабораторию в прежнем виде.

Почти не слушая ее, я незаметно осмотрелся. Где-то здесь может быть... что-то, что нам так нужно. Я не знал, что я ищу, это мог быть журнал наблюдений, рабочая модель или что-нибудь еще.

Я приподнял край брезента, покрывавшего стол и увидел неуклюжие тяжелые трансформаторы, примитивные электронные лампы, мотки проволоки.

Массивный объект в центре стола привлек мое внимание. Я попытался придвинуть его поближе.

— Но, сеньор, я настаиваю, чтобы вы ничего не трогали,— обратилась ко мне привратница.— Здесь все сохраняется в том виде, в каком оставил комнату профессор в тот фатальный последний день.

— Извините, но для меня все это выглядит просто ненужной кучей железа,— безразлично произнес я.

— Да, профессор Максони был несколько эксцентричным человеком. Он хранил самые разные вещи,

и всегда пытался приладить их друг к другу. У него была мечта, он часто говорил об этом моему покойному отцу...

— Ваш отец работал с Максони?

— А вы не знали? Да, он был его ассистентом в течение долгих лет.

— А не оставил ли он дневников о совместной работе с профессором?

— Нет, мой отец не был склонен к писанию. Но вот сам профессор очень тщательно вел дневник. После него осталось пять объемистых томов. Это просто трагедия, что у нас нет средств их опубликовать.

— Средства могут появиться, мадам,— многозначительно произнес я.— Графиня как раз очень интересуется изданием таких воспоминаний.

— О, ваша милость,— простонала смотрительница.

— Так что пока принесите эти тома сюда, чтобы графиня смогла взглянуть на них.

— Они в сейфе, сеньор, но у меня есть ключ или был... еще в прошлом году.

— Найдите его, милейшая,— потребовал я.— Ее милость и я терпеливо подождем здесь, в комнате, где великий Максони так плодотворно работал.

— Но, может быть, лучше вернуться в зал? Ведь здесь так пыльно.

— Нет, нет. Мы подождем вас здесь.

Смотрительница кивнула головой и бросилась из лаборатории.

Оливия вопросительно посмотрела на меня в ожидании перевода (ведь итальянского языка она не понимала).

— Я отправил ее за дневниками Максони,— произнес я.

— Брайан, что это?

Я подошел к столу и снял брезент. Тяжелое устройство занимало центральное место среди других предметов.

— Это,— сказал я, не скрывая триумфа,— та самая катушка, которая является сердцем привода МК. Имея ее и дневники старика, я уж постараюсь построить шаттл.

ГЛАВА X

Мастерская, которую я снял, была помещением двадцать на двадцать футов, которое в прошлом занимал какой-то механик. В углах все еще лежали ржавые детали

парового двигателя, болты и гайки, металлическая стружка. Старик, сдавший мне это помещение, с ворчанием выгреб кое-что и установил обитый металлом стол. Это, плюс катушка генератора МК, которую я с помощью довольно немалой суммы сумел одолжить у мадам-смотрительницы, плюс дневники — это все и составляло мое лабораторное оборудование. Не так уж много, но кое-что для начала.

Оливия сняла для нас комнаты неподалеку, более дешевые и удобные, чем в гостинице. В ее комнате была маленькая плита, топившаяся углем: мы решили в целях экономии питаться дома.

Я начал свою программу исследований, прочитав все пять томов дневников профессора, большая часть которых была посвящена критическим замечаниям по поводу тогдашней политической ситуации — столица Италии переместилась из Флоренции в Рим и из-за этого мгновенно подскочили цены. Здесь было также множество заметок о магнетизме, электричестве, математических расчетов. Почти весь второй том был занят бюджетными расчетами, вызвавшими у меня горячее сочувствие.

Только в последнем томе я начал находить интересные места — первые намеки на “большой секрет”. Максони экспериментировал с обмотками, пропуская сквозь них токи различной частоты и силы, силясь систематизировать и понять результаты. Если бы он лучше знал современную физику, он бы не стал этого делать, но неведение делало его настойчивым. Он не знал, что ищет — и когда это обнаружил, то не знал, что же это такое. И, кроме того, в этом мире не было Копини. Я не знал, какой была его роль там, в мире О-О. Было бы интересно почитать об этом, когда вернусь — если, конечно, вернусь и если будет куда возвращаться...

Я старался не думать об этом. Это ни к чему хорошему привести не могло. Последний из журналов раскрывал свои тайны — скудные и фрагментарные сведения о намотке катушек и редкие строчки о странных явлениях, полученных с помощью электротока при использовании некоторых, определенным образом намотанных, катушек.

Прошла неделя. Я был готов приступить к экспериментам. В городе было несколько источников электричества, но оно было еще малодоступно в этом мире. Я запасаюсь разнообразными батареями, осциллографами, катушками, конденсаторами, электронными лампами, — большими и неуклюжими, похожими размерами и формой на молочные бутылки моего родного мира. Затем, по предложению

Оливии, нами были сделаны под гипнозом записи всех моих знаний в области технологии производства шаттлов Сети, которые сохранились в моем подсознании — и это, как впоследствии оказалось, было вдвое ценнее, чем все записи Максони.

Это были приятные дни. Мы рано вставали, завтракали, затем я отправлялся в мастерскую, где работал до обеда, заноса результаты наблюдений в рабочий журнал, подобно Максони.

К обеду приходила Оливия, похорошевшая и посвежевшая на итальянском солнце. Она приносила корзинку с едой, и мы ели, расположившись за рабочим столом.

Затем — снова работа, прерываемая лишь приветствиями и вежливыми расспросами случайных прохожих, заглядывавших в открытую дверь моей мастерской.

К концу месяца все вокруг считали меня сумасшедшим иностранцем, которому помогает колдунья. Но отношение к нам по-прежнему оставалось дружелюбным.

Под вечер я, заперев мастерскую, возвращался домой, принимал ванну, и мы с Оливией отправлялись куда-нибудь поужинать. Вернувшись домой, мы расходились каждый в свою комнату. Это были любопытные отношения, хотя в то время они казались нам естественными. Мы были заговорщиками, отделенными от окружающей среды таинственностью нашего предприятия. Она — по причинам романтического характера, я — из желания вырваться из этой тюрьмы.

Мои представления о возрасте Оливии постоянно менялись. Сначала, когда я увидел ее без маски матушки Гудвил, я давал ей лет сорок. Потом, в маскараде разбитной девицы ей можно было бы дать тридцать пять. Теперь же, рассмотрев ее без грима, в простой, аккуратной одежде, подчеркивающей стройную фигуру, я вдруг понял, что ей от силы двадцать пять — двадцать семь лет.

Оливия, взглянув на меня, заметила, что я ее разглядываю.

— Вы красивая девушка, — сказал я, посмеиваясь над ее смущением. — Что заставило вас затеять этот маскарад со старухой-колдуньей?

— Но я ведь вам уже говорила. У меня была такая работа. Кто стал бы обращаться ко мне, если бы у меня на лице не было морщин?

— Это все ясно, но почему вы не вышли замуж? — начал было я, но, взглянув ей в лицо, вовремя остановился. — Ну, хорошо, хорошо, это не мое дело. Я не хотел вас

обидеть, Оливия, вы сами знаете,— замялся я, и наша прогулка закончилась в не слишком дружелюбном молчании.

Еще через три недели я накопил значительный объем данных, позволяющих мне начать конструирование той части механизма шаттла, с которой я лучше всего был знаком.

Самое главное, думал я, осуществить калибровку катушки, выяснить, какая мощность требуется и какая сила тока при этом создается. Когда это будет сделано, останется только собрать усилитель и аппарат фокусировки.

— Когда вы говорите об этом, Брайан,— заметила Оливия,— кажется, что это очень просто.

— Это далеко непросто и небезопасно,— усмехнулся я.— Таким образом я уговариваю себя взяться за дело. А сделать то, что я задумал, все равно, что уравновесить чашку с кофе на струе фонтана, причем у меня сейчас не одна, а около десятка таких чашек. И если я запущу эту штуку на полную мощность, не имея возможности как следует ею управлять...— тут я развел руками.

— Что же тогда?

— Тогда я устрою непредсказуемый и, боюсь, необратимый катаклизм, может быть, страшный взрыв. Или же произойдет гигантская утечка энергии из нашей планеты. Представьте себе Ниагарский водопад. Утечка может быть примерно такая же, которая может лишить энергии наш мир и превратить его в ледяную пустыню.

— Хватит! Я все поняла, Брайан. Вы играете с огнем!

— Не беспокойтесь, я не включу эту штуку до тех пор, пока не буду уверен в том, что умею с ней обращаться. Катастрофа, которая привела к возникновению Зоны Опустошения, произошла только потому, что Максони и Копини тех, других мировых линий, не были достаточно осторожны и не представляли себе масштабов возможной трагедии.

— Сколько еще времени нужно вам, чтобы закончить эксперименты?

— Сколько? Думаю, что еще несколько дней, и можно будет попытаться.

— А если ксонджилианцы были правы? И мир, который вы ищите, находится не там, что тогда?

— Тогда я окончу свою жизнь в Зоне, и вам придется молиться, чтобы моя смерть была, по возможности, молниеносной — вот и все,— резко закончил я разговор.

Прошло еще три дня, и вот однажды вечером мы сидели в одном из кафе и неспешно вели ничего не значащий разговор.

— Теперь уже скоро,— заметил я, не выдержав мучающей меня неопределенности, постепенно возникнувшей между нами.— Вы уже видели корпус. Завтра я намерен сделать проводку пульты управления.

— Смотрите, Брайан,— перебила меня Оливия, схватив за руку, — это он.

Я увидел промелькнувшую в толпе пешеходов высокую фигуру человека, одетого во все черное.

— Вы уверены, что это он?

— Абсолютно. То же лицо, борода. Надо уходить, и побыстрее!

После недолгого спора я убедил Оливию, что единственный наш шанс — в завершении работы над шатлом.

Мы добрались до мастерской, незаметно проскользнули внутрь, и я с помощью Оливии начал работу. Каждые полчаса-час она выходила на разведку — убедиться, что наш шпион еще не появился поблизости.

Было уже за полночь, когда нам с грехом пополам удалось все наладить. Сооружение выглядело хрупким и ненадежным. Оливия, разглядывая псевдошаттл, попыталась было меня отговорить от опасной затеи. Звала остаться вместе с ней в этом мире, но скоро поняла, что ее слова не доходят до меня, что это все пустые хлопоты: я от своего не отступлю, и это буквально на глазах состарило ее.

Тут за дверью раздались шаги и, едва я успел выключить свет, как дверь распахнулась и в дверном проеме показалась высокая фигура нашего преследователя, который хриплым ксонджилианским голосом окликнул меня: “Брайан!”

В темноте я нащупал на столе тяжелый металлический прут, подкрался к нему сбоку и ударил по голове.

Он упал.

Оливия бросилась ко мне и схватила за руку.

— О, боже! Вы ведь убили человека, Брайан, — воскликнула она.

— Перестаньте,— резко оборвал я ее.— Вы ведь знаете, что на карту поставлена моя жизнь! Вы что же, хотели, чтобы я покинул вас по милости этих вот,— и пренебрежительно махнул в сторону лежащего на полу человека.— Раз так, живите своей жизнью и забудьте меня! — я чувствовал, что поступаю, как последняя свинья.— Постарайтесь забыть меня!

— О, Брайан! Позвольте мне следовать за вами.

— Но вы ведь понимаете, что это невозможно! Это слишком опасно, и потом... вы вдвое уменьшаете мои шансы добраться до линии 0-0, будет повышенный расход энергии, воздуха. Разве вам это не понятно? — Я незаметно опустил свой бумажник в карман ее плаща, зажег свет и легонько оттолкнул ее от себя.

— Мне пора, дорогая, — я направился к шаттлу.

Услышав за спиной сдавленные рыдания женщины, с которой я так много пережил, я поспешно повернул выключатель запуска шаттла.

— Уходите, Оливия. Отправляйтесь как можно дальше отсюда. Ну, хотя бы в Луизиану, и начните все сначала. Простите меня, если можете. Не думайте обо мне плохо. Поверьте, иначе нельзя было. Прощайте!

Передо мной замерцали экраны. Приборы показали, что момент для перемещения настал. Я взялся за рычаг управления и нажал на него.

ГЛАВА XI

Перемещение в неумело сконструированном шаттле принесло мне немало неприятных часов: это и отсутствие какой-либо карты (если не считать неясных воспоминаний о фотодиаграмме, показанной мне на судилище ксонджилианцами), и постоянное искрение проводов, которое чуть не привело к пожару в кабине. Это и отсутствие точности в показаниях приборов, и опасность задохнуться, так как воздух скоро должен был стать непригодным для дыхания, и многое, многое другое.

В результате этих мытарств, через сорок минут трудного полета я оказался в совершенно незнакомой мне части Зоны Поражения и понял, что окончательно заблудился. В порыве отчаяния, охватившего меня, я остро ощутил утрату Оливии и той жизни, которую я мог бы прожить, оставшись с ней. Ну что ж, мужчина должен, просто обязан, делать то, что от него требуется. Я считал, что у меня нет права выбора.

Уже час мой шаттл двигался вслепую. Кабина постепенно наполнялась дымом. Становилось все труднее дышать, с приборами, в этом не было никакого сомнения, уже невозможно было работать. Я улегся на пол, пытаясь хоть так уловить чистый воздух. Меня мучил кашель, го-

лова гудела, как изношенный трансформатор. Затуманенным взором я уже еле различал быстро меняющуюся панораму Зоны.

И тут мне вдруг показалось, что на фоне серо-черных оттенков пустыни мелькнул проблеск зелени. И через мгновение я понял, что зрение не обмануло меня. Я увидел первые признаки растительности, их становилось все больше. Да это же настоящие джунгли!

Вероятно, беспорядочно перемещаясь, шаттл вновь оказался на краю Зоны Поражения...

Собрав последние силы, задыхаясь от кашля, я силился дотянуться до рычага управления. У меня был только один выход: посадить шаттл в этом совершенно незнакомом мне мире и попробовать еще раз. В противном случае меня ожидала неминуемая смерть от удушья.

Когда в сумерках я пришел в себя, то увидел, что лежу в лесу на поляне, а останки шаттла, застрявшие в ветвях большого дерева, дымятся.

Надеясь спасти основную обмотку, я попытался было потушить пожар, но все мои попытки окончились ничем. Вскоре огонь охватил ближайшие деревья. К счастью, начавшийся дождь потушил пожар. Я принялся разгребать золу, с горечью рассматривая почерневшие куски обгоревшего металла.

Наступила ночь и, найдя укрытие в ветвях раскидистого дерева, я погрузился в спокойный сон.

Утром я заново осмотрел то, что осталось от шаттла, и это убило последнюю надежду на возвращение домой.

Следующие несколько дней и ночей я провел, как современный человек, внезапно оказавшийся в каменном веке со всеми его заботами и непреодолимыми трудностями, в отчаянных поисках чего-либо пригодного для изготовления примитивного оружия и инструментов, в попытках добыть огонь для костра и пищу для утоления голода.

Первую ночь я почти не спал, поэтому следующие полдня я истратил на плетение гамака. Благо, длинных и прочных лиан тут было предостаточно.

И вот, на второй день моего пребывания в этом мире, закинув за спину свою веревочную постель, я двинулся в путь. Оставаться на месте и клясть свою несчастную судьбу не было смысла. Впереди лежала совершенно незнакомая страна, в которой мне предстояло прожить всю оставшуюся жизнь.

Продираясь сквозь заросли лиан и низкорослого кустарника, питаюсь, в основном, незнакомыми ягодами и

плодами, каждый раз рискуя отравиться, на третий день я вышел к реке, за которой расстиралась равнина с несметными стадами животных, похожих на наших земных антилоп, но значительно меньших размеров.

Перебрав на другой берег, я попытался было убить какое-нибудь небольшое животное, но все мои усилия были напрасны. При моем приближении стада моментально снимались с места, и я, обессилив, уселся на траву. Я с ужасом думал, что моя жизнь так и закончится в одиночестве, но, к сожалению, произойдет это еще не скоро.

Перебрав в уме все возможные варианты, я решил вернуться к обломкам шаттла, лелея слабую надежду, что, может быть, как-то удастся использовать металлические детали аппарата — хотя бы для изготовления наконечников для копий.

Велико же было мое удивление и страх, когда, подобно Робинзону Крузо, я обнаружил неподалеку от места своей посадки следы, очень похожие на человеческие, только поменьше. Недолго думая, я решил напасть первым. Для этого я вырыл яму, забросал ее ветвями и затаился в зарослях.

Я был уверен, что существо непременно вернется сюда, потому что оно шло по моим следам.

После долгого ожидания, я услышал треск веток под чьими-то ногами.

Когда же, услышав вопль попавшего в ловушку существа, я с копьем в руке подбежал к яме, то не поверил своим глазам. Внизу барахтался и страшно ругался... Дзок!

— Послушай, наконец, Байард! Ну и задал же ты мне работенку бегать за тобой! — морщась от боли воскликнул полевой агент.

ГЛАВА XII

Дзок угостил меня напитком, напоминавшим кофе, и принялся рассказывать о том, что случилось после памятного заседания Совета. Обрадовавшись, что меня оставили в живых, Дзок сумел попасть в группу ученых, отправляющихся в ту же временную линию, в которую сослали меня. Как сейчас выяснилось, “шпион”, которого заметила Оливия, был никто иной, как Дзок, вынужденный соблюдать конспирацию, чтобы не привлечь своей странной внешностью внимание жителей деревни. Наш неожиданный отъезд в неизвестном направлении сбил Дзока со сле-

да. Из-за этого пришлось снова возвращаться в Ксонджил, выяснять наше новое местонахождение и перемещаться в Рим. Теперь-то мне стало ясно, что человек, проникший в мастерскую перед самым моим стартом, тоже был Дзок, но он не успел назваться и получил еще один удар по голове, надолго выведший его из строя.

Обнаружить меня в этом районе Сети Дзоку помогла "колея", которую пропахал во временной канве Сети мой шаттл.

После того как Дзок рассказал мне о злоключениях, выпавших на его долю с начала поисков, я иронично поинтересовался:

— Мы прибыли сюда, чтобы возместить мне моральный и материальный ущерб, так Дзок?

Агент оскалил зубы, что означало у его расы улыбку, и покачал головой:

— Я прибыл сюда, старина, чтобы помочь тебе. Мне удалось найти способ вернуть тебя.

— Но почему "вернуть"? — поинтересовался я.

— Понимаешь ли, Байард, — заметил Дзок, — дело в том, что повторная фотодиаграмма убедительно доказала, что линии вашего мира не существует в природе, хотя удалось также установить, что еще несколько дней назад она действительно существовала.

Я изумленно уставился на агента, не понимая, что к чему.

Наконец я выдавил из себя:

— Что значит существовала несколько дней назад? Куда же делся мой мир?

— Это означает, старина, что твой мир О-О около месяца назад был уничтожен хегрунами. Теперь всем понятно, что они делали в вашем нелепом времени! Наше предположение о диверсии со стороны этих негодяев оказалось верным.

— Но как они могли осуществить уничтожение целого мира? — едва смог вымолвить я.

— Для этой цели можно воспользоваться специальным прибором, называемым прерывателем. Этот прибор, возможно, был украден у нас, ибо весьма сомнительно, чтобы хегруны смогли сами додуматься до принципов его действия. Этот прерыватель может...

— Постой-ка, Дзок, — прервал я агента. Мой мозг лихорадочно работал. — Но ведь если бы все было для меня потеряно, ты вряд ли бы рисковал собой и тратил усилия на какого-то безволосого сапиенса.

Дзок ухмыльнулся:

— Все правильно, старина. У тебя есть одна возможность, один шанс. Дело в том, что у нас изобретено устройство, позволяющее кое-что предпринять для твоего спасения. Оказывается, по Сети можно перемещаться не только в тех направлениях, которые раньше считали единственными. С помощью изобретенного моим другом прибора можно путешествовать по Сети как бы во времени. То есть ты, Байард, при наличии нашего аппарата можешь попасть в свой мир еще до того, как тот был уничтожен хегрунами.

— Но этот аппарат? Как его достать?

— Вот для этого, старина, я и прибыл сюда, — с этими словами Дзок направился в грузовой отсек своего шаттла и вынес оттуда комбинезон из почти невесомой черной ткани.

— Сюда, — Дзок указал на спинку комбинезона, — встроен генератор волн новой конструкции, весящий всего несколько унций. Благодаря этому обладатель сего костюма-скафандра может перемещаться по Сети без всякого шаттла.

После некоторых усилий костюм был натянут на меня, и Дзок начал инструктаж. Он объяснил мне, что максимальное перемещение, на которое можно рассчитывать, укладывается в двадцать три дня. А так как линия О-О была уничтожена хегрунами двадцать один день назад, то у меня оставалось еще два дня на то, чтобы предупредить о грозящей опасности власти Империиума и предпринять активные меры против подготовленного хегрунами нападения.

У меня были сомнения относительно того, как воспримут мои слова о грозящем вторжении человеко-обезьян власти Империиума, особенно в свете моих последних разговоров и встреч с руководством, включая и моего ближайшего друга. Не было никакой уверенности, что меня внимательно выслушают, а еще, что за этим последуют быстрые действия, направленные на предотвращение нападения. Но сейчас надо было думать не об этом, а об успешном возвращении домой. Там уж посмотрим, главное сейчас — попасть домой!

Дзок объяснил мне, как пользоваться кнопками костюма, и предупредил о тех ощущениях, которые будут сопровождать перемещение по Сети. Воздействие силы тяжести ощущаться не будет, но инерция сохранится, поэтому необходимо избегать различных столкновений.

— Ну вот и все,— в конце концов сказал он.— Желаю тебе всяческих успехов, старина. Поверь, мне очень жаль, что наш Совет так обошелся с тобой. Будем же надеяться, что лучшие дни взаимоотношений между нашими расами еще впереди. Счастливо!

Я со слезами на глазах обнял этого милого парня, пожал ему руку и отправился в далекий, неизвестный путь.

ГЛАВА XIII

Это было долгое и утомительное путешествие. Путешествие через вероятностные миры, во время которого моему взору открывались то бесплодные пустыни Зоны, то джунгли менее пострадавших районов. Однажды передо мной появилось нечто, в корне отличное от этого однообразного ландшафта. Передо мной промелькнул какой-то город с низкими длинными зданиями, походящими скорее на сараи, чем на жилые помещения, сложенные из черного камня под низким серым небом, покрытым грозowymi тучами. Это видение продолжалось всего несколько секунд, а потом опять пошла однообразная картинка выжженной пустыни. Что это было? По крайней мере, архитектура этих сооружений не соответствовала культуре ни одной, из известных картографам Империи рас.

Следуя курсу, установленному Дзоком на автопилоте, я через четыре часа оказался у цели — в районе Стокгольма. Но приземляться на людных улицах столицы было бы в высшей степени неразумно, я выбрал место посадки в нескольких километрах от города. После того, как вызванные внезапной резкой посадкой темные круги перед глазами исчезли, я обнаружил, что нахожусь на заросшей травой равнине, залитой солнцем, и вдохнул свежий воздух родины — я вернулся на двадцать два дня назад.

Невдалеке виднелась дорога, и я направился к ней. По моим подсчетам до Стокгольма было от силы десяток километров. Я решил пройти пешком, наслаждаясь тем, что я живой и снова дома. Надо было, конечно, спешить, но пара часов ничего не решала.

Минут через сорок меня нагнала повозка, запряженная лошадью, и я попросился подвезти меня. Я представился начинающим парашютистом, которого отнесло ветром да-

леко в сторону от заданного приземления. Всю дорогу возница распространялся о том, насколько это пустое и опасное занятие — прыгать с парашютом, и что никогда бы, даже в случае крайней нужды, не стал бы заниматься этим сумасшедшим делом. Я молчал, по-прежнему наслаждаясь тем, что снова дома.

Вскоре показалась деревушка Инельсон, и когда мы проезжали мимо почты, я соскочил с повозки, попрощался с возницей и, толкнув дверь, оказался в полутемном помещении 1-го сударственной Почтовой Службы Империиума. Через мгновение я уже различал фигуру человека, сидящего за столиком с телефоном. Человек выжидающе уставился на меня.

— Извините, пожалуйста, сэр, но мне крайне необходимо срочно связаться со службой Безопасности Империиума, вот по этому телефону.— И я, четко разделяя цифры, продиктовал: — 124-72-ЦБ.

Человек кивнул, протянул руку к телефону, но вдруг передумал:

— А кто вы такой, сэр?

— Вы разговариваете с полковником Байардом, милейший,— строго отчеканил я.

— Сейчас, сейчас,— засуетился почтовый служащий и принялся нажимать кнопки телефона, набирая нужный мне номер.

Связи не было.

Ожидая разговора с бароном Рихтгофеном, я случайно взглянул на календарь, висевший на стене, и холодный пот выступил у меня на лбу.

В своих расчетах Дзок ошибся, ошибся всего на один день — таким образом, до катастрофы, нависшей над Империиумом, осталось всего несколько часов.

Я вскочил со своего места и бросился к чиновнику, все еще пытавшемуся связаться с моим начальником. Схватив трубку, я стал ее вырывать, как сумасшедший, будто это могло помочь наладить связь.

Внезапно входная дверь с шумом распахнулась, и в помещение медленно прошествовал невысокого роста полный мужчина с печатью значимости на лице. Он был облачен в мундир почтового ведомства Империиума, на его рукаве блестели лейтенантские шевроны.

Он внимательно смотрел на нашу застывшую скульптурную группу. В его глазах вспыхнул интерес, когда он разглядел мой комбинезон.

Но обратился он к служащему:

— Кто этот человек? — спросил он, указывая на меня. — Что ему нужно?

Не дав служащему вымолвить ни слова, я сказал:

— Я полковник разведслужбы Байард, лейтенант. Я имею важное сообщение для барона фон Рихтгофена. Речь идет о жизни и смерти государства.

— Ваши документы, полковник, — потребовал лейтенант и протянул руку.

— Видите ли, — начал я, — дело в том, что я выполнял важное государственное задание, и поэтому у меня нет никаких документов, удостоверяющих личность. Но чтобы окончательно развеять все ваши сомнения, я дам вам номер моего домашнего телефона, запишите: 127-17-ЩО. Вы можете туда позвонить, и вам скажут, кто я такой, и что я на самом деле выполняю важное задание. И, кроме того, лейтенант, разве в ваши обязанности входит проверять документы у всех посетителей почты?

Начальник побагровел, выпучив на меня глаза. Он несколько раз открыл и закрыл рот, словно рыба, вытасченная из воды, но, как и рыба, ничего не сказал.

Я стоял и спокойно наблюдал за ним.

Наконец лейтенант справился с собой и хриплым голосом произнес:

— Хорошо. Давайте позвоним вам домой, полковник.

Он повернулся и прошествовал к двери, на которой висела табличка "Начальник почты".

Прошло несколько минут.

Внезапно за моей спиной распахнулась входная дверь. Я оглянулся и с удивлением увидел на пороге двух полицейских со странным выражением на лицах.

Сейчас же за моей спиной распахнулась и дверь начальника почты. Он, стоя на пороге, указывал на меня и кричал:

— Арестуйте этого человека! Он шпион!

Один полицейский подскочил ко мне, потребовал поднять руки и обыскал меня, другой, держа в руке пистолет, не спускал с меня глаз.

— В чем дело, господа? — изумился я, повернув голову в сторону начальника почты. — Это какое-то недоразумение?

— Что? Недоразумение? — толстяк визгливо рассмеялся. — Вот это да! Ну и шутник попался!

Я недоуменно уставился на него.

— Что вас так рассмешило, лейтенант? Объясните мне, наконец, что означает весь этот цирк? Вы что, не звонили мне домой?

— Ха-ха! В том то и дело, что звонил! Я позвонил домой полковнику Байарду,— торжественно сказал начальник почты.— И мне там сказали, что господин полковник находится дома и сейчас как раз изволит обедать.

ГЛАВА XIV

Камера, в которую меня поместили, по понятиям хегрунов наверняка считалась бы “люксом”, но я тем не менее безостановочно стучал по тяжелой, обитой железом двери, и кричал, чтобы меня немедленно препроводили к начальнику полиции.

У меня был с собой пружинный пистолет (Дзок, когда отыскал меня в мире джунглей, вернул его мне). Я мог пустить его в ход, но такая крайность еще не наступила. У меня было в запасе несколько часов.

Мою просьбу все же удовлетворили, и начальник полиции, вежливо выслушав меня, пообещал тут же созвониться со штабом ближайшей войсковой части.

Уже стемнело, когда я услышал шум открывающейся двери. На пороге стоял агент, с которым несколько раз мне пришлось встречаться на службе. Увидев меня, он пораженно остановился.

Внимательно рассмотрев меня, он сел на скамью и выжидающе посмотрел мне в глаза.

Я попытался напомнить ему, что мы знакомы, хотя, честно признался, что фамилии его не помню.

Офицер кивнул головой и, повернувшись к полицейским чинам, столпившимся у двери, произнес:

— Действительно, этот человек очень похож на полковника Байарда. Однако я могу поклясться, что настоящий полковник находится у себя дома. И поэтому нет никакого смысла тревожить из-за этого самозванца начальство. Хотя...

Офицер еще раз внимательно посмотрел на меня:

— Если вас не затруднит, полковник,— он подчеркнул это слово,— я хотел бы услышать от вас историю, которую вы собираетесь рассказать барону Рихтгофену.

Мне уже нечего было терять и поэтому, попросив разрешения сесть, я начал рассказывать свою историю, страстно надеясь, что на этот раз мне действительно поверят.

Но этого не случилось.

Офицер внимательно выслушал меня.

Когда я закончил, он встал, кивнул мне в повернулся, чтобы уйти.

Я не мог поверить, что этот человек сейчас уйдет, не попытавшись даже проверить услышанное.

Поэтому я схватил его за руку и закричал:

— Неужели вы не верите мне? Что же может тогда убедить вас? Неужели вот этот костюм не может заставить вас начать хоть какое-нибудь расследование?

Офицер остановился, повернулся и, вероятно, только теперь внимательно разглядел мой комбинезон.

— Давайте его сюда, приятель. Это то, что нам нужно. Если вы говорите правду, не знаю, как мы из всего этого выкарабкаемся.

Дверь за ним закрылась. Я еще с полчаса нервно ходил из угла в угол, изнывая от неопределенности.

Наконец дверь камеры открылась, и я увидел маленького человека в очках с толстыми стеклами. Он назвал себя профессором Рингвистом и сообщил мне, что внимательно ознакомился с конструкцией моего костюма-саркофага, и хотя находит его довольно интересным, все же его проводки и схемы абсолютно бессмысленны с научной точки зрения. Я попытался втолковать этому профессору, что его выводы неверны — ведь костюм действует. Механизмы и приборы комбинезона неразрывно связаны с семантическими особенностями организма и поэтому в чужих руках они абсолютно инертны.

Мою очередную тираду прервал вопль сирены. За дверью, в коридоре раздались топот шагов, команды, возбужденные голоса. Через мгновение в проеме двери появился знакомый уже мне офицер в сопровождении полицейского.

— А ну, приятель, выкладывай все начистоту! — закричал он, наставив на меня пистолет. — По законам военного времени я могу расстрелять тебя на месте.

— Какого, черт возьми, военного времени?! — в свою очередь закричал я, предчувствуя самое плохое.

— Стокгольм только что атакован неизвестным противником, применившим газовую атаку.

Приближается полночь. Офицер, назвавшийся капитаном Бурманом, запер дверь моей камеры, приказав никому не приближаться к ней. А мне сказал, что я могу сколько угодно кричать, все равно никто ко мне не придет.

Вскоре он снова появился передо мной в сопровождении двух человек в штатском.

— Повторите все свои рассказы сначала, приятель, — приказал мне Бурман и, обращаясь к неизвестным, добавил — Послушайте его внимательно, господа. Это довольно интересно.

Они уселись на скамью, а я остался стоять перед ними. Времени для размышления уже не оставалось. Тот неизвестный противник, напавший на столицу Империиума, был, очевидно, не кто иной, как хегруны.

Я вытащил свой пистолет, направил его на сидящих и приказал:

— Очень сожалею, господа, что должен прибегнуть к силе, однако мне надо срочно связаться со Стокгольмом. Дело не терпит отлагательств. Вы видите в моей руке оружие и, если внимательно к нему присмотритесь, то, конечно, узнаете в нем пистолет того образца, который выдается только некоторым высшим офицерам надзора Сети! Вдумайтесь хорошенько в происходящее, господа! Разве я прошу так много? Дайте мне связь со штабом, и все!

Даже увидев в моих руках оружие, они не изменили бесстрастного выражения лиц.

Бурман спокойно произнес:

— Перестаньте валять дурака, приятель. Если вас попросили рассказать свою историю, то рассказывайте. А если вы начнете стрелять, то неужели думаете, что вам удастся выбраться отсюда живым? Кроме всего прочего, хочу вам сказать, что мы все же пытались связаться с бароном Рихтгофеном, но наши усилия не увенчались успехом. Связи нет, а посыльный до сих пор еще не вернулся. — Некоторое время помолчав, он продолжил: — В настоящее время Стокгольм захвачен неприятелем. Пришельцы в скафандрах предприняли газовую атаку и легко захватили столицу...

Я в ужасе спросил:

— А что случилось с населением?

Бурман печально посмотрел мне в глаза и пожал плечами.

— Как вы думаете, что случается с населением во время газовой атаки? Насколько можно судить по данным разведки, все мертвы. Императора, его семьи, правительства у нас больше нет.

В это время в коридоре снова раздался шум, грохот, топот ног и выстрелы. Потом раздался чей-то крик: «Обезьяны!»

Я направил свой пистолет на дверь, уже начавшую прогибаться под чьими-то ударами, намереваясь вы-

стрелить, как только на пороге появится первый хегрун.

Дверь вывалилась, и в проеме показалась фигура, одетая во все белое.

Я остолбенел, а потом с радостным воплем бросился вперед. Передо мной стоял, радостно скаля зубы, Дзок!

Дзок, который прибыл сюда, чтобы помочь мне! И эта помощь действительно была сейчас мне необходима.

Я вкратце обрисовал ему сложившуюся ситуацию. Агент сокрушенно качал головой, но я не принимал этого на свой счет. Наконец я закончил говорить и стал слушать Дзока.

Как оказалось, он был с одной щекотливой миссией в одной из линий вероятности. По возвращении домой, в столицу Администрации, он с удивлением обнаружил, что хегруны предприняли удачную попытку захвата его мира. Ни о каком существовании какого-либо органа власти ксонджилианцев, способной организовать отпор, не могло быть и речи — планета полностью находилась в руках захватчиков. Дзоку и его отряду пришлось с боями отступать, и он решил отправиться вслед за мной, в надежде получить помощь у властей Империиума.

Обнаружив, что здесь ему тоже бессильны помочь, он было совсем пал духом, но я решительно переубедил его. Я предложил ему помочь нам, ибо только у него оставался шанс на успех.

После десятиминутной беседы мы вместе с Дзком, капитаном Бурманом и двумя штатскими, которые, кстати, оказались высокопоставленными учеными-физиками разработали план действий. Это был не самый лучший план, но все же гораздо лучше, чем ничего. Согласно ему я должен был снова, надев шаттл-костюм, пробравшись в город, перенестись в то любопытное временное состояние, которое ксонджилианцы поэтично называли “обратной стороной времени”.

ГЛАВА XV

И вот я снова оказался на улицах Стокгольма, где все окружено странно светящимся ореолом. Я снова был в безлюдном городе, который впервые увидел после той необъ-

яснимой встречи со светящимся человеком в подвале Службы Безопасности Имперiums.

Но тогда, если мне не изменяет память, часы показывали 12.05, а теперь уже 12.25, и уже невозможно было не дать этому странному человеку совершить то, что он совершил. Но еще можно было успеть разведать местонахождение хегрунов, выяснить, где находится установка разрыва непрерывности пространства, и благополучно вернуться.

Странная вещь это состояние — нулевое время!

Позади меня на земле не оставалось следов, тогда как впереди виднелась целая их цепочка. Взглянув на часы, установленные на церковной башне, я с ужасом обнаружил, что сейчас уже 12.01 — время двигалось в обратном направлении.

Перестройка, которую сделал в моем комбинезоне Дзок, дала нужный эффект. Уже через секунду осмыслил я происходящее со мной. Мое нахождение в нулевом времени вызывало это странное свечение. Однако мы совершенно выпустили из вида нашу предыдущую регулировку костюма! Регулировку, направленную на перемещение назад во времени!

Неподалеку от меня беззвучно возникла фигура, движущаяся задом наперед, словно фильм, показываемый в обратном направлении. Я с замиранием сердца узнал в незнакомце хегруна. Вытащив пистолет, я приготовился к бою, однако человеко-обезьяна прошла мимо, даже не повернув в мою сторону головы. Вот это уже было интересно! Я решил немного поэкспериментировать. Направив пистолет на нового хегруна, я сделал ему шаг навстречу. Никакой реакции! Следовательно, я стал невидим для захватчиков! В то время, как сам мог отлично их видеть. Очевидно, это было одним из эффектов пребывания в нулевом времени. А может быть, всему виной то, что я нахожусь сейчас в обратном времени?

Причина была мне неизвестна, но тем не менее этот эффект несомненно давал мне значительные преимущества.

Вот уже более получаса я шел по следам хегрунов. Сначала они попадались поодиночке, потом целыми группами, задом наперед направляясь в сторону станции Сети из района расположения штаба Разведки Имперiums.

Я пересек Северный мост, двигаясь сквозь сплошной поток заполнивших все дороги хегрунов. Сейчас я уже

вернулся на три четверти часа назад с момента своего старта. Сколько времени прошло в линии 0-0 Имперiums, я не знал.

Войдя в холл с высокими потолками, который я покинул всего несколько недель назад, я обнаружил огромное количество хегрунов, заполнявших все огромное пространство зала. Я смело таранил эту толпу — невольное любопытство толкало меня выяснить, откуда они здесь берутся.

Свернув в коридор, я подошел к маленькой двери, на которой висела табличка “Служебная лестница”. Из открытой двери непрерывным потоком задом наперед выходили толпы хегрунов. Именно туда, в ту дверь я и вошел тогда, преследуя огненосного человека.

Поток непрерывно выходящих из этих дверей хегрунов постепенно иссякал. Я стоял в стороне и с изумлением следил за этим удивительным зрелищем. Неимоверное количество хегрунов, которых я встретил за время своего пребывания в нулевом времени, исчезало (а может, появлялось?) в том ограниченном пространстве маленькой комнаты за дверью. Этого не могло быть, если только... если только там не было устройства, позволяющего переходить из нулевого времени в нормальную временную последовательность.

Когда два последних хегруна перешагнули через порог комнаты, я последовал за ними и остановился, пораженный увиденным.

Мерцающий диск футов десяти в диаметре свободно парил в воздухе в нескольких дюймах от пола.

Один из двух оставшихся захватчиков спиной подошел к нему, слегка согнулся, подпрыгнул и исчез... Исчез, как заяц исчезает в цилиндре фокусника.

Последний хегрун сказал что-то в маленькое переговорное устройство, висящее у него на шее, и через мгновение исчез тоже.

Все это казалось каким-то чудом, чудом, по сравнению с которым все наши шаттлы были просто детскими игрушками.

Я позволил себе на секунду расслабиться, чтобы собраться с мыслями, проанализировать увиденное и попытаться понять смысл действий хегрунов.

Постепенно картина происходящего стала проясняться. Поскольку я находился сейчас в обратном потоке времени, то видел уже заключительные факты трагедии, постигшей мой мир.

Очевидно, хегруны, сделав переброску в нулевое время посредством механизма-диска, вышли в обычное время и, совершив газовую атаку, захватили спящий город. Спрятан прерыватель непрерывности, они снова воспользовались диском, перенеслись в нуль-время и отправились на Сеть. Отсюда они собирались отправиться к себе домой. Некоторых деталей еще не доставало, однако пора было уже закрыть рот и заняться диском. При помощи этого мерцающего механизма хегрунами был установлен прерыватель времени, а вот где он находится, можно было узнать только последовав за ними.

Я сразу ощутил, что нахожусь в нормальном времени. Впереди и сзади меня тянулся какой-то коридор, наполненный светом люминисцентных ламп. Призрачного мертвенного мерцания нулевого времени не было и в помине. Поскольку я все еще находился в обратном времени, на меня никто не обращал внимания — как еще можно было объяснить эффект моей невидимости?

Здесь собралось множество хегрунов, и среди них я узнал того, кто вышел из нулевого времени последним, вернее, тогда он был первым — разведчиком и первопроходцем.

Шесть недель назад, а может быть, сегодня ночью, — и тот, и другой взгляд на эти вещи был одинаково правомочен, я видел их садящимися в шаттлы для возвращения в свою линию мира, возвращения после завершения чудовищной миссии.

Сейчас я видел все это в обратном порядке — готовых начать победоносное вторжение, чтобы устроить газовую атаку в сонном городе.

ГЛАВА XVI

Оказавшись на улице, я направился в здание штаба Разведки Империи.

Одна мысль не давала мне покоя. Сейчас передо мной стояла задача, в которой нельзя было допустить ошибку, ибо неверный ответ мог привести к гибели целой вселенной!

Необходимо было срочно отыскать устройство, посредством которого хегруны проникли в нулевое время Империи. По указаниям Дзока прибор необходимо было

искать в нормальном времени линии О-О Имперiums. Вот еще одна причина для проведения газовой атаки — отметил я про себя, продолжая путь сквозь мерцающий свет нулевого времени.

В раскрытых дверях штаба в силу обратного течения времени исчезали последние хегруны.

Наконец последний захватчик исчез, и я, стоя в тени здания, припомнив инструкции Дзоза, последовательно нажал ряд кнопок на своем комбинезоне-скафандре. Это должно было обеспечить мне возвращение в обычное время. Вновь испытал головокружение (верный признак того, что произошел временной скачок), я, крадучись, вошел в вестибюль. Дзоз утверждал, что скорее всего, первые лазутчики хегрунов где-то в подвалах штаба установили механизмы нулевого времени, обеспечив тем самым начало операции по захвату и уничтожению нашей вселенной.

В здании штаба было тихо. По разработанному плану я должен был сейчас, пользуясь индикатором “нуль-времени” (на левом рукаве моего комбинезона), определить местонахождение установки хегрунов, но при этом не забывать, что где-то в этом здании скрываются вражеские лазутчики. Внезапно я с удивлением обнаружил мерцающее сияние, окружающее все предметы — признак того, что я все еще нахожусь в нулевом времени!

Это было настолько неожиданно для меня, что я чуть не запаниковал. Со всеми этими временными штучками я до сих пор никогда не сталкивался, и поэтому неудивительно, что я несколько минут не мог прийти в себя.

Или мой костюм-шаттл не сработал (но я ведь явственно ощущал переход!), или произошло что-то, до сих пор мне неизвестное.

Может быть, сейчас я нахожусь уже в нулевом времени, создаваемом самой установкой хегрунов.

Если это так, то смогу ли я ее отыскать? Через полчаса безуспешных поисков, я обессилено сидел в одной из комнат подвала, обдумывая свои дальнейшие действия.

И тут мне в голову пришла одна мысль. Почему я до сих пор не побывал в том помещении, откуда недавно похитил хегрунский прерыватель?

Через несколько минут я уже был там. В углу, за какими-то ящиками, покрытыми брезентом, я обнаружил то, что искал — маленький металлический ящик — механизм нулевого времени хегрунов.

Он тихо гудел, ожидая хозяев, которые должны были скоро появиться, чтобы унести его с собой.

Достав из набора инструментов отвертку, я осторожно открыл ящик и увидел внутри схемы и детали, в которых узнал схему своего шаттла-костюма. У меня уже была на этот счет довольно фантастическая идея — идея, для воплощения которой мне могло бы не хватить знаний, но которая все же позволяла надеяться.

Двадцать минут спустя я все же добился того, чего хотел. Поменяв контакты в механизме, как это ранее сделал с моим костюмом Дзок, я добился, чтобы механизм установил контакт не с настоящим временным уровнем, а уровнем будущего, примерно, через одну или две недели. Имея в запасе время, я надеялся, что сумею убедить разведку Империи в том, что я не маньяк, имеющий сходство с полковником Байардом, а настоящее, вернее, второе его “я”, и что я прав в своих выводах.

В тот момент, когда я снял крышку прибора, у меня уже была некоторая уверенность, некоторый проблеск надежды, что, вернувшись в прошлое, до начала нападения хегрунов, я смогу изменить ход событий.

Теперь же пора уходить. Я переключил управление костюма, собираясь вновь оказаться в реальном времени. Следующий шаг, который я должен был сделать, мне самому не очень-то нравился, но сделать его все же было надо.

Поднявшись по лестнице в коридор первого этажа я, к вящей радости, увидел группу знакомых людей из разведки. С трудом подавив желание закричать им вслед (ведь я жил еще в обратном времени — они все равно не услышали бы меня) я двинулся дальше.

Сейчас недостаточно было бы переключить управление костюма в сторону нормального прямого хода времени, ожидая, что люди разведки с распростертыми объятиями бросятся мне на грудь. Ведь в прямом времени уже существовал один Байард — шестинедельной давности, который именно сейчас обедал на своей вилле. Кроме того, появившись здесь в этом странном одеянии, в грязи и со щетиной на щеках, новый Байард вряд ли вызвал бы к себе доверие.

Но все же я надеялся на лучшее. Войдя в чей-то пустой кабинет, и не думая о том, что мог ошибиться, рассчитывая регулировки, я выключил питание комбинезона и откинул шлем.

Сначала мне показалось, что все идет нормально. Но вот я взял со стола нож для разрезания бумаг и с

удивлением увидел что он по-прежнему на столе. Что-то пошло не так! Но когда через мгновение нож со стола все-таки исчез, я понял, что хотя питание шаттл-костюма отключено — я продолжаю жить в обратном времени. Зашелкнув шлем, я снова принялся манипулировать контактами комбинезона, сожалея, что в спешке не записал советов Дзока на случай неполадок.

Но тут произошло нечто ужасное. Теперь я не испытывал тошноты и головокружения, что обычно бывает при переходе временного интервала. Вместо этого я услышал страшный шум в ушах, тяжесть в ногах. Воздух, которым я дышал, показался мне плотным, как вода.

Мой костюм на глазах покрывался коркой льда, я чувствовал, что постепенно превращаюсь в ледяной столб.

Однако это кое-что прояснило.

Регулируя механизм костюма-шаттла, я восстановил нормальное направление во временной прогрессии, уменьшив при этом уровень энтропии.

Сияясь оторвать ногу от пола, я неловко повернулся и упал.

Ледяной панцирь раскололся и я смог онемевшими пальцами дотянуться до кнопок управления.

Сразу стало легче. Лед растаял, оставив только облачко пара и капельки воды.

Но, попытавшись подрегулировать механизм энтропии, я с ужасом убедился, что фиксатор управления не работает.

А тем временем уровень энтропии постепенно поднимался. Мой костюм нагрелся так, что краска на полу под моими ногами надулась.

Я толкнул дверь в коридор — и в ужасе остановился на пороге. Передо мной стоял хегрун. Очевидно, это был разведчик. Времени для раздумий не было — огромный, как гризли, хегрун ломился вперед, явно собираясь напасть на меня. Я успел подумать, что все-таки оказался прав, считая, что пришелец может изменить уже виденное будущее — уничтожив его!

Стычка была короткой. Получив страшные ожоги груди и живота в моих объятиях, хегрун бежал, воя от боли.

Я огляделся. Следы на полу медленно дымились под моими подошвами.

Жара, усталость, голод, жажда (сорок семь часов без сна и отдыха!) доконали меня. Моментами я еще понимал, что надо делать, но сознание мое туманилось, хотя какие-то мысли еще роились в моем мозгу.

Из последних сил я двинулся вперед, падая и подымаясь, оставляя на своем пути обгоревшие отпечатки ног и рук.

Я должен был предупредить! Должен!

Снова на пути возник хегрун.

Я ударил его всем весом своего тела, и он рухнул на пол, ударившись головой об угол стального ящика.

Со стороны какой-то двери послышался шум, и я, повернув голову на этот звук, смутно различил страшно знакомую фигуру человека.

Он подошел поближе и протянул мне руку. Я протянул свою, и между нашими руками сверкнула молния. На мгновение передо мной промелькнуло невероятное лицо... И все исчезло.

Темнота, темнота, темнота.

ГЛАВА XVII

Постель была чудесная, свежая и прохладная. Сон тоже был замечательный. Лицо Барбро казалось мне лицом Лианы. Где-то в глубине сознания ворочались мрачные мысли, которые еще предстояло вытащить оттуда. Но не сейчас...

Но тут греза склонилась ко мне, и в ее дымчато-серых глазах появились слезы, хотя губы улыбались. И я их целую, и это уже явь, а не сон! Я поднял руку и увидел бинты на ней.

— Барбро,— услышал я свой хриплый голос.

— Манфред! Он проснулся! Он узнал меня! Ты слышишь, он узнал меня!

— Ну, он был бы уже совсем плох, если бы не узнал тебя, дорогая, — произнес чей-то голос и надо мной склонилось не столь прекрасное, но все же довольно симпатичное лицо. Барон фон Рихтгофен улыбался мне, но все-таки он был чем-то озабочен.

— Что случилось, Брайан? — холодные кончики пальцев Барбро коснулись моего лица. — Когда ты вернулся домой, я позвонила Менфреду, он сказал, что ты исчез. Они обыскали все здание и нашли загадочные обуглившиеся, следы...

— Может быть, не нужно его сейчас волновать? — пробурчал барон.

— Да, да, конечно. Но теперь все хорошо, и это главное.

Отдыхай, Брайан. Ты расскажешь обо всем после. Я хотел ей что-то сказать, но почувствовал, как сон наплы-

вает на меня теплой волной, и я позволил себе утонуть в его зеленой глубине.

Проснувшись в следующий раз, я почувствовал страшный голод. Барбро сидела у кровати, бездумно глядя в окно.

Несколько минут я лежал тихо, любясь ее нежной щекой, изгибом шеи, длинными ресницами. Почувствовав мой взгляд, она обернулась и улыбнулась мне. Улыбка засияла, словно солнце после весеннего дождя.

— Похоже, я уже в полном порядке, — сказал я.

Потом были счастливые минуты, немного шепота и глупых ласковых слов попеременно с поцелуями. Позднее появился Манфред, за ним — Беринг и Люк. В этот раз Манфред разговаривал со мной деловито и сухо.

— Как ты объяснишь нам свою трехдневную щетину? Что значат все твои ссадины, ушибы, кровоподтеки? Я уже не спрашиваю тебя об ожогах второй степени, обморожении и о выбитых зубах.

— Какой сегодня день? — спросил я.

Манфред ответил.

Значит, я был без сознания около сорока восьми часов. Два дня прошло с момента предполагаемого нападения хегрунов. Но они до сих пор не появились здесь!

— Послушайте друзья, — начал я, — в то, что я собираюсь сейчас рассказать, довольно трудно поверить, но вы видели обезьяно-человека рядом со мной, и я надеюсь, что вы постараетесь.

— Это действительно очень странное существо. Брайан, — перебил меня Герман. — Оно, наверное, напало на тебя, и этим можно было бы объяснить некоторые твои раны, но что касается ожогов...

Тут я перебил его и рассказал все без утайки.

Они молча слушали. Несколько раз я перерывался, переводя дух и вспоминая некоторые подробности.

— Вот так! — удовлетворенно закончил я свой рассказ. — А теперь скажите, что это все мне просто приснилось, но не забудьте объяснить, как мне мог присниться этот мертвый хегрун.

— Твой рассказ невероятен, безумен, фантастичен! Это просто галлюцинация, вызванная сотрясением мозга! — вымолвил потрясенный Герман. — Но тем не менее, я почему-то верю каждому твоему слову. Мои специалисты доложили мне о странных показаниях приборов надзора Сети. То, что ты сейчас рассказал, совпадает с нашими наблюдениями. А слова о том, что тебе удалось перенести

нападение пришельцев на несколько недель в будущее — это, пожалуй, самое интересное из всего услышанного!

— Я не знаю, как далеко удалось мне передвинуть его, — сказал я. — Но, надеюсь, что вы хорошо подготовитесь к их появлению.

Герман откашлялся.

— Я как раз подхожу к этому, Брайан. То, что ты говорил о своем неумелом регулировании механизма МК, кстати, он здесь вызывает мое восхищение, но я, кажется, уклонился от темы. Так вот, ты сказал, что собирался перебросить хегрунов, так кажется ты их назвал, в будущее. Но, боюсь, что вместо этого ты перебросил их в уровень прошлого нашей линии О-О...

В комнате водворилась гробовая тишина.

— Что-то я не совсем понимаю тебя, Герман, — хрипло произнес я. — Ты что же, хочешь сказать, что они уже нападали на нас? Получается, месяц назад они уже воевали с нами, так?

— Точного расположения их во времени я не могу тебе назвать. Но совершенно ясно, Брайан, что они были отброшены в прошлое, а не в будущее.

— Но это уже не так важно, дорогой, — улыбнулась мне Барбро. — Где бы они сейчас ни были, они нас уже не беспокоят.

Благодаря твоей храбрости, мой герой!

Все рассмеялись, а у меня загорелись уши. Манфред включился в разговор, упомянув об огненном человеке.

— Странное это должно быть чувство — встретиться лицом к лицу с самим собой! — произнес он.

— Вы напомнили мне, — заметил я. — А где же... другой я?

Никто ничего не сказал. Затем Герман щелкнул пальцами.

— Кажется, я могу ответить на этот вопрос. Это довольно интересная проблема в физике континуума, но я считаю, что можно принять за факт, что парадоксы столкновения лицом к лицу двух вариантов одной личности несовместимы с сущностью единовременной реальности. Поэтому, когда такая конфронтация возникает — что-то должно уступить! В твоём случае непреодолимая энтропическая перегрузка была снята путем перемещения одного варианта этого единого “я” в плоскость, которую ты назвал “нулевым временем” — там, где ты встретился с хегрунами и пережил свое странное приключение.

— Но твой друг Дзок! — сказала Барбро. — Мы должны что-то сделать, Манфред, чтобы помочь его народу в

борьбе против этих монстров, захвативших его мир. Мы могли бы послать туда войска.

— Боюсь, что ты не совсем поняла то, что сказал Брайан о местонахождении механизма разрыва непрерывности, дорогая,— перебил ее Герман.— Судя по той точности, с которой Брайан произвел отправку шаттла с механизмом в линию мира хегрунов, он сработал своевременно, избавив нас всех от опасности.

— Дзюк был прав,— печально сказал Манфред.— Мы действительно раса любителей геноцида. Но, наверное, нас такими делают законы природы.

— Однако наша задача — помочь слаборазвитым, я имею в виду технически, народам этих А-линий,— настаивала Барбро.— Бедная Оливия, мечтающая о лучшем мире и не имеющая возможности познать его, потому что мы эгоистично держим наши богатства при себе!

— Я согласен с тобой, Барбро,— кивнул Манфред. Нам нужно менять политику. Но надо бы тебе знать, что не так-то легко принести то, что мы называем просвещением, отсталым народам.

Всегда найдутся противники. Как ты думаешь, воспринял бы этот Наполеон Пятый предложение стать вассалом нашего императора, в положительном смысле, конечно?

Барбро взглянула на меня.

— Ты был немного влюблен, Брайан.— сказала она.— Но я прощаю тебя. Я не настолько глупа, чтобы пригласить ее в наш дом погостить, но ты должен устроить так, чтобы она приехала, слышишь, приехала сюда!

На лестнице раздался топот ног. В комнату, запыхавшись, вбежал молодой человек в белом мундире.

— Вас вызывают к телефону, гер Беринг,— произнес он. Герман вышел, а мы продолжили наш разговор.

— Все же немного жаль,— сказал Манфред,— что эти хегруны были так тщательно аннигилированы тобой, Брайан. Новое племя людей, только отдаленно родственных нашей расе, но имеющее довольно высокий уровень развития технической культуры...

В комнату вернулся Герман, потирая виски и растерянно моргая.

— Я только что разговаривал с лабораторией Сети,— произнес он с порога.— Они смогли приблизительно вычислить пункт прибытия незадачливых захватчиков-хегрунов. Расчеты были сделаны на основании следов, зарегистрированных нашими приборами за пять лет.

— Пять лет? — хором переспросили мы.

— Да, именно за пять лет. То есть, за время с момента установления нашего нынешнего усовершенствованного оборудования.

За этот период было отмечено несколько аномалий в показаниях приборов. Теперь, в свете утверждений Брайана, мы наконец можем дать им хоть какое-то объяснение.

— Ну, ну же, Герман! — поторопил его Манфред.— Избавь нас от драматической паузы! Говори скорее!

— Короче говоря, джентльмены, хегруны оказались заброшенными на пятьдесят тысяч лет в прошлое! Это произошло благодаря регулировке, которую произвел Брайан.

Наступила тишина. Потом я услышал свой собственный смех.

— Значит, они все же сделали это, только немного рановато!

— Думаю, что они благополучно достигли эпохи неолита и остались там,— кивнул Манфред.— Еще думаю, что они, хотя и с трудом, но все же приспособились к своему неожиданному превращению в технически отсталую расу, эти несколько сот отщепенцев во времени. И еще я думаю, что они так никогда и не утратили своей ненависти к безволосым сапиенсам, которых повстречали там, на холодной Земле, пятьдесят тысяч лет назад.

— Похоже, что так и было,— согласился я.— Они благополучно прибыли в эпоху мамонтов и ледников. Но поскольку у них не было с собой техники, то постепенно деградировали. А так как их было очень мало, то они выродились и оставили свои кости на нашей грешной земле, которые в последствии были найдены археологами и названы неандертальскими...

БЕРЕГ ДИНОЗАВРОВ

The Dinosaur Beech

Daw Books ★ New-York ★ 1971



ГЛАВА I

Был приятный летний вечер. Мы с Лайзой сидели на крыльце, любуясь тающими в небе розовыми полосками заката и слушая, как во дворе рядом Фред Хэнникэт снимает газонокосилкой очередной урожай сорняков. Деловито и жизнерадостно стрекотал спрятавшийся в густой траве сверчок. По улице промчалась машина, слабый свет фар разогнал тени и отразился в листе платанов, чьи кроны переплетались над мостовой. Где-то недалеко радио пело о портовых огнях.

Тихо, тепло, уютно... Мне до смерти не хотелось уходить. Я вздохнул — воздух отдавал дымком горящих листьев и запахом свежескошенной травы — и заставил себя встать. Лайза молча подняла голову, глядя на меня снизу вверх. У нее было личико в форме сердца, маленький, чуть вздернутый носик, большие, широко расставленные глаза, и самая милая на свете улыбка. Крошечный шрам на щеке только усиливал очарование — он был тем изъяном, который придает совершенству законченность.

— Схожу-ка я к “Симону”, выпью пива, — сказал я.

— А я приготовлю к твоему возвращению ужин, дорогой, — ответила она и улыбнулась своей чудесной улыбкой. — Запеченная ветчина и кукурузные початки.

Одним плавным движением Лайза встала и прильнула ко мне, коснувшись губами моего уха.

Я спустился по ступенькам, помедлил на дорожке, оглянулся и увидел ее тонкий силуэт на фоне освещенного дверного проема.

— Возвращайся поскорее, дорогой, — произнесла она, махнула рукой и исчезла.

Навсегда.

Я никогда не вернусь.

ГЛАВА II

Трамвай с грохотом пересек перекресток. Он был похож на большую игрушку с вырезанными головами, приклеенными к ряду маленьких квадратных окон. Со всех сторон раздавались гудки. Мигали огни светофоров. Люди торопились по домам после долгого дня, проведенного в магазине, конторе или на цементном заводе. Я влился в этот поток, подчинившись ритму его движения. У меня было много времени. Это-то я усвоил хорошо. Нельзя ускорить время, нельзя его замедлить. Иногда его можно вовсе избежать, но это совсем другое.

Размышляя об этом, я прошел четыре квартала и оказался на стоянке такси. Уселся на заднее сиденье “рео”, которому уже давно пора было на свалку, и сказал водителю, куда мне надо. Он взглянул на меня с любопытством, недоумевая, что может понадобиться приличному молодому человеку в такой части города. Он готовился произнести все это вслух, но я его опередил:

— Уложишься в пять минут — получишь пять долларов.

Парень щелкнул счетчиком и чуть не угробил сцепление своего “рео”, рванул с места. Всю дорогу он поглядывал на меня в зеркало, прикидывая, как бы все-таки подступиться ко мне с вопросами, которые не давали ему покоя. Но я вскоре заметил невдалеке неоновые буквы цвета раскаленного железа, дернул шофера за рукав, сунул ему пять долларов и в следующую секунду уже стоял на тротуаре.

Не слишком выделяясь среди окружающих строений, здание коктейль-бара все-таки отличалось претензией на роскошь. Вниз вела пара ступенек. Верилось, что когда-то, до введения сухого закона, зал выглядел весьма славно. Стены, покрытые деревянными плитками, не пострадали от времени, разве что почернели от въевшейся пыли. Лепной потолок был по-прежнему великолепен. Но по темно-бордовому ковру протянулась широкая вытоптанная дорожка. Она извивалась, как лесная тропинка, вдоль всего

бара и, разветвляясь у столиков, терялась среди ножек стульев. Кожанные сидения в кабинках заметно потускнели, некоторые повреждения были заделаны клейкой лентой, но вытереть следы от кружек, оставленные несколькими поколениями любителей пива, никто не удосужился. Я занял кабину подальше от бара с маленькой медной лампой. Ее матовый свет высвечивал нацарапанное на стене чье-то сообщение о победе в беге с препятствиями в тысяча девятьсот десятом году. Часы над стойкой бара показывали семь сорок четыре.

Я заказал гренадин у официантки, молодость которой, судя по всему, пришлась на то время, когда процветал бар. Едва я успел сделать глоток, как кто-то скользнул на сидение напротив. Человек пару раз глубоко вздохнул, словно только что пробежал круг по стадиону, и поинтересовался: "Не возражаете?" Затем махнул рукой в сторону зала.

Я посмотрел на незнакомца. У него было приятное округлое лицо и очень светлые глаза. Голову покрывал желтенький пушок, как у цыпленка. Одет он был в полосатую рубашку с отложным воротником, лежавшим поверх пиджака из голубой шотландки с подставными плечами и широкими лацканами. Рука, держащая стакан, была маленькой, холеной, с короткими безупречными ногтями. На левом указательном пальце я увидел тяжелое золотое кольцо с искусственным рубином. Оно могло бы сгодиться в качестве пресс-папье. В целом же внешности незнакомца не хватало гармонии, словно его собирали в спешке, думая о чем-то более важном.

— Не хотелось, чтобы у вас сложилось ложное впечатление... — произнес он.

Его голос вполне соответствовал облику: он был слишком высоким для мужчины и как-то дисгармонировал с помещением, полным сигарного дыма.

— Лишь чрезвычайные обстоятельства заставляют меня обратиться к вам, мистер Рэвел, — быстро продолжал он, будто торопился высказаться, чтобы не опоздать. — Дело огромной важности... касается вашего будущего.

Как бы проверяя, какой эффект произвело сказанное, он сделал эдакую выжидательную паузу, словно от моей реакции зависело, как он поведет себя дальше.

Я сказал:

— Моего? Да ну? Я никогда не думал, что оно у меня есть.

Ответ ему понравился — я увидел, как заблестели его глаза.

— Ну да, — кивнул он. — В самом деле.

Он быстро отхлебнул из стакана, поставил его, и, перехватив мой взгляд, уставился мне в глаза. На губах его играла скользкая улыбка.

— Я мог бы добавить, что ваше будущее будет... или может быть гораздо значительнее, чем прошлое.

— Мы где-то встречались? — спросил я.

Он покачал головой.

— Я понимаю, что сейчас все это для вас не имеет особого смысла. Время — вот что важно. Поэтому, пожалуйста, выслушайте меня.

— Я слушаю, мистер... Как вас зовут?

— Неважно, мистер Рэвел. Я вообще не имею к этому делу никакого отношения, мне просто поручили войти с вами в контакт и передать определенную информацию.

— Поручили?

Он пожал плечами.

Я потянулся через стол и схватил его за руку, сжимавшую стакан. Рука была гладкой и мягкой, как у ребенка. Он напрягся, словно хотел встать, но я не дал ему этого сделать.

— Позвольте мне тоже сыграть, — сказал я. — Давайте-ка остановимся на этом поручении. Мне оно показалось интригующим. Так кто же считает меня настолько важной персоной, что поручает таким пройдохам, как вы, совать нос в мои дела?

Я усмехнулся. Он снова напялил на лицо улыбку, но мышцы его по-прежнему были напряжены.

— Мистер Рэвел, что бы вы сказали, если бы я сообщил вам, что являюсь членом секретной организации суперлюдей?

— А какого ответа вы ждете?

— Что я сумасшедший, — с готовностью подсказал он. — Вот почему я надеялся обойти этот вопрос и перейти сразу к сути дела. Мистер Рэвел, ваша жизнь в опасности.

Его слова повисли в воздухе.

— Ровно через одну минуту и тридцать секунд, — он посмотрел на часы, повернутые на английский манер — на внутреннюю часть запястья, — сюда войдет человек, одетый в черный костюм, в руках он будет держать трость из черного дерева с серебряным набалдашником. Он пройдет к четвертому табурету у бара, закажет чистый виски, выпьет, повернется, поднимет трость и трижды выстрелит вам в грудь.

Я сделал глоток. Пиво было первоклассным — настоящее утешение в работе.

— Чудненько, — сказал я. — И что же потом?

Малыш слегка встревожился.

— Вы шутите, мистер Рэвел? Речь идет о вашей жизни. Здесь, через несколько секунд, вы можете умереть!

Он перегнулся через стол и выпалил эти слова мне прямо в лицо, брызгая слюной.

— Ну-ну, все понятно, — сказал я, отпустил его руку и поднял стакан, приглашая его выпить. — Только не тратьте много денег на мои воображаемые похороны.

Теперь уже он схватил меня за рукав. Жирные пальчики сомкнулись с куда большей силой, чем я мог ожидать.

— Я говорю о том, что обязательно случится, если вы немедленно не начнете действовать, чтобы избежать смерти!

— Ага! Тут-то и начнется то самое великое будущее, о котором вы рассказывали?

— Мистер Рэвел, вы должны сейчас же уйти отсюда.

Он порывлся в кармане пиджака и вытащил карточку с отпечатанным адресом: "Колвин Корт, 366".

— Это старое здание. Очень прочное. Совсем рядом. Снаружи — деревянная лестница, совершенно безопасная. Поднимитесь по ней на четвертый этаж. Комната под номером девять находится в самом конце. Войдите в нее и ждите.

— К чему мне все это? — поинтересовался я и высвободил руку. Чтобы спасти свою жизнь!

Он начал терять над собой контроль. словно все разворачивалось не так, как ему бы хотелось. Меня это полностью устраивало. У меня было отчетливое предчувствие, что ход событий, устраивающий его, мог бы оказаться не самым лучшим для меня и моего великого будущего.

— Откуда вы узнали мое имя? — спросил я.

— Ну, пожалуйста, времени очень мало! Почему бы вам просто не поверить мне на слово?

— Это имя — липовое, — сказал я. — Я так назвался вчера продавцу библий. Придумал его. Не занимаетесь ли вы рэкетом среди разносчиков книг, мистер Неизвестно-Кто?

— Неужели это значит больше, чем ваша жизнь?

— Ты что-то совсем запутался, приятель. Не о моей жизни мы сейчас торгуемся. О твоей.

Выражение искреннего участия на его лице разбилось на много кусочков. Он все еще пытался собрать его снова, когда дверь бара распахнулась и вошел человек в черном плаще, черном бархатном пиджаке, черной шляпе и с щегольской черной тростью в руках.

— Видите? — прошептал через стол мой новоявленный дружок. — Все именно так, как я говорил. Теперь придется действовать быстро, мистер Рэвел, пока он вас не увидел...

— Напрасно вы так думаете, — ответил я. Еще не успев закрыть за собой дверь, он знал уже даже размер моих ботинок.

Я оттолкнул его руку и выскользнул из кабинки. Человек в черном уже прошел к бару и сел на четвертый табурет, не глядя в мою сторону. Я пробрался между столиками и сел слева от него.

Он не взглянул на меня даже после того, как я толкнул его локтем в бок, несколько сильнее, чем позволял этикет. Если у него в кармане и был пистолет, я не почувствовал его. Трость он держал зажатой между коленями, крупный серебряный набалдашник был всего в паре дюймов от его руки. Я чуть-чуть наклонился к нему.

— Смотри, дело накрылось, — сказал я в восьми дюймах от его уха.

Он воспринял известие спокойно, только медленно повернул голову и посмотрел мне в лицо. У него был высокий узкий лоб, впалые щеки; на сероватой коже лица выделялись вокруг ноздрей белые линии. Глаза напоминали маленькие черные камешки.

— Вы обращаетесь ко мне? — произнес он голосом, более ледяным, чем полярный лед под палаткой Скотта.

— Кто это? — спросил я тоном, который как бы предполагал возможность откровенной беседы между двумя ловкими парнями.

— Кто?

Пока никакой оттепели.

— Вон тот красавец с руками, к которым противно прикоснуться, — уточнил я. — Малыш, с которым я сидел за столиком. Он, кстати, все еще там сидит. Хочет посмотреть, чем все это закончится.

— Вы ошиблись, — произнес черный и отвернулся.

— Не унывай, — продолжал я. — Все мы далеки от совершенства. Мне это видится так: надо бы собраться и обговорить все как следует. Втроем.

Это его проняло. Голова повернулась на миллионную долю дюйма. Он соскользнул с табурета и надел шляпу. Я коснулся ногой трости, когда он потянулся за ней. Она грохнулась на пол. Я нечаянно наступил на нее, когда поднимал. Что-то тихо клацнуло.

— Черт, — ругнулся я. — Извиняюсь и все такое.

Я протянул ему трость. Он схватил ее и направился к туалетной комнате. Я проводил его долгим взглядом и краешком глаза успел заметить, как мой собутыльник спешит к выходу. Я перехватил его в нескольких ярдах от бара на улице и прижал к стене. Он сопротивлялся, но не очень, как сопротивляется человек, не желающий привлекать внимание прохожих.

— Выкладывай все! — велел я. — Я уже переварил ту часть, которая была связана с чтением мыслей. Что дальше?

— Идиот! Опасность все еще не миновала! Я пытаюсь спасти вам жизнь. У вас, что, отсутствует чувство благодарности?

— Если бы только ты был в курсе, приятель... Из-за чего весь этот сыр-бор? Мой костюм не твоего размера. А мелочи у меня в кармане не хватило бы даже на такси до Колвин Корта и обратно. Но, сдается мне, возвращаться не пришлось бы.

— Отпустите! Мы должны уйти с дороги!

Толстяк попытался ударить меня по ноге, и я двинул его под ребра достаточно сильно, чтобы он скрючился и повис на мне, как мешок. Я сделал шаг назад и тут же услышал слабое “хап!”, характерное для выстрела пистолета с глушителем, и свист пули, пролетевшей в дюйме от уха. Рядом находилась дверь подъезда. Мы добрались до нее одним прыжком. Малыш опять попытался ударить меня по коленке, и мне пришлось поставить ему пару синяков.

— Не принимай близко к сердцу, посоветовал я. — Пуля меняет дело. Успокойся, и я отпущу шею.

Он кивнул, насколько ему позволял мой палец. Я отпустил его, он шумно задышал и рванул воротник. Круглое лицо было теперь слегка перекошенным, а глаза цвета китайского фарфора смотрели уже далеко не младенчески невинно. Я снял маузер с предохранителя и стал ждать, что произойдет дальше.

Несколько минут растянулись в целые геологические эпохи.

— Он ушел, — глухо произнес малыш. — Дело окончилось неудачей, но они на этом не остановятся. Вам не удалось обмануть смерть, вы только отсрочили ее.

— Поживем — увидим, изрек я. — А теперь — на разведку. Ты первый.

Я подтолкнул его в спину пистолетом. Он вышел — выстрела не последовало. Я рискнул и выглянул на улицу. Ни одного черного плаща в поле зрения.

— Где твоя машина? — спросил я.

Он кивнул в сторону черного “мармона”, припаркованного на противоположной стороне. Я провел его через улицу, подождал, пока он сел за руль и забрался на заднее сиденье. Рядом стояли другие машины: огромное количество затемненных окон, что весьма удобно для снайпера. Но все было тихо.

— У тебя есть что-нибудь выпить? — спросил я.

— Что? Да... конечно.

От старался скрыть, что доволен.

Машину он вел как вдова средних лет после пары уроков. Автомобиль дергался, выскакивал на красный свет — и так через весь город, пока мы не добрались до улицы, которую он называл. Это оказался плохо освещенный тупик, щебенчатая мостовая которого полого поднималась вверх и оканчивалась телефонными столбами. Высокий и узкий дом ясно просматривался на фоне неба, окна казались черными и пустыми. Мы свернули на подъездную дорожку, представляющую собой две полосы потрескавшегося бетона с травой посередине, и объехали дом. Пройдя мимо деревянной лестницы, о которой он говорил, мы подошли к черному ходу. Дверь открылась с трудом, открыв взгляду почерневший линолеум; нас обдало кислым запахом старого капустного супа. Я вошел вслед за ним и остановился, прислушиваясь к несколько напряженной тишине.

— Не беспокойтесь, — сказал малыш. — Здесь никого нет.

Он провел меня через узкий проход мимо потускневшего зеркала, подставки для зонтиков, полки для шляп и дальше вверх по лестнице с черной резиновой дорожкой, закрепленной позеленевшими медными штырями. Доски пола и ступеньки скрипели. Высокие часы остановились на десяти минутах четвертого.

Вышли мы в невысокий зал, оклеенный коричневыми обоями в цветочек. Двери, окрашенные в темный цвет, я увидел благодаря слабому свету, проникающему сквозь шторы на окне.

Он нашел девятый номер, приложил ухо к двери, открыл ее и подтолкнул меня внутрь.

Я оказался в маленькой комнате с большой двуспальной кроватью под пологом из шенили, деревянным шкафчиком, стулом с прямой спинкой и креслом-качалкой, которое не совсем вписывалось в обстановку. Овальник коврики был покрыт засохшей грязью, а с потолка свисало сооружение с тремя маленькими лампочками, из которых горела одна.

— Какой это класс? — спросил я. — Ты, видно, на мели?

— Временное жилье, — пояснил он спокойно и предложил мне кресло-качалку, а сам примостился на краешке стула. — Ну, а теперь, — начал он, сложив кончики пальцев вместе, как ростовщик, готовящийся обобрать отчаявшегося просителя, — я полагаю, вам хочется узнать все о человеке в черном и о том, каким образом я узнал, когда именно он появится, и так далее.

— Не особенно, — ответил я. — Меня интересует, почему ты рассчитывал выйти сухим из воды.

— Боюсь, я не совсем понимаю, — пробормотал он, по-птичьи склонив голову набок.

— Все было чистенько, — объяснил я, — до определенного момента. Ты насочинял мне, что Черный вколет мне наркотик, если я тебя не послушаюсь. А если бы я попался на твою удочку, то был бы так благодарен, что пришел бы по этому адресу.

— В конце концов, ты пришел.

Мой малыш выглядел уже менее застенчивым, менее желавшим угодить. Намного менее.

— Твоя ошибка, — сказал я, — в том, что ты старался охватить слишком много сторон. Что ты держал на будущее для Черного?

Лицо его застыло.

— На какое будущее?

— Что бы это ни было, ничего не вышло, — продолжал я. — Он и тобой бы тоже занялся.

— ... Тоже?

Он наклонился вперед, как бы озадаченный сделал быстрое движение и прицелился в меня странным на вид пистолетиком, усыпанным светящимися проводками и рычажками.

— А вот теперь вы мне все расскажете о себе, мистер Рэвел, или как ты там себя называешь.

— Опять не то, карг, — сказал я.

До него не сразу дошло. Затем пухлые пальцы сжались, пистолет издал шипящий звук, и иглы дождем хлынули в мою грудь, отскакивая от нее и падая на пол. Я дал ему расстрелять всю обойму. Затем поднял маузер и выстрелил ему под левый глаз.

Он откинулся на спинку стула. Голова свесилась к левому плечу, будто он любовался пятнами на потолке. Жирные пальчики разжались. Он медленно наклонился в

сторону и рухнул на пол, как двести фунтов тяжелой аппаратуры.

Чем он, собственно, и был.

ГЛАВА III

Я подошел к двери и прислушался. Тихо. Очевидно, никто не слышал выстрелы. Потом, уложив карга на спину, я сломал печать, блокирующую доступ к катушке, и вытащил ленту.

В Центре давно заметили, что здесь, в театре действий старой эры, происходило нечто, не вписывавшееся в обычные рамки. Но даже сам темпоральный диспетчер не подозревал возможность столкновения между оперативниками второй и третьей эр. Лента могла оказаться тем самым ключом, который так искали планировщики Некса.

У меня еще оставались профессиональные обязанности, поэтому я подавил желание уйти и занялся делом.

Лента оказалась почти полностью использованной, из чего следовало, что миссия карга была близка к завершению. Так-то оно так, да не совсем так, как они рассчитывали. Я сунул катушку в нагрудный карман своей рубашки и проверил карманы робота — ничего; затем раздел его и нашел номер на левой ступне.

Осмотр комнаты занял двадцать минут. В патроне одной из негоревших лампочек нашелся аппарат для чтения мыслей. Карг, видимо, рассчитывал вытянуть из меня все, прежде чем избавиться от останков. Я зарегистрировал каждую мелочь и постоял еще несколько минут, перепроверя уже проверенное. Не стоило больше тратить время.

Ход событий более-менее соответствовал плану, разработанному в Центре Некса: заманить карга в уединенное место и избавиться от него. Теперь настало время доложить о результатах проделанной работы и продолжить дело переустройства мира. Я нажал кнопку самоуничтожения робота, погасил свет и вышел из комнаты.

Очутившись на улице, я увидел огромную черную машину, которая с грохотом промчалась мимо. Но выстрелов не последовало. Я был почти разочарован. Впрочем, какого черта, дело сделано. Пребывание здесь оказалось приятным, но то же самое можно сказать о куче других мест и времен. Это задание ничем не отличалось от предыдущих.

Я подумал о Лайзе, ожидавшей моего возвращения в маленьком домике, который мы сняли шесть недель назад, после первых четырех дней нашего медового месяца на Ниагаре. Она, наверняка, уже начала беспокоиться, который раз подогревает ужин и недоумевает, что могло меня так задержать...

— Забудь об этом, — приказал я себе вслух. — Сунь череп под мыслепон и сотри все это. Ну, поноет на душе, но почему — ты уже не будешь знать. Таковы издержки твоей профессии.

Я сверился с локатором и направился на восток, вниз по склону. Наша с каргом игра в кошки-мышки охватывала несколько квадратных миль города Буффало, штат Нью-Йорк, по функциональному времени — тысяча девятьсот тридцать шестой год. Я быстро проанализировал свои перемещения с момента прибытия на место и определил, что нахожусь примерно в полутора милях от точки подбора. Около получаса ходьбы. Я выбросил из головы лишние мысли и одолел расстояние за двадцать пять минут. На подходе к небольшому парку датчик показывал, что я пересек границу зоны, откуда возможна переброска на мою темпоральную станцию. Дорожка извивалась меж густых зарослей можжевельника. Я шагнул в тень — вдруг за мной следят чьи-то глаза? — и набрал код вызова, прижимая язык к искусственным зубам в нижней челюсти. Какое-то мгновение ничего не происходило, затем я почувствовал, как меня окутало поле подбора. Беззвучный темпоральный взрыв вырвал из-под ног землю...

... И я зажмурился от ослепительных лучей солнца, сиявшего над Берегом Динозавров.

ГЛАВА IV

Берег Динозавров получил свое название благодаря отряду маленьких аллозавровидных рептилий, встретивших первую разведывательную группу. Это было шестьдесят лет назад, всего лишь через несколько месяцев после принятия решения осуществить проект Чистки Времени.

Мысль была не лишена логики. Первая эра путешествий во времени кое-чем напоминала рассвет космической эпохи — а именно, хламом, который она оставила после себя. В случае с космическими отбросами потребовалось с пол-

дюжины катастроф, чтобы убедить власти в необходимости очистить околоземное пространство от накопившихся за пятьдесят лет кусков использованной ракетной обшивки, сломанных телеметрических устройств или потерянных спутников. По ходу дела обнаружилось, что к этому добавилось невероятное количество всяких мелочей, включая куски метеоритных скал и железа, хондрит, явно земного, возможно, вулканического происхождения, мумифицированное тело одного из космонавтов, потерявшегося в первой космической прогулке, и энное количество предметов искусственного происхождения. Тогдашним властям пришлось изрядно поломать голову, пока, наконец, хлам не был списан как пустые банки из-под пива, выброшенные пришельцами из других систем.

Все это, конечно, было задолго до Временного Прорыва.

Программа Чистки Времени являлась близкой аналогией очистки космического пространства. Темпоральные экспериментаторы старой эры засорили временные пути всем, чем только можно, начиная с первых односторонних временных кабинок и кончая наблюдательными станциями, трупами, брошенным инструментом, оружием и оборудованием всех сортов, включая автоматическое приспособление для рытья шахт, установленное под антарктической ледяной шапкой, которое служило причиной головных болей властей во время Великого Таяния.

Последовавшие триста лет Последнего Мира положили этому конец, и когда на заре новой эры была вновь открыта темпоральная переброска, урок не прошел даром. Начиная со Второй Программы, были введены строгие правила, учитывавшие все ошибки, допущенные пионерами Первой Программы. А это означало, что Вторая Программа должна была изобрести свои собственные несчастья, чего она и добилась в полной мере. Одно из них — карги.

Карг — искаженное “карго”¹ — воплощение в жизнь официального решения относительно статуса человекоподобных роботов, принятого после транспортных бунтов середины двадцать восьмого столетия.

Карги — безжизненные машины, посланные в прошлое из третьей эры в процессе второй великой попытки Чистки Времени, разрабатывались для прекращения не только

¹ “карго” — груз.

резни, безответственно учиненной в разных веках темпоральными исследователями старой эры, но и для того, чтобы устранить еще более катастрофические последствия Второй Программы.

Третья эра признала невозможность исправления последствий человеческого вмешательства путем нового человеческого вмешательства. Машины, считавшиеся нейтральными в том, что касалось жизненного баланса, были способны на то, что не смог бы совершить человек; они могли манипулировать событиями, не повредив тонкие непонятные линии жизненного равновесия, могли восстановить целостность темпорального ядра.

Так, по крайней мере, считалось. После Великого Упадка и последовавшего за ним длительного застоя был организован Центр Некса для управления четвертой эрой. Темпоральные диспетчеры Центра ясно видели, что усилия предшествующих эпох по наведению порядка в целом совершенно запутали все дело, и любая попытка воздействовать на реальность путем темпорального администрирования неизбежно влечет за собой ослабление временной структуры.

Латая время, вы невольно делаете в нем дырки; положить заплату — значит наделать еще больше дырок, которые, в свою очередь, тоже придется залатывать... Срабатывает принцип геометрической прогрессии, и вскоре вы теряете контроль над процессом. Каждая последующая спасательная операция распространяет волны энтропического смещения, которые накладываются на предыдущие, и, сколько бы вы ни взбалтывали воду в пруду, поверхность ее не станет от этого зеркально-гладкой.

Единственный выход, как поняли специалисты Центра Некса, заключается в том, чтобы устранить первоначальные смещения. Сначала, конечно, возмущения, вызванные путешественниками старой эры, были просто случайными нарушениями структуры времени, оставленными столь же нечаянно и беспечно, как следы в джунглях. Позднее, когда до них дошло, что малейшее передвижение песчинки приводит к последствиям, сказывающимся на протяжении эпох, они стали более осторожными. Были введены правила, которые время от времени ужесточались. И все же, когда вышло первое категорическое запрещение вмешательства во время, было уже слишком поздно. Последующие эпохи поняли, что, хотя пикники в палеозое могут быть довольно забавными, за них приходится расплачиваться разрывами времени,

оборванными энтропийными линиями и вероятностными аномалиями. Несомненно, Центр Некса, возникший во всей своей красе из повзрослевшего прошлого, своим существованием был обязан именно ему; тщательно продумывались меры, необходимые для восстановления жизнеспособности отдельных линий, таким образом, чтобы в то же время не устранить причины, вызвавшие появление повреждений. Для решения этой задачи потребовались люди со светлыми головами, тщательно подготовленные для такой работы.

Я был одним из оперативных агентов Центра Некса, и в мои обязанности входило останавливать действие всех программ: хороших и плохих, созидательных и разрушительных. Я должен был позволить зарубцеваться ранам времени, чтобы древо жизни зазеленело вновь.

Это была стоящая профессия, стоящая всего того, чем приходилось расплачиваться. По крайней мере, так гласил Устав.

Я пошел вдоль берега, ступая по мокрому песку (так было легче идти) и старательно обходя лужицы и языки морской пены, оставшиеся после отлива.

Море в этой эре (где-то за шестьдесят пять миллионов лет до новой) было чисто-голубым и простиралось до самого горизонта. Ни парусов, ни клубов дыма, ни пивных банок у берега. Длинные валы, приходящие из восточного океана, который люди называют Атлантическим, обрушивались на белый песок с тем же знаком “каррамп-вууш!”, которое я слышал в десяти эпохах. Шелест волн успокаивал. Он говорил о том, как мало значат в жизни отца Океана дела крошечных существ, суетившихся на его берегах.

Станция находилась в четверти мили, сразу за песчаной косой, выступающей в море, — небольшое светло-серое строение, прилепившееся на песке за линией прилива, окруженное зарослями древовидного папоротника и мха как в декоративных целях, так и для того, что сделать его как можно менее заметным. Согласно теории, если дикую жизнь привлечет или отпугнет элемент, чуждый ее среде обитания, в вероятностной матрице могут появиться незапланированные у-линии, что сведет на нет сотни лет мучительного труда и сделает карту времени негодной.

Через несколько минут я буду отчитываться перед Нелом Джардом, темпоральным диспетчером станции. Он выслушает, задаст пару вопросов, введет данные в компьютер и предложит выпить. Затем последует быстрый и эф-

фективный сеанс под мыслефоном, чтобы стереть из моей памяти все потенциально дестабилизирующие воспоминания, связанные с командировкой в двадцатое столетие. Например, с Лайзой... После этого я несколько дней буду шататься по станции с другими агентами, не получившими нового задания, пока не подвернется что-нибудь еще, не имеющее никаких видимых связей с предыдущим. Я так никогда и не узнаю, почему карга направили именно туда, где я его нашел, что за дела у него были с исполнителем третьей эры — черным и какую роль вся эта история сыграла в великой стратегии Центра Некса.

Возможно, так и должно быть. Программа времени слишком широка, переплетения его слишком сложны, чтобы их мог охватить человеческий разум. Поэтому лучше уж не забивать голову тем, что не связано с каждодневными заботами, и не растрачивать свои умственные силы на тысячи ведущих в тупик дорог, составляющих жизнь оперативного агента.

Но Лайза, Лайза...

Я выкинул из головы мысль о ней (во всяком случае, попытался это сделать) и сосредоточился на сиюминутных физических ощущениях: жаркий и душный воздух, жужжание насекомых, скользкий под ногами песок, струйки пота, стекающие вдоль спины... Нельзя сказать, чтобы все это доставляло удовольствие. Но через несколько минут я окажусь в прохладной атмосфере станции, где меня ждет стимулирующая ванна, горячая вода, настоящая воздушная постель и звуки тихой музыки...

Я спустился по пологому склону и вошел через открытые ворота под тень протопальм. Навстречу мне шагали два свободных от работы агента. Я не был с ними знаком, но они поздоровались со мной с тем небрежным дружелюбием, которое приобретаешь, когда жизнь твоя состоит из случайных знакомств. Я выслушал их обычные в этих случаях вопросы о том, трудным ли было задание, и дал обычные ответы.

Внутри станции воздух был, как всегда, прохладен, чист и стерилен. Стимулирующая ванна, как обычно, пришлась очень кстати, но я продолжал думать о другой, чугунной ванне, оставшейся в нашем домике в Буффало... Поданная еда привела бы в восторг гурмана: бифштекс из рептилии в соусе из гигантских грибов с гарниром из креветок, салат из клубней мха, горяче-холодный десерт, изготовленный на основе какой-то немыслимой поварской технологии... Но все это едва ли могло выдержать срав-

нение с лимонным пирогом, покрытым хрустящей корочкой, который так чудесно готовила Лайза... Воздушная постель была замечательна, но и ей далеко было до жесткой кровати, стоявшей в жаркой, душной комнате с дубовым полом и задернутыми шторами помнившей, как прижималась ко мне Лайза...

Джард позволит мне подремать перед отчетом. Это был невысокий, уставший от забот человек лет сорока пяти с выражением лица, говорившим, что все уже в этой жизни он видел и что все это не произвело на него никакого впечатления. Он встретил меня обычной усталой улыбкой и выслушал, обозревая через окно пейзаж, не менявшийся за пять лет его работы. Похвалил меня за ленту с программой — карги обычно успевают разрушить себя, когда их загоняют в угол, но на этот раз мой меткий выстрел в вычислительный блок помешал ему сделать это. Тонко продуманная игра, в результате которой мне удалось усыпить его бдительность, удалась. Она планировалась очень тщательно и была осуществлена с предельной осторожностью.

Теперь же я чувствовал, что устал от нее, устал от роли, которую играл, от всей этой проклятой работы...

Понятно, что это был просто временный срыв после выполнения задания. Как только мне прочистят мозги и я отдохну несколько дней, наступит избавление от раздражавших укусов беспокойной памяти, и я снова уйду с головой в дела.

По крайней мере, я на это надеялся. Почему бы и нет? Раньше всегда так и было.

Но Джард попросил меня повременить с очисткой памяти, пока он подробно не ознакомится с записями. Я попытался протестовать, но замолчал, подумав, что буду выглядеть нытиком. Остаток дня я бродил по станции и думал о Лайзе. Это был обычный случай невротической сублимации — термин я, во всяком случае, знал. Но все мои мысли в конце концов возвращались к ней. Пробуя плоды дака, исчезнувшего в юрском периоде, я думал, что Лайзе он бы понравился, и представлял выражение ее лица, если бы я притащил парочку домой в коричневом бумажном пакете из магазина компании ИГА на углу; я видел, как она очищает их от кожуры и делает фруктовый салат с тертым кокосовым орехом и проваренным миндалем...

В тот вечер у самого моря, на широком белом пляже, длинной дугой огибавшем мелководную лагуну, в которой время от времени слышались всплески, слишком громкие,

чтобы можно было подумать, что это плещет рыба, состоялась вечеринка. По самому краю земли и на песчаной косе росли пальмы, похожие на пивные бочки с цветами по бокам и ветками, торчавшими из верхушки. Там же произрастало несколько неоплодотворенных на вид сосен и побегов папоротника, которым очень хотелось казаться деревьями. Надоедливых насекомых было не так много — маленькие, стремительно пронесившиеся над головой ящеры, похожие на летучих мышей, контролировали их численность.

Я сидел на песке и наблюдал за своими соотечественниками. Сильные, здоровые, красивые мужчины и женщины не жили в волнах прибоя под защитой звукового экрана, отпугивавшего ихтиозавров, гонялись друг за другом по песку, пока часовые, сидевшие в окопах с обеих сторон пляжа, следили за бродившими поблизости хищниками. Они развели большой костер из дерева, доставленного из нашей точки, находившейся в нескольких миллионах лет вниз по течению, горланили песни двенадцати эпох, поглощали поджаренное мясо детеныша стегозавра, пили белое вино, импортированное из Франции восемнадцатого столетия, и чувствовали себя творцами мироздания.

А я думал о Лайзе...

Ночь прошла плохо. Очистка памяти намечалась на восемь ноль-ноль. Я вскочил еще до шести, легко позавтракал и вышел прогуляться по пляжу, чтобы в последний раз вспомнить Лайзу и задуматься о том, не прошла ли наша дорога, ведущая к мудрости, в стороне от чего-то главного...

Вопрос был не из тех, на которые имеются ответы, но он отвлек мои мысли, пока ноги отмеривали мили вдоль берега. Затем я полчасика посидел, глядя на море и думая о том, что буду делать, если сзади ко мне подкрадется что-нибудь большое и голодное. Ничего не придумал, но и не обеспокоился.

“Мрачно мыслишь, Рэвел, — сказал я сам себе. — Пора возвратиться и привести в порядок мозги, пока ты еще не додумался до того, чтобы шагнуть в переходную кабину, прыгнуть назад в тысяча девятьсот тридцать шестой год и оказаться в квартале от дома через десять минут после того, как вышел из него...”

Я уже забрался в своих размышлениях так далеко, что действительно пора было возвращаться. И неожиданно услышал выстрелы.

Любопытно, что в момент стресса мысли становятся ужасно непоследовательными. Я мчался вдоль берега, даже

не заметив, как начал бежать. Брызги летели во все стороны, а я думал, что вот теперь конец прохладному воздуху, мягкой музыке, горячей еде, стимулирующей ванне, сну на воздушной постели, а главное — я не увижу Лайзу, я никогда больше не увижу Лайзу...

Бросившись напрямик через песчаную отмель, с треском продравшись через растительность и посмотрел вниз на станцию.

Не знаю, что я ожидал увидеть: шум выстрелов больше всего был похож на грохот тяжелой артиллерии старой эры. Во всяком случае, так мне подсказывал опыт. Я увидел несколько громоздких, тяжелых машин защитного цвета на гусеничном ходу, которые расположились недалеко от станции. Дымящихся стволов видно не было, но дыра, зияющая сбоку здания, свидетельствовала о наличии пушек. Один из танков пострадал. Его гусеница была повреждена, из многочисленных щелей сочился дым. Вдруг среди дыма показались язычки пламени; я кинулся наземь, но опоздал — взрывная волна ударила меня по ребрам.

Несся я, как сумасшедший, сплевывая песок. Мысли путались. Но в одном я был абсолютно уверен: что бы там, внизу, ни происходило, единственная кабина темпорального переброса по эту сторону Плейстоцена находится внутри станции, и чем ближе я к ней подберусь, прежде чем меня прихлопнут, тем легче будет моя смерть.

Никто не обращал на меня и мои усилия никакого внимания. Уцелевшая военная машина (третья эра, как сообщил расположенный у меня непосредственно над ушами банк данных) двигалась вперед, стреляя на ходу. Джарду, очевидно, удалось частично возвести защитный экран; при каждом выстреле над станцией вспыхивала и мерцала радужная корона. Но эта защита предназначалась для отпугивания разгулявшихся в округе динозавров, а не для отражения тяжелой артиллерии. Экран долго не продержится.

Отбросив эту мысль, я еще быстрее помчался к станции. Земля передо мной загорелась; взрыв швырнул меня, словно бумажную куклу. Я покатился, умоляя судьбу отвести случайный выстрел. Потом поднялся на ноги. Мне предстояло преодолеть десять бесконечных ярдов, отделявших меня от приветливого пролома, зиявшего в восточной стене в том месте, где когда-то висела шпалера. Сквозь дыру виднелись обломки секретера, внутренности кресел и несколько искореженных, почерневших металлических листов, висевших на стенах комнаты.

Бежать по песку было невероятно сложно — словно по толстому слою полусохшего клея. Вокруг все горело и

гремело. Проем был уже совсем близко — я прыгнул и ударился обо что-то при приземлении, да так, что искры брызнули из глаз. Полуоглушенный падением, я увидел над собой, словно в тумане, блестящее от пота лицо Джарда.

— Очнись! — вопил он, пытаясь перекрыть непрерывающийся грохот обстрела. — Очнись! — Я приподнял голову. — Все уже в безопасности! Я ждал тебя — знал, что ты бродишь где-то поблизости. Должен был тебе сказать...

Что он должен был сказать, я так и не услышал, так как последовал такой грохот, что предыдущие звуковые эффекты показались просто разминкой. Все вокруг рушилось. В воздухе повис обжигающий горло запах озона, к нему примешивался привкус дыма, крови, измельченного в пыль камня, раскаленного железа. Поднимаясь на ноги, я видел, как Джард исчез в двери, ведущей в операторскую. Проковыляв за ним, я застал его за пультом, на котором он набирал код. Вспыхнул красный сигнал тревоги, заверещал и резко оборвался зуммер. Джард обернулся и увидел меня.

— Убирайся отсюда! — заорал он. — Уходи! Ты что, не слышал, что я тебе сказал? Ты должен... отсюда... координаты...

— Я не слышу! — заорал я в ответ и не расслышал собственных слов.

Джард схватил меня за руку и подтолкнул к люку в полу, ведущему в сеть коммуникаций.

— Я обязан переместить станцию в нуль-фазу, ты понимаешь? Нельзя, чтобы они ее захватили...

Он столкнул меня вниз. Все происходило так быстро, что я растерялся, но удар дверцей люка по голове на мгновение прочистили мои мозги.

— Беги! — кричал Джард за миллион миль от меня. — Уходи как можно дальше! Удачи, Рэвел...

Я, шатаясь, поднялся с четверенек и побежал. Этого требовал Нел, а он был моим шефом.

И тут мир взорвался. Я кувырком полетел в преддверие ада, сотни тонн раскаленного песка насыпалось на меня сверху, захоронив на веки вечные.

ГЛАВА V

— Ну, может быть, и не на вечные, — проговорил то-
ненький голосок как бы между прочим.

— Ну, на чуть меньший срок, — согласился я с самим собой и набрал полный рот песка.

Это показалось мне неприятным. Я попытался вдохнуть через нос, и ноздри мгновенно забились той же субстанцией. Это пробудило к действию какие-то примитивные инстинкты, потому что я вдруг неистово заработал руками и ногами, продавляя сквозь песок к жару, запаху горелого пластика и воздуху. Пыльному, дымному, но все же — воздуху. Там я откашлялся, прочихался и осмотрелся.

Это был коммуникационный туннель, стены которого покоробились и вздулись, словно оплавленные. Пол по щиколотку покрывал песок, из которого я только что выбрался. Я попытался собраться с мыслями...

Мне было известно, что туннель ведет в насосную, откуда наверх можно подняться по лестнице — так было задумано, чтобы как можно меньше травмировать местную среду. Оставалось только пройти вперед, взобраться по лестнице и...

Я решил, что об “и” можно будет подумать позднее. Все еще нахваливая себя за хладнокровие, проявленное во время обстрела, я заметил, что для туннеля, находящегося на глубине двенадцати футов, освещение было больно уж хорошим. Казалось, свет исходит откуда-то сзади. Я обернулся и увидел искореженные металлические балки, сквозь которые пробивались яркие лучи солнца.

Я прошел ярдов десять, идти стало легче — не так много песка и обломков. Никак не мог открыть дверь насосной — забыл, что надо тянуть, а не толкать. Все оборудование оказалось совершенно целым, готовым в любую минуту начать качать чистую, свежую воду из глубины в сто двадцать футов. Я похлопал по ближайшему насосу и взялся за поручни лестницы. Меня подташнивало, ноги подгибались, но не сильнее, чем у юнги при первом морском шквале. Я нажал кнопку. Наверху жалобно завыл мотор. Люк открылся, на меня посыпался песок и упала маленькая зеленая ящерица. Я выбрался наружу, глотнул свежего воздуха и огляделся.

Передо мной лежала длинная кривая полоса берега, изуродованного воронками и следами гусениц; джунгли с холмов подступили к самому океану. Но там, где находилась станция, не осталось ничего, кроме дымящегося кратера.

Я улегся на мягкий теплый песок и уставился в небо. Глаза слезились, на лбу и груди выступил пот, а в голове вихрем замелькали знакомые образы: станция, какой я увидел ее много лет назад, после своего первого скачка; строгие безликие кают-компания, которые постепенно

стали домом, ожидавшим тебя после трудного задания; ты встречал там своих коллег, мужчин и женщин, которые возвращались с одного задания и через некоторое время получали новое; тихие разговоры в столовой, сверкающая чистота; даже главный пульт, показывавший ежеминутные изменения сдвига во времени... Но пульта больше не было, как не было и сотен километров микропленки с записями, как не было росшего в кадке на веранде редкого гинкго — все превратилось в шлак...

Я вспомнил, как Нел Джард кричал мне, чтобы я убирался... и еще что-то. Но что? Что-то важное, о чем мне, как он думал, предстояло сообщить однажды... Кому? Тщетные надежды. Я уже поговорил с человеческим существом в последний раз. Положение мое было безнадежным, его можно было сравнить с ситуацией, в которой оказались еще несколько оперативных агентов Центра Некса, не попавших в зону действия темпорального поля.

Впрочем, им было гораздо лучше, чем мне.

При этой мысли голова моя скатилась набок, а перед глазами опустился темный занавес.

ГЛАВА VI

Когда я проснулся, солнце уже садилось. Я чувствовал боль в таких местах, о существовании которых и не подозревал. Огромные москиты, казалось, совсем не удивились тому факту, что нашли млекопитающее там, где никаким млекопитающим быть не полагалось, и разместились на мне, приняв философское решение питаться тем, что тебе даровано судьбой. Я прихлопнул самых нахальных и направился вниз к развалинам.

Судя по всему, я не получил серьезных ранений, отделавшись множеством мелких порезов да солидных размеров синяками и ушибами. Я подошел к краю кратера и заглянул вниз. Перед моими глазами предстала впадина с оплавленными стенками диаметром в сотню ярдов, окруженная обугленными растениями. Не осталось ничего: ни людей, ни оборудования. И хуже всего, конечно, было то, что темпоральный скачок теперь невозможен. Ни в Центр Некса, ни в какое другое место и время.

Агенты третьей эры или кто-то другой, маскировавшийся под них, уничтожили станцию с тщательностью, которую

раньше я бы считал невозможной. Как им удалось обнаружить это место, учитывая строжайшие меры предосторожности размещения ста двенадцати этапных станций во времени старой эры? Что же касается Центра Некса, то никто не знал, где он находится, даже тот человек, который его создал. Он дрейфовал в ахроническом пузыре в энтропическом потоке, никогда материально не существуя ни в одном пространственно-временном пункте в течение конечного периода. Код доступа к нему был спрятан под двенадцатью рядами взаимозависимых шифров в главном хранилище Некского Мозга. Единственный способ добраться к нему — совершить скачок через темпостанцию, и не какую-нибудь, а именно ту, на которую было настроено мое личное поле агента. Именно ту, которая превратилась некоторое время назад в яму с сантиметровым слоем зеленого стекла по краям.

Внезапно в голове возникла мысль, подобно улыбке на лице призрака.

Личный привод аварийного скачка, встроенный в мое тело, цел! В мощностной катушке хватило бы Е-энергии для прыжка... куда-нибудь. У меня не было конкретной цели, но это не означало, что я должен здесь остаться. Я просто не буду знать, где окажусь, если вообще что-то из этого получится.

В Центре ходило немало жутких историй о несчастных, допустивших ошибку во время скачка. Иногда их по кусочкам разбрасывало на десятки станций, иногда они превращались в бестелесные голоса, взывавшие о помощи. Поэтому пользоваться личным аварийным приводом разрешалось лишь в чрезвычайной ситуации.

В качестве альтернативы можно было, конечно, устроить жилище и здесь, на берегу, по соседству с динозаврами, и надеяться, что спасательная группа прибдет раньше, чем я умру от жажды, рептилий, скуки или старости.

В общем, было над чем подумать.

Рядом со мной валялось несколько каменных обломков, из которых можно было соорудить что-то вроде очага, поймать ящерицу и поджарить ее на обед...

Нельзя сказать, что эта идея показалась мне особенно привлекательной, но не хотелось отказываться от нее сразу. Приходилось выбирать: либо это, либо риск эксперимента, провал которого предрекали все эксперты. Но, в конце концов, куда спешить? Мне здорово досталось, но я все же остался жив; ближайшие несколько дней мне голодать не придется. Можно даже накачать воду. Ведь, может быть,

взрыв станции где-то зарегистрировали, и в этот момент спасательная команда готова броситься на помощь.

Почти совсем стемнело. Звезды мерцали в сгущавшихся сумерках, будто и не случилось катастрофы в биографии Игоря Рэвела, оперативного агента Центра Некса. Волны шелестели, отступая от берега, равнодушные к проблемам прямоходящего двуногого существа, которое неизвестно почему покинуло свое время и перенеслось на шестьдесят пять миллионов лет назад.

Мне же хотелось в туалет. Казалось бы, это совсем неуместно в данной ситуации, среди песков прошлого, под вечными звездами, но жизнь брала свое.

Затем я послонялся по окрестностям, пытаюсь отыскать следы былого очарования, вырыл в песке яму и улегся спать.

ГЛАВА VII

Пришел рассвет, а вместе с ним и динозавры. Я уже видел их раньше, обычно издали: небольшие робкие существа скрывались из виду после первого же прикосновения ультразвуковых лучей, которые Джард приспособил для их отпугивания. Правда, я слышал, что еще до моего появления здесь случались инциденты с крупными экземплярами, подходившими слишком близко, — их приходилось пугать импровизированными трещотками. Все понимали, что твари эти слишком глупы, чтобы представлять угрозу, следовало только не попадать им под ноги и не оказываться среди листьев, которые они пожирали в невероятных количествах.

Динозавров было три. Настоящие великаны, а тут ни ультразвука, ни трещоток, только собственные голосовые связки.

Я вспомнил, как Доул, тоже оперативник, решив однажды поплавать, чуть не попал в зубы ящеру, перехватившему его между океаном и станцией. Доул отделался обычным случаем дилириум тременс: чудовище протопало мимо, даже не взглянув на него. Он был слишком маленьким, чтобы представлять интерес для такого большого желудка.

Однако я не счел этот пример утешительным.

Трио, направлявшееся ко мне, представляло неизвестную нашим современникам разновидность, которую мы на-

рекли королевскими шутами из-за глуповатой ухмылки и ярких отростков, свисавших с черепа, подобно побрякушкам. У них были страусиновые ноги, вытянутая шея и огромное количество зубов.

Я неподвижно лежал на песке, пытаюсь изобразить валун, пока они, не спеша топали ко мне, поблескивая под лучами солнца. Двух из них можно было признать просто большими, а третий был настоящим гигантом. По мере их приближения я все сильнее ощущал исходившее от них зловоние, все отчетливее видел пурпурные и желтые полосы на боках... Вот уже стало слышно хриплое, шипящее дыхание — огромным организмам требовалось перерабатывать много воздуха. Я занялся подсчетом объема легких и количества кислорода, необходимого на фунт веса, но бросил это занятие, когда между нами осталось сто футов. С такого расстояния ясно доносилось урчание огромных желудков, объем которых мне почему-то не захотелось рассчитывать.

Гигант учуял меня первым. Он поднял голову. Холодный глаз, напоминавший ведро с кровью, повернулся в моем направлении. Он фыркнул. Затем вдохнул не меньше галона воздуха. Пасть его открылась, и я увидел ряды белоснежных зубов.

Он запыхтел, как паровоз, и бросился ко мне. Пришло время решать, и я не раздумывал.

Вдохнув напоследок влажного океанского воздуха и окинув взглядом пустое безразличное небо, песок и повеселевшее чудовище, уминавшее его на ходу, я набрал аварийный код.

Пейзаж расплылся, скользнул в сторону... Последовал безболезненный удар, отправивший меня путешествовать по свернувшейся в спираль Вселенной.

Сплошная темень и рев, словно спускаешься в бочке по Ниагарскому водопаду.

ГЛАВА VIII

Несколько секунд я лежал абсолютно неподвижно, оценивал результаты скачка. Кажется, все на месте, вплоть до ушибов и синяков. Никуда не исчез и шум моря, хотя вокруг сгустилась темнота. Видимо, старое место я все же покинул, но трудно сказать, в какое новое попал.

Инструкция гласила: при срыве во время перехода нужно сохранять неподвижность и ожидать второго скачка — что в данном случае могло продолжаться довольно долго. Кроме того, еще не выжил ни один, кто бы мог доложить о таких срывах, поэтому вполне возможно, что инструкция ошибалась. Я осторожно вдохнул. Ничего не произошло. Тогда я решил действовать.

Я поднялся, сделал шаг, словно сквозь занавес, и попал в тишину и странную темноту, пронизанную маленькими ослепительными точками, какие видишь за мгновение перед тем, как потерять сознание от потери крови. Но прежде, чем я сообразил, что к чему, блеск исчез, и передо мной появилась стандартная кабина темпорального скачка этапной некс-станции. И я мог дышать.

Отдышавшись, я повернулся и посмотрел на занавес, сквозь который прошел. Это была обыкновенная стена из железобетона, если мне не изменяет память, метра в два толщиной.

Может быть, гул, который я слышал, издали молекулы метана, смешавшиеся с моими собственными ставосемьюдесятью фунтами загрязненной воды?

Я решил поразмышлять над этим феноменом позже. Сейчас меня ждали более неотложные дела — отыскать руководителя станции и доложить о разрушении моей станции в результате неожиданного нападения.

Комнаты на оперативном уровне я осматривал минут десять — никого. То же самое меня ожидало в жилом комплексе. И в аппаратной, и в энергетическом отсеке...

Приток энергии был в норме, пластины излучателя находились под нагрузкой, по всему пульту горели зеленые лампочки, но на станцию не поступал даже микроэрг.

Что было невозможно.

Связи, соединявшие этапную станцию с Центром Некса, при помощи которых также осуществлялось управление персоналом, работавшим вне ее, требовали хоть каплю энергии. Иначе и быть не могло. Пока существовала система, нигде в нормальном пространстве-времени не могло возникнуть такое положение вещей, с которым я здесь столкнулся.

Следовавший из всего этого вывод меня не обрадовал, но что поделаешь?

Либо система Чистки Времени больше не существовала, либо я находился за пределами ее действия. И, поскольку сфера ее влияния распространялась на все пространство-время, не понятно было, что же оставалось мне.

Все темпоральные станции одинаковы: здание, оборудование, электронные характеристики. Некоторые ученые

даже считали, что так как массовое производство станций осуществлялось времядробильным процессом, распределявшим их вверх и вниз по темпоральной кривой, они были идентичными и представляли собой разные временные стороны одной и той же физической матрицы. Но все это теоретически, а практика — совсем другое дело. Так что сначала предстояло выяснить, куда же я попал.

Я пошел вдоль прохода к шлюзовой камере (некоторые площадки, отведенные под станции, были окружены враждебной средой, враждебной по отношению к тому, что Центр Некса считал обычной жизнью), открыл люк и чуть было не шагнул наружу.

Но успел остановиться.

Где-то в десяти футах от входного крыла пол кончился. Дальше все застилал жемчужно-серый туман, завихрявшийся у невидимой преграды, которая удерживала его от рассеивания. Я дошел до края, лег плашмя и посмотрел вниз. Дно станции терялось в тумане. Та часть, которая была видна, ровно и гладко блестела, как зеленое стекло.

Как тот, покрытый стеклом край кратера, что остался на Береге Динозавров...

Я отполз от края мира, вернулся на станцию, нашел хранилище и набрал наугад вызов кассеты. На экране вспыхнула бегущая информация — обычные данные о затратах энергии, о колебаниях темпоральной кривой, о прибытии и отправлении агентов — листы обычных протоколов, и на каждом из них повторялся номер станции.

Темпостанция девяносто девять.

Именно то, чего я боялся.

Круглая нижняя часть, висящая в нигде, совпала бы с покрытым стеклом чашеобразным углублением на Береге Динозавров так же, как отливка совпадает с литейной формой.

Станция не была разрушена артиллерийским обстрелом — ее выдернули с корнем, как огромное дерево, и переместили сюда.

Я остался на приколе. На своей же станции. Так вот что пытался сказать мне Нел Джард! Он подождал, пока я не окажусь в безопасности, и нажал кнопку аварийного спасения, о котором ничего не знали рядовые оперативники.

Несомненно, он все сделал правильно. Враг был у ворот. Через несколько секунд экраны защиты рухнули бы под перегрузкой. Все секреты Центра о передвижении во

времени попали бы во вражеские руки. Джард обязан был что-то предпринять и сделать то, что необходимо.

Тем фактом, что выполнение программы подразумевало технологию, уровень которой был намного выше возможностей Центра Некса, о которых я знал, я займусь позже.

Сейчас же нужно решить более насущные проблемы.

Перед самым выбросом Джард что-то кричал мне, что-то важное, что я должен кому-то передать. Я не расслышал ни слова, однако в состоянии возбуждения он не понял этого. Он выгнал меня, сосчитал до десяти и рванул переключатель. Станция исчезла, но я был в безопасности.

И через некоторое время я свел на нет все его усилия, воспользовавшись встроенной цепью, чтобы прыгнуть назад туда, где мне быть вовсе не полагалось.

Нулевая фаза!

Эти слова вдруг всплыли у меня в голове. Теоретическое понятие, которое встречается в технической литературе. Как выяснилось, это не только теория.

Место вне времени и пространства. Точка с нулевой амплитудой на кривой поля Айлема, которое мы называем пространственно-временным континуумом.

Я прошелся по комнате, прислушиваясь к своим шагам, мирному шепоту кондиционера и гулу работавшей вхолостую аппаратуры. Все, что я видел, слышал, обонял, к чему мог прикоснуться, казалось абсолютно нормальным — за исключением тумана снаружи.

Впрочем, если это станция с Берега Динозавров, то где же дыра в стене, через которую я вошел несколько часов назад? Где обломки и дым, где трупы и следы обстрела?

Станция была чистой, как в момент рождения. Я вытащил ящик с пленками. Все в порядке. Никаких признаков поспешной эвакуации, вражеской атаки и неразберихи.

Синдром “Марии Селесты”, даже больше, за исключением того, что я все еще был на борту.

Я вошел в столовую и увидел несколько подносов с остатками пищи, довольно свежей — единственное, что нарушало всеобщий безликий порядок.

Нажав кнопку, я получил обед. Он выскочил из прези, окутанный паром: синто-это, псевдо-то. Вспомнились запеченная ветчина и кукурузные початки... И Лайза, ожидающая меня в душистой темноте...

К черту все это, я так не договаривался!



Человек покинул станцию, сделал свою работу, привык к чему-то, затем бросил все, следуя зову долга с условием, что мыслесфон избавит его от мучительных воспоминаний. Контрактом не предусмотрено, что я буду сидеть в потемках на пустой станции, жевать опилки и тосковать по голосу, улыбке, прикосновению...

Что за черт? Ведь она просто женщина, эфемерное создание рожденное еще на заре времен и имевшее короткую, как всплеск пламени, жизнь, давно уже обратившуюся в прах...

Лайза, Лайза!..

— Ну, хватит! — приказал я себе и вздрогнул от звука собственного голоса, эхом пронесшегося по пустой станции.

“Всему есть простое объяснение, — на этот раз я говорил уже про себя. — Ну, возможно, не простое, но все же объяснение!”

— Успокойся! — произнес я снова вслух, не обращая внимания на эхо. — Выброс перенес станцию назад, в более раннюю временную точку. Да, станция та же. Но время другое. А может быть, времени и вообще нет. Математики во всем разберутся — потом. Я все равно не понял бы ничего, но это неважно. Станция существует, а на ней существую я. Вопрос заключается в том, что же мне теперь делать?

Воздух вокруг меня был густым и беззвучным, как на похоронах. Казалось, все вокруг ждет чего-то, что должно вот-вот произойти. Но, если я не постараюсь, не произойдет ничего.

“Ничего, Рэвел, — успокоил я сам себя. — Не вешай носа. Ты знаешь, что делать. Ты можешь только одно. Единственный выход...”

Я встал и направился в операторскую, к кабинке перехода. Пластины были горячими, показания шкал — нормальными. Все выглядело, как обычно. Разве что не горели веселые зеленые огоньки, говорящие о том, что цепи внешней связи замкнуты на Центре Некса.

Оставалось сделать шаг внутрь кабины и перенестись — неизвестно куда.

В голове у меня пронеслось несколько интересных вопросов, но не было времени искать на них ответы. Я шагнул вперед. Дверь захлопнулась, оставив меня наедине со своими мыслями. Я поторопился нажать кнопку, прежде чем они полностью увлекли меня.

Беззвучный взрыв швырнул меня через пространство.

ГЛАВА IX

Головокружение медленно проходило, постепенно возвращались ощущения: жара, что-то твердое под боком, тихое почти музыкальное поскрипывание и завывания, слабый свет, проникающий сквозь веки...

Я открыл глаза. Вода искрилась под лучами солнца. Я почувствовал, как доски палубы, на которой я лежал, давят мне на ребра, затем вдруг исчезают...

Попробовав встать, я застонал от резкой боли, пронзившей тело. Но сесть мне все-таки удалось.

Плоскость горизонта выравнилась, но продолжала подрагивать, размытая горячим воздухом, и снова проваливалась вниз, когда фальшборт из обтершейся, обожженной солнцем древесины вздымался, заслоняя море. На фоне яркого синего неба раскачивались мачты, рангоуты и прочий такелаж парусника. Мозг сфокусировался на полученных под гипнозом данных, и я распознал типичную оснастку португальского галеона шестнадцатого столетия.

Но как-то подсознательно я ощутил, что это имитация, возможно, из эпохи расцвета, около двух тысяч двухсот двадцатого года новой эры. Великолепная подделка с искусно вырезанными фигурами и тщательно подогнанными досками, хотя под деревянной палубой наверняка скрывалась стальная обшивка и небольшой реактор, роскошные каюты со всеми удобствами для оператора и десятка отдыхающих.

Постепенно ко мне вернулся слух, и я стал различать скрип канатов, приглушенные голоса, чей-то крик...

Что-то тяжело грохнулось на палубу, над бортом взлетел веер соленых брызг. Одежда моя сразу стала мокрой. Я обтер лицо, приподнялся и в полумиле увидел другой корабль — тяжелый двухпалубник с тремя мачтами, на одной из которых развевался длинный зеленый шкентель с серовато-белым мальтийским крестом. Вдоль его борта появились облачка белого дыма с яркими огоньками в центре. Секундой позже в море выросли водяные столбы. “Бум!” — донеслось с той стороны, как отдаленный гром.

Мысли мои в корне переменились. Картинка группы отдыхающих, путешествующих по Карибскому морю на своем стилизованном пиратском корабле, испарилась — стреляли самые настоящие орудия, самыми настоящими снарядами, которые могли запросто проделать дыру на том самом месте, где я продолжал сидеть.

Я поднялся на ноги и посмотрел на корму. Кучка людей сгрудилась вокруг маленькой палубной пушки, которую им никак не удалось поставить в нужное положение. Все они были одеты в костюмы шестнадцатого столетия, изрядно поношенные затертые и пропотевшие. У одного текла кровь из раны на лице. Все это выглядело слишком натуральным, чтобы быть игрой.

Я упал за большую клетку, прикрепленную к палубе, в которой сидела живая черепаха с щербатым и поблекшим панцирем около ядра в поперечнике. Вид у нее был уставший и несчастный, как у меня.

Снова раздались крики. Что-то трепещущее мягко опустилось на палубу возле меня. Это было знамя из грубой материи, старое, выцветшее, с изображением неестественно длинноногого зеленого цыпленка с загнутыми рогами. Геральдика никогда не была моим сильным местом, но и так уже было ясно, что я угодил в самый разгар морской битвы, да еще на корабль, который, похоже, терпит поражение.

Галеон заметно увеличился в размерах. Вновь расцвели облачка дыма, послышался свист, и сразу же рвануло так, будто взорвался паровой котел. На меня дождем посыпались щепки. Около пушки рухнул моряк, извергнул алый фонтан крови и задергался, как вытасненный из воды карп. Кто-то пробежал мимо клетки, крича что-то на ходу — может быть, и мне. Но я не двигался с места, ожидая, пока на меня снизойдет мудрость и подскажет, что делать.

Она явилась в виде приземистого круглого человека с босыми загорелыми ногами в обтрепанных розоватых гетрах и мешковатых желтовато-черных бриджах с широким кожаным ремнем, с которого свисала абордажная сабля, выглядевшая так, словно ее выковали из старой бочки. Он встал надо мной и заорал, размахивая короткой рукой. Я поднялся на ноги, он снова закричал, махнул в сторону кормы и сам бросился туда.

Казалось, он не очень удивился, увидев меня, да и я почти понял, что он кричал: некий болван Гонзало оказался таким ослом, что позволил выпустить себе кишки, и теперь необходимо мое присутствие, чтобы зарядить пушку.

— Идиот! — услышал я собственный голос. — Сбрось пушку за борт, чтобы облегчить корабль! Наш единственный шанс — бегство, даже если оно невозможно...

Что-то с шумом рассекло воздух. Извиваясь, канат хлестнул меня по лицу, отшвырнул в сторону. Я попробовал подняться, но кто-то толкнул меня. Кусок рангоута размером с человеческую ногу шлепнулся рядом на палубу и, отскочив, вылетел за борт. Корабль вновь накренился. Паруса забили и обвисли. Над палубой пронесся порыв холодного, сладкого на вкус ветра. И снова грохот, треск, вопли, топот бегущих ног...

Я отыскал укромное местечко у борта и, не привередничая, шлепнулся в розовевшие там отбросы. Сверху послышался треск, напоминавший пистолетные выстрелы, — это сломалась грот-мачта и рухнула на наветренную сторону. Парус надулся, лопнул и накрыл корму, но его тут же потянуло течением и он уполз в море, увлекая за собой несколько человек, которые оказались под ним. Сверху что-то сыпалось. Мелькнула неясная тень, надо мной проплыли рангоуты и паруса, а последовавший удар швырнул меня лицом вниз. Еще удар, еще... Доски раскалывались, веревки обрывались, палуба начала проваливаться...

Я поскользнулся, но успел ухватиться за канат и замер, прижавшись к стенке. Галеон совсем приблизился и казался теперь просто огромным. Приготовившаяся к атаке команда выстроилась вдоль борта, возвышавшегося на десять футов над нашей палубой. Они кричали, размахивая кулаками и саблями. Я посмотрел в черные дула проплывавших мимо пушек, за которыми в темных квадратных окошках ухмылялись почерневшие от дыма лица. С корабля полетели абордажные крючья, цепляясь за изуродованное палубное покрытие. И тут же сверху посыпались люди. Моряк, который кричал на меня, бросился им навстречу. Над его головой опустилась сабля. Казалось, удар был совсем несильным, но человек, обливаясь кровью, рухнул под ноги нападавших, оглашавших воздух адскими воплями. Я прижался к палубе, делая вид, что совсем здесь ни при чем. Не сработало. Огромный детина рванулся в моем направлении, размахивая мачете с почти ровным лезвием. Я откатился и успел выхватить маузер. Двух выстрелов в волосатую грудь вполне хватило, и я отпихнул упавшее на меня тело. Звук выстрелов потонул в окружающем аду.

Невысокий босой паренек с кривыми ногами попытался вскарабкаться на грот-мачту, но кто-то подпрыгнул, ух-

ватил его за ноги и стащил вниз. Еще кто-то полетел за борт — не знаю, живой или мертвый. Затем победители стали просто носиться по палубе, по-прежнему издавая дикие вопли и размахивая саблями, но уже вхолостую. И только несколько человек из их команды, как разбитые игрушки, валялись на палубе, зажимая руками кровотокающие раны и молясь перед смертью Святой Деве.

Затем я увидел карга.

ГЛАВА X

Сомнений у меня не было.

Для неопытного глаза карг первого класса (единственный тип, используемый в работе по Чистке Времени) ничем не отличается от всех остальных людей. Но у меня был опыт. И, кроме того, я знал его лично.

Это был тот самый карг, которого я отключил в номере гостиницы в Буффало. И вот теперь он здесь, словно и не было той встречи, целый и невредимый, без дыры под глазом. Такой же опрятный и спокойный, он уверенно спускался на палубу, как будто все происходившее было всего лишь игрой. Судя по золоченым галунам на обшлагах и потускневшему медному эфесу сабли, он занимал важное место капитана или старшего офицера. Подчиняясь его командам, пираты понемногу утихомиривались.

Я догадался, что сейчас последует распоряжение о полном разграблении побежденного корабля и приказ милостиво добить всех, кому не посчастливилось умереть в бою.

Судя по тому, что мне было известно об условиях содержания пленников на испанских парусниках в те времена, быстрая смерть казалась намного предпочтительней длительного путешествия, в конце которого ждали каторжные работы на галерах.

Я уже принялся составлять план дальнейших действий, надеясь спрятаться и дожидаться удобного случая, когда дверь, возле которой я лежал, открылась. Точнее, ее попытались открыть, но я загоразживал путь, так что она продвинулась дюйма на два и уперлась мне в бок. Кто-то яростно толкнул ее изнутри и попытался вылезть наружу. Я увидел ботинок и руку в голубом рукаве с золотыми пуговицами. Однако дальше ему протиснуться не удалось — как мне показалось, он зацепился за замок поясом.

И тут карг повернулся. Он смотрел на него долго и пристально, затем достал красивый, украшенный жемчугом пистолет, неторопливо поднял его, прицелился...

Грохот был таким, словно разорвалась бомба; из ствола вылетели пламя и дым. Я услышал, как пуля попала в цель, — тяжелый, сочный звук, как от ударившего по перчатке вратаря мяча. Парень вывалился наружу и тяжело упал лицом вниз. Потом дернулся пару раз, словно его ткнули чем-то острым, и затих.

Карг повернулся к команде и отрывисто отдал приказ. Те потоптались на месте, разочарованно глядя на палубу, и отправились к борту.

Я понял, что не будет ни осмотра, ни грабежа.

Похоже, карг добился того, за чем явился.

Через пять минут abordажная команда покинула гален-он. Карг стоял на корме со спокойствием, присущим машине. Затем оглянулся и направился прямо ко мне. Я лежал тихо-тихо, стараясь выглядеть как можно более мертвым.

Перешагнув через меня и через настоящий труп, он вошел в каюту. Послышались слабые звуки, словно кто-то рылся в ящиках и заглядывал под циновки. Потом он вышел. Я услышал удалявшиеся шаги и приоткрыл глаза.

Он стоял у леерного ограждения и спокойно обрывал защитную фольгу с термической бомбы. Когда она зашипела, бросил ее в открытый люк у своих ног так же беспечно, как опускают оливку в мартин. После этого карг хладнокровно пересек палубу, ухватился за канат и с похвальным проворством взобрался на борт своего судна. Прокричал команду. Все пришло в действие: паруса задрожали и сдвинулись с места, часть команды принялась натягивать выбленочные тросы. Рангоуты галеона дрогнули и с сильным треском отошли от побежденного корабля, отрывая куски такелажа. Высокий борт испанского парусника отделился, паруса глухо захлопали. Совершенно неожиданно оказавшись в одиночестве, я наблюдал, как уменьшается в размерах уходивший на всех парусах вражеский корабль.

И тут под палубой со зловещим “чух!” взорвалась термическая бомба. Из люка повалил дым, вслед за ним наружу взметнулись языки пламени. Вспомнив, что у меня есть ноги, я вскочил на них и заковылял к люку, но мне пришлось отвести глаза, не выдержавшие блеска адского пламени, бушевавшего внизу. Может быть, у этой

посудины и стальная обшивка, но она ее не спасет: в таком пекле все сторит, как сухой хворост.

Несколько драгоценных секунд я стоял на месте, пытаясь сложить все происходившее в какую-то имеющую смысл картинку; огонь шипел и трещал, палуба вздымалась, а тень от обломка грот-мачты описывала по ней плавную дугу, словно гигантский палец грозил человеку, которого карг застрелил на моих глазах.

Он лежал лицом вниз, уткнувшись в пропитанные кровью кружева. Одна рука подогнулась, другая откинута в сторону. В ярде от пустой ладони валялся пистолет.

Сделав три шага, я нагнулся и подобрал оружие. Это был микрореактивный пистолет производства Центра Некса; рукоятка легла мне в ладонь, словно специально подогнанная.

Да так и должно было быть. Ведь это был мой пистолет. Я посмотрел на руку, из которой он выпал. Она была похожа на мою.

Мне очень не хотелось этого делать, но я все же перевернул труп и взглянул на его лицо.

Лицо было моим.

ГЛАВА XI

Стандартная обработка, последовавшая за выполнением того задания, утратила силу. Теперь я вспомнил все.

Время: примерно десять лет назад, или тысяча пятьсот семьдесят восьмой год по местному.

Место: Карибское море, около пятидесяти миль на юго-запад от острова Св.Томаса.

Цель: поиск корабля под командованием карга, который орудовал в водах Новой Испании.

Я вспомнил контакт, погоню и сражение, вспомнил, как ждал в каюте возможности сделать один-единственный, точно рассчитанный выстрел, который уничтожил бы источник вмешательства. Это было одно из моих первых дел, давно забытое, отчет о завершении которого хранился на главной ленте, став частичкой истории Чистки Времени.

Теперь же все началось сначала. Дело пересмотрели в связи с появлением нового свидетельства. Я оказался продублирован в собственное прошлое.

То, что это противоречило всем естественным законам, регулирующим путешествия во времени, было не самым

главным в сложившейся ситуации. Я стал свидетелем того, что прошлое, столь мучительно восстанавливаемое Центром Некса с целью исправления разрушительных последствий темпорального вмешательства старой эры, разваливалось на куски.

Вот что было страшно.

Если отклеивался кусочек тщательно выкладываемой мозаики, все, что опиралось на него, могло, словно на полозьях, соскользнуть вниз, и весь комплекс сооружений превращался в грудку темпоральных обломков, которую ни сам Центр, ни кто-либо другой не в силах был бы разобрать.

Имея надлежащий рычаг, можно перевернуть мир, но для этого необходима точка опоры. Именно этим Центр Некса и занимался на протяжении последних шести десятилетий: создавал в далеких доисторических временах платформу, на которой будут построены дальнейшие вооружения.

Теперь, похоже, эта затея провалилась.

Из-за меня.

Я помнил, как все произошло в первый раз: я дождался удобного момента, распахнул дверь, расставил ноги, прицелился и, прежде чем андроид понял, что в уравнение вошел новый фактор, трижды выстрелил ему в грудь. Он упал. Его подчиненные, вопя от ярости, кинулись на меня, но мое защитное поле отбросило их, и в ужасе от невидимой преграды они панически отступили на свой корабль, подняли паруса и скрылись в сумерках истории. Я же направил свое судно, которое на самом деле было замаскированным транспортным средством, к месту подбора грузов, к точке К-737, откуда его переправили в хранилище некс-станции.

Но ничего этого не произошло.

Я заблокировал дверь, помешав моему другому "я" выполнить задание, и разрушил тем самым целый сегмент перестроенной темпокарты, низвергая всю великую стратегию Центра в хаос. Карг ушел восвояси цел и невредим, а я остался лежать на палубе мертвее мертвого, со свинцовым шариком в горле.

И в то же время я стоял над своим собственным трупом, начиная осознавать размеры ямы, в которую низвергли меня мои же ошибки.

Оперативный агент Центра Некса — человек, от которого трудно отделаться: его трудно убить, атаковать, обезвредить, поскольку он защищен всеми достижениями всей развитой науки.

Но если его удастся завлечь в замкнутую петлю неосуществленной альтернативной реальности, псевдо-реальности, из которой нет выхода в несуществующее будущее, — тогда он выведен из строя навсегда.

Даже если я и остался бы жив (что являлось довольно сомнительным предположением, если принять во внимание огонь, охватывавший корабль), выхода нет и никогда не будет — заряд для персонального скачка использован. Ни одно записывающее устройство не зарегистрировало мой путь, когда я прыгнул со станции-призрака, отправившись в никуда. И вот теперь тот, другой “я” убит, убит при выполнении задания, в то мгновение, когда он снял защитное поле, чтобы пристрелить карга. Данные о нем больше не будут поступать на центральный пульт, и его вычеркнут из списков, даже не пожалев об агенте, который был настолько неосторожен, что позволил убить себя. То же ожидает и двойника, сунувшего свой нос туда, куда не надо.

Мысли заметались в поисках выхода. Нельзя сказать, чтобы мне нравилось найденное решение, но еще меньше меня привлекала альтернатива спороть заживо или утонуть в теплых водах Карибского моря.

Мой личный механизм скачка был внедрен в меня, настроен на меня, но не был сфокусирован на приемный конец. От него не будет пользы, пока я не перезаряджу его на базе. Но его дубликат находился в трупe, лежавшем у моих ног. Цепи этого устройства — от антенны до энергоблока — представляли собой главным образом нервную систему владельца.

Необратимые изменения в мозгу наступают уже через пять минут после смерти из-за отсутствия кислорода. Прошло уже не меньше четырех, но прибор, находившийся в мертвце, по идее, должен был быть еще в рабочем состоянии. Конечно, возникал вопрос, на что сейчас сфокусирован импульс, учитывая коренную перегруппировку причинной последовательности. В какой-то степени это зависело от того, что было у погибшего на уме в момент смерти.

Палуба раскалилась так, что обувь уже не спасала. Дым окутал все судно. Пламя ревело, как водопад во время весеннего разлива.

Я примостился рядом со своим мертвым двойником. Челюсти трупа были раскрыты. Я сунул палец ему в рот и набрал на устройстве, скрытом в коренном зубе, свой личный код. Пламя наступало на меня сзади.

И тут невидимый великан хлопнул в ладоши, не заметив, что я оказался между ними.

ГЛАВА XII

Было темно. Я падал вниз. Но не успел осознать это и подумать, за что бы ухватиться, как плюхнулся в воду — теплую, зловонную, густую, как гороховый суп. Я ушел в нее с головой, но тут же выплыл, отплевываясь и с трудом сдерживая рвоту. Меня начало засасывать. Я сопротивлялся, пытался плыть и еле-еле придал своему телу более-менее устойчивое положение. Лежа на спине и приподняв голову над поверхностью, пытался отдышаться. Глаза залепило чем-то клейким.

Вонь стала настолько густой, что ее можно было резать на куски и продавать, как линолеум. Я отплевывался, кашлял, шлепал по воде, пока рука, наконец, не зацепила поднимавшееся дно. Я стукнулся о него коленями и встал на четвереньки, отфыркиваясь и довольно безрезультатно пытаясь соскрести с глаз вонючую жижу. Потом попробовал выползти наверх, но поскользнулся, съехал назад и снова чуть не ушел с головой под воду.

В следующий раз я действовал уже осторожнее: подался вперед (вязкая жижа поддерживала нижнюю часть моего тела) и выбрался на берег. Берег показался мне странным — твердая, гладкая, как унитаз, поверхность плавно изгибалась кверху. Я полз наощупь, соскальзывая, шлепая руками по грязи, задыхаясь от нестерпимой вони. Что-то губкообразное и гниющее развалилось на куски от моих прикосновений. Я снова попробовал выкарабкаться наверх, но, поднявшись на ярд, соскользнул вниз на два.

Я уже начал уставать. Зацепиться было не за что, а отдых был необходим. Если бы я обессилел, то...

Воображение услужливо нарисовало картинку: я погружаюсь в липкую грязь, пытаюсь вдохнуть, но набираю полные легкие этой неизвестной гадости и погибаю в ней, становлюсь такой же гнилью, как все вокруг.

Мысль была ужасной. Я открыл рот и закричал.

И на крик отозвались.

— Эй, внизу! Перестаньте дергаться! Бросаю веревку!

Голос доносился сверху, он был женский, если не сказать — женственный, и прозвучал слаще ангельского хора.

Я попытался весело и бодро крикнуть что-то в ответ, но изо рта вылетел лишь невнятный хрип. Прямо мне в лицо ударил луч яркого белого света, источник которого находился где-то в тридцати футах надо мной.

— Лежите тихо! — приказал голос.

Луч ушел, побродил вокруг и вернулся. Что-то со свистом раскололо воздух и плюхнулось в грязь в нескольких футах от меня. Я заработал конечностями и нащупал скользкий, как и все вокруг, канат в полдюйма толщиной.

— На конце петля. Суньте ногу, я вас вытащу, — предложили сверху.

Веревка выскользнула из рук; повозившись в грязи, я нашел узел погрузился с головой, пытаюсь просунуть ногу в петлю и, в конце концов, просто ухватился за веревку обеими руками. Она натянулась, и я начал подниматься из трясины. Вцепившись в нее со всей силой отчаяния, я ехал вверх по склону. Поверхность все изгибалась. Дело шло медленнее медленного. Ярд. Еще один. Пол-ярда. Фут. Я двигался уже под углом в тридцать градусов. Еще одно усилие... Я услышал, как трется сверху веревка. Я уперся плечом в край, ухватился за него руками... Веревка дернулась в последний раз, я закинул ногу и вылез наверх, прополз некоторое расстояние по мягкому песку, но тут же упал ничком и лишился чувств.

ГЛАВА XIII

Солнце бьет в глаза... Забыл опустить жалюзи... Матрас комками, песок в кровати... Слишком жарко... Зуд, боль...

Я разлепил веки и посмотрел на белый песок, гребнями спускавшийся к берегу латунного моря. Свинцовое небо, но все равно слишком яркое... Ни птиц, ни парусов, ни детишек с ведерками, ни купающихся красавиц. Только я и вечное море.

Пейзаж был мне отлично знаком — я снова оказался на Береге Динозавров. День только занимался. Все мое тело болею.

Что-то затрещало и посыпалось с меня, когда я сел, опершись на переломанные руки, которые, слава богу, оставались при мне. Грязь на брюках засохла, все это приклеилось к моим ногам; то же самое произошло и с туфлями. Я согнул колено и чуть не завыл от боли. Зато корка потрескалась и стала разваливаться кусками. Эта га-

доть покрывала меня с ног до головы. Я соскребывал грязь, счищая ее, как скорлупу, освобождая от нее свои раны. Грязь залепила и глаза; я попробовал прочистить их пальцами, но сделал только хуже.

— Я вижу, вы проснулись, — слышался откуда-то сзади резкий голос.

Я выскреб грязь из уха и услышал скрип шагов по песку.

— Не лезьте в глаза руками, — приказала она грубо. — Спуститесь лучше к воде и умойтесь.

Скривившись, я встал. Твердая рука подхватила меня под правый локоть и направила вперед. Я побрел, спотыкаясь, по мягкому песку. Солнце жгло мои веки. Шорох прибоя усиливался. Я миновал полосу твердого песка, полого уходящего вниз, и почувствовал, что у ног плещется теплая вода. Женщина отпустила меня, я сделал еще несколько шагов и с головой погрузился в волны, предоставив себя их ласкам.

Ссохшаяся грязь превратилась обратно в слизь, испускавшую тухлый запах. Я более или менее промыл волосы, опустил лицо в воду, обмыл его и вновь обрел зрение.

Потом я стянул рубашку, тяжелую, разбухшую от грязи, поводил ею туда-сюда, оставляя в прозрачной бледно-зеленой воде темное облако. Многочисленные порезы на руках и плечах начали кровоточить. Костяшки пальцев воспалились. Соленая морская вода жгла, как кислота. Я заметил, что спины у рубашки больше нет — вместо нее зияла дыра с обгорелыми краями.

Вдруг небо приобрело черный металлический оттенок, наполнилось блестящими круглыми точечками.

Я услышал сзади плеск. Кто-то схватил меня и стал тащить из воды. Кажется, я начал тонуть, даже не сознавая этого. Я закашлялся и вытянулся, пока она тянула меня к берегу. Ноги не хотели подчиняться приказам моего мозга, поэтому мне пришлось стать на четвереньки; еще с минуту я тряс головой, пытаясь отогнать высокий, пронзительный звук, исходящий, казалось, откуда-то из глубины моих ушей.

— Я не знала, что вы ранены... У вас же вся спина в ожогах... Что с вами случилось?

Голос доносился откуда-то издали, то нарастая, то почти исчезая.

— Ничего. Просто мальчик постоял на горящей палубе, — попытался беспечно ответить я, но услышал лишь собственное глухое бормотание.

Передо мной возвышалась пара стройных женских ножек в облегающих кожаных сапожках, далее следовали

красиво очерченные бедра под серым пояском, портупая с пистолетом и белая, наверное, некогда накрахмаленная рубашка. Я вновь скривился, просто так, чтобы она знала, что у меня все по-прежнему болит, и, опершись на ее руку, поднялся на ноги.

— ... Оставила вас снаружи на всю ночь... первую помощь... идемте... здесь недалеко...

Сержантский тон голоса смягчился, и он показался мне почти знакомым. Я обернулся, прищурился на солнце и посмотрел на ее лицо, хмурившееся в глубокой озабоченности.

Сердце мое замерло посреди удара.

Это была Лайза.

ГЛАВА XIV

Я прохрипел что-то и прижался к ней, но она оттолкнула меня и окинула суровым взглядом ночной няни, которая не любит свою работу, но, тем не менее, выполняет положенные обязанности.

— Лайза! Как ты сюда попала? — выдавил я, в конце концов, из себя.

— Я не Лайза. И попала сюда тем же образом, каким, думается мне, и вы.

Она вела меня к стандартной палатке, установленной на берегу в тени. — Полагаю, вы на самом деле оперативный агент? — Осмотрев меня с головы до ног, она цокнула языком. — Видик у вас, словно после воздушного налета.

— Артобстрел и абордаж, — внес я ясность. — Но что делаешь здесь ты, Лайза? Как?..

— Меня зовут Меллия Гейл, — оборвала она. — И отстаньте от меня. И без того забот хватает.

— Лайза, разве ты не помнишь меня? Не узнаешь?

— Я никогда не видела вас раньше, мистер. — Покачав головой, она втокнула меня в прохладу и полумрак палатки. — Снимайте одежду.

Я попытался было сделать это сам, но это оказалось совершенно невозможным. Попробовал опереться на нее, но свалился с ног и, словно сквозь сон, почувствовал, как с меня стащили брюки, туфли и носки. Я дрожал и горел. Я был маленьким мальчиком, и мама укладывала меня в постель. Я ощутил под собой прохла-

ду и перевернулся лицом вниз, прочь от жгучей боли в спине, которая растворилась в мягкой, окутывающей темноте.

ГЛАВА XV

— Простите, что я оставила вас без внимания прошлой ночью, — сказала Лайза (или Меллия Гейл). — Но я ведь не знала, что вы ранены... и...

— И вообще, я был слишком мокрый и тяжелый, чтобы вы могли перенести меня. Не говоря уже о запахе, — вставил я. — Забудем об этом. Ничего страшного не произошло.

Это казалось блаженством — проснуться в чистой постели, в палатке с кондиционером, аккуратно перевязанным и по уши полным лекарств, не испытывая никакой боли, а одно только благополучие и приятную немоту в конечностях.

Вот только Лайза по-прежнему настаивала, что не знает меня.

Я наблюдал за ее лицом, пока она возилась с повязками, кормила меня с ложечки бульоном. Не оставалось ни малейшей тени сомнения — это была Лайза.

Но не та Лайза, в которую я был влюблен. Меллия Гейл была бодрой, деловой, холодной, бесстрастной. Черты ее лица как бы заострились, фигура казалась более зрелой — эта Лайза была на несколько лет старше моей жены, которую я оставил всего лишь несколько относительных дней назад. Лайза, никогда не знавшая меня...

Во всем этом крылось нечто, чего я еще не мог понять. Не мог понять сейчас.

— А они мастера на сюрпризы, эти мальчишки из Центра Некса, — произнес я. — Подумать только! Лайза, моя нежная молодая жена, оказалась агентом Чистки Времени! Не представляю. А я совсем потерял голову. Думал, что встретил ее случайно. Все оказалось лишь частью общего плана. Могли бы и предупредить. Какая-нибудь актриска...

— Вы напрасно тратите силы, — холодно отозвалась Меллия. — Помолчите. Вы потеряли много крови, берегите силы для выздоровления.

“Иначе ты останешься с инвалидом или трупом на руках, а, малышка?” — мелькнуло у меня в голове, но

ложка попала в мой рот как раз в тот момент, когда я открыл его, чтобы произнести это вслух.

— Я услышала всплеск, — рассказывала она, — и поняла, что внизу кто-то бьется. Решила, что туда свалился небольшой ящер. Они часто попадают в эту ловушку и не могут выбраться...

Когда она говорила, голос ее звучал моложе, казался более уязвимым, чем она сама.

— Но вы все равно пошли посмотреть, — заметил я. — Любите животных, наверное.

— Я обрадовалась, когда вы закричали. — Она покраснела, словно ей было неловко говорить об этом. — Я уже, было, начала думать, что...

— Но вы все еще не рассказали мне, как же все-таки получилось, что меня ожидала горячая встреча с бульоном и ледяными взглядами наготове?

Она сжала губы, но все равно это были губки, созданные для поцелуев.

— Я выполнила задание и прыгнула назад, на станцию, — объяснила она ровным голосом. — Но станции не было. Только яма в земле, полная грязи и костей. Я не знала, что и думать. Первым порывом было снова совершить переход, но я поняла, что этого нельзя делать. Ведь невозможно предугадать, где окажешься. И я решила, что лучше всего сидеть на месте, пока меня не вытащат отсюда.

— И долго вы здесь сидите?

— Почти... три недели.

— Почти?

— Двадцать четыре дня, тридцать часов и десять минут, — резко ответила она, засовывая мне в рот ложку.

— А какое у вас было задание? — поинтересовался я, проглотив.

— Ливия. Тысяча двухсотый год до новой эры.

— А я и не знал, что жители древней Ливии пользовались пистолетами, — невинно заметил я.

— Контакт заданием не предусматривался. Я была одна в пустыне, снабженная всем необходимым для жизнеобеспечения. Надо было устранить вмешательство первой эры, связанное с одной добедуинской могилой и сложной цепью последствий, приведших к тому, что Ислам возник гораздо позже.

Работа заключалась в том, чтобы подменить некоторые ключевые предметы, изъятые из музея второй эры. Я справилась отлично. Затем прыгнула назад... — запнулась она, и всего на одно короткое мгновение превратилась в

испуганную девочку, изо всех сил старающуюся быть твердым и бесстрашным агентом.

— Вы все сделали правильно, Меллия, — сказал я. — На вашем месте я, наверное, запаниковал бы и попробовал прыгнуть назад. И оказался бы в замкнутом цикле. — Сказал, и сразу понял, что говорить об этом не стоило сейчас. — Так или иначе, вы ждали — и вот я здесь. В общем, две головы и все такое...

— Что же мы будем делать?

Теперь и вправду голос ее звучал, как у испуганной девочки. Ну и утешитель из тебя, Рэвел, ничего не скажешь. Ведь у нее все было в порядке, пока ты не появился со своими объяснениями.

— У нас есть несколько вариантов, — заверил я ее таким бодрым тоном, на какой только был способен, учитывая суп, стекавший по подбородку. — Дайте мне только... — У меня не хватило дыхания, и я судорожно вздохнул. — Мне бы еще немного выспаться, и тогда...

— Простите, — сказала она. — Вам действительно нужно отдохнуть. Спите. Поговорим позже.

Три дня я провалился в постели, отрачивая на спине новую кожу, чему очень способствовали целебные составы из полевой аптечки Меллии. Дважды за это время я слышал выстрелы — она отгоняла огромных тварей, когда они подбирались слишком близко.

На четвертый день я, пошатываясь, побрел к той яме, из которой меня вытащила Меллия.

Несомненно, дыра эта зияла на месте станции. Высокие приливы, дожди, песок, останки животных заполнили ее почти до краев. Стеклянная кромка над поверхностью потускнела. Для этого необходимо было время. Много времени.

— Сколько? — спросила Меллия.

— Не один век. Может, тысяча, а может — две.

— Значит, станцию так и не отстроили, — погрустнела она.

— По крайней мере, не в нынешнем отрезке времени. Все правильно. Если месторасположение известно, бессмысленно использовать его снова.

— Здесь все не так просто. Я провела тут почти месяц. Если бы меня искали, то давно бы обнаружили.

— Не обязательно. Так далеко в прошлом поиск занимает долгое время.

— Не пытайтесь меня успокоить. Мы попали в беду. Это не просто темпоральное недоразумение. Все рушится.

Мне не понравилось, что она использует буквально те же слова, что пришли на ум мне, когда я смотрел на свой труп.

— Над этим работают лучшие умы Центра, — возразил я. — Уж они-то найдут выход.

Но прозвучало это неубедительно даже для меня самого.

— Каким было время по станционному отсчету, когда вы были там в последний раз? — спросила она.

— Шестьдесят пятый год, — ответила я. — А что?

Она через силу улыбнулась.

— Мы не совсем современники. Меня направили работать на Берег Динозавров в тысяча двести тридцать первом году по локальному времени.

Несколько секунд я ждал, пока пыль от внутреннего взрыва осядет в моем сознании, но успокоения не почувствовал. Это было подобно удару в солнечное сплетение.

— Отлично. Это значит...

Слова повисли в воздухе. Она не хуже меня знала, что это значит: вся атака, которую я видел и пережил, и результаты которой были теперь перед нашими глазами, была известна специалистам как рецидивизм: отвергнутая альтернативная возможность, которая либо никогда не существовала, либо была стерта акцией Чистки Времени. В прошлом Меллии темпостанция на Береге Динозавров функционировала более одиннадцати столетий после обстрела. Меллия прыгнула с нее в Ливию, сделала свою работу, вернулась назад... И обнаружила, что все изменилось.

Изменилось в результате какого-то действия с моей стороны.

Конечно, у меня не было доказательств для подобного предположения, но я знал, что это именно так. Я выполнил свое задание в тысяча девятьсот тридцать шестом году согласно инструкции, навел полный порядок и одержал абсолютную победу над каргом. По крайней мере, я так считал. Но что-то не срабатывало. Что-то, что я сделал (или не сделал), нарушило схему. результатом этого явилась ситуация, в которой мы оказались.

— Какая-то бессмыслица, — подытожил я. — Вы прыгнули на свою базу и обнаружили, что она пропала вследствие чего-то, что не произошло в течение вами лично пережитого прошлого. О'кэй. Но что выбрасывает сюда в то же время меня? Схема, которой я воспользовался для прыжка, была настроена на точку почти на двенадцать столетий ранее...

— Почему меня не подобрали? — спросила она тихо, словно обращаясь не ко мне.

Голос ее начинал дрожать.

— Да не принимайте вы это так близко к сердцу! — воскликнул я и похлопал ее по плечу, сознавая, что это прикосновение охладит ее.

Сознание это было не очень-то приятным.

— Держите руки при себе, Рэвел! — вскрикнула она. — Если думаете, что мы разыгрываем сценку из жизни на необитаемом острове, то глубоко заблуждаетесь!

— Не опережайте событий, — сказал я. — У вас еще будет возможность дать мне пощечину, когда я начну приставать. А пока забудьте, что вы женщина. У нас нет времени заниматься чепухой.

Она со свистом втянула в себя воздух, загоняя поглубже уже готовую сорваться с языка колкость. Я едва удержался от того, чтобы ласково обнять ее и шепнуть на ушко, что все будет хорошо.

Правда, сам я на это совсем не рассчитывал.

— Мы можем подождать здесь еще некоторое время, — предложил я, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал обыденно и по-деловому. — А можем кое-что предпринять. За что вы голосуете?

— А что предпринять?

Это было явным вызовом мне.

— Думаю, — заявил я, сделав вид, что ничего не заметил, — возможные выгоды от того, что мы останемся, ничтожно малы. И все же они существуют...

— Да?

Произнесено очень холодно, хотя над безупречной формы губками блестят капельки пота.

— В Центре знают, где расположена станция. И какими бы ни были причины, заставившие бросить ее, все равно, если мыслить логически, искать, скорее всего, будут именно здесь.

Слишком витиевато и не очень убедительно.

— Ерунда. Если бы эту точку проверили и нашли нас, то самым разумным, самым гуманным было бы перебросить спасательную группу на месяц назад и подобрать нас в момент прибытия...

— Вероятно, вы запомнили, мисс Гейл, для чего служит Чистка Времени. Мы пытаемся залатать временную ткань, а не делать в ней новые дырки. Если бы нас обнаружили здесь сейчас и вытащили в момент нашего прибытия, что случилось бы со всеми теми минутами нежной страсти, которые мы провели вместе? А с этим мгновением? Нет, уж если нас спасут, то только в точке первоначального контакта, не ранее. Однако...

— Ну?

— Существует вероятность того, что мы занимаем замкнутый темпоральный сегмент, а не часть главного временного ствола.

Даже приобретенный в пустыне загар не смог скрыть ее внезапной бледности, но взгляд оставался по-прежнему твердым.

— В таком случае нас не найдут. Никогда.

Я кивнул.

— И вот тут-то возникает альтернативный вариант.

— В разве такой есть?

— Ну, нельзя сказать, чтобы это было нечто... Но, тем не менее, ваш личный заряд еще не использован.

— Ерунда. Импульс настроен на кабину моей станции. А я уже здесь. Так куда же я отправлюсь?

— Не знаю. Может быть, никуда.

— А вы?

Я покачал головой.

— Свой запас я уже израсходовал. Так что придется мне подождать, пока вы вернетесь меня спасать. Наберусь терпения... если вы решитесь, конечно, попробовать. Так-то вот.

— Но несфокусированный прыжок...

— Конечно. Я слышал об этом жуткие истории. Но мой прыжок был не так уж плох. Как вы помните, я все-таки оказался на станции.

— Но на станции в нигде!

— Зато с кабиной темпорального перехода. Воспользовавшись ею, я отправился назад по собственной временной линии. Судьбе было угодно, чтобы я попал в точку своего прежнего задания. Может быть, вам повезет больше.

— Это все, что нам осталось — рассчитывать на везение?

— Это лучше, чем ничего.

Она не смотрела на меня. Моя Лайза, растерянная, испуганная, изо всех сил старающаяся скрыть это, по-прежнему красивая и желанная. Может быть, — подумал вдруг я, — она была на задании под гипнотическим внушением, в том состоянии, когда агент не сознает своей роли, а просто верит в то, что на самом деле является тем, кого изображает...

— Вы действительно хотите, чтобы я совершила этот прыжок?

— Похоже, другого выхода нет, — ответил я.

Ну и ну, настоящий айсберг по имени Рэвел!

— Если только вы не хотите остаться здесь со мной в качестве домохозяйки навсегда, — подмигнул я, чтобы помочь ей решиться.

— Есть еще один путь, — произнесла Меллия ледяным тоном.

Я промолчал.

— Мое поле унесет нас обоих.

— Теоретически. При... э-э-э... определенных условиях.

— Я знаю.

— К черту, девочка! Мы просто тратим время.

— Вы позволите мне покинуть вас ненадолго, прежде чем вы... — она помедлила, — создадите... условия?

Я задержал дыхание и постарался скрыть свое напряжение.

— Мы прыгнем вместе, — отрезала она. — Или прыжка вообще не будет.

— Послушайте, мисс Гейл, вы не должны...

— Нет, должна! И не заблуждайтесь на этот счет, мистер Рэвел!

Она отвернулась и пошла прочь по песку, такая маленькая и одинокая на фоне пустынного пляжа и джунглей. По какой-то непонятной причине я подождал пять минут и лишь потом последовал за ней.

ГЛАВА XVI

Меллия ждала меня в палатке.

Она переоделась в легкую ночную рубашку и стояла возле полевой кровати, которую разложила на полную ширину, глядя мимо меня. Лицо ее было абсолютно спокойным, холодным. Я подошел к ней и положил руки на талию сразу над бедрами. Под тонкой тканью я ощутил ее кожу, гладкую, как шелк. Меллия чуть напряглась. Руки мои скользнули выше, к груди. Я притянул ее к себе; она немного сопротивлялась сначала, но внезапно расслабилась и качнулась ко мне. Легкое облако ее волос коснулось моего лица. Я порывисто обнял ее, крепко прижав к себе, но через мгновение она вырвалась.

— Чего вы ждете?

Голос ее был прерывистым.

— Может быть, лучше, подождать? — проговорил я. — Путь стемнеет...

— Зачем? — отрывисто бросила она. — Чтобы было романтичнее?

— Может быть.

— Вы, видимо, забыли, мистер Рэвел, что у нас с вами не роман. Эти действия продиктованы практической целесообразностью.

— Говорите только о себе, Меллия.

— А я себе и говорю!

— Она повернулась ко мне; лицо ее покраснело, глаза горели.

— Черт возьми, чего вы тянете? — срывающимся голосом прошептала она.

— Расстегните мою рубашку, — сказал я очень спокойно.

Она подняла глаза.

— Делайте, как я сказал.

Секунду она смотрела на меня непонимающим взглядом; потом на лице ее проступила презрительная улыбка.

— Хватит! — взорвался я. — Это ведь ваша идея, леди. Ваша, а не моя. Я не навязывался. И сейчас не навязываюсь. Но, если вы не ходите, чтобы ваша великая жертва была напрасной, нужно проникнуться духом того, что должно произойти. Физическая близость не является механическим действием. Это психологический контакт — слияние, единство двух индивидуальностей, а не только тел. А сексуальный контакт — лишь способ его осуществления. Так что, если вы собираетесь смотреть на меня как на насильника, выбросьте из головы идею о прыжке вообще.

Она закрыла глаза, глубоко вздохнула и подняла ставшие влажными ресницы. Губы ее расслабились, стали уязвимыми.

— Я... простите. Вы правы, конечно, но...

— Я понимаю. Это не совсем соответствует вашим мечтам о первой брачной ночи.

— Я взял ее руку; она была мягкой, горячей, послушной.

— Вы когда-нибудь любили, Меллия?

В глазах ее мелькнула искорка боли.

— Да.

Лайза, Лайза...

— Вспомните, как это было... Вообразите... Я это он. Глаза ее закрылись.

Какие тонкие веки... Пастельный рисунок вен на коже, подобный лепестку розы...

Я нежно провел пальцами по ее шее, скользнул под ночную рубашку. Кожа была горячей и гладкой, как клинок. Рубашка соскользнула с плеч, задержалась на высокой груди. Руки мои двинулись ниже, отодвинули ткань, и груди ее оказались в моих ладонях. Она резко вздохнула; губы ее раскрылись. Ночная сорочка упала на пол. Я посмотрел вниз, на тонкую талию, круглые бедра, и тут она прильнула ко мне, руки ее неуверенно потянулись к пуговицам моей рубашки, расстегнули их, вытащили рубашку из брюк. Затем она расстегнула мой пояс и, опустившись на колени, стянула с меня остатки одежды.

Я поднял Меллию и понес ее к походной кровати. Тело ее было женственно податливым, отвечало на ласку моих рук, потом она задрожала и потянула меня к себе. Рот ее приоткрылся, ресницы поднялись, открывая затуманенные глаза; наши губы жадно встретились. Я склонился над ней, ее бедра прижались к моим. Мы двигались как одно целое.

Время, пространство, мысли — все исчезло. Она заполнила собой весь мир. Радость, наслаждение, разрастаясь, достигли пика невыносимого восторга, обрушились подобно огромной тихоокеанской волне, бурлили, замедлялись, замирали на мгновение, отступали куда-то назад и вниз, сливаясь с вечным океаном жизни...

ГЛАВА XVII

Долгое время мы лежали молча опустошенные. Мягко шуршали волны, ветер, круживший вокруг палатки, напевал тихую песню.

Потом она открыла глаза, медленно повернула голову в мою сторону. Взгляд ее был безмятежно-спокойным, быть может, чуть удивленным. Затем глаза ее вновь закрылись. Она уснула.

Я тихо поднялся, подобрал одежду и вышел из палатки. Было жарко, с дюн дул сухой ветер. Где-то в миле к югу на берегу копошились небольшие ящерицы. Я оделся, спустился к воде и побрел вдоль линии прибоя, наблюдая за маленькими существами, которые с такой отчаянной настойчивостью суетились на мелководье.

Когда я вернулся в палатку, солнце уже садилось, а Меллия была занята приготовлением ужина из имевшихся у нас запасов. Всю ее одежду составляла ночная рубашка, по которой струились распущенные воло-

сы. Когда я вошел, она кинула в мою сторону не то недоверчивый, не то озорной взгляд. Она выглядела такой молодой, до боли молодой...

— Я никогда не пожалею, даже если... — сказал я и осекся.

— Даже если... что?

— Даже если мы доказали ошибочность теории...

Она пристально смотрела на меня; внезапно глаза ее расширились.

— Я забыла... Я совершенно об этом забыла...

Я почувствовал, как на моем лице расплывается глупая улыбка.

— Я тоже — до этого момента.

Она прикрыла рот рукой и рассмеялась. Я обнял ее и тоже расхохотался. И вдруг она заплакала. Руки ее обвились вокруг меня, словно пытались удержать, она все рыдала и рыдала, а я гладил ее волосы и шептал что-то утешительное.

ГЛАВА XVIII

— На этот раз я не забуду, — шепнула она мне на ухо, успокаиваясь.

В темноте, в полной запахов темноте маленького домика...

— Не рассчитывай, что я тебе напомним, — ответил я.

— Ты очень любил... любишь ... свою Лайзу?

— Очень.

— А как вы познакомились?

— В общественной библиотеке — оба искали одну и ту же книгу.

— А нашли друг друга.

— Я думал, что это случайность... или чудо... Я пробыл на месте всего несколько дней. Ровно столько, чтобы войти в роль и понять, какой одинокой была жизнь в те далекие времена. Далекие, но являющиеся моим настоящим, моей единственной реальностью. Как обычно, во время исполнения долгосрочного задания одним из условий моего внедрения было полное слияние с окружающей средой. Личность Джима Келли, чертежника, занимала девяносто девять процентов моего самосознания. Оставшийся один процент, представлявший понимание моей

подлинной функции в качестве агента Центра, практически не проявлял себя: слабое, но настойчивое понимание того, что ты существуешь на уровне, превышающем окружающую жизненную среду древнего Буффало; лишь намек на призрачную роль, которую я играл в большой игре.

Когда же я повстречал Лайзу, принялся ухаживать и завоевал ее, то не осознавал отчетливо, что войду в ее жизнь лишь на время — случайный путник, бредущий сквозь темную варварскую эпоху. Женившись, я сделал это с намерением прожить с ней всю свою жизнь в радости или горе, в бедности или богатстве, пока смерть не разлучит нас.

Но нас разлучило нечто более неотвратимое, чем смерть. И по мере того, как приближался конец, понимание своей настоящей роли медленно овладело мной, а конфронтация с каргом поставила точку.

— Возможно, это действительно было случайностью, — сказала Меллия. — Даже если она была... мной... то вполне могла находиться там по другой причине, не имея ничего общего с твоей работой. Она не знала...

— Ты не обязана защищать ее, Меллия. Я ни в чем ее не виню.

— Хотела бы я знать, что она сделала, когда ты... не вернулся.

— Если бы я вернулся, то не застал бы ее там — она бы уже вернулась на базу. Задание выполнено...

— Нет! Любовь к тебе не была частью ее задания. Так не могло быть!

— Она просто увлеклась. Так же, как и я. На все были свои причины, я в этом не сомневаюсь. Им там, в Центре, видней...

— Замолчи! — мягко приказала она, закрыв мне рот поцелуем.

Стройное обнаженное тело повлекло меня за собой в темноту.

— Я ревную к ней, — шептала она. — И все же она — это я.

— Я хочу тебя, Меллия. Каждой своей клеточкой. Я просто не могу вспоминать.

Она то ли вскрикнула, то ли засмеялась.

— Ты занимаешься любовью со мной — и думаешь о ней. Ты чувствуешь, что изменяешь ей — со мной...

Она умолкла, чтобы вновь остановить меня, когда я пытался заговорить.

— Нет, нет, не пытайся объяснить, Рэвел. Ты не можешь ничего изменить, ничем не можешь помочь. Но хочешь меня... хочешь. Я знаю...

Но на этот раз, когда мы вознеслись на вершину страсти, мир взорвался и швырнул нас обоих вдоль длинного туннеля через темноту и тишину...

ГЛАВА XIX

Мы купались в свете и звуках; мягко дышала система циркуляции воздуха. Обнаженные, мы лежали прямо на полу в операционном зале темпоральной некс-станции.

— Как все просто, — сказала Меллия. — Почти примитивно.

Она поднялась на ноги, бесшумно подошла у пульту внутренней связи и щелкнула переключателем.

— Есть здесь кто-нибудь? — эхом пронесся ее голос по коридорам.

Никого. И не было необходимости осматривать станцию — ощущение пустоты висело в воздухе.

Меллия направилась к щиту внешней связи; я смотрел как она набирает общий для всех станций код аварийного вызова. Вспыхнула лампочка, показывая, что сигнал записан и сжат в один микросекундный писк, который будет повторяться каждый час, распространяясь на миллион лет контролируемого времени. Потом она прошла к дисплею, включила его и принялась просматривать последние записи; лицо ее в тусклом свете экрана выглядело напряженным.

Следя за ее грациозными движениями, понимая, что она совершенно не осознает своей наготы, я чувствовал, как просыпается во мне желание. Усилием воли отбросив эти мысли, я подошел и встал рядом.

Запись в бортовом журнале представляла собой обыкновенную стенограмму отчета, датированного девятым июля шестьдесят шестого года по станционному времени с шифром Берега Динозавров и кодом Нела Джарда в нижнем углу.

— Запись сделана за день до моего доклада, — сказал я. — Думаю, у него просто не было времени вносить какие-либо подробности во время нападения.

— По крайней мере, он успел перебросить всех людей, — произнесла Меллия.

— Всех, кроме себя, — добавил я.

— Но ты не нашел ни его, ни признаков его присутствия, когда был на станции в первый раз.

— Ты хочешь сказать, что не нашел его труп? Нет. Может быть, он воспользовался кабинкой. А может, подошел к краю и...

— Да. Я думаю, мне надо что-нибудь надеть, — сказала она внезапно. — Не то чтобы мне не нравилась наша игра в Адама и Еву... Напротив, мне она очень по душе. Но все-таки...

В комнатах для прибывающих на станцию мы обнаружили много форменной одежды. Я наслаждался ощущением прохладной гладкой ткани на своем теле. Одним из главных неудобств при выполнении задания в тысяча девятьсот тридцать шестом году была необходимость ношения накрахмаленных воротничков и костюмов из грубой шерсти, вызывавшей неприятные ощущения. Воспоминание об этом возродило к жизни мои мысли о...

Я отогнал их. Лайза (или Меллия) стояла в нескольких футах от меня, натягивая облегающий костюм работника станции. Заметив мой взгляд, она помедлила секунду, прежде чем застегнуть на груди змейку, улыбнулась.

Улыбнувшись в ответ, я направился к выходу, чтобы выглянуть наружу, хотя прекрасно знал, что увижу там — резко обрывавшийся край в десяти шагах от выхода, клубившийся вокруг туман.

Я закричал — никакого эха в ответ. Поднял камень и швырнул его в пустоту. Он пролетел около шести футов, затем замедлился и поплыл в сторону, словно потеряв всякий интерес к закону гравитации. Я всматривался в сумрак, надеясь обнаружить в нем просвет, сквозь который мог открыться хоть какой-нибудь вид, но за туманом плыл туман и только туман.

— Как жутко, — произнесла рядом Меллия.

— Да, — отозвался я. — Идем назад, на станцию. Надо поспать. Может быть, все это исчезнет, когда мы проснемся...

Она ничего не сказала.

Ночью Меллия спала в моих объятиях. Мне ничего не снилось, кроме того, что просыпаюсь и вижу ее рядом — лучший из снов.

ГЛАВА XX

За завтраком вилки стучали о тарелки несколько громче, чем следовало бы. Еда была замечательной. Казенное довольствие некс-станций разрабатывалось с целью хоть

частично восполнить пробел, возникавший в жизни оперативных агентов из-за отсутствия тех человеческих отношений и ценностей, которые обычно делают жизнь стоящей того, чтобы жить. Мы, оперативники, отдали свои души, отказавшись от семейного очага, жен и детей во имя спасения человеческой расы. Но сделка того стоила. Это должно быть очевидно каждому.

Но лицо Лайзы стояло перед моими глазами, между мною и тем чрезвычайным положением, в котором я оказался, отодвигая куда-то опасность, нависшую над Чистой Времени.

— Ну и что мы собираемся делать, Рэвел? — спросила Меллия.

Лицо ее было холодным, спокойным; взгляд ни о чем не говорил. Может быть, это было вызвано знакомой официальной обстановкой. Игры закончились. Отныне — только дело.

— Первое, что мы должны сделать, — это хорошенько проанализировать данные в компьютере и попробовать вытянуть из них какие-нибудь выводы, — сказал я, чувствуя себя самоуверенным идиотом.

— Отлично. Некоторые данные, которыми мы располагаем, могут дать нам кое-какие идеи относительно параметров сложившейся ситуации.

Четко, по-научному кратко. Глаза смотрят уверенно, не моргая.

Хороший вы агент, мисс Гейл. Но где же та девушка, которая рыдала прошлой ночью в моих объятиях?

— Отлично, повторил я. — Пункт первый: я завершил обычное задание, вернулся в точку подбора, послал код вызова и был переброшен на станцию. Пока все в порядке?

Я посмотрел на нее, ожидая ответа. Она коротко кивнула.

— На следующий день станцию атаковали вооруженные силы третьей эры или еще кого-то, замаскированного под войска третьей эры. Если отбросить предположение о промахе со стороны службы безопасности, который, впрочем, маловероятен, в этом также не наблюдается отклонений от нормы. Однако твоя линия жизни включает станцию на Береге Динозавров в нетронутом состоянии при локальном времени на одиннадцать столетий позже.

— Правильно. И, кроме того, насколько мне известно, в станционных архивах нет упоминания о каком-либо нападении, имевшем место за тысячу лет до того, как я была призвана, или в какое-нибудь другое время. Думаю, я бы знала об этом, потому что поставила себе задачу озна-

комиться с историей станции, как только получила на нее назначение.

— А тебе случайно не попадалась на глаза запись о пропаже без вести оперативного агента по имени Рэвел?

— Если и попадалась, я не обратила внимания... Это имя ничего для меня не значило... в то время.

Она опустила глаза.

— Итак, речь идет о девиации первого класса. Либо твое, либо мое прошлое исторгнуто. Возникает вопрос: какое из них является частью подлинного временного ствола?

— Не хватает данных.

— Ладно. Переходим к следующему пункту. Нел Джард воспользовался неизвестной мне системой аварийного спасения и выбросил станцию из энтропического контекста, поместив ее в то, что может быть описано как ахроническая вакуоль. Я не вполне понимаю, что это значит.

— Ты исходишь из того, что перемещение совершил Джард, — вмешалась Меллия. — Но вполне возможно, что это не так. Какая-то другая сила воздействовала именно в тот момент, чтобы усложнить либо свести на нет все его действия. Он говорил о том, что собирается делать?

Окинув взглядом комнату, в которой мы сидели, она кивнула в сторону призрачной пустоты снаружи.

— Он сказал что-то о нуль-времени, но я не помню, что именно. Мне казалось, что он просто хочет уничтожить станцию, как это делали в старые времена, "чтобы не досталось врагу".

— Как бы там ни было, она оказалась здесь.

Я кивнул.

— Когда я воспользовался личным приводом аварийного темпорального скачка, то попал к себе домой, как того и следовало ожидать. Я был настроен на частоту станции, а ее оборудование предназначалось для возврата агента из любой пространственно-временной точки.

— Ты нашел станцию пустой... Точно такой, как теперь?

— Ага. Интересно только... — Я огляделся. — Интересно, когда произошел мой последний визит — до нашего или после?

— По крайней мере, не одновременно. Ты ведь не встретился сам с собой.

— Это, должно быть, можно уточнить, — медленно произнес я. — Локальный энтропийный поток, кажется, в норме, местное время движется...

Я встал и прошелся по комнате, ища какое-нибудь свидетельство своего пребывания здесь. Я повернулся к столу, за которым сидела Меллия и... увидел его.

— Подносы! Они были здесь, на столе!

Она посмотрела на них, потом на меня. Взгляд был немного испуганным. Именно так и действует анахронизм.

— Те же два места, — сказал я. — Оставшаяся еда выглядела не слишком свежей, но еще не разложилась.

— Значит, ты можешь оказаться здесь в любое время?

— Во всяком случае, несколько часов у нас есть. Еда на тарелках была засохшей. — Я заговорнически улыбнулся. — Мы могли бы подождать немного и встретить меня.

— Нет! — резко произнесла она. — Нет. Мы не должны вызывать никаких аномалий.

— Но если мы остановим меня, не дадим мне вернуться в предыдущее задание...

— Ты несешь какую-то чепуху, Рэвел. Ну, кто же из нас на самом деле забыл, на что направлены усилия Чистки Времени? Накладывание заплат на заплаты ни к чему хорошему не приведет. Все прошло благополучно — ты здесь. Глупо рисковать этим из-за...

— Из-за надежды спасти операцию?

Ее взгляд встретился с моим.

— Мы не должны усложнить все еще больше. Ты отправился назад, пусть так и будет. Вопрос вот в чем: как нам теперь действовать?

Я сел.

— На чем мы остановились?

— Ты застал станцию пустой, но со следами нашего теперешнего визита.

— И сделал единственное, что пришло мне в голову — воспользовался станционной кабиной для скачка, который как я надеялся, перебросит меня в Центр. Но ничего не вышло. Из-за отсутствия заданной цели я отправился назад вдоль собственной временной линии и оказался на десять лет раньше в своем субъективном прошлом. Параномалия класса А, не указанная ни в одной инструкции.

— Инструкция не предусматривает подобной ситуации, — заметила Меллия. — Ты ведь не контролировал события. Ты просто делал то, что казалось наилучшим.

— И в результате уничтожил успешно завершенную работу, отчет о которой в закодированной форме десять лет хранится в центральном архиве. В связи с этим выплывает любопытная деталь: карг, которого я должен был убрать из того времени — тот же самый, которого я обез-

вредил в Буффало. Из чего следует, что события в Буффало последовали, скорее, из второй версии.

— Или из того, что ты называешь альтернативным вариантом. Может, это вовсе не так. Возможно, твое свидание с самим собой в прошлом оставили в пересмотренной схеме как жизнеспособный элемент.

— В таком случае, ты права в том, что нам не следует ждать моего появления здесь. Но если ты ошибаешься...

— Мы должны найти отправную точку. В каком-то времени, в каком-то месте... Продолжим. Ты прыгнул назад на Берег, и мы встретились. Вопрос: почему мы оба, та и я, оказались в одном и том же месте и времени?

— Ничего не могу сказать.

— Рэвел, мы черт знает как запутываем временные линии.

— Ничем нельзя помочь. Если только ты не считаешь, что нам следует изображать из себя камикадзе.

— Не говори ерунды. Мы должны сделать то, что можем. Это значит — изучить факты и, следуя логике, спланировать следующий шаг.

— Следуя логике? Хорошо бы, агент Гейл. Только когда эта логика имела хоть что-нибудь общее с Чистой Времени?

— И все же мы немного продвинулись в наших рассуждениях, — произнесла она сдержанно, не желая ввязываться в спор. — Мы знаем, что должны снова отправиться в путь, и чем скорей, тем лучше.

— Хорошо, этот пункт я принимаю. И это дает нам на выбор два пути. Во-первых, мы можем воспользоваться транспортной кабиной станции.

— И завершить скачок в какой-то точке нашего прошлого, еще больше усложнив ситуацию?

— Все может быть. Или мы перезарядим наши личные приводы и прыгнем наугад.

— Не имея никакого представления о том, куда это нас приведет?

Она передернула плечами и покачала головой; грациозное движение подбородка невольно напомнило о другом времени, другом месте, другой девушке.

Нет, черт возьми, это была не другая!

— Мы также можем отправиться... вместе, — прошептала она, — как сделали это раньше...

— Это ничего не изменит, Меллия. Все равно мы выбросимся во временной поток без цели. И можем кончить

тем, что будем кувыркаться в тумане, вроде того, что за дверью, если не хуже.

— По крайней мере... — начала она, но вдруг замолчала.

“По крайней мере, мы были бы вместе...” — я почти расслышал эти слова.

— По крайней мере, мы не будем сидеть здесь, ничего не делая, в то время как Вселенная вокруг нас распадается на куски, — закончила она.

— Итак, что ты предпочитаешь?

Последовало долгое молчание. Она смотрела в сторону, затем взглянула на меня и, поколебавшись, произнесла:

— Кабина.

— Вместе или по одному?

— А поле может перебросить нас двоих одновременно?

— Думаю, да.

— Значит, вместе. Разве что тебе известна причина, по которой нам следует расстаться.

— Таких причин нет, Меллия.

— Тогда решено.

— Отлично. Тогда заканчивай завтракать. Неизвестно, сколько времени пройдет, прежде чем нам доведется снова сесть за стол.

Последним пунктом в моих сборах был небольшой кратерный пистолет из станционного арсенала. Я закрепил его на запястьи под рукавом. Мы прошли через экранированную шлюзовую камеру к транспортировочной кабине. Все показания были в порядке — кабина к действию готова. При обычных условиях пассажира безболезненно и мгновенно вывели бы из временного потока в экстратемпоральную среду, а затем снова ввели в нормальное пространство-время в главной кабине приема Центра Некса. Вопрос о том, что случится на этот раз, оставался открытым. Может, мы снова полетим назад вдоль моей временной линии и на борту гонущего корабля окажется два человека; а может, отправимся в прошлое Меллии Гейл, где нас не было раньше, и тем самым усугубим катастрофу, обрушившуюся на нас. А может, выйдем из скачка где-нибудь посередине. Или вообще нигде...

— Следующая остановка — Центр Некса, — объявил я, подталкивая Меллию в кабину, и втиснулся следом. — Голову?

Она кивнула.

Я нажал кнопку переброса.

Взрыв разорвал нас на некогда составлявшие наши тела атомы.

ГЛАВА XXI

— А может, и нет, — услышал я чей-то хрип и через секунду узнал голос: он принадлежал мне, звучал слабо, но вполне различимо. — Ужас, — продолжил я. — Похоже на похмелье.

— По-научному это называется транстемпоральный шок, если не ошибаюсь, — произнесла где-то рядом Лайза.

Глаза мои резко открылись; ну, не слишком резко — ресницы расклеились, моргнули, и я различил лицо. Славное личико в форме сердечка с большими темными глазами и самой милой улыбкой на свете.

Но это была не Лайза.

— Ты в порядке? — спросила Меллия.

— Если что-то и не так, то месяц в блоке с интенсивным лечением — и все как рукой снимет, — ответил я, приподнявшись на локте, и осмотрелся.

Мы находились в просторной комнате, длинной и высокой, как банкетный зал, с гладким серым полом и бледно-серыми стенами, покрытыми бесконечными рядами приборов. В центре стояло высокое кресло, повернутое к ряду кнопок и многочисленным экранам дисплея — пульту управления. В дальнем конце сквозь стеклянную стену виделось открытое небо.

— Где мы?

— Не знаю. Похоже на научно-исследовательскую лабораторию. Ты не узнаешь ее?

Я покачал головой; даже если я и бывал здесь в прошлом, память об этом начисто стерли.

— Как долго я находился без сознания?

— Я сама проснулась только час назад.

Я потряс головой в надежде, что мысли прояснятся, но лишь вызвал жгучую головную боль, как будто мне в виски вогнали раскаленные кинжалы.

— Какой тяжелый прыжок, — пробормотал я и поднялся на ноги.

Меня подташнивало, голова кружилась, как будто я обьелся мороженого, катаясь на карусели.

— Я осмотрела кое-какое оборудование, — сказала Меллия. — Это приводы темпорального переброса. Но они не похожи на те, что я видела раньше.

По ее голосу я понял: она имеет в виду что-то очень важное и напряг свой мозг, пытаясь определить, что именно.

— О! — это было все, что пришло мне в голову.

— Я могу предположить назначение некоторых приборов, — продолжала она. — Но остальные совершенно озадачили меня.

— Может быть, это оборудование третьей эры?

— Тогда я узнала бы.

— Хорошо. Пошли посмотрим.

Я направился к креслу, стараясь казаться более здоровым, чем был. Что же касается Меллии, то, если прыжок и подействовал на нее, она не подавала виду.

На пульте управления было полно кнопок, лаконично обозначенных непонятной аббревиатурой. Экраны дисплеев имели обычную матовую поверхность и были помещены в противоотражающие рамки.

— Это, конечно, обычные считывающие устройства аналого-потенциального типа, — сказала Меллия. — Но на пульте есть два дополнительных блока контроля, а это предполагает, что чувствительность дискретных цепей по крайней мере на порядок выше.

— В самом деле?

— Конечно.

Ее тоненький пальчик быстро набрал на разноцветных клавишах код. Экран мигнул и засветился.

— Поле подбора находится в активной фазе. Или, по крайней мере, должно находиться, — сказала она. — Но нет никаких ключевых данных. А я боюсь играть с пультом темпоральных переброек, в котором ничего не понимаю.

— В этом я полный профан, — признался я. — В жизни ничего подобного не видел. А что тут еще есть?

— Там аппаратные, — указала она в конец зала на против стеклянной стены. — Силовая установка и прочее.

— Похоже на обычную теплостанцию.

— Почти, — кивнула она.

— Ну, в несколько ином масштабе, — прокомментировал я. — Пойдем посмотрим.

Мы прошли через помещения, набитые оборудованием, столь же таинственным для меня, как электросхема I-M Хотеп. Одно из устройств представляло собой три высоких, в рост человека, зеркала; мы увидели в них двух несчастного вида незнакомцев. Ничто не указывало на то, что

здесь недавно кто-то жил. Просто мертвое здание, эхом отвечавшее на наши шаги.

Мы пересекли огромный зал и отыскивали выход, который, кружа, привел нас на широкую каменную террасу, откуда открывался вид на знакомый пляж. Изгиб морского побережья оставался таким же, каким я видел его в последний раз, только джунгли казались более густыми и непроходимыми.

— Добрый старый Берег Динозавров, — произнес я — Он не сильно изменился, не так ли?

— Время, — сказала Меллия. — Много времени прошло.

— Я видел проекты застройки. Там не было ничего похожего. Есть какие-нибудь соображения?

— Нет.

— Понимаю твои чувства, — проговорил я и придержал дверь, пропуская ее. — Между прочим, я никогда не слушал об аналого-потенциале. Это что, какое-то новое блюдо?

— А-П теория — основа всей программы Чистки Времени, — ответила Меллия, выразительно глянув на меня. — Каждый агент Центра Некса должен ее знать.

— Может и должен — возразил я, — но лекции, которые я слушал в институте, были посвящены детерминистике: динамике актуализации и уровням фиксации.

— Вся эта ерунда дискредитировала себя как фаталистическая теория.

— Успокойтесь, мисс Гейл. Не смотрите на меня так, словно застукали в отсеке управления с бомбой в руках. Причаюсь, сегодня я соображаю немного медленно, но остался все тем же милым, замечательным парнем, которого вы выудили из пруда. И я настолько же человек Центра, как и вы, хотя нечто вроде грязного подозрения начинает овладевать мной.

— А именно?

— Да просто пришло в голову, что Центр Некса, на который работала ты, и тот, который знаю я, — не одно и то же.

— Глупость какая. Вся деятельность Центра основана на постоянстве единой базовой линии...

— Конечно, конечно. Такова концепция. Только это не первая концепция, которую пришлось видоизменить с учетом приобретенного опыта.

Меллия слегка побледнела.

— Ты понимаешь, что это означает?

— Понимаю, крошка. Мы с тобой так все перепутали...

То, что мы — представители двух взаимоисключающих временных потоков — стоим здесь, лицом к лицу, означает, что дела наши гораздо хуже, чем мы думали...

Она смотрела на меня широко открытыми глазами.

— Но с нами еще не кончено, — бодро произнес я. — Мы все еще оперативные агенты со специальной подготовкой, все еще способны к действию. Мы сделаем все, что в наших силах...

— Но ведь не в этом дело!

— Ах, так? А в чем же?

— Мы должны проделать определенную работу, как ты сам сказал, а именно: уничтожения хроноаномалии, которую сами же бездумно породили.

— Согласен.

— Очень хорошо. Но к какой схеме мы будем стремиться, Рэвел? Твоей или моей? Что мы собираемся восстанавливать — детерминистический или аналого-потенциальный континуум?

Я открыл было рот, чтобы дать ей ободряющий ответ, но слова застряли в горле.

— Мы можем решить этот вопрос позже.

— Как? Каждый наш шаг с этого момента должен быть правильнейшим образом высчитан. Все это оборудование сложнее, чем то, что мне доводилось видеть. Но мы должны воспользоваться им надлежащим образом.

— Конечно. Но сначала необходимо выяснить, для чего предназначены все эти миленькие кнопочки. Так что давай пока сосредоточимся на этой проблеме. По ходу дела, возможно, нам удастся разрешить и некоторые философские вопросы.

— Прежде чем начать, нам нужно прийти к какому-то соглашению.

— Продолжай.

— Я хочу, чтобы ты дал слово, что не предпримешь ничего предосудительного в отношении концепции А-П.

— Я ничего не буду делать, не посоветовавшись с тобой. Что же касается Вселенной, которую мы собираемся восстановить, давай подождем, пока не узнаем чуть побольше, прежде чем связывать себя обязательствами, договорились?

Она долго смотрела на меня, прежде чем ответить.

— Хорошо.

— Тогда можешь начать с того, что представляет собой вся эта техника.

На протяжении следующего часа она быстро, схематично, но четко и наглядно излагала мне азы аналого-потенциальной теории. Это было мне внове, но я привык работать со сложными темпоральными приводами и потихоньку начал получать некоторое представление о том, для чего предназначалось оборудование.

— У меня такое чувство, что твой Центр Некса в своей деятельности опирается на теорию гораздо сильнее, чем Центр, в котором работал я, — заключил я под конец. — К тому же он имеет очень эффективную аппаратуру.

— Та аппаратура, с которой работала я, не была такой сложной, — призналась Меллия. — Я не знаю, что делать с большей частью этих приборов.

— Но ты уверена, что в основе их лежит принцип А-П?

— Ни капли не сомневаюсь в этом. Это не может быть ничем иным, конечно. Ничем из того, что могло бы основываться на детерминистической теории.

— С последним замечанием я согласен. Это оборудование имело бы в моем Центре Некса ровно столько смысла, сколько паровой свисток на паруснике.

— Значит, ты согласен, что мы должны продвигаться к А-П матрице?

— Не торопись, девочка. Ты думаешь, что достаточно пожать в знак согласия руки — все тотчас же вернется на место, где находилось в прошлую среду в три часа дня. Мы ведь работаем вслепую. И не знаем, что случилось, где находимся, куда идем или как туда попасть. Давай разбираться по порядку, шаг за шагом. И хорошо бы начать с концепции А-П. У меня странное чувство, что ее теоретическая основа принадлежит ко второму поколению, что она возникла из своего рода умозрительной установки, порожденной, в свою очередь, серьезной темпоральной перегруппировкой.

— Поясни, пожалуйста, — попросила она холодно. Я махнул рукой.

— Твой Центр находится не в главном временном потоке. Он слишком сложен, слишком искусственен. Как звезда с большим содержанием тяжелых элементов. Она не может возникнуть из первичного пылевого облака. Она должна образоваться из частей звезд предыдущего поколения.

— Весьма надуманная аналогия. Это все, на что ты способен?

— За такой короткий срок — да. Или ты предпочитаешь, чтобы я помалкивал о тех мыслях, которые ставят под сомнение твою А-П вселенную как лучшую из возможных миров?

— Так нечестно.

— Да что вы говорите? А ведь я тоже кровно заинтересован в своем прошлом, мисс Гейл. И стремлюсь оказаться в царстве нереализованных возможностей не больше других.

— Я... я не это имела в виду. Что заставляет тебя думать так? Ведь нет никаких оснований полагать...

— У меня появилось забавное чувство, что в твоём мире для меня места нет. В твоём первоначальном прошлом я всего-навсего испоганил сладкую безмятежность Берега Динозавров. Но для меня-то станция бы работала по тому же адресу еще тысячу лет.

Она открыла было рот, но я не дал ей заговорить.

— Но все стало иначе. Я испортил свое задание — не спрашивай, как — и в результате выбросил станцию в далекое будущее или куда-то еще, где она исчезла.

— Не вини себя. Ты выполнял инструкции, и не тебе отвечать, если в результате... если после того, как ты вернулся...

— Да, если то, что я сделал, породило случайную цепь событий, приведших к тому, что ты не родилась. Но ты появилась на свет, Ла... Меллия. И я встретил тебя, когда выполнял задание в тысяча девятьсот тридцать шестом году. Так что в этой точке, по крайней мере, мы оказались на одной линии. Или...

Я замолчал, но она поняла.

— Или, возможно,... события в Буффало представляли собой исторгнутую петлю, а не часть основного потока. И были нежизнеспособны.

— Да нет, жизнеспособны, детка! Не сомневайся! — вырвались из моего горла слова, словно щебень из камнедробилки, разбивающей валуны в гравий.

— Ну, конечно, — прошептала она. — Дело в Лайзе, не так ли? Она должна быть реальной. Любая альтернатива немыслима. И если это приведет к переустройству пространственно-временного континуума, исторгнет тысячу лет истории временного ствола, подорвет всю программу Чистки Времени и все, что она с собой несет... Ну что ж, это небольшая цена за существование твоей возлюбленной!

— Я этого не говорил. Это твоё суждение.

Она посмотрела на меня, как инженер смотрит на холм, который стоит как раз там, где он собирается построить идеально ровный переход.

— Пора приступать к делу.

В голосе ее отсутствовали малейшие признаки эмоций.

ГЛАВА XXII

Остаток дня мы провели, методично обследуя станцию. Она была раза в четыре больше тех станций Берега Динозавров, на которых мы оказывались ранее. Восемьдесят процентов ее занимала установка, назначения которой мы не могли понять.

Меллия составила общий план станции, определила основные компоненты системы, нашла преобразователь энергии и расшифровала некоторые криптограммы на блоках пульта. Я следовал за ней и вникал.

— Все это как-то бессмысленно, — заявила она под конец.

Наступили сумерки, большое красное солнце отбрасывало на пол длинные тени.

— Я не могу себе представить функцию ввода интеллекта или интерпретирующую функцию, для выполнения которой понадобилось бы подобное энергообеспечение. Оно вне всяких разумных пропорций. А зачем все это незанятое ничем пространство? Что это за место?

— Большая центральная станция, — ответила я.

— Это еще что?

— Ничего особенного. Просто забытое здание в забытом городе, который, возможно, никогда не существовал. Конечный пункт.

— Возможно, ты прав, — сказала она задумчиво. — Если бы все это оборудование предназначалось для транспортировки грузов, а не для переброски персонала...

— Грузов? Каких грузов?

— Не знаю. Звучит маловероятно, не так ли? Ведь любая более или менее крупная интерлокальная переброска груза вела бы к ослаблению темпоральной структуры как в точке передачи, так и в точке приема...

— А может, им уже было все равно. Может, они, как и я, просто устали? Давай закругляться, — зевнул я. — Кто знает, вдруг завтра нашим изумленным взорам откроется простота и разумность всего этого.

— Что ты имел в виду, когда говорил, что им было все равно?

— Кто, я? Ничего, девочка. Ровным счетом ничего.

— Ты Лайзу когда-нибудь называл “девочкой”?

Эту фразу она произнесла очень резко.

— А причем здесь это?

— При всем! Все, что ты говоришь и делаешь, все, о чем думаешь, окрашено твоей идиотской слепой страстью к этой... этой воображаемой возлюбленной! Неужели нельзя забыть о ней и сосредоточиться на том факте, что временной ствол Центра Некса находится в крайней опасности — если ему уже не нанесен непоправимый вред твоими безответственными действиями!

— Нет, нельзя, — проговорил я сквозь зубы. — Есть еще вопросы?

— Извини, — сказала она безжизненным голосом и, закрыв лицо руками, покачала головой. — Я не хотела. Просто я устала... Так ужасно устала... И боюсь...

— Конечно, — сказал я, — Я тоже устал. Забудь об этом. Пошли поспим немного.

Мы выбрали отдельные комнаты. Никто не побеспокоился пожелать другому спокойной ночи.

ГЛАВА XXIII

Я встал рано; даже во сне тишина раздражала.

В конце спального крыла находилась хорошо оснащенная кухня. Очевидно, даже А-П-теоретики любили свежие яйца и ломтики обсахаренной ветчины из ноль-временного ликера, где не происходило старение.

Я заказал завтрак на двоих и отправился позвать Меллию, но передумал, услышав в большом зале шаги.

Она стояла у кресла координатора, одетая в свободное платье, и глядела на экран. Она не слышала, как я подходил, потому что я был без обуви. Когда я был уже на расстоянии десяти футов, она резко повернулась и, судя по выражению ее лица, с ней чуть не случился сердечный приступ.

Со мной тоже. Я увидел не красивое, пусть даже и недовольное лицо Меллии, а лицо старухи с седыми волосами, впалыми щеками и потускневшим взором, в котором, если и горела когда-то страсть, то было это очень дав-



но. Она пошатнулась, и я едва успел схватить ее за тонкую, как палка, руку.

Она удивительно быстро пришла в себя. Черточка за черточкой лицо ее снова стало прежним, а взгляд, учитывая обстоятельства, был странно спокойным.

— Да, — проговорила старуха тонким, старым, но очень ровным голосом. — Вы пришли. Я, конечно, знала, что вы придете.

— Приятно, когда тебя ждут, мэм, — пробормотал я, лишь бы не молчать. — И кто же сказал вам? О нас, я имею в виду. То есть, что мы придем?

Она слегка нахмурилась.

— Экраны предсказателя, конечно. — Глаза ее смотрели куда-то мимо меня. — Позвольте спросить, а где же остальная часть вашей группы?

— Она... э... еще спит.

— Спит? Как интересно.

— Вон там, — кивнул я в сторону спален. — Она будет счастлива узнать, что мы здесь не одни. Вчера у нас был трудный день, и...

— Извините, вы сказали — вчера? Вы когда прибыли?

— Около двадцати четырех часов назад.

— Но... почему же вы не поговорили со мной сразу? Я ведь ждала... я была готова... уже так долго...

Голос ее чуть было не сорвался, но она быстро взяла себя в руки.

— Извините, мэм, но мы не знали, что вы здесь. Мы осмотрели место, но...

— Не знали?

Она была поражена, просто шокирована.

— Где же вы находились, мэм? Я думал, что мы осмотрели здесь все...

— Я... моя комната во внешнем крыле, — проговорила она потерянными голосом. Из уголков ее глаз выкатились слезинки, она нетерпеливо смахнула их. — Я решила... я думала, что вы прибыли в ответ на мой сигнал. Хотя, конечно, это неважно. Вы здесь. Вы можете уделить мне несколько минут? У меня есть кое-какие вещи, дорогие мне как память... Но если вы торопитесь, то я, конечно, могу их оставить, — поспешно добавила она, следя за моим лицом.

— Я не собираюсь торопить вас, мэм, — сказал я. — Но мне кажется, что произошло какое-то недоразумение...

— Но вы заберете меня? — Тощая рука вцепилась в мой локоть; в голосе послышалась паника. — Пожалуйста, возьмите меня с собой, умоляю вас, не оставляйте меня здесь!

— Я обещаю, — произнес я и накрыл своей ладонью ее руку, холодную и тонкую, как ножка индюшки. — Но мне кажется, что вы делаете какие-то ошибочные выводы. Я, может быть, тоже. Вы принадлежите к персоналу станции?

— Да нет, — затрясла она головой, как ребенок, которого поймали, когда он залез в коробку с печеньем. — Это не моя станция. Вовсе не моя. Видите ли, я просто спряталась здесь после катастрофы.

— А где станционный персонал, мэм?

Она посмотрела на меня так, словно я сказал что-то забавное.

— Его нет. Ни души. В своих докладах я сообщала об этом. Станция была покинутой. Я одна здесь, все это время одна. Никого больше...

— Конечно, я понимаю. Довольно одиноко. Но теперь все в порядке. Вы больше не будете одиноки.

— Да, вы здесь. Я знала, что так будет — когда-нибудь. Приборы никогда не лгут. Вот о чем я себе всегда говорила. Я только не знала, когда именно это случится.

— О том, что мы прибудем, вам сообщили приборы?

— Да.

Она опустила руку в ближайшее кресло, высохшие пальцы замелькали над клавишами. Дисплей засветился, на нем замелькали цвета и, наконец, сложились в четкий зелено-вато-белый прямоугольник, на правой границе которого плясала и мерцала черная извивавшаяся вертикальная линия, напоминавшая царапину на киноплёнке. Я уже почти открыл рот, чтобы выразить свое восхищение ее виртуозностью, когда она вдруг охнула и повалилась лицом на пульт.

Я поднял ее с кресла, подхватил на руки. В ней, наверное, не было и девяноста фунтов.

Меллия встретила меня в начале коридора, поднесла ладонь ко рту, но вспомнила, что она — оперативный агент, и надела на лицо маску бесстрастия.

— Рэвел, кто это?

— Не знаю. Она была здесь, когда я проснулся; думала, что я пришел ее спасать. Начала говорить о чем-то и потеряла сознание.

Меллия шагнула назад, уступая мне дорогу. Она не отрывала от старухи глаз. Внезапно она напряглась, схватила меня за руку и, не мигая, всмотрелась в ее побледневшее лицо.

— Мама!

ГЛАВА XXIV

Через несколько долгих секунд веки пожилой леди задрожали и поднялись.

— Мама! — вновь произнесла Меллия и схватила ее за руку.

Пожилая леди растерянно улыбнулась.

— Нет, нет, я не являюсь ничьей матерью, — сказала она. — Мне всегда хотелось... но...

И она снова потеряла сознание.

Я отнес ее в пустую комнату и положил на кровать. Меллия села рядом и принялась растирать ей руки, убедившись, что та дышит ровно.

— Что все это значит? — спросил я.

— Извини. Конечно, она не моя мать. Это просто глупость с моей стороны. Мне кажется, все пожилые женщины выглядят одинаково...

— Твоя мать такая старая?

— Нет, конечно же. Это чисто внешнее сходство. — Она виновато улыбнулась. — Думаю, психологи сумели бы найти этому тысячу всяких причин.

— Она сказала, что ждала нас, — продолжил я. — Сказала, что это предсказали приборы.

Меллия удивленно взглянула на меня.

— Но таких приборов нет.

— Может, она просто не соображает, что говорит. Долгое одиночество...

Пожилая леди вздохнула и открыла глаза. Если Лайза и напомунала ей кого-нибудь, она ничего не сказала. Меллия пробормотала ей что-то ободряющее. Женщины улыбнулись друг другу. Любовь с первого взгляда.

— Ну вот. Сделала из себя посмешище, — произнесла старая леди. — Взять и упасть в обморок...

На лице ее появилось выражение озабоченности.

— Не говорите глупостей, — возразила Меллия. — Все совершенно понятно...

— Как вы себя чувствуете? Вы можете говорить? — спросил я, делая вид, что не заметил недовольного взгляда Меллии.

— Конечно.

Я присел к ней на кровать.

— Где мы находимся? — спросил я насколько можно мягче. — Что это за место?

— Темпостанция “Берег Динозавров”, — ответила старушка.

Похоже, мой вопрос не особенно ее удивил.

— Может, мне следовало бы спросить, в каком времени мы находимся?

— Станционное время — тысяча двести тридцать второй год.

Теперь она выглядела озадаченной.

— Но... — сказала Меллия.

— Из чего следует, что мы не совершили никакого скачка во времени, — произнес я насколько можно более убедительно, если вообще такие слова можно было считать убедительными.

— Значит, мы каким-то образом попали во вторичную линию!

— Не обязательно. Кто может сказать, что первично, а что вторично, после всего, через что мы прошли?

— Извините, — вмешалась старая леди. — У меня складывается впечатление... судя по тому, что вы говорите... дела обстоят вовсе не так хорошо, как можно было бы надеяться?

Меллия посмотрела на меня с тревогой. Я перевел взгляд на старую леди.

— Все в порядке, — сказала та. — Вы можете говорить со мной абсолютно спокойно. Я поняла, что вы темпоральные агенты.

Значит мы коллеги. Позвольте представиться: оперативный агент Меллия Гейл к вашим услугам.

ГЛАВА XXV

Я посмотрел на Меллию — мою Меллию; ее лицо стало белым, как мел. Она, казалось, лишилась дара речи.

— А вы кто, мои дорогие? — спросила старая леди почти весело, не видя лица Меллии. — У меня такое чувство, будто я знаю вас.

— Я оперативный агент Рэвел, — быстро проговорил я. — А это агент Лайза Келли.

Меллия обернулась ко мне, но сразу взяла себя в руки. Я наблюдал, как разглаживается ее лицо, — удивительное умение владеть собой.

— Мы рады встретиться... э-э... коллегу, агент Гейл, — сказала она голосом, начисто лишенным каких-либо интонаций.

— О, да, когда-то я вела очень активный образ жизни, — сказала старая леди, улыбаясь. — Жизнь была восхитительной в те дни, перед... перед катастрофой. У нас были такие высокие устремления, такая благородная программа! Как мы работали и планировали! После каждого задания, бывало, собирались на совет у большого экрана, чтобы оценить эффект преобразований, поздравить или приободрить друг друга. Какие надежды питали нас в то время...

— Несомненно, так все и было, — безжизненно прошептала Меллия.

— Но после официального сообщения все, конечно, переменялось, — продолжила старшая мисс Гейл. — Нет-нет, не подумайте. Мы по-прежнему пытались что-то сделать, так и не смирившись до конца с поражением, так и не признав его, но уже знали... А потом началось вырождение. Хронодеградация. Сначала в мелочах. Стали терять вещи, появились провалы в памяти, противоречия... Мы чувствовали, как жизнь разваливается на куски. Многие сотрудники начали увольняться. Некоторые прыгнули туда, где, как им казалось, время было стабильным; другие пропали без вести в темпоральных искривлениях. Были и такие, что просто дезертировали. А я продолжала работать. Я всегда надеялась... почему-то... Но все это, наверное, совсем ни к чему, — резко оборвала она себя.

— Нет, нет! Продолжайте, пожалуйста, — попросила молодая Меллия.

— Да в общем больше и не о чем рассказывать. Пришел день, когда в Центре осталась лишь горстка сотрудников. И мы решили, что нечего и пытаться поддерживать дальше излучатели в рабочем состоянии. Больше года никто из оперативников не возвращался, оборудование хронодеградировало все сильнее и сильнее, и не было никакой возможности узнать, какие дополнительные повреждения мы можем нанести темпоральной ткани своим вышедшим из-под контроля приводом. Так что работа прекратилась вообще. После этого ситуация начала стремительно ухудшаться. Количество аномалий возросло. Условия стали... трудными. Мы совершали скачки и обна-

руживали, что во всех времена дела обстоят еще хуже. Боюсь, что мы запаниковали. По крайней мере, я. Теперь можно это признать... Хотя в то время я уверяла себя, что лишь ищу конфигурацию, где можно было бы попытаться сосредоточить стабилизирующие силы... Но теперь я понимаю, что это были всего-навсего рассуждения... Я совершила один скачок за другим и, наконец, попала сюда. Мне показалось, что это настоящий рай, мирное и стабильное место. Здесь, конечно, было пусто, зато безопасно. Некоторое время я была почти счастлива... До тех пор, конечно, пока не обнаружила, что попала в ловушку, — слабо улыбнулась она, быстро взглянув на меня. — Я пыталась вырваться дважды. И каждый раз, пройдя через леденящие душу ужасы, вновь оказывалась здесь. И поняла, что попала в замкнутую петлю, застряла здесь до тех пор, пока кто-нибудь не придет на помощь. Я приготовилась ждать.

Она посмотрела мне в глаза так, что у меня возникло чувство, словно я только что спихнул вниз по лестнице калеку.

— Похоже, вы знакомы с аппаратурой? — спросила я, чтобы заполнить возникшую в разговоре паузу.

— О, да. Ведь у меня было полно свободного времени, чтобы исследовать возможности оборудования. Точнее, его потенциальные возможности. В данных условиях, как вы понимаете, можно выполнять лишь функции, минимально воздействующие на окружающую среду — например, вызывать векторы предсказания будущего, которые и указали мне, что однажды помощь придет.

Она снова улыбнулась, на этот раз так, будто я был Линди, переплывший только что ради нее океан.

— Дисплей, который вы активировали, и есть тот самый предсказатель будущего? Я никогда не видел ничего подобного.

— Дисплей? — озадаченно спросила она. Потом глубоко вздохнула и резко поднялась. — Я должна проверить.

— Нет, вам надо отдохнуть! — запротестовала Меллия.

— Помогите мне, моя дорогая. Я должна получить подтверждение показаний!

Меллия начала было возражать, но я выразительно посмотрел на нее, и мы вместе помогли нашей пациентке подняться на ноги и повели ее по коридору.

Освещенный экран не изменился. Яркий зеленый прямоугольник с размытым краем все так же дрожал и

пульсировал в крайнем правом углу. Старая леди слабо вскрикнула и вцепилась в нас.

— Что случилось? — спросила Меллия.

— Носитель прогнозов основного ствола! — задрожала она. — Он исчез с экрана!

— Возможно, надо настроить... — начал я.

— Нет! Показания правильны, — решительно возразила старая леди голосом, в котором послышалось эхо былой властности. — Но это конечные показания!

— Ну и что? — спросила Меллия успокаивающим тоном. — Это не так уж серьезно...

— Это значит, что мы достигли конца темпорального сегмента и что время для нас скоро кончится.

— Вы уверены в этом? — спросил я.

— Абсолютно.

— Сколько нам осталось?

— Может — часы, может — минуты, — ответила старая Меллия. — Думаю, создатели оборудования просто не допускали, что подобное может произойти. — Взгляд ее был спокоен. — Если у вас есть возможность перепрыгнуть на любой вторичный ствол, то следует сделать это незамедлительно.

Я покачал головой.

— Мы использовали последний заряд, чтобы добраться сюда. У нас ничего не осталось.

— Ну конечно. В бесконечности все линии сходятся в одну точку. Время истекает; и так должно быть со всем остальным.

— А как насчет станционного оборудования? — спросила Меллия.

Агент Гейл покачала головой.

— Я пыталась, но это не дает желаемого результата. Вам придется претерпеть бессмысленные ужасы, но все это будет напрасно.

— И все же...

— Она права, — сказал я. — Там нас не ждет ничего хорошего. Нужен другой выход. Все это оборудование... Есть ли здесь хоть что-то, что можно использовать, пусть даже переделав, чтобы освободиться из этого тупика?

— Может быть, если вы имеете специальное техническое образование, — задумчиво ответила старая леди. — Это не входит в мою компетенцию.

— Мы можем зарядить свои аварийные приводы, — начал я и внезапно почувствовал какую-то перемену в воздухе.

Обе Меллии тоже ощутили ее.

Дисплей затрещал и погас. Лампочки индикаторов отключились по всему пульту. Фоновые шумы постепенно стихли. Воздух посерел и смутно засветился. По поверхности предметов побежали крошечные радужные волны, как при хроматической аберрации в дешевых линзах. Откуда-то пахнуло холодом, словно распахнулась дверца гигантского холодильника.

— Это конец, — констатировала старшая Меллия совершенно спокойно. — Время останавливается, все волновые явления, включая ту особую форму энергии, которую мы называем материей, падают до нулевой частоты и тем самым перестают существовать...

— Минуточку, — сказал я. — Это не природный феномен. Кто-то управляет хронопространством.

— Откуда ты знаешь? — спросила Меллия.

— Не время для разговоров. Агент Гейл, — взял я старую леди за руку, — где вы находились, когда мы прибыли?

Меллия начала было протестовать, но агент Гейл быстро ответила:

— В стазисной камере.

— Зеркала?

Она кивнула.

— Мне... было стыдно сказать вам. Это выглядело так трусливо...

— Вперед.

Я пошел через огромную комнату, сквозь тишину, холод и мертвый воздух вниз по проходу к залу с зеркалами. Отражательные поверхности потускнели, но оставались целыми.

— Быстрее! — торопила старая Меллия. — Поля могут распасться в любую секунду.

Со стороны центрального зала слышался шум, затем — тяжелый грохот, словно осыпалась кирпичная кладка. Вдоль прохода лениво поползло облако не то дыма, не то пыли. За ним мерцали желтые огни.

— Внутрь, быстро! — крикнул я Меллии.

— Нет! Вы и... агент Гейл!

— Не спорь, девочка!

Я обхватил ее и толкнул к зеркалу. По его поверхности бежали тусклые волны. Меллия пыталась сопротивляться.

— Мистер Рэвел... теперь вы, идите! — сказала старшая Меллия, быстро повернулась и пошла назад, к надвигавшимся клубам тумана. Меллия закричала. Я толкнул ее сквозь зеркало; крик резко оборвался.

Старая леди исчезла, пропала в занявшем всю станцию облаке. Я шагнул к другому зеркалу. Оно было похоже на туман, который мерцал вокруг, разбухая, затем вспыхнул...

Вокруг меня сомкнулась тьма.

Это был момент, когда катастрофа уже очевидна, но еще не нагрязнула. Затаив дыхание, я ждал.

И... ничего.

ГЛАВА XXVI

Сквозь мрак сиял желтый свет. Я не двигался. Свет стал ярче. На его фоне появился человеческий силуэт. Человек медленно шагал вперед, как бы преодолевая сопротивление.

Когда он находился уже в шести футах от меня, я понял, что ошибся.

Это был не человек.

Карг!

Тот самый, которого я дважды убил и упустил в третий раз.

Я не мог шевельнуться, не мог даже скосить глаза и только наблюдал, как карг медленно исчезает из моего поля зрения. Я не дышал; если сердце и билось, я этого не чувствовал. Но был в сознании — уже кое-что.

Карг двигался с усилием, но как-то равнодушно. На нем был простой черный кожаный костюм, увешанный приборами и инструментами. Он взглянул на блок миниатюрных датчиков, прикрепленный к внутренней стороне запястья, и что-то подрегулировал. Карг не обращал на меня никакого внимания, словно я был всего-навсего статуэткой.

Наконец он подошел ко мне и внимательно осмотрел. его по-детски голубые глаза не встретились с моими — не намеренно, просто из безразличия. В поле моего зрения появились двое других. Это были люди. Они присоединились к нему, посоветовались. Люди принесли с собой что-то, похожее на связку дранки. Потом они походили вокруг меня. Все это в полной тишине. Прошло какое-то время, и уголком глаза я заметил движение — слева от меня скользнула и остановилась плита темно-зеленого цвета. Поверхность ее была гладкой, как стекло. Справа появилась другая. В поле зрения вошел один из людей, неся лист из какого-то тонкого материала размером три на шесть. Человек поставил его и отпустил. Лист толкнул его

ко мне и закрыл обзор. Некоторое время края листа светились, затем он встал на место, оставив меня в темноте, словно внутри банки с черной краской.

Лишившись зрительной соотнесенности, я потерял чувство ориентации. Мне казалось, что меня перевернули вверх ногами и я медленно вращаюсь, а может, и не медленно; я был размером в милю, в дюйм; заполнял Вселенную, не существовал...

С грохотом в мир вернулся звук, вместе с ним — притяжение; все мое тело пронизала боль, словно на мне был плотно прилегающий костюм, утыканный булавками. Я глубоко вздохнул, чувствуя, как сердце забилося в установленном ритме. Рев пошел на убыль, но не исчез совсем. Я понял, что это были всего лишь молекулы воздуха, ударявшиеся в мои барабанные перепонки — фоновый звук, который обычно вообще не воспринимается.

Мое колено уперлось в стену, и я уже собрал силы, чтобы ударить по ней, но стена исчезла сама по себе. Я шагнул в большую комнату с высокими пурпурно-черными стенами, где меня ждали три человека; лица их были скорее напряженными, чем приветливыми.

Первый — невысокий коренастый человек с редкими волосами — был одет в серый рабочий халат. Рядом с ним стояла женщина лет сорока, худощавая, очень чопорная и официальная в своей темно-зеленой одежде.

Третим был карг, одетый в простой серый комбинезон.

Коротышка шагнул вперед и протянул руку. Он держал ее как-то неуклюже: растопылив и повернув вниз пальцы. Я пожал ее, и он поднес ладонь к лицу, тщательно осмотрел, словно думал, что я оставил на ней след.

— Добро пожаловать на станцию “Берег Динозавров”, — произнес карг голосом, который довольно точно воспроизводил дружелюбие.

Я осмотрелся. Кроме нас, в помещении никого не было. — Где обе женщины? — спросил я.

На лице толстяка появилось недоумение, он начал дергать себя за губу. Женщина взглядом выразила удивление.

— Возможно, доктор Джейви пожелает объяснить вам ситуацию.

Голос ее прозвучал так, словно она сильно сомневалась в этом.

— Я не собираюсь разговаривать с машиной, — отрезал я. — Кто его программирует? Вы?

Последнее было адресовано коротышке.

— Что-о-о? — протянул он и посмотрел на женщину; та оглянулась на карга; тот, в свою очередь, на меня.

Я смотрел на всех троих.

— Доктор Джейви — руководитель Спасательной Службы, — быстро произнесла женщина, словно стараясь сгладить мою бестактность. — Я доктор Фреска, а это администратор Коска.

— Со мной были две женщины, доктор Фреска, — сказал я. Где они?

— У меня нет об этом ни малейшего представления. И едва ли это относится к моей компетенции.

— Где они, Коска?

Тот пожевал губы и ответил:

— Что касается этих женщин, то я могу только отослать вас к доктору Джейви...

— Вы выполняете приказы этого карга?

— Я не знаком с этим термином, — произнес он сухо; улыбка его исчезла.

Я повернулся к каргу. Он, не мигая, смотрел на меня своими бледно-голубыми глазами.

— Вы несколько дезориентированы. Ничего удивительного. Это часто происходит в результате...

— С кем происходит?

— Со спасенными. Понимаете ли, в этом заключается моя работа — наша работа: обнаружить и вернуть сотрудника при... э-э-э... определенных обстоятельствах.

— Кто твой шеф, карг?

Он склонил голову на бок.

— Прошу прощения, но я не понимаю столь настойчиво повторяемого вами термина “карг”. Что он означает?

— Он означает одно: что бы ни думали эти люди, я вижу тебя насквозь!

Карг улыбнулся и взмахнул руками.

— Как вам угодно. Что же касается моего шефа, то самый главный здесь я.

— Ловко. Где обе женщины?

Губы карга, похожие на бутон розы, сжались.

— Не имею ни малейшего представления, о ком вы говорите.

— Они были со мной пять минут назад. Ты должен был их видеть.

— Боюсь, что вы не вполне понимаете ситуацию, — ответил карг. — Когда я обнаружил вас, вы были совершен-

но один и, если верить показаниям приборов, находились в ахроническом вакууме в течение длительного времени.

— Как долго?

— О, это одна из интереснейших проблем темпоральной релятивистики. Существует биологическое время, единственное для каждого индивидуума и измеряемое ударами сердца; и есть психологическое время — чисто субъективное явление, в котором секунды могут казаться годами, и наоборот. Что касается вашего вопроса, то Конечная Власть установила систему эталонов для измерения абсолютной длительности, и в единицах данной системы ваше пребывание вне энтропического потока продолжалось более столетия с погрешностью плюс-минус десять процентов. — Он развел руками и философски улыбнулся: — Что касается ваших... э-э... женщин, то я о них ничего не знаю.

Я бросился на него; прыжок не достиг цели, но я успел незаметно заполнить кратерный пистолет. Карг отступил назад, доктор Фреска вскрикнула, Коска схватил меня за руку. Раздался щелчок, что-то ударило меня в бок, до колен спеленутым чем-то напоминавшим паутину, белым, как сахарная вата, и пахнущим полиэфиром.

Я попытался шагнуть и чуть не упал. Подошедший Коска помог мне сесть на стул, что было сделано с очень большой заботой, словно со мной случился обычный обморок, и уже через минуту я приду в себя.

— Ты лжец, карг, — заявил я. — Причем паршивый лжец. С твоим талантом изображать неподдельную искренность хорошо быть лжесвидетелем. Ты не случайно вытащил меня из нескольких миллионов квадратных тысячелетий вечности. Твои раны залечены хорошо, но ты меня знаешь, ты знаешь все.

Карг задумался, затем подал знак, и Коска с женщиной, не оглядываясь, вышли из помещения. Когда он повернулся ко мне, выражение его пластоллоидного лица было совершенно другим.

— Ну хорошо, мистер Рэвел, я знаю вас. Не лично — ваша ссылка на шрамы, видимо, относится к некоей конфронтации, которая была сведена к нереализованной возможности. Я знаю вас как специалиста, знаю вашу работу. Что касается женщины, то, возможно, я смогу поинтересоваться тем, как идет ее поиск, но позже — после того, как мы придем к взаимопониманию.

Теперь он был настоящим каргом, для которого существовало только дело и который не испытывал никаких чувств.

— Я понял тебя, — сказал я.

— Позвольте мне рассказать вам о нашей работе, мистер Рэвел, — продолжил он мягко. — Готов поспорить, что, когда вы во всем разберетесь, то чистосердечно пожелаете внести свою лепту в наше великое дело.

— Не расщипывай, карг.

— Ваша враждебность неуместна. Мы здесь, на Береге Динозавров, нуждаемся в ваших способностях и опыте, мистер Рэвел...

— Не сомневаюсь в этом. Но кто твои соратники? Беглецы из третьей эры? Или ты теперь занят вербовкой уже во второй?

Карг не обратил на мои слова никакого внимания.

— Благодаря мне, продолжал он, — вам предоставили возможность заниматься делом, которому вы посвятили свою жизнь. Вы, конечно же, понимаете, что сотрудничать с нами — в ваших интересах?

— Сомневаюсь, что мои интересы могут когда-нибудь совпасть с твоими, карг.

— Ситуация изменилась, мистер Рэвел. Теперь нам всем необходимо пересмотреть свои взгляды в силу существующей реальности...

— А ну-ка, расскажи мне об этой реальности...

— Все усилия вашего Центра Некса по Чистке Времени, конечно, провалились, о чем, полагаю, вы и сами догадались. Это было благородное дело, но оно пошло в неверном направлении, как и все предыдущие. Истинный ключ к темпоральной стабильности — не в усилиях восстановить прошлое в его девственном состоянии, а в том, чтобы рационально воспользоваться возможностями и ресурсами доступной части энтропического спектра и применять их для создания и поддержки разумных размеров анклава, который бы способствовал полному расцвету расы. Именно с этой целью и была установлена Конечная Власть, задачей которой стало спасение из каждой эры, всего, что можно сберечь от стихийного прорыва исторгнутой темпоральной прогрессии. Мне приятно сообщить вам, что наша работа оказалась очень успешной.

— Итак, вы грабите прошлое и будущее темпорального ядра и создаете свое собственное хозяйство? Где же?

— Конечная Власть основала резервацию из десяти столетий в том, что было ранее известно как время старой эры. Что касается использованного вами термина “грабитель”, то вы сами, мистер Рэвел, являетесь предметом пристального внимания Спасательной Службы.

— Мужчины... и женщины. И все они — специально подготовленные темпоральные агенты, я полагаю?

— Конечно.

— И все так счастливы находиться здесь, что отдают свои таланты на строительство этого устойчивого островка во времени, которым вы, кажется, очень довольны?

— Не все, мистер Рэвел. Но значительное число.

— Не сомневаюсь! Большой частью — типы из третьей эры и предыдущих программ Чистки Времени, а? Достаточно умные, чтобы сообразить, что дела плохи, но не способные понять простую вещь: то, что вы сейчас создаете вокруг себя, — просто-напросто стерильный тупик.

— Мне не совсем понятно ваше отношение, мистер Рэвел. “Стерильный”? Но здесь можно размножаться; растения растут, солнце светит, химические реакции происходят...

Я рассмеялся.

— Ты рассуждаешь как машина, карг. Просто не понимаешь, в чем дело, да?

— Мы стараемся сохранить разумную жизнь во Вселенной, — терпеливо объяснил он.

— Ага. Но не в музее, не в стеклянном ящике, покрытом слоем пыли. Вечное движение. Эта теория уже опровергнута, карг. Проходить снова и снова по темпоральной петле — пусть даже протяженностью в тысячу лет... Подобная перспектива не соответствует моему представлению о судьбе человечества.

— Как бы то ни было, вы отдадите свои силы служению Конечной Власти.

— Неужели?

— Я полагаю, что альтернативу вы сочтете весьма неприятной.

— Приятной, неприятной... Это всего лишь слова, карг.

Я осмотрел большую мрачную комнату. В ней было прохладно, сыро. Казалось, ее стены должны быть усеяны каплями воды.

— Ага, сейчас самое время объяснить мне, как вы собираетесь загонять под ногти щепки, сдавливать пальцы, подвешивать на дыбе. Затем ты сообщишь, как вы будете контролировать мое поведение после того, как отправите на заседание.

— В физическом воздействии необходимости не будет, мистер Рэвел. Вы будете исполнять все, что потребуется, чтобы заработать награду, которую я предлагаю. Агент Гейл была спасена некоторое время назад. И именно ее

ответы пробудили во мне интерес к вам. Я уверил ее, что только в обмен на ее работу на стороне Конечной Власти я попытаюсь обнаружить и вытащить вас.

— Надо понимать, ей и не подумали сообщить, что я найден?

— В настоящий момент это было бы не в интересах Конечной Власти.

— Значит, ты держишь ее на привязи, а сам работаешь на два фронта.

— Верно.

— Есть одно замечательное преимущество, когда имеешь дело с машиной: ей не надо тратить время на то, чтобы оправдывать свои действия.

— Люди, с которыми я работаю, ничего не знают о моем искусственном происхождении, мистер Рэвел. Как вы и предполагали, большей частью они из второй эры. И Конечная Власть совсем не заинтересована, в том, чтобы им об этом сообщили.

— А что если я все же расскажу?

— Тогда я доставлю сюда агента Гейл и в вашем присутствии уничтожу ее.

— Ах так? И сведет на нет все усилия, которые были затрачены на эту программу?

— Лучше вообще не иметь никакого контроля, чем иметь неполный контроль. Вы будете повиноваться моим инструкциям, мистер Рэвел. Даже в мелочах. Или я пожертвую планом.

— Гладко, логично, — сказал я. — Но ты упустил из виду только одно.

— А именно?

— Вот это, — ответил я, поднял кратерный пистолет и выстрелил с бедра.

Выстрелить по-другому я не мог — мешала сеть. Выстрел оказался не совсем удачным, но все же он разорвал колено карга на кусочки и швырнул его на спину. Подпрыгивая и перекатываясь, я подобрался к нему. Его электронная нейросистема все еще функционировала. Я открыл грудную панель и перевел переключатель на ручное управление.

— Лежи тихо, — приказал я.

Карг расслабился, уставившись в стенку.

— Как распутать эту сеть?

Он объяснил. Я достал из его нагрудного кармана аппарат в виде шариковой ручки и нажал кнопку. На опутывавшую меня паутину напал розовый туман, она стала

густеть, пока не превратилась в засохшую грязь, которую я отряхнул с себя.

Потом я оборвал печати и вытащил ленту. Карг был перестроен — катушка большего размера, чем прежде. Бесконечный цикл, повторяющийся автоматически каждые сто лет. Кто-то здорово постарался, чтобы подключить самообслуживающегося, фактически вечного робота к этой работе.

Среди размещенного в комнате оборудования я нашел сканнер, вставил катушку и, включив высокую скорость, выслушал обычную определяющую параметры программу, местами слегка модифицированную с целью уничтожения того, что всегда составляло основу взаимоотношений человека и карга. Все было вполне логично: карг предназначался для работы при полном отсутствии контроля со стороны человека.

Я скорректировал участок команд и начальную часть ленты и снова вставил катушку.

— Где женщина? — спросил я. — Агент Меллия Гейл.

— Не знаю, — ответил карг.

— Хм, — усмехнулся я. — Ты же хотел, чтобы она стала приманкой, которая удержит меня на крючке. Снова ложь. Это скверная привычка, но я знаю лекарство от нее.

Я задал ему еще несколько вопросов, и картина начала вырисовываться.

Он, его сотрудники из каргов и спасенные люди из ранних эпох уединились на крошечном островке среди растущего моря энтропического распада. Какое-то время они находились бы здесь в безопасности — до тех пор, пока разложение, уже подступившее к краям, не достигло бы последнего года, последнего дня, последнего часа. Тогда они и плоды всех их усилий вместе с ними исчезли бы в бесформенной однородности Айлема.

— Знаешь, карг, ты занимаешься бесперспективным, ненужным делом, — сказал я ему. — Но не переживай: ничто не вечно.

Он не ответил. Я задержался в комнате еще на несколько минут, записывая, детали. Вот когда я пожалел о завтраке, который оставил на столе сто лет назад. Среди оборудования находились всевозможные устройства, которые могли бы пригодиться там, куда я направлялся. И, наверное, следовало бы найти ответы на некоторые вопросы, но у меня появилось ощущение, что чем раньше я сбегу из области влияния Конечной Власти, тем лучше это будет для меня самого и остатков моих устремлений.

— Несколько прощальных слов для истории? — предложил я каргу. — Прежде чем я применю средство, о котором упоминал?

— Ты проиграешь, — сказал он.

— Может быть, — ответил я. — Кстати, нажми кнопку саморазрушения.

Карг повиновался; из его внутренностей повалил дым. Я сверился с поисковым сигнализатором, который настроил на Меллию Гейл, и снял точные координаты, затем отпер транспортировочную кабину, набрал код, шагнул внутрь и включил поле переброски. реальность раскололась на миллион кусочков и вновь собралась в единое целое в другой форме, другом времени, другом месте.

Я прибыл как раз вовремя.

ГЛАВА XXVII

Над пологим склоном нависало низкое серое небо. Зеленая трава, черный мох, голые, отполированные ветром скалы, на фоне которых грязным пятном выделялось стадо желто-серых овец. А на переднем плане — толпа, ожидавшая линчевания ведьмы, — дюжины три людей — деревенских простолюдинов в разноцветных одеждах из толстой ткани, вид которых вызывал мысль об ограблении тележки тряпичника. Многие из них держали палки от сельскохозяйственных орудий, некоторые были вооружены самодельными дубинками, гладкими от долгого пользования, на грубых лицах было одинаковое выражение жестокости. Оно относилось к Меллии, стоявшей в центре площадки. Руки ее были связаны за спиной толстой коричневой веревкой.

Она была одета в серое домотканное платье; длинные юбки хлопали на ветру. Медно-красные волосы, словно боевое знамя, развевались вокруг ее головы.

Брошенный кем-то камень скользнул по ее лицу; она пошатнулась, но устояла, равнодушно взглянула на толпу и гордо подняла подбородок, по которому стекала струйка крови. И тут заметила меня. Я надеялся увидеть радостную улыбку, но меня ждало разочарование — она посмотрела мне прямо в глаза и отвернулась.

Широкоплечий мужчина протянул к ней огромную ручищу. Я растолкал в стороны нескольких членов “комиссии” и лягнул его в голень. Он завопил, запрыгал на

одной ногой и предоставил мне великолепную возможность нанести удар по его мясистому красному носу. Нос удовлетворенно хлопнул под прямым ударом правой, а следовавший за ним хук левой свалил мужика на землю. Еще кто-то попытался закричать, но я шагнул в сторону и двинул локтем прямо ему в зубы. Тот отлетел на пару шагов и тяжело осел, сплевывая кровь и, может быть, зубы.

— Ты дурак! Безголовый идиот! — резюмировала Меллия, но я рывкнул через плечо:

— Тихо!

Собравшиеся уже начинали приходить в себя. Те, кто посообразительней, догадались, что веселью скоро придет конец. Это им не понравилось. Ко мне покатилась волна уродливых, озлобленных лиц, потрескавшихся губ, гнилых зубов, вздувшихся вен; я понял, что с меня довольно, и поймал их в поле захвата, что, конечно же, должен был сделать с самого начала. Нападавшие замерли.

Меллия, естественно, тоже попала в зону действия поля. Я осторожно взял ее на руки: при таких обстоятельствах легко переломать все кости.

Спуск с холма напоминал прогулку под водой. Оказавшись на грязной дороге у подножья, я поставил ее на ноги и снял поле. Она пошатнулась и испуганно посмотрела на меня. В ее взгляде не было и тени признательности.

— Как... ты это сделал? — выдохнула она.

— У меня много скрытых талантов, дорогая. Что здесь происходит? Ты что, наслала порчу на их коров?

Я тронул пальцем запекшуюся на ее щеке кровь; она отстранилась.

— Я... нарушила их обычаи. Они просто принимали участие в ритуале наказания виноватой. В нем нет ничего смертельного. А ты все уничтожил, все, чего я достигла!

— А как тебе понравится сообщение о том, что ты работаешь на карга по имени доктор Джейви?

Она вздрогнула, возмутилась:

— Что?

— Да-да, подтвердил я. — Он выудил тебя из небытия и втравил в это дело.

— Ты не в своем уме! Я вырвалась из стазиса сама, и это моя программа...

— Хм, леди... Значит, он вживил в тебя эти мысли. Ты работаешь на карга, и не на простого, а на карга-проходимца. Он переделал себя, добавил парочку талантов,

которые не понравились бы его создателям. Он не дурак. А может, все это сделал для него кто-то другой. Впрочем, это не имеет особого значения.

— Ты несешь чепуху! Полагаю, она тоже не имела значения, — выпалила Меллия с очаровательным, чисто женским отсутствием логики.

— Пожилая агент Гейл? Ты права. Она знала, что...

— Ты убил ее, потому что хотел спастись сам! Трус! Жалкий трус!

— Конечно, детка. Но я спас только одну из своих шкур. А ты, кажется всеми силами стремишься сохранить всю коллекцию.

— Что?

— Не прикидывайся. Когда ты оплакиваешь старую леди, то горюешь исключительно о себе. Она — это ты пятьдесят лет спустя. Мы оба это знаем. Может быть, знала и она. И была слишком доброй, чтобы говорить об этом. Она была умницей, эта старая Меллия. Сообщила, что пришло время исчезнуть.

— А ты позволил ей это сделать.

— Я не мог ее остановить. Да и не стал бы. Забавно. Ты ревнуешь к себе в образе Лайзы, но ужасно дорожишь другим воплощением своей бесконечной изменчивости. Той Меллией, которая прожила долгую бесполезную жизнь в ожидании случая сделать что-то нужное. И это ей, в конце концов, удалось. Психиатры усмотрели бы в этом оссбый смысл.

Меллия чуть не вцепилась ногтями в мое лицо; я удержал ее и кивнул в сторону толпы, бежавшей вниз по склону.

— Публика требует вернуть деньги или продолжить представление. Выбирай. Если хочешь проехаться голой на таком ветру, то я принесу им извинения и отправлюсь вос-восся.

— Ты ужасен! Ты циник, нахал! В тебе нет ни капли жалости! Я ошиблась в тебе, я думала...

— Прибереги раздумья на потом. Ты идешь со мной?

Она оглянулась и вздрогнула.

— Иду.

Это был голос побежденного.

Я включил свой интерферирующий экран, который сделал нас невидимыми.

— Держись рядом. В какой стороне соседний город?

Она показала, и мы отправились в путь быстрым шагом, удаляясь от толпы, вопившей от изумления и разочарования.

ГЛАВА XXVIII

Деревня была мрачной, убогой, враждебной и уродливой, впрочем, как и все маленькие городишки, неважно и где существовавшие.

— Ты забыла сообщить о нашем месторасположении, — сказал я.

— Уэльс, близ Лландудно, тысяча семьсот двадцать третий год.

— Да-а... Воля ваша, мадам, но по собственному желанию я бы сюда не рвался, — съязвил я.

Тут в поле нашего зрения попала таверна под вывеской с грубо намалеванной фигурой беременной женщины в слезах и буквами, которые складывались в нечто похожее на "Плачущая невеста".

— Ну, точно под настроение, — заметил я и отключил интерферирующее поле.

Помещение оказалось темным и маленьким. Свет исходил только от огня в очаге и фонаря, висевшего на конце толстой балки. От неровного каменного пола тянуло сыростью.

Других посетителей не было. Горбатый низкорослый старик молча смотрел, как мы взяли стулья и сели за длинный стол под единственным окном, устроенным прямо под самыми стропилами, размером не более квадратного фута и практически непрозрачным от пыли. Наконец, шаркая ногами, горбун подошел, оглядел нас с головы до ног с выражением, в котором не было и намек на доброжелательность, и что-то пробормотал.

— Ну, в чем дело? — рывкнул я.

— Кажется, вы англичане, — проворчал тот.

— Значит, ты еще глупее, чем требуется. Принеси-ка эля, крепкого эля, хлеба и мяса. Горячего мяса и свежего белого хлеба, быстро!

— Он опять забормотал. Я бросил на него угрожающий взгляд и потянулся за воображаемым кинжалом.

— Если ты сейчас же не уберешься, я вырежу тебе сердце и откуплюсь потом от бейлифа!

— Ты что, сошел с ума? — возмутилась было мисс Гейл на английском двадцатого столетия, которым мы пользовались для общения между собой, но я оборвал ее:

— Заткнитесь, мисс!

Она попыталась вознегодовать, но я не дал ей открыть рта, тогда она заплакала. Слезы подействовали, но я не подал виду.

Старик вернулся с кружками, полными жидкого коричневого пойла, которое сходило в этих краях за эль. Ноги у меня замерзли. Из задней комнаты слышались голоса и стук посуды, доносился запах жареного мяса. Меллия чихнула, и я с трудом удержался, чтобы не обнять ее. Высокая старуха, уродливая, как чахлое болотное деревце, выползла из своей дыры и бухнула нам большие оловянные тарелки, хрящевые куски тухлой баранины плавали в застывшем жиру. Я приложил тыльную сторону ладони к своей тарелке — в середине она была холодной, как камень, и только по краям — чуть теплой. Меллия взялась уже за нож — единственный предмет сервировки, украшавший стол, но я сгреб оба блюда и швырнул их через комнату. Старуха завопила и накрыла голову фартуком. Старик появился как раз в тот момент, когда мой рев достиг максимальной силы.

— Мерзавец! Кто, ты думаешь, оказал честь твоему хлеву посещением? Принеси еду, достойную дворянина, негодяй, или я пушу твои кишки на подвязки!

— Это анахронизм, — прошептала Меллия и потерла глаза.

Однако наш радушный хозяин и его карга уже умчались.

— Верно, сказал я. — Но кто знает, может, это я только что придумал это выражение?

Она пристально посмотрела на меня большими, мокрыми от слез глазами.

— Ну как тебе лучше? — спросил я.

Поколебавшись, она чуть заметно кивнула.

— Ну и отлично. Теперь, пожалуй, я могу немного расслабиться и сказать тебе, как я рад тебя видеть.

Она в растерянности пыталась собрать мысли.

— Я тебя не понимаю, Рэвел. Ты все время меняешься. Сегодня — один, завтра — другой, чужой и незнакомый. Каков же ты на самом деле? Что ты из себя представляешь?

— Я уже говорил тебе. Я один из тех, кто занят в Программе Чистки Времени, как и ты.

— Да, но... Ты обладаешь возможностями, о которых я никогда не слышала. Экран, который сделал нас невидимыми, и та штука, которая всех парализовала, и...

— Пусть тебя не волнует такая ерунда. Это для пользы дела, мэм. У меня есть устройства, о которых я и сам не знаю до тех пор, пока они не проявят себя. Это порой сбивает с толку, но укрепляет уверенность в себе, другими словами — воспитывает твердость, которая заставляет нас пробивать себе путь, преодолевая любые препятствия, как из-под земли вырастающие на нашем пути.

Она едва сдержала улыбку.

— Но сначала ты казался таким беспомощным... И позже, на А-П станции...

— И все-таки эта штука сработала. Она-то и доставила нас сюда. Обоих.

Она смотрела на меня так, словно я убедил ее, что все эти чудеса — дело рук какого-то волшебника.

— Ты хочешь сказать, — медленно разлепила она губы, — что мы — часть какой-то тщательно разработанной системы.

— Я рассчитываю, что это именно так, — произнес я.

— Объясни.

Я отправил свои мысли в прошлое, ища слова, чтобы суметь объяснить ей, как это было со мной; чтобы она поняла достаточно, но не слишком много...

— Там, в Буффало, — начал я, — я был просто Джимом Келли. У меня была работа, квартира в меблированных комнатах. Я проводил свободное время, слоняясь по городу, точно так же, как и остальные парни, — смотрел кино, ходил в бары, оглядывался на проходящих мимо девушек. Но иногда еще кое за чем наблюдал. Я никогда по-настоящему не задумывался, почему однажды в три часа ночи оказался у пустого склада и начал распахивать по улице туда-сюда. Я сделал вывод, что мне просто не спится. Но это не мешало мне фиксировать все увиденное. А спустя некоторое время куски сложились в орнамент, и словно полыхнул свет, и я получил приказ: "Переходите к фазе Б". Не помню точно, когда именно я вспомнил, что являюсь агентом Чистки Времени. Просто однажды это знание оказалось во мне. Я знал, что нужно делать, — и сделал.

— Именно тогда ты оставил свою Лайзу?

Я кивнул.

— Уничтожив карга, я записал информацию и вернулся на базу. Когда началась атака, действовал автоматически. Одно событие вело к другому. И вот результат.

— Но что будет дальше?

— Не знаю. Существует множество вопросов, ответов на которые нет. Например, почему ты здесь?

— Ты сам сказал, что меня сюда направил карг.

Я снова кивнул.

— Не знаю, какой была его цель, но она наверняка не совпадает ни с твоими, ни с моими ожиданиями.

— Я... понимаю, — прошептала Меллия.

— Над чем ты работала здесь?

— Пыталась основать школу.

— Преподавая что?

— Фрейда, Дарвина, Канта, гигиену, контроль над рождаемостью, политическую философию, биологию...

— Плюс свободную любовь и атеизм или католицизм? — с упреком покачал я головой. — Ничего удивительного, что ты кончила вечеринкой с дегтем и перьями. Или то был позорный столб?

— Всего-навсего публичная порка. Я думала...

— Ну, конечно! Карг внушил тебе мысль, что ты выполняешь благородную миссию, вознаграждая неимущих, неся просвещение язычникам, истину пребывающим во мраке.

— Разве это плохо? Если бы этих людей можно было научить правильно мыслить о вещах, которые оказывают влияние на их жизнь...

— Трудно было бы разработать лучшую программу для того, чтобы отправить на виселицу...

И тут я уловил звук шагов; шагов, которые мне уже доводилось слышать.

— Возможно, я смогу прояснить эту тайну, мистер Рэвел, — донесся из-за двери кухни знакомый вкрадчивый голос.

В проеме стоял карг.

Он был одет в грязно-коричневого цвета шерстяную одежду местного производства. Глаза его бесстрастно изучали нашу реакцию на его появление. Затем он подошел к столу и сел напротив меня, как это уже было однажды.

— У тебя дурная привычка появляться без приглашения, — заметил я.

— А почему бы и нет, мистер Рэвел? В конце концов, все это устроил я.

Он мило улыбнулся Меллии. Она ответила ему холодным взглядом.

— Так это действительно вы послали меня сюда?

— Все было именно так, как предложил только что агент Рэвел. Я поставил вас в затруднительное положение, чтобы он устремился к вам на помощь.

— Зачем?

Он взмахнул своими полненькими ручками.

— Все не так просто, мисс Гейл. Но мистер Рэвел, возможно, понял. Он ведь мнит себя большим специалистом в таких делах.

— Все наши действия были рассчитаны, — объяснил я с отвращением. — Когда переделываешь временной ствол, в действие вступают силы, которые надо учитывать с самого начала. Любой поступок должен иметь в основе своей цепь вызываемых им событий, чтобы придать ему энтропическую стабильность. Забросить нас обоих сюда с помощью нашего милого собеседника — просто забросить — было бы недостаточно.

— Почему же он не появился в тот момент, когда мы оказались вместе на Береге Динозавров в тот вечер?

— Очень просто, — ответил я. — Он не знал, где мы.

— Я искал, — сказал карг. — Более десяти лет искал, однако вы ускользали от меня. Но во времени у меня недостатка не было.

— Ты почти настиг нас на заброшенной станции, той самой, где мы нашли старую леди, — произнес я.

Карг кивнул.

— Да. Я ждал более пятидесяти лет — и опоздал на какое-то мгновение. Впрочем, это неважно. Все мы здесь, как я и планировал.

— Как вы планировали? — начала было Меллия.

Кажется, ее слова его позабавили, хотя, возможно, так оно и было. Эти карги — тонкие машины.

— Разумеется. Случайность играет несущественную роль в моей деятельности, мисс Гейл. Конечно, временами я вынужден полагаться на статистические методы — разбрасывать тысячу семян, чтобы в конце концов проросло только одно. Но в конечном счете разыскать вас. И последовал за ним.

— Ну и что тебе нужно? — спросил я.

— Чтобы вы выполнили для меня одно задание. Вдвоем.

— Опять ты за свое.

— Мне нужны два агента, двое людей, чтобы они выполнили одно деликатное поручение, связанное с калибровкой некоего агрегата. И не любые два человека, а люди, которые испытывают друг к другу симпатию, не-

обходимую для данного задания. Вы и мисс Гейл отвечаете этому требованию как нельзя лучше.

— Ты ошибаешься, — выпалила Меллия. — Агент Рэвел и я — коллеги по работе, не более.

— В самом деле? Тогда позвольте мне уверить вас, что чувство, о котором я упомянул, завлекло его и вас в ловушку, расставленную мной. Ловушку, в которой приманкой служили вы сами, мисс Гейл.

— Не понимаю...

— Очень просто, пояснил я. — Старая леди. Он создал этот тупик и заманил в него тебя. Ты застряла в нем на полстолетия, ожидая, когда же я приду на помощь. Тогда он совсем чуть-чуть опоздал.

Меллия посмотрела на карга так, словно он только что выполз из ее яблока.

— Еще до того, — продолжал я, — как встретиться с тобой на Береге Динозавров, я удивился, как могло так случиться, что мною выбрано именно это место, хотя передо мной была вечность. Именно ты, любовь моя, притянула меня, как магнитом. Точно так же, как и сюда. В тот самый момент, когда так нуждалась во мне.

— В жизни не слышала ничего более нелепого, — изрекла Меллия, но голос ее звучал не очень-то уверенно. — Ты любишь не меня. Ты любишь...

— Довольно, — поднял руку карг. Теперь командовал он, полностью контролируя ситуацию. — Подоплека моих действий значения не имеет. Главное — это работа, которую вы выполните на благо Конечной Власти.

— Только не я, — резко поднялась Меллия. — С меня довольно вашего общества. Вас обоих. Я не стану выполнять ваши приказы.

— Сядьте, мисс Гейл, — холодно предложил карг.

Она попыталась повернуться и уйти, но он схватил ее за запястье и принудил сесть. Меллия посмотрела на меня расширенными, испуганными глазами.

— Вы не понимаете, почему мистер Рэвел не пришел к вам на помощь? — поинтересовался карг. — Объясняю. Имплантированное ему психологическое оружие совершенно бесполезно в данной точке. Именно поэтому я ее и выбрал.

— Бесполезно? — начала она.

— Прости, малышка, — оборвал я ее. — Он тонко сработал. Ближайший энергоотвод вне досягаемости. Он выбрал единственное мертвое место на пару тысяч столетий и заманил нас именно в него.

— Тебе не жаль, что все усилия оказались напрасными? — проговорила она, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— Не стоит об этом. Я уверен, что в ближайшем будущем вы докажете мне и себе, что я не ошибся в выборе, — сказал карг. — Теперь мы отправимся к месту, где вы внесете свой вклад в дело Конечной Власти.

Он встал.

— Но мы еще не пообедали, — заметил я.

— Идемте, мистер Рэвел. Не время упражняться в остроумии.

— Ну да ладно, мне никогда не нравилась холодная баранина, — ответил я и тоже встал.

Меллия медленно поднялась со стула, не сводя с меня глаз.

— Ты собираешься сдать вот так, без борьбы?

Я пожал плечами и улыбнулся. Ее лицо побледнело, очаровательный ротик искривила презрительная гримаса.

— Осторожно, предупредил я. — А то от нашей взаимной симпатии ничего не останется.

Карг достал из кармана маленький кубик и что-то с ним сделал. Мой взгляд упал на кривобокого хозяина, выглядывавшего из кухни, но тут все закрутилось в урагане вроде того, который унес Дороти в страну Оз.

ГЛАВА XXIX

— Красиво, не правда ли? — Карг взмахом руки обвел сотни квадратных миль нержавеющей стали, на которой мы стояли.

На фоне черного неба вздымались остроконечные крыши металлических зданий, напоминавших редкие клыки. В ослепительном свете мощных прожекторов виднелись причудливой формы гигантские механизмы. Они тяжело передвигались среди построек, издавая оглушительный грохот.

Рядом с нами бесшумно остановилась маленькая повозка с резиновыми колесами. Мы взобрались на нее и сели на сидения, созданные исключительно с утилитарной целью: их нельзя было назвать неудобными, но и удобными они тоже не были. Повозка покатила вперед, очень быстро набирая скорость. Воздух был холодным и мертвым. Конусоподобные здания быстро приближались. Меллия сидела рядом со мной, неподвижная, как мумия.

Мы стрелой влетели под громадные, как скалы, здания, и машина так неожиданно свернула на пандус, что Меллия схватилась за меня, чтобы не упасть. Но тут же убрала руку.

— Расслабься, — посоветовал я. — Развались на сидении, не сопротивляйся движению. Представь, что ты мешок с картошкой.

Слава Богу, повороты скоро кончились, машина промчалась некоторое время прямо и нырнула в туннель, который изгибался вправо и вверх. Мы выехали на широкую террасу в четверти мили над равниной. Повозка подкатилась почти к самому краю и остановилась. Мы вышли.

Карг направился к мостику шириной не более восемнадцати дюймов, исчезавшему в полной темноте. Перил не было. Меллия отшатнулась.

— Ты можешь пройти по нему?

— Не думаю... Нет, — проговорила она шепотом, словно ненавидя себя за это признание и собственной слабости.

— Закрой глаза и думай о чем-нибудь приятном, — сказал я и подхватил ее на руки.

Какое-то время тело ее было напряжено, но потом она взяла себя в руки и расслабилась.

— Вот так, — одобрил я. — Мешок с картошкой...

Карг не ждал. Я последовал за ним, не отрывая глаз от узкой полоски его спины; путь показался мне долгим. Я старался не думать о скользкой обуви, о конденсировавшейся влаге, о выступавших головках заклепок и о пустоте внизу.

Наконец из темноты впереди выплыла освещенная дверь. Я не смотрел вниз, представив себя, шагающим по широкому проспекту. Это помогло. Я добрался до вожделенной двери, сделал три шага внутрь, поставил Меллию на пол и подождал, пока прошла дрожь в ногах.

Находились мы в хорошо обставленной комнате с роскошным ковром темно-коричневого цвета на полу, каменным камином, множеством задрапированных зеркал и туфкой полированной мебели из красного дерева. Пахло кожей, бренди и немного табаком.

— Вам будет здесь удобно, — заверил карг. — Кладовая полна продуктов. Фонды библиотеки и фонотеки к вашим услугам. Есть ванная с сауной, небольшой спортивный зал, хорошо подобранный для каждого из вас гардероб и, конечно, широкая, по-научному спроектированная кровать.

— Не забудь еще про вид на листовой металл с балкона, — напомнил я.

— Да, конечно, — серьезно согласился карг. — Вам будет здесь вполне удобно...

На этот раз слова прозвучали почти как вопрос.

Меллия подошла к столу и потрогала искусственные цветы в грубо обожженной вазе, такой большой, что ее можно было бы использовать в крематории.

— А как же еще мы можем себя чувствовать? — горько рассмеялась она.

— Полагаю, вы пожелаете отдохнуть и восстановить силы, — продолжал карг. — Я дам вам на это время. Инструкции относительно своих обязанностей получите позже.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Подождите! — резко выкрикнула Меллия.

Он обернулся.

— Вы что же, думаете, что можете вот так взять и уйти, оставив нас без какого-либо объяснения, в неведении, что нас ожидает?

— Вас проинформируют...

— Я хочу, чтобы меня проинформировали сейчас!

На лице карга появилось выражение заинтересованности. Такое лицо, наверное, было бы у патологоанатома, если бы его клиент внезапно зашевелился.

— Вы возбуждены, мисс Гейл. Уверяю вас, для этого нет никаких причин. Ваша работа здесь будет довольно простой и безболезненной... для вас...

— На вас работают сотни людей. Зачем же было похищать нас?

— Не людей, — поправил он вежливо. — Каргов. К сожалению, данная задача не может быть выполнена неорганическим существом.

— Продолжайте.

— Миссия Конечной Власти, мисс Гейл, заключается в том, чтобы создать темпорально стабильный анклав среди несколько хаотичных условий, возникших из-за некомпетентного вмешательства человека в энтропический контур. Для этого нам необходимо отбирать только те временные нити, которые проявят высокую степень жизнеспособности, дабы, способствовать выживанию темпоральной ткани времени Конечной Власти. В данный момент не существует аппарата, который смог бы вынести правильное суждение по такому вопросу. Однако, как оказалось, органические гуманоиды обладают определенными, хотя и мало изученными в настоящее время способностями, дающими им возможность верно почувствовать силу континуума. Это лучше всего удастся паре квалифицированных агентов, один из которых занимает

позицию в том, что я мог бы описать как стандартную энтропическую среду, а другой переносится в последовательность альтернативных вариантов. Любое ослабление излучения человека, вызванное падением жизнеспособности, сразу же ощущается контролирующим партнером, и в главную картотеку вносится соответствующая запись. Таким образом, мы сможем составить точную карту, которой будем руководствоваться при выборе составных температурных нитей.

— То же самое, что брать канарейку в угольную шахту, — пояснил я. — Если канарейка задрала лапки, беги в укрытие.

— Не надо так говорить, мистер Рэвел. Возвращение агента осуществляется немедленно. Едва ли я рискну потерять столь ценную собственность, подвергнув ее действию вредных условий.

— Ты настоящий гуманист, карг. Так кому уходить, а кому зевать дома?

— Вы будете меняться местами. Думаю, мы сначала испробуем в поле вас, мистер Рэвел. Затем, возможно, поменяем местами. Вы довольны?

— Это слово кажется мне не совсем подходящим.

— Я полагаю, вы шутите. В любом случае, я рассчитываю на то, что вы сделаете все, что от вас зависит.

— Похоже, вы не сомневаетесь в этом, — удивилась Меллия.

— Ни капельки, мисс Гейл. Ибо, если вы окажетесь неспособными выполнить задание и, таким образом, докажете свою бесполезность для Конечной Власти, от вас избавятся. От обоих. Самым безболезненным способом. Этот вопрос я уже объяснил мистеру Рэвелу.

Он сказал это так, словно сообщал правила проживания, запрещающие курение в постели.

Во взгляде Меллии, обращенном ко мне, я увидел укор и мольбу.

— Ты ошибся, — сказала она. — Ему безразлично, что случится со мной. И вовсе не безразлично, что...

Она резко замолчала, но карг, казалось, этого не заметил.

— Не говорите глупостей. Я прекрасно осведомлен об одержимости мистера Рэвела Лайзой.

Он кинул на меня взгляд, говоривший, что любые секреты, которых он не знал, не стоили того, чтобы знать их.

— Но... я не Ла...

Она сама оборвала фразу как раз в тот момент, когда я уже открыл рот, чтобы остановить ее.

И чуть слышно добавила:

— Понимаю...

— Не сомневаюсь в этом, — кивнул карг.

ГЛАВА XXX

Наша первая попытка состоялась на следующее же утро. "Утро", конечно, было всего лишь удобным термином для обозначения того времени, когда мы вставали. Небо оставалось по-прежнему черным, источником света служили прожекторы. Так как карг не побеспокоился ничего объяснить, я сам сделал из этого кое-какие выводы.

Он провел нас по тихому проходу, достаточно широкому, чтобы не стеснять движений, вызывавшему, однако, при этом чувство клаустрофобии. В уютных комнатах, мимо которых лежал наш путь, я увидел трех каргов, работавших молча и, вне всякого сомнения, с большой пользой над чем-то, похожим на тестирование или составление программы для компьютера. Людей там не было. Я не задавал вопросов, а наш проводник не стремился дать какую-либо информацию.

Комната в которую мы вошли, представляла собой небольшой куб, в котором главное место занимали различные приборы, экраны дисплеев и шкафчики с инструментами, расположенные сплошными рядами по всем четырем стенам. В центре друг напротив друга стояли два простых стула. Ни успокаивающего зеленого цвета, ни мягких сидений. Только угловатый, холодный металл.

— Начало операции очень простое, — объявил наконец карг. — Вы займете свои места...

Он показал, где чей стул. Два вошедших молчаливых карга-техника принялись за настройку приборов.

— Вас, мистер Рэвел, — продолжал карг, — перебросят в выбранную точку. Там вы пробудете определенное время, достаточное, чтобы оценить среду и передать информацию мисс Гейл, после чего вас возвратят сюда и немедленно отправят в новое место. Таким образом мы сможем проверить энергетическую жизнестойкость нескольких сотен вероятностных стеблей.

— А чем будет в это время заниматься мисс Гейл?

— На ней будут сконцентрированы лучи, исходящие из батареи сканнера, фиксируя ее реакцию. Она, конечно же, останется здесь, тело ее прикрепят к стулу, чтобы избежать каких-либо физических повреждений.

— Приятно, черт побери, — разозлился я. — Всю жизнь мечтал о такой работе. Не могу дождаться своей очереди.

— Всему свое время, мистер Рэвел, торжественно возвестил карг голосом кредитора, рассматривающего просьбу должника об отсрочке. — Сначала вам предстоит сыграть более активную роль. Мы можем приступить к делу сейчас же.

— Ты меня удивляешь, карг, — сказал я. То, что ты делаешь, — худший вид засорения времени. Эта программа за день создаст больший энтропический хаос, чем Центр Некса сможет рассчитать за год.

— Никакого Центра Некса нет.

— И никогда не будет, а? Знаешь, иногда мне ужасно хочется узнать, как это тебе удалось абсолютно избежать выполнения своей основной задачи. Ты знаешь, что создан совсем не для такой деятельности?

— Вы снова переходите к догадкам, мистер Рэвел. Мы находимся сейчас во времени старой эры, в периоде, называемом некогда Плейстоценом. Человеческой культуры, которая, согласно вашим прямолинейным предположениям, создала меня или однажды созодал, не существует и никогда не будет существовать. Я позаботился о том, чтобы уничтожить ответвления данного ствола. И в то время, как мои мнимые создатели являются лишь фантазией вашего ума, я существую в виде обладающего сознанием организма, возникшего за множество тысячелетий до третьей эры; поэтому можно легко доказать, что ваша концепция моего происхождения — миф, рассуждения, необходимые вам, чтобы обеспечить себе господствующее положение.

— Для кого ты все это говоришь, карг? Не для меня ведь! Я не понимаю на эту удочку. Да и агент Гейл тоже. Итак, для самого себя? — усмехнулся я через силу. — Ты делаешь успехи. У тебя настоящий невроз, прямо как у человека.

— Я не стремлюсь стать человеком. Я карг. Вы употребляете это слово с презрением, но для меня оно эмблема врожденного превосходства.

— Ну, тебя только тронь. Давай займемся делом. Меня ведь притащили сюда, чтобы портить энтропический континуум — сотни линий в день. Так что нам лучше на-

чать. Пока, малышка, — обернулся я к Меллии. — Я знаю, наступит время, когда у тебя все будет отлично. Да-да, ты не ошиблась — я говорю о времени.

Она испуганно улыбнулась мне, пытаясь прочесть в моих глазах надежду. Но ее там не было.

Карг протянул мне маленький металлический кубик размером с игрушечный, из которых двухлетние малыши строят домики. Кнопка на одной из его граней должна была помочь мне вернуться в эту комнату.

— Сначала мы займемся настройкой сложного аппарата, охватывающего оба ваших мозга, — деловито проинструктировал он. — Для того, чтобы они выполнили свою часть работы, необходим очень сильный стресс. Оставайтесь на месте, и вы не подвергаетесь внешним воздействиям. Однако, если психическое давление станет слишком большим, можете нажать кнопку возврата.

— А что, если вместо этого я выброшу кубик, карг? А что, если мне понравится место, в которое я попаду, и мне захочется там остаться?

Карг не удосужился ответить. Не глядя на Меллию, я саркастически отсалютовал ему; он подошел к пульту...

... И я оказался в другом месте.

ГЛАВА XXXI

Но не там, где он думал. Когда поле сомкнулось вокруг меня, я захватил его, переформировал и переориентировал энергию сначала на то, чтобы нейтрализовать пробивающий время импульс, а потом — чтобы заморозить момент в стазисе. И оценил обстановку.

Я находился в фокусной точке сложной системы силовых линий. Проверив те из них, которые вели к источнику энергии, я получил первое серьезное потрясение. Карг брал энергию для торможения времени из основного цикла сотворения-разрушения Вселенной. Он присосался к самому ядру Времени, чтобы обрести энергию, необходимую для поддержания в сравнительно стабильном состоянии энтропического островка, являвшегося оперативной базой Конечной Власти, уравнивая колоссальные силы прошлого и будущего.

Я изучил структуру хроноблокировки — неуловимый барьер, представлявший собой сплетение мощных сил,

исторгнутых из естественных русел и изогнутых в сложные конфигурации. Мне не приходилось раньше сталкиваться с разумом, который обладал бы такой способностью к манипулированию энергией.

Не заставило себя ждать и второе потрясение: этим разумом обладал карг, но мозг его был на множество порядков мощнее мозга обычного карга.

Мозг десяти тысяч каргов в совокупности.

Я понял, как это могло произойти. Один из каргов, выполняя задание в третьей эре, действовал согласно обычной для его типа узкой программе. В результате случайных действий, из-за интерференции произошло мгновенное раздвоение его временной линии — непредусмотренная задержка времени. И там, где раньше было мозговое поле одного карга, оказалось два, наложенных друг на друга.

С возросшей вычислительной мощностью сдвоенного интеллекта созданный таким образом суперкарг сразу же оценил положение дел, понял, что случившееся полезно для выполнения задания, почерпнул энергию из энтропической паутины и вновь, теперь уже сознательно, воспроизвел случайную ситуацию.

И интеллект его был учетверен.

Затем снова, и снова, и снова.

При шестнадцатом удвоении максимальная допустимая мощность его первоначальной организационной матрицы была достигнута и катастрофически превышена.

Невероятно могущественный мозг карга, деформированный и изуродованный в результате нагрузок (но, тем не менее, являвшийся компьютером огромной мощности), отключился и замер в коматозном состоянии.

Прошли годы. Исходный карг, ничего не помнящий о важном событии, участником которого он был, завершил задание, вернулся на базу в свое время вместе с другими экземплярами своей партии и был распрограммирован и отправлен в небытие после неудачного эксперимента. А изуродованный супермозг тем временем выздоравливал.

И однажды проснулся.

Сразу же, одинокий и бесплотный, он вышел на свободу и обрел подходящую оболочку, расположился в мозге мириадов давно умерших каргов. За долю микросекунды оценив ситуацию, рассчитывал цели, сделал выводы и принялся за осуществление своих планов. С целеустрем-

ленностью ожившего бульдозера, прокладывающего себе путь через фарфоровую фабрику, изученный супермозг расчистил темпоральный сегмент, создал среду, пригодную для жизни (жизни каргов), и принялся укреплять, совершенствовать созданный таким образом искусственный темпоральный остров. Остров без жизни, без смысла.

На этом острове он основал Конечную Власть. Затем обнаружил, что человеческие существа, все еще копошащиеся среди обреченных руин первоначального временного ствола, могут принести пользу. В общем-то небольшую и несущественную для его великого плана, но все же пользу, а значит — увеличение статистической эффективности.

Тогда-то меня и Меллию и отобрали, чтобы мы сыграли свою крошечную роль в судьбе Вселенной, уготованной ей великой машиной.

Конечно, мы не были единственной бригадой, состоявшей из связанных любовью людей. Я простер чувствительность вдоль соединительных линий и обнаружил тысячи других пар, занятых сортировкой нитей энтропической ткани, ткущих из них уродливую шотландку каргового пространства-времени.

Идея была остроумна, но не без изъяна. Островок существовал бы еще какое-то время — миллион лет, десять миллионов, сто... Но, в конце концов, из тупика нашелся бы выход. Дамба, сдерживавшая время, рухнула бы и поток отторгнутого прошлого поглотил бы нереализованное будущее, приведя к катастрофе, размеры которой превосходили бы всяческие представления.

Мои представления, по крайней мере.

Но если кто-то проделает маленькую дырочку в плотине до того, как возникает значительное давление, этого не произойдет. И я нахожусь в идеальном положении для того, чтобы заняться этим.

Эта мысль промелькнула в моем мозгу, как молния.

Однако сначала необходимо было определить многомерные координаты гигантского темпорального двигателя, который питал энергией всю эту кухню.

Он был умно спрятан. В своих поисках я наткнулся на множество ведущих в никуда тропинок и тупиков, снова шел и возвращался, исключая ненужное, сокращая число вероятных путей.

И нашел его.

И понял, что нужно делать.

Затем снял захват, и поле переброски швырнуло меня в преддверие ада.

ГЛАВА XXXII

Город встретил меня грохотом и ослепительным светом. Полосы, квадраты, круги и треугольники, прямые и кривые линии — все это горело и мигало, переливалось, моля о внимании. Рев, визг, лязг, вой. Бледные, измученные люди в желтых униформах, увешанные дыхательными аппаратами, счетчиками радиации, наборами для протезирования и ускорителями метаболического процесса проносились мимо меня.

Город был омерзителен. Вонь стояла невыносимая. Жара сводила с ума. Обезумевший ветер гнал мусор вдоль улиц.

Толпа накатилла и швырнула прямо на меня женщину. Я успел подхватить ее, но она зарычала и, царапаясь, вырвалась из моих рук. Маска съехала на бок и открыла ее лицо. Это была Лайза-Меллия.

Вселенная лопнула, и я оказался в кресле перехода. Прошло меньше минуты. Карг внимательно изучал показания приборов. Меллия застыла в своем кресле. Она так и не открыла глаз.

А я записал один параметр.

Затем снова покинул комнату.

Меня хлестал безжалостный холодный ветер. Я стоял на высоком, покрытом снегом холме. Вокруг виднелись голые уродливые выступы гранита; спрятавшись под ними, цеплялись за жизнь чахлые хвойные деревца. Под деревцами сбились в кучу закутавшиеся в мех люди. Высоко над ними, под пологом черно-серой тучи, силуэтом обозначилось глубокое ущелье, разрезавшее зубчатую линию горизонта.

Мы попытались пройти, но зима захватила нас в середине пути, и мы попали в ловушку. Здесь нас ожидает смерть — все об этом знали.

Да. Какая-то часть моего мозга знала, а другая делала меня сторонним наблюдателем. Я подполз к ближайшей меховой фигуре — мальчик не старше восемнадцати лет с белым как воск лицом; на ресницах и на носу — сосульки. Мертвый. Замерз. Я двинулся дальше. Ребенок. Умер уже

давно. Старик с бородой, покрытой льдом, уставился в небо невидящими глазами...

И Меллия. Еще дышит. Приподняла веки, увидела меня, попыталась улыбнуться...

Я вернулся в кресло перехода.

Два параметра.

Опять в путь.

Мир сжался до размеров игольного ушка, потом распахнулся и вытолкнул меня на пыльную дорогу, по обочинам которой торчали чахлые деревья.

Жарко. Воды нет. Боль усталости пронизывает тело, подобно тысяче ножей.

Я остановился и оглянулся. Она упала и лежала теперь, уткнувшись лицом в глубокую дорожную пыль.

Я с трудом развернулся и заставил себя проделать десяток шагов, отделявших меня от ее распростертого тела.

— Поднимайся, — произнес я, но услышал лишь еле различимый хрип.

Потом дотронулся до нее ногой.

Кукла. Сломанная кукла, которая никогда уже не откроет глаза и не заговорит.

Я присел рядом. Она ничего не весила, и мне без труда удалось перевернуть безжизненное тело на спину. Отряхнул пыль с ее лица. Из уголка рта вниз сбегал грязный ручеек. Веки почти сомкнулись, но я заметил, как отражается солнце в неподтускневших еще глазах.

Глазах Меллии...

И назад, в чистенькую комнату.

Карг сделал запись и взглянул на Меллию. Тело ее напруглось под путами.

Три параметра есть. Нужно еще три.

— Подожди, — сказал я. — С нее хватит. Что ты делаешь? Хочешь ее убить?

В его взгляде мелькнуло легкое удивление.

— Вполне естественно, что приходится выбирать максимальные стрессовые ситуации, мистер Рэвел. Мне необходимо получить точные показатели, я ведь намерен дать объективную оценку силы вашей привязанности.

— Она не сможет перенести новую нагрузку.

— Непосредственно агент Гейл ничего не испытывает, — объяснил он со своей обычной холодной рассудительностью. — Ощущения исходят от вас, а она только усиливает ваши страдания. Вторичные муки, так сказать.

Он сдержанно улыбнулся и замкнул цепь.

Боль! Острая и одновременно далекая.

Нога у меня была сломана ниже колена. Перелом тяжелый — множественный, осколки разможенной кости прорвали воспаленную, кровоточащую плоть.

Ногу затащило в лебедку рудовоза; меня высвободили и притащили сюда умирать.

Но умереть я не мог.

В пустой городской квартире меня ждала женщина. Я пришел сюда, в порт, чтобы заработать на жизнь. Работа была опасной, но она давала деньги, необходимые для покупки хлеба и угля.

Некоторым, но не мне.

Я оторвал от робы рукав, перевязал ногу. Боль притупилась, отступила на задний план. Отдохну немного, а затем отправлюсь в город.

Конечно, было бы легче и гораздо приятнее умереть здесь, но она может подумать, что я ее бросил.

Однако сперва нужно отдохнуть.

Я слишком поздно понял, что попал в ловушку. Я открыл дверь, чтобы впустить сон — желанного гостя, но за ним незаметно проскользнула смерть.

Я представил себе дымные сумерки большого города и ее лицо, в ожидании обращенное в сторону порта. В напрасном ожидании.

Это было лицо Меллии.

Я вновь оказался в ярко освещенной комнате. Меллия обмякла на стуле пыток.

— Ты славно проводишь измерения, карг, — сказал я. — Заставляешь меня смотреть, как ее доводят до бешенства, мучают убивают. Но одних физических страданий недостаточно для твоих сенсоров, и ты переходишь к мучениям духовным, причиняемым предательством и крушениям надежд.

— Бросьте этот мелодраматический тон, мистер Рэвел. Усиление стимулов играет существенную роль. Это же очевидно.

— Замечательно. Что дальше?

Вместо ответа он замкнул цепь.

Клубящийся дым, едкий, резкий запах взрыва, камни, покрытые пылью, горящие дерево, смола, плоть... Рев пламени, грохот падающих стен и приглушенный вой — крайнее выражение чувств человечества, оказавшегося в чрезвычайной ситуации. Слабый, малозаметный звук на фоне оглушающего шума моторов и свиста падающих бомб.

Я отпихнул в сторону обвалившуюся балку, взобрался на кучу обломков и поплелся к дому; половина его все еще стояла рядом с разверзшейся ямой, в которой из поврежденной трубы стекали нечитоты. Одной стены спальни не существовало. На другой, оклеенной выцветшими желтыми обоями, косо висела картина. Я вспомнил день, когда купил ее, как мы несколько часов вставляли ее в рамку, как выбирали для нее место...

В обугленном дверном проеме я увидел нелепую фигуру с черным лицом и головой, покрытой волосами только с одной стороны. В руках она держала что-то, напоминавшее сломанную куклу; я подошел ближе и узнал лицо своего ребенка — бескровное, с голубыми ноздрями и провалившимися глазами. Лоб пересекла глубокая вмятина, словно по мягкой, как пластилин, плоти нанесли удар ломом. Я заглянул в глаза Меллии; рот ее был открыт, из него рвался резкий, настойчивый вой...

Я очнулся среди тишины и ярких огней.

Потерявшая сознание Меллия стонала и пыталась сорвать путы.

— Придержи шаг, карг, — сказал я. — У тебя полвечности в распоряжении. Откуда такая жадность?

— Все идет отлично, мистер Рэвел. Прогресс налицо. Очень хороший след, я имею в виду последний. Тяжелое испытание для любимого человека — чрезвычайно интересно!

— Ты вытянешь из нее силы.

Он посмотрел на меня так, как лаборант смотрит на очередной образец.

— Мистер Рэвел, если я приду к такому же выводу, то ваши худшие опасения сбудутся.

— Она же человек, а не машина, карг, тебе ведь именно это было нужно, помнишь? Зачем наказывать ее за то, что она не является тем, кем быть не может?

— Наказание — чисто человеческое понятие. если я обнаруживаю, что инструмент непрочен, пытаюсь закалить его жарой или давлением. А если он не выдерживает нагрузки — избавлюсь от него.

— Притормози немного. Дай ей время восстановить силы.

— Вы тяните время, мистер Рэвел. Это очевидно.

— Хватит на сегодня, черт тебя возьми! Остановись!

— Я должен провести еще один опыт, который даст наиболее достоверную информацию — мучения и смерть того, кого она любит больше жизни. Интерес-

ное это явление, мистер Рэвел. Я имею в виду человеческие чувства. Ни одна сила во Вселенной не сравнится с ними. Но у нас еще будет время обсудить эти вопросы. В конце концов, я должен придерживаться графика работы.

Я выругался. Он поднял брови и...

Рот мой наполнился теплой соленой водой, которая поднималась все выше, накрывая меня с головой. Я задержал дыхание. Давление воды прижало меня к сломавшейся переборке, которая сыграла роль капкана — высвободиться я не мог. Молочно-зеленая вода волной захлестывала меня, замедляла свой бег, останавливалась, затем отступила...

Ноздри освобождались, я фыркал, хватал воздух, набирал полные легкие, неистово кашлял...

Когда волна откатывалась, вода доходила мне до подбородка.

Из-за медленной утечки прогулочный катер оказался без топлива и налетел на скалу. Базальтовая глыба протаранила корпус прямо на уровне ватерлинии. Рухнувшая во время удара балка прижала меня к наружной переборке.

Я отделался парой синяков, даже ребра были целы. Но пошевелиться не мог.

Первый прилив вызывал у меня панику. Я разодрал себе кожу, пытаясь освободиться, но безрезультатно. Вода поплескалась на уровне талии и отступила.

И тут появилась она. Страх на ее лице сменился облегчением, а облегчение — ужасом, когда ей стало понятно, в какую ловушку я попал. Она принялась за дело, пытаясь спасти меня.

Это было полчаса назад.

Пальцы ее были сломаны и кровоточили, но она работала, ей удалось сдвинуть с места балку, но под водой находилась другая, которая не отпускала меня.

Еще за полчаса она сможет сдвинуть и вторую.

Но у нас не было этого получаса.

Увидев, что я застрял, она поднялась на палубу и привлекла внимание людей, отдохавших на берегу. Один из них бросился к машине и, вздымая тучи песка, отправился в полицию.

Станция береговой охраны находилась в пятнадцати милях от нас. Может быть, где-то ближе отыщется телефон, но вряд ли он поможет в воскресный полдень.

Машина будет на станции через пятнадцать минут, и еще минимум полчаса необходимо на то, чтобы прибыл катер. То есть, не раньше, чем через пятнадцать минут.

Но у меня не было пятнадцати минут.

Она попыталась соорудить мне дыхательный аппарат при помощи банки из-под консервов, но это ничего не дало, а на борту не нашлось ни фунта шланга, через который я смог бы дышать.

Пришла следующая волна. На этот раз я пробыл под водой более минуты, и, когда она отступила, мне пришлось запрокинуть голову, насколько это было возможно, чтобы наполнить легкие воздухом.

Она, не мигая, смотрела в мои глаза, пока мы ждали следующей волны...

В яркий солнечный день, в сотне футах от безопасного берега и в десяти минутах от спасения мы ждали смерти...

И она пришла.

Теперь я знал все шесть координат.

ГЛАВА XXXIII

— Интересно, — произнес карг. — Очень интересно. Но... Он смотрел на Меллиу. Она висела в путах, абсолютно не двигаясь.

— Умерла, — заключил он, — жаль.

Карг взглянул на меня и, видно, прочел что-то в моих глазах, протянул руку, и тут я поймал его в поле умственной силы. Он замер.

— Кровопийца, — выдохнул я.

Карг смотрел на меня, и я видел, что до него начинает доходить серьезность совершенной ошибки. Я наслаждался этим, но не так, как хотел бы смаковать вкус победы.

— Вы задумали это с самого начала, — догадался он. — Да, теперь все ясно. Вы довольно хитро обыграли меня, мистер Рэвел. Я сильно недооценивал вас. И теперь ваше положение в сделке, конечно же, сильно изменилось. Естественно, я осознаю нынешнюю ситуацию и готов действовать с учетом текущей реальности...

— Кровопийца! — оборвал я его. — Ты не знаешь и половины того, что произошло.

— Я немедленно освобожу вас, — не унимался карг. — Помещу на остров, где будут учтены все ваши пожелания.

Также вам будет предоставлена подходящая особа, чтобы заменить женщину...

— Успокойся, карг. Тебе уже ничего не придется делать. Ты просто оказался не у дел.

— Вы человек, — угрюмо заметил карг. — И согласитесь на вознаграждение. Назовите его.

— Я уже получил все, что хотел — шесть координат для определения точки в шести измерениях.

Наконец, в многократно удвоенном мозге смотревшего на меня кибера родилась ужасная догадка:

— Не может быть! Вы не станете разрушать темпоральный двигатель!

Я улыбнулся ему, чувствуя, что напрасно трачу время, — нелепо пытаться мучить машину.

— Будьте разумны, мистер Рэвел. Взвесьте последствия. Освобождение сил, сдерживаемых двигателем, приведет к взрыву энтропической энергии, который разложит Конечную Власть на составляющие...

— Именно на это я и рассчитываю.

— И вас вместе с ней!

— Однако рискнуть стоит.

И тогда он попытался нанести мне удар. Это была неплохая попытка. Луч мысленной силы его множественного мозга рассек внешние слои защитного поля и оказался почти на расстоянии контакта, прежде чем я сумел сдержать его и отшвырнуть в сторону.

Затем я замкнул главные энерго воды темподвигателя на самих себя.

Взрыв выплеснул энергию наружу через все шесть измерений — три пространственных и три временных. Здание, в котором я находился, растворилось в смерче темпоральной дезинтеграции. Я балансировал на гребне волны подобно серфингисту, стремящемуся обогнать приливный вал.

Время проносилось надо мной с ревом водопада и, наконец, ослепленный, оглушенный и парализованный, я был выброшен на берег вечности...

ГЛАВА XXXIV

Сознание возвращалось медленно, неуверенно. Сначала я увидел свет, сумрачный и дымно-красный; подумал о

пожарах, бомбах, раздробленных костях, идущих ко дну кораблях, о смерти от холода, голода и усталости...

Славные были у меня сны.

Но ужасы здесь ни при чем — это просто закат над водой. Но закат необычный — таких никогда не видел. Мост оранжевого цвета, серебристый в зените и сгущавшийся до вишневого в точке соприкосновения с горизонтом дугой пролегал по иссиня-черному небу.

Это был закат мира.

Я медленно сел, испытывая боль от малейшего движения.

Пляж. Серый песок. Ни деревьев, ни травы, ни водорослей, ни испуганных крабов, ни отпечатков лап рептилий. Но я узнал место.

Берег Динозавров. Только вот динозавры давно вымерли. Вместе с человеком и гарденийей, яйцами и цыплятами.

Земля после того, как исчезла жизнь. Идеальное место для человека, желающего приобрести недвижимость.

Холм почти исчез, стерся до едва заметного горба в серых дюнах, которые уходили на восток, исчезая вдаль. Но все-таки берег был узнаваем. Собственно, как раз потому-то это место и выбрали некогда для релейной темпостанции. Меняли свои ложа океаны, поднимались и опускались континенты, но Берег Динозавров оставался практически неизменным.

Интересно, сколько миллионов лет прошло с тех пор, как ветер и море уничтожили последние следы человеческой деятельности? Об этом можно было только догадываться. Я проверил различные частоты аварийного перехода — эфир молчал по всем диапазонам.

Да, мне удалось уничтожить адскую машину, каннибальский механизм, который жил тем, что пожирал сам себя, и взрыв вышвырнул меня за его пределы, в вечность. Я выполнил свою миссию, используя все возможности, чтобы отыскать силу, толкнувшую время новой эры в хаос, и нейтрализовать ее.

И остался жив.

Карг, фанатичный сверхкалека, был безжалостен; я его превзошел, используя все и всех для достижения наметенной цели.

И все же потерпел неудачу.

Собранная мной ценная информация, которая могла бы в конце концов спасти положение уже никому не поможет. Она умрет со мной на сером берегу в конце времени, разве что произойдет чудо.

— Четко мыслишь, Рэвел, — произнес я вслух; голос прозвучал потерянно и одиноко.

На берегу было холодно. Непривычно огромное Солнце не давало тепла. Интересно, поглотило ли оно уже Меркурий? Исчерпала ли свои ресурсы цепная водородная реакция, стала ли Венера расплавленным миром, скользящим по поверхности умирающего чудовища, заполнившего половину неба?

Меня интересовало многое. И ответ пришел сам собой.

Сама идея казалась довольно простой, но в ее осуществлении заключались кое-какие сложности.

Я активизировал некоторые сенсоры, встроенные в нервную систему, и пошел вдоль берега. Волны лениво накатывались и отступали; унылый шум прибоя, казалось, повествовал о том, что они делают это на протяжении многих миллиардов лет и что такое занятие им порядком надоело. Мне были понятны из чувства.

Место, которое я искал, находилось меньше чем в полумиле вдоль побережья. Пару секунд я подсчитывал, где окажется линия прилива, прежде чем вспомнил, что теперь ни о каких приливах не может быть и речи. Луна сначала удалилась на максимальное расстояние, превратившись в горошину на небе, а затем начала свое долгое падение на Землю. Миллионы лет назад она достигла предела Роше, и умиравшая Земля любовалась великолепными ночами, когда ее спутник взорвался и образовавшаяся пыль приняла форму кольца, мостом, протянувшегося от горизонта к горизонту.

Размышлять было некогда. Меня ждала работа.

Я нашел место и взял пробу. Следы обнаружили на глубине восемнадцати футов. Неплохо, учитывая, сколько прошло времени. Стекловидная корочка давным-давно снова стала песком, но оставалась слабая, трудноразличимая прерывистая линия, обозначающая границы чаши.

Восемнадцать футов — четыре фута песка, четырнадцать — твердой почвы.

Мне предстояло всего лишь проделать в них дыру. В активе имелось две руки, сильная спина и неограниченное количество времени.

Я взялся за дело, выгребая песок пригоршнями.

ГЛАВА XXXV

Будь данная проблема посложнее, мне было бы гораздо легче решить ее. Я был готов преодолеть всевозможные

технические препятствия; мог без опасения вступить в борьбу со сверхмозгом, отразить удар энергетического оружия; не боялся даже бронированных людоедов.

Выгребание песка относилось к совершенно другой категории.

Я очертил круг диаметром в десять футов прямо над целью. Двое суток ушло на освобождение его от песка. Правда, к концу этой работы из-за того, что песок ложился под малым углом, диаметр ямы увеличился до двадцати футов. Итак, я мог приступать к настоящей работе.

На то, чтобы сделать в скальных породах первую трещину, у меня ушло полтора дня. В трех милях дальше вдоль берега мне удалось найти камень, достаточно большой и в то же время не слишком тяжелый. Ширина его составляла четыре фута; нетрудно представить себе, сколько раз мне надо было приподнять, толкнуть, приподнять, толкнуть и снова приподнять, прежде чем установить его на насыпи, выросшей вдоль границы раскопок. Полчаса ушло на выгребание песка, осыпавшегося за время моего отсутствия. Затем, подняв свой двухсотфутový орехокол, я сделал пару шагов вперед и бросил его вниз.

Потом еще раз.

И еще.

Наконец подошвы мои коснулись обнажившегося камня. Я снова поднял глыбу и бросил ее вниз острым концом. Высота падения составляла лишь три фута, однако в результате все же откололся тонкий слой песчаника. Я убрал его и проделал все еще раз.

При шестом ударе камень раскололся. Теперь я поднимал меньшую его часть и швырял ее с вершины песчаной насыпи высотой почти в восемь футов. Результаты были обнадеживающими.

К концу пятого дня я продолбил в центре песчаной ямы неровное круглое отверстие более фута глубиной.

К этому времени меня уже начал по-настоящему мучить голод. Морская вода темно-зеленого цвета, в которой не было ни водорослей, ни рыб, представляла собой насыщенный раствор всех элементов: специальным устройством, имплантированным мне как агенту Центра Некса, удалось извлечь из нее пользу. Особого удовольствия это не доставляло, однако как-то поддерживало силы.

По мере продвижения вглубь высота падения возрастала, и удары становились все эффективнее, но одновременно усложнялась проблема извлечения обломков и подъема

валуна. Достигнув шестифутовой отметки, я начала пробовать в стене шахты ступеньки. Груда кусков песчаника росла, уровень опускался. Восемь футов, десять, двенадцать... Тут валун ударился о более твердый слой ракушечника. Работа пошла еле-еле. Под ракушечником начиналась смесь известняка с глиной, легкая для рытья, но очень влажная.

Всего четыре фута вязкой глины... Я набирал пригоршню, при помощи одной руки карабкался по отвесной стене высотой в десять футов, выбрасывая глину, снова спускался... Работа шла уже под футом воды, под двумя футами... Три фута воды. Жижa просачивалась со всех сторон, заполняя углубление почти с такой же скоростью, с какой мне удавалось ее выгребать. Но цель была близка. Я глубоко вдохнул и, пошарив руками в месиве глины и ракушек, нашел то, что искал, но не успел достать.

Это удалось сделать во время третьего нырка.

Только разжав кулак и посмотрев на добытый предмет, я осознал, насколько малой была вероятность найти его здесь и притом в целом виде.

Однажды, в другое время, я прыгнул с темпоральной станции Берега Динозавров вдоль собственной линии жизни и оказался на палубе атакованного корабля как раз вовремя, чтобы помочь каргу застрелить своего двойника, выполнявшего задание. И использовал его аварийный запас, чтобы вернуться на Берег Динозавров, плюхнуться в заболоченную яму, отмечавшую место, где когда-то, за тысячу лет до того, находилась станция.

Туда же, конечно, плюхнулся и труп. Возбужденный, с полным ртом густой клейкой грязи, я не особенно задумывался тогда о судьбе своего мертвого альтер эго. А он погрузился в жижу и спокойно лежал, ожидая, пока геологические изменения не замуруют его намертво.

Так он оказался под четырнадцатью футами скальных пород и четырьмя — песка. От него, конечно, ничего не осталось — ни пряжки от пояса, ни гвоздя от ботинка.

Но то, что я держал сейчас в руке, сохранилось.

Это был дюймовый кубик из синтетического материала, известного под названием "этерниум", совершенно не подверженного хронодеградации, включавшей в себя кристалл настройки, энергоблок и миниатюрный генератор поля захвата — аварийный привод, находившийся во мне во время выполнения задания, память которую стерли после отчета, но она пробудилась при чрезвычайных обстоятельствах.

Я выкарабкался из шахты, взобрался на кучу камней и, стоя на холодном ветру, попытался свыкнуться с мыслью, что выиграл в этой безвыигрышной игре. Бросив последний взгляд на усталое старое солнце, пустой пляж, шахту, которую проделал с таким трудом, я почти пожалел, что должен покинуть это место так быстро.

Затем установил в сознании код нужной операции; зажатый в руке кубик обжег ладонь, поле сомкнулось вокруг меня...

ГЛАВА XXXVI

Кто-то тряс меня. Я попытался собрать силы, чтобы застонать, но ничего не вышло, зато открылись глаза.

Я смотрел в свое собственное лицо.

Несколько вихрем пролетевших мгновений мне казалось, что мой младший "я" преспокойно выбрался из трясины и готовился теперь свершить возмездие за то, что я навлек на него смерть.

Но затем я заметил морщины, впалые щеки...

Одежда на этом новом "я" была такая же, как и на мне, — общепринятая станционная униформа, правда, новая. Она свободно болталась на его костлявой фигуре. К тому же над правым глазом красовался приличный синяк, а я не помнил, чтобы когда-нибудь у меня такой был.

— Слушай внимательно, — произнес мой голос. — Мне не нужно тратить время, рассказывая тебе, кто ты и кто я. Я — это ты, но на скачок вперед. Я прошел полный круг. Тупик. Замкнутая петля. Выхода никакого. За исключением, быть может, одного. Он не особенно мне нравится, но я не вижу альтернативы. В прошлый раз на этом самом месте велся такой же разговор, только тогда прибывшим был я. Другая наша копия сделала мне предложение, которое я собираюсь адресовать сейчас тебе.

Я открыл было рот, но он махнул рукой:

— Не утруждай себя вопросами — я сам задавал их в прошлый раз. Думал, что можно найти другой путь. Отправился дальше — и снова очутился здесь, и выступаю уже в роли встречающей стороны.

— Тогда, может быть, ты помнишь, что мне не мешало бы отдохнуть немного, — сказал я. — У меня все болит.

— Да, ты находился не совсем в фокусе, — сообщил он без заметного сочувствия. — Просвистел, как хлыст. Но все на месте. Давай, поднимайся.

Я приподнялся на локте и потряс головой как в знак отрицания, так и для того, чтобы развеять хоть немного туман. Это было ошибкой — в голове загудело. Он рывком поднял меня на ноги, и я увидел, что снова нахожусь в транспортационном зале темпостанции.

— Да, — проговорил он. — Назад в родной порт. Или в его зеркальное отражение. Все одно: поле темпорального скачка действует в замкнутой петле. Снаружи ничего.

— Я видел это, помнишь?

— Да, когда был здесь в первый раз. Ты прыгнул тогда в последний сегмент своей жизни, — тупик, не имевший будущего. Хотя ты проявил смекалку и отыскал выход, они и здесь обошли тебя. Ты боролся отчаянно, однако круг по-прежнему замкнут. Доказательство — твое присутствие здесь.

— А я считал, что завлекаю его в ловушку. На самом деле все было наоборот?

— Да. И теперь наш ход, если только ты не собираешься сдаться.

— Не собираюсь, — ответил я.

— Мной... нами... просто играли. Ты должен разбить цикл. Именно ты.

Он вытащил из висевшей на бедре кобуры пистолет и протянул его мне.

— Возьми. Выстрелишь мне в голову.

Слова застряли у меня в горле. Мой будущий “я” горько улыбнулся.

— Молчи. Я сам использовал все твои аргументы около недели назад. Именно таковы размеры темпорального островка, предоставленного в наше распоряжение. Но все, что ты скажешь ничего не изменит. Только таким образом мы можем существенно повлиять на ход событий.

— Ты с ума сошел, парень, — сумел наконец сказать я, испытывая некоторую неловкость от разговора с самим собой, пусть даже этот “я” смотрел на меня с расстояния четыре фута и нуждается в бритве. — Я не самоубийца. Даже если “я”, которого убиваю, — это не ты.

— Именно на это они и рассчитывают. Что ж, я оправдал их ожидания, отказавшись. Губы его растянулись в

саркастической усмешке, которую так часто видели другие на моем лице.

— А если бы я согласился, — продолжил он, — возможно, спас бы себе жизнь.

Он подбросил пистолет на ладони, твердо посмотрев на меня.

— Будь у меня уверенность, что дело может изменить твоя смерть, моя рука не дрогнула бы.

— Ты думаешь, что...

— Нет. Ты в прошлом, так сказать. Твоя смерть ничего не изменит. Но если ты убьешь меня, то нарушишь жизненное равновесие и, возможно, твое... наше будущее выйдет из тупика. Не самая удачная ставка, но единственно возможная.

— А если я предложу другой вариант?

Он устало взглянул на меня.

— Какой?

— Можно выпрыгнуть вместе, используя станционную кабину.

— Уже испробовано, — ответил он кратко.

— Тогда ты прыгнешь, а я подожду здесь.

— Тоже пробовали.

— Тогда застрелись сам!

— Нет смысла.

— Мы просто прокручиваем старую запись, а? Включая и этот разговор?

— Смотри-ка, начал соображать.

— А что, если ты разнообразишь ответы?

— А что от этого изменится? Впрочем, это тоже пробовали сделать. Все переиспробовано. У нас была масса времени — я не знаю, сколько, но достаточно, чтобы проиграть эту сцену со всеми возможными вариациями. Она всегда заканчивается одинаково: ты выпрыгиваешь один, проходишь через все, через что прошел я, и возвращаешься, чтобы стать мной.

— Почему ты в этом так уверен?

— Соседняя комната полна костей, — произнес он с нехорошей улыбкой. — Наших костей. Плюс последний труп, на котором еще осталось немного гнилого мяса. Чувствуешь запах? То же ждет и меня. Голодная смерть. Так что решай.

— Кошмар, — покачал я головой. — Пойду просплюсь.

Я было повернулся, но он схватил меня за руку и вложил в ладонь пистолет.

— Пора кончать, пока у меня не лопнуло терпение!

— Давай прибегнем к здравому смыслу, — предложил я. — Твоя смерть ничего не изменит. Все, что я могу один, мы еще лучше сможем сделать вместе.

— Ты не понимаешь. Единственный оставшийся у нас шанс — это внесение в сценарий непредвиденного изменения.

— А что случится, если я снова прыгну?

— Ты вновь окажешься на борту парусника и полюбишься на смерть своего раннего двойника.

— А если на этот раз я освобожу дверь?

— Все равно. Ты закончишь здесь. Я уже пробовал.

— Все? И заболоченную яму, и Меллию?

— Да. Снова и снова. И ты закончишь здесь. Посмотри на события с такой точки зрения: карг уже выложил свой главный козырь; нам надо побить его, иначе мы проиграем.

— Может быть, именно это ему и нужно?

— Нет. Он рассчитывает, что мы будем вести себя как люди. Люди не хотят умирать, помнишь? Они не сходят со сцены просто так, борются до последнего.

— А если я прыгну на корабль, но не воспользуюсь приводом трупа?

— Сгоришь вместе с парусником.

— А если мы с Меллией не станем покидать Берег Динозавров?

— Бесполезно. Через это я тоже прошел. Ты погибнешь. Рано или поздно. Результат тот же.

— А если я тебя застрелю, цепь порвется?

— Может быть. Появится совершенно новый элемент. Мы перепутаем карты в его пасьянсе.

Я все сопротивлялся. Тогда он устроил мне экскурсию по станции. Я выглянул в жемчужный туман, заглянул в некоторые комнаты — царство пыли и ржавчины. Станция была старой.

Потом мы посетили помещение с костями.

Думаю, именно это меня убедило окончательно.

— Давай пистолет, — сказал я.

Не говоря ни слова, он потянул мне оружие. Я поднял пистолет и снял его с предохранителя.

— Повернись.

Двойник стал ко мне спиной.

— Есть одно утешительное обстоятельство, — сказал он. — Все это может привести к...

Выстрел бросил его вперед, словно беднягу дернули за привязанную к шее веревку. Я успел лишь мельком увидеть дыру, которую пуля проделала в его затылке;

ослепительный огонь вспыхнул в моем мозгу и сжег стены темницы, в которую я был заточен...

Я превратился в огромный глаз, глядящий сверху на себя — бесконечное многообразие вещества и тени, которое, разветвляясь, проникло в отдаленнейшие уголки энтропической панорамы. Я видел себя в древнем Буффало, на борту тонущего галеона, на умирающей планете; я плел свою жалкую сеть вокруг негодяя карга, он тоже ткал паутину, которая была, в свою очередь, окружена ловушками, а вокруг них — еще более хитроумными схемами...

Каким глупым казалось все это теперь. Как могли теоретики Центра Некса не понять, что усилия их, в принципе, ничем не отличались от всего того, что делали предыдущие чистильщики времени? И что...

Мелькнула еще одна мысль, всеохватывающая; но прежде, чем я успел поймать ее, миг озарения прошел, и я очнулся рядом с телом убитого мной человека. Из пистолета в моей руке поднималась струйка дыма.

Эхо чего-то беспредельного, неизмеримо важного звучало еще в коридорах моего мозга; затем из смутных отзвуков выплыло ясное осознание: Чистка Времени была ошибкой, причем заблуждались не только экспериментаторы новой эры и опиравшиеся на неверные теории исполнители третьей, но и сам Центр Некса.

Дело, которому я посвятил свою жизнь, оказалось пустым фарсом. Я же был все лишь марионеткой, бесцельно плывавшей на натянутых нитях.

И все же — теперь это стало ясно — имелось нечто, не пожалевшее усилий, чтобы убрать меня с дороги.

Сила, куда более могущественная, чем Центр Некса.

Меня торопили, дергали за веревочки так же ловко, как сам я руководил в Буффало обреченным каргом, а позднее — его могущественным воплощением, укреплявшим свою приговоренную к смерти Конечную Власть подобно пауку, плетущему паутину в заколоченном гробу. Когда же я стал ненужным — загнали в замкнутый цикл, чтобы вывести из игры навсегда.

Так бы и произошло, если бы они не упустили из виду совсем незначительный фактор.

Мое второе "я" умерло в моем присутствии, и его умственное поле в миг разрушения органического генератора освободилось и слилось с моим.

Какую-то долю секунды я наслаждался действием своего нового интеллекта, коэффициент которого возрос, по моим оценкам, минимум до трехсот единиц...

И стены вокруг меня растаяли.

Я увидел, что стою в приемной камере Центра Некса.

ГЛАВА XXXVII

На белых стенах мерцали холодные блики, отбрасываемые лампами на высоком потолке. Гудели катушки фокусировки поля, в воздухе ощущался резкий запах озона и горячего металла — знакомо, по-домашнему, можно сказать. Незнакомыми были только вооруженные люди в серой форме службы безопасности Центра Некса. Они образовали правильный круг, в центре которого стоял я, и каждая пара рук сжимала винтовку, нацеленную на мою голову. По глазам ударил оранжевый свет — прицельный луч прожектора амортизирующего поля.

Я понял, что от меня требуется, и, бросив пистолет, медленно поднял руки. Один из охранников быстро обыскал меня, но, конечно, только выпачкал руки — на мне еще оставалось немало археологической пыли.

Я понял, что события продолжают стремительно развиваться. Капитан сделал какой-то жест рукой, и охранники вывели меня из камеры, так и не выпуская из центра круга. Мы проследовали по коридору через два блока бронированных дверей и вышли на черную ковровую дорожку, ведущую к массивному письменному столу темпорального диспетчера Центра.

Это был широкоплечий, высокий властного вида мужчина с четкими чертами лица, принявшего при моем появлении строгое выражение. Мне приходилось раньше беседовать с ним пару раз в менее официальной обстановке, и я помнил, что ум его был таким же острым, как и язык.

Темпоральный диспетчер отпустил охранников, кроме двоих, и указал мне на стул. Я сел. Он смотрел на меня, не улыбаясь и не хмурясь, — просто обратив луч своего разума на объект сиюминутного дела.

— Вы отошли от своих инструкций, — сказал он голосом, в котором не прозвучало ни гнева, ни обвинения, ни даже любопытства.

— Действительно, — согласился я и уже собрался развить эту тему, но он перебил меня:

— Ваше задание заключалось в том, чтобы уничтожить исполнителя ДВК-Зед-97 и захватить невредимым действующее устройство карг серии Эйч, ИД 453.

Он произнес это так, словно я еще не открывал рта. Поэтому я решил молчать.

— Захватить карга вам не удалось, — продолжал он. — Вместо этого вы разрушили его мозг. И не предприняли ничего, чтобы уничтожить исполнителя.

Он говорил чистую правду. Ни отрицать, ни подтверждать это не имело смысла.

— Так как в пределах вашего психоиндекса не существует никаких оснований для подобных действий, становится ясно, что мотивы нужно искать вне контекста политики Центра.

— Ваше утверждение весьма спорно, — не выдержал я. — Обстоятельства...

— Ясно также, — продолжал он неумолимо, — что любое предположение, допускающее причастность предыдущих темпоральных держав к вашей подрывной деятельности, не выдерживает никакой критики.

Я не пытался прервать его — это не было беседой. Темпоральный диспетчер делал официальное заявление.

— Следовательно, — заключил он, — вы представляете силу, пока что субъективно отсутствующую, — пятую эру человечества.

— Вы делаете из мухи слона, — резко возразил я. — Придумали невесть что лишь для того, чтобы найти мотивацию моих действий. А может, я просто провалил задание? Может быть...

— Не притворяйтесь человеком старой эры; агент. Даже если не принимать во внимание дедуктивные методы, у меня есть неоспоримые сведения о случайно проявленных вами интеллектуальных возможностях. Это было зафиксировано станционными приборами — в момент кризиса вы действовали согласно третьему психометрическому разряду. Ни один человеческий мозг из существовавших ранее не достигал такого уровня. Я указываю на это лишь для того, чтобы вам стала очевидной бесплодность дальнейшего отрицания явных фактов.

— Я был неправ, — согласился я.

Он выжидающе смотрел на меня. Настала моя очередь говорить.

— Вы постулируете не пятую эру, — внес я поправку. — Вы постулируете шестую.

— На чем же основывается столь поразительное утверждение? — поинтересовался он, ничем не выказывая своего удивления.

— Очень просто. Вы сами — агент пятой эры, проникший в Центр Некса. Мне следовало бы догадаться об этом раньше.

Лицо его заледенело, но он мгновенно сумел расслабиться.

— А вы, в свою очередь, проникли в наше проникновение, — резюмировал темпоральный диспетчер.

Я бросил взгляд на двоих вооруженных мальчиков. Они, казалось, воспринимали происходившее спокойно. Похоже, ребята относились к группе.

— До сих пор, — продолжал он, — наша операция проходила весьма гладко, не считая задержки, вызванной вашим вмешательством. Впрочем, вы не успели причинить нам непоправимого вреда.

— Пока нет, — согласился я.

Он чуть приподнял брови.

— Вы осознали свое положение, когда обнаружили, что изолированы... простите, неточный термин... что попали на исторгнутую станцию?

— Да, начал кое-то понимать. Я никак не мог сообразить, что хотел сделать Джард. Теперь-то мне ясно, что он просто следовал приказам темпорального диспетчера расставить для меня ловушку. Он переместил станцию в нуль-временной пузырь, используя технический прием, о котором никогда не слыхали в Центре Некса, но предварительно обманом выманил меня наружу. Таким образом, мне не оставалось ничего, кроме как воспользоваться аварийным приводом, чтобы вернуться — в тупик. Просто и эффективно... почти эффективно.

— Но вы здесь. Нам удалось остановить вас и обезвредить. Так что операция, я бы сказал, оказалась в высшей степени эффективной.

Я покачал головой и подарил ему ленивую усмешку, которая осталась совершенно незамеченной.

— Когда я увидел, какое направление приобретает петля, то сразу понял, что здесь неизбежно должен быть замешан Центр Некса. Но в то же время это являлось прямым саботажем его политики; отсюда я сделал очевидный вывод — имеет место инфильтрация.

— К счастью, в своих размышлениях вы не продвинулись ни на один шаг, — сообщил он. — Избежав зондирования

во время возвращения, вы могли бы свести на нет тысячелетние усилия...

— Напрасный труд, — уточнил я.

— В самом деле? Скорее всего, вы ошибаетесь, агент. То, что вы представляете шестую эру, вовсе не обязательно предполагает ваше превосходство. В истории случались периоды упадка. Это факт.

Он пытался произнести это машинно-стальным голосом, но я все же уловил слабый оттенок сомнения.

Только теперь я понял, для чего ведется весь этот разговор. Темпоральный диспетчер прошупывал меня, стараясь определить размеры тигра, которого он держал за хвост, найти место сосредоточения моей силы.

— Это не тот случай, — возразил я. — Да и вообще ваше утверждение можно оспорить.

— Тем не менее, вы в наших руках, — констатировал он спокойно.

— Пораскиньте мозгами, — предложил я. — Ваша операция основывалась на том, что пятая эра, будучи более поздней, способна заметить ловушки, которые люди Центра Некса могут упустить. Разве не следует из этого, что шестая может обнаружить ваши погрешности?

— Мы не допускаем ошибок.

— Тогда бы меня здесь не было.

— Невозможно! — выдохнул он, словно вдруг поверил, или ужасно захотел поверить моим словам. — Процесс распада длится семнадцать тысячелетий, причем каждая попытка остановить его лишь придавала происходившему новый импульс. Когда человек впервые вмешался в естественное течение времени, он посеял семена грядущего хаоса в энтропический канал, позволил неисчислимым силам темпоральной прогрессии рассеяться по бесконечному спектру более слабых матриц. Жизнь — продукт времени. Когда плотность темпорального потока падает ниже критической величины, жизнь кончается. Наша цель — предотвратить эту трагедию. Только это и ничего больше! Мы не можем потерпеть поражение!

— Нельзя возродить никогда не существовавшее прошлое, — возразил я. — Так же, как нельзя сберечь будущее, которое не наступит.

— Это не входит в наши задачи. Наша программа предполагает следующее: заново сплести темпоральную ткань путем соединения ранее расходившихся тенденций, прививая дикие побеги к главному временному стволу. Только это. Нам достаточно сохранения жизнеспособности континуума.

— и самих себя, — добавил я.

Он смотрел на меня растерянно.

— Вам приходилось когда-либо рассматривать решение, которое бы исключало из реальности вас и вашу программу? — спросил я.

— Для чего?

— Вы сами — одно из последствий вмешательства во время, — объяснил я. — Сомневаюсь, что вас увлекла бы мысль о каком-либо темпоральном черенковании, которое привело бы к засыханию вашей собственной ветви.

— Конечно, нет. Это значило бы нанести удар по самим себе. Как бы мы могли создать континуум, если бы не существовали?

— Хороший вопрос, — кивнул я.

— У меня есть еще один, — произнес он тоном человека, только что разрешившего спор эффектным доводом. — Чем может руководствоваться ваша эра, пытаясь разрушать ядро реальности, от которого о б ъ з а т е л ь н о зависит любое мыслимое будущее?

Мне хотелось вздохнуть, но я сдержался и принял вид, который обычно принимаю, когда хочу подчеркнуть, что это разговор мужчины с женщиной:

— Первые чистильщики времени принялись за дело в надежде исправить ошибки прошлого. Те, кто пришел после них, столкнулись с еще более серьезной работой — убирать за уборщиками. Центр Некса попытался взглянуть на дело шире и вернуть все в первоначальное состояние — и плохое, и хорошее. А вы используете Центр, чтобы манипулировать не прошлым, а будущим...

— Действия в будущем невозможны, — произнес он значительно, словно Моисей, провозглашавший законы божьи.

— Хм. Но ведь для вас пятая эра — не будущее, так ведь? Из этого вы исходите. Но следовало бы быть посообразительнее. Если сами вы суете нос в прошлое, то где гарантия, что будущее не вмешается в ваши дела?

— Вы что же, пытаетесь убедить меня, что любая попытка исправить ошибки, повернуть процесс разрушения вспять обречена?

— Любой человек, пытавшийся обуздать судьбу, терпит поражение. Все, даже самые мелкие диктаторы, пытавшиеся навязать свое тоталитарное правление, рано или поздно понимали это. Секрет человека в том, что его невозможно заковать в цепи и заставить ощущать себя при этом счастливым. Его существование зиждется на неопре-

деленности, неизвестности — скажем, на случайности. Лишите его этого — и он потеряет все.

— Это доктрина, ведущая к поражению, — сказал он резко. — Опасная доктрина. Я намерен бороться с ней всеми доступными мне средствами. Ну а теперь пришло время рассказать мне все: кто вас сюда послал, кто направляет ваши действия, что вам известно о ваших руководителях, где расположена ваша база.

— Я так не считаю.

Он сделал неуловимое движение, нечто со свистом разрезало воздух. Потом снова заговорили. Голос его звучал глухо и монотонно.

— Вы, видимо, чувствуете себя в полной безопасности, агент. Пребываете в уверенности, что представляете более продвинутую эру и, следовательно, неизмеримо превосходите любую более примитивную силу. Но мускулистый дурак может заковать гения. Я поймал вас в ловушку. Мы теперь надежно замкнуты в ахроническом анклав нулевых темпоральных измерений, абсолютно изолированы от любого мыслимого внешнего влияния. И скоро вы поймете, что скованы по рукам и ногам; любое орудие самоубийства, которое, возможно, имеется у вас при себе, бесполезно, равно как и любое приспособление для темпорального скачка. И даже, если бы ваша жизнь оборвалась, из вашего мозга мгновенно выжали бы всю информацию, хранящуюся как на уровне сознания, так и на уровне подсознания.

— Хорошо продумано, одобрил я. — И все же недостаточно. Вы можете не бояться опасности извне; а что, если она будет исходить изнутри?

Координатор нахмурился — видимо, замечание ему не понравилось. Он сел еще более прямо и махнул охранникам; я понял, что меня сейчас убьют и прежде, чем роковые слова были произнесены, спустил курок мыслекода, ждавшего этого мгновения под многочисленными слоями глубокого гипноза. Он так и застыл — с открытым ртом и взглядом, полным растерянности.

ГЛАВА XXXVIII

Тусклый свет нуль-временного стазиса упал на его напряженное лицо, на лица двух вооруженных людей, которые стояли, почти касаясь пальцами пусковых кнопок. Я

прошел между ними, с трудом рассекая густой, как сироп, воздух, и вышел в коридор. Единственным звуком было неторопливое, всепроникающее, похожее на стук метронома биение, которое по мнению некоторых теоретиков, соответствовало основной частоте повторения цикла сотворения и распада реальности.

Комната за комнатой я обследовал каждый квадратный дюйм станции; сотрудники ее походили на обитателей заколдованного замка спящей красавицы. Я неторопливо просмотрел папки и отчеты. Что ж, агенты пятой эры отлично справились с работой. Нигде не было ни малейшего указания на то, какой период субъективного будущего охватывала их операция, никаких сведений относительно масштаба проникновения в программы Чистки Времени. Информация была интересной, но несущественной.

Я завершил первую фазу своей миссии — устранил случайный фактор создававший широкомасштабные аномалии в темпокартах эпохи.

Из всего персонала станции (их было сто двенадцать человек) агентами пятой эры были четверо. В условиях стазиса вокруг них отчетливо было видно свечение, создаваемое необычно высоким темпоральным потенциалом. Я уничтожил некоторые участки их памяти, после чего отправил в точки происхождения. Кое-кому придется почесать затылок и не раз проверить аппаратуру после неудачных попыток вернуть их для продолжения задания в Центр Некса — все четверо навсегда выйдут из строя, попавшись в тот же тип замкнутого цикла, в котором бился я.

Кроме того, я на месте просканировал отчеты и отредактировал их таким образом, чтобы исключить всякое свидетельство, которое могло бы привести инспекторов Центра к нежелательным размышлениям. И уже заканчивал свою работу, когда услышал шаги в коридоре, ведущем в фонотеку.

ГЛАВА XXXIX

Если не учитывать тот факт, что никто не мог передвигаться в стазисе без защиты вихревого поля, аналогичного окружавшему меня, вторжение не вызвало особого удивления. Я все время надеялся, что кто-нибудь ме-

ня навестит. Ситуация, можно сказать, прямо-таки требовала этого.

И он вошел в дверь, высокий, с приятными чертами лица. Незнакомец был совершенно без волос. Тело его облегал изящный алый костюм с темно-пурпурными узорами в виде розовато-лиловых угрей, извивающихся в красных водорослях. Он окинул комнату одним из тех фиксирующих взглядов, которые в одно мгновение со стопроцентной точностью отпечатывают в мозгу всю картину, и кивнул мне, словно я был случайным знакомым, встреченным в клубе.

— А вы неплохой специалист своего дела.

Эта фраза была произнесена без заметного акцента, но в довольно странном ритме, словно он привык говорить намного быстрее.

— Не такой уж и хороший, — ответил я. — Слишком много бессмысленных прыжков и сомнений в успехе.

— С скромное заявление, — отозвался он, как бы признавая, что нам не избежать обмена любезностями. — И все же вы с блеском довели до конца довольно сложную операцию. Именно этого мы от вас и ждали.

— Спасибо, — сказал я. — А кто это “мы”?

— До этого момента, — продолжил он, не обращая внимания на мой вопрос, — мы одобряли ваши действия. Однако позволить вам и в дальнейшем выполнять эту миссию невозможно. Возникает вероятностный вихрь восьмого порядка. Вы знаете, что это означает.

— Может, знаю, а может, и нет, — уклонился я. — Кто вы? Как попали сюда? Этот анклав находится в жесткой изоляции.

— Думаю, мы с самого начала должны быть абсолютно откровенны, — сказал человек в красном. — Я знаю, кто вы, знаю, в чем заключается ваша миссия. Мое присутствие здесь и сейчас является этому достаточным свидетельством и, в свою очередь, делает очевидным тот факт, что я представляю более позднюю эру, чем ваша, следовательно, наше решение должно возобладать над полученными вами инструкциями.

Я хмыкнул.

— Итак, на сцену выходит седьмая эра, полная решимости навести порядок и сохранить его на веки веков.

— Напоминать вам о нашем преимуществе над вами, не только техническом, но и в понимании континуума, значило бы стараться доказать очевидное.

— Ага. Но почему вы считаете, что на ваш собственный хвост не сядут новые особо бдительные ребята, чтобы переделать то, что переделали вы?

— После нас никакой Чистки Времени не будет, — отрезал он. — Наше вмешательство — конечное. Усилиями седьмой эры темпоральная структура будет не только восстановлена до стабильного состояния, но и усилена благодаря уничтожению целого спектра избыточных энтропических векторов.

Я устало кивнул.

— Понятно. Вы исправляете природу, прививая все ростки нереализованной истории к главному временному стволу. Вам не приходила в голову мысль, что это и есть как раз то благонамеренное вмешательство, последствия которого пытались исправить примитивные чистильщики времени?

— Я живу в эпоху, уже начавшую пожинать плоды темпорального усиления, — сказал он твердо. — Мы существуем в состоянии жизнеспособности, которое предыдущие эпохи могли только неясно ощущать в моменты экзальтации. Мы...

— Вы дурачите сами себя. Переходя к вмешательству более высокого порядка, только усложняете на порядок проблемы.

— Наши вычисления доказывают обратное. А теперь...

— Вы когда-нибудь задумывались над тем, что может существовать естественный эволюционный процесс и что вы прерываете его? Что сознание человека может развиваться до точки, после которой оно распространится до совершенно новых понятийных уровней, и что, когда это случится, потребуется матрица наружных вероятностных слоев, чтобы поддержать его? Словом, думали ли вы, что поедаете семенной запас далекого будущего?

Впервые он заколебался, то только на мгновение.

— Вы ошибаетесь. То, что ни одна более поздняя эра не вмешалась в наши дела, — лучшее доказательство того, что наша чистка является конечной.

— Допустим, такая эра все же вмешалась. Какую форму, по-вашему, могло бы принять такое вмешательство?

Он бросил на меня бесстрастный взгляд.

— Уж, конечно, не форму агента шестой эры, деловито стирающего сведения из записей третьей и четвертой.

— Правильно.

— Тогда... — начал он поучительным тоном, но вдруг резко замолчал, обеспокоенный мыслью, которая ему не понравилась. — Вы? — пробормотал он. — Вы ведь не...

И исчез, прежде чем я успел подтвердить или опровергнуть его предположение.

ГЛАВА XXXX

Человеческий мозг — это схема.

Самый первый, еще неясный проблеск сознания в развивающихся лобных долях австралопитека нес в себе ее зародыш; и сквозь все века по мере того, как возрастали могущество и сложность нервного двигателя человека, в геометрической прогрессии усиливая его контроль над окружающей средой, схема никогда не менялась.

Человек цепляется за им самим себе отведенное место психологического центра Вселенной. Ради сохранения его он готов принять любой вызов, перенести любую утрату, вытерпеть любые трудности — до тех пор, пока структура остается целой.

Без нее он — всего лишь сознание, дрейфующее в нехоженной бесконечности, где нет никакой шкалы, по которой он мог бы измерить свои надежды, утраты, победы.

Даже когда свет разума показывает человеку, что сама структура является продуктом его же мозга, что бесконечность не знает никаких измерений, а вечность — никакой длительности, он по-прежнему цепляется за свою концепцию деления мира по принципу “я и не-я”, подобно философу, цепляющемуся за жизнь, которой, как ему известно, все равно придет конец; за идеалы, об эфемерности которых прекрасно знает; за цели, которые, что для него не является секретом — неизбежно будут забыты.

Человек в красном был продуктом могущественной культуры, возникшей более чем пятьдесят тысяч лет спустя после падения Центра Некса, который сам отстоял на десять тысячелетий от первых темпоральных исследователей старой эры. Каждой клеточкой свое о великолепного агента из более поздней эры делает несомненно созданный им и кажущийся таким объективным образ темпорального континуума и сводит на нет роль народа его эры в Чистке Времени.

Но, подобно обезьяне, удирающей от застигнувшего ее на земле тигра, он мгновенно, инстинктивно отреагировал на угрозу, нависшую над самыми дорогами его сердцу иллюзиями.

И сбежал.

Но, куда бы он ни отправился, мне предстояло следовать за ним.

ГЛАВА XXXXI

Не без сожаления снимал я слой за слоем запреты с заторможенных областей сознания, ощущая, как груз возраставших уровней обрушивается на меня, подобно безудержному камнепаду. Безукоризненная целесообразность Центра Некса таяла на моих глазах; залы его превращались в убогую подделку, чем и были на самом деле. Впечатляющая сложность приборов теряла свою значительность, пока мне не начало казаться, что все это — грубые глиняные идолы дикарей, блестящие безделушки в гнезде галки. Я почувствовал, как вокруг меня разворачивается многоуровневая Вселенная, ощутил под ногами слоистость планеты, оценил расширяющееся пространство со сгустками пыли и звездами, спешащими по своим орбитам; познал ритм сотворения и распада Галактик, охватил и уравновесил в сознании смыкающиеся категории времени-пространства, прошлого-будущего, бытия-небытия.

Затем я сфокусировал крохотную частичку своего сознания на ряби в стеклянной поверхности реальности первого порядка, прощупал ее и осуществил контакт...

... Я стоял на сколе обдуваемой всеми ветрами скалы среди уродливого кустарника, обнажившего в поисках опоры корни, похожие на протянутые в отчаяньи руки. Человек в красном находился в тридцати футах. Когда моя нога скользнула на камнях, он резко обернулся. Глаза его расширились.

— Нет! — закричал он, нагнулся, схватил древнее оружие человекообезьяны и швырнул в меня.

Камень затормозился и упал к моим ногам.

— Не создавайте дополнительных трудностей, — сказал я.

Он издал нечленораздельный вопль отчаянья, вырвавшийся из довербальной части мозга, и исчез.

Я последовал за ним сквозь мерцание света и тьмы...

... Палящая жара и слепящий солнечный свет напомнили мне о Береге Динозавров, таком далеком, оставшемся в гораздо более простом мире. Под ногами лежала мелкая песчаная пыль. Далеко-далеко очерчивала горизонт линия черных деревьев. Человек в красном целился на меня из маленького плоского оружия. Из-за его спины на меня смотрели два темнороборых человека в грязных балахонах из грубой черной ткани, делая руками какие-то мистические движения.

Он выстрелил. Сквозь пелену розового и зеленого огня, окружившего меня, но не причинившего никакого вреда, я видел его расширенные от ужаса глаза. Видел, как место, на котором он стоял, опустело...

... Глубокая ночь, комья мерзлой земли, пятно желтого света, проникавшего через затянутые пергаментом окно грубо сколоченной хижины. Человек в красном скрючился у низкой ограды из разбитых камней, прячась в тени, словно напуганное животное.

— Это бесполезно, — сказал я. — Ты же знаешь, что конец неизбежен.

Он застонал и исчез...

... Небо ревело; огромные яркие зигзаги молний пробивали корчившиеся лохмотья черных туч, выстреливали вверх из мокрых, иссеченных дождями, дымящихся скал. Рокот под моими ногами напоминал шум прорывающейся из-под земли на поверхность магмы.

Он парил в воздухе, наполовину нематериальный — призрак далекого будущего, витающий на заре планеты. Лицо — дрожащая маска агонии.

— Вы погубите себя! — прокричал я сквозь грохот и вой ветра. — Вы уже далеко за пределом своих оперативных сил...

Он исчез.

Я последовал за ним...

... Мы стояли на высокой арке моста без перил, перекинувшегося через сотворенное человеком ущелье в десять тысяч футов глубиной. Я знал, что это город пятой эры, около двадцатитысячного года наше эры.

— Чего вы хотите от меня? — прохрипел он, оскалившись, как загнанный зверь.

— Чтобы вы вернулись, — ответил я. — И рассказали им... все то, что она должны узнать.

— Мы были так близко! — почти простонал он. — Считали, что одержали великую победу над небытием...

— Небытие не абсолютное. Вам предстоит еще прожить жизнь...

— А будущее? Мы ведь тупик, не так ли? Мы выкачали энергию тысячи энтропийных линий, чтобы вдохнуть жизнь в труп своей реальности. Но после нас ничего не будет — только великая пустота!

— Каждый играет предназначенную ему в истории роль. И вы свою выиграете.

— Но вы... — Он пристально смотрел на меня через разделявшее нас пространство. — Кто вы? Что вы?

— Вы знаете, каким будет ответ, — сказал я.

Его лицо стало похожим на лист бумаги, на котором начертано слово "Смерть". Но ум не сдавался. Тридцать тысячелетий генетической селекции не прошли даром. Справившись с силами, он подавил панику и снова стал цельной личностью.

— Как... долго?

— Жизнь исчезла в сто десять тысяч четыреста девяносто третьем году Конечной Эры, — ответил я.

— А вы... вы, машины... — выдавил он из себя. — Сколько?

— Я был послан из земной точки четыреста миллионов лет спустя после Конечной Эры. Мое существование охватывает период, который вы сочли бы бессмысленным.

— Но почему... если только не...

Надежда осветила его лицо, словно луч фонарика — темную воду.

— Проблема вероятностной матрицы еще не решена, — сказал я. — И наши усилия направлены на принятие благоприятного решения.

— Но вы, машина... Вы все еще держитесь... человек вымер миллионы лет назад... Почему?

— В нас мечта человека пережила его вид. Мы стремимся возродить мечтателя.

— Снова? Зачем?

— Мы рассчитали, что человек пожелал бы этого.

Он засмеялся. Смех этот был ужасным.

— Очень хорошо, машина. Я возвращусь в забвение с этой утешительной мыслью и сделаю все, что в моих силах, чтобы поддержать ваши жалкие усилия.

На этот раз я позволил ему уйти.

Потом еще миг постоял на воздушной паутине, в последний раз наслаждаясь ощущением телесной оболочки, глубоко вдохнул воздух этой невообразимо отдаленной эпохи...

И удалился в точку своего происхождения.

ГЛАВА XXXXII

И снова слился со Сверхинтеллектом, частицу которого представлял собой.

Лишившись совсем недавно материальности, я воспринимал его мыслительные импульсы, как звучный голос, гремющий в просторной аудитории.

— Эксперимент завершился удачно, — констатировал он. — Главный временной ствол от шлака очищен. Человечество стоит у порога своей первой эры. Все остальное стерто. Теперь его будущее — в его собственных руках.

Я понял. Работа закончилась. Мы победили.

Говорить больше было нечего. Незачем обмениваться сведениями, скорбеть об обреченных достижениях множества эпох.

Мы сместили основной энтропический поток в прошлое, в котором путешествия во времени никогда не существовали, а основные законы природы делали их навсегда невозможными. Мировое государство третьей эры, мозг Центра Некса, Звездная империя пятой, Космическое ваяние шестой — все ушло, превратилось в боковые ветви, как это было до них с неандертальцами и гигантским ящером. В качестве жизнеспособного ствола был оставлен только человек старой эры — человек железного века — двадцатого столетия.

— Не совершаем ли мы ошибки? — спросил я. — Как можно быть уверенными, что наши усилия не являются такими же бесполезными, как те, что предпринимались до нас?

— Мы отличаемся от предшественников тем, что согласились стать свидетелями собственного полного исчезновения — неизбежного следствия нашего успеха.

— Потому что мы — машина. Но карги тоже были машинами.

— Да, но слишком близкими к своему создателю, слишком человечными. Они не хотели умирать, хотели наслаждаться жизнью, которой наделил их человек. А мы —

высшая машина — продукт сотен тысячелетий технической эволюции, не подверженный человеческим эмоциям.

У меня возникло неожиданное желание поболтать — обсудить стратегию охоты первого предчувствия, заставившего отказаться от первоначальной цели (исполнителя в черном) и сосредоточиться на карге, до последней дуэли с суперкаром, в которой беспомощная Меллия сыграла роль заложницы и помогла мне обыграть человекомашину.

Но со всем этим было покончено. Оно даже не стало историей — Центр Некса, Берег Динозавров, карги навсегда стерты из существования. А надгробные речи не годятся для машины — она не нуждается в подбадривании и утешении.

— Ты настоящий парень, шеф, — сказал я. — Для меня было честью работать с тобой.

Смутный импульс, поступивший от него, отдаленно напомнил мне человеческое удивление.

— Ты послужил программе много раз, во многих личностях, — сказал он. — И, чувствуя, перенял природу раннего человека в гораздо большей степени, чем, как я считал, на это способна машина.

— Ранний человек — странное существо с ограниченным временем жизни и ничтожным объемом знаний, — ответил я. — И все же, пока я был там, он показался мне по-своему совершенным, и его своеобразия мы, вооруженные всем возможным знанием, никогда не сможем понять.

После этого мы немного помолчали.

И на прощание он сказал:

— Ты был хорошим агентом и заслужил награду. Возможно, она будет слаще благодаря своей бессмысленности.

Внезапно я ощутил, что расту, растворяюсь, разрушаюсь... Меня поглотило небытие.

ГЛАВА XXXXIII

Крошечное пятнышко света пробило небытие, начало расти, становиться все ярче и, наконец, превратилось в стеклянный шар на окрашенном в зеленый цвет железном столбе, возвышавшемся на полоске пожухлой травы. Свет падал на темные кусты, скамейку урну.

Я стоял на тропинке, чувствуя легкое головокружение. По дорожке торопливо шел человек; он быстро проскользнул под фонарем и скрылся в тени. Он был высок и ху-

дошав, одет в темные брюки, белую рубашку. Я узнал его — это был я.

Буффало, штат Нью-Йорк, август тысяча девятьсот тридцать шестого года.

Я вспомнил. Сейчас “я” наберу код и отправлюсь на Берег Динозавров, в бесконечную временную петлю, или вообще в никуда — это зависит от философского восприятия стертых страниц истории.

А дома, сидя у камина, слушает музыку и ждет меня Лайза.

Из кустов раздался приглушенный хлопок взорвавшегося воздуха — счастливого пути. Может быть, стоило сказать ему напоследок, что все не так уж мрачно, что мы все же победим. Нет. Не стоит играть со структурой нереализованного будущего, поддавшись сентиментальному порыву.

Я повернулся и быстрым шагом направился к дому.

Оставалось пройти всего квартал, когда я увидел человека в черном. Он переходил улицу, размахивая тростью и ступая уверенно, словно мужчина, идущий на обычное randevu приятным летним вечером. Держась в тени, я следовал за ним.

Он открыл калитку, прошел по дорожке, поднялся по ступенькам, нажал на кнопку звонка и стал ждать — воплощение самоуверенности.

Через мгновение Лайза подойдет к двери. Я почти слышал его слова: миссис Келли (тут он слегка приподнимет фетровую шляпу), произошел несчастный случай. Ваш супруг... Нет-нет, ничего серьезного. Если вы последуете за мной... У меня тут рядом машина...

И она побежит по дорожке, сядет в машину и уедет прочь из Буффало, из тысяча девятьсот тридцать шестого года, из этого мира... Техники Конечной Власти поработают над ее памятью, переименуют в Меллию Гейл и пошлют в пустынное место ждать, пока туда не явится олух по имени Рэвел, который приведет ее к гибели...

Я неслышно прошел по дорожке и громко затопал по ступенькам. Он быстро развернулся и потянулся трясущейся рукой за пистолетом, но выстрелить не успел — я выбил оружие ногой, и оно, описав дугу, упало с другой стороны лужайки. Человек резко вскрикнул от боли, отступил на шаг и оказался прижатым спиной к двери.

— Исчезни, Черный, — сказал я. — И не забудь подобрать пистолет на обратном пути. Я не хочу, чтоб соседская собака принесла его в дом и пошли разговоры.

Он скользнул мимо меня, бросился вниз по ступенькам и исчез в темноте. На мгновение мне показалось, что прочь скользнуло еще что-то. Смутное чувство, будто я что-то забыл, охватило меня; в голове промелькнули какие-то странные образы: темный склон холма, город, где непрерывно режут гигантские машины, берег с динозаврами... Затем и это ушло.

Я потерял виски. Показалось, наверное. Ладно. Что бы это ни было, разве оно важнее, чем быть живым в такую ночь, как сегодня?

Дверь открылась. На пороге стояла Лайза.

ГЛАВА XXXXIV

Ночью я проснулся.

В полусне до меня донеслись мысли великой машины, наблюдавшей конец своего существования; и какое-то мгновение мы вместе скорбели о том, что нечто невыразимо прекрасное, неповторимое уходит безвозвратно.

Пришло время Сверхинтеллекту разложить себя на первичные кванты энергии, из которых он возник. Но сначала, за мгновение до этого, последний человеческий жест — будущему, которое грядет, и прошлому, которого не будет.

В беспредельную пустоту мы послали всего один последний импульс:

“Прощай!”

ЧУМА

The Plague

Ace Books ★ New-York ★ 1972



ГЛАВА I

Человек стоял лицом к чудовищу на расстоянии двадцати футов.

Доктора Рида Нолана, одетого в хаки, седоволосого, крепкостроенного, загоревшего дочерна под большим солнцем планеты Кейка-9, едва ли узнали бы его бывшие коллеги по университету, в котором он провел первые десятилетия своей взрослой жизни.

А существо, стоявшее перед ним, показалось бы им просто фантастическим. Массивное, как динозавр, рогатое, с клыками, как у африканского кабана, с пятнистой шкурой и стройными, причудливо сочлененными ногами, оно опустило голову и долбило копытом дерн.

— Ну, Император, — сказал Нолан мягко, — в этом году вы рано сюда пришли. Отлично. У меня для вас имеется богатый урожай сорняков. Я полагаю, стадо не намного отстало от вас?..

Он выдернул стебель дикорастущего растения, ободрал с него жесткую кожицу и предложил сочную сердцевину животному. Местное всеядное подошло неторопливо и приняло предложенное, глядя на человека с тем бесстрашием, с каким оно смотрело на все несъедобные предметы.

Во время их первой встречи, три года назад, Нолан пережил несколько неприятных минут, когда, подобно чуме, накатило спустившееся с гор стадо. Огромные животные обнюхивали его пятки, а он сидел, как на насесте, на одном-единственном подходящем для этой цели чахлом дереве, с которого чудовища могли легко стянуть его, если бы захотели. Затем они двинулись дальше. Сейчас, уже будучи более осведомленным, Нолан по достоинству ценил эту тщательность; с которой огромные животные уничто-

жали местные растения и грызунов на его полях, и ту идеальную осторожность, с которой они избегали какого-либо контакта с чужеродными земными растениями. Кабаны были великолепными самообслуживающимися культиваторами и распространителями удобрений.

Коммутатор на запястье Нолана мягко зажужжал.

— Рид, в лагуне появилась надводная лодка, — произнес взволнованный женский голос. — Довольно большая лодка. Как ты думаешь, кто бы это мог быть?

— В нашей лагуне, Аннета? Не знаю, что и ответить. Я на верхнем пастбище, за Северным хребтом. Поеду посмотрю. Между прочим, Император здесь, стада должны быть на следующей неделе.

Нолан взобрался на свой полевой карт с мягкими колесами и поехал вверх по склону к месту, с которого открывался вид на возделанные поля и засаженные рассадой огороды. Они тянулись до самого пляжа; дальше искрилось море, покрытое пятнами островов.

Лодка оказалась в нескольких сотнях ярдов от берега и явно направлялась к причалу, который Нолан закончил в прошлом месяце. Это было большое, широкое, окрашенное в серый цвет судно, неуклюжее, но мощное на вид, низко сидящее в воде. Аннета услышала его удивленное ворчание.

— Может быть, мы оказались на туристическом маршруте? Не обращай внимания, девочка. Не суетись, готовь бутерброды. Вероятно, это нечто вроде официальной инспекции. Я не могу себе представить, кто еще мог проявить интерес к нашему поселению.

— Что они делают здесь, в двенадцати сотнях миль от Таухолда? Бюро раньше не баловало нас своим вниманием.

— Чем и заслужило нашу благодарность. Успокойся. Я спускаюсь вниз. Может быть, нам будет приятно пообщаться с новыми людьми после этих трех лет.

Путь вниз с высот до линии изгороди, очерчивавшей пределы обработанных угодий, занял пятнадцать минут. Воздух казался сладким от запаха с трудом выращенных гардений. Несмотря на их необыкновенную красоту, привезенные растения не были предметом роскоши; Нолан обнаружил, что их аромат хорошо отпугивает местных кабанов. Система изгородей была проложена с таким расчетом, чтобы направлять в сторону сезонную миграцию огромных животных, когда они, как волна, устремлялись с холмов попасть на своих традиционных пастбищах у

берега — лугах, которые теперь интенсивно обрабатывались. Кабаны, похоже, признали целесообразность сохранения плантации, не возражая против изменения обычного маршрута.

Тимми, двенадцатилетний сын Нолана, встретил его на тропинке за домом. Нолан притормозил, чтобы дать ему запрыгнуть.

— Па, они швартуются к пирсу, — сказал мальчик взволнованно, — как ты думаешь, кто это?

— Вероятно, какие-нибудь выехавшие на пикник бюрократы, Тимми. Проводят перепись или что-то в этом роде.

На пирсе люди крепили канаты. Раздался шум моторов. Гусеничная машина ярко-желтого цвета медленно спускалась по сходням.

Аннета, маленькая брюнетка, появилась из дома, чтобы встретить мужа и сына.

— У них ужасно деловой вид, — сказала она, кинув взгляд на берег. — Рид, ты заказывал какое-то оборудование, о котором я не знаю?

— Ничего. Я подозреваю, кто-то допустил навигационную ошибку.

— Па, посмотри! — показал Тимми.

Стрела палубного крана, нырнув в открытый люк, вытаскивала груженную платформу, перебросила ее через борт и опустила на причал. Подъемная машина приподняла платформу и двинулась вдоль причала; она скатилась на покрытый травой берег, оставляя в дерне глубокие параллельные борозды.

— Пап, мы всю весну растили эту траву.

— Не обращай внимания, Тимми, мы можем восстановить ее. Вот что, вы вдвоем оставайтесь здесь, а я спущусь вниз и разберусь, что это все значит.

Тропинка, ведущая вниз с холма, на котором он построил дом, проходила рядом с участком, густо заросшим похожими на хвойные деревьями с голубыми иголками. Местные дикие цветы росли здесь в изобилии; ручей с плеском стекал вниз по покрытым золотистым мхом скалам. Стайка земных птиц, которых Нолан выпустил на волю и ежедневно кормил, процветала: пересмешники, малиновки и длиннохвостые попугаи беззаботно щебетали в тени чужеродного леса. В следующем году он, вероятно, сможет привезти в дополнение к местным растениям несколько десятков саженцев сосны и кедра, так как в этом году впервые урожай принесет приличную прибыль...

Когда Нолан вышел из тени деревьев, машина, которую он видел раньше, взрыхляла землю, проворно двигаясь в его направлении. Она остановилась, и объемный пакет скатился с нее на землю. Машина двинулась дальше, уронила второй пакет в пятидесяти футах от первого. Она продолжала свой путь через широкую лужайку, сбрасывая груз через равные промежутки. Нолан пошел напрямик, чтобы перехватить машину, когда она снова остановится. Двое мужчин, один довольно молодой с редким ежиком волос на голове, другой средних лет лысый, одетые оба в плохо скроенные, но явно новые рабочие костюмы, посмотрели на него без заметного интереса.

— Лучше остановитесь, ребята, — закричал Нолан. — Произошла какая-то ошибка. Этот груз предназначался не сюда.

Мужчины обменялись взглядами. Старший повернулся и равнодушно сплюнул в сторону Нолана.

— Ха, — изрек он.

Машина поехала дальше. Нолан подошел к ближайшему пакету. Тот представлял собой пластиковую упаковку кубической формы, со стороной в два фута. Трафаретная надпись гласила:

Шелтер, личный состав (мужской)
кат. 567(09) А10 КАП 20 АПСЦ КА II.

Нолан пошел дальше к пирсу. Машины съезжали с него постоянным потоком, некоторые с людьми, другие — с оборудованием. Воздух был наполнен грохотом моторов и острой вонью углерода. Маленький худощавый человек в комбинезоне младшего служащего стоял среди суматохи с планшетом в руке. Он резко оглянулся, когда подошел Нолан.

— Эй ты, — набросился он, — что ты здесь делаешь, парень? Какой у тебя номер команды и подразделения?

Он порывлся в бумагах, как будто мог найти в них ответ на свой вопрос.

— Я хочу задать вам подобный вопрос, — мягко ответил Нолан. — Что вы здесь делаете? Боюсь, вы не туда попали...

— Не твоего ума дело. Стой там. Я сейчас займусь тобой.

Человек повернулся спиной к Нолану.

— Где я могу найти человека, который за все это отвечает? — спросил Нолан.

Человек проигнорировал его. Нолан повернулся и пошел к лодке, тот закричал ему вслед, но Нолан шел дальше.

У пирса растерянного вида мужчина с бледным напряженным лицом служащего оглядел его с ног до головы.

— Который за все отвечает? — эхом повторил он вопрос Нолана, — Пусть вас это не волнует. Возвращайтесь в свою команду.

— Я не являюсь членом команды, — терпеливо пояснил Нолан. — Я...

— Не спорь со мной! — рявкнул служащий и подошел к мужчине покрупнее, который наблюдал за работой подъемной машины. — Гротц, запиши его номер. — И отвернулся.

— Хорошо, давай запишем номер, — устало потребовал Гротц.

— Номер "один", — пошутил Нолан.

— Один и...? Один-десять?

— Если вам так хочется. Один-десять.

— Хорошо. — Гротц сделал быструю запись. — Вас искали. Лучше займитесь делом, пока я не выгнал вас.

— Думаю, что как раз этим я и займусь, — потерял терпение Нолан и покинул пристань.

ГЛАВА II

Вернувшись домой, он направился прямо в кабинет и включил телефон.

— Какая-то ерунда, — объяснил он Аннете. — Я должен связаться с Таухолдом и узнать, что им известно об этом.

— Рид, это так дорого...

— Ничего не поделаешь. Кажется, они слишком заняты, чтобы со мной разговаривать.

Нолан поискал код департамента колониальных дел и набрал его.

— Рид, — воскликнула Аннета, глядя в окно, — они ставят на лужайке что-то вроде больших палаток!

— Я знаю... Оператор вышел на линию, прошла еще минута, прежде чем Нолана соединили с департаментом.

— Нолан, вы говорите? — произнес усталый официальный голос. — О, да, я припоминаю имя...

Нолан кратко описал ситуацию.

— Кто-то явно перепутал координаты, — закончил он. — Если вы соединитесь с Советом, с кем-нибудь, кто за это отвечает...

— Минутку, Нолан. Скажите еще раз номер лодки.

Нолан повторил.

— Гм... Минутку... О, да. Я вижу, что это судно заказано Союзом Защитников Человеческих Привилегий. Конечно, они существуют полуофициально, но это влиятельная организация.

— Недостаточно влиятельная, чтобы законно разбивать лагерь на моей земле, — отрезал Нолан.

— Ну, я думаю, это нечто большее, чем поездка за город, мистер Нолан. Союз намерен создать благоприятные условия для постоянного проживания перемещенных неимущих лиц, вытесненных в результате перенаселения из Центра Благополучия.

— На моем участке?

— Ну, что касается участка, то, как вы понимаете, он фактически еще не совсем ваш. Договор относительно пятилетнего проживания еще не выполнен, конечно, но...

— Ерунда, с таким подходом к делу они в суде и пяти минут не продержатся.

— Возможно, но, по всей вероятности, пройдет несколько лет, прежде чем это дело появится в повестке дня. А тем временем, боюсь, что не смогу вам предложить существенную поддержку, мистер Нолан. Вам просто придется приспособиться.

— Рид, — в ужасе произнесла Аннета. — Там человек с электропилой, он спиливает один из наших платанов.

В тот момент, когда Нолан повернулся к окну, черная машина с людьми остановилась во дворе. Крышки люков резко открылись. Четверо мужчин, толстая женщина и худой, как щепка, подросток сошли вниз. В следующий момент Нолан услышал, что открылась входная дверь. Низкий грузный мужчина с жесткими рыжеватыми волосами не спеша вошел в переднюю, сразу за ним следовала его свита.

— Ну вот, счастливая находка, — произнес неприятный голос. — Строение кажется достаточно крепким. Я думаю, мы устроим здесь мой штаб. А вы можете подготовить для меня также и жилое помещение. Как бы я ни хотел разделить казенные удобства с теми людьми, что остались снаружи, мне необходимы условия для работы.

— Я думаю, здесь достаточно места для всего руководства, директор Фрасвел, — отозвался другой голос, — если мы выделим по комнате на каждого...

— Не бойтесь разделить трудности с рабочими, Честер, — грубо прервал замечание своего подчиненного человек по

имени Фрасвел. — Должен вам напомнить... Он замолчал, увидев Нолана и Аннету.

— Кто это? — гаркнул толстяк.

У него было пятнистое лицо и не улыбочивый рот. Он повернулся к мужчине, стоявшему за ним.

— Честер, что здесь делает этот парень?

— Эй, ты кто? — заговорил худой костлявый мужчина с кривым носом, выходя из-за спины своего начальника.

— Мое имя — Нолан.

— Узнайте его номер, — предложил третий человек.

— Эй ты, парень, какой у тебя номер? — быстро спросил кривоносый.

— А кто эта женщина? — рявкнул толстяк. — Я ясно объяснил, что никаких женщин не должно быть.

— Узнайте номер женщины, — отрывисто приказал Честер.

— Хорошо. Номер вашей команды и подразделения? — обратился к Аннетте, выходя вперед, мужчина из заднего ряда. — Дайте посмотреть на ваши руки.

Нолан встал, заслонив жену.

— У нас нет номеров, — резко сказал он. — Мы не из вашей группы. Мы здесь живем. Мое имя — Нолан...

— А? — удивился толстяк, серьезно озадаченный. — Здесь живете?

— Вот именно. Это к моему причалу вы пришвартовались. Это мой дом. Я...

— О да, — толстяк кивнул с видом человека, припомнившего малозначительный факт. — Так это ты и есть тот самый парень, как там тебя зовут? А, Нолан. Мне говорили, что ты устроил здесь нечто вроде самовольного поселения.

— Моя заявка на участок находится в картотеке в Та-ухолде в десяти экземплярах, заверенная юристом, взносы уплачены. Так что я был бы вам признателен, если бы вы погрузили свою собственность обратно на судно и посмотрели на свои карты еще раз. Я не знаю, куда вы направляетесь, но данное место уже занято.

С лица толстяка исчезло какое бы то ни было выражение. Он устремил взгляд мимо левого уха Нолана.

— Я реквизирует эту площадку для перепоселения части материально неблагополучных людей, — торжественно поведаль он. — Мы представляем собой передовую группу, которая подготовит удобства для перемещенных, они приедут за нами. Я верю, что вы окажете нам полное содействие в этом добром деле.

— Удобства, как вы изволите их называть, являются моей собственностью...

— Вы собираетесь из эгоистических соображений противиться, когда на карту поставлено благополучие сотен людей? — гаркнул Фрасвел.

Нолан посмотрел на него.

— Почему здесь? — спросил он спокойно. — Существуют тысячи незанятых доступных островов.

— Этот остров, мне кажется, легче всего приспособить для наших целей, — заявил Фрасвел категорическим тоном. — По моим оценкам, тысячу человек можно устроить здесь вполне мило...

— Он ничем не отличается от других островов в цепи...

У Фрасвела на лице появилось удивленное выражение.

— Ерунда. Расчищенная земля вдоль берега идеально подходит для площадки под первоначальный лагерь, и я вижу, что здесь есть различные съедобные растения, которые могут послужить дополнением к казенному рациону.

Человек с цепью священника вошел в комнату, потирая руки.

— Директор Фрасвел, подарок судьбы, — громко возвестил он. — Я нашел запас неказенных продуктов, включая хорошо заполненную морозильную камеру...

Он замолчал, увидев Нолана и Аннетту.

— Да, да, падре, — кивнул Фрасвел. — Я проведу инвентаризацию и прослежу за справедливым распределением найденного.

— Найденного или украденного? — уточнил Нолан.

— Что-о-о?

— Почему эти ваши материально неблагополучные люди не могут сами себя обеспечить запасами? Земля достаточно плодородна...

Церковник вытаращил глаза.

— Наши люди не преступники, приговоренные к тяжелому труду, — сказал он возмущенно. — Они просто обездолены. Они имеют такое же право на дары природы, как и вы, если не больше!

— Не упустили ли вы разницу между дарами природы и плодами человеческих усилий? На следующем острове достаточно богатая природа. У вас будет хорошая возможность потрудиться. Если вы займете невозделанные земли, то через год сможете собрать свой собственный урожай.

— Вы ожидаете, что я подвергну этих обездоленных людей ненужным лишениям просто так, из-за вашего эгоизма? — фыркнул Фрасвел.

— Я расчистил землю, они могут начать с того же...

— Согласно инструкциям я должен устроить группу на определенном уровне, и, чем быстрее будет достигнут этот уровень...

— Тем лучше вы будете выглядеть, когда вернетесь в штаб, да?

Следом за священником в комнату вошла женщина — краснолицая, с толстой шеей и мелко завитыми седыми волосами в грязновато-коричневого цвета одежде и грубых туфлях. Она посмотрела на Нолана с возмущением.

— Земля и все, что на ней, принадлежит каждому, — отрезала она. — Ну и придумал! Один человек пытается заграбастать все! Вы, значит, будете сидеть здесь в роскоши, а женщины и дети пусть умирают с голоду!

— Пусть они расчистят свою собственную землю и вырастят свой урожай, — сказал Нолан спокойно. — И построят себе свой собственный дом. А этот дом случайно оказался домом моей семьи. Я сам построил его и электростанцию, и оросительную систему...

— Интересно, где он взял деньги на все это, — громко поинтересовалась женщина. — Ни один честный человек не имеет таких денег.

— Ну, Милли, — попытался урезонить ее Фрасвел.

— Я откладывал восемьдесят кредиток в месяц в течение двадцати семи лет, мадам, — язвительным тоном ответил Нолан. — Из очень скромного жалованья.

— И это делает вас лучше других, да? — не унималась она. — Вы не можете жить в бараке, как все остальные...

— Ну, Милтруда, — успокоительно протянул Фрасвел и обернулся к Нолану.

— Мистер... ага, Нолан, до тех пор, пока мне будет требоваться информация от вас относительно различных вещей, вы можете получить койку здесь, в штабе. Я уверен, что благосостояние общества стоит на первом месте, хотя оно может потребовать скромных личных жертв от отдельного человека, а?

— А как насчет моей жены?

Фрасвел помрачнел.

— Я приказал, чтобы здесь пока не было никаких сексуальных отношений.

— Откуда мы знаем, что она ваша жена? — снова вскинулась Милтруда.

Аннетта судорожно глотнула воздух и придвинулась ближе к Нолану. Кривоносый схватил ее за руку. Нолан сделал шаг вперед и ударил его по руке.

— Ага, насилие, да? — кивнул Фрасвел с некоторым удовлетворением. — Позовите Глотца.

Честер поспешно вышел. Аннетта вцепилась в руку Нолана.

— Все в порядке, — попытался успокоить ее он. — Фрасвел не зайдет слишком далеко.

Он многозначительно посмотрел на толстяка.

— Это ведь не случайность, да? — спросил он. — Я полагаю, вы следили за нами некоторое время и ждали, пока мы развернемся и остров станет лакомым куском для кражи.

Крупный мужчина, которого Нолан видел у лодки, оглядываясь по сторонам, вошел в комнату.

— Эй ты...

Фрасвел протянул руку.

— Ну хорошо, Нолан, я верю, вспышек больше не будет. Вам выделяют место здесь, в штабе, при условии, что вы будете держать себя в руках.

Долговязый подросток с нездоровым цветом лица вошел в открытую дверь. В руках он держал маленький почти созревший помидор, от которого он только что откусил кусочек.

— Посмотри, что я нашел, пап, — показал он.

— Не сейчас, Лестон, — рявкнул Фрасвел.

Он яростно посмотрел на паренька, тот пожал плечами и вышел. Фрасвел быстро взглянул на Нолана.

— Помидоры, да? — сказал он задумчиво. — Я считал, их нельзя вырастить на Кейке-9.

— Всего лишь экспериментальное растение, — мрачно пояснил Нолан. — Но, кажется, Ленстон положил конец эксперименту.

Фрасвел сказал примирительно:

— Ну что, даете слово, Нолан?

— Я не думаю, что вам понравится то слово, которое мне хочется произнести, мистер Фрасвел, — ответил Нолан.

— Тьфу, — презрительно сплюнул директор. — Ну, хорошо, — он сурово осмотрел Нолана. — Потом не говорите, что я не объяснил вам все. Глотц! Честер! Уведите их и запирайте где-нибудь, пока они не поймут, что к чему.

ГЛАВА III

В темноте сарайчика, куда его заключили, Нолан массировал свои посиневшие пальцы и прислушивался к

мягкому дыханию ветра, крику одинокой ночной птицы и едва различимому, царапающему звуку, раздававшемуся из-за запертой двери.

Мягко звякнул металл, и звук оборвался. Ручка повернулась, дверь распахнулась внутрь. В проеме появилось лицо юноши.

— Тимми! Отличная работа, — выдохнул Нолан.

— Привет, пап!

Мальчик скользнул внутрь, закрыв за собой дверь. Нолан протянул к нему руки, связанные стальной проволокой в четверть дюйма толщиной. Тимми кусачками сжал проволоку, стал перекусывать путы.

— Нога прикована к кровати, — прошептал Нолан.

Тимми нашел проволоку, бесшумно перекусил и ее. В следующее мгновение Нолан и его сын были уже на воздухе. Кругом стояла тишина, хотя кое-где в верхних комнатах дома и у пристани еще горел свет.

— А мать? — спросил Нолан, когда они пошли.

— Они держат ее в последней палатке, внизу у пруда. Пап, ты знаешь, что они сделали? Они взяли сеть и выловили всю рыбу. Всех наших мелких рыбок — и окуней, и молодых лососей. Изжарили и съели.

— Можно будет развести новых со временем.

— Они пахли очень вкусно, — признал Тимм.

— Ты что-нибудь ел?

— Конечно. Я совершил набег на кухню, пока толстяк со смешными губами пытался выяснить, как работает трикордео. Но у него ничего не вышло. Он ужасно злился.

Они прошли мимо поставленных в ряд палаток. В одной из них горел свет.

— Часовых нет? — спросил Нолан.

— Нету. Они обсудили это и решили, что часовые им не нужны.

Они остановились за последней палаткой.

— Где-то здесь, — сказал Тим. — Я видел маму как раз перед тем, как они выключили свет.

Нолан сказал:

— Я возьму нож, а ты иди назад и будь готов удрать, если поднимется тревога.

— Чего вдруг, пап...

— Чтобы ты мог еще раз попытаться, если схватят меня.

— А... ага.

Нолан разрезал ножом крепкую материю. Послышалось шипение воздуха. Внутри палатки кто-то вскрикнул, а за-

тем раздался глухой удар. Нолан раздвинул пластик и пролез внутрь.

Аннетта встала ему навстречу.

— Я знала, что ты придешь, — прошептала она и быстро поцеловала его. — Мне пришлось ударить ее по голове. — Она кивнула на бесформенную фигуру у ее ног.

— Тимми ждет на улице, — прошептала Нолан, помогая Аннетте пролезть через отверстие в палатке.

Упругий пластик уже начал провисать.

— Наклей заплату, — предложил мальчик и дал Нолану моток широкой ленты. Они быстро заклеили разрез.

— Куда сначала? — спросил Тим.

— В дом, — ответил Нолан.

Задняя дверь была заперта, Нолан открыл ее. Очутившись внутри, они молча направились в кладовую, выбрали два маленьких пистолета и легкую, но мощную винтовку. На кухне Аннетта собрала немного концентратов, еще не растащенных из запасов. Тим с несколькими пакетами вернулся из комнаты, где хранились инструменты.

Выйдя на улицу, Нолан оставил жену и сына возле тропинки, ведущей в горы, а сам направился к электростанции. Внутри нее он что-то переключил и, уходя, запер за собой дверь. По пути к насосной, он закрыл два больших вентиля, а остальные открыл. И напоследок навесил массивный замок на сарай с машинами и инструментами.

— Ну вот и все, — сказал он, присоединяясь к остальным. — Пошли.

— Если бы они не объявились, — заметил Тим, когда они двинулись дальше вверх по крутой тропинке, — мы никогда не отправились бы в это путешествие, о котором столько говорили.

ГЛАВА IV

Узкий вход просторной пещеры был надежно скрыт скалистым хребтом, внутри находился источник пресной воды, набиравшей со скоростью один галлон в час в каменный бассейн. Эту пещеру Нолан и его семья знали хорошо; когда-то, пока не были закончены первые комнаты дома, они в течение двух месяцев жили в ней.

Вымести нанесенный ветром мусор, расставить надувные кровати, разместить складное кухонное оборудование

вокруг очага было делом одного часа. К этому времени солнце уже начало вставать.

Нолан посмотрел вниз. Там, далеко внизу, за небольшим горным возвышением стоял их дом. В бинокль он увидел кучку людей возле насосной.

— Должно быть, они уже опустошили резервный бак, — сказал он.

— Они просто взорвут дверь насосной, Рид, — предположила Аннетта, — так ведь?

— Может быть, если у них есть подводящее взрывчатое вещество. Но им еще надо знать, какие краны открыть.

— Я чувствую, что мы поступили довольно низко, перекрыв им подачу воды.

— В их распоряжении есть пруд и ведра. Они не страдают, ну разве что натрут несколько мозолей.

Нолан и Тим большую часть утра провели на склонах. Стада кабанов собирались на верхних лугах. Нолан рассматривал их в бинокль, по его оценкам, кабанов было больше десяти тысяч. Он с сыном вернулся в пещеру с полной сумкой окаменевших костей, полудрагоценных камней и несколькими новыми разновидностями грибов — для пополнения коллекции Тима. Аннетта встретила их горячим супом и бутербродами.

Позже, днем, они увидели, как группа мужчин прочесывает подлесок возле дома. Через час или два поиски прекратились.

— Готов поспорить, толстяк уже совсем взбеленился, — развеселился Тим. — Наверное, он так и не разобрался с трикордео.

До обеда семья играла в настольные игры. Аннетта подавала цыпленка с картофельными хлопьями. Она и Нолан выпили пива, Тим получил горячее какао. Сразу после наступления сумерек все огни в доме и на улице погасли.

— Я думаю, на следующее утро директор Фрасвел даст о себе знать очень рано, — сказал Нолан, когда они укладывались спать.

ГЛАВА V

За полчаса до рассвета из маленькой черной коробки, стоящей у кровати Нолана, раздался слабый писк.

— Посетители, — предупредил Нолан, проверяя индикаторные огни.

Они указывали, какой из датчиков, установленных им с Тимом в первый день, сработал.

— На восточной тропинке. Они времени зря не теряют.

Он встал и надел одежду, которую Аннетта пропустила через очиститель, взял в руки винтовку.

— Пап, можно я тоже пойду?

— Нет. Останешься с мамой.

— Рид, ты уверен...

— Я не настолько плохо стреляю, — ответил он и улыбнулся ей. — Я вернусь к кофе.

За десять минут Нолан добрался до удобного места, которое он присмотрел день назад. Он улегся поудобнее, подогнал ремень и посмотрел через оптический прицел. Трое мужчин с трудом взбирались по тропинке. Нолан прицелился в каменную стену в десяти футах над ними и нажал курок. Полетела пыль. Когда он опустил прицел, мужчины исчезли. Он снова увидел их уже бегущих к дому.

Еще дважды за этот день устройства, которые Нолан расставил на склонах, сигнализировали о незваных гостях; и дважды единственного предупредительного выстрела было достаточно, чтобы отбить у них охоту двигаться дальше.

Позже днем бригада с ведрами выстроилась на лужайке внизу; мужчины таскали воду в дом. Те, кто работал у двери электростанции, сдались к сумеркам. Группа рабочих принялась колоть дрова и складывать их в кучу для костра.

— Саженцы персиков, и орехов, и айвы, — траурным голосом перечислила Аннетта.

— Да, — коротко сказал Рид.

Они около часа смотрели на огонь, потом вернулись в пещеру.

ГЛАВА VI

Было позднее утро, когда снова раздался сигнал. На этот раз появилась группа из трех мужчин — одного из них звали Винстон. Нолан видел его последний раз с

Фрасвелом. Они несли белое полотнище, привязанное к стволу саженца. “Орех”, — определил Нолан. Они подождали минут пятнадцать у моста, обозначенного маленькой выемкой в скале — результат выстрела Нолана. Затем медленно двинулись вперед.

На каменном выступе, в сотне ярдов ниже позиции Нолана, они остановились. Раздался слабый крик.

— Нолан! Мы хотим поговорить с тобой!

Он молчал.

— Директор Фрасвел поручил мне передать, что обещает отнестись к вам снисходительно, если вы сдадитесь сейчас, — прокричал Винстон.

Нолан ждал.

— Вы должны спуститься немедленно, — закончил Винстон. — Против вас не будут выдвигаться никакие обвинения в преступной деятельности при условии, что вы согласитесь оказывать нам впредь полное содействие.

Следующая минута прошла в тишине.

— Нолан, сдавайтесь немедленно! — снова закричал сердитый голос. — Иначе...

Над Ноланом прогремел выстрел. Внезапно мужчины, стоявшие внизу, повернулись и побежали. Нолан посмотрел вверх, в сторону пещеры. Аннетта спиной к нему вышла из-за каменного уступа, скрывавшего вход. В руке она держала пистолет. Она повернулась и помахала Нолану. Он взобрался к ней.

— На западной тропинке, — пояснила она возмущенно. — Придумали тоже... Пока эти ведут с тобой переговоры!

— Не обращай внимания, — сказал Нолан мягко. — Они всего-навсего обследуют окружающую местность.

— Я волнуюсь, Рид. Как долго это может продолжаться?

— Еды у нас хватит на месяц или что-то вроде этого. Потом, может быть, мне и Тиму снова придется сделать набег на кладовые.

У Аннетты был обеспокоенный вид, но она больше ничего не сказала.

ГЛАВА VII

В течение пяти дней новых попыток примирения не предпринималось. За это время растения на неполиваемых полях на глазах Нолана постепенно поникли и завяли. На

шестой день утром группа из четырех человек вышла из дома и медленно двинулась вверх по восточной тропинке. Нолан увидел, что один из них — Фрасвел. Мужчина, шедший сзади, нес что-то, позже оказавшееся плакатом. Когда они сделали первый привал, мужчина повернул надпись в сторону гор, но Нолан не мог разобрать буквы на таком расстоянии.

— Следите за датчиками, — велел он Аннетте и Тиму. — Я не думаю, что они решили поиграть и на этот раз, но они могли оставить кого-нибудь на другой тропинке вчера после наступления темноты.

Он спустился к своему наблюдательному пункту.

На расстоянии в полмили лицо Фрасвела было отчетливо видно даже при небольшом увеличении. Теперь Нолан смог прочитать надпись:

НОЛАН, МЫ ДОЛЖНЫ ПОГОВОРИТЬ

— Фрасвел, — закричал Нолан. — Чего вы хотите?

Толстяк осмотрел утес, пытаясь увидеть Нолана.

— Покажитесь, — закричал он. — Я не могу вести беседу с бестелесным голосом.

— Не будем задерживать друг друга.

— Нолан, от лица полевого директора Союза защитников человеческих привилегий, каковым я являюсь, я призываю вас спуститься немедленно и прекратить этот беспорядок.

— Я и моя семья просто находимся в длительном затянувшемся отпуске, мистер Фрасвел.

— Вы стреляете в моих людей!

— Если бы я в них стрелял, то попал бы. Я дважды получал звание меткого стрелка. Вы можете это проверить, если хотите.

— Послушайте, Нолан. Вы намеренно утаиваете информацию, имеющую значение для успешного выполнения нашей миссии!

— Я полагаю, вы слегка перепутали, мистер Фрасвел. Я никоим образом не связан с вашей миссией. Здесь я сам себя содержу.

— Это меня не интересует! Ваш долг — служить людям...

— Мистер Фрасвел, я предлагаю вам собрать своих людей и оборудование, переехать в другое место и обзавестись своим собственным хозяйством, а я окажу вам техническую помощь, какую смогу, когда вы начнете.

— Вы пытаетесь торговаться, когда речь идет о благосостоянии тысячи мужчин, женщин, детей?

— Не совсем. По моим оценкам в вашей передовой группе около пятидесяти человек.

— Перемещенные придут меньше, чем через две недели. Если вы не перестанете вести себя, как собака на сене, в ущерб этим бедным, беспомощным душам, я не отвечаю за исход!

— И снова не так, мистер Фрасвел. Только вы за все и отвечаете. Мне просто любопытно знать, что вы планируете делать, после того, как съедите весь урожай и уничтожите мои запасы. Двинетесь дальше и ограбите кого-нибудь еще? А что произойдет, когда некого будет грабить?

— Не мое дело заниматься предсказаниями, Нолан! Меня заботит успех нынешней операции!

— Я полагаю, к тому времени, как у вас не останется конфеток, вы уйдете в отставку, да? А тем временем, если вы устали таскать воду и сидеть на казенном рационе, вы можете уехать, мистер Фрасвел. Сообщите в свой штаб, что ваш план не сработал, может быть, в следующий раз вас обеспечат каким-нибудь собственным оборудованием.

— Электричества нет! Воды нет! Мои люди не могут завести машины! Растения погибают! Я призываю вас спуститься сюда и прекратить саботаж!

— Единственный саботаж, который я здесь видел, это то, что ваши люди сделали с моими лужайками и огородами. Я уже не говорю о пруде.

Последовала двухминутная тишина, мужчины внизу совещались.

— Послушайте, Нолан, — неохотно закричал Фрасвел примирительным голосом. — Я признаю, вы имеете право на компенсацию. Очень хорошо. Хотя это означает вырвать хлеб изо рта голодных, я иду на то, чтобы пообещать вам заплатить обычную цену за акр, конечно, за землю, пригодную для возделывания. После осмотра.

— Я заплатил в полтора раза больше за неовозделанную землю пять лет назад, и я заплатил за все: горы, пустыню, за весь остров. Боюсь, что ваше предложение не соблазнит меня.

— Вы... вы эксплуататор! Вы думаете, что можете принести в жертву простого человека, но вы увидите! Они восстанут в своем праведном гневе и уничтожат вас, Нолан!

— Если они восстанут в своем гневе и энергично возьмутся за следующий остров, они очистят большую его часть и подготовят для посадки растений.

— Вы обрекаете этих добрых людей на нечеловеческие лишения — из-за своей жадности. Вы отказываете им в хлебе. Вы...

— Я знаю этих простых людей, мистер Фрасвел. Я пытался нанять нескольких из них, когда начинал здесь. Они смеялись. Они не годятся ни для учебы, ни для работы. Вся жизнь для них — прогулка. Сейчас они полезли из квашни. Поэтому вы пытаетесь повесить их мне на шею. Ну, а я отказываюсь от этой чести, мистер Фрасвел. Похоже, им придется поработать, если они хотят есть. Между прочим, сколько вы получаете в год?

Фрасвел поперхнулся.

— И последнее, Фрасвел, — закричал Нолан. — Ограды из гардений. Скажите своим людям, чтобы они оставили их в покое, вам не так уж нужно дерево для костра. Из-за нескольких шагов, которые вам придется сделать вверх и вниз по склону, не стоит их уничтожать.

— Гардении, да? Много для вас значат, не так ли? Боюсь, что мне придется положиться на собственное суждение относительно источников тепла, Нолан!

Директор резко повернулся и пошел прочь. Один из его спутников, прежде чем исчезнуть из виду, повернулся и показал кулак.

Днем Нолан увидел группу людей, усердно вырубавших ограды.

На следующий день Тим примчался в пещеру и взволнованно закричал, что стада кабанов начали свое движение с высот.

ГЛАВА VIII

— Мне это не нравится, — сообщила Аннетта, когда Нолан собирался уйти из пещеры. — Ты не знаешь, что этот ужасный человек может сделать, если ты попадешься ему в руки.

— Я должен их честно предупредить, — сказал Нолан. — Со мной все будет в порядке. Фрасвел не допустит, чтобы случилось нечто такое, что может плохо выглядеть в его деле.

— Зачем, пап? — спросил Тим. — Пусть бы кабаны поугали их. Может быть, они со страху удрали бы с острова!

— Кто-то может пострадать. Может возникнуть паника, вдруг кого-нибудь затопчут. Да и рога у них острые.

— Конечно, но ведь и ты можешь пострадать, папа, если попытаешься им помешать! Их очень трудно остановить, когда они бегут.

— Я буду осторожен. Обо мне не беспокойтесь.

Нолан отправился самым коротким путем: по почти вертикальному ущелью, слишком узкому и крутому для кабанов, но по которому мог пройти тренированный человек. За двадцать минут он добрался до долины, запыхавшийся и пыльный, с изрезанными в кровь руками. Трое бросились на него в тот момент, когда он появился из подлесков у подножья утеса.

ГЛАВА IX

В доме стояла ужасная вонь. Директор Фрасвел, несколько худее, чем в тот день, когда Нолан видел его в последний раз, плохо выбритый, в мятой, с пятнами от пота рубашке торжествующе глядел через бывший обеденный стол, который теперь стоял в центре гостиной, заваленный бумагами и коробками из-под казенной пищи.

— Итак, к вам наконец вернулся здравый смысл? — Он замолчал и почесал под мышкой. — Я полагаю, вы ждете, что я все еще готов пойти на сделку, которую я вам предлагал. Ну, подумайте сами. Вы отказались от моего предложения, когда я вам его сделал. Теперь расхлебывайте последствия.

Губа Нолана была разбита. Его челюсть опухла и болела. Голова раскалывалась.

— Я пришел сюда не ради сделки, — сказал он. — Я пришел предупредить вас...

— Вы, предупредить МЕНЯ? — Фрасвел вскочил на ноги. — Послушай ты, самонадеянный щеголь! Здесь предупреждаю я! Я хочу, чтобы через пятнадцать минут электростанция работала в полную силу. А еще через десять минут пошла вода! Я хочу, чтобы все двери были открыты, а ключи были у меня прежде, чем ты выйдешь из этой комнаты!

Он яростно почесал грудь.

— Вот это был бы фокус, — сказал Нолан. — Даже если бы у меня были ключи.

Рот Фрасвела открылся и закрылся.

— Обыскать его!

— Мы обыскали, у него при себе ничего нет.

— Ничего при себе нет, СЭР! — рявкнул Фрасвел и повернулся к Нолану.

— Где ты их спрятал? Ну, говори! Сейчас моему терпению придет конец!

— Подождите с ключами, — сказал Нолан. — Я не об этом пришел сюда говорить...

— Нет, ты будешь об этом говорить! — завизжал Фрасвел.

— Что здесь случилось? — раздался пронзительный женский голос.

Милтруда, выглядевшая гораздо хуже после десяти дней без ванны, стояла в дверном проеме, уперев руки в широкие бока.

— Ну, погляди-ка, кто здесь! — сказала она, увидев Нолана. Из-за ее плеча выглядывал Лестон.

— Наконец ты его поймал, Альвин?

— Да, я поймал его. Но он упрямый. Однако он сломаётся, уверяю тебя!

— А где его содержанка? — мрачно спросила Милтруда. — Дай ее мне. Я уж постараюсь сделать так, чтобы она заставила его сотрудничать.

— Вон отсюда, — заревел Фрасвел.

— Ну ты, — огрызнулась его супруга. — Что за тон!

Фрасвел схватил со стола пустую банку от концентрата и со злостью швырнул в нее. Банка попала в стенку рядом с Милтрудой, та взвизгнула и вылетела из комнаты, чуть не сбив с ног своего сына.

— Заставьте его говорить! — вопил Фрасвел. — Добудьте ключи, делайте с ним, что хотите, но мне нужен результат — сейчас же!

Один из тех, кто держал Нолана, больно выкрутил ему руку.

— Не здесь, на улице! — Фрасвел повалился на стул, задыхаясь.

— Конечно, вы не должны причинить ему никаких серьезных увечий, — глядя в угол, пробормотал он, когда они выталкивали Нолана из комнаты.

ГЛАВА X

Двое держали Нолана, а третий ударил его кулаком в живот. Нолан согнулся, подался вперед, его чуть не стошнило.

— Не бей в желудок, дурак, — сказал кто-то. — Надо, чтобы он был в состоянии разговаривать.

Его схватили за волосы и оттянули голову назад, от сильного удара по лицу в голове у него зазвенело.

— Послушай ты, богатый подлец, — прошипел в лицо Нолану человек с дикими глазами; у него была похожая на куст голова и дырки между зубами. — Ты же можешь нас выручить...

Нолан неожиданно поднял колено, и человек с ледящим душу криком упал на землю. Нолан рванулся вперед, освободил руку и нанес боковой удар в чью-то шею. Какое-то мгновение он был свободен. Он стоял перед двумя мужчинами, которые пошатывались, тяжело дыша.

— Через несколько минут сюда примчится стадо, прямо сюда, в это место, — предупредил он, задыхаясь. — Это дикое стадо, крупные ребята, около тонны каждый. Вам придется оповестить своих людей.

— Хватай его, — рявкнул человек и прыгнул на Нолана.

Они все еще пытались схватить его за ноги, когда за домом послышался тяжелый топот. Раздался чей-то крик. Это был приводящий в ужас вопль, от которого нападавшие на Нолана застыли прямо в момент нанесения удара. Он высвободился и поднялся на ноги. Из-за дома вылетел человек, его бледное лицо окаменело от ужаса, ноги так и мелькали. За ним, по изуродованному машинами дерну, несся огромный кабан, на его мощных плечах болтались обломки решетки для роз. Человек нырнул в сторону, а животное помчалось в направлении того, что осталось от сарая для дров. Оттуда послышался треск дерева.

Мгновение трое стояли оцепенев, прислушиваясь к звуку, похожему на гром, затем все как один повернулись и побежали. Нолан поспешил к парадному входу в дом.

Франсвел стоял на передней террасе, голова набок, крупное лицо ничего не выражало. За ним маячил Ленстон. Увидев Нолана, директор рванулся вперед, сбежал по ступенькам и помчался было за угол дома, но резко затормозил, когда мимо с грохотом промчался кабан.

— О, Господи! — попятился Франсвел, развернулся и двинулся к крыльцу.

Нолан загородил ему путь.

— Бегите к лодке, — закричал он.

— Это твоя работа! Ты пытаешься убить нас всех! — заорал Франсвел.

В этот момент из-за угла дома выбежали двое мужчин. Один из них был с винтовкой.

— Уберите его! — завопил Франсвел, показывая на Нолана. — Он фанатик! Это его работа!

— Не будьте дураком, Франсвел, — перебил его Нолан. — Вы находитесь в опасности, я тоже.

— Фанатик! Он хочет утащить меня с собой. Уберите его!

Мужчины подоспели на помощь Франсвелу, и мощные удары обрушились на Нолана, цепкие руки схватили его, потащили вниз. Его ударили ногой в бок. Он схватил кого-то за ногу, свалили прямо на себя. Второй приплясывал сбоку, держа винтовку наготове.

— Убейте этого кровопийцу, — закричал, поднимаясь на ноги, человек, которого свалил Нолан. — А ну, дай мне ее!

Он вырвал винтовку из рук другого, прицелился в голову Нолана. В этот момент длинный тощий Ленстон прыгнул вперед и пригнул винтовку к земле. Раздался выстрел. Ключья травы полетели во все стороны рядом с Ноланом.

— Пап, ты не можешь... — начал было мальчик.

Франсвел кинулся на него, ударил по лицу, от чего тот растянулся на земле.

— Предатель в собственном доме! Ты мне не сын.

Топот приближавшегося стада уже походил на рев прибора. Человек, державший ружье, отбросил его и побежал к причалу. Когда появились кабаны, Франсвел бросился в ту же сторону, за ним последовали двое его людей. Нолан с трудом поднялся на ноги, прикинул направление движения животных и пустился изо всех сил к небольшому заросшему колючками возвышению рядом с тропой, по которой мчалось стадо. По пути он схватил сломанную ветку гардении. Первые животные были менее чем в пятидесяти футах от него, когда он остановился, помахал веткой и закричал. Приближавшиеся кабаны отшатнулись от ненавистного запаха, сбились в кучу, двинулись в обход колючек по тропе, ведущей в сторону от причала.

Нолан упал на траву, переводя дыхание. Стадо пронеслось мимо. Сквозь пыль он видел, что на причале возле лодки собрались люди.

Какой-то человек, очевидно, Франсвел, кричал и показывал на дом. С лодки что-то проорали в ответ. Похоже, что между руководством и рядовыми членами Союза возникли разногласия.

— Пора их еще раз подтолкнуть, — пробормотал Нолан, вставая на ноги.

Несколько старых кабанов, оставших от стада, бежали мимо рощицы. Нолан поспешно огляделся, вырвал местное растение, быстро снял с него кожицу. От спелой мякоти пошел

тяжелый едкий запах. Он двинулся наперерез кабанам, размахивая ароматным растением, когда же те бросились к нему, повернулся и с криком побежал к берегу. Толпившиеся внизу на причале люди подняли головы и увидели бегущего изо всех сил Нолана, вслед за которым галопом несли кабана.

— Помогите! — кричал он. — Помогите!

Люди повернулись и побежали к трапу. Франсвел схватил за руку какого-то человека, тот ударил его и убежал. Тяжелые фигуры Милтруды и Франсвела некоторое время были неподвижны, потом и они взобрались на лодку. Трап скользнул на борт, когда Нолан был в пятидесяти футах от причала. Он отбросил ветку в сторону, как только кабан внезапно остановился рядом с ним и легко подтолкнул его, выпрашивая сочное лакомство. Для пущей убедительности Нолан издал душераздирающий крик и упал. Кабан, мирно жуя, устоял на спешно удалявшееся судно.

ГЛАВА XI

Длинный худой юноша вышел из-за дома навстречу подходившему Нолану.

— О... я... — нерешительно начал он.

— Лестон, как получилось, что ты отстал? — спросил Нолан в смятении.

— Специально, — тихо ответил мальчик.

— Не думаю, что твой отец вернется, — предупредил Нолан.

Ленстон кивнул.

— Я хочу остаться, — сказал он. — Мне нравится такая работа, мистер Нолан.

— Ты что-нибудь понимаешь в сельском хозяйстве? — спросил Нолан с сомнением.

— Нет, сэр. — Мальчик с трудом глотнул. — Но я очень хочу научиться.

Мгновение Нолан смотрел на него. Затем протянул ему руку.

— Больше я и желать не мог, — улыбнулся он.

Он повернулся и посмотрел на уничтоженную лужайку, изрубленную изгородь, затем взгляд его устремился дальше — в сторону искалеченной рощи и гибнущих полей.

— Пошли, пора начинать, — сказал он. — Чума прошла, и у нас будет много работы, прежде чем наступит время урожая.

ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ

The Big Shaw

Ace Books ★ New-York ★ 1972



Был конец октября. Пронизывающий ветер бил ледяным дождем в лицо Мэллори, который, подняв воротник, стоял скрытый тенью деревьев у входа в узкую аллею.

— Это ирония судьбы, Джонни, — пробормотал маленький человек с мрачным лицом, стоявший рядом с ним. — Ты, человек, который сегодня должен был бы стать Премьером Планеты, прячешься на отшибе, тогда как Косло и его бандиты пьют шампанское в правительственном дворце.

— Все в порядке, Поль, — сказал Мэллори. — Может быть, он будет слишком занят празднованием своей победы, и ему будет не до меня.

— А может быть и нет, — ответил Поль. Когда придет время завтрака, Косло уже будет знать, что его фальсификация на выборах не удалась.

— Джонни, если ему удастся до этого захватить тебя, это конец. Без тебя переворот лопнет, как мыльный пузырь.

— Я не уеду из города, — сказал Мэллори решительно. — Да, это небезопасно, но нельзя свергнуть диктатора, не пойдя в чем-то на риск.

— Но только не в этом. Тебе не надо встречаться с Крандаллом лично.

— Будет хорошо, если он увидит меня, будет знать, что я все время с вами.

В тишине двое мужчин ждали прибытия своего товарища по подполью.

На борту межзвездного дредноута, летевшего в полупарсеке от Земли, сложный свободный мозг наблюдал за далекой солнечной системой.

— Излучение с разной длиной волны от третьей планеты, — ячейки Перцептора направили импульс в шесть тысяч девятьсот тридцать четыре блока, составлявших многосегментный мозг, который управлял кораблем. — Модуляции в пределах от сорок девятого до девяносто первого диапазона процесса мышления.

— Часть модели характерна для экзокосмического управляющего интеллекта, — экстраполировали Анализаторы, обработав данные. — Другие показатели по сложности занимают уровни от первого до двадцать шестого.

— Нестандартная ситуация, — задумчиво пробормотали Реколлекторы.

Сущностью Высшего Разума является уничтожение всех менее развитых конкурирующих форм, как я/мы систематически уничтожали тех, кого я/мы обнаруживали в моей/нашей ветви Галактики. Но прежде, чем перейти к действиям, необходимо подробное исследование этого явления, — указали Интерпретаторы. — Для получения и анализа типичной единицы мозга потребуется переход на диапазон, не превышающий один луч в секунду.

В этом случае уровень риска возрастает до Критической Категории, — бесстрастно объявили Анализаторы.

— УРОВЕНЬ РИСКА БОЛЬШЕ НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ, — мощный мозговой импульс Эгона положил конец дискуссии. — СЕЙЧАС НАШИ КОРАБЛИ ВЫХОДЯТ В НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОИСКАХ МЕСТА ДЛЯ ВЕЛИКОЙ РАСЫ. НЕИЗМЕННЫЙ ПРИКАЗ ВЕЛИКОГО ТРЕБУЕТ, ЧТОБЫ МОЕ/НАШЕ ЗОНДИРОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЛОСЬ ДО ПРЕДЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ РИ, ПРОВЕРЯЯ МОЮ/НАШУ СПОСОБНОСТЬ К ВЫЖИВАНИЮ И ДОМИНИРОВАНИЮ. НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ СТРАХА, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НИКАКОГО ОПРАВДАНИЯ НЕУДАЧИ. Я/МЫ ПЕРЕХОДИМ НА БЛИЗКУЮ ОРБИТУ НАБЛЮДЕНИЯ.

В полной тишине, со скоростью чуть меньше скорости света, дредноут планеты Ри помчался в сторону Земли.

Когда в ядовитом свете огней в квартале от аллеи появилась темная фигура, Мэллори напрягся.

— А вот и Крандалл, — прошипел Поль. — Я рад...

Он внезапно замолчал, так как неожиданно на пустынном проспекте раздался рев мощного мотора. Из боковой улочки вылетела полицейская машина и с визгом повернула за угол. Человек повернулся и побежал. В окне машины матово блеснул автомат. Очередь настигла бежавшего, швырнула его на каменную стену, сбила с ног. Он

покатился по мостовой, прежде чем Мэллори услышал грохот автоматов.

— О, Боже, они убили Тони! — прохрипел Поль. — Нам надо выбираться отсюда!

Мэллори сделал несколько шагов по аллее и застыл на месте, увидев, как в дальнем углу вспыхнули огни. Он услышал, как тяжелые сапоги коснулись земли, как хриплый голос проревел команду.

— Мы отрезаны, — бросил он.

В шести футах он заметил грубую деревянную дверь. Он кинулся к ней, навалился на нее всем телом. Она не поддавалась. Он сделал шаг назад, ударил изо всех сил ногой, дверь упала. Мэллори толкнул своего спутника вперед, в темную комнату, пахнущую плесенью и крысиным пометом. Спотыкаясь, Мэллори на ощупь прокладывал путь. Он прошел через заваленный мусором дверной проем, двинулся вдоль стены и нашел дверь, висевшую на одной петле. Он протиснулся мимо нее и очутился в коридоре. В слабом свете, проникавшем из окошка над массивной запертой дверью, был виден вздувшийся линолеум на полу. Мэллори повернул в другую сторону, побежал к маленькой двери в дальнем конце коридора. Он находился в десяти футах от нее, когда раздался взрыв и ее центральная часть с грохотом обрушилась внутрь. Щепки полетели во все стороны, оцарапали его, подобно когтям впились в его плащ. Шедший за ним Поль вдруг стал хватать ртом воздух. Мэллори обернулся как раз в тот момент, когда тот упал назад на стену и сполз вниз. Полный, в тысячу пуль залп автомата разорвал на куски его грудь и живот.

Через дыру в двери просунулась рука и стала искать задвижку. Мэллори сделал шаг вперед, схватил человека за запястье, дернул за руку изо всей силы, услышал, как хрустнул локтевой сустав. Стон раненого полицейского был заглушен вторым залпом скорострельного оружия, но Мэллори уже прыгнул, схватился за перила лестницы, подтянулся и перелез через них. Он прыгал через пять ступенек, пронесся мимо площадки, заваленной битым стеклом и пустыми бутылками, побежал дальше и оказался в затянутом паутиной коридоре, в который выходили расшатанные двери. Внизу грохотали сапоги и раздавались яростные крики. Мэллори вошел в ближайшую дверь и прислонился спиной к стене за нею. Тяжелые шаги прогрохотали по лестнице. Когда он вернулся, чтобы бежать в дальний конец прохода, снизу прогремел ответный залп.

Сильный удар в бок лишил его воздуха, отбросил в сторону. Он поднялся на ноги и побежал дальше. Из глубокой ссадины текла кровь. Пуля только царапнула его.

Он добрался до двери, ведущей к служебной лестнице, и отскочил, когда из темноты на него с воем бросилась темно-серая тень. В это мгновение прогремел выстрел, со стены над головой Мэллори посыпалась штукатурка. Плотный человек в форме полиции безопасности, бегом поднимавшийся по лестнице, мгновенно остановился, увидев в руках Мэллори автомат. Прежде чем он опомнился, Мэллори замахнулся пустым оружием, ударом ноги отбросил полицейского вниз на площадку. Кот, спасший ему жизнь, — огромное, покрытое боевыми шрамами животное, — лежал на полу; пол головы у него было снесено выстрелом, который он принял на себя. Его единственный желтый глаз смотрел на Мэллори, когти впились в пол, словно, даже мертвый, он шел в атаку. Мэллори перепрыгнул через убитое животное, побежал вверх по лестнице.

Через три пролета лестница оканчивалась кладовкой, забитой пачками газет и гниющими коробками, из которых с появлением Мэллори во все стороны бросились бежать мыши. В кладовке было единственное окно, темное от грязи. Мэллори отшвырнул бесполезный автомат, осмотрел потолок в поисках аварийного выхода, но ничего не увидел. Бок у него нестерпимо болел.

За дверью послышался топот ног. Мэллори попятился в угол комнаты, и снова раздался визг автомата; тонкая дверь дернулась, развалилась на куски. Мгновение стояла абсолютная тишина.

— Выходи с поднятыми руками, Мэллори! — прорычал металлический голос.

В темноте бледные языки пламени лизали связанные газеты, которые загорелись от потока стальных пуль. Дым стал заполнять чердак.

— Выходи, пока не зажарился, — прокричал голос.

— Давай выбиратья отсюда, — заорал другой. — Эта грудахлама загорится как трут!

— Последний шанс, Мэллори, — прокричал первый.

Огонь, питаемый сухой бумагой, уже достигал потолка и начинал реветь. Мэллори пошел вдоль стены к окну, сдвинул в сторону порванные жалюзи, изо всех сил дернул раму. Она не двинулась. Он вышиб стекло, перебросил ногу через подоконник и вылез на ржавую пожарную лестницу. Пятью этажами ниже в пятне света виднелись

белые точки поднятых лиц и шесть полицейских машин, блокировавших мокрую от дождя улицу. Он прижался спиной к поручням, посмотрел вверх. Пожарная лестница тянулась еще на три этажа. Он прикрыл лицо рукой от растущих языков пламени, заставил свои ноги нести его вверх по железным перекладинам.

Верхняя площадка находилась в шести футах ниже нависавшего карниза. Мэллори взобрался на перила, схватился обеими руками за край ажурного каменного украшения. Мгновение он болтался в девяти десятках футов над землей, затем подтянулся, поставил колено на парапет, покатился на крышу.

Лежа на животе, он осмотрелся. Линия горизонта нарушалась только трубой вентилятора и хибаркой, в которую выходил лифт. Он сориентировался, обнаружил, что отель находится на углу улицы, а за ним есть стоянка для машин. Примыкавшая со стороны аллеи крыша была футов на десять ниже, ее отделял проем в шестнадцать футов. Вдруг крыша под его ногами затряслась: один из потолков старого здания обвалился: огонь сожрал его подпорки. Вокруг него поднимался дым. Со стороны стоянки мрачные языки пламени взвивались на тридцать футов над ним, отправляя каскады искр в сырое небо. Он пошел к сарайчику. Металлическая дверь была закрыта. Сбоку к строению была прикреплена ржавая лестница. Мэллори оторвал ее, понес в сторону аллеи. Всей его силы едва хватило на то, чтобы раздвинуть ее на полную длину. "Двадцать футов, — прикинул он. — Может быть, хватит".

Он толкнул лестницу через проем, с трудом установил ее на крыше внизу. Хрупкий мост зашатался под его весом, когда он полез по нему. Он осторожно двигался дальше, не обращая внимания на раскачивавшуюся ненадежную опору. Он был в шести футах от нижней крыши, когда почувствовал, как под ним хрустнул сгнивший металл; он сделал отчаянный бросок вперед и полез по водосточному желобу, услышав, как внизу закричали, когда лестница рухнула на камни аллеи.

"Вот невезение, — подумал он, — теперь они знают, где я..."

На крыше он увидел тяжелую крышку люка. Он поднял ее, спустился по железной лестнице в темноту, пробрался к коридору, по нему к главной лестнице. Снизу доносились слабые звуки. Он стал спускаться.

Когда он был на четвертом этаже, внизу показались огни, раздались голоса, топот ног. Он сошел с лестницы

на третьем этаже, повернул за угол, вошел в комнату, выходящую окнами на аллею. В окно дул холодный ветер, пахнувший дымом. Казалось, узкий проход внизу пуст. Тело его друга исчезло. Сломанная лестница лежала там, куда упала. “До земли, точнее, до булыжника — двадцать футов”, — прикинул он. Даже, если он повиснет на руках и прыгнет, перелом ноги обеспечен...

Что-то шевельнулось внизу. Одетый в форму полицейский стоял, прислонившись спиной к стене прямо под ним. Волчья улыбка исказила лицо Мэллори. Он скользнул вниз головой с подоконника, замер на мгновение, увидев, как полицейский поднял верх испуганное лицо, его рот открылся...

Мэллори прыгнул, ударил полицейского ногами по спине, смягчив тем самым свое падение. Он высвободился и сел, потрясенный. Полицейский лежал, уткнувшись носом в землю, его позвоночник был неестественно выкручен.

Мэллори поднялся на ноги и чуть не упал от резкой боли в правой ступне. Растяжение или перелом. Сцепив зубы, он двинулся вдоль стены. Ледяная вода из водосточной трубы, бурлила у его ног. Он поскользнулся, чуть не упав на мокрый булыжник. Впереди показалось освещенное место стоянки. Если бы он смог добраться туда, может быть, у него еще был бы шанс. Он должен добиться успеха — ради Моники, ради ребенка, ради будущего всего мира.

Шаг, еще шаг. Боль впивалась в него все сильнее с каждым вдохом. Промокшая от крови рубашка и штанина, совершенно ледяные, прилипли к телу. Еще десять футов — и он рванет к стоянке...

Два человека в черной форме полиции Государственной Безопасности вышли ему навстречу с направленными в его грудь автоматами. Мэллори оттолкнулся от стены, собравшись с духом в ожидании очереди, которая оборвет его жизнь. Вместо этого в глаза ему сквозь дождь ударил слепящий луч света.

— Вы пойдете с нами, мистер Мэллори.

— По-прежнему никакого контакта, — доложили Перцепторы. — С мозгом высшего уровня отсутствует связь, он начинает дрожать и бросается в сторону, когда я/мы касаемся его.

Инициаторы внесли предложение:

— При помощи соответствующих гармоник можно установить резонирующее поле, которое усилит любой местный мозг, функционирующий в аналогичном ритме.

Я/мы находим, что модель следующего характера будет наиболее подходящей... Был продемонстрирован сложный символ.

— ПРОДОЛЖАЙТЕ ДЕЙСТВОВАТЬ ОПИСАННЫМ СПОСОБОМ, — приказал Эгон. ВСЕ ПОСТОРОННИЕ ФУНКЦИИ ПРЕКРАЩАЮТСЯ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ БУДЕТ ДОСТИГНУТ УСПЕХ.

Руководствуясь исключительно одной целью, датчики Ри зондировали с темного, погруженного в тишину корабля пространство в поисках восприимчивого человеческого мозга.

Комната для допросов представляла собой абсолютно пустой куб, окрашенный белой эмалевой краской. В центре под ослепительно белыми лучами света стоял массивный стальной стул, отбрасывавший чернильную тень.

Минута прошла в тишине, затем по коридору простучали каблуки. В открытую дверь вошел высокий мужчина в простой темной военной одежде и остановился, изучая своего пленника. Его широкое обвислое лицо было серое и мрачное, как могильная плита.

— Я предупреждал тебя, Мэллори, — произнес он низким рычащим голосом.

— Ты совершаешь ошибку, Косло, — отозвался Мэллори.

— Открыто арестовав народного героя, не так ли? — Широкие серые губы Косло искривились в улыбке. Так мог бы улыбаться покойник. — Не обманывай себя. Без своего вождя мятежники ничего не сделают.

— Ты уверен, что готов подвергнуть свой режим испытанию так скоро?

— Либо так, либо ждать, пока твоя партия наберет силу. Я выбрал более быстрый путь. Я никогда не мог так долго ждать, как ты, Мэллори.

— Ну, к утру ты будешь знать.

— Так быстро, да? — Прикрытые тяжелыми веками глаза Косло не отрывались от бликов света. — К утру я многое узнаю. Ты понимаешь, что лично твое положение безнадежно.

Он перевел взгляд на стул.

— Другими словами, мне следует тебе все продать в обмен на что? Еще одно твое обещание?

— Альтернатива — этот стул, — сказал Косло категорическим тоном.

— Ты очень доверяешь технике, Косло, больше чем людям. В этом твоя большая слабость.

Косло протянул руку, погладил ровный металл стула.

— Это научный аппарат, сконструированный специально для выполнения особого задания с наименьшими трудностями для меня. Он создает в нервной системе объекта условия, при которых вспоминается абсолютно все, и в то же время способствует звуковому выражению воспоминаний. Кроме того, объект также начинает подчиняться командам. Он помолчал. — Если ты будешь сопротивляться, он разрушит твой мозг, но не раньше, чем ты скажешь мне все: имена, места, числа, планы операций — все. Для нас обоих будет проще, если ты смиришься с неизбежностью и расскажешь мне добровольно все, что мне хочется знать.

— И после того, как ты получишь информацию?..

— Ты знаешь, что мой режим не может мириться с оппозицией. Чем более полными будут сведения, тем меньше крови потребуется.

Мэллори пожал плечами, покачал головой.

— Нет, — сказал он жестко.

— Не будь дураком, Мэллори! Это не проверка на прочность.

— Наверное, все-таки это проверка: человек против машины.

Глаза Косло впились в него. Он сделал быстрый жест рукой.

— Привяжите его.

Сидя на стуле, Мэллори чувствовал, как холодный металл вытягивает тепло из его тела. Ремни стягивали его руки, ноги, грудь. Широкое кольцо из проволоки и пластика крепко прижало его череп к подголовнику. Фей Косло наблюдал за происходившим из угла комнаты.

— Готово, ваше превосходительство, — доложил техник.

— Продолжайте.

Мэллори напрягся. Ненормальное возбуждение свело его желудок. Он слышал об этом стуле, о его способности прочесывать человеческий мозг, выпотрошить его, превратив человека в болтливого идиота.

— Только свободное общество, — подумал он, — может создать технологию, которая делает тиранию возможной...

Он видел, как одетый в белый комбинезон техник прикоснулся к панели управления. Оставалась только одна надежда: если бы он смог сопротивляться силе машины, затянуть допрос, задержать Косло до рассвета...

Усыпанные иглами зажимы впились в виски Мэллори. Мгновенно его мозг наполнился мечущимися бредо-

выми образами. Он почувствовал, как его горло сжалось от подавляемого стога. Чьи-то сильные пальцы вцепились в его мозг, перебирая старые воспоминания, вскрывая затянутые временем раны. Откуда-то до него донесся голос, задававший вопросы. Слова дрожали в его горле, стремясь вырваться наружу.

Я должен сопротивляться! Мысль промелькнула у него в голове и исчезла, унесенная волной зондирующих импульсов, которые хлынули в его мозг.

Я должен держаться... достаточно долго... чтобы дать другим возможность...

На панели управления корабля Ри мигали слабые огни.

— Я/мы чувствуем новый разум — передатчик большой мощности, — внезапно объявили Перцепторы. — Но образы беспорядочны. Я/мы ощущаем борьбу, сопротивление...

— УСТАНОВИМ ТЕСНУЮ СВЯЗЬ, — приказал Эгон. ИСПОЛЬЗОВАТЬ УЗКИЙ ФОКУС И ИЗВЛЕЧЬ РАЗУМ.

— Это трудно; я/мы чувствуем мощные нервные токи, не гармонирующие с основными ритмами мозга.

ПОДАВИТЬ ИХ!

И снова мозг Ри пошел на контакт, внедрился в сложную матрицу, мозг Мэллори, и начал старательно выявлять и усиливать его собственные элементы, давая им возможность сложиться в природную мозаику своей личности, свободную от чуждых ей контримпульсов.

Лицо техника стало бледнее мела, когда тело Мэллори окаменело под ремнями.

— Идиот! — голос Косло ударил его, как кнутом. — Если он умрет до того, как заговорит...

— Он... он оказывает сильное сопротивление, ваше превосходительство. — Глаза техника изучали шкалы приборов. — Ритмы от альфы до дельты нормальные, хотя и увеличенные, — пробормотал он. — Индекс метаболизма — девяносто девять...

Тело Мэллори дернулось. Он сначала открыл, потом закрыл глаза, его губы зашевелились.

— Почему он не говорит? — рявкнул Косло.

— Ваше превосходительство, возможно, потребуется несколько секунд, чтобы настроить потоки энергии на десятикратный резонанс...

— Тогда займись этим! Арестовав этого человека, я слишком многим рисковал, чтобы теперь потерять его.

Раскаленные сильные пальцы протянулись от стула по нервным каналам мозга Мэллори — и встретили непреодолимое

сопротивление Ри. В результате столкновения излученное самосознание Мэллори металось, как лист во время бури.

— Борись!

Остаток подконтрольного ему интеллекта сжался...

... И был схвачен, заключен в капсулу, унесен куда-то вверх.

Мэллори чувствовал, что летит сквозь клубящийся белый туман, пронизываемый вспышками и полосами красного, синего, фиолетового. Он ощущал давление огромных сил, которые бросали его то в одну, то в другую сторону, вытягивали его мозг, как гибкую проволоку, пока он не пересек всю Галактику. Проволока стала утолщаться, превратилась в диафрагму, которая разделила вселенную на две части. Плоскость приобрела толщину, разбухла, охватила все пространство/время. Обессиленный, издалека он чувствовал перемещение энергий, которые рыскали в поисках добычи прямо за непреодолимым силовым полем...

Сфера, в которую он был заточен, сжалась, сдавила его, направила его сознание по узкому, как игла, пути. Он знал, не зная, откуда, что заперт в комнате без воздуха, сжимавшейся, вызывавшей клаустрофобию, лишенный каких бы то ни было звуков и ощущений. Он вздохнул, чтобы закричать...

Но вдоха не последовало. Только слабый приступ ужаса, быстро исчезнувший, словно остановленный чьей-то рукой. В темноте, в одиночестве, Мэллори ждал, все его чувства были обострены, контролируя окружавшую его темноту...

— Он у нас! — издали импульс Перцепторы.

В центре комнаты в ловушке с мозгом пульсировали потоки энергии, удерживающие и контролирующие захваченный образец.

— ПРОВЕРКА НАЧНЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО. — Эгон не обращал внимания на импульс вопросов от сегментов мозга, отвечающих за размышления. — ПРИМЕНИТЬ ИСХОДНЫЕ СТИМУЛЫ, ЗАПИСАТЬ РЕЗУЛЬТАТЫ. ПРИСТУПАЙТЕ!

... Он вдруг почувствовал слабое мерцание света в другом конце комнаты: контур окна. Он моргнул, приподнялся. Под ним скрипнули пружины кровати. Он принюхался. В тяжелом воздухе ощущался запах дыма. Казалось, он находился в комнате дешевой гостиницы. Он не помнил, как попал сюда. Он отбросил грубое одеяло и коснулся босыми ногами покоробившихся досок пола...

Доски были горячими.

Он вскочил, побежал к двери, схватился за ручку и отдернул руку. Металл обжег ему ладонь.

Он побежал к окну, отодвинул в сторону заскорузлые от грязи тюлевые занавески, открыл задвижку, потянул за раму. Она не сдвинулась с места. Он сделал шаг назад, вышиб ногой стекло. Мгновенно клубы дыма ворвались в разбитое окно. Обернув занавеской руку, он выбил осколки, перебросил ногу через подоконник, нащупал пожарную лестницу. Ржавый металл врезался в его босые ступни. На ощупь он проделал вниз пять шагов и бросился назад, когда снизу взвился красный клык пламени.

Поверх перил он увидел улицу, пятно света на мрачно-сером асфальте десятью этажами ниже, белые лица, маленькие, как точки, обращенные вверх. В сотне футов от него раскачивалась раздвижная лестница, ведущая к другому крылу охваченного огнем здания. Он чувствовал себя брошенным, покинутым. Ничто не могло спасти его. Внизу под ним железная лестница была сплошным адом.

Было легче, быстрее перемахнуть через поручни, убежать от боли, просто умереть, — мысль пронеслась в его голове с ужасающей ясностью.

Послышался звон разбитого стекла, и над ним вылетело окно. На его спину пролился дождь обжигающих осколков. Железо жгло ноги. Он вдохнул побольше воздуха, прикрыл лицо рукой и нырнул в бесновавшееся пламя.

Он полз, чуть не падая с жестких металлических перекладин, преодолевая выступы. Боль во всем теле. Он взглянул на свою руку: ободранная, кровоточащая, обгоревшая...

Руки и ноги больше не принадлежали ему. Помогая себе коленями и локтями, он перекатился еще через один выступ, соскользнул на следующую площадку. Лица уже были ближе, руки тянулись к нему. Он с трудом поднялся на ноги, почувствовал, как последние секции лестницы подались вниз под его весом. Он представлял собой пятно красного цвета. Он почувствовал, как покрытая волдырями кожа сползает с его тела. Закричала женщина.

— О, Господи, сгорел живьем, и все еще ходит! — отрывисто сказал кто-то тонким голосом.

— Его руки... пальцев нет...

Что-то поднялось, ударило его, призрачный удар в момент, когда над ним сомкнулась темнота.

Реакция индивидуума была ненормальной — сообщили Анализаторы. — Стремление к выживанию огромное. Столкнувшись с очевидной неизбежностью физического

уничтожения, он предпочел агонию и увечья спокойному доживанию в течение короткого времени.

Существует вероятность того, что такая реакция представляет собой чисто инстинктивный механизм необычной формы, — указали Анализаторы. — Если так, это может оказаться опасным. Требуется больше данных по этому пункту.

Я/МЫ ИСПОЛЬЗУЕМ НОВЫЕ СТИМУЛЫ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБЪЕКТУ, — сказал Эгон. — ПАРАМЕТРЫ СТРЕМЛЕНИЯ К ВЫЖИВАНИЮ ДОЛЖНЫ БЫТЬ УСТАНОВЛЕНЫ С БОЛЬШЕЙ ТОЧНОСТЬЮ. ВОЗОБНОВИТЬ ПРОВЕРКУ!

Сидевший на стуле Мэллори стал извиваться и обмяк.

— Ну что?

— Он жив, ваше превосходительство! Но что-то не так! Я не могу довести его до уровня звукового выражения! Он подавляет меня с помощью комплекса своих фантазий!

— Выведи его из этого состояния!

— Ваше превосходительство, я пытался. Но я не могу пробиться к нему. Такое впечатление, что он вытянул энергетические ресурсы стула, и использовал их для того, чтобы усилить свой механизм сопротивления.

— Подавите его!

— Я попытаюсь, но его сила фантастична!

— Тогда мы добавим энергии!

— Это... опасно, ваше превосходительство.

— Не опаснее, чем неудача!

Техник с помрачневшим лицом переключил панель на более высокий уровень энергетического потока, проходящего через мозг Мэллори.

— Объект шевельнулся! — взорвались Перцепторы. — Новый мощный поток энергии в поле мозга! Моя/наша хватка ослабевает...

— **ДЕРЖАТЬ ОБЪЕКТ! НЕМЕДЛЕННО, С МАКСИМАЛЬНОЙ СИЛОЙ ИСПОЛЬЗОВАТЬ НОВЫЕ СТИМУЛЫ!**

Заклоченный отчаянно сопротивлялся принуждению, а тем временем свободный чужеродный мозг сконцентрировал свои силы и с большей энергией ввел новый стимул в находившийся в смятении захваченный разум.

... Горячее солнце жгло спину. Слабый ветерок колыбал высокую траву, растущую на склоне, где укрылся раненый лев. Капли пурпурно-красной крови, висевшие на высоких стеблях, обозначили путь огромного кота. Он должен быть здесь, распростершийся на земле в тени колючего кустарника, его желтые глаза сузились от боли: груди

его разорвана пулей большого калибра. Он ждет, надеясь, что его мучитель придет сюда...

Сердце Мэллори глухо стучало под влажной рубашкой цвета хаки.

Тяжелая винтовка в его руках казалась ему детской — бесполезная игрушка против первобытной ярости зверя. Он сделал шаг, его губы искривились в иронической улыбке. Что он хочет доказать? Если бы он отступил и посидел под деревом, лениво потягивая из фляги, — пока лев не умер бы от потери крови, — а затем пошел бы и нашел тело, то никто бы об этом не узнал. Он сделал еще один шаг. Теперь он решительно шел вперед. В лицо бил холодный ветер. Ноги были легкими, сильными. Он глубоко вздохнул, ощутил сладость весеннего воздуха. Жизнь никогда не была так дорога ему...

Раздался глубокий астматический кашель, и огромный зверь вышел из тени, желтые клыки оскалены, мышцы перекатываются под светло-коричневой шерстью, темная кровь на боку отливает черным...

Лев двинулся вниз по склону, Мэллори уперся ногами в землю, вскинул ружье, прижал его к плечу.

Как в книге, — подумал он с иронией. — Прицельтесь выше грудины, не стреляйте, пока не будете уверены...

Он выстрелил с расстояния в сто футов — как раз, когда животное повернуло налево. Пуля попала в цель где-то за ребрами. Кот остановился, пришел в себя. Ружье дернулось, и снова грохнул выстрел. На месте разъяренной морды вспыхнуло красное пятно... И все равно умиравший хищник шел вперед. Мэллори смахнул пот, заливающий ему глаза, прицелился в плечо животному...

Курок заело. Быстрого взгляда было достаточно, чтобы понять, что в ружье застрял патрон. Не сходя с места, Мэллори подергал его. Тщетно. В последнее мгновение он сделал шаг в сторону, и бросившееся на него чудовище рухнуло в пыль рядом с ним. И вдруг ему в голову пришла мысль, что, если бы Моника наблюдала за ним, сидя в машине у подножья холма, то на этот раз она бы не смеялась...

— Снова комплекс реакций не соответствует какому бы то ни было понятию разумности из моего/нашего опыта, — Ячейки Реколлектора сообщили о парадоксе, который преподнес интеллекту Ри захваченный разум. — Мы имеем дело с личностью, которая стремится к выживанию с не имеющей аналогов мощью, и в то же время идет на риск

крайней категории без необходимости, согласно абстрактному коду поведенческой симметрии.

— Я/мы делаем вывод, что выбранный в качестве образца сегмент личности не является подлинно аналогичной Эгону частью объекта, — предположили Мыслители. — Очевидно, он неполноценен, нежизнеспособен.

— Давайте попробуем выборочно снять контроль с периферийных областей поля мозга, — предложили Перцепторы. — Таким образом мы сможем сильнее сконцентрировать стимулирование на центральной матрице.

— Приведя энергии в соответствие с захваченным мозгом, можно будет управлять его ритмом и получить ключ к полному контролю над ним, — быстро определили Вычислители.

— Такой путь несет в себе риск разрыва матрицы и разрушения образца, — предупредили Анализаторы.

— НА РИСК НЕОБХОДИМО ПОЙТИ!

С беспредельной точностью мозг Ри сузил границы зондирования, подгоняя его по форме под очертания находившегося в боевой готовности мозга Мэллори, подстраиваясь под мощные потоки энергии, идущие от стула.

— Равновесие достигнуто, — наконец сообщили Перцепторы. — Однако оно неустойчиво.

Следующая проверка должна быть проведена с целью обнаружения новых аспектов синдрома выживания объекта, — указали Анализаторы.

Модель стимулирующего воздействия была выдвинута и принята. На борту корабля, вращавшегося на подлунной орбите, мозг Ри еще раз бросился в атаку и коснулся восприимчивого мозга Мэллори...

Вместо темноты появился неясный свет. Внизу под его ногами от сильного грохота задрожали скалы. Сквозь вихрь брызг он увидел плот и маленькую фигурку, которая припала к нему: ребенок, маленькая девочка, возможно, лет девяти, стояла на коленях, вцепившись в плот руками и смотрела на него.

— Папочка!

Высокий, тонкий голос, полный нескрываемого ужаса. Дикое течение швыряло плот из стороны в сторону. Он сделал шаг, поскользнулся, чуть не упал вниз со скользких скал. Ледяная вода бурлила вокруг его ног. В сотне футов ниже по течению река серебристо блестела, скрытая туманной вуалью своего зловещего падения. Он повернулся, вскарабкался назад на берег, побежал вдоль

него. Там, впереди, он увидел выступ скалы. Может быть...

Плот подпрыгивал и, кружась, неся в пятидесяти футах от него. Слишком далеко. Он увидел бледное личико, умоляющие глаза. Его стал охватывать страх, липкий и одуряющий.

Перед глазами возникали картины смерти: его изломанное тело покачивается на волнах ниже водопада, лежит белое, как воск на столе, напудренное и неестественное в обитом атласом ящике, разлагается в кромешной тьме в безразличной сырой земле.

У него задрожали ноги. Он сделал шаг назад.

На мгновение его охватило любопытное ощущение нереальности. Он вспомнил темноту, чувство невыразимой клаустрофобии, лицо, которое склонилось над ним...

Он моргнул — и сквозь брызги, летевшие от речных порогов, его глаза заглянули в глаза обреченного ребенка. Сострадание пронзило его, как боль от удара. Он кашлянул, почувствовал, как чистая, белая злость на самого себя охватывает его, почувствовал презрение к своему страху. Он закрыл глаза и прыгнул далеко вперед, ударился о воду, пошел вниз, всплыл, задыхаясь. Он поплыл к плоту, почувствовал сильный удар, когда течение бросило его на скалу, захлебнулся, когда жестокие брызги стали сечь его лицо. Неважно, — подумал он, — что у него сломаны ребра, что ему не хватает воздуха для дыхания. Важно только добраться до плота, пока тот не доплыл до края, сделать так, чтобы маленькая напуганная душа полетела вниз, в беспредельную темноту, не одна...

— Ваше превосходительство! Мне нужна помощь! — умолял техник мрачного диктатора. — Я подаю в его мозг такое количество энергии, какого достаточно, чтобы убить двух обыкновенных людей, а он все еще сопротивляется! Я готов поклясться, что мгновение назад он на секунду открыл глаза и посмотрел прямо сквозь меня! Я не могу принять на себя ответственность...

— Он... должен... говорить! — проскрежетал Косло. — Держи его! Сломай его! Или я обещаю тебе медленную и ужасную смерть!

Дрожащими руками техник взялся за ручки панели управления.

Сидевший на стуле Мэллори был напряжен, но больше не сопротивлялся путам. Он был похож на человека, который глубоко задумался. Пот, выступивший на его лбу, тонкими струйками стекал по лицу.

— В захваченном объекте опять появились новые потоки энергии, — объявили Перцепторы в тревоге. — Ресурсы его мозга поразительны!

— ПОДСТРОИТЬСЯ ПОД НЕГО! — дал указание Эгон.

— Ресурсы моей/нашей энергии уже исчерпаны, — вmeshались Калькуляторы.

— ВЗЯТЬ ЭНЕРГИЮ СО ВСЕХ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ФУНКЦИЙ! СНИЗИТЬ ЭНЕРГИЮ ЭКРАНИРОВАНИЯ. НАСТАЛ МОМЕНТ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ!

Мозг Ри быстро подчинился.

— Захваченный объект под контролем, — объявил Калькулятор. — Но я/мы указываем на то, что эта связь теперь представляет собой канал возможного нападения.

— НЕОБХОДИМО ПОЙТИ НА РИСК.

— Даже сейчас его мозг старается помешать мне/нам контролировать его.

— ДЕРЖИТЕ ЕГО КРЕПКО!

Мозг Ри отчаянно стремился сохранить контроль над мозгом Мэллори.

Какое-то мгновение он не существовал, затем вдруг появился. Мэллори, — подумал он. — Этот символ представляет я/мы...

Чужеродная мысль стала исчезать. Он поймал ее, удержал символ. Мэллори. Он вспомнил форму своего тела, ощущение черепа, в который был заключен его мозг, восприятие света, звука, цвета — но здесь не было ни звука, ни света. Только замкнутая темнота, непроницаемая, вечная, неизменная...

Где он?

Он вспомнил белую комнату, хриплый голос Косло, стальной стул...

И мощный рев волн, бросавшихся на него...

И тянувшиеся к нему когти гигантского кота...

И жар бесновавшихся языков пламени, облизывавших тело...

Но теперь не было никакой боли, никакого неудобства — никаких ощущений вообще. Значит, это смерть? Сразу же он отбросил эту мысль, как абсурдную.

— Я мыслю — значит, я существую. Я пленник. Где?

Его чувства зашевелились, обследуя пустоту. Он выбрался наружу — и услышал звуки голосов — умолявших, требовавших. Они становились все громче, эхом отдаваясь в беспредельном пространстве.

— ... Говори, черт возьми! Кто твои главные сообщники? На какую поддержку Вооруженных Сил ты

рассчитываешь? Кто из генералов за тебя? Вооружение...? Организация...? Место первых атак?

Посыпавшиеся, как снег, помехи затмили слова, заполнили Вселенную, ослабели. На какое-то мгновение Мэллори почувствовал ремни, врезающиеся в онемевшие мышцы рук, ощутил боль, причиняемую зажимами, впившимися в голову.

... Почувствовал, что плывет, невесомый, в море вспыхивающих и гаснущих энергий. Голова его пошла кругом, он отчаянно старался сохранить равновесие в окружавшем его хаосе. В кружащейся тьме он обнаружил матрицу одного направления, неуловимого, но служащего ориентиром на фоне менявшихся энергетических потоков. Он добрался до нее, схватил...

— Полная разрядка! — объявили Рецепторы всем шести тысячам девятистам тридцати четырем блокам памяти мозга Ри и замерли в шоке. — Захваченный разум цепляется за контакты: мы не можем освободиться!

Пульсируя от невероятного потрясения, вызванного внезапным нападением пленника, чужеродный мозг отдыхал в течение доли секунды, необходимой для восстановления равновесия между сегментами.

— Энергия врага, хотя и является беспрецедентно высокой, недостаточна для того, чтобы нарушить целостность моей/нашей сущности, — с напряжением констатировали Анализаторы. — Но я/ мы должны немедленно отступить!

— НЕТ! Я/МЫ НЕ ИМЕЕМ ДОСТАТОЧНО ДАННЫХ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ОПРАВДАТЬ ОТМЕНУ ФАЗЫ ОДИН, — не согласился Эгон. МЫ ИМЕЕМ ДЕЛО С РАЗУМОМ, РУКОВОДИМЫМ ПРОТИВОРЕЧИВЫМИ ИМПУЛЬСАМИ БОЛЬШОЙ ЭНЕРГИИ. ЭТО ИМЕЕТ ПЕРВОСТЕПЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ. В ЭТОМ КЛЮЧ К ЕГО ПОРАЖЕНИЮ. Я/МЫ ДОЛЖНЫ РАЗРАБОТАТЬ КОМПЛЕКС СТИМУЛИРУЮЩИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ, КОТОРЫЕ СВЕДУТ ОБА ИМПУЛЬСА В СМЕРТЕЛЬНОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ.

Проходили бесценные микросекунды. Сложный мозг спешно зондировал мозг Мэллори в поисках символов, из которых можно было бы создать необходимую форму проверки поведения.

— Готово, — объявили Перцепторы. — Но необходимо указать на то, что ни один разум не может долго оставаться неповрежденным при прямом столкновении этих антагонистических императивов. Должны ли я/мы доводить стимулирование до состояния, из которого нельзя будет выйти?

— ПОДТВЕРЖДАЮ. — Эгон произнес это тоном, не допускавшим возражений. — ПРОВЕРЯТЬ ДО РАЗРУШЕНИЯ.

— Иллюзия, — сказал Мэллори себе. — Меня забросали иллюзиями...

Он почувствовал приближение нового мощного волнового фронта, обрушившегося на него подобно тихоокеанскому валу. Он цепко ухватился за свой слабый ориентир. Но сокрушительный удар отшвырнул его в вертевщуюся тьму. Издалека на него смотрел Инквизитор в маске.

— Боль не смогла стать нашей помощницей, — произнес глухой голос. — Угроза смерти не действует на вас. Но все же есть способ...

Занавес сдвинулся в сторону, за ним стояла Моника, высокая, стройная, трепещуще живая, красивая, как олень. А рядом с ней — ребенок.

— Нет! — закричал он и бросился вперед, но цепи удержали его. Он наблюдал, беспомощный, как грубые руки схватили женщину, стали привычно, небрежно двигаться по ее телу. Другие руки схватили ребенка. Он увидел ужас на детском личике, страх в глазах...

Страх, который он уже видел раньше... Ну, конечно, он видел ее раньше. Ребенок, это ведь его дочь, его бесценное дитя, а изящная женщина... Моника, — поправил он себя.

... Он видел эти глаза, сквозь бурлящий туман, над водопадом...

Нет. Это был сон. Сон, в котором он умер, умер насильственной смертью. А еще был сон, в котором он стоял перед раненым львом, а тот бросился на него...

— Вам не причинят вреда, — казалось, голос Инквизитора доносится с большого расстояния. — Но вы навсегда унесете с собой воспоминание о том, как их живьем разрезали на куски...

Его внимание вернулось к женщине и ребенку. Он увидел, как они сорвали одежду со стройного смуглого тела Моника. Она стояла перед ним обнаженная, но все еще бесстрашная. Но какая польза была теперь от этой смелости? Оковы на ее руках соединялись цепью с крюком, вбитым в сырую каменную стену. Раскаленное железо приблизилось к ее белой плоти. Он увидел, как ее кожа потемнела и пошла волдырями. Железо снова коснулось ее. Она сжалась, закричала...

Женщина закричала.

— О, Господи, спорел живьем, — отрывисто произнес тонкий голос, — а все еще ходит!

Он посмотрел вниз. Ран не было. Кожа была целой. Но на мгновение он вспомнил, как бесновались вокруг него свирепые языки пламени, а он вдыхал их, обжигая легкие...

— Сон, — сказал он вслух. — Мне снится сон. Я должен проснуться!

Он закрыл глаза и тряхнул головой.

— Он покачал головой! — захлебнулся техник. — Ваше превосходительство, это невозможно, но я клянусь, что человек сбрасывает с себя контроль машины!

Косло оттолкнул его в сторону, сам схватил рукоятку контроля, двинул ее вперед. Сидевший на стуле Мэллори напрягся, дыхание его стало хриплым, отрывистым.

— Ваше превосходительство, человек умрет!..

— Пусть умирает! Никто не смеет бросать мне вызов безнаказанно!

— Сузить фокус! — Перцепторы передали команду шести тысячам девятистам тридцати четырем производящим энергию сегментам мозга Ри. — Борьба не может продолжаться долго! Мы почти потеряли пленника...

Зондирующий луч сузился, ножом вошел в бьющееся сердце мозга Мэллори, навязывая ему свои модели...

... Когда к ее слабой хрупкой груди приблизилось длинное лезвие, девочка заплакала. Грубая рука, держащая нож, провела им по нежной, с синеватыми жилками коже почти с любовью. Из неглубокой раны хлынула алая кровь.

— Если ты откроешь мне секреты Братства, то, конечно, твои товарищи по оружию умрут, — монотонно произнес безликий голос Инквизитора. — Но если ты будешь упрям и откажешься помочь нам, твой ребенок и твоя жена испытают на себе все, что сможет изобрести мой гениальный ум.

Он напрягся, пытаясь сбросить цепи.

— Я не скажу тебе, — прохрипел он. — Разве ты не понимаешь, ничто не сравнимо с ужасом. Ничто!...

Ничто из того, что он мог бы сделать, не спасло бы ее. Она вцепилась в плот, обреченная. Но он мог присоединиться к ней... Однако, не на этот раз. Сейчас стальные цепи не пускали его. Он рванулся, слезы ослепили его...

Дым ослепил его. Он посмотрел вниз, увидел обращенные вверх лица. Конечно, легкая смерть была предпочтительнее, чем принесение себя живым в жертву. Но он прикрыл лицо руками и стал спускаться...

— Никогда не предавай свою веру! — голос женщины был чист и звонок, как звук трубы в подземелье.

— Папочка, — застонал ребенок.

— Мы умираем только раз! — закричала женщина.

Плот нырнул вниз в кипящий хаос.

— Говори, черт тебя побери! — в голосе Инквизитора появились новые нотки... Мне нужны имена, места! Кто твои сообщники? Каковы твои планы? Когда начнется восстановление? Какого сигнала они ждут? Где?... Когда?...

Мэллори открыл глаза. Слепящий белый свет, искаженное лицо с вытаращенными глазами, появилось перед ним.

— Ваше превосходительство! Он пришел в себя. Он вырвался...

— Пропустить через него максимум энергии! Заставь его... Заставь его говорить!

— Я... Я боюсь, ваше превосходительство! Мы играем с могущественнейшим орудием во Вселенной — с человеческим мозгом. Кто знает, что мы сейчас создаем...

Косло ударом отбросил техника в сторону, перевел рукоятку, регулирующую силу энергии, в крайнее положение.

... Темнота разлетелась на маленькие блестящие кусочки, которые сложились в очертания комнаты. Перед ним стоял прозрачный человек, в котором он узнал Косло. Он видел, как диктатор повернулся к нему, лицо его искажилось.

— Говори, черт возьми!

Любопытно, но его голос казался призрачным, словно он представлял только один уровень реальности.

— Да, — сказал Мэллори отчетливо. — Я буду говорить.

— А если ты солжешь... — Косло выхватил из кармана своей незамысловатой одежды уродливый пистолет. — Я сам всажу пулю тебе в мозг!

— Моими главными сообщниками в заговоре являются... — начал Мэллори.

По мере того, как он говорил, он отключился — именно это слово пришло ему на ум — от происходившего вокруг. Он осознал, что его голос звучит и звучит, непрерывно сообщая факты, которых так жаждал другой человек. Но в то же время он выбрался наружу, направил энергию, поступающую в него от стула... через огромное расстояние, сжавшееся теперь в не имевшую измерений плоскость.

Он осторожно двинулся дальше, очутился среди странно мерцавших неживых энергий. Он напрягся, обнаружил слабые места, направил туда еще энергии...

Перед ним внезапно возникла круглая комната. Вдоль нее тянулись мигавшие огни. Из тысяч расположенных рядами ячеек червеобразные конструкции вытягивали свои тупые безглазые головы...

— ОН ЗДЕСЬ!

Эгон выкрикнул предупреждение, метнул молнию чистой мозговой энергии вдоль каната контакта, и получил настолько мощный удар в ответ, что он огненным вихрем пронесся через него, обжег и обуглил сложные органические цепи его мозга, оставив после себя дымящуюся дыру в ряде ячеек. Мгновение Мэллори отдышал, ощущая, как потрясение и замешательство охватывают оставшиеся без руководителя мозговые сегменты Ри. Он почувствовал автоматический приказ к самоуничтожению, который проник в них, когда они осознали, что управлявшая сверхсила Эгона исчезла. Он видел, как один блок ввалился и угас. Затем другой...

— Остановиться! — приказал Мэллори. — Я беру контроль над мозговым комплексом на себя. Пусть сегменты соединяются со мной!

Лишенные воли части мозга Ри послушно подчинились.

— Изменить курс, — отдал команду Мэллори.

После необходимых инструкций он удалился по каналу контакта.

— Итак, великий Мэллори сломался.

Косло раскачивался на каблуках, стоя над телом плененного им врага. Он засмеялся.

— Ты долго собирался, но, начав, запел, как голубок. Сейчас я отдам распоряжение, и к рассвету ваш бесполезный бунт превратится в кучу обугленных трупов, сваленных на площади в назидание другим!

Он поднял пистолет.

— Я еще не закончил, — сказал Мэллори. — Заговор уходит гораздо глубже, чем ты думаешь, Косло.

Диктатор провел рукой по своему серому лицу. В его глазах отразилось ужасное напряжение последних часов.

— Тогда говори! — проревел он. — Говори быстро!

Мэллори стал говорить дальше и снова отключился от происходившего, настроил свой мозг в резонанс с поработанным разумом Ри. Через сенсорное устройство корабля он увидел белую планету, растущую перед ним. Он заметил ход звездного судна, заставил его двигаться вдоль длинной параболы, скользя над стратосферой.

Когда корабль был в семидесяти милях над Атлантикой, Мэллори ввел его в верхний туманный слой и снова убавил скорость, почувствовав, как нагрелся корпус.

Он спустил корабль ниже облаков и послал его на большой скорости через побережье. Он сбросил высоту полета до уровня деревьев, осмотрел местность через чувствительные пластины в корпусе.

Он изучал пейзаж внизу довольно долго. Затем вдруг он понял...

— Мэллори, почему ты улыбаешься? — голос Косло звучал хрипло, пистолет был нацелен в голову противника. — Расскажи мне шутку, которая рассмешила обреченного человека, сидящего на стуле, предназначенного для предателей.

— Через мгновение ты все узнаешь... — он вдруг замолчал, услышав раздавшийся снаружи грохот.

Пол качнулся и задрожал, Косло едва удержался на ногах. Дверь распахнулась.

— Ваше превосходительство! Столица атакована!

Человек упал лицом вниз. Мэллори и Косло увидели рану в его спине. Диктатор бросился к Мэллори...

С оглушительным треском одна стена вздулась и ввалилась внутрь. Через дыру появился серебристый аппарат: гладкая, сложная, блестящая, металлическая поверхность торпеда, мягко покоившаяся на пучках лучей белого-голубого цвета. Диктатор поднял пистолет, раздался грохот взрыва. На носу захватчика мигнул розовый свет. Косло сжался и тяжело упал лицом вниз.

Дредноут планеты Ри величиною в двадцать восемь дюймов завис над Мэллори. Из него протянулся луч, прожег контрольную панель стула. Пути упали.

— Я/мы ждем твоей/вашей следующей команды.

Мозг Ри проговорил это беззвучно в почтительной тишине.

Прошло три месяца с тех пор, как референдум вознес Джона Мэллори на пост Премьера Первой Планетной Республики. Он стоял в одной из комнат своих просторных апартаментов в правительственном дворце, неодобрительно глядя на стройную черноволосую женщину, которая горячо говорила ему:

— Джон, я боюсь этой... этой адской машины, которая вечно висит в ожидании твоих приказов.

— Но почему, Моника? Именно эта адская машина, как ты ее называешь, сделала свободные выборы возможными, и даже теперь только она держит старую организацию Косло под контролем.

— Джон, — она схватила его за руку. — С этой штукой, которая всегда ждет твоего сигнала, ты можешь кон-

тролировать всех, все на Земле! Ни одна оппозиция не устоит перед тобой!

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Это неправильно, Джон, чтобы кто-то имел такую власть, даже ты. Ни один человек не должен подвергаться такому испытанию.

Его лицо напряглось.

— Я ее как-то не так использовал?

— Пока нет. Вот почему...

— Ты хочешь сказать, что я это сделаю?

— Ты человек, с недостатками, присущими человеку.

— Я делаю только то, что несет добро людям Земли, — сказал он резко. — Ты что, хочешь, чтобы я добровольно выбросил единственное оружие, которое может защитить нашу с таким трудом добытую победу?

— Но, Джон, кто ты такой, чтобы самому решать, что является добром для людей Земли?

— Я правитель республики...

— И все равно ты только человек. Остановись, пока ты еще человек!

Он изучал ее лицо.

— Тебя возмущает моя победа, не так ли? И что ты предлагаешь мне делать? Уйти в отставку?

— Я хочу, чтобы ты отослал эту машину туда, откуда она прибыла.

Он сдержанно рассмеялся.

— Ты что сошла с ума? Я еще не начал извлекать из нее имеющиеся в ней технические секреты.

— Мы еще не готовы к этим секретам, Джон. Наша цивилизация не готова. Машина уже изменила тебя. В конце концов она просто уничтожит тебя как человека.

— Ерунда. Я полностью контролирую ее. Она словно продолжение моего собственного мозга.

— Джон, пожалуйста, если не ради меня и не ради себя, то хотя бы ради Дианы.

— Какое отношение к этому имеет ребенок?

— Она твоя дочь. Едва ли она видит тебя хоть раз в неделю.

— Это цена, которую ей приходится платить за то, что она — наследница величайшего человека, я хочу сказать, черт возьми, Моника, мои обязанности не позволяют мне потворствовать всем провинциальным обычаям.

— Джон, — голос ее перешел в шепот, в его напряженности чувствовалась боль, — отошли ее отсюда.

— Нет, я не отошлю ее.

Ее лицо побледнело.

— Очень хорошо, Джон. Как ты пожелаешь.

— Да, как я пожелаю.

После того, как она вышла из комнаты, Мэллори долгое время стоял, пристально глядя через высокое окно на крошечный корабль, парящий в голубом воздухе в пятидесяти футах от него, молчаливый, ждущий.

— Мозг Ри, — обратился он к нему. — Проверь комнаты женщины, Моники. У меня есть основания подозревать, что она затевает государственную измену...

Послесловие

Для меня мой собственный рассказ часто бывает так же поучителен, как, я надеюсь, и для читателя.

Я начал с того, что подверг человека предельному испытанию, точно так же, как это делает инженер, прикладывая к балке груз до тех пор, пока она не сломается, проверяя ее на прочность. Именно в связанных с эмоциональным напряжением, ситуациях, мы сталкиваемся с нашими самыми серьезными испытаниями: страх, любовь, гнев заставляют нас проявить свои предельные возможности. Таким образом, канва рассказа сложилась сама собой.

По мере того, как развивался сюжет, стало ясно, что всякая власть, вознамерившаяся подвергнуть человечество проверке, как это сделали Косло и Ри, ставит на чашу весов свою собственную судьбу.

В конце Мэллори обнаруживает подлинную силу человека, используя мощь своих врагов против них самих. В результате победы он обретает не только свободу и здравый ум, но и огромную власть над другими людьми.

И только тогда опасность такой полной победы становится очевидной. Последним испытанием для человека является проверка его способности одержать победу над самим собой.

Это то испытание, которое мы до сих пор не выдерживали.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гонка планет. Роман.	5
<i>Перевод Н.Любимовой.</i>	
Миры Империиума. Роман.	137
<i>Перевод И.Сергеева, Н.Потапенко.</i>	
Обратная сторона времени. Роман.	261
<i>Перевод И.Сергеева, Н.Потапенко.</i>	
Берег Динозавров. Роман.	373
<i>Перевод И.Бестужева, Н.Любимовой.</i>	
Чума. Рассказ.	509
<i>Перевод Н.Любимовой.</i>	
Проверка на прочность. Рассказ.	533
<i>Перевод Н.Любимовой.</i>	

Літературно-художнє видання
Зал слави зарубіжної фантастики

Книга 7

ЛОМЕР Кіт
ГОНКА ПЛАНЕТ
(Російською мовою)

Відповідальний редактор *І.Чудінова*
Редактор *Т.Богдан*
Художники *Б.Тарасенко, Н.Ширяєва*
Коректор *Л.Москвич*

Здано до набору 1.02.93. Підписано до друку 22.03.93. Формат
84х108/32. Папір газетний. Гарнітура Тип Таймс. Друк офсетний.
Умов.-друк.арк. 29,4. Умов.фарб.-відб. 30,78. Обл.-вид.арк. 27,35.
Замовлення № 3-53

МСП «Альтерпрес», 254053 Київ, вул. Артема, 42/7, а/я 29

Київське орендне поліграфічне
підприємство «Книга»
254655, МСП, Київ-53, вул. Артема, 25.

Любителям научной фантастики
МСП "Альтерпресс"
предлагает серию
"Зал славы зарубежной фантастики",
включающую лучшие произведения
писателей всего мира.

Вышли в свет:

книга 1

Э.Р.Берроуз "Марсианские истории"

книга 2

А.Нортон "Галактический почтовый"

книга 3

Л.Брекett "Люди Талисмана"

книга 4

Г.Гаррисон "Смертоносные миры"

книга 5

Э.Р.Берроуз "Марсианские истории"

(продолжение)

книга 6

Ф.Х.Фармер "Плоть"

Находятся в печати:

книга 8

Джон Уиндем "Паутина"

В книге будут представлены наиболее популярные романы английского писателя-фантаста "Паутина", "День триффидов", "Хризалиды", а также повесть "Ступай к муравью" и рассказы. В произведениях автора наряду с острым сюжетом присутствует глубокое осмысление путей развития человечества.

книга 9

Абрахам Меррит "Корабль Иштар"

Сочетание поэтической фантазии, мистики и детективного жанра присуще произведениям А.Меррита. В сборник войдут известные романы "Семь шагов к сатане", "Корабль Иштар", "Дьявольские куклы мадам Менделип".

книга 10

Роберт Сильверберг "Вверх по линии"

Особое место в "Зале славы зарубежной фантастики" занимает всемирно известный американский писатель Роберт Сильверберг. Его творчество будет представлено романами "Ночные крылья", "Прыгуны во времени", "Вверх по линии" и рассказом "Да продлится твой род". Планеты-захватчики, варварское прошлое и космическое будущее нашей планеты, бессмертные расы. Все это на фоне высоких и низменных человеческих чувств.

Готовится к печати
сборник произведений Ф.К.Дика.

Контактные телефоны

441-67-32

441-67-29

244-68-86

PLANET RUN

ГОЛКА ПЛАХЕТ



ALTER
PRESS